

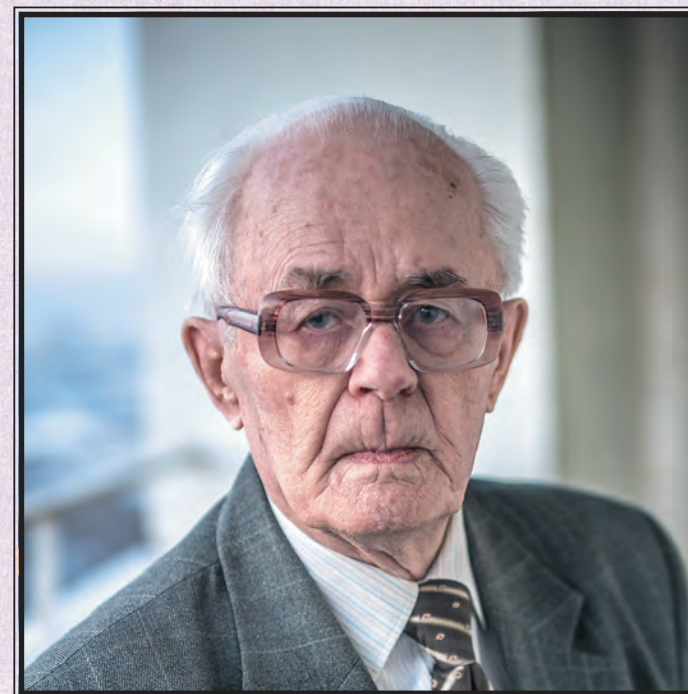
ВЫДАЮЩИЕСЯ
УЧЕНЫЕ
УРАЛА

ДМИТРИЙ ГАВРИЛОВ

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА

ДМИТРИЙ
ГАВРИЛОВ

ISBN 978-5-6046771-4-8

300 лет Российской академии наук

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА

Клуб ЮНЕСКО
«Рубежи»
Член движения
клубов ЮНЕСКО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОТДЕЛЕНИЕ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДМИТРИЙ ГАВРИЛОВ: ПОЛВЕКА В НАУКЕ

ЕКАТЕРИНБУРГ
2022

УДК 929:94
ББК 63.1–81
Д53

**Главная редколлегия серии
«Выдающиеся ученые Урала»:**
академик РАН **В.Н.Чарушин** –
главный редактор
академик РАН **В.Н.Руденко** –
зам. главного редактора
член-корреспондент РАН **А.В.Макаров**
член-корреспондент РАН **И.В.Побережников**
доктор исторических наук **А.В.Сперанский**
кандидат исторических наук **В.Н.Кузнецов**
(ученый секретарь)
доктор экономических наук **Н.И.Перминова**
доктор химических наук **О.А.Кузнецова**

**Попечительский совет серии
«Выдающиеся ученые Урала»:**
губернатор Свердловской области
Е.В.Куйвашев
губернатор Тюменской области **А.В.Моор**
губернатор Курганской области **В.М.Шумков**
губернатор Ямало-Ненецкого
автономного округа **Д.А.Артюхов**
губернатор Ханты-Мансийского
автономного округа **Н.В.Комарова**
первый заместитель губернатора
Челябинской области **И.А.Гехт**
Предприниматель, основатель компании
«Сима-ленд» **А.М.Симановский**

Главный редактор тома:
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации **А.В.Сперанский**

Редакционная коллегия тома:
кандидат исторических наук **В.Н.Кузнецов** – заместитель главного редактора
кандидат исторических наук **С.В.Воробьев** – ученый секретарь
доктор исторических наук **С.В.Голикова**
кандидат исторических наук **Н.Н.Мельников**
кандидат исторических наук **Вас.В.Запарий**
кандидат исторических наук **М.И.Вебер**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **А.В.Трофимов**
доктор исторических наук, профессор **Л.Н.Мартышов**

Рекомендовано к печати Объединенным ученым советом по гуманитарным наукам УрО РАН, Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН, Советом отделения Российского исторического общества в Свердловской области

Д53 Дмитрий Гаврилов: полвека в науке / авт.-сост. А.В.Сперанский, В.Н.Кузнецов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2022 – 400 с., ил. (сер. «Национальное достояние России»: – «Выдающиеся ученые Урала»)

В книге, посвященной заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору Дмитрию Васильевичу Гаврилову (1927–2020), обобщены основные сведения о его жизни, профессиональной, научной и общественной деятельности. Представлены автобиографическая повесть, опубликованная в журнале «Веси» еще при жизни ученого, воспоминания коллег и учеников о совместной работе, публикации о нем и его последние научные труды. Книга снабжена документами, свидетельствующими о выдающемся вкладе Д.В.Гаврилова в исследование российской и мировой истории.

Издание предназначено для всех, кто интересуется историей науки России.

© Уральское отделение Российской академии наук, 2022
© Институт истории и археологии УрО РАН, 2022
© Индивидуальные авторы и составители, 2022
© Российское историческое общество.
Отделение в Свердловской области, 2022
© Т.Е.Богина, художественное оформление, 2022
© Банк культурной информации, оформление, серия,
2022

ISBN 978-5-6046771-4-8

Уважаемые читатели!

Рад представить очередную книгу в серии «Выдающиеся ученые Урала», посвященной 300-летию академии наук России. В ней речь пойдет о старейшем научном сотруднике Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, участнике Великой Отечественной войны, заслуженном деятеле науки Российской Федерации, докторе исторических наук, профессоре, действительном члене Академии военно-исторических наук, члене-корреспонденте Российской экологической академии Дмитрие Васильевиче Гаврилове.

Важно отметить, что, работая в составе отдела истории Института экономики Уральского научного центра, профессор Дмитрий Васильевич Гаврилов принимал активное участие в создании Уральского отделения Академии наук СССР. Вполне понятно, что одним из первых на Урале он был награжден нагрудным знаком «Почетный ветеран УрО РАН».

Дмитрий Васильевич относится к поколению, испытавшему все тяготы военного лихолетья, защитившему страну от фашистской агрессии. Будучи его ярким представителем, он посвятил свою жизнь беззаветному служению Родине, отдавал все силы и знания воспитанию школьников, студентов и молодых ученых. Под его научным руководством подготовлены два доктора и десять кандидатов исторических наук.

Научные интересы профессора Гаврилова были очень разнообразными и охватывали период от XVII столетия до начала XXI века. Как автор более 600 научных публикаций, он был крупным специалистом в изучении социально-экономической истории России, разносторонне развитой личностью, талантливым писателем и ярким педагогом. Являясь профессором Уральского федерального и Уральского государственного педагогического университетов, он внес заметный вклад в развитие высшей школы России.

В предлагаемой книге перед читателем предстанет жизненный путь талантливого ученого-историка, раскроется многогранность его личности. Рекомендую эту книгу всем, кто интересуется историей Отечества и выражаю уверенность, что она будет полезна широкому кругу читателей.

Валерий Чарушин,
вице-президент Российской академии наук,
председатель Уральского отделения РАН,
главный редактор серии «Выдающиеся ученые Урала»

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Перед вами новая книга в серии «Выдающиеся ученые Урала». Она посвящена выдающемуся ученому-историку Дмитрию Васильевичу Гаврилову, внесшему неоценимый вклад в развитие исторической науки на Урале.

До сих пор продолжаются споры о статусе истории: является она наукой или искусством. На протяжении более полувека Д.В.Гаврилов доказывал, что историческая наука – является наукой в полном смысле слова, без оговорок, что она, так же как физика или химия, призвана изучать закономерности, тенденции развития, зависимости; что историк может объяснять историческую реальность; что он не должен ограничиваться описанием и фактографией.

В основе данной позиции – особое видение исторического прошлого, которое окрыляется верой в силу человеческого разума и благоразумия, в мощь имманентно заложенного в человеке стремления к самореализации и самотрансформации, в поступательную непреклонность исторического развития.

Имя Дмитрия Васильевича хорошо известно специалистам по отечественной истории. Он – один из ведущих ученых в области экономической и социальной истории России и Урала XVII–XXI вв., внесший выдающийся вклад в разработку проблем социально-экономического развития, автор и соавтор многих монографий и обобщающих трудов, многочисленных научных статей (более 600 публикаций, в том числе 12 монографий, 4 энциклопедии).

Научные исследования Д.В.Гаврилова характеризуют следующие черты: широкий тематический и хронологический диапазон исследований, включающий в себя историю промышленности, промышленного предпринимательства, индустриализации, урбанизации и города, демографических процессов, социальных отношений и классов, обще-

ственных движений, социокультурного развития, исторической экологии с XVII–XVIII вв. до современности; глубоко уважительное отношение к историческому факту и историческому источнику, признание необходимости обоснования фактическим материалом всех высказываемых положений, источниковая фундированность трудов, насыщенность их фактическим материалом, широкое использование массовых источников и статистических материалов; фокусирование внимания на важнейшие, ключевые проблемы социально-экономической истории Урала и России; обобщающий характер исследований; четко выраженный, обстоятельно обоснованный концептуализм; высокий теоретико-методологический уровень исследований; глубокий аналитизм, стремление выявить глубинные тенденции, закономерности, тренды исторического развития, реконструировать исторические структуры; широкий компаративный подход, предполагающий сопоставление изучаемых процессов с общероссийскими и мировыми историческими процессами с целью выявления общего, особенного, единичного.

Именно данное обстоятельство, глубоко научный и творческий подход автора, позволяет и сейчас сослаться на все его работы, в том числе и вышедшие в 1960–1970-х годах, с полной убежденностью в том, что выводы исследователя обоснованы с помощью большого фактического материала, что факты, на которые он ссылается, тщательно проверены им на предмет их достоверности и репрезентативности.

Всегда поражали и восхищали в Дмитрие Васильевиче его работоспособность, энергия, увлеченность любимым делом – постижением истории, открытость, оптимизм, ясность ума.

Данная книга – не только знак уважения и памяти о Дмитрие Васильевиче Гаврилове как о светлом человеке, неутомимом труженике, оставившем яркий след в науке, хранимый в наших сердцах. Она будет интересна и полезна, в том числе широкому читателю, как опыт реконструкции научной лаборатории незаурядного ученого, поисков научной мысли, а также значимой, героической и сложной исторической эпохи, участником и творцом которой являлся герой этой книги.

Игорь Побережников,
директор Института истории и археологии УрО РАН,
член-корреспондент РАН

Дорогие коллеги!

Эта книга о замечательном российском историке, Заслуженном деятеле науки Российской Федерации, докторе исторических наук, профессоре Д.В.Гаврилове. Собранный на страницах этого издания материал показывает, что ученый, прожив почти 94 года, посвятил большую часть своей жизни подвижнической научной, научно-организационной и педагогической деятельности, обладал исключительной житейской и профессиональной мудростью, позволявшей ему точно определять приоритеты исследовательской работы и эффективно решать поставленные задачи.

Читатель найдет здесь как глубокий историографический анализ творческой деятельности Д.В.Гаврилова, проведенный коллегами по цеху, так и развернутое описание его жизненного пути, сделанное самим ученым в автобиографической повести, полностью включенной в данное издание. Эта повесть человека, оказавшегося в круговерти бурного XX века, прочно связанного с эпохальными событиями, происходившими в России, показывает сложный процесс формирования творческой личности и ее включения в научно-педагогическую среду.

Особый интерес вызывают воспоминания о Д.В.Гаврилове его коллег, учеников, представителей науки и системы высшего образования. В них объективируются его личностные качества не только как одаренного профессионального историка, но и как разносторонне развитого индивида, сочетавшего в себе, помимо врожденного таланта, такие качества, как целеустремленность, настойчивость, уважение к близким, друзьям и коллегам.

Заслуживают внимания научные статьи Дмитрия Васильевича, написанные в последние годы его жизни и подтверждающие то, что научная мысль исследователя не замыкалась в рамках регионального развития, а, вскрывая сущность пертурбаций уральского социума, всегда выходи-

ла на просторы общероссийских и мировых обобщений. Интересны для читателей будут и приложения к книге, представляющие документы о его жизни и деятельности, результатах его научно-исследовательской и педагогической работы.

Думаю, что книга, посвященная известному уральскому ученому-историку Дмитрию Васильевичу Гаврилову, убедительно запечатлевшая его неординарные человеческие и научные грани, станет востребована не только представителями научного мира, но и будет пользоваться спросом у самой широкой читательской аудитории.

Андрей Сперанский,
заведующий Центром политической и социокультурной истории
Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук,
профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный редактор тома

РАЗДЕЛ I. ВЛАСТЕЛИН МИНУВШИХ ЭПОХ

А.В.Сперанский, В.В.Запарий¹

*Памяти профессора, доктора исторических наук,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Дмитрия Васильевича Гаврилова²*

ВВЕДЕНИЕ

Знаменитый французский писатель и драматург Александр Дюма (отец), прославившийся написанием приключенческих романов, с неподдельным интересом относился к истории, черпая из нее многочисленные сюжеты для своих произведений. Огромное уважение высказывал великий француз и по отношению к людям, изучавшим прошлое человечества. Он называл историка «властелином минувших эпох», подчеркивая тем самым значимость профессии, дающей возможность на основе знания о прошлом, понимать настоящее и представлять будущее.

Соглашаясь с замечательным мастером пера в главном, тем не менее уточним, что «властелином минувших эпох» может стать не каждый человек, обратившийся к историческому прошлому. В нашем представлении эту высокую ступень достигают немногие даже среди людей, получивших профессиональное историческое образование. «Властелин минувших эпох» должен обязательно принадлежать к элите исторической науки, к когорте историков, способных не только на эмпирическое описание прошедших событий, но и на их глубокое осмысление, позволяющее с высоты собственного жизненного опыта и приобретенных в течение длительной научно-исследовательской деятельности профессиональных навыков, представить собственное видение истории человечества, доказать логичность и правильность предлагаемых обществу концептуально-теоретических конструктов.

---

¹ Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: avsperegansky@mail.ru

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: vzzap@mail.ru

² Статья впервые опубликована: «История и современное мировоззрение». 2021. № 2. Т. 3. С. 98–106.

По нашему мнению, «властелин минувших эпох» – это не просто историк-профессионал, а выдающийся ученый, приобретший в ходе подвижнического преодоления жизненных преград, самоотверженного постижения окружающей действительности и результативного применения на практике человеческого опыта, как житейскую, так и профессиональную мудрость. Мудрость, которая дает возможность раздвигать пределы накопленных знаний, расширять горизонты выводов и умозаключений, вносить научную новизну в проводимые изыскания.

Разумеется, далеко не каждый ученый обладает способностью «воспарить над историческим фактом» и перейти к широким обобщениям. Преобладающее большинство добросовестных исследователей не становятся «мудрецами от науки», останавливаясь на уровне локальной фрагментарности. Только некоторые из них, опираясь на мудрость, как высшее качество умственных способностей человека, отличающееся высочайшей степенью профессионализма, умеют видеть и представлять социуму историю не как череду событий и фактов, а как панораму исторических процессов, развивавшихся на основе определенных тенденций и закономерностей. К этому небольшому элитному отряду российских историков, отличающихся концептуально-методологическим мышлением и профессиональной мудростью, безусловно относился один из патриархов отечественной истории, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Дмитрий Васильевич Гаврилов.

Совсем недавно научная общественность и все почитатели таланта исследователя отмечали его 90-летие, поздравляя с неординарной биографической датой, наглядно демонстрировавшей жизненный подвиг. Казалось, что большому ученому, находившемуся в хорошей физической и творческой форме, судьба подарит еще «долгие лета» новых изысканий и открытий. Однако коронавирусная трагедия, обрушившаяся на человечество, стала горькой причиной кончины замечательного историка. К глубокому сожалению, 19 декабря 2020 года профессор Д.В.Гаврилов ушел от нас на 94-м году жизни, невольно прервав выполнение ранее задуманных многочисленных творческих планов.

ПУТЬ В «БОЛЬШУЮ НАУКУ»

Оглянувшись на пройденный Дмитрием Васильевичем более чем 90-летний жизненный путь и сосредоточив внимание на его содержательной составляющей, следует безапелляционно заявить о масштабности и выдающемся характере научных достижений ученого. Они наглядно демонстрируют исключительность фигуры Д.В.Гаврилова в российском историческом бомонде, подтвержденную огромным вкладом, внесенным им в историческую науку как на отечественном, так и на мировом уровне.

При этом, следует отметить, что эти неоспоримые научные успехи неразрывно связаны с яркой биографией ученого, насыщенной незабываемыми перипетиями, связанными с историей страны и убедительно доказывающими всю процессуальную сложность получения им

жизненного опыта, приобретения общих и исторических знаний, выработки исследовательских навыков, обращающихся последовательно и закономерно в подлинную ученость как высшую степень профессионализма.

Дмитрий Васильевич Гаврилов родился 17 февраля 1927 года в деревне Озеро Дуванского района Башкирии. Тяжелый крестьянский труд, ставший с детства жизненной основой, укрепил характер будущего ученого и выковал волю для решения поставленных задач. С ранних лет он отличался природной любознательностью и жадой к новым знаниям. В конечном счете именно это стало фундаментом его продвижения вперед. В 1941–1944 годах Д.В.Гаврилов учится в Красноуфимском педагогическом училище и получает учительскую квалификацию. В 1944–1947 годах служит в Красной армии, где берет уроки товарищества, мужества и дисциплины. Приобретенный опыт дает возможность успешно войти в систему школьного образования, позволяет эффективно работать как на учительских, так и административных должностях. С 1947 по 1961 г. Дмитрий Васильевич работает учителем истории, завучем, директором школы в селах Русская Тавра, Сажино, Свердловское, в городе Ревда. В 1947–1951 гг. «без отрыва от производства» он учится на историческом факультете Свердловского государственного педагогического института. Затем поступает в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена, где на протяжении 1957–1961 гг. совершенствует свою профессиональную подготовку и расширяет сферу исторических знаний. «Ленинградские годы» выявили у молодого аспиранта живой интерес к научно-исследовательской работе, способствовали его становлению как ученого-историка. В «северной столице», активно сотрудничая с известными учеными Н.Н.Степановым, Л.Ф.Кожуховым, К.Н.Сербиной, А.З.Вакслером, перспективный исследователь впитал в себя лучшие качества ленинградской исторической школы, давшие возможность укрепить и развить профессиональные навыки, ранее заложенные в ложах уральской школы В.А.Кривоноговым и П.А.Вагиной. В дальнейшем самое серьезное влияние на творческий почерк ученого оказало тесное взаимодействие с представителями московского направления В.И.Бовыкиным и Ю.И.Кирьяновым, признавшими инновационность его изысканий и обеспечившими вхождение талантливого исследователя в «большую науку».

Успехи Д.В.Гаврилова на научно-педагогическом поприще, зиждившиеся на постоянном стремлении к совершенствованию имевшегося потенциала, стимулировали карьерный рост ученого, позволяли ему уверенно подниматься на все более высокие этажи социального лифта. С 1961 года он надежно закрепляется в системе вузовского образования страны, где в течении двадцати лет осуществляет научную и педагогическую деятельность в высших учебных заведениях. В эти годы Д.В.Гаврилов работает в педагогических институтах Шадринска, Липецка и Ульяновска, добросовестно исполняя должностные обязанности старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой. В 1964 году на заседании Ученого совета Ленинградского государственного педагогического института он защищает диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук: «Ра-

бочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в., 1885–1900 гг.» [6; 43, с. 150, 151].

Знаковым событием в жизни Дмитрия Васильевича становится переход в действующие на Урале учреждения Академии наук. В 1981 году он приступает к работе в Отделе истории Института экономики Уральского научного центра АН СССР, а с 1988 года – начинает свой творческий путь в стенах Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Работая в сфере академической науки, ученый с тщательной последовательностью, целеустремленно и эффективно использует свой исследовательский потенциал для достижения новых научных результатов, делая значительные успехи в определенной им области исторических изысканий. При этом Д.В.Гаврилов благополучно продвигается по карьерной лестнице, постепенно занимая должности старшего, ведущего, главного научного сотрудника, руководителя проекта, заведующего сектором.

В этот период исследователь осуществляет деятельное сотрудничество с московским Институтом истории Академии наук, позволившее ему в 1987 году на заседании Ученого совета этого академического учреждения защитить докторскую диссертацию по авторской монографии «Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900. Численность, состав, положение» [11; 12]. Активно разрабатывая актуальные научно-теоретические проблемы, Д.В.Гаврилов продолжает преподавательскую практику в системе высшей школы Урала, личным примером доказывая необходимость тесной интеграции академической науки и вузовского образования. Его лекционные курсы и образовательные практикумы, построенные на основе новейших научных достижений, оказывают эффективное воздействие на профессиональную подготовку студентов-историков, высоко оцениваются преподавателями высших учебных заведений. В 1994 году Дмитрию Васильевичу присваивается ученое звание профессора, являющееся высшим ученым званием образовательной системы Российской Федерации.

Доктор исторических наук, профессор Д.В.Гаврилов является автором более 600 публикаций, охватывающих широкий хронологический период отечественной истории с конца XVII по начало XXI века. Область его научных интересов складывалась на протяжении десятилетий, поэтому ее границы чрезвычайно обширны, а рассматриваемая в этих рамках проблематика чрезвычайно актуальна и содержательна [43, с. 151, 152].

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Для фундаментальных трудов ученого, посвященных приоритетным концептуальным проблемам социально-экономической истории Уральского региона, характерны необъятная эрудиция и смелое новаторство, нетривиальность выводов и обобщений, насыщенность интересным конкретно-историческим материалом, базирующимся на широком использовании архивных документов и статистических данных.

При этом научная мысль исследователя не замыкается в рамках регионального развития, а, вскрывая сущность институционально-политических и индустриально-экономических пертурбаций уральского социума, выходит на просторы общероссийских и мировых обобщений.

Следует отметить и то, что работы Д.В.Гаврилова, анализирующие на основе сравнительно-исторического метода глубинные социально-экономические и общественно-политические процессы, несмотря на научный характер постановки проблем, отличаются логикой изложения, доступны для понимания, снабжены обстоятельным и современным научно-справочным аппаратом.

В исследовательской деятельности Д.В.Гаврилова заметное место отведено изучению революционно-демократического движения на Урале. Эта тема, положившая начало научным изысканиям молодого историка, оставалась предметом его пристального интереса на протяжении всей жизни. В многочисленных публикациях, вызвавших разнообразные отклики в научном сообществе, ученый проделал всесторонний анализ развития народнического движения на Урале в 1870–1880-х гг. Вопреки сложившемуся мнению, на основе введения в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных документов, он по-новому, объективно оценил характер и масштабы революционно-демократического «хождения в народ» на Урале, опроверг неверные положения о якобы невысоком уровне его развития в регионе.

Используя новую источниковую базу, Д.В.Гаврилов наглядно продемонстрировал наличие в конце XIX века на Урале разветвленной сети нелегальных революционных кружков и групп, развернувших масштабную по размаху революционную пропаганду среди интеллигенции, горнозаводского населения и рабочих, убедительно доказав, что наряду с Поволжьем и Доном, Уральский регион представлялся народникам как один из главных центров народного сопротивления ненавистному самодержавию [7; 8; 9; 13; 21].

С присущей ученому основательностью представлена и характеристика рабочего движения в пореформенный период. Глубоко изучив архивные документы и материалы периодической печати, Д.В.Гаврилов демонстрирует его динамику, определяет характер и масштабы, практические формы и специфические особенности. Особое внимание исследователя обращено к процессу генезиса и развития на Урале социал-демократического движения, малоизученному в исторической науке и освещавшемуся в то время, как правило, на основе малодостоверных и субъективных мемуарных источников.

В трудах исследователя, опирающихся на репрезентативную источниковую базу, развернута широкоформатная панорама создания в регионе социал-демократических кружков и групп, проанализированы причины возникновения этих революционных организаций, высказаны объективные оценки их практической деятельности. Кроме того, историк делает достоянием истории огромное количество новых фактов и событий, возвращает незаслуженно забытые имена, знакомит с целым рядом ранее неизвестных персонажей [5; 10; 14; 22; 23].

Целенаправленная научно-исследовательская работа в области изучения рабочего движения на Урале дала возможность Д.В.Гаврилову значительно расширить границы рассматриваемых вопросов, определила потребность анализа всей социально-экономической природы уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период. Погрузившись в эту сложную проблему, ученый на основе проведенных фундаментальных исследований, включавших в себя как развернутую экспериментальную работу, так и глубокий теоретический анализ, сделал важный методологический вывод о том, что характеристика «оригинального строя» Урала должна базироваться не на одном показателе (крепостное право и связанная с ним окружная система), а на всей совокупности исторических, географических, природно-климатических, общественно-политических, юридических, социально-экономических, социокультурных и т.п. признаков.

Определенный исследователем методологический подход позволил доказать капиталистический характер уральской горнозаводской промышленности, постепенно вытеснявшей из своих структур сохранившиеся крепостнические элементы [15].

В рамках этого теоретического утверждения выстроены практически все научные исследования Д.В.Гаврилова, касающиеся развития домонополистического капитализма на Урале в 1861–1900 гг. Наиболее рельефно это прослеживается при анализе ученым процессов формирования в регионе рабочего класса. Используя большой конкретно-исторический и статистический материал, исследователь выявил основополагающие характеристики уральских рабочих (количественные, квалификационные, образовательные, возрастные), изучил численные и качественные трансформации в кадровой структуре пролетариата, проанализировал условия влиявшие на его жизненный уровень.

Эти исследования, оформленные в монографическое издание, защищенное Д.В.Гавриловым в качестве докторской диссертации [11; 12], открыли новое научное направление в изучении истории Уральского региона XIX–XX вв., требующее вводить в научный оборот массовые источники и статистические материалы. Это важнейшее требование в полной мере было реализовано в подготовленной под руководством Д.В.Гаврилова коллективной монографии «История Урала в период капитализма», представляющей фундаментальный труд, последовательно и полно охарактеризовавший экономическое, социальное и социокультурное развитие края в 1861–1917 гг. [40]. Соблюдено оно и в насыщенных интересным архивным материалом четырех главах книги «Екатеринбург: исторические очерки (1723–1998)», написанных историком по вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни столицы Урала [37].

Итоги многолетнего изучения политической, социально-экономической и культурной истории горнозаводского Урала конца XIX – начала XX в. Д.В.Гаврилов обобщает в книгах «Урал в панораме XX века» (глава «Потерянная перспектива. 1901–1914 гг.») и «Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды». На страницах этих изданий ученый на обширной базе архивного материала, впервые извлеченного из цен-

тральных и региональных хранилищ, аргументированно доказывает, что на рубеже XIX–XX вв. Уральский регион вступает в новый этап модернизации, характеризующийся формированием на его территории новой модели экономического развития.

Создание этой инновационной экономической модели объективно приводит к значительным трансформациям техносферы, состава владельцев средств производства, источников инвестирования промышленного сектора. Экономические пертурбации активно воздействуют на общественные отношения, способствуют изменению самосознания, повышению инициативности во всех областях социальных коммуникаций, стимулируют появление новых черт в культурно-бытовой сфере [36; 44].

МЕТАЛЛУРГИЯ КАК ОСНОВА ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Всесторонне рассматривая индустриальный аспект истории Урала, Д.В.Гаврилов самое пристальное внимание обращает на основу промышленного потенциала региона – металлургию. Изучение истории уральских металлургических заводов – старейших промышленных предприятий региона, ведущих свою родословную с XVIII – первой половины XIX вв. – становится важнейшим направлением научной деятельности ученого. В частности, целенаправленно изучая эту проблему, он показал процесс протекания в XVIII–XIX вв. в уральской металлургии промышленной революции («промышленного переворота»), вскрыл ее сущность, определил критерии, хронологические рамки, этапы и особенности развития [20].

Центральное место в исследованиях Д.В.Гаврилова, характеризующих металлургическое производство Уральского региона, занимает написанная совместно с академиком РАН В.В.Алексеевым монография «Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней». В этом фундаментальном труде, признанном не только историками, но и профессиональными металлургами, получившем высокие оценки зарубежных и российских ученых, впервые в исторической науке обобщен исторический опыт развития уральской металлургии, накопленный в течении нескольких столетий.

Широкие хронологические рамки исторического исследования позволили авторам детально рассмотреть сложные и противоречивые процессы организации и трансформации металлургического производства на Урале, проанализировать процедуры совершенствования механизмов его управления. Исследователи с исчерпывающей точностью показали специфику создания техносферы, механизмы ее технико-технологического функционирования, установили источники формирования энергетической и сырьевой базы.

Сильной стороной монографии является и ее концептуально-методологическая основа, базирующаяся на новых трактовках конкретно-исторических и общетеоретических проблем развития металлургии. Дается современная оценка ее места и роли в системе мирохозяйствен-

ных отношений и связей, устанавливаемых в человеческом социуме под воздействием активно развивающихся модернизационных процессов [1].

Важное значение в деле изучения проблем развития уральской промышленности в целом и металлургического производства в частности имеет уникальный труд «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия», подготовленный творческим коллективом, состоящим из научных сотрудников Института истории и археологии УрО РАН, преподавателей вузов и работников промышленных предприятий. Этот фундаментальный свод современных научных знаний, включающий статьи более чем о 300 уральских металлургических заводах, был подготовлен к 300-летию уральской металлургии. Д.В.Гаврилов, являвшийся руководителем рабочей группы, наряду с многоплановой организационной деятельностью по созданию энциклопедии, проделал и огромную научно-исследовательскую работу. В 152 авторских статьях, составивших более 50% содержания не имеющего аналогов в российской и мировой историографии издания, ученый охарактеризовал наиболее крупные и известные металлургические заводы, образованные на территории Урала в XVII в. и продолжающие производственную деятельность в наши дни. Историк со знанием дела отразил техническое оснащение промышленных предприятий, их объемы производства и технико-экономические показатели, масштабы технического и социального прогресса, достигнутые ими в процессе модернизации страны и региона [41].

Большой вклад в изучение промышленного потенциала Урала внесли и статьи, написанные Д.В.Гавриловым для «Уральской исторической энциклопедии». Ряд из них («Буржуазия», «Горная промышленность Урала», «Промышленная революция», «Рабочий класс»), по структурному построению и содержательной основе выходящие за пределы региональной истории, имеют принципиальное значение для понимания индустриальных процессов, развивавшихся не только в России, но и во всем мире [46, с. 101–102, 155–157, 438–440, 448–450].

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПЕРТУРБАЦИИ ВОЙНЫ

Вопросы промышленного развития тесно связаны с задачами сохранения окружающей среды, поэтому научный интерес Д.В.Гаврилова к проблемам экологического состояния территорий, в границах которых располагаются крупные индустриальные объекты, носит вполне закономерный характер. Ученый, ставший одним из основателей научного направления по изучению исторической экологии, первым увидел истоки кризисных явлений в природе Уральская края. В своих историко-экологических работах он провел ретроспективный анализ взаимодействия человека с природой и убедительно доказал, что корень имеющегося сегодня на Урале экологического кризиса стал вызревать еще с XVIII века, когда процесс становления уральского горнопромышленного района обусловил возникновение очагов экологической напряженности [16; 17; 18; 19; 26; 29].

Наиболее рельефно и глубоко проблемы экологии Уральского региона, причины их возникновения и углубления на протяжении нескольких исторических эпох от плейстоцена до наших дней нашли отражение в коллективной монографии «Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале», подготовленной под руководством Д.В.Гаврилова. Это комплексное исследование актуальных экологических проблем имеет как теоретическое, так и практическое значение, ибо на базе ретроспективного анализа дает объективную оценку современной обстановки и позволяет разработать концепцию устойчивого регионального природоохранного развития [39].

Заметный след оставил исследователь в области изучения военной истории России. В его трудах показана роль Урала в Русско-Японской, Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войнах, дается развернутая характеристика становления и функционирования военного производства, формирования и участия в боях уральских воинских подразделений. Особый акцент делается на создании уральского военно-промышленного комплекса в годы Великой Отечественной войны, подчеркивается значение геополитического фактора в процессе превращения региона в военно-экономический арсенал страны [2; 3; 4; 32].

Следует отметить, что разрабатывая военную проблематику, Д.В.Гаврилов не ограничивается только региональными рамками. Ряд его исследований выходит на уровень общероссийского и мирового осмысления происходивших в военный период событий. Ученый предлагает собственную оценку деятельности военачальников, анализирует военно-стратегические планы воюющих сторон, обращается к причинам побед и урокам поражений [27; 28; 30; 33; 34; 35].

Резонансный характер носят публикации Д.В.Гаврилова, направленные против фальсификации военных событий и очернения подвига народов России в период Великой Отечественной войны. Основываясь на документальном материале, извлеченном из архивных хранилищ, он аргументированно разбивает бездоказательные теории зарубежных и доморощенных псевдоисториков, использующих двойные стандарты для конъюнктурного «промывания мозгов» [24; 25].

ПОСЛЕДНИЙ ТРУД: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Последним фундаментальным историческим произведением Д.В.Гаврилова стала изданная в 2018 году монография «Горнозаводский Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия – к конфронтации». Книга, над которой ученый работал в течение нескольких лет, подвела итог его всесторонним исследованиям экономической и социальной истории Уральского региона второй половины XIX – начала XX вв. В процессе подготовки издания исследователь провел масштабную научно-поисковую работу как в федеральных, так и местных архивах, тщательно изучив сотни архивных фондов с документами органов государственной власти, управлявших горнозаводской промышленностью, земского самоуправления, заводских контор и правлений горных округов. Ему удалось выявить уникальные архив-

ные материалы о производственной деятельности уральских заводов, их финансово-экономическом положении, о непростых взаимоотношениях властей, владельцев заводов и рабочих в период между Великими реформами Александра II и революцией 1905–1907 гг.

Проанализировав собранные исторические источники, Д.В.Гаврилов разработал собственную периодизацию рабочего движения на Урале, в которой выделил 4 этапа: 1) 1860-е гг. – стихийные выступления рабочих, недовольных тяжелым экономическим положением; 2) 1870 – начало 1880-х гг. – пропаганда революционных народников среди рабочих и формирование организованных форм рабочего движения; 3) 1885–1894 гг. – зарождение социал-демократических групп и начало массовых стачек рабочих; 4) 1895–1900 гг. – возникновение массового рабочего движения, приведшего в конечном итоге к революции.

Важным достоинством монографии является тщательно подобранный автором иллюстративный ряд, включающий в себя многочисленные раритетные фотографии заводов и заводских поселков Урала второй половины XIX – начала XX вв. Этот яркий визуальный ряд, дополняющий логично изложенный и хорошо аргументированный исторический текст, отразивший особенности развития уральской промышленности в пореформенный период и обосновавший социально-экономические предпосылки русских революций, сделали книгу Д.В.Гаврилова доступной и интересной не только узкому кругу профессиональных ученых и краеведов, но и обычному читателю, решившему пополнить знания об истории своей страны [31].

Большой интерес для исторической науки долгие годы представляет проводимая Д.В.Гавриловым научно-исследовательская работа, связанная с выявлением роли и значимости металлургического производства в мировом техническом прогрессе. Ученый, кропотливо собирая архивные документы и опубликованные материалы, анализировал процессы создания, трансформации и модернизации металлургии промышленно развитых стран мира в контексте исторической и социально-экономической перспективы, обобщал исторический опыт формирования ее материально-технической базы в XVI – начале XX вв.

Основной акцент в исследованиях, проводимых историком, делался на совершенствовании технико-технологических основ производства металлов, обеспечении сырьевыми ресурсами, формировании и функционировании социально-политических, экономических и организационных механизмов управления и подготовки кадров. Ученый отмечал региональные и отраслевые особенности развития металлургии со времени появления доменного производства до наших дней, стремился к отражению роли России в развитии мировой металлургии. К сожалению, Д.В.Гаврилов не успел завершить задуманную монографию, и большинство накопленного, обобщенного и проанализированного им по этой проблематике материала сохранилось только в виде рукописного наследия. Оно, вне всякого сомнения, требует дальнейшего научного осмысления и серьезной работы, направленной на доведение материа-

лов, оставленных выдающимся специалистом по истории мировой металлургии, до печатного варианта.

ОРГАНИЗАТОР НАУКИ И ПЕДАГОГ

Успешной творческой деятельности Д.В.Гаврилова всегда сопутствовала его самоотверженная и результативная научно-организационная работа. Историк много раз руководил авторскими коллективами и проблемно-тематическими блоками различных энциклопедических изданий [38; 41; 45; 46], был ответственным редактором и входил в редакционные коллегии многочисленных коллективных монографий и сборников научных статей [2; 3; 4; 39; 40; 42].

Существенный вклад в развитие исторической науки был осуществлен Д.В.Гавриловым при организации им многочисленных конференций, симпозиумов и конгрессов, где личное участие ученого в значительной мере стимулировало актуальность и глубину заявленных проблем. Не менее заметна его лепта в разработке фундаментальных научно-исследовательских проектов, обеспечивавших постановку ранее малоизученных вопросов и их инновационное решение в свете современных концептуально-методологических подходов в изучении региональной, общероссийской и мировой истории.

Одним из наиболее значимых результатов этой деятельности историка стали зарубежные публикации, осуществленные в рамках российско-шведского проекта «Железоделательное производство в России и Швеции: сравнительный анализ». Ряд монографий, вышедших на английском языке в Швеции (Упсала, 1993) и Англии (Оксфорд, 1998), касающихся проблем раннеиндустриального развития Швеции и России, анализирующих железоделательное производство в этих странах, вызвал широкий резонанс в научном мире, дал серьезный импульс для дальнейшего всестороннего изучения обозначенной проблематики [47; 48].

Многогранная деятельность замечательного ученого охватывала и педагогическую сферу. Он много раз избирался профессором Уральского государственного педагогического и Уральского федерального университетов. Работая на кафедрах истории России (УрГПУ) и истории науки и техники (УрФУ), Дмитрий Васильевич, благодаря своему педагогическому дару, лекторскому таланту, глубокому содержанию и новаторству проводимых занятий, был востребован, уважаем и любим как в студенческой аудитории, так и в среде профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Обширные знания ученого и мастерство педагога дали возможность Д.В.Гаврилову успешно готовить научные кадры. Всемерно вооруженные им теоретическими познаниями и навыками экспериментально-исследовательской работы, 10 кандидатов и 2 доктора наук, уверенно пополнили ряды отечественных историков высшей квалификации [43, с. 152].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самоотверженная, целеустремленная и эффективная деятельность Заслуженного деятеля науки Российской Федерации (2001), лауреата престижных научных премий имени В.Н.Татищева, Г.В. де Геннина (1999) и П.И.Рычкова (2003), доктора исторических наук, профессора Дмитрия Васильевича Гаврилова в сфере академической науки и высшего образования обеспечила ему непререкаемый авторитет в научно-педагогической среде, утвердила ценность его выводов и умозаключений для дальнейшего развития как отечественной, так и мировой исторической науки.

Ученый, покинувший земной мир, лишил нас возможности личного общения, некогда создававшего удивительную атмосферу прямого соприкосновения с одним из ярчайших представителей подлинной науки. Но, уйдя в вечность, он оставил нам богатое наследие научных сочинений, позволяющих продолжать движение вперед в процессе понимания и объяснения всех хитросплетений истории, являющейся, по меткому выражению великого испанского писателя Мигеля Сервантеса, «сокровищницей наших деяний, свидетельницей прошлого, примером и поучением для настоящего, предостережением для будущего».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
2. Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: Баско, 2005. 256 с.
3. Военная история как фактор патриотического воспитания / Под ред. А.В.Сперанского Екатеринбург: СВ-96, 2013. 334 с.
4. Военная история Урала. События и люди / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: Сократ, 2008. 320 с.
5. Гаврилов Д.В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в., 1885–1900 // Ученые записки Шадринского педагогического института. Вып. 7. Курган, 1963. С. 5–118.
6. Гаврилов Д.В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX века, 1885–1900 гг. (По материалам Пермской губернии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1963. 17 с.
7. Гаврилов Д.В. О некоторых вопросах народнического движения на Урале // Вопросы истории Урала. Ученые записки Пермского государственного университета. № 158. Пермь, 1966. С. 212–220.
8. Гаврилов Д.В. Об идейно-политической платформе уральских народнических кружков конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. // Революционное и общественное движение в России XIX в. Воронеж, 1968. С. 70–74.
9. Гаврилов Д.В. Освободительное движение на Урале в разночинский, или буржуазно-демократический период 1861–1895 годов // Некоторые вопросы социально-экономической истории России. Воронеж, 1970. С. 90–127.
10. Гаврилов Д.В. Некоторые вопросы источниковедческого анализа документов по истории рабочего и социал-демократического движения на Южном Урале в конце XIX века // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 61–69.
11. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение). М.: Наука, 1985. 303 с.
12. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1986. 48 с.

13. Гаврилов Д.В. Общественно-политическое движение на Урале в 60–90-е годы XIX в. Либеральное народничество // История Урала в период капитализма. Глава IV. М.: Наука, 1990. С. 183–186.

14. Гаврилов Д.В. О новых подходах к оценке источниковой базы по истории раннего этапа социал-демократического движения // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С. 97–99.

15. Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма, 1861–1917 гг.: методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма. 1861–1917 гг. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 42–75.

16. Гаврилов Д.В. Экологические проблемы Уральского горнопромышленного региона в конце XIX – начале XX вв. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 89–121.

17. Гаврилов Д.В. Индустриальная культура и экология горнозаводского Урала, XVIII – начало XX вв. // Культурное достояние Урала и Сибири. Екатеринбург, 1995. С. 87–88.

18. Гаврилов Д.В. Экологические катаклизмы Урала: краткий экскурс в историю // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996. С. 23–27.

19. Гаврилов Д.В. Экологическая ситуация на Урале в контексте стратегии национальной безопасности // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Екатеринбург, 1999. С. 123–127.

20. Гаврилов Д.В. Промышленная революция // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и дополненное. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 438–440.

21. Гаврилов Д.В. Народничество // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 378–380.

22. Гаврилов Д.В. Екатеринбургская «Группа социал-демократов на Урале» // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 177–178.

23. Гаврилов Д.В. Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 602–603.

24. Гаврилов Д.В. Анатомия «промывания мозгов» // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 43–46.

25. Гаврилов Д.В. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 3–9.

26. Гаврилов Д.В. Экологическая устойчивость лесных ландшафтов Урала в панораме трех столетий (начало XVIII – начало XXI вв.). // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Т. 1. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрФУ. 2014. С. 55–62.

27. Гаврилов Д.В. Малоизвестные страницы истории: развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 2 (3). С. 4–19.

28. Гаврилов Д.В. Изучение и использование советскими военачальниками в сентябре 1939 – июне 1941 гг. опыта войны в Западной Европе // Маршал Победы в военной истории России. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. С. 55–61.

29. Гаврилов Д.В. Роль Урала в создании и развитии отечественной радиоэкологии // Глобальная ядерная безопасность. 2017. № 3 (24). С. 119–130.

30. Гаврилов Д.В. Стратегические успехи российской внешней разведки на австро-венгерском направлении накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Органы государственной безопасности на защите Отечества. Екатеринбург: Сократ, 2018. С. 86–93.

31. Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал в 1861–1900 гг.: власти, заводладельцы, рабочие – от согласия к конфронтации. СПб.: Нестор-история, 2018. 464 с.

32. Гаврилов Д.В. Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании Гражданской войны 1918–1920 гг. в России // История и современное мировоззрение. Т. 1. 2019. № 2. С. 34–40.

33. Гаврилов Д.В. Блицкриг – грандиозная авантюра Гитлера // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Ч. 1. Екатеринбург, 2020. С. 129–140.

34. Гаврилов Д.В. Уроки 1941 года: проблема изучения опыта войн вероятных противников // Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность. 12-е военно-исторические чтения. Екатеринбург: Сократ, 2020. С. 171–178.
35. Гаврилов Д.В., Иванов Г.А. Маршал Советского Союза Ф.И.Голиков – оболганный военачальник Великой Отечественной войны // XVIII Зырянские чтения. Курган, 2020. С.
36. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 616 с.
37. Екатеринбург: исторические очерки (1723–1998 гг.) / Под ред. С.П.Постникова. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 228 с.
38. Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 728 с.
39. Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале // Под ред. Д.В.Гаврилова. Екатеринбург, 1997. 149 с.
40. История Урала в период капитализма / Под ред. Д.В.Гаврилова. М.: Наука, 1990. 303 с.
41. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001. 536 с.
42. Промышленность и рабочие Урала в период капитализма, 1861–1917 гг. / Под ред. Д.В.Гаврилова. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 149 с.
43. Сперанский А.В. Путь в науку: «Мудрость – родная мать счастья» // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 150–152.
44. Урал в панораме XX века / Под ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 496 с.
45. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 1-е. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 624 с.
46. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и дополненное. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 640 с.
47. Ironmaking in Sweden and Russia: A survey of the social organisation of iron production before 1900. – Uppsala: Distribution Historiska institutionen, 1993. 121 p.
48. Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900. – Oxford: Berghahn Books, 1998. 356 p.

РАЗДЕЛ II. В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА³

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой подлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.*

А.С.Кушнер.

*Мы – дети страшных лет России –
Забить не в силах ничего.*

А.Блок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние два с половиной десятилетия, с переменой в стране общественно-политического строя, провозглашением приоритета «общечеловеческих ценностей», первенства личных интересов над общественными, в средствах массовой информации, литературе, искусстве развернулось насаждение психологии индивидуализма. В общественном сознании произошел сдвиг в пользу выделения своей личности, противопоставления интересов отдельной личности интересам общества, резко возрос интерес к родословным, к генеалогии, к сочинению своих жизнеописаний.

Тысячи российских граждан начали расспрашивать и записывать рассказы родителей, дедов и бабушек об их происхождении и прошлой жизни, бросились в библиотеки и архивы в поисках сведений о своих предках. Немало любителей старины и дилетантов, ссылаясь на туманные рассказы родственников или найденные в архивах упоминания своих фамилий, относящиеся неизвестно к кому, стали называть себя дворянами, графами, баронами, князьями, пытаясь повысить этим свой общественный статус. Появились почти легально действующие общества, продающие «дипломы» дворян, графов, баронов, князей.

Лавинообразно растет число исторических исследований, посвященных повседневности, объектом внимания которых является, как утверждают исследователи, изучение обычных, «простых» людей, «устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и

³ Автобиографическая повесть Д.В.Гаврилова впервые опубликована: журнал «Веси». 2016. №№ 6–9; 2017. №№ 1, 2, 4, 5.

сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее».

Сторонники этого направления считают, что «история повседневности» позволяет выявить скрытые, невидимые пласты коллективного сознания, показать существующие общественные отношения мета- и макроуровня, противопоставляют ее общепринятой, обычной историографии, «свертывающей широкую историческую панораму в узкий диапазон ведущих тенденций», занятой созданием «псевдонормативных образцов и типов», страдающей «ограниченностью и тенденциозностью», «дисбалансами», «частой сменой своих идеологов».

Среди историков происходит переосмысление методологического инструментария, ведется поиск новых парадигм гуманитарного мышления. В последние годы информационные ресурсы исторической науки заметно возросли за счет увеличившегося потока источников личного происхождения, которые прежде недооценивались, считались второстепенными, малопригодными для использования в исторических трудах. Сейчас отношение к ним изменилось на противоположное. Сторонники истории повседневности не только стали перемещать источники личного происхождения с периферии во главу своих интерпретаций, но и пытаются создать на их основе «новое», «более глубокое» понимание исторических событий.

Это большое преувеличение. Источники личного происхождения, единичные, отражающие личные взгляды, интересы, вкусы, пристрастия их авторов, ввиду своего субъективного характера и односторонности, не могут дать полного, всестороннего, объективного представления об изучаемых событиях и поэтому всегда требуют проверки и уточнения, дополнения сведениями из других источников.

Тем не менее, источники личного происхождения, несомненно, являются ценными, а иногда просто незаменимыми. Нередко они содержат свидетельства очевидцев и участников событий, не отраженные в других источниках. Источники личного происхождения имеют еще одно достоинство – в них через призму личного восприятия отражена существующая эпоха. Жизненный путь любого человека, оказавшегося в круговерти бурного XX века, был прочно связан с эпохальными событиями, происходившими в государстве, определялся политическими, экономическими и социокультурными условиями окружающей среды.

В своей повести автор предлагает читателю на примере многодетной семьи простого крестьянина, а затем рабочего совхоза проследить исторические процессы, происходившие в стране в описываемое в ней время. Это семья не каких-нибудь знатных людей царской империи, видных административных или культурных деятелей советского времени, а «простых», ничем не выдающихся людей, помимо своей воли попавшая в водоворот, в круговерть XX века.

Автор надеется, что его повесть будет полезна всем занимающимся историей 1930–1940-х гг. Например, о коллективизации, ссылке кулаков написаны горы всевозможных работ, художественных произведений и т.д. А вот об «очистке» в 1931 г. местностей от «белогвардейско-кулацких элементов» и ссылке их в Сибирь, которая захватила десятки тысяч

людей и свидетелем которой был автор, в нашей литературе имеются лишь беглые упоминания. Возможно, прочитав повесть, кто-нибудь из историков возьмется исследовать эту массовую акцию.

Ссылка в Сибирь в 1931 г. «неблагонадежных элементов», признанных «социально опасными», сопровождалась обычными в то время «перегибами». Помимо агрессивно настроенных против Советской власти людей, под «очистку» попали ни в чем не повинные, и власти постепенно начали их восстанавливать в правах, освобождать из ссылки. Однако в нашей литературе об этом не сообщается, историки до сих пор не проявили к этой теме интереса, архивные документы об этой операции ОГПУ НКВД остаются засекреченными.

По официальной статистике, лишь в Западно-Сибирском крае только в 1934–1940 гг. было освобождено из ссылки как «неправильно высланных» 33 тыс. чел. Это не так уж мало. По крайней мере, это 15–20 эшелонов людей, которых, даже не принимая во внимание испытанных ими лишений, за счет государства напрасно свозили в Сибирь.

Автор, находясь в 1932–1933 гг. в местности, официально считавшейся охваченной голодом, не может подтвердить массового вымирания в эти годы населения от голода. Размеры голода в стране в эти годы явно завышены и раздуты политиками и политизированными историками.

Историкам будут интересны воспоминания автора об отголосках в сельской глубинке от массовых репрессий – «Большой чистки», «Большого террора» 1937 г. В основу повести положены воспоминания автора и членов его семьи, некоторых очевидцев. Там, где это оказалось возможным, приведены имевшиеся под рукой автора подлинные документы.

Главные события, о которых рассказывается в повести, произошли, когда автору было четыре-пять лет. У читателя могут возникнуть сомнения, мог ли что-нибудь запомнить мальчик такого возраста. Да, мог, и очень многое. Впечатлительный и любознательный мальчик оказался свидетелем и участником чрезвычайных, экстраординарных событий, которые прочно врезались в его память, глубоко запали в его сознание. Оказалось, что и спустя десятилетия, он может, как в кинематографе, воспроизвести эти события, почти дословно помнит слышанные диалоги.

Поскольку повесть построена на воспоминаниях членов семьи и очевидцев, принимая во внимание, что человеческая память имеет свойства не только помнить, но и забывать, что действующие в повести лица часто не знали и не могли знать все обстоятельства происходившего, автор не может претендовать на абсолютную точность всех описываемых событий. Для этого потребовалась бы громадная многолетняя работа во многих архивах и библиотеках, со слабой надеждой найти в них что-либо существенное.

Там, где помнит автор или помнили члены его семьи, действующие в повести лица названы настоящими, действительными, собственными именами. Там, где автор и его близкие не помнили имен, но по ходу изложения требовалось их участие в диалогах, чтобы не изменить характера диалогов, автор использовал вымышленные имена и фамилии.

Повесть состоит из трех частей: 1. Ссылка. 2. Возвращение. 3. Война.

ЧАСТЬ 1. ССЫЛКА

СПЕЦЭТАПОМ ИДЕТ ЭШЕЛОН

*За вагоном проходит вагон
С мерным стуком по рельсовой стали.
Спецэтапом идет эшелон
В неизвестные, таежные дали.
Здесь на каждом вагоне замок,
Три доски вместо мягкой постели.*

*...
Пролетая леса и болота,
На площадках вагонов конвой
Ощетинил свои пулеметы.*

Песня «непутевых сыновей» России.

Поезд, не останавливаясь, шел всю ночь. За окном мелькали силуэты деревьев, домов и каких-то зданий, внезапно вспыхивали огни станций и полустанков, ярко осветив станционные постройки, которые тут же исчезали, и поезд, дав протяжный гудок, снова устремлялся во тьму, навстречу новым таким же станциям и полустанкам. Дима лежал на верхних нарах у небольшого зарешеченного окошка. Он проснулся и с восхищением всматривался во тьму и мимо пронесившиеся деревни, поселки и станции.

В вагоне все спали, кто-то храпел, кто-то время от времени что-то вскрикивал. Рядом с ним спал отец. На нижних нарах спали бабушка, мать с малолетней диминой сестренкой Еленой, старшая сестра Мария, братья Алексей и Павел.

Внезапно поезд сбавил ход и остановился. Лязгнули буфера, за окном послышались голоса. Дима подвинулся ближе к окошечку, вдали в тумане вырисовывались силуэты высоких домов и различных построек, перед вагоном были видны многочисленные рельсовые пути. Поезд остановился на большой станции с многочисленными железнодорожными путями, пристанционными зданиями.

Вдоль поезда шел мужчина в замасленной одежде, в руках его был молоток с длинной ручкой. Он останавливался перед каждым вагоном, стучал молотком по колесам и конструкциям под вагонами и шел дальше. Из соседнего вагона раздался хриплый сонный голос:

– Какая станция?

– Свердловско, – ответил рабочий и пошел дальше, постукивая молотком с длинной ручкой. Так Дима впервые услышал, правда, в слегка исковерканном виде, название города, в котором впоследствии он проведет значительную часть своей жизни.

В вагоне стали просыпаться люди. Проснулся спавший рядом с Димой отец, он тоже примкнул к окошечку.

– Тятя, что он делает? – спросил Дима, показывая на уходящего мужчину с молотком.

– Проверяет буксы, вон они под вагонами. Смотрит, чтобы они не перегорели в пути. Значит, нас повезут дальше. И не близко.

*Родители: Гавриловы, отец – Василий Васильевич, мать – Александра Степановна.
Бабушка – Кузикова (Лужкова) Прасковья Лазаревна.*

Из зарешеченного окошечка было видно, как паровоз с тендером отцепился от поезда, подошел к высокой колонке и большим широким шлангом стал наливать воду.

Дима завороженно смотрел на льющуюся мощную струю.

– Тятя, а зачем паровозу вода?

– Как зачем? Он же везет нас паром. Потому и называется паровозом. Видел, когда кипит чайник, из него с силой вырывается пар? На паровозе есть большой котел и топка, в которой сжигается каменный уголь, вода в котле закипает, пар вырывается из котла и двигает паровоз.

– Ух, ты! – удивился Дима. Как здорово. А я думал, что железная дорога – это расстеленные на земле гладкие листы железа и по ним ездят на телегах, в которые запряжены лошади.

Между тем паровоз снова прицепился к составу. Дав долгий протяжный гудок, он двинулся вперед.

Снова залязгали буфера, застучали колеса, за окошечком замелькали дома и постройки. Поезд сначала медленно, а затем, набирая скорость, все быстрее и быстрее мчался в неизвестное. Скоро дома и постройки остались позади, за окошечком замелькали кусты и лес – сосны, березы, временами мелькали какие-то небольшие постройки, а потом опять лес, лес и лес. На изгибах дороги были видны паровоз, из трубы которого валил дым, и первые вагоны. Отец разъяснял Диме:

– Вот смотри, к паровозу прицеплен тендер, на нем везут воду, уголь для топки. Поезд идет по рельсам, они положены на шпалы.

Путь выровняли – где сделали выемку, где насыпь. А вот стрелки, их переводят, чтобы составы шли туда, куда надо.

– Тятя, а зачем шпалы? Их так много, столько хороших дров положили в землю!

Для Димы, жившего в безлесной местности, где дрова всегда стоили дорого и их ценили, берегли, казалось безрассудным тратить столько леса на шпалы.

– А как же иначе рельсы будут держать на себе такую тяжесть – целые составы с паровозом, вагонами с грузом, с людьми?

Дима согласился:

– Да, без шпал железной дороги не было бы.

Степан, степенный, серьезный мужик, спавший на этих же нарах, тоже проснулся и сказал отцу: – Василий Васильевич, зачем ты ему это все рассказываешь? Он ведь еще маленький.

Отец спокойно, не торопясь, ответил: – Он же спрашивает! Степан, когда в первый раз ты увидел железную дорогу?

– Когда в германскую войну призвали в армию. Тогда нас посадили в вагоны и повезли. Двадцать один год мне был.

– Вот видишь – двадцать один, а ему только недавно исполнилось четыре, а нас уже на поезде везут. Другое теперь время, молодым теперь надо знать больше, чем нам в свое время.

На крутой извилине железной дороги Дима увидел на площадке одного из вагонов машинку с колесиками, возле которой стоял красноармеец с винтовкой.

– Тятя, это что за машинка?

– Машинка? Это пулемет. Видел: стреляют из ружья, при выстреле вылетает одна пуля, а пулемет за минуту делает много выстрелов, сразу летит куча пуль. Опасное оружие.

– Тятя, а зачем нашему поезду пулемет?

– Не знаю. Может, думают, что мы поднимем мятеж, нападём на конвой, разбежимся. Или боятся нападения бандитов. Правда, сейчас какие бандиты? Все большие банды ликвидировали. Но, может, где-нибудь и остались. Остановят поезд, разграбят, кого везут в вагонах – распустят. Освободят полторы сотни рассерженных мужиков, дадут им в руки оружие – так мало не покажется.

– Тятя, разве можно остановить поезд? Паровоз такой большой, так мчится, только ветер свистит.

– Остановить могут очень просто. Накатают на рельсы бревен, всякого хлама, поезд и остановится. Или поставят поперек рельсов автомашину или несколько их и поезд тоже остановится.

– Да ведь поезд сомнет автомашину, расчистит себе дорогу!

– Едва ли. Сделают завал такой, что поезд не пройдет. А автомашин им не жаль, они же ворованные. Угонят у кого-нибудь, поездят, а потом бросят.

– А зачем им нужны наши мужики? А семьи куда денут?

– Мужчин вооружат, уведут в леса, семьи бросят. Как было в гражданскую войну? Сегодня бандиты нападут на железную дорогу в одном месте, за ночь сделают переход в двадцать-тридцать верст

и нападут в другом месте. Вот и ищи их, свищи, гоняйся за ними по лесам.

В разговор снова вмешался Степан:

– Василий Васильевич, зачем ты ему это рассказываешь? Он ведь еще совсем маленький. Ты всегда так делаешь?

– Всегда. Он же спрашивает! Когда мои ребятишки меня о чем-то спрашивают, если знаю – всегда отвечаю, рассказываю, а если не знаю – говорю, что этого я не знаю.

В вагоне все уже проснулись, сидели по-семейному кучками, завтракали имевшимися запасами. Всех тяготила, давила, угнетала неизвестность, волновал вопрос: куда и зачем их везут? Куда и зачем? Толстая, неопрятно одетая женщина истошно кричала:

– Выгнали из дома! Всё, всё отобрали! Теперь вывезут куда-нибудь и всех нас расстреляют!

Угрюмый мужик, сидевший рядом со Степаном, громко сказал ей:

– Замолчи, дура, и так без тебя тошно. Если надо было тебя расстрелять, расстреляли бы на месте, зачем тебя везти куда-то.

Степан спросил отца:

– Василий Васильевич, как ты думаешь, куда нас везут?

– Думаю, на какую-нибудь стройку или на лесозаготовки, может быть – на шахты. Везде идет большое строительство – пятилетка. Работать заставят.

Степан облегченно вздохнул:

– Работать – это ничего. К работе мы привычны, всю жизнь работаем. Лучше бы на стройку или лесозаготовки, под землей работать не хотелось бы, не для нас такая работа.

К отцу он сразу же, как сели в вагон, относился очень уважительно и называл его только по имени отчеству.

– Василий Васильевич, смотрю на тебя, удивляюсь. Все подавленные, угрюмые, а ты спокойный, дети вокруг тебя так и вьются. Я знаю свою вину, а почему тебя выслали? Наверное, был очень богатым?

– Богатства не нажил, – в раздумье сказал отец. – Все мое богатство – пятеро детишек. Спокоен потому, что снова с семьей. Избежал худшего. Приписывали контрреволюцию, а это десять-пятнадцать лет заключения или вышка. Постарались деревенские управители, следователи, прокурор. Контрреволюционером, противником Советской власти никогда не был, ни в каких контрреволюционных подпольных обществах не участвовал. Доказать обвинения против меня не смогли. Признали «социально опасным» и назначили выслать с семьей в отдаленную местность.

– Следователи били, вышибали признания?

– Не били. Но помотали достаточно. Требовали оказать революционному следствию «содействие в разоблачении врагов советской власти». А какое я окажу им содействие, если этих врагов я не видел и не знал? Говорил им: ваша работа – вы и ищите, разоблачайте.

Степан поведал свою историю:

– А я попал сюда по своей глупости и упрямству. Создали в деревне колхоз. В правлении – беспробудные пьяницы, завятые лодыри,

но все коммунисты. В общем собрались Шоша, да Ероша, да Колупай с братом. Организовать ничего не могут, хозяйство развалилось. Народ побежал в города, два моих взрослых сына тоже ушли, работают на заводах. Хозяйство у меня середняцкое, кулацким никогда не было. Все записались в колхоз, а я – нет. Много раз звали в колхоз, убеждали, агитировали, стращали, а я – ни в какую. Уперся: я не против колхоза, когда у вас наладится работа, тогда и вступлю в колхоз. Говорю: остаюсь единоличником, что вы со мною сделаете? Колхоз – дело добровольное, все делаю по закону. Все в колхозе, а я один единоличник, как бельмо на глазу.

Стали меня прижимать, урезывать во всем, обложили налогами раз, два, налоги всё увеличивают и увеличивают, а я терплю, не сдаюсь.

Тут как раз началась кампания по очистке местности от «неблагонадежного элемента», и меня, как «злостного противника колхозного строя», подвели под ссылку.

Поезд остановился на какой-то станции, двери вагона раздвинулись. Перед вагоном стояли пожилой мужчина в военной форме, два молодых красноармейца, с ними была небольшая тележка, на которой лежали коробки и мешки.

В руках пожилого мужчины были толстая тетрадь и бумаги.

– Я помощник начальника поезда, – объявил пожилой мужчина. – Будем выдавать сухой паек.

Он смотрел в тетрадь и по фамилиям стал называть едущих в вагоне:

– Ивановы. Двое взрослых, три иждивенца. Получите свой паек.

Молодые красноармейцы брали кульки и мешочки и отдавали их в протянутые руки.

– Петровы. Двое взрослых, один иждивенец, получите паек.

Так шла раздача пайков, пока не дошла очередь до толстой, неопрятной, крикливой женщины. Когда помощник начальника поезда назвал ее фамилию, она стала кричать:

– Не надо мне вашей еды! Куда вы нас везете? Есть не буду! Не надо мне вашего пайка! Не надо! Не надо!

В вагоне начался галдеж, атмосфера накалялась. Помощник начальника поезда помрачнел:

– Куда везем – я не знаю. Может быть, знает начальник поезда. А вас, как отказавшуюся от пищи и объявившую голодовку, я вынужден буду снять с поезда и передать станционным властям. Толстая женщина, не ожидавшая такого поворота дела, сразу перестала кричать и испуганными глазами смотрела по сторонам, ища защиты. Выручил отец. Он подошел к двери и сказал:

– Гражданин начальник, вы не совсем правильно поняли эту женщину. Она не собирается объявлять голодовку. У всех у нас с собой взята из дома пицца, она не нуждается в сухом пайке.

Помощник начальника поезда вздохнул с облегчением: был найден почетный для обеих сторон выход из создавшегося положения. Ему явно не хотелось осложнять обстановку, саживать крикливую женщину с поезда, писать докладные, разные бумаги. Он пожелал всем приятного аппетита, и двери вагона снова закрылись.

Гнев и злость, накопившиеся у едущих в вагоне, теперь обрушились на толстую женщину, и слово «дура» было самым мягким из высказанных в ее адрес. Между тем поезд миновал лесные пространства и шел по голой равнине, на которой кое-где стояли небольшие березовые рощи-колки. Степь да степь, населенные пункты и деревни встречались редко. Но вот показалась широкая река, за окошечком замелькали пролеты железнодорожного моста, и поезд въехал в большой город, раскинувшийся вдоль реки.

Новая остановка, протяжный гудок, и поезд снова тронулся в путь. Отец, сидевший вместе со всей семьей на нижних нарах, сказал:

– Нас везут в Сибирь.

Сказал тихо, спокойно, но его услышали рядом сидевшие люди и придвинулись ближе к нему, вокруг него образовался небольшой кружок. Люди медленно усваивали эту новость. Из-под нижних нар вылез заспанный молодой здоровый парень, весь помятый, с соломинками в волосах на голове, и зло, нахально расталкивая людей, двинулся к отцу:

– А ты откуда знаешь, куда нас везут?

Отец, не обращая внимания на грозного молодого парня, спокойно объяснил придвинувшимся к нему мужикам:

– А вот откуда. Вы видели, где утром было солнце? Вон в том окошечке, на той стороне. А где оно сейчас? Вон там. Значит, нас везут с запада на восток. Какой сейчас мы проехали город, видели название станции? Омск. Теперь смотрите. – Отец вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу, развернул ее и положил на нары.

Это была географическая карта СССР, вырванная из какой-то книги. Как и почему она оказалась у него, как он сохранил ее, несмотря на все перипетии последних дней, осталось тогда неизвестным. (Впоследствии Дима узнал, что старший брат Алексей, учившийся в ШКМ – школе колхозной молодежи – перед ссылкой вырвал эту карту из школьного учебника, положил ее в карман, а потом передал отцу).

– Вот смотрите, – показал отец на карте, – город Омск. К нему подходят с запада две красные линии – железные дороги. В Омске они соединяются. А от Омска на восток идет только одна красная линия, одна железная дорога. Нас провезли через Омск и везут далее на восток – в Сибирь! Эта новость поразила всех едущих в вагоне. Наступила мертвая тишина. Сомнений больше не было – их везут в Сибирь. В страшную Сибирь, страну холода, льда и лесов, край необъятного горя, кандалов и смертей. Крестьян всегда пугали Сибирью. Туда издавна отправляли на каторгу и в ссылку всяческих преступников: воров, конокрадов, разбойников, убийц и т.п. А теперь везут в Сибирь их.

Какие преступления они совершили? В чем их вина?

В вагоне стало тихо. Никто не разговаривал, не шумел, люди думали каждый о своем. Дима с гордостью смотрел на отца: он оказался в вагоне самым грамотным, самым знающим! А еще: отцовская географическая карта! Небольшая бумажка развеяла неизвестность, которая тяготила всех. Теперь они знали, куда их везут.

Дима навсегда понял значение географических карт и страстно любил их. Став взрослым, где бы он ни был, у него всегда под рукой были географические карты и атласы. Еще до того, как он стал ходить в

школу, самостоятельно с бабушкой научившись читать и писать, Дима стал сам рисовать географические карты.

В совхозе, где они тогда жили, в конторе на стене висела большая географическая карта. Сидевший в комнате бухгалтер, инвалид, ходивший с костылями, за небольшие услуги, оказываемые Димой (разноска почты, извещений и т.п.), дал ему прозрачную бумагу, и он стал переводить на нее настенную карту. Он накладывал на карту лист бумаги, карандашом обводил реки, города, железные дороги, подписывал названия, а затем уносил эти листочки домой и склеивал их в большой лист.

Отец усмехался, глядя на эту затею, но не препятствовал занятиям сына, не видя в них вреда.

Когда Дима стал учиться в школе, рисование карт стало его обычным занятием, а география оказалась для него очень легким предметом.

На очередной остановке на перроне вдоль поезда выстроились красноармейцы с винтовками. И, как оказалось, не напрасно. Из ближайшего переулочка высыпала толпа подростков пятнадцати-шестнадцати лет, которые с криком «Куркули! Куркули!» стали забрасывать остановившийся поезд камнями. Но от вокзала к поезду уже бежали три милиционера. Увидев милиционеров, подростки бросились врассыпную.

– Недавно проходили составы с украинцами, – пояснили милиционеры конвоирам эшелона, – теперь эти хулиганы выходят к поездам и бросаются камнями. Нам приходится их отгонять.

Дима спросил отца:

– Кто такие куркули?

– Куркули, – ответил отец, – по-украински – кулаки. Их, видимо, тоже ссылали в Сибирь.

– Тятя, а мы тоже куркули?

– Мы – спецпереселенцы. Кулаки, спецпереселенцы – разница невелика. Собрали всех «неблагонадежных» – и в Сибирь, чтобы не мешали строить новую, счастливую жизнь.

– А мы мешали строить счастливую жизнь?

– Ты не мешал, ты еще маленький. А вот мы с мамой и бабушкой кому-то, видимо, мешали.

На очередной остановке дверь вагона снова раздвинулась, перед ней стоял молодой веселый военный, перепопсанный ремнями, на петлицах его гимнастерки блестело по два «кубаря». Это был начальник поезда.

– Ну что, как едем? Это у вас женщина хотела объявить голодовку? – начал спрашивать он.

Толстая женщина теперь сидела смирно и улыбалась:

– Здесь. Да все уже уладилось.

– Ну и хорошо. Какие есть претензии?

Люди в голос стали жаловаться: душно, вагон нагрелся, дети устали, хнычут и плачут. Когда окончатся страдания?

Начальник поезда стал серьезным:

– Мы же понимаем, что везем женщин, детей. Видите, как нас везут: железнодорожники дали нам зеленую улицу, поезд идет без остано-

вок, задерживаемся только на узловых станциях, чтобы набрать воду и уголь. Спецэтапом идет эшелон. Еще потерпите немного. Вечером прибудем на место назначения.

Слова начальника поезда, его твердые, уверенные ответы успокоили уставших и измученных людей. Скоро будем на месте, наше положение прояснится, закончится неизвестность! Но поезд продолжал идти вперед, переехали широкую реку Обь, проехали большой город Новосибирск. За окошечком потянулись густые леса, а вот и станция с чисто сибирским названием – Тайга. А поезд шел дальше и дальше. Где же обещанный пункт назначения?

Стало темнеть, родители начали укладывать детей спать. Дима крепко заснул рядом с братьями и сестрами на расстеленной матерью и бабушкой постели.

Вернемся на несколько дней назад, чтобы выяснить, как, когда и почему Дима и его семья оказались в эшелоне, везшим их в Сибирь.

ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА

*Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.*

Н.А.Некрасов.

*Написано пером –
не вырубешь топором.*

Народная поговорка.

1931-й – нехороший год. Начался он с серьезной болезни детей, а потом последовали другие беды. Весной Дима и его младшая сестренка Елена заболели скарлатиной. У них поднялась высокая температура, их лихорадило, обложило покрасневшие языки, стало трудно глотать, на теле появилась красная мелкоточечная сыпь. Какие-то капли, которыми поила их мать, не действовали, больным становилось все хуже и хуже, они уже не могли есть, стали задыхаться. Отчаявшаяся мать дала Диме выпить немного красного вина, Елена пить вино никак не хотела, кричала и плакала. Дима, выпив вино, быстро заснул, а проснувшись (чудо!) почувствовал себя полностью выздоровевшим человеком.

Надо было вылечить Елену. Дима стал уговаривать ее:

– Елена, пей вино! Это же лекарство, пей, и ты тоже выздоровеешь.

Удивительно, что полуторагодовалая Елена, не слушавшая уговоры взрослых, упорно отказывавшаяся пить вино, кричала и плакала, сразу согласилась на совет четырехлетнего брата, всегда помогавшего ей во всем и всегда защищавшего ее. Она выпила вино, уснула и тоже выздоровела. Что помогло детям: чудодейственное вино, или к тому времени болезнь уже сама собой миновала критическую фазу? Это останется неизвестным, медиков рядом не было.

После двух недель болезни Дима и Елена вышли на крыльцо и зажмурились от яркого солнца. Снег уже сошел, было тепло, во дворе зеленела трава. Жизнь так прекрасна и удивительна! Теперь все свободное время дети стали проводить во дворе и на улице. У Димы

появились друзья из соседних домов, с которыми они за воротами на улице играли в незатейливые игры. Появилась подружка – четырех- или пятилетняя соседская девочка Анка. В заборе, отделявшем родительский дом от соседнего дома, имелась дыра, в которую дети пролезали, чтобы попасть к соседям. Анка была энергичной, скорой на выдумки. Она брала Диму за руку и уводила к себе домой, где у нее был свой уголок. Там были тряпичная кукла, бутылочки и флакончики из-под лекарств, осколок зеркала и другие, интересные и полезные вещи.

Начиналась игра, Анка была то продавцом в магазине, то учительницей, то фельдшером, Дима должен был исполнять роль покупателя, ученика или больного, над которым можно было выполнять разные процедуры.

Иногда шестилетний брат Павел приводил с собой более взрослых мальчиков, среди которых были три младших брата Ивановых. По прихоти родителей или чудачеству деревенского священника, вся семья Ивановых состояла из Иванов. Главой семьи был угрюмый, неразговорчивый мужик Иван Иванович. Его старшего сына, уже взрослого парня, звали Иваном. За ним шли Ваня, Ванька, Ванчик и Ванюрка. Присоединившись к старшим ребятам, Дима, не спрашивая разрешения, шел вместе с ними играть дальше от дома – на болото, простирившееся за огородами.

Это было огромное, заросшее невысокими кустарниками болото, тянувшееся на несколько километров. Сначала шли сухие кочки, на которых кое-где росли желтые цветочки, дальше появлялись лужи воды, начинались сырые кочки, а где-то еще дальше была трясина, в которой, по слухам, когда-то утонула чья-то бродячая корова. Вечером над болотом поднимался туман, с болота раздавался лай собак и жуткий вой волков. Родители запрещали детям ходить на болото, пугали болотом. Несмотря на запреты, попасть на болото считалось у детей смелым, отважным поступком.

Вскоре произошло событие, взбудоражившее всю деревню. В колхоз пришел колесный трактор «Фордзон», на сидении которого расположился молодой деревенский парень, зимой окончивший курсы трактористов. Тарахтя и выпуская клубы дыма, трактор катил по единственной в деревне улице. За трактором с восторженными криками бежали мальчишки, шли мужчины, любопытные женщины. Подъехав к дому, в котором жил Дима, трактор остановился. Из сопровождавшей трактор толпы вышел отец и стал открывать свои ворота. Ему помогали другие мужики. Трактор въехал в ограду, остановился и заглох. Ворота закрыли, толпа стала расходиться. Возле трактора суетился мужичонка, который наказывал отцу:

– Ты, Василий Васильевич, доглядывай за трактором, смотри ночью, чтобы враги народа не попортили машину.

Отец добродушно отвечал:

– Посмотрю. Ограда у нас хорошая, никто посторонний не ходит.

Тракторист тоже успокоил мужичонку:

– Что делается трактору? Завтра утром я выведу на нем в поле.

Дима был горд, что именно у них во дворе, у отца, поставили на ночь эту диковинную машину, и на всю жизнь запомнил этот торжественный, теплый, солнечный, счастливый день. Конечно, Дима, а, вероятно, и его отец, тогда не задумывались: почему именно у них поставили в ограду на ночь трактор – случайно, или преднамеренно, для проверки хозяина «на верность колхозному строю»? Это останется неизвестным. На следующий день, только проснувшись, Дима бросился к окну и посмотрел во двор. Трактора там уже не было, молодой тракторист рано утром выехал на нем в поле.

Отец Димы работал в колхозе кладовщиком, мать трудилась в поле на разных работах. Утром они уходили на работу, дети днем оставались одни с бабушкой. Вечером, вернувшись с работы, отец за ужином с усмешкой рассказывал, как на складе его одолевали просьбами правленцы колхоза.

Особенно надоедал секретарь партийной ячейки. Это был трезвый, непьющий мужик, но очень тщеславный. Придя на склад, он жаловался, что является представителем руководящей партии, но ходит в плохом полушубке, и просил отца дать ему новый, более красивый полушубок.

– У вас еще хороший полушубок, – отвечал отец. – Я не могу вам выдать новый полушубок, на складе всё на учете, под моей ответственностью. Выпишите в правлении колхоза себе новый полушубок, принесите квитанцию, и я вам выдам что угодно.

Но это почему-то не устраивало представителя руководящей партии. Получив отказ и обозвав отца скрягой, он начинал канючить и клянчил обменять ему полушубок на другой, более хороший. В конце концов, из уважения к его авторитету, отец менял его полушубок на другой. Походив некоторое время в этом полушубке, секретарь партячейки снова приходил на склад и просил сменить его на новый полушубок.

Получив отказ, он опять канючил до тех пор, пока отец не соглашался снова обменять непонравившийся ему полушубок на другой. Это повторялось несколько раз.

Отец рассказывал о завидушем, ненасытном секретаре партячейки с усмешкой, но мать отца не одобряла, говорила, что он напрасно ссорится с представителями власти.

Однажды отец пришел с работы озабоченный, сообщил:

– Вызывал председатель колхоза, сказал, что меня снимают с кладовщиков, приказал сдать склад особой комиссии. Когда я сказал, что меня кладовщиком избрало общее колхозное собрание, он ответил, что это решение правления колхоза, а с общим собранием они сами разберутся. Решение о снятии с кладовщиков отца не огорчило.

– Хватит мне сидеть на этом складе. Надоело, – сказал он. – Пойду работать в поле, рабочие везде нужны.

Три дня отец сдавал свой склад комиссии, которая тщательно считала и по несколько раз пересчитывала все, что на нем имелось, но не нашла ни недостатка, ни излишков, о чем и был, наконец, подписан акт.

После сдачи склада отец пришел домой веселый – сбросил с себя нелегкий груз. На следующее утро он пошел в правление колхоза к пред-

седателю просить себе новую работу. Председатель колхоза, хитроватый мужик с бегающими глазами, встретил его очень приветливо и стал уговаривать:

– Зачем тебе так сразу нужна работа? Отдохни, тебе по дому что-нибудь надо сделать, а мы подумаем и подберем для тебя хорошую работу.

Какую участь они готовили отцу в действительности, он, конечно, знал, но, разумеется, этого ему не сказал. Отец остался недоволен разговором с председателем и на следующий день самовольно вышел на работу в бригаду, которая занималась заготовкой сена. Там его приняли с радостью. Вечером отец увлеченно рассказывал, как они сметали большой скирд сена. На следующее утро он снова уехал с бригадой на сенокос.

Казалось, что в жизни все идет хорошо. Никто не знал и не подозревал, что над семьей сгущаются тучи. Вечером приехавшие с сенокоса женщины принесли ошеломляющую весть: отец арестован. За что? Где, когда, какое преступление он совершил? Никто ничего не знал. Рассказали: на покос приехали два милиционера, забрали отца и увезли с собой. Мать разрыдалась, бабушка успокаивала ее, что, может быть, это ошибка, какое-то недоразумение. Дети не понимали: за что могли арестовать их доброго, всегда справедливого отца, учившего их никогда никому ничего не делать плохого?

Через несколько дней мать вызвали на колхозное собрание. С собрания она пришла расстроенной. На собрании был поставлен вопрос об исключении семьи из колхоза.

Представитель сельсовета по бумажке зачитал вины отца: вел антисоветскую агитацию, выступал против создания колхоза, при вступлении в колхоз не сдал в колхоз лошадей и инвентарь, сознательно разбазарил имущество. В зале начались крики: «Неправда!», «Враки!», «Ложь!», «Знаем его хорошо, зачем врете?» Выступили председатель колхоза, секретарь партячейки, но их не слушали, зал весь шумел и председатель закрыл собрание, не приняв никакого решения.

Несколько дней спустя состоялось новое колхозное собрание. Снова поставили вопрос об исключении семьи из колхоза. Сообщили: органами раскрыта подпольная контрреволюционная организация, в которой состоял отец, он арестован и предстанет перед судом. На сей раз собрание проголосовало за исключение семьи из колхоза. С собрания мать пришла заплаканной, сказала, что семью выселят, а имущество конфискуют.

Горе горькое по свету шлялось и в деревню к ним набрело. Горе, страшная беда, несчастье – пришли неожиданно, внезапно, неизвестно откуда. Они врасплох застигли эту благополучную, счастливую семью. Выявилась полная беспомощность семьи перед невидимой силой, невозможность что-либо сделать, изменить. Мать и бабушка были в растерянности: глава семьи, единственный кормилец, арестован, семью выселяют из дома, дети малолетние, имущество отберут, что теперь с ними будет?

Утром следующего дня пришла комиссия описывать имущество. Комиссия заняла большую комнату, ее члены сели за стол, заплакан-

ную мать посадили на скамейку напротив и приказали показывать свое имущество.

– Что я вам должна показывать? – отвечала мать. – Все имущество перед вами, пишите.

– Вы можете оставить себе только то, что надето на вас и на членах вашей семьи, все остальное у вас мы должны отобрать.

Комиссия приступила к описи имущества, но сразу возник вопрос: какое имущество будем описывать? Один из членов комиссии сказал, что ведь семью не раскулачивали, кулацким имуществом считаться не может. Начался спор, но его успешно разрешил политически более грамотный представитель партячейки. Не вдаваясь в юридические тонкости, он заявил:

– Идет классовая борьба. Кулаки, подкулачники, их прихвостни – одна шайка. Раз семью ссылают, значит это враги народа, классовые враги, а имущество – кулацкое.

В результате их творчества возник документ, который здесь приводится с соблюдением орфографии подлинника:

«Опис имущества⁴

1931 года Июля 12 дня. Мы ниже подписавшиеся комиссия Сикиязского сель/совета. 1. От партии Храмцов Павел Тимофеев 2) от сель/совета Левонтев Василей Пер. От колхоза 3) Резанов Василей Павлович. Сего число произвести опис у кулатского имущества Гаврилова Василья Васильевича».

Начать решили с оценки дома. Но тут выявились разногласия: за какую цену можно продать дом? В конце концов решили назначить ему цену с солидным запросом. В описи записали:

«1. Дом 1. 150 руб.

2. Ворота 1. 10 руб.»

Далее дело пошло быстрее. Дворовые постройки были оценены:

«Крыша крытая соломой 1. 10 руб.

Конюшня 1. 10 руб.

Хлев 1. 10 руб.

Баня 1. 10 руб.

Гумно 1. 4 руб.»

Мебель и имевшиеся домашние приборы были оценены быстро, причем самыми ценными из них оказались самовар и сепаратор.

Последовали записи:

«Столов 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.

Стульев 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.

Лавок 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.

Самовар 1. 15 руб.

Кадушек 5. По 50 коп. Всего – 2 руб. 50 коп.

Шкаф для посуды 1. 1 руб.

Комод 1. 5 руб.

Сепаратор 1. 6 руб.

Кровать деревянная 1. 3 руб.

Занавес ситцевых 12 аршин. 3 руб. 60 коп.

Зеркало большое 1. 1 руб.

---

⁴ Грамматические ошибки в подлиннике документа.

Часы стенные 1. 3 руб.»

Потом последовала опись посуды, причем комиссия оставила семье только одну большую деревянную чашку и восемь деревянных ложек по числу членов семьи. Эта деревянная чашка, милостиво предоставленная семье, четыре года являлась почти единственным предметом семейной столовой посуды, а затем очень долго сохранялась в качестве семейной реликвии.

Опись пополнилась новыми записями:

«Ложек 5. По 5 коп. Всего – 25 коп.

Чайных чашек 9. Всего – 1 руб. 80 коп.

Блюдо 1. 30 коп.

Вилка 8. По 10 коп. Всего – 80 коп.

Сита 3. По 30 коп. Всего – 90 коп.

Квашня 1. 30 коп.

Тушилка 1. 20 коп.

Ведер деревянных 2. По 30 коп. Всего – 60 коп.

Ведер железных 3. По 1 руб. Всего – 3 руб.

Кринок 5. По 10 коп. Всего – 50 коп.

Подойница 1. 30 коп.

Горшков 5. По 50 коп. Всего – 2 руб. 50 коп.

Чугунков 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Стеклянная кружка 1. 30 коп.»

С приходом комиссии мать затолкала детей в чулан, наказав им не выходить из него. Отсюда они слушали разговоры комиссии и ответы матери. Время от времени мимо чулана проходила бабушка, вслух высказывая свои мнения о происходящем:

– Ироды, супостаты, еретики проклятые. Вчера Макар телят гонял, теперь Макар в воеводы попал. Кричит: «Все опишу! Все опишу!» Псы ненасытные. Безбожники. Иуды. Сатанинское отродье. Бог все видит, все знает. Бог их накажет!

Комиссия стала переписывать всяческую мелочь. В описи последовали записи:

«Керосину 2 литра. По 15 коп. Всего – 30 коп.

Ламп 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Мешков 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Половиков 2. По 20 коп. Всего – 40 коп.

Фуражек 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.

Кофты 4. По 1 руб. Всего – 4 руб.

Рубахи мужские 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Шаровары 2. По 2 руб. Всего – 4 руб.

Кудели 20 шт. По 1 коп. Всего – 20 коп.

Запонов 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Шерсти 3 шт. По 60 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.

Комнатных цветов 12. По 2 руб. Всего – 24 руб.

Подушек пуховых 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Одеяло двухспальное 1. 2 руб.»

Мать была подавлена и покорно соглашалась со всем, бабушка спорила с комиссией и стыдила их:

– Бессовестные. Креста на вас нет. Все отбираете, а как мы жить будем? Посуду забираете, одежду, а мы в чем ходить будем, в чем будут ходить ребята, как готовить пищу? Ироды. Бог вас накажет!

Но комиссия продолжала неуклонно выполнять данное им ответственное поручение. Покончив с горшками, чугунками и попавшейся на глаза мелочью, она взялась за домашних животных, пересчитав их вплоть до поросят и куриц. Их подсчетов и записи в опись из домашней живности избежала только кошка, с испугу забившаяся вместе с детьми в чулан.

В составлявшейся описи появились записи:

«Коров 1. 30 руб.

Телят 1. 2 руб.

Овец 4. По 2 руб. Всего – 8 руб.

Ягнят 4. По 50 коп. Всего – 2 руб.

Гусей 7. По 1 руб. Всего – 7 руб.

Свинья 1. 20 руб.

Поросят 3. По 3 руб. Всего – 9 руб.

Куриц 12. По 50 коп. Всего – 6 руб.»

Перетрясли продовольственные запасы семьи, в них оказалось:

«Сахарного песку 8 кг на 20 руб.

Масла скоромного 15 фунтов на 12 руб.

Постного масла 2 кг на 1 руб. 20 коп.

Сала свиного топленого 5 фунтов на 5 руб.

Столовой соли 1 пуд на 46 коп.

Мяса говяжьего 2 пуда на 8 руб.

Пшеничной муки 3 пуда на 3 руб. 90 коп.

Ячменной крупы крупной 30 фунтов на 90 коп.

Ячменной крупы мелкой 15 фунтов на 45 коп.

Яиц 45 шт по 3 коп. на 1 руб. 25 коп.»

Комиссия устала от изнурительной работы и решила сделать перерыв. Строго-настроено приказав матери сохранять переписанное имущество и не притрагиваться к еще не переписанным вещам, комиссия отправилась обедать.

Выполняя ответственное поручение, члены комиссии, «самые сознательные и самые принципиальные», были не прочь взять себе что-нибудь из описываемых вещей. Один из членов комиссии решил забрать отцовский ящик со столярными инструментами, которыми любил работать отец, но возмущенная мать бросилась к нему, ударила его по руке, и он отпустился от ящика. Другой член комиссии, уходя на обед, взял школьную сумку только что окончившей первый класс Марии, в которой были букварь и подаренные ей цветные карандаши. Девятилетняя Мария бежала за ним, плакала и просила: «Дяденька, отдайте мои книжки, отдайте сумку!» – но член комиссии прогнал ее обратно домой, сказав: «Хватит кулацким детям учиться, теперь будут учиться мои».

Пришла родная младшая сестра матери Анна, жившая со своей семьей на другом конце деревни. Мать отдала ей свои праздничные платья и еще какие-то мелкие вещи, завернув их в кусок ткани, и ве-

лела идти со свертком домой не по улице, а по огородам, сказав, что если ей самой не пришлось поносить свои платья, то пусть носит их она. Пришли соседки – подружки матери. Они сочувствовали матери, охали и ахали. Мать разрешила им взять себе все, что им понравится из того, что еще не успели описать. Расхватав, что получше, соседки быстро ретировались.

Пришла дряхлая старушка Антипьевна. Она жила одна на краю деревни в жалкой хибарке, одно из двух окон которой было забито досками. Ее единственный сын работал где-то в городе, она жила на присылаемые им деньги. Старую, дряхлую, плохо передвигавшуюся, ее в деревне считали за полунищую. Ее появление в доме вызвало удивление.

– Услышала, Саня, – после приветствия заговорила Антипьевна, – что у вас описывают и отбирают имущество. Дай мне что-нибудь на сохранение, я все сберегу в целостности и сохранности, ей-богу, а когда вернетесь, ей-богу, я вам все верну обратно. Предложение Антипьевны удивило мать и бабушку, а ее слова о возвращении вызвали у матери новые слезы.

– Что ты, Антипьевна, какое возвращение? Ссылают навечно. А имущество все уже описали или расхватили, что тебе можно отдать? Вот только осталась поварешка, возьми ее. Антипьевна спрятала поварешку под свою одежду и ушла, божась и несколько раз повторив, что сохранит ее в целостности и сохранности.

Матери удалось спасти одеяло из верблюжьей шерсти, которое она выбросила в открытое окно в палисадник, где стояла Мария, спрятавшая его в куст смородины. Потом это одеяло взяли с собой, оно очень пригодилось семье в дороге и в Сибири.

Вернулась отдохнувшая и подкрепившаяся комиссия. С ней пришло еще несколько мужчин, сразу приобщившихся к досмотру и описи имущества. Один из пришедших, высокий, тощий мужчина, стал допрашивать мать и бабушку, где они хранят золотые и серебряные вещи.

– Какое золото, серебро? – отвечала мать. – Я в жизни их никогда не видела.

Бабушка сказала, что у нее есть серебряная вещь и показала малюсенький нательный крестик, висевший у нее на шее.

Тощий мужчина презрительно фыркнул:

– Не прикидывайтесь дураками. Я спрашиваю: куда спрятали свои золотые и серебряные вещи? Где закопали свои клады? Не хотите говорить? Найдем.

Он вышел во двор и начал метр за метром осматривать ограду. В руках у него была железная палка, заостренная с одного конца – щуп, который он время от времени втыкал в землю, надеясь наткнуться на зарытый клад. Исследовав весь двор, он ушел в огород, продолжая метр за метром прощупывать землю. Найти что-либо он не смог.

Между тем комиссия продолжила свою работу. Полагая, по-видимому, что она ссылает семью в Крым или на Черноморское побережье Кавказа, или в какие-нибудь теплые страны, комиссия отобрала у семьи всю теплую одежду и обувь. Писарь записывал:

«Шуб женских крытых 2. По 15 руб. Всего – 30 руб.

Шуб дубленых 1. 5 руб.

Шуба дубленая женская 1. 5 руб.

Шубы детские 3. На 2 руб.

Валенок старых 4. По 1 руб. Всего – 4 руб.

Чепан старый 1. 1 руб. 50 коп.

Катанок старых 6 пар. 60 коп.

Овчин деланных дубленых 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.»

Комиссия спешила завершить свою работу и, обшаривая все углы, пополняла опись новыми записями:

«Инструментов столярных

Ножевка 1. 50 коп.

Станковая пила 1. 50 коп.

Фуганок 1. 1 руб.

Топор широкий 1. 1 руб.

Тканых полотенцев старых 6. По 30 коп. Всего 1 руб. 80 коп.

Клею столярного 1 фунт. 50 коп.

Лампа 20-линейная 1. 1 руб.

Шаровары тканые из шерсти 1. 1 руб. 50 коп.

Портянки тканые 4 пары. По 50 коп. Всего – 2 руб.

Детских рубашек старых ситцевых 13. По 1 руб. Всего – 13 руб.

Сапог детских 3. По 2 руб. Всего – 6 руб.

Онучи из шерсти 1 пара. 1 руб. 50 коп.

Бердов для тканья 15. По 50 коп. Всего – 7 руб. 50 коп.

Кросна 1. 3 руб.

Самодельной ткани шерстяной 6 метров. По 50 коп. Всего – 3 руб.

Мужского холста аршин 12. По 20 коп. Всего – 2 руб. 40 коп.

Мужского холста тонкого 13 аршин. По 20 коп. Всего – 2 руб. 60 коп.

Холста тонкого 6. По 15 коп. Всего – 90 коп.

Шерстяной пряжи 1. 2 руб.

Полотно 1/2. 5 коп.»

Читателю, по-видимому, уже надоело читать эти перечисления всяческой мелочи. Но автор считает необходимым привести этот исторический документ полностью, чтобы можно было реально оценить материальное положение отправляемой в ссылку семьи из восьми человек.

Тяжелая и ответственная работа комиссии, кажется, подходила к концу. В опись были занесены последние записи:

«Запонов женских 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.

Юбок женских домотканых 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.

Подштанников мужских 7. По 50 коп. Всего – 3 руб. 50 коп.

Полотенцев ручных 7. По 1 руб. Всего – 7 руб.

Клеенка настольная 1. 3 руб.

Детских рубашек 5. По 1 руб. Всего – 5 руб.

Рубашек женских 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Детских кофточек 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.

Платков женских 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.

Юбка ситцевая женская 1. 2 руб.

Детское одеяло байковое 1. 2 руб.

Карандашей химических 18. По 10 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.

Почтовых марок 19. На 65 коп.

Тетрадей писчих 4. На 16 коп.

Займа индустриализации 1. На 5 руб.

Крестьянского займа 2. На 5 руб.»

Итак, закончен труд, ниспосланный из руководящих инстанций. Мать обязали под ее строжайшую ответственность хранить описанное имущество, взяв с нее сохранную расписку. Вот эта расписка, приводимая с соблюдением орфографии подлинника:

«Сохранная расписка 1931 года 12 июля нижеподписавшаяся Гаврилова Александра даю настоящую расписку о сохранении членам комиссии в том что я описано имущество выше упомянутых вещей обязуюсь хранить таковые за растрату такового отвечаю судебным порядке в чем расписую».

Под распиской мать, в свое время ходившая в школу одну зиму и умевшая расписываться, вывела свою подпись. Однако из-за переживаний и волнения у нее не хватило сил полностью, до последней буквы, написать свою фамилию и имя и на расписке, осталась такая подпись:

«Гаврило...

Алексан...»

Ниже следовали три размашистые подписи членов комиссии.

Детям надоело сидеть в полутемном чулане и они, воспользовавшись суматохой в доме, выскользнули из него и убежали на болото, где играли несколько их сверстников и более взрослые ребята двенадцати-тринадцати лет. Малыши играли в прятки, более взрослые ребята осваивали искусство табакокурения. Кто-то из них принес табак и спички. Они свертывали самокрутки и пытались их поджечь, но спички ломались, или их гасил ветер, и юным табакурам никак не удавалось насладиться заветным дымом. Но вот один из ребят уронил на землю горящую спичку, вспыхнула сухая прошлогодняя трава, огонь охватил близ стоявший кол и побежал по жердям изгороди, отделявшей деревню от болота. Ребята перепугались, а затем закричали и все бросились бежать в деревню.

Дима и Павел не понимали, что произошло и стояли на месте. Когда они посмотрели в сторону болота, то увидели, что к ним приближается возвращавшийся с болота охотник в высоких болотных сапогах с ружьем за плечами. Его-то и испугались убежавшие ребята. Дима и Павел узнали в охотнике соседа и продолжали стоять на том же месте.

– Это вы подожгли? – спросил охотник.

– Нет. Это ребята, которые убежали.

– Пошли домой. Изгородь надо тушить, а то она может разгореться, и будет большой пожар.

Охотник взял их за руки и повел домой. Мать, взвинченная событиями прошедшего дня, разнервничавшаяся, не стала разбирать, кто прав и кто виноват, и набросилась на ребят:

– Паршивцы. Вам запретили ходить на болото, зачем вы туда пошли? Вы зажгли изгородь, вы и тушите огонь.

Напрасно братья в голос кричали, что подожгли не они. Мать не слушала оправданий, налила в большое деревянное ведро воды и за-

ставила их тащить его к изгороди. Ведро было тяжелое, шестилетнему Павлу и четырехлетнему Диме оно было не под силу, тащили они ведро с трудом, оба горько плакали, слезы текли по щекам, а мать шла сзади с ремнем и ударами по спинам и пониже подгоняла их. На помощь бедолагам пришла бабушка, увидевшая истязание внуков.

– Саня, что ты делаешь? – закричала она. – Зачем мучишь ребят? Они, наверно, и не виноваты, давай сами потушим огонь. Несколько ведер воды, принесенных бабушкой и матерью, потушили огонь.

Полученный урок Дима запомнил на всю жизнь. Этот первый в его жизни урок оказался поучительным. Дима узнал, что человек, ничего не подозревая, может внезапно оказаться без вины виноватым, что друзья-товарищи могут убежать, оставив тебя отвечать за их проступки. Жизнь начала преподносить свои суровые уроки.

ОТПРАВКА В ССЫЛКУ

*Тебе из синей шири
Пугливо кажется темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.*

С.Есенин.

Слух, что семью ссылают, быстро разнесся по деревне. Возле родительского дома стал собираться народ. Ворота были открыты, в ограду въехали две подводы, на которых в качестве ездовых сидели подростки. Они стали поджидать своих необычных пассажиров.

Мать и бабушка укладывали в мешки вещи, разрешенные комиссией взять с собой, одевали детей в дорогу. Мать надевала на Диму рубахи одну за другой. Дима уже умел считать до десяти и насчитал семь надежных на него рубах.

– Мама, зачем мне семь рубах? Мне жарко будет.

– Это только на время. Нам разрешили взять только то, что надето на нас. Износится или загрязнится одна рубаха, наденем другую. Понял? Организаторы ссылки торопили со сборами. Вот все оделись, жалкие пожитки уложены, семью стали выводить из дома. Впереди шла мать, держа за руку Диму, который нес в руках плюшевого медвежонка с черными глазами-пуговицами, недавно подаренного ему отцом. Дима любил играть с медвежонком, разговаривал с ним, обсуждая свои ребячьи проблемы, а ложась спать, клал его рядом с собой. За ними шли бабушка с малолетней Еленой и остальные члены семьи: Алексей, Мария, Павел. Бабушка несла свернутую в трубу большую войлочную кошму, отвоеванную ею у комиссии. Эта кошма затем много лет служила семье, на ней, расстеленной на полу, вповалку спали дети.

Но как только эта грустная процессия вышла на крыльцо, к ней подскочил старичок-активист, который схватился за медвежонка и стал его вырывать из рук Димы. Или старичок был бессильный, или Дима, оторопевший от такой наглости, сильно, изо всех своих сил так крепко ухватился за медвежонка, что отнять у него медвежонка старикашка не смог. Началась возня старого с малым с переменным успехом.

Хмурая толпа, стоявшая в ограде напротив крыльца и ожидавшая вывода ссылаемых, заволновалась. Впереди стояли женщины, сзади за ними находились мужчины. Но тут мужчины выдвинулись вперед, оттеснив женщин на второй план. Толпа загудела, раздались крики, угрозы:

– Зачем обижаешь ребенка? Прохвост! Подхалим!

Молодой мужик схватил старикашку за ворот и занес над ним кулак. Старик испугался, побледнел, но не растерялся (был пронырливый и хитрый) и завопил:

– Люди добрые! Медвежонок записан в описи! Подлежит изъятию!

Много позже, став уже взрослым, Дима выяснил, что никакого плюшевого медвежонка в описи не было. В этом может убедиться и сам читатель, просмотрев главу вторую нашей повести, где эта опись приведена полностью. Изворотливый старикашка соврал и ловко увернулся от заслуженного за явное мародерство тумака. Толпа дрогнула. Занесенный кулак повис в воздухе. Мать взяла медвежонка у Димы и отдала его старикашке, который тут же быстро куда-то исчез.

Прошло много лет, но этот эпизод врезался Диме в память на всю жизнь. Ему довелось побывать в самых шикарных магазинах с большими отделами великолепных игрушек, в музеях детских игрушек в стране и за рубежом, но никакие самые дорогие и чудесные игрушки не волновали его. Но когда в каком-нибудь захудалом магазине он видел среди игрушек плюшевых медвежат, у него сжималось горло, на глаза навертывались слезы. Он никогда не покупал и не дарил кому-либо плюшевых медвежат.

Возбужденная толпа продолжала гудеть. Быстрым шагом в ограду вошел высокий властный мужчина – колхозный бригадир.

– Что разгалделись? – крикнул он на толпу. – Сами голосовали за исключение из колхоза, что теперь шуметь. Он оттеснил толпу от стоявших в ограде подвод и начал командовать:

– Чего тянете? Отправляйте людей скорее. Пусть садятся в телеги, кладите на подводы котомки. Выезжайте!

На одну из подвод села мать с малышами – Димой и Еленой, на другую – бабушка со старшими детьми – Алексеем, Марией и Павлом. Подводы двинулись из ограды на улицу, но лошадь первой подводы, подойдя к воротам, остановилась как вкопанная и отказалась идти дальше. Подросток, сидевший на телеге, сколько ни понукал, махался кнутом, лошадь не шла.

Какой-то уполномоченный подскочил к телеге, схватил кнут и стал ожесточенно, неистово хлестать лошадь. Она гневно и жалобно заржала, захрапела, рванулась назад, а затем встала на дыбы, телега и оглобли затрещали, но лошадь не двинулась с места. Наэлектризованность толпы, по-видимому, передалась и лошади, она каким-то лошадиным чутьем поняла, что ее заставляют участвовать в каком-то неправом деле.

Бригадир бесцеремонно оттолкнул уполномоченного, вырвал из его рук кнут, свернул его и бросил на подводу подростку. Он подошел к лошади, взял ее за узду, начал гладить ее по морде и шее, приговаривая:

– Ну что ты, вороная, что с тобой? Ты же умница. Столько ты верно служила, послужи еще. Раз надо, то надо ехать. Он повел лошадь за узду, она покорно пошла за ним. Бригадир вывел лошадь на дорогу и обе подводы медленно поехали по улице на выезд из деревни. Впереди ехали двое верховых конвойных с ружьями, сзади телег шла толпа сочувствующих ссылаемым и просто любопытных. Постепенно от толпы отставали люди один за другим, толпа редела, на выезде из деревни за последней телегой шли только несколько женщин и заплаканная сестра матери Анна.

Мать сказала сестре, что у нее есть свои дети, ей надо возвращаться домой, и они стали прощаться. Они обнялись и обе плакали навзрыд, плакать начали и все дети. Подводы остановились. Оторопевшие подростки-возницы, слушая этот сплошной плач, рев, сидели с выпученными глазами и не знали, что им делать. Верховые конвойные, уехавшие вперед, остановились, что-то кричали и махали руками, но подводы с ссыльными не двигались.

Наконец, подростки-возницы, не выдержав непрерывный, тягостный вой обреченных, тронули лошадей и повозки снова двинулись в путь. Анна с женщинами остались стоять на месте, уезжавшие – мать и все остальные – на прощание махали им руками. Может, они расстанутся навечно! На всю жизнь! Навсегда! Неизвестно, свидятся ли они когда-нибудь вновь?

Проехав деревню, конвойные перестроились: теперь один верховой ехал впереди, второй – позади телег. Под этим эскортом переехали широкую дорогу, соединявшую две деревни, и, минуя их, по проселочной дороге проехали через Каменный лог и выехали на широкое равнинное поле за селом Месягутово, на котором стоял большой обоз – целый табор из десятков телег с ссылаемыми людьми. Взрослых мужчин среди них не было, только женщины, дети и подростки. Это были ссылаемые люди, свезенные сюда со всего района. Вновь привезенных спрашивали: «Из какой деревни?» – и сами отвечали:

«Мы из Дувана», «Мы из Тастубы», «Мы из Ярославки», «Мы из такой-то... из такой-то...»

Операция по «массовому выселению кулацко-белогвардейского элемента» оказалась грандиозной. О коллективизации, раскулачивании написана гора книг, художественных произведений и исторических исследований. О «полной очистке» местностей от «кулацко-белогвардейского элемента» в 1931 г. в литературе встречаются лишь редкие беглые упоминания. Между тем, она имела массовый характер, затронула тысячи людей, сопровождалась обычными для того времени «перегибами» и «извращениями», и заслуживает серьезного внимания, обстоятельного, подробного изучения историками и литераторами.

В таборе спецпереселенцев из разговоров с ранее приехавшими мать и бабушка узнали, что тем при высылке было разрешено взять по два пуда вещей на каждого человека. Достоверность этого подтверждали лежавшие на телегах у них огромные мешки, баулы и свертки, несоразмерные с жалкими котомками на телегах матери и бабушки. Мать пришла в отчаяние от явного обмана своими односельчанами, о комиссии

и деревенских руководителей говорила:

– Жулики, мошенники! Обобрали чуть не до нага. Как жить будем? Что носить будем? Как будем обходиться без посуды?

Бабушка высказывалась более резко:

– Подлецы. Мерзавцы. Супостаты. Ироды. Псы ненасытные. Даже детей не пожалели, все хватали, хватали. Зачем им нужна разная мелочь, наша шарабора? Подмели подчистую. Бог их накажет. Накажет! Гореть им в геенне огненной!

Дети не осознавали заботу матери и бабушки о будущем семьи, но видели справедливость бабушкиной оценки деятельности хозяйничавших в их доме весь день наглых членов комиссии, описывавшей имущество, и местных руководителей.

Стало смеркаться. На телегу, на которой находилась мать с малолетками, сел знакомый деревенский парень-комсомолец, сын Дарьи Перриной. В руках у него было ружье, с которым он долго играл, выполняя различные приемы, а затем выстрелил из него в воздух. В таборе началась паника. Раздались крики: «Банда! Напали бандиты!» Вокруг табора помчались всадники, один из них надрывно кричал: «Тревога! Тревога! В ружье! Занимайте оборону!» Но никакие бандиты не появлялись, табор начал успокаиваться.

Стали искать виновника, который стрелял и вызвал панику, и скоро добрались до телеги, где сидел деревенский комсомолец. Он не стал отрицаться и сразу сознался, что стрелял он. Начался допрос:

– Зачем стрелял? Кто разрешил?

Комсомолец (он был из бедняцкой семьи) беспечно отвечал:

– Развлекался. Надоело скучать. Говорили: пойдем сражаться с бандитами. А что вышло? Должен караулить баб и малолетних ребятишек. Это комсомольское дело?

Дети: Дима, Павел, Мария (1936 г.)

Руководители конвоя стали поучать его:

– Тебе дали ответственное комсомольское поручение. Ты должен гордиться оказанным доверием. А ты подводишь нас, вызвал общий переполох. Обсудим тебя на комсомольском собрании, а, может быть, и исключим из комсомола.

– Ну и исключайте. Нужен мне такой ваш комсомол. Ему приказали сдать ружье и отправили его домой, чему он был явно рад. Он отдал ружье и тут же пошел домой, раставив в темноте.

Летняя ночь была теплой. Ночью семья спала на телегах, укрывшись сбереженным одеялом и тем, что нашлось в котомках. Рано утром, едва рассвело, табор подняли на

ноги. Конвоиры торопили ссыльных собираться в дорогу, говоря, что предстоит дальний переезд. Было объявлено, что их повезут на железнодорожную станцию. Вскоре табор поднялся с места и двинулся в путь, спереди, сзади и по сторонам его ехали конвойные с ружьями.

В первой небольшой деревне, через которую проезжали ранним утром, на улицах людей было мало.

Они с удивлением смотрели на телеги с ссыльными женщинами и детьми и сопровождавших их конвойных. Некоторые забежали к себе домой, брали хлеб и что-нибудь из пищи и, несмотря на окрики и брань конвойных, отдавали их ссыльным.

В следующей деревне, с русско-башкирским населением, картина повторилась. По-видимому, там уже знали, что через их деревню провезут ссыльных. Народу на улицах было много. Видя на телегах одних женщин и детей, вышедшие на улицу кричали конвоирам: «Куда их везете?», «Сволочи!», «Шайтаны!», сыпали в их адрес разные ругательства. Конвоиры стали гнать лошадей, чтобы как можно быстрее проехать через деревню. Кони уже бежали рысью, несмотря на это жители успевали подскочить к телегам и передать ссыльным хлеб, лепешки, пироги или шаньги. Одна башкирка, увидев телегу, на которой ехали мать с малышами, бросилась к ним между лошадьми конвоиров и из чугунка, который был у нее в руках, высыпала на платок матери еще горячую картошку.

Следующим на пути было большое село, где обоз со ссыльными женщинами и детьми уже ждали. Все улицы были запружены народом, который вышел поглядеть на предстоящее зрелище. Конвоирам буквально пришлось расчищать путь для проезда обоза. Впереди ехавшие конвойные размахивали плетками и кричали: «Дорогу! Дайте дорогу! Разойдись! Разойдись!» Ехавшие рядом с телегами конвойные усердно подгоняли лошадей, чтобы как можно быстрее проехать через село. Кони мчались рысью, жители, облепившие обоз, несмотря на угрозы и окрики конвойных, совали ссыльным хлеб, лепешки, пироги, шаньги, другую пищу. Раздавались мат, крики: «Мерзавцы! Куда вы их везете? Негодяи! Подлецы! Подонки! Легавые!» Неприязненность, враждебность толпы, простых людей к конвоирам и их явное сочувствие к ссылаемым женщинам и детям прибодрили ссыльных, подняли их мрачное настроение.

С трудом пробравшись через село и отъехав от него на две-три версты, обоз свернул с дороги и остановился на большой поляне. Был полдень. Конвойные отказались ехать дальше. Руководители конвоя собрались в кружок на совещание и решили переждать до темноты. С наступлением сумерек обоз двинулся дальше. Ночью проехали через две спящие деревни. Народу на улицах было немного, некоторые жители, услышав едущий обоз, выходили через калитки на улицу, в других домах открывались окна и любопытные пытались посмотреть, кого везут. Конвоиры, сопровождавшие обоз, кричали: «Дорогу! Дорогу! Освободите улицу! Уходите домой! Закрывайте окна!», – щелкали кнутами, били нагайками по окнам.

Утром обоз был на железнодорожной станции, где ссыльных уже ждал поезд с красными товарными «столыпинскими» вагонами. Нача-

лась подготовка к посадке в вагоны. Толстый, низкорослый начальник шел по перрону и командовал: «Первый «Столыпин». Сорок человек! Всё, хватит. Осадите назад!» «Второй «Столыпин». Сорок человек!» «Третий «Столыпин». Сорок человек!» И шел дальше. Последовала команда: «Приготовиться к посадке!» Открыли двери вагонов, раздались команды: «По вагонам! Садитесь, грузите вещи!»

Бабушка первой вскочила в вагон и заняла место на нижних и верхних нарах с небольшим зарешеченным окошечком. За ней в вагон полезли дети и мать, волоча за собой котомки. Вслед за ними в вагон влезали остальные люди, назначенные к посадке в этот вагон, загружали в него мешки, баулы и различные свертки, устраивались и укладывались на местах, на которых им предстояло отправиться в неизвестный путь. Споров никаких не возникало, люди теснились, помогая друг другу.

Дима смотрел в открытую дверь и видел: по перрону по четыре человека в ряду шла колонна заключенных мужчин, которых вели шедшие рядом с колонной конвойные красноармейцы с винтовками со штыками наперевес. Когда колонна проходила около какого-либо вагона, от нее отделялось несколько мужчин, они присоединялись к находившимся в вагоне ссыльным, а колонна шла дальше. Посредине колонны Дима увидел отца. На голову выше остальных заключенных, голубоглазый, он шел и улыбался.

– Мама, – закричал Дима, – смотри – наш тятя!

– Какой тятя? Откуда ему здесь взяться? – сказала мать, не веря Диме. Но бабушка тоже увидела отца.

– Саня, – воскликнула бабушка, – да смотри же ты вон туда. Правда, идет Вася.

Колонна поравнялась с вагоном, в который погрузилась семья. Увидев родных, отец отделился от колонны и присоединился к своим. Малышня бросились к отцу на шею, как гроздья повисли на нем. Мать и бабушка плакали от радости. Бабушка говорила: «Слава богу, теперь мы снова все вместе. Теперь с нами Вася. Теперь нам ничего не страшно!» Радости семьи не было предела.

Откуда и как появился отец при посадке семьи на поезд?

АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ

Арест – задержание, заключение под стражу подозреваемого.

Уголовный кодекс РСФСР.

– Привезли. Принимай очередного. Дежурный по райотделу милиции посмотрел на привезенного арестованного.

– Почему ездили так долго? Уехали утром, а вернулись только вечером? При аресте сопротивлялся?

– Не сопротивлялся. Приехали к нему, его нет дома. Сказали, что уехал с колхозниками в поле. Мы к председателю колхоза. Он говорит, что приказал ему сидеть дома, но он не послушался и уехал работать в поле. Куда уехал – никто не знает. Приехали в поле к одной бригаде – его там нет, приехали ко второй бригаде – тоже нет. Ну, думаем, навер-

ное, каким-нибудь путем узнал об аресте и сбежал. Приехали к третьей бригаде – он там спокойненько работает на сенокосе. Посадили его к себе на тарантас и привезли. Вот и ездили по полям весь день.

– Вам повезло. Недавно привезли двух буйных, при аресте сильно избили одного нашего милиционера. Отведите арестованного к следователю, он его ждет.

Следователь, сидевший в небольшой грязной комнатухе, сверил анкетные данные арестованного:

– Гаврилов Василий Васильевич. Год рождения – 1893. Родился там-то, женат, дети и т.д. Все сходится. Гаврилов Василий Васильевич, вы арестованы по обвинению в принадлежности к подпольному контрреволюционному обществу. Признаете себя виновным?

– Нет, не признаю. Ни в каком подпольном обществе не состоял, никакого контрреволюционного общества не знаю.

– Все арестованные так говорят. Следствие разберется.

Следователь приказал отвести отца в камеру. Она была уже плотно набита арестованными. На вновь прибывшего набросились с вопросами: кто такой? за что арестован? Отец отвечал, что арестовали за принадлежность к какому-то подпольному обществу, о существовании которого он ничего не знает. Его рассказ никого не удивил: оказывается, что многим из арестованных предъявлено такое же обвинение. Мужики из соседнего села Сикияз в голос уверенно заявляли, что тоже не знают, за что их арестовали, ни о каком подпольном обществе они не знают, что все это «придумано чекистами», но чекисты «до ничего не докопаются, следствие окончится ничем, и всех их отпустят домой».

Арестованные сидели в камере день, второй, третий, но никого на допросы не вызывали. Однажды отец услышал, что один из милиционеров назвал другого по фамилии Омельков. Выбрав момент, когда около него не было других милиционеров, отец спросил его:

– Ты из деревни Омельково? А знаешь Афанасия Степановича Омелькова?

– Это мой родной дядя. А вы откуда его знаете?

– В германскую служили в одной роте. Как он сейчас поживает?

– Нормально. Как все. Работает в колхозе.

– Почему никого из арестованных не вызывают на допросы?

– Ждут из центра следственную комиссию. Зверская комиссия. Говорят, работает «контеером». Что такое, я не знаю.

– «Конвейером». Я знаю, что это такое. Спасибо за все. Передай привет от меня Афанасию Степановичу.

– Обязательно передам.

В 1920–1921 гг. отца вместе с группой других грамотных солдат (окончил два класса земской школы) не демобилизовали, а направили для продолжения срока воинской службы в милицию. Они конвоировали арестованных, но главной их задачей была борьба с самогонварением. Милиционеры ездили по деревням, отбирали у крестьян самогонные аппараты и конфисковывали самогон. С молчаливого одобрения начальства, озабоченного тем, как прокормить подчиненных, они действовали таким образом: из конфискованных четырехлитровых буты-

лей с самогоном одну-две бутылки публично, при свидетелях, разбивали, а остальные бутылки с черного хода продавали тем же крестьянам.

Краткосрочная служба в милиции, кроме фокусов с самогоном, о которых отец рассказывал с юмором, познакомила его с методами милицейской работы того времени. Арестованных не били, это было строжайше запрещено, но им несколько суток не давали спать, непрерывно допрашивали до тех пор, пока они не сознавались в преступлениях. Такой допрос назывался «конвейером», его применяли очень редко, и редко кто его выдерживал.

Отец также знал, что если арестованные во время следствия подписывали протокол допроса с признательными показаниями, а потом на суде отказывались от них, ссылаясь на несправедливость следователей или применение к ним насилия, суд всегда, без какой-либо проверки, отвергал все такие жалобы.

Прошло еще несколько дней. Наконец, приехала следственная комиссия, арестованных стали водить на допросы. Подошла очередь отца. Первый следователь, к которому он был вызван, был высокий, здоровый детина с открытым русским лицом, широкоплечий, с пудовыми кулаками. Он сидел за столом и, хмуро посмотрев на арестованного, начал выяснять анкетные данные: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства, состав семьи.

Отец с раннего детства был заикой, в молодости заикался сильно, позже – реже, в пожилом возрасте – очень редко. Он начал с заиканием рассказывать следователю:

Г-гав-рилов Вас-с-илий Вас-с-ильевич. Живу в де-де-ревне Озе-ро. Ж-ж-енат. В с-семье восемь ч-ч-ело-век: к-к-кроме самого, ж-жена, т-теща, пять де-тей: Алек-с-сей, Мария, Павел, Д-д-митрий, Елена.

Перечень членов семьи утомил следователя и взорвал его:

– Мерзавец! Сволочь! Мошенник! Твою мать...

Он так грохнул по столу кулаком, что на столе подпрыгнули письменный прибор и все, что на нем находилось, и разразился грубой руганью:

– Подлец! Негодяй! Нашкодите, напакостите, а как предстанете перед революционным судом, сразу теряете дар речи, начинаете заикаться. Тварь! Подонок! Мать твою...

– Граж-ж-данин с-с-следов-тель, к-ког-да я был м-малень-кий, двух лет, напал г-гусь и с-сильно и-искус-сал, я оч-чень и-испу-гал-ся и стал за-заи-икаться. Б-б-абки лечили от за-заи-икания, но ничто не п-помогло. Заи-заи-каюсь до сих пор.

– Нахал! Дрянь! Паршивец! – снова загремел следователь. – Прикидываешься заикой. Но у тебя этот номер не пройдет, выясним и разоблачим. Выясним! Разоблачим!

Следователь заглянул в лежащую на столе бумажку и стал грозно задавать один за другим вопросы:

– Почему агитировал против вступления в колхоз? Выступал на собраниях, призывал не вступать в колхоз, распродавать имущество?

– Граж-ж-данин с-с-сле-дова-тель, о-ора-тор из м-меня п-пло-хой. На с-собраниях никогда не вы-выс-ступал. П-про-верьте по п-про-то-

к-колам, с-спрос-сите людей. Против с-советской в-власти и против к-кол-хоза никогда никому ничего не г-говорил. П-покажите, кому я г-гово-рил не вступать в к-кол-хоз?

– Кретин! Мошенник! Ты еще будешь учить меня, кого и о чем спрашивать? – снова загрохотал следователь. – Не беспокойся, все проверим и выведем тебя на чистую воду! Что ты делал 17 мая прошлого года на Михайловской мельнице?

Вопрос насторожил отца: к чему тут какая-то мельница? Наверное, там был совершен какой-нибудь теракт или убили кого-нибудь, и теперь следствию нужно притянуть к этому делу и его. Он твердо отвечал:

– Никогда не был на этой мельнице.

Ответ разозлил следователя:

– Недоумок! Идиот! Урод! – он разразился новыми ругательствами.

– Люди видели тебя на этой мельнице. Что ты там делал? Где мелете свою муку?

– Гражданин следователь, я никогда не был на этой мельнице. Как кто-то мог меня там видеть, если я никогда там не был? Когда жили единоличниками, хлеб мололи на своей мельнице, а после вступления в колхоз муку сами не мелем, мелет колхоз для всех колхозников.

– Проверим, проверим! – грохотал следователь. – Найдем свидетелей! Разоблачим! Почему при вступлении в колхоз не сдал лошадей и инвентарь? Обманул колхоз и государство. Паршивец! Мразь! Куда ты их дел? Продал?

– Сдал в колхоз двух лошадей – Лысуху и Рыжуху и жеребенка. Как можно было вступить в колхоз, не сдав лошадей? В деревне всё на виду, все знают, у кого что есть. Мои лошади работают сейчас в колхозе. Недавно заходил на конный двор. Лошади увидели меня, радостно заржали, подбежали ко мне. Дал им по ломтю хлеба. За лошадьми ухаживает Мишка Перин, хороший конюх, любит лошадей, доглядывает за ними. Поезжайте в колхоз, вам покажут бывших у меня лошадей.

– Проверим, проверим! Все проверим, все докажем! Ты любовью к лошадям меня не заговаривай! Выродок! Подонок! Дрянь! Может лошадей ты и сдал, а перед вступлением в колхоз все свое имущество разбазарил. Хитрый: спусти что есть, а кормить меня и семью колхоз будет. Паразит! Гад ползучий! Гадина! Такие вот колхозы разоряют. Мать твою... Кретин, мерзавец и паскуда! За все ответишь по строгости закона!

– Гражданин следователь! Ничего я не разбазаривал. Сдал в колхоз плуг, три деревянные бороны, жнейку-сброску, два улья рамочные с пчелами, пшеницы 110 пудов, овса 52 пуда, ржи 10 пудов, озими один переезд. Какое имущество обобщали – все сдал.

– Я все записал. Думал – наврешь, тебе так и поверят? Все проверим, посмотрим, что наврал. Отвечать будешь по строгости закона за все, за каждое слово. Смотрите: он святой и праведный, ничем не замаран. А вредил тайно, тихой сапой? Почему вошел в подпольный террористический кружок? Готовили свержение советской власти? Отвечай, поганец!

– Ни в каком контрреволюционном кружке я не состоял, никакой подпольной организации не знаю.

– Докажем! Мать твою...

Последовал новый трехэтажный мат. Допрос продолжался 8 часов. Следователь требовал стоять перед ним навытяжку, виртуозно матерился, непрерывно сыпал ругательства, стучал кулаком по столу. Это был или искусный актер, или в нем кипела пролетарская злость к «врагам народа». Измотанный отец, вернувшись в камеру, разделся и лег спать, но уже через несколько минут раздалась команда: «Гаврилова – к следователю!», и его снова повели на допрос. Он понял: попал в «конвейер». Теперь – только держись, не поддавайся запугиванию, сохраняй свои физические и умственные силы.

Второй следователь, в отличие от буйного и громогласного первого следователя, оказался спокойным, рассудительным человеком, причем, по-видимому, равнодушным к исходу следствия, поскольку ему, конечно, заранее были известны его результаты. Стол следователя был завален книгами и газетами, которые он подолгу читал и делал из них какие-то выписки. Может быть, он где-то учился заочно, или готовился к какому-нибудь докладу. Он не интересовался колхозными делами и имуществом арестованного, а налег на выпытывание сведений о подпольном контрреволюционном обществе.

Последовали вопросы:

– Когда вступил в преступное сообщество? Кто вовлек тебя в преступную организацию? Кто руководил вашим кружком? Сколько членов в нем состояло? Что ты делал на Михайловской мельнице 17 мая прошлого года? Какая связь была у кружка с городом? Кто ездил в город для установления связи? Кто из членов кружка ездил в город по каким-нибудь личным делам? Знаешь такого-то, такого-то, такого-то? Он называл фамилии и имена живших в Сикиязе мужиков и выпытывал, что отец о них знает.

На все вопросы арестованный отвечал:

– Не был. Не знаю. Незнаком с ним.

После нескольких вопросов следователь разрешал сесть, хорошенько подумать и говорить только правду, а сам погружался в свои бумаги. Через более или менее продолжительное время снова раздавалась его команда:

– Встать! Отвечайте на вопросы.

Но опять слышал в ответ то же:

– Не был. Не знаю. Не знаком.

– Какой ты упрямый и непонятливый, – говорил следователь. – Есть неопровержимые данные об участии тебя в кружке. Чистосердечные признания позволят следствию просить о смягчении тебе наказания. Получишь по минимуму.

Но арестованный продолжал стоять на своем.

Следователь долго писал, а затем дал подписать протокол допроса.

Отец внимательно начал его читать:

– Почему вы написали, что я плохо знаю такого-то, потому что он живет в соседней деревне? Я его совсем не знаю. Он мне не кум, не сват, не брат. Никогда с ним не встречался. Вы написали, что я забыл, был ли я на Михайловской мельнице? Что значит, забыл: может, не был, а

может – и был, но забыл? На этой мельнице я никогда не был. Такой протокол я не подпишу.

– А какой подпишешь?

– Такой, где правильно запишите мои ответы.

– Запишу все твои «нет, не был, не знаю», а потом подошью эту бумагу в папку? Кому она будет нужна?

Он скомкал протокол и бросил его в мусорную корзину.

– Запишу, что ты отказался подписывать протокол допроса.

– Пишите. Ваше дело.

Допрос шел 8 часов. Утомленный отец, как только его привели в камеру, не раздеваясь, лег спать и мгновенно заснул. Но поспать долго ему не удалось. Через десяток минут его разбудили и повели на новый допрос.

Третьим следователем оказался седой, благообразный, блаженный старичок, каких в народе называют «божьими одуванчиками». Он являлся председателем следственной комиссии. Старичок был необыкновенно вежлив и обходителен, говорил мягким, ласковым, слащавым голосом. Всем своим поведением старичок показывал, что он – сплошная доброта.

– Мил человек, Василий Васильевич, – обратился он к арестованному, – мы знаем, что ты хороший человек, в твоей деревне отзываются о тебе хорошо. Эти злодеи насильно вовлекли тебя в контрреволюционную организацию. Помоги революционному следствию разоблачить негодяев, мы простим тебе ошибки, освободим из-под ареста, опять вернешься к семье. Кто из них имел оружие? Где оно спрятано? Какая связь была у них с городом? Какие у них были планы? Что они собирались делать после захвата власти в свои руки ими и их сторонниками?

Но ласковый тон и сердечная заботливость главного следователя не подействовали нужным образом на арестованного:

– Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, никакого подпольного кружка не знаю, – отвечал арестованный. – Не знаю, кто у них был в кружке, не знаю, есть ли у кого из них оружие. Да и как я мог это знать, если никого из них я не знаю?

Но главный следователь, почетный чекист, был настойчив, был опытным, умелым искусителем:

– Экий ты несговорчивый! Мил человек, ты не понимаешь своего выгодного положения. Все члены кружка арестованы, признались в своей вражеской деятельности, подписали признательные показания. Скажи нам, где у них спрятано оружие, обезвредим это осиное жало в теле революции, и мы тебя освободим.

– Но я же вам уже столько раз говорил, что не знаю никого из членов кружка. Не знаю, было ли у них оружие и где оно спрятано.

– Мил человек, как ты мог ничего не знать, если об этой банде говорила вся деревня?

– Может кто-нибудь и говорил, а я этого не знаю. Спрашивайте тех, кто об этом говорил.

– Жаль, мил человек, что не хочешь оказать революционному следствию содействие в разоблачении врагов советской власти, – сокрушал-

ся главный следователь. – Помоги найти спрятанные винтовки. Ты так бы нам помог. Мы бы тебя отблагодарили.

– Как я могу вам чем-то помочь, если я ничего не знаю? Ваша работа – вы и ищите, разоблачайте.

Допросы следовали непрерывно, один за другим, без остановки. Первый следователь на каждом допросе неустанно матерился, сыпал ругательства, стучал кулаком по столу, выпытывал мелкие подробности о работе в колхозе и имущественном положении:

– Прикидываешься середняком, а имел две машины – жатку и льномялку. Плут, пройдоха, обманщик! Хочешь обдурить следствие? Не выйдет, мать твою...

Отец терпеливо опровергал обвинения:

– Жатку-сброску, подержанную, купил накануне германской войны у соседа. Таких жаток в деревне было несколько десятков. У других были и более сложные машины – сноповязалки, их в деревне было семь. Серпами уже никто не жнет, не старое время. А как жнут на жатке? Запряжешь лошадей, сидишь на жатке – косишь, хлеб ложится на полотно, а как накопится много, ты вилами его сбрасываешь на землю. За день намахаешься так, что руки и плечи болят. Такая механизация. Жатку сдал в колхоз.

Пришлось объяснять устройство льномялки:

– Льномялка – ручная самоделка. Три доски, на одном конце они соединены осью, на противоположном конце – соединены друг с другом только две крайние доски, а к третьей приделана ручка, за эту ручку доску поднимают вверх, а затем опускают вниз. Между досок, под поднимающуюся и опускающуюся доску, кладут лен, мнут его. Вот и вся механизация.

– До колхоза все сеяли понемногу лен, мяли его, пряли, делали холсты, шили холщовую одежду. Колхоз лен не сеет, льномялки ему не нужны. Льномялку в колхоз не сдавал, никто не просил, если она им нужна, в любое время могут прийти и взять, она лежит во дворе под крышей.

Следователь выслушивал объяснения, что-то записывал, снова следовали:

– Мерзавец! Сволочь! Негодяй! Подонок! Дрянь! Все проверим! Докажем! Докажем! Мать твою... Затем он переходил к новой придирке и начиналось то же самое. Правда, отец заметил, что накричавшись и наругавшись, следователь вторично уже не возвращался к этому вопросу.

Второй следователь каждый раз убеждал подписать признательные показания о принадлежности к преступному сообществу и говорил о бесполезности запирательства. Он уверял, что как только он подпишет признательные показания, его не будут больше вызывать на допросы, он не будет больше напрасно мучить себя и следователей. Третий следователь, милый старичок, председатель следственной комиссии, был по-прежнему вежлив и внимателен, каждый раз долго и назойливо выпытывал о спрятанном оружии и просил арестованного подписать показание, что он якобы слышал разговор о спрятанных членами кружка винтовках.

Теперь отец, придя с очередного допроса, не раздеваясь, ложился спать, чтобы урвать для сна хотя бы несколько минут. Когда его конвоировал Омельков, тот не сразу будил отца, давал ему поспать 10–15 минут, а на ворчание следователя, почему долго не вели арестованного, придумывал какие-нибудь причины. Да и другие конвоиры стали относиться к нему мягче, не торопили, не подгоняли, не тыкали в спину прикладами.

Отец заметил, что из камеры один за другим исчезали заключенные и при удобном случае спросил о них у Омелькова. Тот ответил:

– Как только кто подписывает признательные показания, того сразу переводят в отдельную камеру. Будут отправлять в тюрьму.

Непрерывные допросы продолжались четверо суток. Арестованный уже еле держался на ногах от недосыпания, усталости и стояния навзятяжку перед следователями, голова кружилась, но он по-прежнему был тверд, не подписал ни одного протокола. На последнем допросе председатель следственной комиссии сказал:

– Напрасно мучил комиссию столько времени. Думал: прикинусь ничего незнающим, с меня все сойдет. Не выйдет! Завтра сделаем очную ставку и разоблачим тебя.

СУД

*Когда ввели в «народный суд»,
Народу я не видел.
Судье – простор, а прокурор
Тотчас меня обидел.*

В.Высоцкий.

Дело явно близилось к концу. Отец был в недоумении. Очную ставку – с кем? Что они хотят доказать? Какие у них есть «неопровержимые доказательства», на которые следователи ссылались на допросах?

На следующий день его снова вызвали на допрос. В комнате сидели все три следователя, еще какие-то люди. Среди них отец увидел парня из соседнего села – активного комсомольца Ильку, который нередко бывал и в их деревне.

Председатель следственной комиссии предложил Ильке:

– Расскажи, что ты видел на Михайловской мельнице 17 мая прошлого года. Илька вышел вперед и громко, уверенно, видимо излагал это уже не один раз, стал рассказывать:

– По заданию ОГПУ я следил за членами Сикиязского подпольного контрреволюционного кружка. В прошлом году мне стало известно, что члены кружка собираются 17 мая провести на Михайловской мельнице тайное совещание. Я уехал туда заранее и спрятался в кустах. Когда все они собрались и начали совещание, я сел у открытого окна и слышал все их разговоры. Там были тот, этот, этот и т.д. И Василий Гаврилов.

– Постой, Илька! – закричал отец. – Как я мог быть там, если тогда всю весну, два месяца, лежал в больнице?! Илька растерялся и смутился.

Он сказал:

– Я вспомнил. Василий тогда действительно болел, там его не было. Председатель следственной комиссии вскочил и закричал (вместо мягкого, елейного у него появился громогласный голос):

– Мерзавец! Ты лжешь нам, подлец.

Но парень оказался честным и не из пугливых. Он громко и уверенно заявил:

– Я ошибся. Гаврилова Василия на совещании не было.

Что тут началось! Шок! Рушилось главное, основное, «неопровержимое доказательство», которым постоянно оперировали следователи. Председатель следственной комиссии разразился отборной бранью, топал ногами, кричал на Ильку:

– Ты подвел органы госбезопасности! Провалил операцию! Тебя самого мы посадим за решетку!

Убирайся отсюда!

Илька ушел. Председатель следственной комиссии раздавал растерявшимся подчиненным распоряжения:

– Позвоните в больницу, узнайте, был ли там Гаврилов? Пошлите туда нарочных, пусть проверят больничную документацию, опросят медицинский персонал, свидетелей! Срочно!! Немедленно!!!

Но всем было ясно, что все это пустое дело. Было очевидно, что комсомолец говорил правду. Гнев председателя следственной комиссии обрушился и на отца:

– Почему на следствии ты не сказал, что 17 мая был в больнице?

Отец ответил:

– Меня об этом никто не спрашивал.

Разъяренный председатель следственной комиссии от злости бегал по комнате из угла в угол. Арестованного поспешно увели в камеру.

На завтра отца доставили в суд. Судила «Тройка»: за столом сидели председатель следственной комиссии, секретарь райкома партии и прокурор Алексей Степанович Маврин. Тут же находились следователи, которые допрашивали его, сотрудники милиции, неизвестные ему люди, конвоиры.

Маврина отец хорошо знал. Когда бабушка-вдова жила одна с двумя дочерьми-подростками – Александрой и Анной, и в семье не было рабочих-мужчин, отец Маврина весной за определенную плату пахал ее земельный надел. Позже сам Алексей Степанович Маврин, тогда еще подросток, подрядился вспахать ее земельный надел, но вспахал плохо, халтурно, и бабушка всенародно ругала и стыдила его за недобросовестную работу. Потом Алексей Степанович где-то учился и теперь сидел за столом, решая судьбы людей.

Председательствовал почетный чекист. Он кратко зачитал вины отца, которому инкриминировались эксплуатация наемного труда, антисоветская и антиколхозная агитация, противодействие колхозному строительству. После этого он дал слово своим следователям, заявив, что они подробнее доложат о преступлениях подсудимого.

Первым выступил следователь громила, сквернослов и матерщинник. Он заявил:

– Я тщательно проверил все обвинения, выдвинутые против Гаврилова, сам побывал в его деревне. Все обвинения, выставленные против него в справке, подготовленной сельсоветом и правлением колхоза, их полуграмотными руководителями под чью-то диктовку, оказались ложными. Следствие не нашло доказательств его принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку. Я предлагаю дело Гаврилова закрыть за отсутствием состава преступления, а его самого освободить из-под стражи.

Выступление следователя поразило отца. Он, наверное, меньше бы удивился, если бы в этот момент разразился гром небесный, а молния разнесла все здание судилища.

Второй следователь был краток:

– Я согласен с предложением коллеги. Данные об участии Гаврилова в контрреволюционном кружке не подтвердились. Смирный и тихий мужик. Отец большого семейства, пятеро малолетних детей. За что и зачем сажать его в тюрьму?

Доклады следователей возмутили председателя «Тройки». Он вскочил с места и размахивая руками стал кричать:

– Тихий и смирный мужик! Забыли, что творило кулачье, эти «смирные и тихие» мужики? В 1918 г. мой брат с продотрядом уехал в деревню, крестьяне, «смирные и тихие мужички», встретили их хлебом-солью, а затем напоили пьяными и ночью всех перебили. Нельзя терять революционную бдительность!

– Андрей Сергеевич! – обратился к нему первый следователь. – Если в 1918 г. у тебя убили брата, ты готов пол-России отправить в тюрьму. Я знакомился с делом об этом продотряде. Они собрали продразверстку и на радостях устроили пьянку. Перепились, стали гоняться за бабами и девками. Мужики собрались и их перебили. Они бесплатно забрали у крестьян хлеб, стали безобразничать, и вы хотели, чтобы крестьяне любили и миловали этих продотрядовцев? Нельзя много лет жить одной злобой и ненавистью! – Почетный чекист сник. Было понятно, что заседание суда пошло не так, как он рассчитывал и планировал. Он понимал, что обвинение Гаврилова в принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку полностью и безнадежно провалилось, исправить тут что-либо было уже невозможно. Однако он был опытный, выдавший виды иезуит и не хотел признать свой провал.

В его распоряжении были грозные документы – директива ОГПУ № 775 от 18 января 1930 г. о массовых выселениях кулацко-белогвардейского элемента и директива ОГПУ от 15 марта 1931 г. о проведении с мая по сентябрь 1931 г. массовой операции по «полной очистке» местностей от кулацко-белогвардейского элемента. Кроме того, по рассматриваемому делу у него в запасе была сохранена не обнаруживаемая до времени мина, которую он в нужный момент приведет в действие.

Он приказал подсудимому:

– Гаврилов, выйди в коридор.

О том, что происходило на заседании «Тройки» в отсутствие отца, он узнал позднее, вернувшись из ссылки, от присутствовавших на заседании очевидцев.

Председатель «Тройки» произнес гневную речь:

– ПП ОГПУ поручило комиссии особенно тщательно подвергнуть массовой, полной очистке от кулацко-белогвардейского элемента местности, в которых в 1918 г. произошли антисоветские кулацко-белогвардейские восстания. Летом 1918 г. в Месягутово и Сикиязе кулаки подняли мятеж, который послужил сигналом к мятежам в соседних местностях. Разрослось большое восстание, которое подавить не удалось. При отступлении белых в Сибирь летом 1919 г. часть мятежников, безусловно, осталась в своей местности, замаскировалась и исподтишка вредила советской власти. Я готовил операцию по ликвидации Сикиязского нелегального кружка. Мы выявили и обезвредили кружок, но нет уверенности, что у него не остались корни.

Наша задача, задача коммунистов-большевиков, – как можно лучше выполнить директивы ОГПУ и приказ наркома, вычистить полностью, до основания, кулацко-белогвардейские элементы.

Гаврилов – явный враг, контрреволюционно настроенный человек. Он не помог революционному следствию, водил нас за нос две недели, не подписал ни одного протокола, для разоблачения его нам пришлось засветить своего тайного агента, но и тут он сумел отвертеться.

Есть точные, достоверные сведения, что его отец Гаврилов Василий Дмитриевич был расстрелян красногвардейским отрядом в 1918 г. Подсудимый, несомненно, будет мстить за своего отца. Оставлять его на свободе нельзя. Я предлагаю выслать его с семьей в отдаленные районы вместе с группой подготовленных к ссылке кулацко-белогвардейских элементов.

Почетный чекист убедительно показал, кто тут хозяин. Но он не смог переубедить несогласных. Непокладистый первый следователь спросил:

– У вас есть данные, какой красногвардейский отряд, когда, при каких обстоятельствах расстрелял отца Гаврилова, за что, какие ему предъявлялись обвинения?

– Таких данных у меня нет, – нехотя, скрепя сердце, ответил председатель «Тройки».

– Считаю, что сведения о расстреле отца Гаврилова неясные, недостаточные, – заявил непокладистый следователь. – Летом 1918 г. было немало красногвардейских отрядов, действовавших самостийно, занимавшихся самоснабжением, расстреливавших всех, кто в чем-либо противодействовал им. Порядок навели в 1919 г., когда сформировали регулярные части, со строгой дисциплиной, организованным снабжением. Перешедших на нашу сторону беляков и пленных сортировали, даже белых офицеров огульно не стали расстреливать, с каждым разбирались отдельно. Теперь мирное время, а мы без проверки фактов собираемся осуждать человека только за то, что его отец 13 лет назад, в гражданскую войну, кем-то и неизвестно за что был расстрелян.

Председатель «Тройки» был непоколебим и непреклонен:

– У нас нет времени, чтобы расследовать события 1918 г. Я убежден: Гаврилов – социально опасный элемент, он подлежит выселению в отдаленные районы. Алексей Петрович, ты препятствуешь работе нашей

комиссии, мешаешь по-революционному, на высоком уровне провести операцию. По возвращении в управление я поставлю вопрос о вынесении тебе партийного взыскания.

– А я поставлю вопрос об отправке тебя на пенсию, – парировал на это его непокладистый следователь.

Председатель «Тройки» побелел, потом покраснел. Вмешался секретарь райкома партии:

– Товарищи чекисты, не надо препираться! Между собой разберетесь у себя дома. Надо решать судьбу подсудимого. Установлено: он не состоял в контрреволюционном кружке. Я смотрел акт о сдаче Гавриловым колхозного склада, ревизоры не обнаружили ни недостачи, ни излишков. По району уже почти десяток колхозных кладовщиков посадили в тюрьму за воровство и растраты, мы двух коммунистов за такие дела исключили из партии.

Председатель колхоза заверил меня, что ревизировать склад были посланы самые грамотные, самые принципиальные люди. А что это значит? Гаврилов – человек честный, добросовестный. Я не услышал против него никаких серьезных доводов. Я против ссылки Гаврилова и его семьи.

Председатель «Тройки» был непоколебим:

– Я настаиваю на ссылке Гаврилова.

Он обратился к прокурору:

– Алексей Степанович, а ты как считаешь, что делать с Гавриловым?

– Выселить надо, – сказал молчавший до тех пор прокурор. Теща у него зловредная. Ее надо повесить на первой осине.

Почетный чекист поморщился:

– Причем здесь теща? Я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Гаврилова и его семью выселить из местности, прошу поднять руки. Я и прокурор – за, а секретарь райкома?

– Я против.

– По большинству голосов, – заключил почетный чекист, – проходит высказанное предложение.

«Тройка» постановляет: Гаврилова с семьей как социально опасный элемент выселить в отдаленную местность.

Секретарь райкома заявил:

– Я против такого решения. Напишу особое мнение.

– Пишите. Это ничего не изменит, – сказал главный чекист. Он не скрывал своего торжества и распорядился: – Введите подсудимого.

Когда ввели Гаврилова, он объявил:

– Гаврилов Василий Васильевич, решением особой комиссии ты приговариваешься к ссылке с семьей в отдаленные местности. Приговор понятен?

– Понятен. Отпустите домой подготовить семью к ссылке.

Председатель судебной «Тройки» удивился его наивности:

– Ишь чего захотел. Отпустите его, и он сбежит. Потом ищи ветра в поле. О семье позаботятся другие. Тебя отправят этапом на железнодорожную станцию в общей колонне, с группой подготовленных к ссылке кулацко-белогвардейских элементов.

Неизвестно, написал ли секретарь райкома партии свое особое мнение, а если написал – неизвестно, сыграло ли в дальнейшем оно какое-либо значение в судьбе Гаврилова и его семьи.

Двенадцать сикиязцев, арестованные по обвинению в принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку и подписавшие признательные показания, были приговорены каждый к десяти годам заключения и навсегда исчезли из деревни. Парень из Сикиязза, за воровство отбывавший в заключении в лагерях три года, рассказывал, что он встретил их на Беломорканале. Они были заняты на земляных работах, держались вместе. Дальнейшая их судьба неизвестна, в деревне никто из них больше не появлялся.

До сих пор достоверно неизвестно, существовал ли в Сикияззе подпольный контрреволюционный кружок, или он был искусственно создан фантазией и стараниями чекистов.

Комсомолец Илька исчез из деревни и больше никто о нем ничего не слышал. Может, он смылся, спасаясь от мести чекистов, затерялся на просторах необъятной Родины. Может, уехал куда-нибудь в город и предпочитал не поддерживать связь с земляками. Может, ОГПУ направило его работать на них в какой-нибудь новый район, возможно, даже сменив ему фамилию и имя. Его дальнейшая судьба осталась неизвестной.

ПРЕДКИ

*Поведаю теперь я свету...
Дела давно минувших дней
Преданья старины глубокой.*
А.С.Пушкин.

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*
А. С.Пушкин.

Для того, чтобы понять, когда и как в предгорьях Урала появился мятежный район, населенный людьми, «напитанными духом своеволия и неповиновения начальству», почему в этой местности в 1918 г. разразилось Сикиязско-Месягутовское антисоветское крестьянское восстание («Сикиязско-Месягутовская Вандея»⁵), почему семья Гавриловых в 1931 г. оказалась в Сибири, необходимо вернуться на два с половиной столетия назад, в середину XVII в.

На окраине Великой Евразийской Степи, на ее северном выступе, в Приуралье, простиралась расположенная в долине реки Ай так называемая Месягутовская лесостепь. Заселение русскими этой отдаленной, глухой, непаханой местности, по которой столетиями передвигались десятки кочевых народов – от скифов и печенегов до башкир, – было во

⁵ Вандея – департамент во Франции, в котором во время Великой Французской революции конца XVIII в., в 1793–1795 гг., происходило крупное крестьянское контрреволюционное роялистское восстание, с трудом подавленное революционным правительством. Имя «Вандея» стало нарицательным для обозначения контрреволюционных крестьянских восстаний.

многим обязано церковным реформам 1653–1658 гг. «крепкостоятельного пастыря» православной веры патриарха Никона, его попыткам, поддержанным царем Алексеем Михайловичем и правительственными властями, унифицировать церковную службу, исправить богослужебные книги и церковные обряды по греческим образцам, централизовать церковную организацию, усилить власть патриарха.

Церковные реформы Никона встретили сопротивление у значительной части населения и части духовенства, «ревнителей древнего благочестия». Произошел раскол верующих на два противоположных лагеря, защитники «старой веры» – староверы – получили название раскольников. Яростное и жестокое преследование неистовым патриархом Никоном, «яко зверь рыкающим», противников его реформ, вызвало волну массовых переселений на Север и в восточные районы страны населения, спасавшегося от религиозных преследований и феодально-крепостнического гнета.

В 1750 г. на вотчинных землях башкир Тарнаклинской волости Сибирской дороги по договору о припуске государственными крестьянами, переселенцами-раскольниками, были основаны в излучине реки Ай деревня Месягутово и в десяти верстах от нее, на небольшой речке Сикияз – деревня Сикияз. В 1788 г. на берегу озера переселенцами-раскольниками была основана деревня Озеро. По договору 1798 г. переселившиеся крестьяне купили землю у башкир-вотчинников и стали ее собственниками. Земля находилась в общинной собственности, распределялась по ревизским душам.

Деревня Сикияз располагалась по прямой линии вдоль дороги, шедшей на Месягутово. Деревня Озеро раскинулась полукругом возле озера, образуя дугу, обеими своими концами приближавшуюся к деревне Сикияз. Озеро, находившееся между Сикиязом и деревней Озеро, по неизвестным причинам, в давние времена высохло и превратилось в большое сухое и полусухое болото, заросшее кустарниками. В описываемое время даже самые пожилые старожилы не помнили, когда это болото было озером, но деревня по-прежнему называлась Озером, хотя никакого озера при ней с незапамятных времен не было. Сикиязцы, пришедшие раньше, заняли и распахали обширную равнину с черноземными почвами. Озерские, зажатые между озером и высокими каменистыми холмами, окружавшими его, страдали от малоземелья.

Правительственные власти относились к раскольникам с недоверием как к людям упрямым и неподатливым, подозрительным. В 1834–1835 гг. на Урале и в Западной Сибири произошли массовые волнения государственных крестьян, поводом для которых послужили ужесточение сбора недоимок, распоряжение властей о строительстве запасных хлебных магазинов. Распространились слухи о переводе государственных крестьян в удельное ведомство, о «продаже их помещику Медведеву», о насильственном крещении мусульман.

9 июля 1835 г. в Месягутово на мирской сходке было объявлено предписание о постройке за счет общества хлебных запасных магазинов. Собравшиеся заявили, что магазины строить не согласны, так как указ «не сам царь подписал», «общество продано помещику Медведеву», поэто-

му они решили «в удел не идти», а если приедет исправник, они встретят его «грудью шеренгою» и будут стоять один за другого. Прибывший в село земский исправник не смог уговорить крестьян прекратить волнения. 11 июля на площади в Месягутово собралась толпа около двух тысяч государственных русских крестьян, башкир и тептярей из близлежащих деревень. Бунтовщики окружили квартиру исправника, вытащили из нее исправника и избili его, отобрали у него бумаги и вещи, а затем три дня держали его под арестом и обещали повесить.

Волнение было подавлено генерал-губернатором В.А.Перовским, прибывшим с войсками. Бунтовщики были подвергнуты экзекуции – массовой порке. Двенадцать крестьян, признанных предводителями волнений, «в ножных железках» были отправлены в губернский тюремный замок, а после следствия и суда сосланы в Сибирь или отданы в солдаты.

После отмены в 1861 г. крепостного права местность оставалась чисто земледельческой. На Южном Урале стали осваиваться и распахиваться новые земли. В эти годы в этих местах появился Дмитрий Гаврилов, бывший крепостной крестьянин Тамбовской губернии, направившийся в Сибирь за поисками счастья и лучшей жизни. До Сибири он не добрался, а застрял в городе Кунгуре. Он был грамотным и расторопным, несколько лет служил приказчиком у какого-то купца, а скопив денег, решил заняться хлебопашеством и двинулся на юг, на плодородные приуральские земли. Здесь он зацепился в деревне Озеро, а вскоре и женился на местной девушке-сиротке, обзавелся домом и хозяйством.

Несмотря на то, что общество, ввиду малоземелья, не принимало «чужака» в свой состав, благодаря своему трудолюбию пришелец хорошо вел свое хозяйство, семья жила счастливо, у них родились двое детей – мальчик и девочка. Однако однажды ночью в дом проникли разбойники и зарезали хозяина и его жену. Малолетние дети – мальчик Вася и его сестренка, обомлевшие от страха, сидели на печи и видели жуткую расправу над их родителями. Но разбойники их не тронули. Они в поисках денег перерыли весь дом, но ничего не нашли. Осиротевших детей взял себе на воспитание местный богатый крестьянин Евстигней Стругов. Он воспитал их как своих родных детей, а когда они повзрослели, выдал девушку замуж, а Василия Дмитриевича женил и помог ему построить дом и обзавестись хозяйством. Василий Дмитриевич всю жизнь считал Евстигнея Стругова своим отцом и всегда относился к нему с большим уважением, по всем делам советовался с ним.

У Василия Дмитриевича появилась большая, трудолюбивая семья. Он женился три раза, от первой жены Агриппины остались четверо сыновей – Алексей, Николай, Василий, Петр и дочь Наталья, от второй жены Марии – дочь Прасковья, от третьей жены Евдокии – дочь Александра, сыновья Павел и Иван. Василий Дмитриевич три раза просил сельское общество принять его в свои члены, но каждый раз получал отказ. После третьего отказа, что соответствовало тогдашнему законодательству, решением земского начальника, вопреки мнения общества, он был зачислен в его члены и получил право на получение земельного

надела. Но и после этого он в деревне считался «чужаком», неугодным, нежелательным лицом.

В пореформенный период земледелие в крае сделало успехи. На тучных черноземных почвах крестьяне получали с десятины по двести пудов хлеба, что было обычным явлением. Появились конные молотилки и веялки, позднее – жатки и сноповязалки. Развивалась торговля. Крестьяне излишки хлеба продавали на ярмарках или везли продавать на уральские заводы. В Сикиязе богатые или благополучные крестьяне обзавелись хорошими большими деревянными домами из толстого строевого леса с шестью-восемью окнами на улицу. В деревне Озеро, где население жило бедно, преобладали небольшие дома из более тонкого леса с четырьмя-пятью или даже только с тремя окнами на улицу.

Месягутово, находившееся на пересечении сухопутных и речных путей, разрослось в большое торговое село, чему во многом способствовал построенный в середине XIX в. большой каменный мост через реку Ай. В центре села появились большие каменные дома купцов, построены каменная церковь, торговые лавки, проводились ярмарки. В 1907 г. в Месягутово было возведено большое красивое двухэтажное кирпичное здание женской прогимназии. В 1912 г. Василий Дмитриевич женил своего сына Василия Васильевича на старшей дочери вдовы одиночки Прасковьи Лазаревны Кузиковой (Лужковой) Александре Степановне. Василий Васильевич возглавил дом и хозяйство тещи и своей молодой жены, которое находилось в полном расстройстве и упадке. Дружная молодая семья энергично взялась за работу, приводя хозяйственные дела в порядок, у них родилось две дочери.

Спокойной, счастливой жизни помешали Первая мировая война и революция 1917 года. На «германской войне» погибли два старших брата Василия Васильевича, сам он в 1916 г. был мобилизован в армию и вернулся домой только в 1922 г. Его родная и сводные сестры были выданы замуж в другие деревни, подросшие младшие сводные братья после революции разъехались по разным городам.

В начале 1917 г. в деревню пришла потрясающая весть: свергнут царь. Батюшка в церкви предал анафеме богохульников, посягнувших на помазанника божьего, священную особу государя императора, но через две недели объявил, что всякая власть от бога и призвал принимать присягу Временному правительству. Население было сбито с толку этими переменами.

Летом 1917 г. в Месягутово был создан Совет крестьянских депутатов, возглавлявшийся правыми эсерами. По деревням разъезжали ораторы, которые на митингах призывали довести войну до победного конца и сдавать деньги на помощь раненым и больным воинам. Но успеха они не имели. Население не хотело отзываться на эти горячие призывы, да и отзываться было некому: после многих мобилизаций деревня осталась без мужчин, дома оставались одни старики, женщины, дети и подростки. Хозяйства, оставшиеся без мужских рабочих рук, приходили в упадок.

СИКИЯЗСКО-МЯСОГУТОВСКАЯ ВАНДЕЯ

*Велик был и страшен год
по Рождестве Христовом 1918.*
М.А.Булгаков.

*Нет большего бедствия,
чем гражданская война.*
Цицерон.

Поздней осенью 1917 г. пришли известия о новой революции в Петрограде. В деревне появились демобилизованные солдаты, многие из них, кроме шинелей и армейских котелков, захватили с собой винтовки. Они принесли весть о декретах о мире, о земле, об образовании рабоче-крестьянского правительства во главе с В.И.Лениным, взволновавшие страну до самых отдаленных и глухих уголков.

Состоятельные люди и Месягутовский Совет крестьянских депутатов, возглавляемый правым эсером Силоговым и секретарем Приваловой, выступили против установления Советской власти. Их активно поддерживали церковники, утверждавшие, что большевики отрицают религию и бога. Распространялись слухи, что большевики будут отбирать у людей все имущество. Башкиры-собственники соседних волостей по призывам мулл не стали пускать русских крестьян за дровами, рубили у них дровни, сбрую, уводили лошадей.

23 декабря 1917 г. в Месягутово с помощью большевиков-фронтовиков была создана большевистская организация, в нее записалось 29 человек. В конце января 1918 г. большинство в волостном Совете заняли коммунисты-большевики. Правые эсеры во главе с Сиговым «с большой злобой и скандалом вынуждены были уйти от власти». Председателем Совета был избран большевик Игнатий Усов, ранее работавший столяром в Томске, член партии большевиков с 1905 г. В волости установилась Советская власть. Провели обложение кулаков, у одного из кулаков реквизировали дом. Была создана красная гвардия из 20 человек, но только четверо из них были постоянными. Проводились реквизиции хлеба.

Однако попытки реквизировать хлеб в других волостях успеха не имели. Реквизиционный отряд, направившийся в северные волости, был изгнан из Дувана и Тастубы вооружившимися крестьянами, произошла их перестрелка с отрядом. Коммунисты Месягутово жаловались на отсутствие пропагандистской литературы. В селе создалась организация левых эсеров, которая действовала в союзе с большевиками. Коммунисты повели борьбу за осуществление декрета о земле. Мирным путем через увещания удалось убедить башкир соседних волостей признать их вотчинные земли и леса национализированными и передать их в распоряжение земельных комитетов.

В Сикиязе создателями большевистской организации были учитель школы Дмитрий Маркович Араловец и его жена, заведовавшая земской библиотекой, Валентина Ивановна. Вся семья была революционной. Их старшие сыновья – Аркадий и Викторин, учились в уездном городе Златоусте: Аркадий – в техническом училище, Викто-

рин только что окончил гимназию. Аркадий, член РСДРП(б) с 1915 г., был командиром красногвардейского отряда, первым в городе советским комиссаром почты и телеграфа. Викторин вступил в РСДРП(б) весной 1918 г., был членом земельной управы, членом Месягутовского волостного Совета и уездного исполкома. В Сикиязе была создана ячейка коммунистов-большевиков, в которую записалось 40 человек, 20 из них вошли в красногвардейский отряд, штаб которого помещался в школе. В штабе круглосуточно дежурила вооруженная охрана.

20 марта 1918 г. в селе Месягутово состоялся уездный съезд Советов крестьянских депутатов. Съезд принял решение о переходе всей власти к Советам. 30 марта – 1 апреля 1918 г. в Месягутово на совместном заседании двух Советов – уездного Совета крестьянских депутатов и уездного Совета рабочих и солдатских депутатов произошло их слияние. Был избран исполком объединенного Златоустовского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в который вошло 15 большевиков и 15 левых эсеров.

В Сикиязе средства для содержания штаба и вооруженного отряда добывались путем контрибуций и конфискации. За контрибуциями последовали конфискации, обыски и изъятие в пользу штаба вещей и продовольствия. Они затронули очень небольшую, наиболее зажиточную, но очень влиятельную в деревнях часть населения.

Население, издавна напитанное «духом своеволия», не могло сразу привыкнуть к новым, «революционным», методам управления. Крутые меры местных революционных властей пришлись не по нраву свободлюбивому населению. Реквизиции, контрибуции и конфискации не способствовали установлению добрых, мирных отношений новых властей с населением, особенно с его богатой верхушкой и духовенством. Они обострили классовую борьбу в деревне, накалили социальную обстановку.

Но контрреволюционные силы в стране были разрозненны, не объединены. Начавшийся в конце мая 1918 г. чехословацкий вооруженный мятеж послужил сигналом для открытого выступления против Советской власти всех контрреволюционных сил, получивших мощную материальную, политическую и военную поддержку иностранных держав и интервентов. Чехословацкий мятеж стал сигналом для развертывания в стране широкомасштабной гражданской войны.

Известия о чехословацком мятеже, захвате чехословаками вместе с белогвардейцами крупных городов, повсеместных антисоветских восстаниях активизировали контрреволюционные силы в Сикиязе и Месягутово. Поводом для выступлений против Советской власти послужила объявленная мобилизация на чехословацкий фронт.

Вместо поддержки населением этого абсолютно не подготовленного слабыми и не авторитетными местными властями мероприятия, на собраниях, устроенных по поводу мобилизации, торговцы, кулаки и солдаты-фронтовики призвали к свержению Советской власти и разоружению коммунистов.

Первыми против Советской власти выступили контрреволюционеры в Сикиязе. В ночь на 13 июня 1918 г. толпа, вооруженная винтовками,

охотничьими ружьями, револьверами, самодельными железными пиками, окружила сикязский штаб. В 12 часов ночи один из повстанцев, подползший к штабу, бросил в окно бомбу, но она ударилась в оконную раму и отлетела обратно. Раздался взрыв, выбивший окна в школе и смертельно ранивший бомбометателя. Находившиеся в штабе коммунисты открыли огонь из винтовок по окружившим штаб повстанцам.

Перестрелка между оборонявшимися штаб коммунистами и окружившими его повстанцами продолжалась всю ночь. Вторая бомба, более удачно брошенная мятежниками, ранила трех человек. Засевшие за домами и за заборами повстанцы со всех сторон обстреливали штаб. Были убиты руководитель сикязского боевого отряда Т.И.Брагин, комиссар отряда К.Ф.Осокин. Убедившись, что они окружены превосходящими силами, сикязский коммунистический отряд решил отступить на Месягутово.

На рассвете, когда огонь повстанцев ослаб, они прорвали кольцо окружения и бросились бежать в Месягутово. Их отход прикрывали оставшиеся в штабе Дмитрий Маркович Араловец и красногвардеец-башкир Мурза, которые продолжали вести из штаба огонь по осаждавшим школу повстанцам. Оба они были убиты ворвавшимися в штаб мятежниками.

Разгромив сикязский штаб и захватив там оружие, повстанцы двинулись на Месягутово. Сформированный в Месягутово боевой коммунистический отряд был малочисленным и не мог оказать повстанцам сопротивления. Месягутовские и прибежавшие к ним сикязские коммунисты забаррикадировались в двухэтажном каменном здании женской прогимназии, сообщив в уездный центр по телефону о начавшемся в Месягутово и Сикязе кулацком мятеже.

Здание женской прогимназии было окружено и блокировано повстанцами. На предложение сложить оружие и сдаться коммунисты ответили отказом. Они надеялись на помощь, которая должна была прийти из уездного центра. Но в здании прогимназии не было запасов продовольствия, не было запасов воды, у них на исходе были патроны. Повстанцы, окружившие прогимназию, из-за окружавших домов и из-за заборов простреливали всю местность вокруг прогимназии, не позволяя осажденным выходить из нее и доставлять им продовольствие и воду.

Осада месягутовской прогимназии продолжалась четыре дня. На пятый день один из осажденных, по-видимому, свихнувшийся психически, открыл беспорядочную стрельбу и застрелил случайно находившуюся на улице восьмилетнюю девочку. Это убийство вызвало ярость повстанцев, и они бросились на штурм прогимназии. Осажденные не оказали какого-либо сопротивления. Все они, истощенные отсутствием пищи и воды, лежали в бессознательном или полубессознательном состоянии на полу.

Измученных, еле державшихся на ногах коммунистов выводили из прогимназии и зверски избивали, били прикладами, кололи штыками и пиками, увечили до неузнаваемости, а затем убивали. Около прогимназии была вырыта большая яма, в которую сбросили трупы замученных

коммунистов. Очевидцы сообщали, что некоторые брошенные в ямы подавали признаки жизни, но и их засыпали землей вместе с убитыми. Были убиты председатель волостного Совета И.Усов, его брат Д.Усов, член уездного исполкома и земельной коллегии В.Араловец, К.Усынин, Д.Комаров, М.Бочнев и другие большевики, беспартийные активисты.

В Месягутово и Сикиязе развернулся беспощадный и беспредельный белый террор. Началась охота на коммунистов, их родственников, сочувствующих коммунистам и Советской власти, просто оклеветанных соседями. Шли жестокие расправы над ними, аресты и убийства. Состоятельные люди объявляли денежное вознаграждение тем, кто укажет на коммунистов. За коммунистами охотились, как за дикими зверями.

Арестованных заточали в душные, залитые дегтем и керосином подвалы, не давали воды и пищи, выводили на допросы и пытки. Среди заключенных в подвалах были девушки-гимназистки, стоявшие на стороне Советской власти. По советским данным, в селах Месягутово и Сикияз за 12 дней было замучено около 300–400 человек. Мятеж перекинулся на соседние близкие и даже более дальние русские деревни – Дуван, Тастубу и другие, везде сопровождался зверскими убийствами коммунистов.

Златоустовским Советом на подавление Месягутовско-Сикиязского мятежа был послан снятый с фронта отряд с пулеметом и артиллерийским орудием. Он двинулся по тракту Златоуст-Месягутово. 23 июня отряд подошел к Месягутово. С высокого плоскогорья, подходившего к Месягутово, уже были видны излучина реки Ай, большое село с церковью, мост через реку Ай.

Повстанцы в Месягутово знали о движении карательного отряда и подготовились к его встрече. Перед Месягутово тракт поднимается по очень крутой горе Дубовой, заросшей лиственным лесом. Обороной Месягутово руководил прапорщик Верзаков. Влево от тракта, параллельно ему, на Дубовой были отрыты в полный профиль и замаскированы окопы, которые при приближении красного отряда заняли повстанцы, имевшие огнестрельное оружие.

Подойдя к Месягутово, отряд выслал вперед конную разведку. Всадники проскакали по тракту, не заметив укрывшуюся в окопах засаду, проехали через мост и углубились в село, не встретив сопротивления. Считая дорогу безопасной, основное ядро красного отряда, состоявшее из телег с пулеметом и пеших солдат с красными лентами на груди и фуражках, двинулось вперед и начало спускаться по горе к селу Месягутово.

Когда отряд прошел уже большую часть горы, а его хвост с трехдюймовым орудием находился еще на вершине плоскогорья, недисциплинированные повстанцы, не дожидаясь условленного сигнала, открыли по колонне беспорядочный винтовочно-ружейный огонь. Не ожидавшие нападения красногвардейцы растерялись, стали прятаться за телегами, отряд остановился. Видя, что от их стрельбы многие красные падали убитыми и ранеными, одушевившиеся повстанцы вылезли из окопов и бросились в атаку. Первые их ряды достигли тракта и вступили в рукопашную схватку с красными, пытались захватить стоявший на телеге пулемет.

Но в этот момент счастье боевое изменило повстанцам. Артиллеристы, увидев с горы начавшееся сражение, открыли по повстанцам огонь. Первые два разорвавшиеся снаряда остановили атаку повстанцев, к тому же одним из них был убит руководивший повстанцами прапорщик Верзаков. Среди повстанцев началась паника, они толпой, многие побросав винтовки и ружья, бросились бежать к селу, одни пробежали по мосту, другие бросались в реку и переплывали ее. Бежав с Дубовой, повстанцы-боевики не задерживались в селе, а продолжали бежать дальше. Вступивший в Месягутово победителем сражения на Дубовой отряд красногвардейцев не нашел в нем мужчин. Все мужчины в возрасте от 16 до 50–60 лет, вместе с повстанцами, бежали из села. Красный отряд, совершивший большой тяжелый переход и понесший потери убитыми и ранеными, не преследовал убежавших. Вступив в село, красные узнали, что они опоздали – коммунисты, осажденные в прогимназии, на выручку которых они шли, уже погибли. Заточенные в подвалы в Месягутово и Сикиязе коммунисты, их родственники, сочувствующие коммунистам и Советской власти, в том числе девушки-гимназистки, избежавшие расправы, были освобождены. Были торжественно перезахоронены коммунисты – жертвы белого террора.

Красный отряд, занявший Месягутово, выполнил свою задачу, занял центр мятежного района, но сам оказался в тяжелом положении. Вся местность вокруг была охвачена мятежом, на подавление которого у него не было сил. Ввиду ухудшившегося положения на чехословацком фронте, часть отряда была отозвана обратно и ушла из Месягутово. Бежавшие из села повстанцы, хорошо знавшие местность и расположение отряда, ближайшей ночью вернулись в село и истребили весь отряд. Сдавшиеся в плен красногвардейцы, которым обещали сохранить жизнь, были расстреляны.

Несмотря на тяжелое положение самого Златоуста, с трех сторон окруженного чехами и белогвардейцами, уездный Совет, узнавший о гибели занявшего Месягутово красногвардейского отряда, не терял надежды подавить антисоветский крестьянский мятеж в уезде. В городе срочно стал формироваться новый красный отряд, в который, кроме заводских рабочих, вступило немало деклассированных и уголовных элементов. Среди них имелись уроженцы Месягутово, Сикиязы и деревни Озеро, хорошо знавшие свою местность.

В большом секрете был разработан новый план подавления Месягутовско-Сикиязского мятежа. Учитывая неудачу похода первого отряда, второй отряд должен был двигаться не по тракту Златоуст-Месягутово, через охваченные мятежом местности, а параллельно ему по местности, население которой сочувственно относилось к Советской власти. Затем, перевалив через горную гряду, отряд должен был выйти в тыл мятежного района и неожиданным ударом захватить Месягутово, разгромить центр мятежников, подавить антисоветский мятеж в уезде, вернуть под власть Советов эту территорию.

Никто в отряде, кроме его руководителей, не знал о маршруте и конечной цели похода. Отряд погрузился в эшелон в Златоусте и для маскировки выехал от мятежного района в противоположном направ-

лении – на запад. Доехав до станции Кропачево, отряд выгрузился и, забрав у населения подводы, по проселочным дорогам двинулся на север. Пройдя около сотни километров, он резко повернул на восток, по труднопроходимой горнолесистой местности пересек горную гряду, вышел на равнину и занял деревню Аркаул.

Отряд оказался в тылу повстанческого района, в 25 верстах от Месягутово. Но люди и кони были измучены тяжелым походом, лошади избили ноги и не могли идти. Руководители отряда решили переменить лошадей, взять у населения новые подводы и нанести внезапный удар по Месягутово. Руководители отряда считали, что они уже вступили на территорию мятежников и пора начинать «зачистку» территории от контрреволюционеров.

Весть о том, что из Златоуста направляется картельный отряд, достигла Месягутово, Сикияз, деревню Озеро. Но о пути движения отряда никто ничего не знал. Население было в панике, предчувствуя суровую расправу. Большинство крестьян не одобряло контрреволюционеров, чинивших зверские расправы над коммунистами. Престарелый Евстигней Стругов, давно отошедший от дел, предложил Василию Дмитриевичу Гаврилову уехать к знакомому пасечнику в лес за Аркаулом и там переждать смутное время.

Василий Дмитриевич согласился, и ночью, взяв в качестве кучера племянника, они выехали из деревни и на рассвете подъехали к Аркаулу. Из придорожной канавы поднялись трое вооруженных людей, которые перегородили им путь и стали спрашивать: кто они, куда и зачем едут? Евстигней Стругов сказал, что едут на пасеку за медом, а на вопрос, что за подросток везет их, ответил, что это его работник, чем спас ему жизнь. (Через три дня он привезет домой трупы Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича).

Этот мирный разговор прервал один из преградивших дорогу, оказавшийся уроженцем этих мест. Он признал Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича и закричал:

– Это же богатеи из нашего села. В штаб их! В штаб!!

Евстигней Стругова и Василия Дмитриевича высадили из тарантаса, повели в центр села на площадь, на которой уже гудела толпа народа. Руководители красного отряда, занявшего Аркаул, объявили о проведении сельского схода. Когда на площади собралась большая толпа, они отделили от нее всех обутых в сапоги, к которым присоединили Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича Гаврилова. Остальная часть толпы была оттеснена в сторону, им было приказано расходиться по домам и ждать дальнейших распоряжений отряда.

Выделенных из толпы людей, обутых в сапоги – наглядное и убедительное доказательство принадлежности к буржуазии, – поставили у стены большого сарая, пулеметчик снял со стоявшего на телеге пулемета чехол. Последовала команда:

– По врагам революции, эксплуататорам трудового народа – огонь!

Затарактел пулемет, пулеметная очередь резанула по стоявшим у стены сарая людям. Убитые падали на землю, раненые метались по сторонам, раздались дикие, отчаянные крики, но пулеметчик снова и

снова поливал их свинцом, не жалея патронов. Через несколько минут все было окончено. Перед сараем лежала куча из нескольких десятков убитых и раненых людей.

Несколько палачей-добровольцев ходили между ними и из наганов достреливали раненых. Первая задача – очистка местности от кулаков-мироедов и богатеев – отрядом начала выполняться успешно.

С осуществлением второй задачи – взять подводы для продолжения похода, возникли трудности. Население не хотело отдавать лошадей. Не действовали ни угрозы, ни уговоры, ни посулы. Крестьяне ссылались на отсутствие лошадей, говорили, что они у них далеко в поле и т.п. Не помогали и угрозы расстрелов, немедленно приводившиеся в исполнение.

Двое верховых, подъехав к дому, стучали по воротам, вызывая хозяина. Не слезая с лошадей, именем революции они требовали от вышедшего за ворота крестьянина лошадей для отряда. Когда тот не соглашался дать лошадей, они снимали с плеча винтовки и разговор принимал более резкий характер. Когда и это не действовало, выслушав ругательства в свой адрес и твердый отказ дать лошадей, они расстреливали хозяина дома и ехали дальше. Плач, рыдания, крики, стоны и вой жены и родственников, сбегавшихся к убитому хозяину, должны были служить уроком другим несознательным и непокорным.

Несмотря на чрезвычайные меры, отряду только к вечеру удалось собрать необходимое количество лошадей для продолжения похода. Они не знали, что в это время, по тропам, известным только жителям деревни, минуя заставы, выставленные красным отрядом, ужаснувшиеся расстрелом всадники уже мчались в соседние деревни, предупреждая о приближении карателей и рассказывая о диком аркаульском расстреле. Весть о массовом расстреле крестьян красным отрядом в Аркауле мгновенно разнеслась по окрестным селам.

Ночью красный отряд выступил из Аркаула, чтобы нанести внезапный удар по Месягутово. На рассвете они проезжали через деревню Озеро. Мать, вышедшая доить корову, видела проезжавший отряд. Ехали они бесшумно, молча, никто не кричал, не говорил, не курил. На каждой телеге сидели по три человека с каждой стороны, на них не было ни красных лент, ни красных повязок, в руках они держали наготове винтовки, поставленные между колен. Впереди отряда ехала группа вооруженных всадников.

Однако внезапного нападения на Месягутово не получилось. Когда отряд вступил в село, оказалось, что мужчин в возрасте от 16 до 50–60 лет в селе не было, все они скрылись до прихода карательного отряда. Командование отряда было в растерянности. Среди личного состава отряда, утомленного тяжелым походом, началось разложение. Красногвардейцы не повиновались командирам, ходили по домам, требовали от оставшихся в селе женщин продуктов и самогона, началось сплошное пьянство. Выставленные на ночь караулы были беспробудно пьяны.

Мужчины, скрывшиеся из села, ночью вернулись обратно, началось массовое убийство красногвардейцев. Всю ночь в селе то там, то тут ве-

лась стрельба. Командир отряда Габов, увидев, что отряд попал в засаду, застрелился. К утру весь красный карательный отряд был уничтожен, сдавшиеся в плен заключены в подвалы, а затем расстреляны.

По данным оперативного отдела Уральского окружного военного комиссариата и разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, в районе Красноуфимск – Нижние Серьги – Нязепетровск – Месягутово – Куса, в рядах повстанцев действовало в начале июля 1918 г. около пяти тысяч человек. 30 июня 1918 г. город Златоуст был оставлен красными войсками. Повстанцы соединились с наступавшими чехами и белогвардейцами, вся территория уезда оказалась под властью белогвардейских правительств.

Новые власти принимали энергичные меры для очищения района от «коммунистической заразы». Шел оголтелый белый террор. Действовали «демократические» суды, которые доставленных коммунистов, членов их семей, сочувствующих советской власти осуждали на большие сроки каторжных работ. Осужденных из Месягутово и других, близких и дальних деревень, отправляли по тракту на Златоуст. Но никого из них дальше горы Дубовой не вели. Здесь их встречали каратели, возглавляемые братьями Павлом и Александром Першиными, и убивали.

Деревня Озеро не принимала участия в мятеже. Во время этих событий в ней в течение нескольких месяцев укрывалась и избежала расправы мать семьи революционеров Валентина Ивановна Араловец со своими детьми, которая затем была преправлена в Златоуст, где у нее имелись знакомые и находились две старшие дочери.

Начало 1919-го года прошло без больших потрясений. Летом 1919 г. началось повальное бегство белых. Однажды вечером по деревне Озеро рысью, не останавливаясь, промчались три телеги, нагруженные ящиками, вещами и людьми. На следующий день в полдень в деревню вступил отряд Красной армии. Одна из телег, на которой ехали красноармейцы, одетые в зеленую защитную форму, в фуражках с красными звездами, остановилась у дома, возле которого стояла бабушка. Молодой красноармеец, спрыгнул с телеги, взял канистру и с ней направился к бабушке, попросив у нее разрешение набрать колодезной воды.

Он стал спрашивать бабушку, не видела ли она вчера убежавших через деревню белых деятелей. Бабушка сказала, что видела три проезжавших подводы, возницы которых нахлестывали лошадей, на них сидели бородатые люди в шляпах, в очках и стеклах с веревочками, к груди они прижимали кожаные сумки. Красноармеец рассмеялся:

– Это портфели, пенсне. Удирали «демократические» правители. Далеко не уйдут. Мы их догоним. Он взял канистру, вскочил на телегу и крикнул:

– Поехали. Ребята, запевай нашу, красноармейскую.

Мировая и Гражданская войны обескровили деревню. Из мужчин, ушедших как с красными, так и с белыми, домой почти никто не вернулся. Доканали деревню неурожай и страшный голод 1921 г. Есть было нечего, люди ели траву, свирепствовал тиф. Нечем было кормить скот, зимой ему скормили все соломенные крыши. У матери в голодный год умерли две малолетние дочери, до конца своих дней она вспоминала

их со слезами на глазах. Отец, возвратившийся домой в 1922 г., застал в хозяйстве у семьи чудом сохранившуюся исхудавшую, еле стоявшую на ногах лошаденку.

В возрожденной деревне без больших потрясений прошла коллективизация. В 1930 г. почти все односельчане сразу вступили в организованный колхоз «Сеятель». Противодействия почти никакого не было. Кулаков в деревне найти оказалось трудным делом, были раскулачены только одна или две семьи, у которых отобрали дома, а проживавшие в них жители уехали куда-то. В 1931 г. «очистка местности от кулацко-белогвардейского элемента» деревню Озеро не обошла.

ЯЯ-КЕЛЬБЕС

*Ой, ты горечь, злая мачеха Сибирь.
Необъятной степью разметалась вдоль и вширь,
Неприметна, непривольна, нелюдна,
Неприглядна, неприятна, холодна.*

П.Шумахер.

Часовой на сторожевой вышке перегнулся через перила и напряженно всматривался в туман, в котором двигались неясные фигуры.

– Стой! Кто идет? Стрелять буду! – закричал он и передернул затвор винтовки.

Из тумана показались два нарушителя. Когда они подошли ближе, часовой схватил железку и стал бить ею по висевшему на вышке отрезку рельса. На сигнал часового прибежал молодой красноармеец-разводящий с винтовкой в руках, которую он сразу закинул за спину, увидев нарушителей. Он стал их допрашивать: кто такие, откуда появились?

Нарушители молчали. Вслед за разводящим прибежал пожилой мужчина с огромными усами – начальник караула.

– Что случилось? Откуда они взялись? – начал он спрашивать, указывая на нарушителей.

– Не знаю, – отвечал разводящий. – Молчат, как рыба. Сказали, что они из озера. А вокруг далеко нет никакого озера. Какая-то чертовщина!

– Ничего, они у меня сейчас заговорят, – сказал начальник караула и начал расстегивать кобуру револьвера, висевшую у него на поясе.

Разводящий схватил его за руку:

– Что ты, Макарыч! Они же маленькие. Припугнуть хочешь?

– А у тебя есть дети? – спросил он разводящего.

– Откуда. Я же на действительной службе. До армии не успел жениться, завести семью.

– Вот то-то и оно. Учись. Он достал из кобуры две небольшие конфетки в бумажках:

– Придется внукам сегодня остаться без сладкого.

Усатый присел на корточки перед нарушителями и сказал:

– Давайте знакомиться. Я дядя Миша, а вас как зовут?

Получив конфетки и увидев, что усатый дядя совсем не страшный, нарушители заговорили:

– Я Димка, а это Пашка, мы братья.

– Как вы сюда попали?

Ребята стали рассказывать:

– Мы проснулись: все спят. Давай посмотрим, куда нас привезли. Подошли к забору из колючей проволоки. Нашли в нем дыру, влезли в нее. (Начальник караула и разводящий переглянулись: «Надо доложить коменданту!») Пошли дальше. Видим – деревянный забор, пошли возле него, дошли до этой вышки. Дядя, который на вышке, испугался, стал стучать в железо. Вы прибежали.

– Когда вы сюда приехали?

– Ночью. Мы тогда спали, из поезда нас сонных вынесли на руках, положили спать на телегу. Проснулись, надо посмотреть, куда нас привезли.

– Как называется деревня, в которой раньше вы жили?

– Деревня Озеро.

– Все понятно, – сказал усатый дядя. – Никакой чертовщины. Они из эшелона, который пришел ночью. Эта партия у нас не задержится, сейчас ее будут отправлять дальше – на Кельбес. Надо поспешить.

Он сказал ребятам:

– Пойдем искать ваших родителей. От меня не убегайте, а то потеетесь. Здесь очень много народа, вас скоро не разыщешь. Начальник караула взял ребят за руки, и они пошли с ним. На большом ровном поле располагалось множество палаток, в которых находились люди, ожидавшие пересылки в назначенные им места. Некоторые из них проснулись, разжигали возле палаток костры, очевидно, для приготовления пищи.

Туман рассеивался. В дальнем углу, где находились спецпереселенцы эшелона, пришедшего ночью, стояли телеги, заваленные кучами вещей. На них и возле них стояли и сидели проснувшиеся люди, некоторые спали на телегах и на расстеленных на земле одеждах. Люди перекликались друг с другом, слышались крики и плач детей. Увидев ребят, приведенных военным, мать удивилась и обрадовалась:

– Спали на телеге, смотрю – их нет. Куда делись, ума не приложу. Неугомонные, сладу с ними нет. Только проморгаешь, куда-нибудь убежат и что-нибудь натворят. Отец был более спокоен, сказал, что пока они еще ничего не натворили. Он поблагодарил военного за привод детей и спросил, куда их привезли, где они находятся. Тот ответил:

– На станции Яя.

– Странное название, – сказал отец.

– Что за лагерь, в который мы попали?

Начальник караула не считал это тайной:

– Станция названа по имени реки Яя, на которой она находится. У нас пересыльный лагерь, вашу партию сегодня отправят на реку Кельбес. Там создается новый рабочий поселок. Он пожелал счастливого пути и посоветовал:

– Присматривайте лучше за ребятами. Хорошие они у вас, шустрые.

Но вот вещи уложены, в телеги запряжены лошади, и длинный обоз со спецпереселенцами двинулся в путь. Дети сидели на телегах, взрослые шли пешком. Миновали лесозавод со штабелями теса и бревен и углубились в лес. Это был смешанный лес – березы, осины, но уже скоро они сменились хвойным лесом – сосной, елями, пихтой и кедрами. Чем дальше, лес становился все гуще и гуще. Дорога шла по старой заросшей травой колее, по которой, видимо, давно никто не ездил.

По мере продвижения дорога оказывалась все более заросшей травой и менее заметной, пока обоз не оказался в темном лесу, где над дорогой нависали ветви деревьев, через которые еле просвечивало солнце. Стало сумрачно, дорогу было уже плохо видно, она угадывалась только по просветам между деревьями и еле заметным мелким признакам. Обоз все более и более углублялся в тайгу, в ее дебри.

Под деревьями становилось все меньше света. Дорога шла через старовозрастные перестойные хвойные леса. Хвойная чаща перемежалась с большими участками леса с поваленными ветровалом и буреломом деревьями. По сторонам дороги лежали вывороченные с корнями из земли большие деревья, покрытые мхом и лишайниками. Все чаще и чаще дорогу преграждали упавшие деревья, которые едущим впереди всадникам с винтовками и гражданским мужчинам приходилось убирать, чтобы проехать дальше.

После небольшого привала обоз двинулся дальше. Дорога становилась все хуже и хуже, она была завалена сгнившими деревьями, покрыта ямами, рытвинами, ухабами и колдобинами. Телеги застревали, их приходилось поднимать и вытаскивать из ям, толкать вперед. Начало смеркаться. Маленьких детей, которые ехали на телегах, привязали к телегам веревками, чтобы они не упали с них при перетаскивании телег через упавшие деревья и колдобины. Дети утомились и, несмотря на тряску, крики и ругань окружающих, быстро уснули.

К месту назначения обоз подошел поздно вечером, когда было уже темно. На берегу реки Кельбес стоял большой деревянный барак, в котором когда-то жили золотостаратели. Теперь он пустовал, и в нем стали расселять привезенных спецпереселенцев. Семьи с детьми селили в бараке, всем остальным велели делать для себя шалаши и балаганы, кто что сможет, благо, кругом был густой лес. Барак имел двухэтажные нары, был разделен перегородками на отдельные секции. Семье Гавриловых как многодетной выделили отдельный закуток шириной в два и длиной в два с половиной метра. Здесь они и разместились со своими пожитками, все восемь человек.

Утром последовало распределение на работы. Мужчинам было объявлено, что они должны построить каждый для себя и своей семьи дом. Для нового поселка, строительства домов спецпереселенцами, отводился заросший густым лесом высокий берег поймы реки Кельбес, не заливавшийся водой во время весеннего половодья. Спецпереселенцы должны были сами рубить деревья, вытесывать бревна и строить себе дома. Все строительные материалы они должны были добывать самостоятельно, ими их должна была снабдить сама тайга – лес, окружавший планируемый поселок. Инструментами – топорами, пилами, рубанками и т.п. –

снабдили власти. Семьи, в которых было много взрослых работоспособных мужчин, действительно смогли построить большие, хорошие дома.

Мать как имевшую малолетних детей оставили при бараке, поручив ей обслуживание печей, в которых кипятили воду. Бабушка, пенсионного возраста, на работы не назначалась. Среди прибывшей в Кельбес партии спецпереселенцев выделялась молодая пара – муж и жена, Иван и Наталья, – оказавшиеся вскоре тесно связанными с семьей Гавриловых. Наталья, молодая, высокая, стройная, очень красивая женщина, была дочерью богатого крестьянина-торговца, умершего накануне Первой мировой войны.

При «очистке местности от белогвардейско-кулацкого элемента» ее одной из первых наметили к ссылке. Иван, высокий, стройный, красивый парень, был комсомольцем, происходил из бедняцкой семьи, отслужил в Красной армии и ни по какой статье не подлежал ссылке. Единственный его грех – женитьба на Наталье, которая предпочла его десятку деревенских женихов. Иван оббил пороги всем местным властям, чтобы избавить жену от ссылки, но ничего сделать не смог. Тогда он изъявил желание поехать в ссылку с женой и, таким образом, оказался в партии спецпереселенцев, попавших в Кельбес.

Задание построить для себя дома поставило в трудное положение семью Гавриловых. Трудоспособный в семье был только один отец, его старшему сыну Алексею, на помощь которого можно было в какой-то мере рассчитывать, было 14 лет. После собрания, распределившего работы, к отцу подошел Иван и, отведя его в сторону, предложил ему строить дом вместе, один на две семьи.

– Вам с Алешкой, – сказал Иван, – одним будет трудно построить дом. Мы с Натальей будем помогать, дело пойдет скорее. Долго здесь мы жить не будем, только до весны. Весной сбежим, а дом останется вашей семье. Отец не мог отказаться от этого великодушного, щедрого предложения.

Деятельная бабушка, оказавшаяся без дела, не сидела сложа руки. Она, раздобыв где-то небольшое ведерко, отошла недалеко от барака и принесла его полным ягод – черной смородины и малины.

– Ягод тьма, – сообщила она детям. – Никто их здесь не берет. В хорошее место мы попали. Проживем на ягодах. Вкусные ягоды, но ешьте только с хлебом, прикусывайте понемножку, не то заболят животики. С тех пор бабушка, иногда с помощью внуков, чаще – всего старшей внучки Марии, которой было 9 лет, стала постоянно снабжать семью ягодами малины, смородины, черемухи, стала приносить другие дары леса – грибы, черемшу, кедровые орехи. К скудному казенному пайку это была существенная, полезная прибавка. Алексей сделал из ивняка ловушки-морды, которые ставил в реке, в них попадала рыба, иногда довольно крупная. В сделанную им из проволоки петлю, поставленную на заячьей тропе, попал заяц, которого зажарили, устроив сытный обед.

Спецпереселенцам в Кельбесе надо было как можно скорее, до наступления сибирской зимы, построить дома для своего проживания. Наступила осень, по ночам становилось все холоднее и холоднее. Обитавшим в шалашах и балаганах, сооруженных из тонких жердей и веток,

было с каждым днем все труднее переносить ночные заморозки. Поселенным в бараке, жившим в страшной тесноте, тоже не терпелось скорее обзавестись более удобным и теплым жильем.

Рано утром, наскоро позавтракав, все трудоспособные мужчины и женщины поднимались на гору, где велось строительство поселка. Там они рубили деревья, ошкуривали, вытесывали бревна, пилили и строгали доски, собирали мох для прокладки между бревнами, укладывали срубы. Сами мастерили двери, косяки, рамы. Вместе со всеми каждое утро на постройку дома уходили отец с Алексеем и Иван с Натальей. Одновременно с жилыми домами в поселке строились школа, клуб, контора.

Вечером, когда все возвращались с работы, перед баракom разжигался большой костер, благо, недостатка хвороста для костра не было – достаточно было отойти сотню метров, чтобы набрать охапку сушняка. Бедствием для людей, ранее не живших в тайге, были тучи комаров и мошек, от которых можно было спастись только у костра. Поэтому возле костра всегда собиралось много людей, завязывались разговоры, споры, перераставшие в настоящие дискуссии. Предметом споров и дискуссий всегда был один вопрос – о колхозах. Дискуссии были очень оживленными, жаркими, откровенными и демократичными. Таких смелых дискуссий Дима, став взрослым, нигде и никогда больше не слышал, хотя много раз присутствовал и сам участвовал в разных деловых и научных дискуссиях.

Люди выплескивали свое самое наболевшее, открыто высказывали свои мнения, иногда очень резкие, антисоветские, противоправительственные. Кого бояться: «Дальше Сибири не сошлют!» Спорщики быстро делились на две противоположные группы, почти равные по численности. Одни видели в колхозах основное зло, причину их ссылки и всех перенесенных ими тягот и лишений. В колхозах, по их утверждениям, собрались бесхозяйственные люди, не желавшие и не умевшие работать. В деревне не любят богатых крестьян-кулаков, а это наиболее трудолюбивые, бережливые и хозяйственные крестьяне.

– Правительство всегда поддерживает бедняков, использует колхозы для ограбления крестьянства, выкачивая из деревни хлеб, деньги, рабочую силу. В плохой работе колхозов лживо винят «скрытых врагов колхозного строя» – затаившихся кулаков, подкулачников, бывших белогвардейцев – людей, ранее служивших в белой армии.

Среди спецпереселенцев было много злых, озлобленных, ожесточившихся людей. Ходили слухи, что некий бывший унтер-офицер каким-то нелегальным путем получил письмо из дома, в котором ему писали, что его брат, ушедший с белыми в Китай, живет там очень хорошо и приглашает его приехать к нему. Он агитировал других ссыльных бежать вместе с ним в Китай, благо, граница близко, охраняется плохо и перейти ее не составит труда.

На этих диспутах другие ссыльные (такие же пострадавшие!), возражая оппонентам, считали, что колхозы ни при чем, они созданы были правильно, сколько можно ковыряться в одиночку на единоличных полосках, когда появились трактора и машины. Люди раньше всегда жили общинами, работать коллективно лучше и веселее, в колхозах

беспорядок и неразбериха из-за плохой обработки полей, незнающих и нечестных руководителей.

– Колхозники будут лучше обрабатывать землю, будут получать хорошие урожаи, трудодень станет весомым. Государство укрепится, будет меньше брать с колхозов. В деревнях много излишнего народа, а люди нужны для работы на строившихся заводах.

В этих спорах всегда принимала активное участие Наталья, пользовавшаяся у всех авторитетом и уважением. Она говорила, что дело не в колхозах, а в самих людях, не готовых к таким переменам.

– Работали с песнями, – говорила Наталья. – Едем с поля, уставшие, а запеваем песню, поем до самого дома. На сенокосе – поем, на жатве – тоже без песни не обходилось. Весело, с песнями жили. А трудностей и до колхозов было много.

Иногда вечером к отцу приходил знакомый по эшелону Степан. Его беспокоил один вопрос, который он неизменно задавал отцу;

– Получится ли что-либо у большевиков с колхозами?

Отец ему разъяснял:

– Почему не получится? Получится, но не сразу и не скоро. Время мелких единоличных хозяйств прошло. Создадут крупные кооперативные хозяйства, оснастят их техникой, снабдят специалистами. Строятся тракторные и комбайновые заводы. Открываются школы механизаторов, институты. В деревне будет много тракторов, комбайнов, разных машин. В колхозах появятся свои агрономы, ветеринары, инженеры. Колхозами будут руководить квалифицированные специалисты. Жизнь в деревне пойдет по-новому.

Степан соглашался с размышлениями отца, но, по-видимому, считал их фантастическими, уходил, покачивая в сомнении головой.

Через некоторое время он снова приходил к отцу и вновь задавал тот же самый мучивший его вопрос. Душой стихийных собраний у костра была Наталья. У нее был прекрасный, звонкий, красивого тембра голос. Под аплодисменты собравшихся она постоянно пела старинные народные и советские песни. Публика с восхищением слушала ее задушевные, лирические песни.

В публике начинался ропот, раздавались возмущенные голоса. Иван на собраниях у костра сидел молча, любовался красотой и певческими талантами своей жены и никогда не принимал участия в спорах. Однажды кто-то сказал, что он тоже хорошо поет. Все стали просить Ивана что-нибудь спеть, но он решительно отказывался до тех пор, пока к ним не присоединилась Наталья, которая попросила его спеть. Тогда он согласился, сказал:

– Можно, я спою «Чубчик»?

Он встал во весь рост, тряхнул головой, и запел.

Где, когда Иван узнал и разучил эту песню – неизвестно. Дима запомнил ее слова, но четверть века нигде ее не слышал. Летом 1945 г., проходя по расположению воинской части, в которой служил, он встретил веселого, подвыпившего младшего лейтенанта, распевавшего эту песню. К его гимнастерке был привинчен орден Красной Звезды, свидетельствующий, что парень неплохо воевал. Дима остановил его и спросил, откуда он знает эту песню?

– С трофейной пластинки. Поет белоэмигрант Петр Лещенко. Хорошая песня, веселая, бодрая.

– А вы не из Сибири?

– Нет, я калужский.

Он пошел дальше, напевая: «Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый...»

Песня, спетая Иваном, легкомысленная, бесшабашная, удалая, захватывающая, до глубины души тронула, потрясла слушателей, но произвела на них не то впечатление, которое можно было ожидать, а прямо противоположное. Слова песни про Сибирь, что она «тоже русская земля», что «я Сибири не боюсь», неожиданно произвели на них сильнейший эффект, взволновали их самочувствие, всколыхнули их психическое состояние. Песня напомнила, обнажила безнадежность их положения, перевернула их душу, навела на всех подавленное настроение, вызвала физическую боль. Все женщины заплакали навзрыд, у мужчин на глазах появились слезы. Слушатели этой необычной аудитории, наконец, впервые осознали, что навечно останутся в холодной, негостеприимной, чуждой им Сибири⁶.

КЕЛЬБЕС

*Горсточку русских сослали
В страшную глушь...
Год незаметно прошел...
Глянь – уж деревня стоит.
...Воля и труд человека
Дивные дивы творят!*

Н.А.Некрасов.

Приближалась зима, похолодало, по утрам начались сибирские ранние заморозки. Люди торопились с постройкой домов. Поселившиеся в шалашах и в тесном бараке семьи одна за другой, по мере завершения своих строек, уходили жить в построенные дома. Лагерь у барака на берегу Кельбеса стал пустеть. Наступила очередь переселяться семье Гавриловых и Ивану с Натальей. Захватив с собой пожитки, которые еще не успели перенести взрослые в новое жилище, вся семья, держа в руках каждый что-нибудь, двинулась в гору к построенному дому. Он оказался самым крайним в только что построенном большом поселке, протянувшимся вдоль высокого крутого берега реки. Дом представлял односрубную четырехстенную деревянную избу с двухскатной крышей, не имевшую ни прируба, ни сеней. Вход в нее шел непосредственно с

⁶ В 1930–1931 гг., по данным ОГПУ НКВД, из мест проживания было выселено в отдаленные районы страны, в том числе в Сибирь, 381026 крестьянских семей с 1803392 чел. Политик, журналист, правозащитник В.В.Борщев, выступая по телевидению, заявил, что в период коллективизации в Сибирь было сослано 3 млн чел., и все они там умерли от голода. Но это не соответствует действительности. Поголовная смерть от голода всех высланных в Сибирь – примитивная ложь, пропагандистское клише. «Великий демократ и правдолюбец» А.И.Солженицын утверждал, что «поток с добрую Обь» «протолкнул в тундру и в тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и более)». Учитывая, что из отправленных в ссылку средняя семья насчитывала 4,7 чел., цифру ссыльных крестьян, названную Солженицыным, следует увеличить до 60–75 млн чел. Это не просто неумеренное преувеличение, это – бред, которым в «Архипелаге ГУЛАГ», за который он получил Нобелевскую премию, Солженицын потрясал весь мир, поражая всех жестокостью большевиков, вызывая негодование, дрожь и страх перед СССР. По данным ОГПУ НКВД, за 9 предвоенных лет (1932–1940), в Западно-Сибирском крае умерло (в том числе и естественной смертью по старости) 389521 чел., в среднем в год – по 43280 чел. (2,4% от общего числа ссыльных). Большинство сосланных в Кельбес остались там жить навсегда, стали сибиряками.

улицы. У дома не было каких-либо хозяйственных пристроек или навесов, заборов и ворот, присущих крестьянским дворам. Он стоял одиноко и сиротливо на расчищенном от леса участке. Возле дома лежали несколько ошкуренных и неошкуренных бревен, какие-то доски, щепы и мусор.

Но в доме уже можно было жить. От дома открывался великолепный живописный вид на реку Кельбес и его долину. У дома имелось одно небольшое окно размером 30 на 40 сантиметров, слабо пропускавшее свет, поэтому даже днем в нем было полутемно. Причина такой скудности – не было стекла, и достать его где-либо оказалось совершенно невозможно. Мебель составляли деревянная кровать, сколоченная отцом, стоявшая у одной из стен, на которой стали спать отец с матерью, широкая лавка, на которой стала спать бабушка, и деревянный стол, находившийся посередине избы.

Иван сколотил для себя и Натальи свою деревянную кровать, но она имела только две ножки у одной стороны. Другую сторону кровати он прикрепил прямо к стене, выдолбив в ней небольшие углубления. Свое изобретение он объяснил так: «Займет меньше места. Проживем здесь только до весны». Все дети стали спать на полу, на котором расстилали большую войлочную кошму, отвоетанную бабушкой у комиссии, опиравшейся у семьи имущество.

Посередине избы стояла железная печка – «буржуйка», которая отапливала дом, на ней же готовилась пища. Рядом находилось приспособление для сжигания лучины, по вечерам и ночью освещавшей жилище. Надвигалась зима, выпал снег, для поддержания в доме тепла печку пришлось топить почти непрерывно, проблем с топливом не существовало. Бревна, из которых был сложен дом, были сырыми, с потолка капала вода, стены были мокрые. Сначала потолок высох над печью, потом потихоньку дом стал просыхать и в других местах.

По утрам отец с матерью, Алексей, Иван с Натальей уходили на работу, Мария и Павел уходили в открывшуюся в поселке школу: Павел – в первый, Мария – во второй класс. Дома оставались бабушка с Димой и Еленой. Маленькая Елена постоянно вертелась возле бабушки, «помогая» ей в чем-нибудь, или тормозила Диму, прося его в чем-либо помочь ей.

Дни становились все короче и короче, ночи – все длиннее и длиннее. Вернувшиеся взрослые с работы и старшие брат и сестра из школы, а также остававшиеся дома с бабушкой малыши, поужинав, вынуждены были рано укладываться спать, погасив дымящуюся и чадающую лучину. Ни электричества, ни радио, ни телевизоров и прочей современной техники и средств информации и развлечений у них, естественно, не было. Так как спать еще никому не хотелось, Алексей, окончивший пять классов ШКМ и прочитавший много книг из школьной библиотеки, обладавший прекрасной памятью, по просьбе младших братьев и сестер стал шепотом рассказывать им содержание книги Даниеля Дефо «Робинзон Крузо».

Его рассказами о кораблекрушении, жизни Робинзона на необитаемом острове, строительстве им дома, разведении коз, устройстве раз-

*Бабушка – Прасковья Лазаревна Кузикова (Лужкова)
и мать – Александра Степановна Гаврилова*

личных приспособлений, встрече с Пятницей и т.п., заинтересовались взрослые. Тогда Алексей, по их просьбе, уже не шепотом, а громко вслух, для всех, стал рассказывать содержание книги. Вечерние рассказы Алексея, занимательные и содержательные, стали традицией, позволявшей коротать долгие зимние вечера.

Алексей рассказывал до тех пор, пока не начинал раздаваться чей-нибудь громкий храп. Тогда он прекращал рассказ и с этого места продолжал его на следующий вечер. Дима, еще не умеющий читать, на всю жизнь понял, как важно не только читать книги, но и запомнить и уметь при необходимости пересказать как можно точнее их содержание, использовать в жизни полученные из книг знания.

Вход в дом шел непосредственно с улицы. Когда кто-нибудь открывал входную дверь, в дом врвался поток холодного воздуха, Поэтому, чтобы не выстужать избу, вошедшие стремились как можно скорее закрыть входную дверь. Маленькая Елена, всегда веселая, бойкая, энергичная, активная, когда кто-нибудь из домашних приходил с работы, только открывал дверь и входил в дом, она радостно, с ликованием бросалась к нему.

В тот несчастный, злополучный день Наталья с двумя соседками по какой-то причине раньше времени вернулась с работы. Они при входе в дом дольше обычного держали входную дверь открытой. Маленькая Елена, одетая в легкое летнее платье, по обыкновению, с радостным криком бросилась к Наталье, которая очень любила и всячески ласкала малышку. В это время входная дверь снова открылась и в дом ввалилась новая партия женщин, работавших вместе с Натальей. Входная дверь все это время была открытой. Бабушка бросилась в эту толпу, выхвати-

ла из нее Елену и утащила ее вглубь избы, но за это время Елена успела сильно простудиться.

Вечером у Елены поднялась температура, она кашляла, отказалась есть, только пила теплый чай. Утром ей стало хуже, пришедшая девушка-фельдшер долго прослушивала Елену и сказала, что у нее пневмония – двустороннее воспаление легких, болезнь очень опасная. Она оставила матери таблетки и капли, рассказала, как и когда их принимать, и сказала:

– Давайте ей вовремя оставленные мною лекарства. Посмотрим, что получится. Если они помогут, кризис минует, она выздоровеет. Везти ее в больницу бесполезно: очень далеко, транспорта нет, да и бессмысленно – справиться с двусторонним воспалением легких врачи не смогут – не умеют, у них нет лекарств, которые могли бы вылечить. Если кризис не пройдет, спасти девочку никто уже не сможет.

Весь день мать, бабушка и Дима не отходили от постели больной. Она плакала, металась в бреду, засыпала, а проснувшись, снова начинала плакать и бредить. Кризис не проходил, ей лучше не становилось. Всю ночь мать сидела возле Елены, та по-прежнему металась в жару, плакала, а к утру затихла. Мать сказала, что она умерла. Узнав об этом, бабушка и Дима горько заплакали. Вся семья, а также Наталья с Иваном, тяжело переживали постигшее дом горе.

Отец куда-то ушел и вернулся, неся подмышкой какой-то небольшой деревянный ящик. Это оказался гробик для умершей. Дима впервые заметил, что сестренка такая маленькая. Гробик поставили на стол посреди избы, мать и бабушка переодели умершую Елену и положили ее в гроб, Мария и Павел принесли сосновых веток и украсили ими гроб. Бабушка стала читать над гробом молитву, Дима стоял возле нее и безутешно плакал, слезы у него лились ручьем, застилая свет. Вечером вся семья ушла на кладбище хоронить Елену. На улице был большой мороз, Диму, у которого не было теплой одежды, на кладбище не повели, его, заплаканного, оставили дома одного.

Дом осиротел. Не стало колокольчика, который оживлял их жилище. Днем, когда взрослые уходили на работу или по своим делам, а старшие сестра и брат – в школу, дома теперь оставались только бабушка и Дима. Он еще больше привязался к бабушке. Та, в свою очередь, всю свою доброту и заботу стала обращать на младшего внука. Бабушка, помогая матери вести домашнее хозяйство, повседневно, незаметно воспитывала внуков, которых поровну любила всех, не выделяя кого-либо из них своим вниманием.

Бабушка всех внуков вынянчила с пеленок (а позднее вынянчила с пеленок и всех правнуков), хорошо знала характер, склонности, интересы каждого. Она была выдающимся педагогом. Не имея никакого образования (нигде не училась, никогда не ходила в школу), благодаря своей природной доброте, крестьянской смекалистости, любви к детям, отзывчивости, она умело, ласково, ненавязчиво направляла их детскую активность на полезные дела.

Все дети в семье очень любили бабушку, по деревенской традиции называли ее «старой мамой». В большой, дружной семье она действи-

тельно была для них чуткой и внимательной второй мамой. По мнению Димы, всех детей следовало бы разделить на две категории: воспитанных с участием доброжелательных к ним бабушек и воспитывавшихся без бабушек. Жизнь часто, на многочисленных примерах, подтверждает благотворность, полезность и эффективность «бабушкиного» воспитания.

Зимой всех мужчин и подростков, в числе последних был и 15-летний Алексей, отправили в лес на лесоповал. Они рубили огромные сосны, ели, пихты, кедры, очищали их от вершин и сучьев, распиливали на бревна. Работа была тяжелой и опасной. Никто из спецпереселенцев ранее не работал на лесозаготовках. В лесу был метровый снег, прежде чем пилить дерево, нужно было разгрести около него снег.

Спиленные деревья падали не всегда туда, куда должны были падать по расчетам лесорубов. Было много несчастных случаев, когда деревья падали на людей, наносили им увечья, переломы костей и раны. Готовые бревна по ледяной дороге лошадьми везли к реке, на берегу Кельбеса их складывали штабелями и готовили к весеннему сплаву.

На работах никакой вооруженной охраны ссыльных, конвоиров с собаками не было, как это обычно показывается в кинофильмах. Работники комендатуры и служащие относились к ссыльным корректно, чего нельзя сказать о вольнонаемных рабочих, работавших на этих же работах вместе с ссыльными. Они считали себя привилегированным сословием, считали вправе, увидев у ссыльного хорошо наточенные пилу или топор, на сплаве – хорошо ошлифованный багор, отнять их у ссыльного, сунув ему взамен свои затупленные пилу или топор, или плохо выструганный багор. Ссыльный был бессилён защитить себя, администрация в таких случаях всегда стояла на стороне вольнонаемных рабочих.

Для женщин-ссыльных постоянной работы не было. Пайки, выдававшиеся на рабочих и иждивенцев, были очень скудные, прожить на них было трудно. Мать со знакомыми женщинами время от времени ходили пешком на Барзас и в Анжерку, где были шахты, на которых под землей, на очень опасных работах, работали шахтеры, получавшие большую зарплату. Там они продавали высушенные ягоды, грибы, кедровые орехи, покупали или выменивали на имевшиеся у них вещи продукты: консервы, крупу, макароны и т.п.

Наступил новый, 1932 год. Морозы спали, бабушка повела Диму на новогоднюю елку, проводившуюся для дошкольников. На него надели несколько наиболее теплых рубах, в дополнение к имевшемуся легкому пиджачку его обмотали материнной шалью, и в таком наряде они с бабушкой направились в клуб. Он располагался посредине большого поселка, только что построенного на высоком берегу Кельбеса. В клубе в центре большой комнаты стояла елка, с красной звездой на вершине, наряженная флажками, бумажными цепями и самодельными игрушками. Некоторые дети, приведенные на елку (а не только Дима), были бедно одеты, но многие мальчики и девочки были одеты в красивые шубки, обуты в валенки.

Дима скромно сидел в сторонке на стуле и смотрел, как вокруг елки водят хоровод, а затем бабушка взяла его за руку и поставила в ряд вме-

сте с другими детьми ходить вокруг елки. Девочка по памяти прочитала какое-то стихотворение. По окончании мероприятия Дима получил подарок – кулечек, в котором находились пряник, печенюшки и несколько конфеток без бумажек. Поход на новогодний праздник несколько скрасил их жизнь, бабушка радовалась ему не меньше, чем Дима.

Вскоре после Нового года Дима получил подарок, который сразу по достоинству оценить не мог: отец где-то купил и подарил ему букварь. Отныне каждое утро, как только бабушка заканчивала дела по хозяйству, они с Димой садились рассматривать букварь, в нем было множество красивых картинок. Бабушка не умела читать, но знала буквы. Она стала называть Диме буквы, а он тут же запоминал их. Быстро они догадались, что если подряд читать несколько букв, получаются слоги или короткие слова, а складывая несколько слогов, можно прочитать и длинное слово.

Дело пошло успешно, к весне Дима и бабушка научились довольно хорошо читать, читали и перечитывали букварь. Других книг в доме не было. Мария и Павел учились в школе, но там учебников было очень мало, ученикам на руки их не давали, они приносили с собой домой только тетради по русскому языку и арифметике.

Наступила весна, река вскрылась ото льда. Мужчины с лесоповала вернулись в поселок, их направили на лесосплав. Отец с другими мужчинами сплавливали лес по реке в плотках и молём, баграми растаскивали бревна, когда на реке возникали заторы. Алексея с другими подростками направили на месяц на станцию Яя работать на лесозаводе, где они на лошадях подтаскивали от реки к конвейеру захваченные особыми крюками сплавленные бревна. Жили они в общежитии в зоне, огороженной колючей проволокой. На работу и с работы их водили строем.

Питались они в столовой. За работу выдавали талончики трех сортов: красные, желтые и зеленые. На красный талончик еды выдавалось больше, на желтый – поменьше, на зеленый – давали только суп и чай. Местные ребята, работавшие вместе с ними, всячески их оскорбляли, обзывали, отбирали у них талоны в столовую, оставляя их голодными.

Сговорившись однажды, когда местные напали на них, они дали им дружный отпор. Местные ребята разбежались, а одного, не успевшего убежать, они, подхватив за руки, увели с собой в зону за колючую проволоку. Он оказался сыном какого-то местного начальника. Дома его потеряли, началась паника, пронесся слух, что его убили ссыльные. Пока разобрались, прошло два-три дня, все это время «пленный» сидел в зоне. После этого случая местные уже больше на них не нападали и не обижали их.

Наступило лето. Стало тепло, можно было днем проводить время вне дома. Отец принес с работы и подарил младшим сыновьям обломок поперечной пилы с одной ручкой, держась за которую можно было что-нибудь пилить. Теперь в любое время, когда они не были заняты чем-нибудь по дому, Павел и Дима брали пилу, и шли спиливать небольшие тонкие сосенки, густым лесом подступавшие к их окраинному дому.

В лесу у них появились замечательные друзья – бурундуки, небольшие юркие зверьки с серо-коричневой полосатой шкуркой и пушистыми хвостами. Убедившись, что малолетние лесорубы их не трогают и не пугают, они стали смело прибегать к ним. Как только Павел и Дима

появлялись в молодом сосняке, бурундуки собирались возле них, своими красивыми черными глазками наблюдали за их работой, прыгали с ветки на ветку, играя, гонялись друг за другом.

Отец, увидев братьев за спиливанием молодых сосенок, одобрил их работу:

– На всех собраниях нам говорят, что надо осваивать тайгу, расчищать ее от леса. Темные леса – это дикость, варварство, они должны уступить место цивилизации. Продолжайте начатое дело.

Таким образом, Павел и Дима тоже стали вносить свой вклад в освоение Сибири. Воспользовавшись уходом отца, матери и всех взрослых на какое-то важное собрание, на котором должны были подвести итоги зимнего лесозаготовительного сезона и сплава леса, Павел и Дима снова пошли заниматься спиливанием сосенок.

Но на этот раз почему-то (память не сохранила, кто из братьев предложил гениальный проект) они стали пилить сосенки не в лесу, а росшие у тропинки, спускавшейся по крутому берегу вниз к реке. За эти сосенки, вместо перил, держались женщины, ходившие к реке за водой.

Выполнив свою работу, уставшие и довольные собой, молодые лесорубы – семилетний Павел и пятилетний Дима – удалились в дом, когда слышали отчаянные крики и отборную ругань женщин-соседак в адрес неизвестных негодяев и вредителей, спиливших сосенки, помогавшие им ходить за водой. Братья замерли от страха: они поняли свою ошибку, невозможность воскресить спиленные сосенки, неизбежность сурового наказания за необдуманно совершенное ими гнусное дело. Было ясно, что этих негодяев и вредителей быстро найдут и жестоко накажут.

НОВЫЙ ПОВОРОТ В СУДЬБЕ

*В нашей жизни всякое бывает.
Набегает с тучами гроза.
Туча уплывает, ветер утихает,
И опять синеют небеса.*

С.Альмов.

Вернувшиеся с собрания родители принесли неожиданную, но неописуемо радостную весть: отец и семья решением ЦИК СССР восстановлены в гражданских правах и могут проживать где угодно, на всей территории страны. На собрании в торжественной обстановке отцу было вручено удостоверение о восстановлении в правах.

Приведем текст этого документа с соблюдением орфографии подлинника:

«РСФСР Ижморский Районный
Исполком Западно-Сибирского края
21 июня 1932 г. № – 16. Ст. Ижморская

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее гр-ну Гаврилову Василию Васильевичу 1893 года рождения в том, что имеется на его иждивении семья жена Алексан-

дра Степановна 1895 года рождения, сын Алексей Васильевич 1917 года рождения, Павел Васильевич 1925 года рождения, сын Дмитрий Васильевич 1927 года рождения, дочь Мария Васильевна 1922 года рождения решением ЦИК СССР от 29 мая 1932 года восстановлен в избирательных и во всех гражданских правах. Гражданину Гаврилову разрешается свободное проживание в Союзе ССР. Что и удостоверяется:

Председатель РИКа: подпись /Чичерин/

Отв. Секретарь: подпись /Кутинов/ Круглая печать».

Ликованию семьи не было предела. Бабушка прокомментировала решение о восстановлении семьи в правах очень просто и кратко: «Есть справедливость на этом свете. Бог все знает, он услышал наши молитвы». Все сомневались в недостаточности и точности этого объяснения, но никто ей не возражал. Однако бурно радовались не все. На душе Павла и Димы лежал тяжелый груз. Они понимали, что нельзя уезжать отсюда, оставив о себе недобрую память об искалеченном ими спуске к реке. Они признались отцу в совершенном ими злодейском поступке, безропотно ожидая наказания, но отец остался спокойным, сказал: «Исправим».

Исправлять что-либо не пришлось. Оказалось, что никто не видел дроворубов, спиливших несчастные сосенки. Сосед, зашедший поздравить отца с восстановлением в правах, сказал:

– Кто-то спилил сосенки у тропинки к воде. Я сделал колья и вбил их в землю вместо сосенок. Теперь женщинам будет удобнее, чем прежде, спускаться к реке. Отец похвалил его и не стал впутывать в это дело несмышленных детей, а Павел и Дима с тайной благодарностью смотрели на соседа, удивляясь, как быстро и хорошо он решил, казалось бы, нерешаемый, по их мнению, вопрос и избавил от ответственности за причиненное зло, оказавшееся не таким уж большим и серьезным.

К общей радости присоединились Иван и Наталья, которые горячо и искренне поздравляли семью с восстановлением в правах. Иван попросил отца, возле которого был Дима, отойти в сторону поговорить. Они отошли от дома и сели на бревно, служившее заменой скамейки. Косо посмотрев на Диму, Иван сказал, что у него очень важный разговор и лучше бы поговорить без свидетелей. Отец его заверил:

– Можешь говорить что угодно. У меня ребята надежные. Дима никому ничего не расскажет.

Пятилетний Дима удивился такой уверенности отца и про себя подтвердил, что он никогда, нигде, ни за что не подведет отца.

– После вечерней проверки, – сказал Иван, – сегодня ночью мы с Натальей сбежим. В случае если кто вас спросит про нас, скажите – ушли в гости к знакомым на другой конец поселка. Хватятся нас только в понедельник, во второй половине дня, а в это время мы будем уже далеко. Мы договорились с одним верным человеком, он изготовил для нас поддельные документы, по которым купим железнодорожные билеты и сядем на поезд. Документы надежные, с подлинными подписями и печатями. Верный человек связан с каким-то большим начальником, которому срочно нужны деньги. У того тяжело болеет жена, для ее операции требуются очень большие деньги. Он очень рискует, но другого

выхода у него нет. Конечно, документы нам стоят дорого, но деньги мы нашли. У Натальи сохранились золотые вещи, пришлось пожертвовать ими.

По словам верного человека, главное – чтобы не задержали на станции, купить билеты и успеть сесть в поезд. Дальше, уверил он нас, никто вас не найдет и искать не будет. Местное начальство на побеги смотрит сквозь пальцы, работы для всех ссыльных и переселенцев не хватает, негде их использовать. В прошлом году из Западно-Сибирского края бежало около 100 тысяч ссыльных⁷.

– Насколько можно верить верному человеку? Не обманет, не подведет он вас, выманит деньги и скроется? Может быть, провокатор? – Не похоже на обман.

– А деньги вы ему уже отдали?

– Нет еще. Договорились, он купит нам билеты и посадит на поезд, тогда и отдадим ему деньги. Отец, человек общительный, имевший большой жизненный опыт, по обрывкам доходивших до него сведений трезво судивший о социальной политике партии и правительства, стал давать Ивану полезные, на его взгляд, практические советы.

– Правильно сделали, – сказал отец. – Поезжайте на какую-нибудь большую стройку, там всегда рабочие нужны. Поддельные документы уничтожьте, какие бы ни были они хорошие, если сделают запрос, установят, что они фальшивые. Скажете, что вы из деревни, на станции вас ограбили шармачи, утащили вещи и документы. Сейчас так повсюду. На работу вас, молодых и здоровых, все равно возьмут, а постепенно оформите и документы. Фамилию смените. Лучше всего сказать, что вы из такой-то деревни, деревня небольшая, все там имели одну фамилию, иди разберись, кто ты и чей. Деревня была бедная, сгорела, все люди разъехались кто-куда, даже если кто сделает запрос, ничего не добьется.

Надо получить специальность. Сначала вас примут чернорабочими, землекопами, подсобными рабочими. Не падайте духом. Вы грамотные, поступайте на курсы, окончите их, получите квалификацию, поступайте на другие курсы, на третьи, пока не найдете хорошую работу и по душе. Будете хорошо работать, обязательно будут агитировать вступить в партию. В партию не вступайте ни в коем случае, говорите, что грамотёшка мала, в политике не разбираетесь: всегда найдутся завистники и карьеристы, заподозрят что-нибудь и будут копать, доберутся, что вы беглые ссыльные. Никому ничего не рассказывайте лишнего о своем прошлом. Будьте осторожны.

Ночью Иван и Наталья исчезли. Дима их больше никогда не видел. Спустя три десятка лет Дима, находясь в командировке в одном из промышленных городов, после завершения своих дел, по привычке отправился осматривать незнакомые места. Сойдя с трамвая на конечной остановке на площади у проходной орденоносного завода, он начал рассматривать обычную для того времени «Доску почета».

Заинтересовал один из портретов, лицо изображенного человека показалось знакомым, а когда начал рассматривать более внимательно

⁷ По данным историков, из Западно-Сибирского края бежало ссыльных и спецпереселенцев: в 1932 г. – 207 тыс., в 1933 г. – 215 тыс., в 1934 г. – 87 тыс., в 1935 г. – 43 тыс. чел. См.: Андреа Грациози. Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне 1917–1933. М., 2001. С. 50.

но, его словно ударило электрическим током: «Да ведь это сибирский Иван!» Он записал данные с доски, переписал ордена и медали, которыми была увешана грудь знаменитого сталевара. Когда Дима вернулся в гостиницу, его начали одолевать сомнения. Прошло столько лет, люди меняются, можно ли доверять зрительной памяти пятилетнего мальчика спустя много лет, в течение которых перед ним промелькнула тьма разных людей? В гостинице он взял у администратора городской телефонный справочник и выписал нужные ему номера телефонов. Утром из будки телефона-автомата он позвонил заместителю секретаря парткома завода и сославшись, что его беспокоит корреспондент молодежной газеты, который пишет статью о знатных людях завода, спросил его, имеются ли у них материалы об этом рабочем.

Заместитель секретаря парткома ответил:

– Знаю такого. Часто сидел у нас в президиумах. Но он беспартийный. Никаких материалов о нем у нас нет. Обратитесь в завком завода.

Беспартийный? Тогда для рабочего-стахановца это было редкостью, но, казалось бы, выводило на нужный след. Через некоторое время с другого телефона-автомата Дима позвонил заместителю председателя завкома завода и, представившись тем же корреспондентом, задал те же вопросы.

Заместитель председателя завкома оказался словоохотливым:

– Нужное для воспитания молодежи дело затеяли. Кадровый рабочий, известный на заводе и в городе ветеран труда. Да о нем уже писали, найдете материал в областной и в других газетах. У нас есть вырезки из газет со статьями о наших ветеранах. Но лучше было бы побеседовать с ним самим. Он уже на пенсии, но еще крепкий, бодрый. Недавно заходил к нам в завком. Живет он в частном секторе, в своем домике, много раз предлагали предоставить благоустроенную квартиру в соцгороде, но он не соглашался. Могу дать его домашний адрес, записывайте.

Дима записал адрес. Зайдя в тенистую аллею, он сел на скамейку и надолго задумался: что делать? Хорошо было бы найти Ивана, вспомнить прошлое, рассказать о своей семье, тогда еще живы были родители, узнать о жизни Ивана и Натальи. Но кто этот передовой рабочий? Тот Иван или не тот? Можно ли надеяться на впечатления и память пятилетнего ребенка? Можно поехать по указанному адресу и все это выяснить. Но если это не тот Иван? Нередко встречаются похожие друг на друга люди, что тогда? Спросит, кто такой, с какой целью интересуешься его биографией, вызовет милицию или позвонит еще куда-нибудь. Придется давать неприятные объяснения.

Но если это действительно Иван, сбежавший с Натальей из Сибири? Дело может обернуться еще хуже. Как он воспримет свое «разоблачение»? Для него это будет жестоким потрясением. Может быть, он все время скрывал этот эпизод своей жизни, хорошо трудился, завоевал почет и уважение, очень высокие награды, а теперь все это пойдет прахом? А может этот молодой человек, назвавший себя Димой, которого он знал пятилетним, провокатор, подосланный к нему КГБ? Как он воспримет все это, как переживет? Очень возможно, что с ним случится инфаркт или

инсульт. Разве можно из простого любопытства рисковать здоровьем и жизнью людей, сделавших так много хорошего для его семьи?

Дима не смог найти выход из этого положения и решил не заниматься этим делом. После побега из Сибири в родной деревне Иван и Наталья не появлялись. Они затерялись где-то на просторах необъятной Родины.

Но вернемся к нашей повести. Утром, после завтрака, отец собрал семейный совет. Сложилась традиция, просуществовавшая очень долгие годы, вплоть до времен, когда все дети стали взрослыми и разъехались: все важные дела, большие и малые, решать всей семьей, причем все дети, до самого малого, на таких советах имели равный голос.

Отец сказал:

– Нас восстановили в правах, теперь мы можем жить где угодно. Мы можем устроиться на работу здесь в качестве вольнонаемных или поступить на любую работу в близлежащих городах и промышленных предприятиях. Давайте решать, будем оставаться в Сибири или возвратимся на родину?

Первой выступила мать:

– Возвращаться не к чему.

Столько земляков, которых мы всегда считали хорошими, порядочными, оказались плохими людьми. Надо оставаться здесь. На заводах и шахтах хорошо зарабатывают, у них хорошее снабжение, есть хорошие школы. Проживем, поднимем и выучим детей. Зачем возвращаться, что нас там ждет? Сестра Анна пишет, что хлеба не уродились, голод, хлеба нет, на трудодни ничего не выдавали. Ее поддержала бабушка:

– Надо оставаться здесь. Богатющий край: ягоды, грибы, орехи. Только за счет леса, ягод и грибов можно прожить.

Отец высказал свое мнение:

– Можно устроиться на работу на лесозаводе. Там есть работа для меня, есть работа для Алексея, очень подходящая – считать бревна. Я показывал его десятнику, он ему понравился – парень грамотный, смысленный. На шахты работать не пойдем. Зарплата у шахтеров хорошая, но работа очень опасная, под землей, часто происходят аварии, почти еженедельно гибнут 2–3 человека. Шахтеры, каждый день уходя на работу, не знают, вернутся ли они живыми.

– Климат здесь плохой, суровый, уклад жизни у местного населения для нас непривычный. Плохие люди всюду есть, не только в нашей деревне. Но добрых людей везде больше, чем плохих. Конечно, в наших местах неурожай, голодовка, но это не впервые и явление временное. Спросим, что думают, где нам жить, наши ребята? Тут все дети, в том числе и Дима (семейное численное большинство), не сговариваясь, дружно закричали:

– Поедем домой! Домой!!

Они, конечно, не думали и не представляли, что на родине у них уже нет дома, что там их никто не ждет, что там они никому не нужны.

– Вот мы и решили: едем на родину, – подвел итог семейному совету отец.

Отец ушел к коменданту поселка, а, вернувшись, рассказал:

– Возникли затруднения с бабушкой. В решении о восстановлении в правах в составе семьи она не числится и комендант разрешить ее выезд не может. Как человек пенсионного возраста, она подлежит освобождению от ссылки. На это следует получить справку в Анжерке, а чтобы ее прислали, надо подождать несколько дней или самим съездить туда. Комендант позвонил в Анжерку, такую справку там подготовят.

– Я решил, что мы ждать не будем, бабушка останется здесь на несколько дней, в Анжерку за справкой ходит Алексей. Комендант сказал, что это далеко, вся дорога идет по лесу, не стоит посылать туда 15-летнего подростка, но я сказал, что он у нас смелый, возьмет с собой палку. Комендант рассмеялся, но возражать не стал. Завтра нам дадут подводы, отвезут на железнодорожную станцию. Поезда дальнего следования – проходные, билеты надо приобретать заранее. Подождем там, на станции, сейчас лето, тепло. К тому времени получим и справку на бабушку.

Бабушка предложила Диме сходить на кладбище, проститься с Еленой. Кладбище оказалось на мысе высокого берега, откуда открывалась широкая панорама речной долины. Поселок был новый, кладбище тоже новое. Дима удивился, что на кладбище много могил. Их дом находился на самом краю поселка, и Дима не знал, что в других семьях тоже умирали дети и старики.

Бабушка отыскала небольшой холмик, могилку Елены, у которой стоял деревянный крест с надписью. Они сели на скамейку, бабушка заплакала, у Димы от горя сжималось горло, он тоже горько заплакал, но плакал беззвучно, слезы у него лились рекой. Ему было очень жаль свою любимую младшую сестренку. Так они долго сидели у могилки, пока бабушка не позвала идти домой.

Уходя с кладбища, кланяясь могилке Елены, бабушка сказала:

– Царствие ей небесное! Наша Елена была еще маленькая, безгрешная. Теперь она в царствии небесном, в раю, там ей хорошо, сейчас возле нее крылатые ангелы и святые апостолы. Эти слова бабушки несколько успокоили Диму, но не сняли у него подавленного настроения. На следующее утро с тяжелым сердцем семья покидала Кельбес, оставив в сибирской земле любимого родного человечка.

ЧАСТЬ 2 ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДОРОГА НА РОДИНУ

*И опять – вагоны,
Перегоны, перегоны,
И стьки рельс отсчитывают путь,
А за окном – в зеленом
Березки и клены,
Вам говорят: «Сибирь не позабуди!»*

В.Высоцкий.

На станции Яя семья расположилась под большими деревьями, росшими возле небольшого вокзала, и стала ждать. Через день пришли

Алексей и бабушка. Алексей успел сходить в Анжерку, получил справку, пришел с ней обратно в Кельбес и привел на станцию бабушку. Когда Алексей вернулся за бабушкой в Кельбес, построенный родителями и Иваном с Натальей дом уже был занят другой семьей, которая безжалостно выдворила из него бабушку, и она, пораженная бессовестностью и бессердечием соседей, сидела на чердаке и плакала. Здесь стоит привести текст этой судьбоносной справки с соблюдением орфографии подлинника:

«Сибирские Исправительно-трудовые лагеря ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. Анжеро-Судженская районная комендатура

Видом на жительство по спецпереселению служить не может.

«8» июля 1932 г. Адрес: Анжерка ЗСК.

С П Р А В К А

Спецпереселенка Сиблага ОГПУ Гаврилова Прасковья Лазаревна рожд. 1873 г. выселенная из с. Озеро Сикиязского с/с Дуванского р-на БАССР на иждивении сына своего гр-на Гаврилова Василия Вас, и следует к нему в названный р-н на родину, что подписью и печатью удостоверяется.

Комендант Дубровский.

Делопроизводитель Бирюков.

Круглая печать».

Куплены билеты на проходящий поезд дальнего следования, но объявили, что поезд опаздывает на двое суток. Такие опоздания в то время были обычными. Однако поезд пришел раньше. На следующее утро мать с Димой отправились на речку полоскать выстиранные рубашки. Они спустились по крутому берегу к железнодорожному мосту через реку Яя, мать стала полоскать принесенные вещи, Дима смотрел на реку и мост, но на сердце у него было беспокойно.

Вдруг он увидел подходивший к станции поезд с зелеными вагонами и закричал:

– Мама, наш поезд!

Мать не хотела ему верить, но беспокойство передалось и ей. Они бросились бежать вверх по откосу к вокзалу. В остановившийся поезд уже шла посадка. Отец, бабушка, Алексей и все остальные члены семьи грузили в вагон имевшиеся пожитки. Они не удивились появлению матери и Димы, вместе со всеми садившимся в вагон. Уже позже, в вагоне, когда поезд тронулся, мать и Дима с ужасом осознали, что они могли отстать от поезда – остаться одни без денег, без документов, без еды.

Вещи погружены, все члены семьи в вагоне. Прозвучал звонок станционного колокола, раздался громкий протяжный гудок паровоза, и поезд двинулся в путь, набирая скорость.

– Прощай, Сибирь!

Полсотни лет спустя, проезжая по железной дороге на Байкал, Дима, все время стоявший у окна и с волнением ожидавший появления станции Яя, несмотря на прошедшее большое время, сразу узнал этот железнодорожный мост, станционные постройки, высокие деревья у вок-

зала, под которыми семья ожидала поезд, возвращаясь из Сибири.

Устроившись на своих местах, семья стала знакомиться с попутчиками. Рядом оказались две молодые девушки из Ленинграда, одетые по-городскому, в красивых цветных кофточках, окончившие педучилище и направленные работать учительницами в Сибирь. Теперь, после окончания учебного года, они возвращались домой.

Услышав, что Диме пять лет, они решили испытать на нем свое педагогическое мастерство и засыпали его своими расспросами. Узнав, что Дима умеет читать, они не поверили и решили устроить ему экзамен. Но книг ни у кого не было. Одна из девушек, порывшись в своем чемодане, нашла небольшую брошюру и дала ее читать Диме. Он удивился мелкому шрифту – ему приходилось читать только букварь с очень крупными буквами. Тем не менее, он храбро взялся за брошюру и прочитал ее заголовком: «Методические указания учителям начальных школ».

Девушки ахнули. Между ними начался спор. Одна говорила, что в таком возрасте еще рано читать, это губит любовь к чтению, ее ученики второго класса не любили читать. Вторая, ссылаясь на опыт работы с первым классом, с которым она занималась, восторгалась способностями мальчика, который читает уже в пять лет. Ей только к концу первого полугодия удалось обучить своих учеников научиться читать, а к концу второго полугодия не все они могли читать бегло, никто из них не прочитал бы так скоро заголовок брошюры.

Еще больше они удивились, когда узнали, что Дима научился читать... от бабушки (!), которая (еще большее изумление!!) никогда не училась в школе и не умела читать. Дима, сам того не подозревая, вызвал острый теоретический научный спор. Одна из девушек уверяла, что для обучения грамоте нужно следовать передовой научной методике, как их обучали в педучилище, иначе мы будем снижать память детей, гасить их прилежание.

Другая девушка отстаивала точку зрения, что не важно – по методике или без нее учили грамоте, – важен результат: ребенок научился читать и читает хорошо. Интересным попутчиком оказался молодой парень в серенькой сильно поношенной куртке и, несмотря на лето, в серой потрепанной шапке, у которого из багажа был только один тощий вещевой мешок. Он часто выходил в тамбур курить, пел жалобно-трогательные, слезливые песни о нелегкой, горькой судьбе несчастных, «непутевых сыновей» России:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла,
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила?
...Я сын рабочего, подпольщика-партийца,
Отец меня любил и мною дорожил.
Но довела его проклятая больница –
Туберкулез костей в могилу уложил.
Шатался я от фабрики к заводу,
Но слышал лишь отказный разговор.

Так для чего я добывал свободу,
Когда по-старому, по-прежнему, я вор?
...Судьба печальная, дорога дальняя,
Дорога дальняя, казенный дом.
Быть может, старая тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждет.

Развлекая пассажиров (да, по-видимому, и ободряя себя), он пел душераздирающие песни про «Гавань, в которую заходили корабли», «Танго цветов», жуткую «Гарри-атаман» и другие уголовные романсы. Узнав, что семья возвращается из ссылки, и, вероятно, чувствуя социальную близость с ней, он подсел к нам и завел разговор с отцом.

– Отбыл срок? – спросил его отец.

– Нет, освободили досрочно, за ударный труд. Был на Колыме. Отправляли туда морем, везли на пароходах в грязных трюмах. Привезли 5000 заключенных, строили дорогу от Магадана до золотых приисков. Я был в строительной бригаде, строили дома, бараки.

– Была строительная специальность?

– Нет, познакомился с одним зеком на пересылке, он на гражданке был техником-строителем, пригласил меня к себе на стройку. Там ведь требуются подсобные рабочие – поднять, принести, унести. Постепенно научился работать топором, пилой, рубанком. Старались работать, как могли.

– Городской?

– Нет, я из деревни. В деревне голодно, подался в город. Специальности нет, заработки плохие, перспективы никакой. А жить хотелось красиво. Пристал к банде, сначала дело шло хорошо, грабили квартиры, раздевали людей, воровали по мелочам. Жили роскошно. Мокрыми делами не занимались. Но в банду влился недавно освободившийся зек, начались крупные дела.

– Однажды ограбили склад, сторож пытался поднять тревогу, этот зек его пристукнул. Убийство! Вот тогда за нас взялась милиция. Задержали несколько участников ограбления, начались допросы, аресты. Следствие продолжалось почти год. Потом суд, зека приговорили к расстрелу, другим дали очень большие сроки. Мне, по моей молодости и как непосредственно не участвовавшему в ограблении, а стоявшему на шухере, дали меньше.

– Откуда знаешь множество блатных песен?

– Выучил, пока сидел в КПЗ. Там был зек, полжизни провел в лагерях и тюрьмах, блатарь-рецидивист. В тюрьме делать нечего, следствие тянется месяцами. Зек имел хороший голос и развлекал всех своими песнями. Он сказал, что у меня есть слух и красивый голос, учись петь. Ведь в тюрьме среди зеков тоже надо уметь выжить, особенно молодому человеку, попавшему в заключение в первый раз. Там уважают только совершивших какое-нибудь громкое, смелое преступление, боксеров, каратистов, умеющих хорошо драться, короче, чем-либо заслуживших их признание. Ценят тех, кто знает и поет блатные песни.

– Понравилась жизнь воровская?

– Ничего хорошего. Схватим большую добычу – рестораны, малина. Вино, беспробудные пьянки, легкодоступные женщины. Кутим и гуляем. Кончатся деньги – снова на дело. Повторяется все с начала.

– Как думаешь жить дальше?

– Воровать больше не буду. Завязал. Сейчас еду к матери, живет одна в деревне. Побуду дня два-три и уеду куда-нибудь подальше, чтобы блатные не нашли. У них же тоже недостаток кадров. Узнают, что освободился, снова втянут в банду, от них никуда не денешься. Устроюсь на работу, обзаведусь хибарой, тайно перевезу к себе мать.

Отец похвалил парня за желание порвать с воровским прошлым. Девушки-учительницы не оставляли Диму в покое, продолжали проводить над ним педагогические эксперименты. Они стали спрашивать, зачем он слушает песни бывшего зека и понимает ли он в них что-нибудь?

– Интересно. Вот понравилось:

В санках у нас под медвежьей шкурой
Желтый лежал чемодан,
Каждый невольно дрожавшей рукою
Щупал холодный наган.
Вот и ушли мы от погони,
Нас уже не найти.
Вынесли нас быстрые кони,
Снег заметал их следы.

Педагоги стали рассуждать. Одна говорила: мальчик – ему интересно все об оружии: наган, погоня. У нее в классе все мальчики постоянно притаскивали в школу свое вооружение – рогатки, деревянные винтовки, револьверы, сабли, шпаги. Не успевала у них его изымать и выбрасывать, наташат нового. А что еще в песнях бывшего зека понравилось Диме? Он не замедлил поделиться со своими наставницами:

Сверла, стальные и крепкие,
Словно два шмеля жужжат.
Вмиг просверлили четыре отверстия
В сердце стального замка.
Вот открылись дверцы железные
Мы не сводили с них глаз.
Деньги советские ровными пачками
С полок глядели на нас.
Шикарно одетый, с розой в петлице,
В сером английском пальто,
Я ровно в семь тридцать город покинул,
Даже не глянул в окно.

Молодые учительницы стали допрашивать Диму: когда и где он разучил эту песню, не хотели верить, что он услышал ее только здесь. Они стали делиться между собой педагогическим опытом. По словам одной, у нее дети не любили учить наизусть заданные им стихотворе-

ния. Она оставляла их после уроков, держала в классе до тех пор, пока они не выучат стихотворение или не расплачутся. Но это помогало мало, ей попались тупые дети. Вторая говорила, что все дело в неправильной методике, но соглашалась, что и у нее дети наизусть учили стихотворения очень туго. Они продолжили педагогические эксперименты. Убежденные, что Дима где-то раньше разучил песню зека, но не говорит им этого, они стали спрашивать его, не запомнил ли он какие-нибудь другие песни. Не замечая подвоха, Дима отвечал, что ему понравилась песня про Мурку, которую несколько раз пел вагонный артист:

Кто не знает банду города Одессы?!
В банде были урки, шулера.
Банда занималась темными делами,
И за ней следила Губчека.
В банде была баба, звали ее Мурка,
Смелая, отважная была.
Даже злые урки – и те боялись Мурки,
Воровскую жизнь она вела.

Тут молодые экспериментаторы были сражены окончательно. Они стали спрашивать, знает ли Дима, что за город Одесса, где он находится, был ли он в нем, что такое Губчека, кто такие урки и т.п.

Дима чистосердечно признался в своем полном незнании всего этого. Учительницы торжествовали: это нарушение правил педагогики и методики – мальчик запоминает стихи механически, машинально, бездумно, не понимая их смысла, засоряет свою память. Это против всех педагогических правил и установок! За терзаемого молодыми педагогами Диму вступилась его мама. Она сказала им:

– Девушки, зачем вы поощряете ребенка запоминать тюремные песни? Из него вырастет вор и бандит.

Экспериментаторы оправдывались, что это они делают исключительно ради педагогической науки. Отец был настроен более благодушно:

– Конечно, не к чему запоминать плохие песни. Дима не будет вором и бандитом. Пойдет в школу, будет учить хорошие стихотворения.

Ночь прошла благополучно, без происшествий. Утром освоившиеся в поезде пассажиры приводили себя в порядок, завтракали. Поезд шел медленно, долго стоял на больших станциях, на несколько минут останавливался на всех маленьких станциях и полустанках.

Молодой парень, возвращавшийся с Колымы, стал нервничать, беспокоиться, почти непрерывно курил.

Он сказал отцу:

– Скоро моя станция. Напоследок спою вам еще одну песню. Эта песня обо мне самом:

Летит паровоз по долинам, по взгорьям,
Летит неизвестно куда.

Мальчишка стал жуликом и вором,
И жизнь его – вечная игра.
Постой, паровоз, не стучите колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза!
Я к маменьке родной с последним приветом
Хочу показаться на глаза.
Не жди меня, мама, хорошего сына!
Твой сын не такой, как был вчера.
Меня засосала опасная трясина,
И жизнь моя – вечная игра.
Летит паровоз по долинам, по взгорьям,
Летит неизвестно куда.
Я к маменьке родной, больной и голодный,
Спешу показаться на глаза.

На небольшой станции, на которой состав стоял всего несколько минут, он сошел с поезда. Дальше семья ехала без вокального сопровождения. Выяснилось, что ехавшие с ними ленинградские молодые девушки-учительницы, соскучившиеся по своим мамам и не выдержавшие неблагоустроенности, некомфортабельности условий жизни в какой-то сибирской труппе, уехали из Сибири самовольно, не отработав положенного срока, попросту – сбежали. У них кончились деньги, им нечего было есть.

Вечером, перед тем, как семья стала собираться сходить с поезда, мать отдала им все оставшиеся у семьи съестные припасы.

На станцию, с которой семью отправляли в ссылку, поезд пришел ночью. Было тепло, семья со своими пожитками устроилась на скамейке возле вокзала. Стало светать. Отец куда-то ушел, но скоро вернулся и сказал, что им повезло. Он нашел мужиков из недалеко расположенной от их родины деревни, которые привозили на станцию на двух подводах какой-то груз, будут возвращаться обратно порожними. Они согласились довести их до родной деревни, а, узнав, что семья возвращается из ссылки, предложили довести бесплатно. Но отец сказал, что у семьи деньги есть, и они договорились, что довезут до места за весьма умеренную плату.

Отправились по дороге, по которой год назад их везли в ссылку, но в обратном направлении. Ехали не быстро, лошади еле плелись, на рысь они переходили только тогда, когда дорога шла под гору. Один из мужиков, сидевший на телеге рядом с отцом, все время жаловался, что лошади измученные, в работе без отдыха каждый день, кормятся плохо, надо давать им овес, но овса нет, рады, когда им удастся поесть траву. Людям не лучше: на трудодни почти ничего не дали, живут впроголодь, молодежь ушла в города и на заводы. В полдень сделали большой привал, чтобы лошади отдохнули и попаслись на траве. В деревню Озеро приехали ночью, когда было уже темно. Проехали по спящей, безлюдной деревне и остановились у дома, в котором жила сестра матери Анна.

ВЫХОДЦЫ С ТОГО СВЕТА

*Я вернусь раньше времени в дом...
Как бы ни был мой приговор строг,
Я вернусь на любимый порог.*

Из песни.

Сгрузив пожитки, сердечно попрощавшись с возчиками, приехавшие стали стучаться в дом Анны. Стучались в ворота, в двери дома, но все было глухо. В доме было темно, никто не отвечал. Наконец, когда стали стучаться в окна, в доме послышалась возня, из-за входной двери донесся заспанный голос Анны:

– Кто там? Что случилось? Что надо?

– Это я, Саня, – отвечала мать. – Открывай дверь, пускайте!

Но открывать дверь и пускать кого-либо за дверью никто не собирался:

– Какая Саня? Не знаю никакой Сани, – отвечали из-за двери.

– Твоя сестра Саня, – отвечала мать.

– Ты появилась с того света?

Сейчас позову мужа, узнаем, кто ты и что тебе надо.

Мать вскипятилась:

– Ты что, Анна, не узнаешь свою родную сестру? Мы вернулись всей семьей, вот рядом Вася, дети, наша мама. Не с того света, а живые. Давай открывай дверь!

Тут в ее поддержку заговорили бабушка и все остальные члены семьи. Анна, в конце концов, поверила, что это не выходцы с того света, а ее мать, старшая сестра, ее семья. Она открыла дверь, увидела сестру и всех остальных. Сестры обнялись, обе заплакали от радости. Это были слезы счастья.

– Откуда вы взялись? – говорила вся в слезах Анна. – Были так далеко. Только подумать – явились из Сибири! В письмах ничего не писали. Ни письма, ни телеграммы, и вот как снег на голову. Вас оттуда отпустили?

– Завтра все расскажем. Пускай в дом, с дороги все мы устали, дети хотят спать. На шум вышел муж Анны Роман Васильевич Кириллов, скромный мужик, много лет неизменно трудившийся в колхозе счетоводом. Он тоже искренне обрадовался приезду семьи свояка. В доме зажгли лампу, проснулись их дети – подросток Степан и две малолетние дочери. Несмотря на возражения отца и матери, что семья успела в дороге поужинать, Роман Васильевич и Анна стали хлопотать, чтобы внезапно нагрянувших гостей покормить и напоить чаем, а затем найти места, чтобы уложить спать приехавшую ораву.

На следующий день утром, когда Дима проснулся и вошел в большую комнату, оказалось, что она полна народу. Посреди комнаты стояли столы, у которых сидели десятка два деревенских мужиков. На столе стояли две бутылки с водкой, стаканы, тарелки с солеными огурцами и квашеной капустой. Никто из присутствовавших мужиков не был пьян. Дима не видел, чтобы кто-нибудь из них что-либо ел или пил, все внимательно слушали отца.

Веселый, улыбающийся, молодой и красивый (ему тогда было 38 лет), отец сидел во главе стола в новой суконной гимнастерке (неиз-

вестно, где и как ее удалось сберечь) и рассказывал, как они работали на лесозаготовках в Сибири, что им платили, как снабжались. Его спрашивали о том, о сем, он отвечал на вопросы. Дима удивился, что у отца имелось в деревне столько друзей. Возле стен и в проходах стояли и сидели женщины, пришедшие посмотреть на явившихся с того света.

Через толпу протиснулся испитой мужичок. Приблизившись к концу столов, он громко обратился к отцу:

– Василий, как ты сюда попал? Мы ведь тебя отправили в ссылку. Бежал?

В избе стало тихо, все обратили взоры на этого мужичка. Один из сидевших за столом мужиков нарочито гнусавым голосом запел:

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Он обратился к испитому мужичку:

– Смотри, остолоп: звериной узкою тропой бежит Василий Васильевич, за ним бегут теща, Саня, их дети – Алешка, Маня, Павлик, Дима. Вот они тут сидят. Узрел, болван, сельсоветская крыса?

Отец обратился к мужичку:

– Спасибо за откровенность, Елисей Матвеевич! Я не знал, кто на меня кляузничал, подвел под ссылку. Теперь знаю, что ты меня сослал. Есть власти выше вашего сельсовета. Восстановлен во всех правах решением ЦИК СССР.

Мужичок стал оправдываться:

– Я как все. Если ты приехал законно, надо зарегистрироваться в сельсовете.

– Приехали вчера ночью, – сказал отец.

– Имею 10 суток для того, чтобы встать на учет по месту жительства. Новое местожительство пока не выбрал. Но чтобы у тебя не болела голова, завтра зайду в ваш сельсовет, зарегистрируюсь. Понял? Перестань заниматься доносами, ябедничать.

Мужичок взмолился:

– Мужики, что вы на меня накинулись? Налейте мне стаканчик водки.

Эта наглая, бесстыдная просьба возмутила присутствующих.

Раздались негодующие крики:

– Пошел вон! Пес паршивый! Ублюдок! Пропойца!

Мужичок стал пятиться задом и исчез из избы. Дима был удивлен, как невежливо, неучтиво, грубо собравшиеся мужики обошлись с представителем местной власти. Он подошел сзади к отцу и тихонечко спросил его:

– Тятя, кто такой паршивый пес?

– Плохая, кусачая собака, – ответил отец. – Таких надо опасаться и обходить.

За время отсутствия семьи в деревне произошли большие изменения. Самое удивительное – за неполный год в правлении колхоза и в сельсовете сменилось почти все руководство. Как будто какой-то злой рок обрушился на них. Председатель колхоза, бросив обнищавший и разваливавшийся колхоз, уехал к сыну в город. Секретарь партячейки тоже уехал в город, устроился там на выгодную должность, но вскоре за воровство и растрату был осужден на 10 лет.

Некий Иван Матвеевич, у которого случился аппендицит, явился в местную больницу и, положив на стол наган, потребовал сделать ему операцию. Убедить его, что у них нет возможности делать такие операции, что нужно немедленно ехать в районную больницу, местные эскулапы не смогли. Операция оказалась неудачной, после нее он умер. Один активист-управленец спился и умер от запоя. Самой экзотической была смерть высокого, тощего активиста-кладоискателя, щупом отыскивавшего золотые клады. Его нашли сидящим на берегу озера возле большого кола, вбитого в землю, к которому была привязана веревка, один конец ее был спущен в воду. Он сидел и ждал, когда черти принесут ему оброк. Не сразу сообразили, что он просто свихнулся с ума. Его отвезли в психолечебницу.

Бабушка прокомментировала эти новости, как всегда, по-своему, просто и кратко: «Божья кара. Бог все видит, все знает. Бог наказал их, воздал всем им по делам их».

Ликование и восторженность членов семьи, вызванные возвращением на родину, доброжелательным отношением Анны и ее семьи, друзей и товарищей отца, близких знакомых, искренне приветствовавших их возврат из Сибири, быстро прошли. Оказалось, что не все в деревне были рады вернувшимся из ссылки. Семье скоро пришлось убедиться в этом. Из недоброжелательно, холодно встретивших вернувшихся из ссылки, кто-то был причастен в клевете на родителей, кто-то помогал отправлять семью в Сибирь. Некоторые из односельчан сторонились вернувшихся из ссылки, проявляли настороженность, боялись показать, что прежде были с ними в хороших отношениях.

Мать и Дима отправились посмотреть на дом, в котором они раньше жили и откуда их выселили. Дом стоял осиротевшим, заброшенным, никто в нем не жил. Его превратили в ветлечебницу, одна стена дома была выломлена, чтобы заводить туда лошадей. Всюду были видны следы разгрома, валялись груды мусора и хлама. Внутри дома были сделаны стойла, в пол вбиты колья, к которым привязывали больных и чесоточных лошадей, навоз сбрасывали прямо в подпол. Садика у дома уже не было, кусты сирени и смородины были вырублены. Исчезли амбар и конюшня, из дворовых построек осталась одна кладовая.

Четверть века спустя, в 1957 г., Дима посетил родное село и снова увидел родительский дом. К большому его удивлению, дом был цел, но тоже необитаем. Что в нем было в прошедшее за это время, осталось для него неизвестным. Дом выглядел безнадежно запущенным, почернел, покосился, его крыша просела и обвисла, двор зарос бурьяном.

Инструктор обкома КПСС Михаил Александрович Толкачёв, посланный по указанию ЦК КССС (да-да, не смейтесь, именно ЦК КПСС) на

родину Димы, чтобы установить его социальное происхождение, долго не мог поверить, что это дом раскулаченных хозяев. А услышав горячие уверения сельчан, что это именно так, сказал только три слова: «Чудеса, да и только!»

В уставе КПСС был пункт, что член партии по любому вопросу может обращаться во все партийные инстанции вплоть до ЦК, и этот пункт, как это не выглядит в наше время странным и невероятным, осуществлялся на деле, и фактически высший орган власти страны реально и незамедлительно реагировал на эти обращения!

Вот любопытный документ того времени, положивший конец попыткам некоторых партийных чиновников-карьеристов вписать в учетную карточку Димы кулацкое соцпроисхождение. Приводим его в выдержках с небольшими сокращениями с соблюдением орфографии подлинника:

«Протокол заседания... бюро обкома КПСС от 22 октября 1957 года.

Председательствовал тов. ИСАЕВ П.Н.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

ЧЛЕНЫ БЮРО ОБКОМА

КПСС: тт. Глебовский, Ильичев, Козлов, Крылов, Куроедов, Мишин, Николаев.

ЧЛЕНЫ ОБКОМА КПСС: тт. Коптелов, Шишкарев.

ЧЛЕН ПАРТИЙНОЙ КОМИССИИ при обкоме КПСС т. Сидоров.

ИНСТРУКТОРЫ ПАРТИЙНОЙ КОМИССИИ при обкоме КПСС тт. Вяткин, Никитин.

ЗАВ. ОСОБЫМ СЕКТОРОМ обкома КПСС т. Гусев.

1. Заявление члена КПСС ГАВРИЛОВА Д. В.

...Гаврилов обратился в КПК при ЦК КПСС с заявлением, в котором просит изменить в его учетных партийных документах запись занятия родителей после 1917 года крестьяне-кулаки на крестьяне-середняки, так как он считает, что такое изменение, сделанное... при обмене партийных документов, является несправедливым.

...При проверке на месте выяснилось, что хозяйство отца Гаврилова после 1917 года было середняцкое, в нем имелось 3 лошади, 3 коровы, мелкий скот, из машин – жатка-самосброска, постоянной наемной рабочей силы не имелось, за исключением одного подростка в период летних работ. Во время коллективизации отец вступил в колхоз.

...Поручить... произвести запись в учетных партийных документах Гаврилова Д.В.: занятие родителей после 1917 года «крестьяне-середняки» вместо «крестьяне-кулаки»».

Документ для нашего времени, после смены в стране социально-политического строя, потрясающий. Государственные мужи, управлявшие огромной промышленной областью, тратили время на решение пустякового вопроса, созданного несколькими партийными чиновниками. Достаточен был окрик сверху, чтобы решить его. Но это было в обычае того времени. Многие партийные деятели, при этом, чаще всего – и отменные хапуги, при поощрении вышестоящих лиц делали карьеру на выискивании компрометирующих материалов на своих коллег и рядовых членов партии, чем-либо мешавших их махинациям, их карьере

или их стремлениям к обогащению, а если не обнаруживали их, начинали «копать глубже» и находили что-нибудь в их соцпроисхождении. Но искали «врагов социализма, советской власти, советского строя», «извращенцев советской идеологии» они не там, где следовало. Из рассказов обкомовцев известно, что образцовый партийный деятель того времени, первый секретарь Свердловского обкома КПСС амбициозный Б.Н.Ельцин поощрял окружавших его подхалимов-карьеристов, снабжавших его такими материалами, яро боролся за «чистоту» партийных рядов, любил на заседаниях бюро обкома устраивать «уличенным» в чем-то или «замаранным» чем-то «разносы», «распекал» писателей и журналистов за «уклонения от марксистско-ленинской идеологии». Стоит ли напоминать, что именно эти, упоенные личной властью и жаждавшие обогащения, партийные чиновники-карьеристы, моментально перестроившись, погубили КПСС и СССР.

Мать и Дима обошли соседей, живших рядом с их бывшим домом. Семья бедствовала, в том числе и из-за отсутствия посуды, ее было невозможно где-либо купить. Мать надеялась, что подруги-соседки что-нибудь сохранили из посуды и кухонной мелочи, которую она отдала им до прихода комиссии, описывавшей имущество, и в то время, когда комиссия уходила на обед – тарелки, чайные чашки и т.п. Но эти надежды не оправдались.

О возвращении семьи из ссылки знала уже вся деревня. Соседки-подружки матери, которые прежде часто прибегали к ней попросить то соли, то спичек, то какой-нибудь посуды или просто поговорить, посудачить, после поздравлений, радостных восклицаний и обниманий, посредине разговора вдруг начинали охать и ахать и, как бы невзначай, сообщали, что отданные им матерью вещи, к большому горю, потерялись, разбились и т.д., хотя мать ничего не просила, и о том, что передала им какие-либо вещи, не напоминала. В следующем доме повторялось то же самое, от похода от одной подружки к другой мать становилась все мрачнее. Никто не знал и не мог даже предположить, что отправленная в ссылку семья может возвратиться, и потому трудно упрекнуть кого-либо из них в том, что они не сохранили переданные им вещи. Однако верно и то, что никто из них не спросил, не нуждается ли она в чем-нибудь, не надо ли ей в чем-либо помочь.

Наконец, мать и Дима зашли к своим бывшим самым близким соседям, двор которых примыкал ко двору бывшего диминого дома – к Пестеревым. Хозяйка Мария Прокопьевна, энергичная, словоохотливая женщина, встретила свою ближайшую соседку доброжелательно, но не стала тянуть кота за хвост, а сразу прямо сказала, что из оставленных вещей у нее ничего не сохранилось, они не предполагали, что семья может вернуться и ничего не сберегли. Неизвестно, насколько это было правдиво.

Дима подошел к своей бывшей подружке Анке и спросил, помнит ли она его. Она долго молчала, а затем сказала: «Нет». Дима попросил вспомнить, как они лазили через дыру в заборе в гости друг к другу, но Анка, потупив голову, после долгого раздумья сказала: «Не помню».

Дима вышел на улицу. Она изменилась неузнаваемо. Если прежде вся улица была покрыта невысокой травой, на ней имелся лишь один тележный след, теперь она была изуродована колесами тракторов и автомобилей, покрыта рытвинами и ухабами. И вот еще что новое, необычное: по деревне шла ватага ребят пяти-шести лет, одногодков Димы, плохо, в лохмотья одетых, и пела, а, вернее сказать, орала во весь голос:

Пузо голо, лапти в клетку,
Выполняем пятилетку.
Всё по плану, всё по плану,
Какать велят по килограмму,
Хлеба дали двести грамм,
Как накакаешь килограмм?
Ленин, Троцкий, Коллонтай
Ехали на лодке.
Ленин, Троцкий утонули,
Кто остался в лодке?

Дима был изумлен песнями своих сверстников. Он уже немного разбирался в политике (ссылка научила!) и понимал нехороший, скверный смысл этих песен. Подошел отец, и он начал спрашивать его:

– Тятя, они поют антисоветские песни, почему их не сошлют в Сибирь? Кто такой Коллонтай?

Вопросы поставили отца в тупик:

– Всех в Сибирь не сошлешь. Кого надо было сослать – сослали, а с этих что взять – голытьба. Коллонтай – какая-то революционерка. К чему тут лодка и Коллонтай – не знаю.

Подошла мать, вернувшаяся от Пестеревых. В это время к ним приплелась с трудом передвигавшаяся старушка Антипьевна.

– Услышала, Саня, – после приветствия заговорила Антипьевна, – что вы вернулись из Сибири и принесла вам поварешку. В хозяйстве нужная вещь. Спасибо, что вы вовремя появились. Приезжает мой сынок, увезет меня жить в город. А я все время думала, что уеду, а кому, какому надежному человеку доверю хранить чужую вещь – потеряют, поломают, выбросят. Мать была поражена поступком Антипьевны, она обняла ее, благодарила, сказала ей много раз спасибо. Поварешка затем долго служила семье и потом хранилась в качестве раритета, напомиравшего о поразительной честности и благородстве дряхлой, полунищей старушки.

Из имущества, имевшегося у семьи до ссылки, после возвращения на родину удалось вернуть только вещи, отданные матерью сестре Анне, и небольшой сундучок со скатертями и полотенцами, который мать успела отнести к одной из соседок.

В деревне был какой-то праздник. Отмечали то ли окончание весеннего сева, то ли начало сенокоса, то ли какое-то религиозное торжество, то ли просто весело проводили предоставленный правлением колхоза выходной день. По улице шла шеренга подвыпивших девушек, которые, обнявшись, пели частушки:

Надоели нам бараки,
Надоели коечки.
Еще пуще надоели
Лесозаготовочки.
Мы в колхозе работали,
Нам писали трудовни.
На отчетном нам сказали:
– Запасайтесь лебеды.
Всю пшеницу – за границу,
Рожь, картошку – на вино.
Каждый день в нашем колхозе
То спектакль, то кино.

Хороший знакомый родителей, близкий сосед по дому, Левонтьев Павел Иванович, степенный, рассудительный мужик, пригласивший родителей в гости, посмотрев на молодежь, сказал:

– Работящие девки. Летом работают в поле, зимой – на лесозаготовках. Не унывают! Весь колхоз на них держится. Многие парни ушли в город, на заводы. Которые парни приходят домой, отслужив в армии, тоже сразу уезжают в города.

Было видно, что жизнь в колхозе была трудной, политическая пропаганда отсутствовала, но культурно-массовая работа была поставлена на высоте. Проходившие девушки пели:

Говорят, я боевая,
Правда, боеватая.
Теперь все такими стали
Я не виноватая.
Говорят, что я горда.
Я на гордость средняя.
Высоко себя не ставлю,
Но и не последняя.
Мне милый изменил,
Погодушка подунулась.
Он сказал, что плакать будешь.
Я и не подумала.
Я стояла у ворот,
Мил спросил: который год?
Совершенные лета,
И никем не занята.
Ты, родная моя мать,
Перестань меня ругать,
Семерых любить не буду,
Одного – не миновать.

В деревне, мало изменившейся внешне, произошли огромные перемены. Изменились люди, изменилась молодежь. Пожилые люди жили и мыслили по-старому, молодежь уже жила и думала по-другому, по-новому.

В ТИСКАХ ГОЛОДА И НИЩЕТЫ

*В мире есть царь:
Этот царь беспощаден,
Голод название ему.*

Н.А.Некрасов.

Семья возвратилась на родину в недоброе время. Ей пришлось испытать в полную меру жестокость, безжалостность и свирепость нищеты и голода, в 1932–1933 гг. охватившие значительную часть страны – Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Южный Урал. Симптомы возникли уже осенью 1931 г., массовый голод достиг апогея зимой 1933 гг. В России, стране с суровым, неустойчивым климатом, рискованным земледелием, голодовки были обычным явлением. В конце XIX – начале XX вв. они периодически повторялись каждое десятилетие: 1881 г., 1891 (большой голод), 1901, 1911 и 1921 г. (очень большой голод, обостренный последствиями Первой мировой и Гражданской войн). Голод 1932–1933 гг. был вызван неурожаем в основных зернопроизводящих районах – на Украине и Северном Кавказе, захватившем также Поволжье и Южный Урал.

Он был усугублен рядом внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов. Положение в сельском хозяйстве было дезорганизовано проводившейся в эти годы форсированной коллективизацией и обострено завышенными планами государственных хлебозаготовок, составленными из расчета на высокий урожай и осуществлявшимися жесткими мерами, в ходе которых из деревни нередко полностью изымался весь собранный крестьянами хлеб.

Советские руководители, не веря, что на Украине и Кубани нет хлеба в тех объемах, которые были определены плановыми органами, чтобы добиться выполнения плана хлебозаготовок, зимой 1932–1933 гг. установили на Украине и Северном Кавказе милицейские кордоны, не допускавшие выезд сельских жителей из мест их проживания в более благоприятные по продовольственному положению районы.

Резкое падение в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. на мировом рынке цен на сырьевые продукты, традиционные предметы российского и советского экспорта; большая задолженность по внешнеторговым закупкам промышленного оборудования для форсированного проведения индустриализации (в августе 1931 г. она составила 1 млрд 233 млн руб., весь экспорт СССР в 1931 г. дал 811 млн руб.); необходимость срочной оплаты краткосрочных кредитов; отказ зарубежных фирм в отсрочке платежей по кредитам, – осложнили экономическое и финансовое положение в стране.

Ввиду усилившейся социальной напряженности, советское правительство приняло ряд мер по улучшению продовольственного положения (снижение размеров хлебозаготовок, резкое сокращение экспорта зерна, закупка 3,5 млн пуд. зерна в Канаде и 3 млн пуд. в Персии), но они оказались запоздалыми и недостаточными. 1933 г. оказался урожайным и позволил улучшить продовольственное положение, преодолеть трудности и последствия неурожаев 1931 и 1932 гг. О голоде 1932–

1933 г., обычном и не очень ощутительном для страны, стали забывать. Но спустя 50 лет, совершенно неожиданно, голод в СССР 1932–1933 гг., названный «голодомором», оказался в центре мировой политики и в фокусе ожесточенных нападок на СССР западных средств массовой информации – печати, телевидения и т.п.

8 марта 1983 г. президент США Р.Рейган, выступая перед Национальной ассоциацией евангелистов во Флориде, объявил СССР «империей зла». Это его высказывание на долгие годы стало политическим пропагандистским клише американской и западноевропейской антисоветской и антироссийской пропаганды. США выдвинули идею «голодомора» на Украине в 1932–1933 гг. В октябре 1984 г. конгресс США провозгласил 4 ноября «Днем памяти о великом голоде на Украине в 1933 г.» В 1985 г. конгресс создал особую «Комиссию по изучению причин и последствий великого голода на Украине»⁸.

В СССР в годы «перестройки» идею «голодомора 1932–1933 гг.» стали развивать американский историк Р.Конквест и российский историк В.П.Данилов. В «новой России» в 1990-е гг. у российских историков она стала очень популярной. Идея была горячо подхвачена украинскими националистическими политиками и историками и стала составной частью государственной идеологии «незалежной» Украины. Украинские политики и историки стали утверждать, что голод 1932–1933 гг. был намеренно, искусственно создан советским руководством для уничтожения украинского народа.

Цифры умерших от голода в целом в СССР и на Украине в 1932–1933 гг., которыми до сих пор широко пользуются российские и украинские либеральные политики и историки, были невероятно преувеличены⁹. На Украине развернулась оголтелая антисоветская и антироссийская кампания о «голодоморе 1932–1933 гг.». В ноябре 2006 г. Верховная Рада Украины признала «голодомор» 1932–1933 гг. геноцидом украинского народа. По всей Украине, от Киева и других городов до отдаленных сел, были поставлены памятники «голодомору 1932–1933 г.»

Тогдашний президент Украины В.А.Ющенко установил в США памятник «украинскому голодомору». Он поставил в ООН вопрос о геноциде советской властью украинского народа и взыскании с России ущерба, нанесенного Украине «голодомором», но Генеральная Ассамблея ООН не поддержала его претензии. Затем другой президент Украины В.Ф.Янукович поставил в Нью-Йорке стелу в память «украинского голодомора».

---

⁸ Для украинских националистов («бандеровцев»), обвинявших Советскую власть, Россию, «москалей» во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, в годы Великой Отечественной войны воевавших на стороне немецко-фашистской армии и объявивших поход по «освобождению» Украины от большевизма, голод 1933 г. не был значительным событием. Идея «голодомора» на Украине была поднята в США при очередном обострении «холодной войны» Запада с Советским Союзом.

⁹ Российские либеральные политики и историки вместо того, чтобы осадить и образумить зарубежных и «братских» украинских коллег, стали доказывать, что главной причиной голода была «преступная политика сталинского руководства», что голод 1932–1933 гг. был искусственным, специально организованным, общесоюзным, что голодавших в России было больше, чем на Украине. Их стараниями число умерших от голода в России быстро увеличивалось – с 1,5–2 млн чел. возросло до 3–4, затем – 7–8 млн, а затем – и до 16 млн. Украинские историки не отставали от российских и стали утверждать, что на Украине по вине «москалей» от голода 1932–1933 гг. умерло 3–5 млн чел., потом заявили, что «было заморено голодом 8 млн украинцев», затем повысили цифру до 10–16 млн. На Украине тогда проживало 28 млн чел. После «голодомора», якобы истребившего от 1/3 до 1/2 украинцев, по данным Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г., в пределах старых границ, в республике непонятным образом оказалось население в 30,96 млн чел., то есть численность населения не уменьшилась, а увеличилась почти на 3 млн чел.

Печать и средства массовой информации США и Западной Европы развернули яростную пропагандистскую кампанию против «геноцида украинского народа российскими большевиками». Но, примечательно, что при этом никто из них не вспомнил, что ни одна из зарубежных фирм, несмотря на тяжелое продовольственное положение в СССР, тогда не согласилась на отсрочку оплаты советских кредитов.

Местность, куда возвратилась семья Гавриловых из сибирской ссылки, относилась к числу районов, охваченных голодом. Два года подряд был неурожай, труд в недавно созданных колхозах был организован плохо, поля были обработаны кое-как, что выросло – сдали по господавкам, на трудодни выдавать было нечего, колхозники жили впроголодь. Однако в местности, официально считавшейся охваченной голодом, «голодомора», сплошного вымирания целых сел и деревень, «миллионов умерших от голода», о которых либеральные историки написали горы макулатуры, не было.

Шел массированный отлив населения, в первую очередь – молодежи, в города, на заводы. Люди продавали за бесценок (на дрова) свои дома, или просто бросали их, уезжали куда-нибудь¹⁰.

В местности, где стала жить семья Димы, голод 1932–1933 гг. был намного слабее, чем в 1921 г. В 1932–1933 гг. в родном колхозе колхозникам, чтобы поддерживать их, выдавали по 200 грамм муки на едока. Люди, давно привыкшие к периодическим голодовкам, наученные опытом, надеялись только на свои огороды, собранные с них картофель и овощи, заготавливали заранее для употребления в пищу лебеду и другие травы, различные суррогаты.

Коренными жителями, имевшими огороды и свое домашнее хозяйство, голод переносился легче, по сравнению с теми, кто не имел огородов и своего домашнего хозяйства, как это произошло с семьей Гавриловых, вернувшихся из сибирской ссылки. С проблемой выживания пришлось столкнуться с первых шагов на родной земле.

Роману Васильевичу Кириллову и Анне содержать, кормить неожиданно нагрянувшую орду родственников было неважноту. Нужно было срочно находить работу, средства пропитания. Деньги, полученные при расчете на сибирских лесозаготовках, быстро истощались. Отец отправился на визит в правление колхоза. Председатель колхоза, серьезный, хозяйственный мужик, не удивился его приходу:

– Не знаем, что с тобой делать, – сказал он отцу. – Советовался с членами правления, с мужиками, звонил в район. Примем в члены колхоза, вернем дом. Но жить в нем невозможно, он разрушен, требу-

---

¹⁰ В годы первой пятилетки в РСФСР появилось 90 новых городов. Число жителей возросло: в Свердловске – со 140 тыс. чел. в 1926 г. до 233,3 тыс. в 1932 г.; в Челябинске – с 60,7 тыс. в 1928 г. до 230 тыс. в 1932 г.; в Нижнем Тагиле – с 38,8 тыс. в 1926 г. до 117,7 тыс. в 1932 г. В 1,5–2 и более раз увеличилось население Перми, Кизела, Краснокамска, Ижевска, Каменска-Уральского, Калаты (Кировграда), Первоуральска, Уфы, Златоуста и многих других городов. На Южном Урале, в голой степи, у горы Магнитной возник Магнитогорск, в котором уже в июне 1931 г. проживало 150 тыс., в 1933 г. – 200 тыс. чел. На Северном Урале, на месте таежных лесов возник Красноуральск, в конце 1930 г. в нем проживало 30 тыс. чел. В Прикамье, на месте лесов и болот выросли Березники с населением более 30 тыс. чел. В Челябинской области на месте мелких шахтерских поселков появился Копейск с населением в 40 тыс. чел. Увеличение численности городского населения происходило преимущественно (на 80%) за счет миграции в города сельского населения и переименования рабочих поселков в города. Либеральные историки, жонглирующие цифрами умерших от «голодомора» 1932 г., игнорируют уход в 1928–1932 гг. сельских жителей в города, на заводы и стройки, при своих подсчетах зачисляют всех их в число «умерших от голода».

ет большого ремонта. Рабочими поможем, но нужны бревна, тес, окна, двери, рамы, все это надо покупать, а денег в колхозной казне нет. Из конфискованного у вас имущества ничего не сохранилось. После твоей ссылки склад ликвидировали, даже нового кладовщика не назначали. Власти разрешили конфискованное у высланных кулаков имущество продать и покупать на вырученные деньги трактора и автомашины, но на деньги, вырученные от продажи имущества, имевшегося на складе, едва ли можно было купить одно колесо от трактора. Сначала правление принимало решения отдать тому-другому какие-нибудь вещи, а потом просто разрешили приходить и брать со склада кому что понравится, склад весь разворовали и растащили, даже замки с входных дверей унесли.

Колхозная казна пуста. Доходов никаких нет и не предвидится. Почти каждый день получаю из района телефонограммы: колхоз «Сеятель» – выделить денег на художественную самодеятельность, на Осоавиахим, на МОПР, еще на что-нибудь. А что я могу сделать – денег нет. Вызывают в район, ругают, дают накачку. Спасает, что я беспартийный, брань на ворота не виснет. Коммунистам, председателям колхозов, лепят выговоры, с занесением и без занесения в личное дело, но от этого ничего не меняется. Заставляют вступать в партию, но я не соглашаюсь, отговариваюсь, что политграмотой заниматься некогда. Раньше коммунист в деревне – персона, важное лицо, власти кроме него никого не слушали. Сейчас коммунист, не коммунист – спрос один. Смотрите, думайте, как вам устраиваться. Мы мало чем можем помочь. Семья у тебя большая, дети малолетние, колхозникам на поддержание кое-как даем, и то не регулярно, по 200 грамм ржаной муки на едока. На это без домашнего хозяйства не прожить.

Недалеко от нас, на Выселках, в трех километрах от нашей деревни, создана молочно-товарная ферма Лагерного мясосовхоза, там регулярно платят зарплату, государственное снабжение. Советую побывать у них, посмотреть, может быть, вам лучше было бы там устроиться.

Было ясно, что на родной колхоз надеяться нечего. Отец отправился в райцентр. Председатель РИКа, когда ему сообщила секретарша, сразу принял его, хотя в очереди в приемной ожидало много народа.

– Знаю о твоём возвращении из ссылки, – сказал председатель РИКа, как только отец вошел в его кабинет. – Это первый в районе случай, когда отправленный в ссылку возвращается обратно. Звонил в область, сказали, что надо вас обеспечить жильем и устроить на работу. Говорил с председателем колхоза, они готовы принять в колхоз и оказать сильную помощь, но дела в колхозе плохие, реально сделать что-либо они не могут. Оказать материальную помощь райисполком не может – на это у нас нет средств. О возврате конфискованного имущества или компенсации за него нет никаких указаний. Обратитесь к прокурору, может быть, у него на этот счет есть какие-нибудь предписания. Если будут затруднения с устройством на работу – обращайтесь. В этом поможем.

Из райисполкома отец направился к прокурору района. Им был уже известный нам Алексей Степанович Маврин. Он не подал вида,

что знаком с отцом и семьей, был очень вежлив, но сух и немногословен:

– Никаких директив о возврате конфискованного имущества или компенсации за него я не получал. Разговаривал с председателем РИКа, он сказал, что обеспечат жильем и предоставят работу. Я обязан смотреть за соблюдением законов, если законы в чем-нибудь будут нарушаться, – я вмешаюсь. Стало ясно, что восстанавливая ссыльных в правах, ЦИК СССР не предусмотрел, что необходимо было бы позаботиться об их дальнейшей судьбе.

Спустя четверть века, в 1957 г., Дима оказался в этом райцентре. По просьбе обкома КПСС соседней области, райком партии и райисполком занимались выяснением диминого соцпроисхождения. Для уточнения каких-то фактов решили пригласить «старожила района», который в районе издавна «хорошо знал всех», «знал всё обо всех» и фактически являлся нештатным консультантом райкома партии по вопросам районной истории.

Встречу со «старожилом района» решили провести почему-то не в довольно просторном кабинете первого секретаря райкома, а в зале заседаний. На сцене стоял длинный стол, покрытый зеленой скатертью. За него сел высокий, представительный, осанистый мужчина, первый секретарь райкома партии Александр Никитич Приходько, рядом с ним, слева от него сели инструктор обкома КПСС Михаил Александрович Толкачëв и Дима, справа, рядом с первым секретарем райкома, расположились инструктор райкома партии Мария Евграфовна Куфтерина и женщина, секретарь райисполкома.

Перед сценой в зале, в первом ряду кресел, сидел «старожил района», не знавший причину вызова в райком партии. Как оказалось, это был находившийся на пенсии бывший прокурор района Алексей Степанович Маврин. Дима внимательно рассматривал развалившегося в кресле вальяжного мужчину лет 65, старого знакомого его родителей, упитанного, одетого в хороший костюм.

Первый секретарь райкома объяснил причину приглашения Алексея Степановича в райком партии. Райком рассматривает вопрос о социальном положении и обстоятельствах высылки из деревни Озеро Василия Васильевича Гаврилова, причем сказал, что здесь находится его сын, Дмитрий Васильевич. При упоминании о сыне Василия Васильевича бывший прокурор сразу насторожился, выпрямился, подтянулся, собрался.

Начался его опрос, на все многочисленные, разносторонние вопросы он отвечал однообразно: «Не помню», «Не знаю». Вскоре вопросы к нему иссякли. Бывалый прокурор, сначала немного струхнувший, но знавший, что лучшая защита – это наступление, сам перешел в атаку. Он стал жаловаться, что у него очень маленькая пенсия, он писал жалобы во многие инстанции, но все они отделяются отписками, а райком партии, несмотря на его заслуги, не помогает ему добиться достойной пенсии. Инструктор райкома стала оправдываться, что райком неоднократно поддерживал его ходатайства, давал ему прекрасные характеристики, но назначение ему пенсии от райкома не зависит. Первый

секретарь райкома в защиту своих сотрудников тоже стал уверять его в своей неизменной поддержке.

Беседа со «старожилом района» закончилась ничем, не добавила чего-либо нового к обстоятельствам ссылки семьи в Сибирь. Инструктор райкома искренне огорчилась, что «старожил района» ничего не помнит, секретарь райисполкома также сокрушалась, что беседа окончилась безрезультатно. Дима по-своему прокомментировал неудавшуюся беседу:

– Напрасно первый секретарь райкома сказал, что тут присутствует сын Василия Васильевича. Не только присутствует, а сидит за одним столом с первым секретарем райкома и работниками райкома и райисполкома. Если бы он увидел, что меня привезли к вам в наручниках и в железной клетке, уверен, что он рассказал бы много интересного.

Надо вспомнить то время: 1957 год. По всей стране печать и средства массовой информации громят «культ личности», выявляют «виновников массовых политических репрессий». Бывший прокурор района, тертый калач, около трех десятилетий занимавший этот пост, явно причастный ко всем политическим репрессиям того времени, не поднявшийся вверх, но и не скинутый вниз, конечно, сразу сообразил, что в этой обстановке ему выгоднее молчать, прикинуться ничего не помнившим.

ВАСИЛЬЕВСКОЕ

*Здесь мой причал и здесь мои друзья –
Все, без чего на свете жить нельзя.*

Л.Ошанин.

Вскоре отец устроился на работу на Выселках, в Васильевском, на ферме № 5 «Октябрьской» мясосовхоза № 405 имени Быкина, получив там должность младшего гуртоправа. Это официальное, канцелярское название, по-простому такие люди в деревне назывались пастухами. В их обязанности входило пасти скот, «управлять» стадами (гуртами) скота.

Отец и Алексей, помогавший отцу, стали жить на Выселках, пасли скот, трудились на разных работах, возили горючее со станции Сулея в Васильевское, ремонтировали дом, отведенный для семьи. Зимой отец стал работать на ферме скотником, ухаживал за коровами, мать стала там же работать дояркой. По первому снегу отец, приехавший на резвой лошади, уложив в сани жалкие пожитки и посадив в них детей с бабушкой, увез их на Выселки.

В совхозе регулярно выдавали хлебные пайки на рабочих и иждивенцев. Несмотря на их скудность, это позволяло обеспечить более-менее правильное питание, тогда как в родном колхозе дела шли все хуже и хуже, осенью колхозникам на трудодни ничего не выдали. Одна односельчанка, увидев у матери кусок хорошего хлеба, со злостью сказала ей, что «колхозники пухнут от голода, а с кулаками ничего не делается, они едят белый хлеб».

Выселки, или как еще называли их – Васильевское, представляли собой небольшую деревню, можно сказать – хутор, состоящую из пя-

ти-шесть домов, брошенных жителями и разъехавшимися кто-куда. Дом, предоставленный семье, был большим, добротным, просторным, имел несколько комнат, но это не принесло радости: огромный дом надо было отапливать, а дров не было. Топили только большую печь, тепло было лишь в большой кухне, где и стала бытовать вся семья.

Дом был пустой, какой-либо мебели в нем не было, кроме деревянного стола и нескольких деревянных лавок. В первые дни проживания в новом доме детям пришлось пережить жуткие страхи. В одну из ночей, когда из взрослых никого не было, дети оставались одни с бабушкой, в полупустом доме кто-то начал стучать. Стук то усиливался, то ослабевал, казалось, что он то приближается, то удаляется. Было ясно, что это безобразничал домовый, недовольный вновь поселившимися в доме жильцами. Бабушка несколько раз обходила дом, но найти в нем кого-либо не смогла. Дети, дрожа от страха, не спали почти всю ночь, сжавшись, сидели возле бабушки. Мать, приехавшая утром, обнаружила, что стучали деревянные ложки, забытые предыдущими жильцами на чердаке. Ложки были связаны между собой и подвешены на веревочке, сильный ветер, прорывавшийся под крышу, колебал их и вызывал стук.

Жить в деревне в то время без коровы и огорода было очень трудно. Пережив тяжелую, полуголодную зиму, семья с нетерпением ждала лета. Стало тепло, можно было проводить время на улице. Мать и бабушка, вскопав лопатами небольшой участок в огороде, посадили немного картофеля и некоторые овощи, но в очень небольшом количестве – не было семенного материала. Были безмерно рады, когда взошел и вырос лук, сорванные перья лука позволяли разнообразить пищу.

Но надежды на улучшение снабжения хлебом не оправдались. Весной и летом 1933 года снабжение в совхозе, как и в родном колхозе, не только не улучшилось, а ухудшилось. Нормы выдачи хлеба сократились, выдавали его с перебоями. Пришлось обратиться к испытанному народом средству выживания – к лебеду и травам. По утрам бабушка с верными помощниками – малолетними внуками, выходила в поле рвать щавель, которого, кстати, в тот год уродилось много. Дома щавель сушили, затем толкли, полученный порошок смешивали с ржаной мукой, из чего затем выпекали хлеб. Питательность суррогатного хлеба была невелика, но создавала при его употреблении ощущение сытости.

При толчении сушеного щавеля, кроме порошка, получался отстой – кусочки не растолченных твердых стеблей, которые вместе с порошком попадали в хлеб. Во время еды такого хлеба с Димой однажды случилась беда – один кусочек твердого стебля оказался острым, впился в его горло и нарушил дыхание. Дима стал задыхаться, весь посинел, окружающие были в панике, не знали, что делать, как ему помочь. Каких-либо медицинских работников на десяток километров вокруг не было. Отчаявшаяся мать, видя смертельную опасность сынишке, засунула свою руку ему в горло и вытащила злополучную занозу.

Проделанная матерью «операция» прошла благополучно. Дима сразу стал нормально дышать, и все вздохнули с облегчением, но, по-видимому, при этом в горле было что-то повреждено. В дальнейшей своей

жизни он не смог глотать таблетки и капсулы, а только разжевывал их. Отец, вечером вернувшийся с работы, узнав о случившемся, запретил употреблять в большом количестве суррогаты, сказав, что толку от них мало, не надо рисковать жизнью детей.

Предвестником улучшения жизни стала сестра матери Анна, в конце лета 1933 г. пришедшая в Васильевское в гости. С собой она принесла небольшой мешочек, в котором оказалась мука. Попробовав ее на язык, мать ахнула: это была чистейшая пшеничная мука.

– Анна, что ты наделала? Тут не меньше полпуда. Где ты взяла эту муку? У тебя свои дети, их тоже надо кормить. Как будете жить дальше?

– В колхозе из нового урожая выдали всем по пуду муки на семью. Тебе с ребятами труднее жить, чем мне, половину муки принесла вам. Будет голод продолжаться – полпуда муки не спасут. Будем умирать вместе.

Дима, сидевший вместе с мамой на крыльце дома, удивился словам маминой младшей сестры и запомнил их на всю свою жизнь. В них было столько самопожертвования, отчаянной родственной солидарности! Младшая мамина сестра очень любила свою старшую сестру, всегда советовалась с ней обо всем, ругала своих детей и хвалила маминых детей, удивлялась, как она справляется со своей малышкой. Анна ростом была немного выше мамы, была очень красивой.

И, в отличие от затюканной, замученной вечными заботами старшей сестры, была всегда бодрой, жизнерадостной. Дима любовался молодой и красивой младшей сестрой мамы и в душе был благодарен ей за любовь и привязанность к маминой семье. Тогда Дима видел Анну в последний раз. После отъезда семьи в другой совхоз, через несколько лет Анна умерла от неизвестной болезни. К счастью, вскоре голод пошел на убыль. Осенью 1933 г. стало жить несколько легче. На полях созрел хороший урожай, что улучшило снабжение хлебом в стране. В совхозе также улучшилось снабжение. Понемногу жизнь налаживалась.

Семья основательно обносилась: имевшаяся верхняя одежда истрепалась, обувь развалилась. Зарплата, получаемая отцом и Алексеем, уже позволила купить кое-что из одежды и обуви. С 1 сентября Мария и Павел стали учиться в школе, которая находилась в двух километрах от Васильевского – в мордовской деревне. В ней работала учительницей русская, знавшая мордовский язык. Она с охотой взяла к себе в школу двух русских детей. Павел должен был пойти во второй класс, Мария – в третий. Но в школе было только два класса – первый и второй. Поэтому Павел и Мария, которая была на три года его старше, стали учиться во втором классе.

Так вместе, в одном классе, они учились и в дальнейшем. В Васильевском в жизни Димы тоже произошли перемены: вскоре у него появились свои друзья. Жить стало веселее. Однажды вечером, собрав семейный совет, отец объявил радостную весть: они с матерью накопили денег и завтра пойдут на базар покупать корову. Желание иметь свою корову было затаенной и, казалось, несбыточной мечтой семьи. В деревне своя корова позволяла организовать благополучное питание. Семьи, не имевшие коров, традиционно и совершенно справедливо

считались беднячками, нищими. И вот отец и мать, потихоньку, тайно, подготовили для семьи неожиданный подарок!

Дети и бабушка ликовали: у нас будет своя корова! Рано утром, когда дети еще спали, отец и мать ушли на базар в Месягутово. Бабушка и дети с нетерпением ждали их возвращения. После обеда они пошли за деревню, в поле по большой дороге, чтобы пораньше встретить отца и мать, возвращавшихся с коровой.

Они ждали долго, всматривались вдаль, ожидая, не покажутся ли отец с матерью и своей покупкой. Но ждали напрасно, дорога была пуста, никто по ней не шел, мать и отец почему-то задерживались. Начало смеркаться, и они вернулись домой. Бабушка сбегала к соседям и принесла подойницу – ведро, чтобы подоить корову, когда ее приведут. Полные радостных надежд, они сидели на крыльце дома, терпеливо ожидая возвращения отца и матери.

Отец и мать появились неожиданно и не оттуда, откуда их ждали. Они шли по полевой, более короткой дороге, и вели за собой на веревке годовалую телку, черную с белыми пятнами на лбу и по бокам. Даже дети сразу поняли – ни молока, ни каких-либо молочных продуктов у них еще долго не будет. На вопросы бабушки, почему не купили корову, мать отвечала:

– Ты же знаешь, что денег у нас было мало. Хватило только на то, чтобы купить телку. Что из того, что телка? Подрастет, будет корова. Будут у нас свои и молоко, и сметана, и масло. Надо подождать. Ты не говорила соседке, зачем берешь у них подойницу?

– Нет, не говорила.

– И хорошо сделала.

Отец успокаивал разочарованных детей, повторив свою любимую поговорку:

– Дети, дайте срок, будет вам и белка, будет и свисток.

ПОИСК НОВОЙ ЖИЗНИ

*Дорога, дорога
Нас в дальние дали зовет.
Быть может, до счастья
Осталось немного,
Быть может, один поворот.*
А.Фатьянов.

Лагерный мясосовхоз оказался малорентабельным и доживал последние дни. После окончания пастбищного сезона управляющий фермой № 5 сообщил отцу о близкой ликвидации совхоза и посоветовал подыскивать себе новое место работы.

– Я доволен вашей работой, – сказал управляющий. – Все предыдущие пастухи пасли скот плохо, недобросовестно. Вы с Алешкой пасли очень хорошо. Удои коров увеличились. Доярки рассказывают, что коровы стали более веселыми, стали с охотой, добровольно приходить домой, стали давать больше молока. Уезжайте куда-нибудь подальше. Здесь у вас много недоброжелателей. Мне все время жалуются, упре-

кают меня, зачем я взял на работу кулаков. Каждого не переубедишь, каждому не заткнешь рот. Зачем вам ненужная нервотрепка, лишние переживания? Да и семье будет жить спокойнее.

Отец поблагодарил управляющего за добрые советы. В Месягутово на рынке отец встретил старого знакомого Мелькова, жена которого приходилась очень дальней родственницей бабушки. Как говорится – седьмая вода на киселе. Но всё же, родственники! В деревне тогда с этим считались, родственники, даже очень дальние, чтились. К большому сожалению, Дима не запомнил имя и отчество Мелькова, очень хорошего, честного, мужественного, справедливого человека, много хорошего сделавшего, как увидит читатель в дальнейшем, для его семьи.

Мельков был коммунистом, управляющим отделением в Месягутовском зерносовхозе, находившемся в другом районе, в 70 километрах от деревни Озеро, и набирал для себя кадры рабочих. Узнав, что отец до колхоза имел два улья с пчелами, занимался пчеловодством (а ему были остро необходимы пчеловоды), он пригласил отца на работу в свой совхоз.

В марте 1934 г. отец и 17-летний Алексей, получив различные справки и собрав личные вещи, пешком отправились в Месягутовский зерносовхоз. Вскоре пришло письмо, в котором отец сообщал, что они устроились на работу: он определен на курсы пчеловодов, а Алексей зачислен в тракторную бригаду. После этого писем от них долго не было, по-видимому, писать письма им было уже некогда.

Семья оставалась жить в Васильевском. Мать продолжала работать дояркой на ферме. Дома мать и бабушка ухаживали за телкой, кормили и поили ее. Стали обзаводиться и другими домашними животными. Бабушка откуда-то принесла маленького котенка, который оказался в центре внимания всей семьи. Котенок был красивым и ласковым. Дима погладил его, и он тут же взобрался ему на колени, устроился поудобнее, разлегся, стал неустанно мурлыкать, петь свои безостановочные песни, затем уснул. С этого момента Дима и котенок стали неразлучными друзьями. Дима постоянно играл с котенком, заботился о том, чтобы у него были пища и питье. Котенок бегал за ним, куда бы он ни пошел. Встал вопрос о том, чтобы дать котенку имя. Дима предложил назвать его Фордзоном. Он помнил счастливый день, когда в ограде их дома стоял трактор, и мальчики со всей улицы завидовали ему, что именно у них во дворе стоит невиданная в деревне машина, чудо техники и олицетворение новой жизни. Предложенное им имя своей необычностью озадачило всех членов семьи.

Бабушка, внимательно осмотрев котенка, сказала, что это не мальчик, а девочка, и мужское имя ему не подойдет. Тогда Дима предложил назвать котенка Форзей. С этим согласились все дети и бабушка, и кошка с этим именем стала важным приобретением семьи. Форзя много лет жила в семье и своим именем напоминала о родной деревне и неудавшейся жизни в колхозе.

Встал вопрос о том, как прокормить котенка. Он ел всю незатейливую пищу, которую ела семья, но бабушка сказала, что для того, чтобы котенок нормально рос, ему необходимо молоко. Но где его взять? Ко-

ровы у семьи не было, семья сама молока не видела. Выход нашла мать. После дойки доярки уносили ведра-подойницы домой, чтобы помыть их теплой водой. Теперь мать сознательно оставляла на дне подойницы чуть-чуть молока, а придя домой, опрокидывала подойницу вверх дном, из нее капля за каплей вытекало немного молока, которое и отдавали котенку.

Интересно, что позднее, когда у семьи появилась своя корова, Форзя не питала особого пристрастия к молоку, но любила есть свежие огурцы. Другой кошки с такими вкусовыми пристрастиями Дима больше нигде не встречал.

Наступило лето. От ушедших в Месягутовский зерносовхоз отца и Алексея вестей не было. Мать, отпросившись с работы, оставив семье продуктов и денег, ушла к отцу и Алексею, чтобы выяснить обстановку. Прошла одна неделя, пошла вторая, а мать не возвращалась. От нее тоже не было никаких вестей. Бабушка стала беспокоиться: продуктов и денег оставалось немного, а отец, мать и Алексей канули, как в Лету.

Стало тепло. Дима и котенок проводили время на улице возле дома. Форзя помогла Диме установить контакты с детским населением поселка. Произошло это таким образом. Кроме Димы, в поселке было еще трое дошколят, которые держались от него обособленно. Это были сын управляющего фермой шестилетний, толстый, упитанный мальчик Костик, и две девочки: одна постарше его – семи лет, и вторая моложе его – пяти лет. Они вместе часто прогуливались по поселку. Попытки Димы присоединиться к их компании неизменно оканчивались неудачей. Когда они подходили к его дому, и Дима выходил к ним, Костик говорил: «С кулаками не водимся!» – и они все трое поворачивали обратно.

В то утро, когда произошло столкновение недружественных сторон, Дима вышел во двор и увидел, что около дома на пригорке стоял Костик со своими двумя подружками и бросал камни в их огород. Там, когда его камень попадал в успевший взойти и немного вырасти картофель, какой-то комочек прыгал вверх и снова скрывался в листве. Присмотревшись, он понял, что это их кошка, и именно в нее стремился попасть камнями Костик. Дима оторопел от такого нахального нападения на его маленькую, слабую, беззащитную любимицу и, не помня себя от возмущения, с криком: «Что ты делаешь? Это наша кошка!» – бросился на наглеца. Костик и его подруги спокойно стояли на пригорке, не ожидая отпора.

Дима с разбега ударил кулаком по бесстыжей роже Костика, вложив в удар всю свою силу, но поскольку ростом был ниже своего противника, удар пришелся не по лицу, а по подбородку Костика, который как сноп упал на спину и лежал навзничь на земле, выпучив от страха зеленые глаза и открыв рот. Девочки с ужасом смотрели на разъяренного Диму. Дима, не ожидавший такого результата своей атаки, растерялся и, не зная, что делать, пошел домой. Когда он подошел к своему дому, то услышал сзади страшный вопль, который издал пришедший в себя его поверженный противник.

Взрослых на улице никого не было, улица была пуста. Он увидел, что девочки подняли Костика и под руки повели его домой. Бабушки дома не было. Дима был испуган результатом своего поступка, так как боял-

ся, что побои, нанесенные сыну управляющего, могут плохо сказаться на родителях и всей семье. Но Костик, по-видимому, не пожаловался своим родителям или его родители не стали раздувать детскую драку. Отпор Костику прошел без неприятных последствий. Более того, он изменил в пользу Димы соотношение сил в детском коллективе поселка.

На следующее утро к Диме пришли обе девочки и попросили разрешить им поиграть с кошкой. Костик в это время стоял на пригорке, в отдалении от дома, и боялся приближаться к ним. Дима, конечно, разрешил играть со своей кошкой, чему были рады все четверо: обе девочки, Дима и сама кошка. С этого дня девочки каждое утро стали приходить к Диме поиграть с кошкой, а Костик оставался один и стоял далеко от них на пригорке. Таким образом, недружественный лагерь был расколот: девочки стали дружить с Димой, а Костик оказался в одиночестве.

Девочки быстро подружились с кошкой, старшая из них часто приносила ей из дому чего-нибудь вкусного – кусочек мяса или рыбы. Старшая девочка была из большой хорошей семьи, меньшая была из бедной семьи, жила со своей матерью-одиночкой. Однажды утром она пришла со своей подругой к Диме заплаканной. Она сказала, что «мать набила ее за то, что она спрятала кусочек хлеба, чтобы принести его кошке», но мать увидела это и сказала, чтобы она «все, что есть, ела сама и ничего кошке не носила». Дима и старшая девочка, как могли, утешали маленькую девочку, к их утешениям присоединилась и бабушка, сказавшая, что мы кормим кошку достаточно, приносить для нее из дома чего-либо не надо. Дима понял, что есть люди, которые живут хуже них, для которых и крошечный кусочек хлеба остается большой ценностью.

У Марии и Павла учебный год окончился, теперь они все время были дома, помогая бабушке по хозяйству. Вечером бабушка пожаловалась, что продукты и деньги у них заканчиваются, а от отца, матери и Алексея вестей нет, и она не знает, как дальше будем жить. Дети хорошо знали, что значит остаться без хлеба и без денег.

ОТЪЕЗД ИЗ ВАСИЛЬЕВСКОГО

*Неблагодарная отчизна,
Не обретешь костей моих.*

Сципион Африканский

На следующий день произошло событие, круто изменившее судьбу семьи. В полдень около их дома неожиданно остановился грузовой автомобиль, в кабине которого рядом с шофером Дима увидел свою мать. Автомобили иногда приходили в поселок, на них приезжал управляющий фермой, всегда сидевший рядом с шофером. Теперь в автомобиле рядом с шофером сидела их мама. Дима всегда видел маму только в домашней или рабочей одежде, теперь на ней были надеты праздничные кофта и юбка, она была веселой и радостной. Дима с восхищением подумал, какая мама у него молодая и красивая. Было ясно, что произошло что-то особенное, необычное. Выйдя из кабины, мать сказала, что автомашину ей дали на день для того, чтобы она перевезла семью со всем своим имуществом в Месягутовский зерносовхоз.

– Я знала, – сказала мать, – что у вас заканчиваются хлеб и деньги. Давайте собираться, поедем жить на новое место.

Начались спешные сборы. Мама и бабушка стали укладывать в мешки одежду, постельные принадлежности, всякую утварь. Зашедший в дом шофер, молодой парень, спросил, что надо грузить, какие повезем шкафы, комоды, столы, стулья. Узнав, что никакой мебели у семьи нет и увидев, что в доме, кроме грубо сколоченного деревянного стола и массивных деревянных лавок, ничего не было, он был чрезвычайно удивлен:

– Я думал, как вас повезу. Сказали, чтобы загрузил все домашнее имущество. Я завалю весь кузов мебелью, а как пристрою еще пять человек? А у вас везти нечего, одни ребятишки.

Мать успокоила его, сказав, что имущество какое-то все же у них есть и его надо увезти, да важно и перевезти на новое место остававшихся на Выселках членов семьи. Кроме того, надо увезти и имевшуюся у семьи телку. Это предложение не смутило шофера:

– Какой вопрос. По доскам заведем вашу телку в кузов и увезем. Никаких проблем.

Мать была довольна таким решением, но бабушка решительно выступила против. Она сказала, что неизвестно, как это перенесет сама телка, испугается, при погрузке или в дороге выпрыгнет из кузова, им ее не удержать. Она убьется или сломает свои ноги, и они останутся без будущей коровы. Шофер согласился с бабушкой и пожалел, что его не предупредили, что надо будет везти живую телку, для этого можно было взять с собой деревянную клетку, в каких перевозят скот. Тогда бабушка предложила свое решение: уезжайте одни, без нее и телки, оставьте ей хлеба и немного денег, она на веревке приведет телку на новое место. Сегодня она переночует в доме одна, а утром с телкой отправятся в путь, на полпути остановятся на ночлег в какой-нибудь деревне, люди добрые везде есть, пустят их к себе переночевать, за два дня они дойдут до Месягутовского зерносовхоза. Было решено так и сделать.

Дима был озабочен своей проблемой: как повезем кошку? Она тоже может испугаться, выпрыгнет из машины и убежит, мы останемся без кошки. Бабушка успокоила его, сказав, что Форзю мы посадим в мешок, и она никуда не убежит. Дима испугался:

– В мешке кошка задохнется и погибнет.

Бабушка заверила его, что мешок неплотный, кошка в нем будет свободно дышать, и с ней ничего плохого не случится. Это успокоило Диму.

Мать сходила к соседке, которой за небольшие деньги продала засаженный картофелем огород.

Теперь все дела, которые связывали семью с Васильевским, были завершены. Все вещи уложены. Мать сказала, что пообедаем, поьем чаю и поедем. Мать и бабушка стали собирать на стол еду, вся семья разместилась за столом. Шофер тоже решил пообедать и, сидя на подножке автомобиля, начал есть краюшку хлеба. Увидев это в окно, мать вышла из дома, подошла к машине и пригласила его к себе за стол. Парень стал упорно отказываться:

– Я всегда в дороге привык есть всухомятку. Вам самим есть нечего, беднота, а я буду вас объедать. Но мать уверила его, что пищи у них достаточно, для всех хватит, обратная дорога длинная, надо хорошо поест. Парень повеселел, согласился и сел за стол обедать с семьей.

Стали готовиться к отъезду. Погрузили в кузов свои пожитки, потом в кузов посадили детей, и села мать. Дима сел на тюк с одеждой, в руках у него был мешок, в который посадили Форзю. Он положил мешок с кошкой себе на колени и через мешок стал гладить ее. Кошка замурлыкала и не проявляла какого-либо беспокойства. Успокоился и переживавший за нее Дима. В кузове оставалось еще много свободного места, и все пожалели, что не смогли взять с собой бабушку и телку, оставляют их в Васильевском.

Провожать вышли бабушка, несколько соседок, рядом с ними стояли обе девочки и Костик. Шофер закрыл задний борт кузова, сел в кабину и завел мотор. Машина тронулась с места и поехала на выезд из поселка. Соседки и обе девочки стали на прощание махать руками, уезжавшие тоже помахали им. Автомобиль выехал на большую дорогу, прибавил скорость, провожающие и поселок остались позади и быстро исчезли из вида. Прощай, Васильевское! Все понимали, что это начало пути к какой-то новой, неизвестной, но лучшей жизни.

Вырвавшись на тракт, автомобиль помчался на полной скорости. За бортом кузова мелькали поля, кусты, деревья, обгоняемые телеги с ехавшими на них людьми. Автомобилей тогда было мало, и на дорогах они появлялись редко. Лошади еще не привыкли к реву автомобилей, при обгоне обозов испуганные лошади начинали рваться в стороны, вставали на дыбы, возчикам с трудом удавалось их удерживать. В одном месте две лошади, запряженные в бричку, услышав автомобиль, бросились с тракта в сторону, возница не смог их удержать, и они помчались по полю, разбрасывая лежавшую в бричке кладь.

Шофер, видя впереди конные упряжки, стал, проезжая мимо них, снижать скорость и уменьшать рев мотора. Проехали несколько деревень, распугивая разгуливавших в них по улицам кур и гусей и нервирова собак, которые бросались на автомобиль и с лаем бежали за ним. Но вот въехали на возвышенность, с которой увидели Центральную усадьбу Месягутовского зерносовхоза, большую березовую рощу за ней. Дальше виднелись деревня Абдулино и излучина реки Ай.

МЕСЯГУТОВСКИЙ ЗЕРНОСОВХОЗ

*Человеку много ль надо –
Чтоб в природе был порядок...
Повстречать людей хороших,
Да и счастье тоже надо,
Тожe надо повстречать.*

А.Ольгин.

Семья без сожаления покинула свою родину, оказавшуюся безразличной, безучастной к ее судьбе.

Расскажем, что представляла собой Центральная усадьба зерносовхоза. У въезда, справа от дороги, в низине, за изгородью из колючей проволоки располагалась «заправка», стояли цистерны и баки с горючим. С полкилометра далее начиналась собственно Центральная усадьба. Справа находился магазин, за ним поодаль – школа, одноэтажное капитальное здание с двумя колоннами у входа. Слева была большая деревянная одноэтажная, крытая красным железом контора совхоза, за ней высились каменные мастерские, возле которых стояли несколько автомашин и комбайны, поодаль была хлебопекарня.

В центре двумя рядами стояли одноэтажные, крытые красным железом деревянные, выкрашенные коричневой краской, двухквартирные дома с большими террасами, с №№ от 1 до 14, в которых жили руководящие работники совхоза, инженеры, агрономы, служащие, некоторые квалифицированные рабочие. Справа от них находились три двухэтажных саманных, оштукатуренных и побеленных барачков, с №№ 18, 19, 20, слева – ряд из трех одноэтажных, тоже саманных, оштукатуренных и побеленных барачков, с №№ 15, 16, 17.

За барачками, у березовой рощи, расположились клуб и один поставленный перпендикулярно к другим длинный одноэтажный дом под № 11, почему-то называемый «сумасшедшим домом», в котором жила интеллигенция, рядом – детсад и ясли. Возле домов и барачков не было типичных для деревень заборов, изгородей и огородов.

Слева, за большим оврагом, находились дом садоводов и огородников, за ним – большой садоогород, в котором, кроме овощей, росли яблони-китайки. С запада к Центральной усадьбе подходила улица частных деревенских домов, называемая Камчаткой. Ее жители тоже работали в совхозе. У дороги, между Центральной усадьбой и деревней Абдулино, находилась одноэтажная больница, покрашенная в белый цвет.

Красой и гордостью Центральной усадьбы была большая березовая роща со старыми высокими стройными березами и стаями гнездившихся на них грачей, которые всегда что-то не могли поделить между собой и почти непрерывно кричали, оживляя рощу своим гамом. В длину роща достигала километра, в ширину простиралась на полкилометра, до большого оврага. В роще не было подлеска и кустарников, она была прекрасным местом для прогулок и детских игр.

Месягутовский зерносовхоз был организован в 1929 г., очень громадным, простирался от деревни Рухтино, расположенной на юге, около села Месягутово, до границы со Свердловской областью на севере, включал 11 отделений. В начале 1930-х гг. он был реорганизован, сокращен до четырех отделений, превращен в крупное высокомеханизированное сельскохозяйственное предприятие – «фабрику зерна».

Все полевые работы в совхозе выполнялись машинами. Штат постоянных рабочих и служащих был небольшим, состоял в основном из специалистов и механизаторов – трактористов, шоферов и т.п. Летом на время сенокоса и уборки нанимались сезонные рабочие, которые после окончания полевых работ увольнялись. Поля обрабатывались

американскими гусеничными тракторами «Катерпиллер» и колесными тракторами СТЗ – Сталинградского тракторного завода. Зерновые убирались комбайнами. У совхоза имелось два десятка грузовых автомашин и бензовозов. На время уборки урожая для вывоза намолоченного зерна на элеватор в совхоз присылалась из городов автоколонна из 30–40 грузовых автомашин.

Окрестные колхозы не имели своих автомашин, поля в них в основном вспахивались конными плугами, хлеба убирались жатками и серпами. МТС выполняли в колхозах около 1/3 полевых работ, а 2/3 производилась самими колхозами вручную и конской силой.

В этой, как тогда говорили – «глубинке», зерносовхоз был крупным не только производственным, но и культурно-просветительским центром. На Центральной усадьбе совхоза имелась семилетняя школа, в которой учились дети не только со всего совхоза, но и из соседних деревень – татаро-башкирских Алегазово и Кызылбаево, русской Сальевки. В совхозном клубе имелась стационарная киноустановка, показывались только что появившиеся звуковые кинофильмы.

Их смотрели не только жители Центральной усадьбы, но приходили и приезжали жители соседних деревень и даже из районного центра, в котором еще не было звукового кино. В клубе были хорошая библиотека, бильярд, столики с шахматами и шашками, площадка для невиданных в деревне игр в крокет и кегли (боулинг). Вечером клуб наполнялся рабочей молодежью и взрослыми, днем все эти развлечения бесплатно были достоянием детей.

Центральная усадьба детям очень понравилась, она напоминала небольшой уютный городок. Дети решили, что они уже приехали на место и обрадовались, но мать разочаровала их:

– Здесь мы сделаем только небольшую остановку и поедем дальше, до Первого отделения совхоза, где сейчас работают отец и Алексей. На Первом отделении совхоза своей школы нет. С осени Мария и Павел будут учиться в школе на Центральной усадьбе, а Дима пойдет в школу через год. До Первого отделения отсюда двадцать километров, мы туда еще не скоро доедем. Надо подкрепиться, поесть захваченные в дорогу пирожки и шаньги.

Поужинали наскоро и снова в путь. На пароме переправились через реку Ай и по засыпанному гравием и окопанному канавами тракту, рядом с которым стояли столбы с телефонными проводами, устремились вперед. За бортом кузова замелькал лес, затем пошли поля и кусты. Стало темнеть, шофер включил у автомобиля фары, и дальше ехали уже по освещенной ими дороге.

Но вот автомобиль съехал с тракта и повернул налево, где находилось Первое отделение Месягутовского зерносовхоза. Автомобиль остановился у дома, в котором жил управляющий отделением Мельков. Была уже ночь, но их там ждали. Жена Мелькова была искренне рада их приезду, встретила приехавших очень радушно и, по просьбе матери, сразу стала укладывать приехавших спать в приготовленные постели.

НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ВЫЖИВАНИЕ

*Если надо пройти
Все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут,
Я пройду...*

А.Фатьянов.

Первое отделение зерносовхоза располагалось у небольшой речки Сухояз, притока реки Ая (до которого она в засушливые годы не дотекла, высыхая по пути, за что и получила свое название). Начало ей давал родник, ключик, выбивавший в овраге. Пойма Сухояза заросла ивой, ольхой, черемухой и кустарниками. У истоков речки находились «заправка» с цистернами и баками, ремонтные мастерские, справа, поодаль раскинулся большой зерносклад. На опушке леса, вдоль речки, стояли семь деревенских домов и магазин, справа от них, поодаль – одноэтажный барак. Возле домов не было заборов, изгородей и огородов. Общий для всех огород располагался за речкой, где тракторами для него было вспахано большое поле.

За домами, на окраине поселка, располагались конный двор, далее, за ним – молочно-товарная ферма, еще дальше, у леса, в полкилометре от последнего жилого строения, ставился дом для пчеловодов и полусарай-полуземлянка – омшаник для помещения в него ульев с пчелами на зимовку, расчищалась площадка для установки ульев. За речкой находился ряд частных деревенских домов, получивших название «Зарека». Этот поселок долгое время не имел собственного имени и безлико назывался «Первым отделением», а позднее, когда разросся, стал называться деревней Ключевской.

Утро первого дня пребывания в Месягутовском зерносовхозе началось с завтрака в доме Мельковых. В большой комнате на длинном столе, за который хозяйка усадила приезжих, посредине стола стояло блюдо с нарезанным ломтями белым хлебом, перед каждым стояла тарелка с густым мясным супом, лежали блестящие нержавеющей стали ложки и вилки. Детей поразило даже не то, что хлеб и суп оказались очень вкусными, а то, что у каждого из них оказалась своя тарелка и свой столовый набор. До этого у себя дома вся семья ела из одной имевшейся у них деревянной чашки, хлебная из нее по очереди деревянными ложками. С этого времени мечтой детей стало есть из своих тарелок, что, по их мнению, являлось признаком домашнего благополучия и довольства.

Завтрак у гостеприимной хозяйки стал для них добрым знаком о коренном повороте в их жизни, признаком приближавшейся новой, обеспеченной и счастливой жизни. Во время завтрака пришли с работы Мельков, отец и Алексей, которых хозяйка тут же усадила есть за этот же стол. Своих двоих детей она успела накормить раньше. Мельков ранее служил на Балтийском флоте, а теперь управлял отделением в совхозе. Это был высокий красивый мужчина, на его груди из-под рубашки виднелась матросская полосатая тельняшка, на правой руке, между большим и указательным пальцами, была татуировка – синий якорь.

Заметив рассматривание детьми якоря на его руке, Мельков сказал:

– Мальчишеская забава. Флотская традиция. Когда начинаешь службу на военном корабле, новички первым делом делают себе татуировку.

Хозяйка добавила:

– Никак не может забыть о море. Любит носить тельняшки, берегу их при стирке, но ничего нет вечного, изнашиваются до дыр. Жду, когда все их окончательно износит. Оба они рассмеялись. Мельков, обратившись к отцу, сказал:

– Василий Васильевич! Посмотрел на твоих ребят – богатыри. Подрастут, будет хорошая опора.

Дима подумал: пройдет время, они будут взрослыми, и представил себе – вот Алексей и Павел с бородами, у него самого пышные усы. Прав Мельков!

– Недавно был в родных краях. Там много перемен. Прошла основательная партчистка, вычистили из партии всякую мразь: воров, пьяниц, опустившихся, болтунов. И что интересно: хитрые типы – все ссылались на свое батрацкое или пролетарское социальное происхождение. Появилась присказка:

Пронеси, Иисусе, чистку,
Скрой от масс мои грехи,
Дай мне маму металлистку,
Дай мне папу от сохи.

– Раньше это проходило, за пролетарское происхождение все прощалось. Теперь такое не стало действовать. Организованы МТС. Колхозы окрепли. Урожай в прошлом году был хороший. В колхозах положение должно поправиться.

Алексей принес похвальную грамоту. На большом листе глянцевого бумаги в верхних углах были овальные портреты В.И.Ленина и И.В.Сталина, посередине листа большими золотыми буквами было напечатано: «Почетная грамота». Ниже следовал текст, в котором говорилось, что водовоз тракторной бригады Гаврилов Алексей Васильевич награждается за отличную работу на весеннем севе. Красивая Почетная грамота вызвала у его младших братьев и сестры восторг и гордость за своего старшего брата. Они поняли, что здесь ценят и награждают людей за хороший труд, что они попали в среду людей с другим, хорошим отношением к их семье.

После завтрака Алексей решил показать младшим братьям – Павлу и Диме – свою работу. В его распоряжении имелась лошадь с телегой, на которой была установлена большая деревянная бочка. На передке телеги находилось сидение для водовоза, на котором свободно разместились сам Алексей, а также Павел и Дима. По пологому скату заехали в неглубокий Сухояз, Алексей черпаком с длинной ручкой налил в бочку воды, и они поехали в поле, где за леском гудели трактора.

Полевой стан, на котором базировался тракторный отряд, состоял из вагончика на колесах, в нем были стол и нары с постелями. Рядом под большим навесом находилась сложенная из кирпича небольшая печь, стояли длинный деревянный стол и деревянные лавки. Трактористы

жили в вагончике, за столом они ели подготовленную поварихой пищу. Алексея трактористы встретили восторженно и набросились с расспросами на его младших братьев.

Трактористы пахали под зябь большое поле в несколько сот гектаров, от одного его края до другого было два километра. Часть поля была уже вспахана, по еще не вспаханной части, урча, двигались трактора с плугами. Это были американские гусеничные трактора «Катерпиллер». Позже, увидев первый советский гусеничный трактор ЧТЗ, выпущенный Челябинским тракторным заводом, Дима был поражен: так это же тот же «Катерпиллер»! К тракторам были прицеплены плуги, на которых на особых сидениях сидели прицепщики, длинными палками чистившие забитые лемеха.

В тракторном отряде была своя, отработанная сигнализация. Если остановившийся посередине поля трактор поднимал белый флаг, это значило, что у него кончилось горючее, к нему ехал заправщик, на телеге которого находились бочки и банки с горюче-смазочными материалами. Если остановившийся посередине поля трактор поднимал красный флаг, это означало, что случилась поломка, требовался приезд механика с авариейкой. Если остановившийся посередине поля трактор поднимал зеленый флаг, это значило, что у него закончилась вода, и к нему мчался водовоз с бочкой воды.

Алексей проявил инициативу и усовершенствовал систему обеспечения тракторов водой. Он отремонтировал старые деревянные бочки, несколько железных бочек для него изготовили в мастерской. Расставив эти бочки на краях поля, в его начале и в конце, он наполнил их водой и теперь трактористы, увидев, что в радиаторе осталось мало воды, могли сами залить ее из этих бочек. Сам он наготове дежурил на полевом стане с бочкой, наполненной водой, и был готов в любое время выехать к тракторам.

Трактористы и начальство были очень довольны его работой, простой тракторов из-за отсутствия воды прекратились. Алексей был награжден Почетной грамотой. Современный читатель с усмешкой прочитает о такой награде. Но тогда это имело большое значение. Почетная грамота была признанием трудовых заслуг, вызывала уважение товарищей по работе, была серьезным моральным поощрением.

Трактористы решили покатать младших братьев Алексея на своих тракторах. Один из них взял с собой Павла, другой – Диму. Тракторист, пригласивший поехать с ним Диму, посадил его рядом с собой на широкое сиденье. Трактор взревел и двинулся вперед, послушно управляемый рычагами, которые передвигал тракторист. Кабины у трактора не было, с высокого сидения хорошо было видно все поле, борозда, вдоль которой шел трактор, вспахивая за собой широкую полосу. Был теплый солнечный день, дул легкий прохладный освежающий ветерок, который относил поднятую трактором пыль в сторону. Какая замечательная профессия у трактористов!

Доехав до конца поля, трактор сделал разворот и поехал обратно, вспахивая новую полосу. Но теперь ветер дул на тракториста и Диму, засыпая их пылью, от которой приходилось защищать глаза и лицо.

Дом Гавриловых на Первом отделении Месягутовского зерносовхоза

Дима понял, почему все трактористы были чумазыми, а прицепщики, которым пыли доставалось еще больше, были черными, походили на негров. Оказывается, профессия тракториста и прицепщика была не такой уж легкой и приятной, а в действительности была трудной и грязной. По возвращении на полевой стан трактористы усадили их за стол, а повариха накормила вкусным обедом.

В полдень семья снова погрузилась в автомашину, и ее отвезли за четыре километра от первого отделения в деревню Крохаль, находившуюся на берегу реки Ай, где развертывалась временная совхозная пасека. В деревне имелось около десятка домов, но все они, за исключением одного дома, стояли полуразрушенными, их жители разъехались, бросив свои дома. В единственном жилом доме проживала молодая супружеская пара Пастуховых, которые тоже собирались куда-то уезжать, и приняли у себя Димину семью с тем, чтобы она сохраняла дом после их отъезда.

Единственным постоянным, коренным жителем деревни оставался брошенный своими хозяевами и одичавший большой, толстый рыжий кот. Питался он, по-видимому, хорошо, так как в заброшенной деревне было много мышей и крыс. Кот был нелюдимым, никого не подпускал к себе, убегал, если кто-нибудь приближался к нему и хотел его погладить. Маленькая Форзя, завидев большого рыжего кота с горящими глазами, от страха спряталась под лавку. Но кот, по-видимому, хотел наладить общение с поселившимися в доме людьми, и стал приносить в зубах и оставлять на крыльце, в виде подарка, задавленную им мышью или крысу.

Утром Дима отправился с отцом на пасеку, расположенную возле деревни на горе. Пчеловодной отраслью в совхозе руководил агроном Визигин, проходивший стажировку в США. Он привез с собой из Америки

улья Дадана, пчеловодческий инвентарь и создавал пасеку по американскому образцу. Фамилию эту Дима запомнил потому, что позднее, когда отец уже был пчеловодом с большим стажем, если его спрашивали, почему он делает это таким образом, отец отвечал, что так учил Визигин и делать так наиболее целесообразно.

Совхоз покупал у башкир колоды с пчелами и привозил их к себе. Башкиры издавна занимались бортничеством, развешивали в лесу на деревьях выдолбленные внутри деревянные колоды («борти»), в которых поселялись дикие пчелы, а осенью вынимали из них наполненные медом соты. Из купленных у башкир колод на пасеке в Крохале пчел перегоняли в ульи Дадана. У пустого улья клали колоду с пчелами и по созданной пчеловодами дорожке, лотку, окуривая колоду дымом, пчел заставляли бежать в приготовленный для них улей.

Диме надели на голову пчеловодческую сетку, защищавшую от укусов пчел, наказали не делать резких движений, не шуметь (пчелы это не любят и могут роем наброситься на не понравившегося им человека), дали в руки дымарь. Дымарь – особое орудие труда пчеловодов, представлявшее небольшой металлический цилиндр с ручкой, с тлеющими в нем нагретыми углями, источавшими дым, с приделанным к нему небольшим деревянным мехом, покрытым кожей. При работе с дымарем, сжимая на нем мех, получали струю дыма, направив которую на пчел, заставляли их бежать в нужном пчеловодам направлении. Дима стал дымарем подгонять пчел и с интересом наблюдал, как дружно, тесным строем они бежали в свой новый дом.

Через два дня пришла бабушка и привела на веревке телку. Теперь стали снова они все вместе. Но очень скоро отца отправили в командировку. Пасека создавалась с большим размахом. Совхоз закупил большую партию пчелиных семей в Янауле, на севере Башкирии, расположенном на железной дороге Свердловск – Казань. Отец с несколькими другими пчеловодами выехали в Янаул, чтобы привезти оттуда закупленных пчел. Но на перевозку пчел наложили карантин. Вместо предполагавшейся недели, командированные застряли в Янауле на два месяца.

Отец не оставил семье доверенности на получение своей зарплаты, семья оказалась в Крохале без денег и без хлеба. Ей снова пришлось пережить новую полосу нищеты и полуголода. Семья привыкла ни у кого не просить помощи, стремилась сама найти способ преодоления встретившихся трудностей. Мать и бабушка нашли выход из трудного положения. Подспорьем семье стали «дары природы».

Пойма реки Ая – «урема» – заросла черемухой, кустами черной и красной смородины, на которых созрело огромное количество ягод, которые никто не собирал. Особенно много было черемухи и красной смородины. На высоком берегу, на скалах росла дикая вишня. Поблизости, в Широком логу, была дикая клубника. Каждое утро, оставив Диму «домовничать», мать, бабушка, Мария и Павел уходили собирать ягоды и в обед возвращались с полными ведрами черемухи и красной смородины.

После обеда мать с Марией и Павлом шли на Первое отделение продавать собранные ягоды. Продавали их по одной копейке за стакан, их

особенно охотно покупали трактористы и шоферы, у которых не было времени самим ходить за ягодами. На вырученные деньги покупали хлеб и приносили его домой.

Кроме ягод ели и грибы. В дополнение ловили рыбу. Мать подобрала брошенную рыбаками на берегу порванную сеть, из которой смастерили, обрезав рваные части и прикрепив к ее концам в качестве ручек палки, невод. При ловле рыбы мать заходила в воду на возможно большую глубину, дети, держа в руках другой конец невода, шли по берегу. У берега косяками ходили мелкие рыбешки – мальки, которые и попадали в невод. Иногда вместе с ними в неводе оказывалась и более крупная рыба.

Постоянным спутником новоявленных рыбаков был рыжий кот, который всегда шел за ними к реке, сидел на высоком берегу, не приближаясь к воде, и наблюдал за рыбаками. От берега он уходил вместе с возвращавшимися с рыбалки рыбаками. После хорошего улова коту бросали несколько рыбешек, которых он поедал с радостным урчанием.

Бездомный рыжий кот стал другом Димы по «домовничеству». Каждое утро, когда шумная семья почти в полном составе уходила за ягодами, кот приходил к крыльцу диминого дома, ложился на солнышко, долго мурлыкал, а затем засыпал. Видимо, и он страдал от одиночества и тянулся к людям. Но когда Дима хотел подойти к коту и погладить его, он сразу просыпался и стремглав убежал.

Оставшийся дома один, Дима пристрастился к чтению. Единственной книгой в доме было «Евангелие», которое где-то раздобыла бабушка. Вспомнив, что он умеет читать, Дима стал одолевать священное писание, изданное еще со старой орфографией, постоянными твердыми знаками и т.п. Однако уже вскоре он освоился и со старой орфографией, она не мешала ему осознавать прочитанное. С интересом, как художественные произведения, прочитаны откровения евангелистов Матфея, Марка и Луки о земной жизни Иисуса Христа.

Позже, начав учиться в школе, получив доступ к книгам, за недосугом Дима никогда не читал Евангелия, но даже став взрослым, в разговорах с верующими, если возникали какие-нибудь вопросы, изумлял их знанием этой священной книги. Правда, малолетний читатель был удивлен обнаруженными им в этой книге расхождениями и противоречиями, поражен родословными Адама и Авраама.

Однажды пришедшая неизвестно откуда молодая женщина попросила разрешения у матери пожить у них два-три дня, чтобы она смогла отдохнуть. Она сказала, что была монахиней, но их монастырь закрыли, и она сейчас пробирается в один из городов, в котором у нее есть знакомые, они помогут ей найти жилье и работу. Когда монастырь доживал последние дни, чтобы пропитаться, они работали в соседнем колхозе. У нее нет никаких документов, кроме справки, что она заработала в колхозе столько-то трудодней. Поэтому она не заходит в большие деревни, где у нее могут спросить документы. Хлеб и деньги у нее есть, она не обременит семью. Мать согласилась, чтобы она пожила с семьей несколько дней. Бабушка считала ее «святым человеком».

Увидев, что Дима на любых клочках бумаги, которые оказываются в его руках, что-нибудь рисует, монахиня достала из своего мешка лист хорошей бумаги и попросила нарисовать с маленькой бабушкиной иконы, которую та всегда возила с собой, картину въезда Иисуса Христа в Иерусалим. Дима долго пыхтел над ее заданием. Он нарисовал крепостную стену Иерусалима, ворота, но ослик, на котором ехал Сын Божий, у него никак не получался: не походил ни на лошадь, ни на осла, ни на какое-нибудь другое известное нам животное. Зато Иисус Христос оказался великолепным: величественный, радушный, он сидел на этом непонятном животном. Дима был огорчен неудачным рисунком, но монахиня осталась им очень довольна.

– Талантливый ребенок, – сказала она матери. – Я благословляю его, пусть он всегда будет под Божьей защитой.

Дима не оценил ее благословления:

– Тетенька, я неверующий. В школе говорят, что Бога нет. Если он есть, то почему не помогает, когда людям плохо, когда им нечего есть.

– Это не важно, веришь ты в Бога или нет, мое благословление над тобой сохранится на всю жизнь. А всем и во всем помогать и сам Бог не в силах. В «Библии» сказано: «И увидел Господь, что велико развращение человека на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека, и предался печали». Люди должны в своем сердце носить Бога, сами добывать себе хлеб насущный, не надеясь на Бога.

На следующее утро, когда Дима еще спал, монахиня от них ушла.

Проживание семьи в Крохале летом 1934 г. стало периодом последнего испытания семьи на выживание. Осенью карантин на вывоз пчел из Янаула был снят, и отец с другими пчеловодами привезли купленных пчел в совхоз. Улья и колоды с пчелами в Янауле погрузили на железнодорожные платформы и везли до Красноуфимска. В дороге часть пчел сумела вылезти из колод, и их рой летел вслед за поездом. Из Красноуфимска совхоз вывозил пчел на своих автомашинах.

Приезд отца вызвал бурю радости. Он получил зарплату за несколько месяцев и командировочные, что сразу восстановило финансовое равновесие семьи. И еще одна большая радость – отец привез целый мешок посуды: эмалированные блюда, чашки разных размеров и т.п., что решило проблемы обеспечения семьи кухонными и столовыми принадлежностями, из-за отсутствия которых так долго, материально и морально, страдала семья.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Поле, русское поле...

Ты моя юность, ты моя воля, –

То, что сбылось,

То, что в жизни сбылось.

И.Гофф.

Осенью, к 1 сентября, мать отвезла Марию и Павла в школу на Центральную усадьбу, где они стали учиться в третьем классе и жить в об-

щежитии. Домой они приезжали только в зимние каникулы, иногда – в выходные дни. На Первом отделении достроили большой трехквартирный деревянный дом для пчеловодов. Тут же находились строение для хранения пчеловодческого инвентаря и омшаник для зимовки пчел. На огороженной площадке была разбита пасека, на которую перевезли улья из Крохалея.

Наступил день переезда семьи из Крохалея на Первое отделение. Отцу с семьей – как помощнику главного пчеловода – в доме для пчеловодов была предоставлена одна комната, в двух других поселились заведующий пасекой и второй помощник. В пустую комнату первой пустили привезенную Димой в мешке кошку, которая стала осматривать и обнюхивать новое пристанище. За кошкой в комнату вошли мать, бабушка и Дима с отцом, стали заносить вещи. Наконец-то, семья получила, пусть «служебное», но постоянное, добротное, надежное жилище.

Последний аборигенный житель Крохалея бездомный рыжий кот после отъезда из заброшенного поселка семьи ушел в расположенную в трех километрах небольшую, в 10–15 дворов, деревню Тунгульду. Дальнейшая его судьба неизвестна. Впрочем, несколько лет спустя эта деревенька тоже погибла, ее жители, бросив дома, разъехались кто куда. Крохаль и Тунгульда исчезли с географической карты.

В феврале, в день Красной армии и Военно-морского флота, в клубе после торжественного заседания отличившимся на работе вручили награды: почетные грамоты, разные вещи. Алексею, в качестве премии, дали живого поросенка. Дети были огорчены, они посчитали, что Алексей был достоин более высокой награды, вроде новой грамоты, что его обошли при награждениях. Но мать разъяснила им, что Алексею, наоборот, дали очень хорошую премию, мы вырастим поросенка, из него получится большая свинья, у нас будет свое мясо.

Поросенок был маленький, по-видимому, месячный или двухмесячный, чистенький, беленький, с розовым пятчком. Его завернули в тряпки, и когда возвращались домой (на улице было холодно), Алексей взял его к себе под пальто. Поросенку стало тепло, он от удовольствия благодарно захрюкал. Дома Алексей из реек смастерил для него клетку. Поскольку на улице был мороз, клетку с поросенком оставили в доме, поместив ее в углу комнаты.

Другим радостным событием в жизни семьи стал отел коровы. Она родила телочку с красивой коричневой шерстью и белым пятном на лбу, которую по месяцу, в котором она родилась, называли Мартой. Было еще холодно, отец принес дрожавшего теленка домой и положил на подстилку в углу комнаты. Через три дня, когда Марта окрепла и сама стала вставать на свои тонкие ноги, отец отнес ее в коровник к ее матери. Кормить и поить корову и теленка теперь стало главной заботой матери и бабушки. Дима постоянно забегал в коровник посмотреть, насколько выросла Марта.

Поросенок, названный Зюнькой, оказался умным, ласковым и стал любимцем детей. Дети, чем могли, подкармливали его. Он был очень чистоплотным, по нужде ходил в отведенное место, любил, чтобы ему почесали спинку и за ушами. В ближайшую ночь, когда дети спали на полу на расстеленной кошме, постоянном спутнике семьи в ее путеше-

ствиях, Зюнька, который, по-видимому, замерз, так как к утру комната выстывала, открыл клетку и забрался в постель к детям под одеяло, в тепло. Всех заинтересовал вопрос, как поросенок смог выбраться из клетки. Вскоре выяснилось, что он научился своим пяточком поднимать вверх рычаг, которым запиралась клетка. Мать была возмущена дерзким и безобразным, «свинским» поведением поросенка, но дети заступились за своего любимца. После этого, если ночью в комнате становилось холодно, поросенок смело забирался под одеяло к детям, и они старались очень осторожно ворочаться в постели, чтобы случайно не задавить его. Поросенок в своей клетке жил в комнате до того времени, пока на улице не стало тепло и его не переселили жить в коровник, в сделанную для него особую загородку.

Дима до сих пор с умилением смотрит на маленьких просят и возмущается, когда кто-либо называет свиней грязными животными. Верно, что в жару они любят принимать ванны в лужах, но ведь редко кто создает для них комфортные условия, избавляющие их от купания в грязных водоемах.

Летом Зюнька пасся возле дома, раскапывая пяточком корни понравившихся ему растений, бежал, как собачка, за детьми, куда бы они ни пошли. Если кто-нибудь из них направлялся в центр поселка в магазин или по другим делам, Зюнька бежал, не отставая. Приходилось останавливаться, кричать на него, чтобы он возвращался обратно. Он с недоумением останавливался, ждал, а затем снова бежал за уходившим. Так продолжалось несколько раз. Пробежав больше половины пути, Зюнька соображал, что его друг действительно идет в поселок, где лают собаки, и бежал обратно.

Если дети шли в расположенный возле дома лес, Зюнька тоже бежал за ними. Еще хуже становилась ситуация, когда летом вся семья выходила на покос убирать сено. Покос находился в полутора километрах от дома на опушке Большой елани (безлесного, открытого пространства) и на пологом берегу небольшой речки Иволги, параллельно Сухоязу текущей в реку Ай. Пойма Иволги густо заросла высокой травой, кустарником, ивами и ольхой, на противоположном высоком берегу были волчьи норы. Уходя на покос, все следили за тем, чтобы за ними не увязался Зюнька и не стал закуской для волков, и уходили только тогда, когда убеждались, что он мирно пасется у дома. Но каждый раз, придя на покос и начав работать, они с удивлением убеждались, что Зюнька уже ходит возле них и похрюкивает.

Весной мать и бабушка за пасекой, на пригорке, спуске к Сухоязу, раскопали себе огород, отец привез с молочно-товарной фермы несколько возов навоза, которым удобрил землю. Осенью с огорода был получен хороший урожай, картошка выросла крупная, ее было много. Теперь семья оказалась обеспеченной картофелем в таком количестве, что его хватало не только для удовлетворения потребностей семьи, но и позволило кормить ею поросенка и корову, которые с удовольствием ели сваренную для них картошку.

Как только сошел снег, пчел из омшаника выставили на свежий воздух. Ульи ставили на четыре вбитых в землю колышка, открывали в них

летки и вылетающие из них пчелы отправлялись на разведку местности. Все ульи, на пасеке их было более ста, имели номера. Пчеловоды в белых халатах, с сетками на головах, с дымярами в руках с раннего утра до позднего вечера трудились на пасеке: утепляли ульи, проверяли, есть ли у пчелиной семьи достаточные запасы меда для пропитания, давали им подкормку и т.д. Дату и время осмотра, результаты обследования записывали в толстую тетрадь, где на каждую пчелиную семью была отведена отдельная страница.

Когда пчеловоды открывали крышку улья, пчелы тут же массой вылезали наверх и обсыпали края улья и верхнюю часть рамок с сотами, находившимися внутри улья. Осмотрев улей и записав в тетрадь результаты его обследования, пчеловоды закрывали крышку, чтобы трудолюбивые пчелы продолжали свою неутомимую работу. При этом, как замечал Дима, отношение к пчелам со стороны пчеловодов было разным.

Отец имел в своем ящичке для дыمارя и инструментов крылышко, которым, прежде чем закрыть крышку, сметал пчел, чтобы не раздавить сидящих на кромках улья тружениц. Второй пчеловод по фамилии Юденич, мужчина с военной выправкой и щегольскими усиками, хорошо образованный, окончивший гимназию, неизвестно почему занявшийся пчеловодством, действовал по-другому. Он не ждал, когда пчелы будут согнаны с кромок улья дымом или крылышком, а хватал крышку и захлопывал ею улей, раздавив при этом массу пчел.

Отзвуки сибирской ссылки давали о себе знать и здесь. Ни отец, ни кто-либо из членов семьи ни от кого не скрывали, что побывали в ссылке. Это пытались использовать завистливые или стремившиеся показать свое превосходство люди. Когда отец делал замечание своему товарищу по работе, что надо бережнее относиться к пчелам, Юденич неизменно отвечал:

– Сказывается твое кулацкое крохоборство. Что их жалеть? В улье сто тысяч пчел, не беда, если раздавим два-три десятка. Сократим время осмотра. Отец как-то сказал Мелькову, который уже не управлял Первым отделением, а был переведен работать на Центральную усадьбу, где занимал какую-то должность, связанную с призывами в армию, военкоматом, НКВД, что Юденич постоянно называет его кулаком.

– Представляется праведником, – сказал Мельков. – Сам был земским начальником, командовал над крестьянами уезда. Я попросил знакомого особиста сделать запрос о твоей ссылке. Было секретное постановление ЦИК СССР. В списке восстанавливаемых в правах назван ты, перечислены члены семьи. В графе, посвященной семье, указывается, что «отношение к советской власти лояльное». Признали, что были выселены без оснований. Постановление готовили сами чекисты, едва ли им было на руку признавать брак в своей работе. Живи спокойно.

При случае отец сказал Юденичу:

– Все говорят, что до революции ты был земским начальником. Это покруче, чем быть кулаком. Юденич встревожился и не скрывал этого. Он начал настойчиво расспрашивать отца, кто это говорит, но на все расспросы отец уклончиво отвечал: «Все говорят», – и от отца он нечего

не добился. Однако с тех пор Юденич перестал называть отца кулаком и стал относиться к нему сдержанно и осторожно.

Кассир при выдаче зарплаты каждый раз говорил отцу:

– Кулачок, получай заработанные трудовые денежки. Это тебе не то, что эксплуатировать чужой наемный труд. Отец отвечал ему, что не был кулаком, не эксплуатировал чужой труд, был выслан при массовой кампании, восстановлен в правах решением ЦИК СССР. Но это на кассира не действовало. При очередной выдаче зарплаты он снова повторял свою фразу про кулацкую эксплуатацию наемного труда.

Отец при встрече с Мельковым рассказал ему о классово сознательном и политически очень грамотном кассире.

– Трус и подхалим. Мелкий кляузник. Выше ЦИК СССР хочет прыгнуть. Скажите ему, что напишете в ЦИК, что он считает их решение неправильным. При очередной выдаче зарплаты, выслушав очередное моральное наставление кассира, отец сказал ему:

– Напишу Михаилу Ивановичу Калинин, что ты считаешь решение ЦИК СССР неправильным. Пусть проверят, кто ты такой. Кассир перепугался и стал уверять, что он пошутил, что он очень уважает отца и не хотел его обидеть. Отец, конечно, никому ничего не стал писать, но отношение к нему со стороны кассира неузнаваемо изменилось. Если в кассу была даже маленькая очередишка, он стал пропускать его без очереди, объяснив ожидавшим, что время наших славных трудящихся надо беречь.

Состав рабочих и служащих совхоза был очень пестрым. Дирекция совхоза, специалисты, как правило, были приезжими из крупных городов, в том числе и из столиц. Начальником политотдела совхоза сначала была москвичка Лизинская, ее сменил ленинградец Супонин. Главным агрономом совхоза был Фильберт, приехавший из какого-то большого города. Трактористами, комбайнерами и шоферами были молодые ребята из окружающих русских деревень, окончившие курсы механизаторов. Штат рабочих и мелких служащих в большинстве составляли местные люди, почему-либо не прижившиеся в своих деревнях или выбитые из колеи тогдашними социальными передрягами.

Среди рабочей массы мало кто интересовался социальным происхождением товарищей по работе. Это распространялось и на детские коллективы. Правда, и среди детей, под влиянием своих завистливых или стремившихся показать свое превосходство родителей, появлялись «классово сознательные» и «принципиальные». Маленький мальчик, на два-три года моложе Димы, не называл его иначе, как кулаком, отказывался принимать участие в играх вместе с ним. Неоднократные попытки Димы убедить мальчика, что он такой же, как все другие ребята, не давали результатов.

Мальчик был упрямый и самодовольный. Дима рассказал о нем отцу. Отец рассмеялся и сказал, что его отец был самым крупным богачом в Багышково, перед коллективизацией, чтобы избежать раскулачивания, бросив дом и все имущество, бежал с семьей из деревни, несколько лет где-то мотался по стране и, наконец, прибил к совхозу, где работал чернорабочим. Дима рассказал об этом изумленному мальчику, который с тех пор стал всячески заискивать перед Димой.

ВТОРАЯ РОДИНА

*И где бы ни жил я,
И что бы ни делал,
Пред Родиной вечно в долгу.*

М.Лисянский.

Судьба, поиграв семьей в своей круговерти, наконец, выбросила ее на более спокойный берег. Жизнь постепенно улучшалась, принимала устойчивый, стабильный характер. Месягутовский зерносовхоз стал для семьи второй родиной. Отчий дом на пасеке Первого отделения стал центром семьи.

Пчеловодство занимало важное место в хозяйственной структуре совхоза. Он ежегодно сеял большое количество красного клевера, который служил отличным кормом для совхозного скота, для его молочно-товарных ферм.

Главным и единственным опылителем клевера были пчелы. Именно для этого совхоз и содержал большую пчелиную пасеку. Кроме того, значительная часть семян клевера сдавалась государству по очень высокой цене. Пасека давала значительное количество меда, что тоже приносило совхозу доход. Пасека играла значительную роль в экономическом потенциале совхоза.

Заведующим пасекой на Первом отделении были Ильин, затем Грачев, а после отъезда последнего заведующим был назначен Юденич. Но самолюбивого Юденича эта должность не устраивала, так как пасека находилась далеко от Центральной усадьбы, на периферии совхозных земель, не давала ему возможности отличиться перед высоким начальством. Он добился разделения пасеки на две: одна оставалась на Первом отделении, другая, вновь организуемая, создавалась на ферме Ай, в четырех километрах от Центральной усадьбы. Туда были перевезены половина пчелиных семей и необходимый инвентарь. Заведующим пасекой на Первом отделении был оставлен отец, заведующим пасекой на ферме Ай стал Юденич.

На настойчивую деятельность Юденича по разделу пасеки, возможно, повлияло еще одно обстоятельство: его жена Мария Ивановна была учительницей в семилетней школе на Центральной усадьбе (хорошей учительницей, у нее учились Мария и Павел). Их дочь Эля, красивая, всегда хорошо одетая, скромная, очень вежливая девочка, стриженная «под мальчика», училась в этой же школе на один класс ниже Димы.

Энергичный Юденич рьяно взялся за оборудование новой пасеки, сам выбрал место для постройки омшаника, в котором должны были зимовать пчелы. Отец предупредил Юденича и начальство, что место для омшаника выбрано неудачно, при весеннем разливе реки вода может его затопить, но Юденич настоял на своем решении. Отцовский прогноз оправдался. Следующей весной, при разливе, река Ай затопила омшаник и все поставленные в нем на зимовку пчелы погибли. Пасека на ферме Ай перестала существовать. Как выкрутился из этой ситуации Юденич, понес ли он за гибель пчел какое-либо наказание или материальное взыскание, автору неизвестно.

Став заведующим пасекой на Первом отделении, отец занимал эту должность (с перерывом в связи с призывом в армию во время Великой Отечественной войны) двадцать пять лет, превратившись в своей области в высококвалифицированного специалиста. Его пасека считалась одной из лучших в районе. Об отце, матери и бабушке следует рассказать подробнее.

Отец был на редкость спокойным, выдержанным, уравновешенным человеком, стойко переносил невзгоды и неудачи и не поддавался эйфории при достижениях и успехах. Говорил он всегда спокойно, иногда немного растягивая слова, причем во времена, когда Дима стал взрослым, он почти совсем перестал заикаться. В семье отец пользовался абсолютным, непререкаемым авторитетом, который ему обеспечили его богатый жизненный опыт и житейская мудрость.

Отец никогда не ругался, никогда не повышал голос, никогда не бил детей, никогда не тронул их даже пальцем, чего бы они ни натворили. Он терпеливо выслушивал рассказы даже самых младших детей об их проблемах (для взрослых – малозначительных и несерьезных), отвечал на все, даже самые наивные, вопросы. Для детей самым тяжелым наказанием было услышать неодобрение отца, огорчить его каким-либо своим поступком.

Вместе с тем, в семье строго поддерживался демократический порядок. Соблюдалась традиция, просуществовавшая до тех пор, пока все дети не стали взрослыми и не разъехались: все важные дела, большие и малые, решались на семейном совете, причем все дети, до самого малого, имели равный голос. Например, всегда обсуждался вопрос, кому и что купить из одежды. При этом мальчики – Павел и Дима – всегда высказывались за то, что в первую очередь надо купить то, что необходимо Марии: «Она девочка, ей надо одеваться лучше, а мы походим еще в старой одежде».

Отец пользовался большим авторитетом и уважением со стороны односельчан и коллег по работе. Интересно, что он всегда одинаково разговаривал со своими собеседниками, будь это товарищ по работе или какой-нибудь начальник. Перед начальством, которое часто навещалось на пасеку, он никогда не гнул, говорил уважительно, но с достоинством, не суетился, не лебезил перед ними.

Позже Дима, во время службы в штабе воинской части, видя как встречают офицеры приехавшего какого-нибудь генерала, от любого, даже сказанного на ходу замечания которого нередко зависела дальнейшая карьера и даже судьба офицера, а позднее, работая в разных учреждениях, видя как встречают приехавшее высокое начальство его руководители, одни – с достоинством, другие – изгибаясь в три погребели, всегда вспоминал не получившего никакого образования, очень скромного, но всегда, при любых обстоятельствах, очень вежливого, корректного, тактичного и деликатного, отца, никогда не угодничавшего, не заискивавшего ни перед каким начальством.

У отца, согласится читатель, не было причин восторгаться советской властью, безудержно ее хвалить, но он очень высоко ценил ее за заботу об образовании народа, объяснял своим детям пользу и необходимость

учиться, учиться, учиться. Отдавал должное техническому прогрессу. Когда к детям приходили их товарищи, он тоже агитировал хорошо учиться. Тех, которые не учились или бросили учебу, он стыдил: «Почему не учиться? В стране бесплатное обучение, бесплатно учат на курсах, в школах, техникумах, институтах, да еще платят стипендию. Учись, не ленись!»

Вдохновленные отцом, при его очень небольшой зарплате, его скромной финансовой поддержке, все шестеро его детей (единственные в поселке) получили в те годы среднее образование, а затем, уже самостоятельно, пятеро из них получили высшее образование.

Мать была основой, стержнем большой семьи. Всю жизнь, насколько помнил Дима, она была озабочена тем, чем накормить и во что одеть большую семью. Дети никогда не думали о том, во что и как они будут одеты, об этом заранее уже подумала за них мать. Она почти всегда была домохозяйкой, за исключением коротких периодов, когда работала дояркой в Васильевском или помогала отцу на пасеке в летнее время. Когда ее трое детей учились в школе на Центральной усадьбе, она постоянно привозила или приносила для них продукты и необходимые вещи.

Мать все свободное от хозяйственных забот время что-нибудь шила или перешивала. В семье, с ростом ее благополучия, появилась ножная «зингеровская» швейная машинка, и всю одежду для детей мать шила и перешивала сама. В ношении верхней одежды существовала очередность, от старших она переходила к младшим. Пальто, купленное для Марии, которое она проносила год-два, затем перешивалось и отдавалось Павлу, который его носил год, после чего оно доставалось Диме, который донашивал его еще один-два года.

Дети, где бы они ни были, всегда ощущали заботу, теплоту и доброту матери. Хочется сказать словами поэтессы Л.И.Скориковой:

И в дни тревог и бед, о, мать моя, и ныне
Твой светлый кроткий лик сияет предо мной.
И служит и теперь мне в жизненной пустыне
Он путеводною звездой.

Важной помощницей матери по поддержанию домашнего хозяйства, несмотря на преклонные года, была бабушка. Мать и бабушка обеспечивали большую семью питанием, одевали и обували. Бабушка была изумительным человеком, до мозга костей преданным интересам родной семьи. Она была искренне верующей, всю жизнь возила с собой маленькую иконку с изображением въезда Иисуса Христа в Иерусалим, на которую, поставив ее в уголок на кухне, молилась по утрам. Она верила, что Бог управляет всей жизнью людей, что все происходившие с людьми события происходят по воле Божьей. «Жизнь наша грешная, – говорила она. – Грешат по попущению Господа, для наказания и вразумления осуетившихся людей».

Где бы семья ни жила, бабушка всегда неизменно щедро снабжала ее дарами природы. Этому способствовало и то, что на Первом отделении дом находился на опушке, почти в лесу. Она хорошо изучила окрестную местность, знала грибные и ягодные места, время появления грибов и

ягод. Летом нередко перед обедом бабушка уходила в лес и через полчаса приносила корзиночку свежих ягод.

В летние каникулы, когда школьники приезжали к родителям, бабушка вместе с внуками совершала походы за грибами или ягодами. Так как ягод было очень много, их каждый раз приносили ведрами, их излишек, оставшийся после употребления свежими в пищу, сушился и солился в качестве запаса на зиму. Во время этих походов, которые дети очень любили, на привалах для отдыха бабушка пела старые народные песни «Во поле березонька стояла», «Утушка луговая», «Посею лебеду на берегу» и другие, вечером рассказывала внукам сказки.

Бабушка была семейным врачом, применяя народные средства, лечила членов семьи от всех болезней. Она хорошо знала травы, летом собирала лекарственные растения и сушила их, используя зимой в качестве лечебных средств. Дети к врачам никогда не обращались, от всех болезней их лечила бабушка. Члены семьи очень редко прибегали к врачебной помощи, в этом не было необходимости. Ближайшая больница находилась в шести километрах, в деревне Большая Ока, дети в ней никогда не бывали.

Жизнь постепенно налаживалась, в семействе появилось пополнение. У Димы появились младшие братишка и сестренка. В 1935 г. родился Гриша, в 1938 г. – Анна. В семье вместе с взрослыми стало девять человек. Алексей стал работать контролером в сберкассе на Центральной усадьбе, позже перешел работать в райфо в районном центре, селе Больше-Устьикинском.

МУКИ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

*Если снова начать,
Я бы выбрал опять
Бесконечные хлопоты эти.*

А.Левиков.

После отъезда на учебу на Центральную усадьбу Марии и Павла, ухода отца на работу, в доме оставались только мать, бабушка и семилетний Дима. Оставшись один, без дружественной поддержки старшего брата и старшей сестры, предоставленный сам себе, Дима искал для себя какое-нибудь занятие и приохотился к рисованию. Но, увы! У него не было ни подходящей бумаги, ни красок или цветных карандашей. Он рисовал на чем придется и чем придется. Однажды на небольшом листочке серой бумаги он нарисовал бабушку, которая сидела на лавке и ремонтировала свои лапти, а затем приколот рисунок на стену.

Рисунок вызвал переполох в доме. Соседка, пришедшая к матери по каким-то делам, увидела висящий на стене рисунок и подняла крик:

– Вот чертенок! Озорник! Проказник! Нарисовал бабушку с лаптем в руках!

На своем карандашном рисунке Диме действительно удалось схватить позу бабушки и характерные черты ее лица. Мать подтвердила схожесть рисунка с оригиналом. Отец, вечером пришедший с работы,

одобрил работу сына и похвалил юного художника. На другой день он выпросил в конторе большой лист бумаги и предложил Диме перенести свой рисунок на этот лист. Дима горячо взялся за дело, но когда увеличил рисунок в несколько раз, схожесть с оригиналом исчезла.

Но сколько он ни пытался что-то исправить, дополнить, дорисовать – ничто не помогало. Пришедшему вечером с работы отцу Дима с огорчением признался в своей неудаче. Отец успокоил его, что неудачи бывают у всех во всяком деле, надо еще подучиться, и он научится рисовать и людей. Но неудача в рисовании портрета бабушки охладила Диму к изобразительному творчеству.

Глубоким и постоянным увлечением Димы стало чтение. В доме впервые появилась художественная литература. Алексей по системе «Книга – почтой» выписал несколько книг, среди которых были стихи и поэмы Н.А. Некрасова, драмы и трагедии Вильяма Шекспира. Молодая девушка-ветеринар, работавшая на молочно-товарной ферме и часто забегавшая в расположенный рядом с фермой дом пчеловодов, принесла хорошо изданную и богато иллюстрированную книгу «Поход «Челюскина». Дима буквально с упоением вгрызся в попавшие в его руки книги, вслух читал стихи Некрасова, переживал за трагических героев Средневековой Англии.

Дима от корки до корки прочитал толстую книгу о походе парохода «Челюскин», его гибели, жизни челюскинцев на льдине, спасении их героями-летчиками. Он хорошо и надолго запомнил подробности этого похода, имена руководителя похода О.Ю. Шмидта, капитана Воронина, радиста Кренкеля, летчиков-спасателей челюскинцев. Однако с этой книгой произошел неприятный казус. Однажды, когда Дима читал, а мать или бабушка его куда-то зачем-то послали, он, уходя, оставил книгу раскрытой. На столе находился незакрытый пузырек с фиолетовыми чернилами. Один из его четвероногих друзей – котенок, забравшись на стол, опрокинул пузырек с чернилами, прошел по чернильной луже, а затем прошел по диагонали по раскрытой книге, оставив на ее страницах свои чернильные следы.

Вернувшийся домой Дима был в отчаянии: попорчена дорогая великолепная книга, сотворена неприятность девушке, принесшей ему книгу. Мать была огорчена не менее Димы, но не знала, кого ругать – Диму или котенка. Положение было безнадежным. Однако вскоре пришедшая к ним девушка, владелица книги (оказалось, что книга была из библиотеки), не только не огорчилась, увидев в книге чернильные следы лап котенка, а, наоборот, рассмеялась и сказала, что книга стала еще ценнее, так как в ней появились следы белого медведя. В библиотеке она убедит библиотекарей в безвредности и полезности появившегося в ней «художественного добавления».

Дима завел дружбу в конторе с бухгалтером-инвалидом, ходившим с костылями. Он стал оказывать ему помощь – разносил почту, газеты, извещения, собирал у жителей поселка необходимые для бухгалтерии сведения, чему тот был очень рад и в качестве поощрения снабжал его прозрачной бумагой, на которую Дима стал переводить по частям висевшую на стене в конторе географическую карту. Он накладывал на

карту лист бумаги, карандашом обводил географические пункты, подписывал названия, а затем уносил эти листочки домой и склеивал их в большой лист. Дома у него появилась своя карта, которую он мог в любое время рассматривать и изучать.

Разнося газеты, Дима прочитывал заголовки статей, рассматривал помещенные в газетах фотографии, знал имена и фамилии руководителей партии и правительства, происходившие в стране события. Заезжавший часто на пасеку начальник политотдела Супонин любил поговорить с семилетним Димой, спрашивал у него о событиях в стране, о должностях руководителей партии и правительства, которые тот безошибочно называл.

Среди газет, разносимых Димой, была «Пионерская правда», которую выписывал кто-то из жителей поселка. В ней часто печатались стихи, под некоторыми фамилиями и именами авторов указывался их возраст: 8–10 лет. Дима тоже решил заняться поэтическим творчеством. Он рьяно взялся за дело и в течение нескольких дней, почти не отрываясь, сочинял стихи. Результатом его творения стали полдюжины стихотворений, посвященных описаниям окружающей природы, леса, речки Сухояза, склонившихся над ней ив и т.п. Дело сделано, письмо со стихами ушло в Москву, в редакцию «Пионерской правды».

Дима стал ждать публикации своих стихов в газете. Время шло, в газете они не появлялись. Неожиданно на имя Димы из Москвы по почте пришел толстый пакет, в котором оказались его стихи с редакторскими пометками и большая, на 12 страницах, напечатанная на пишущей машинке, рецензия редактора. По-видимому, что-то в Димином стихоплетстве заинтересовало редколлегию газеты, или она вообще откликнулась на все письма детей, если они решили ответить такой основательной рецензией.

Посетовав, что Дима не указал, сколько ему лет и в каком классе он учится (Дима в школе еще не учился), рецензент отметил, что в стихах чувствуется любовь автора к природе, понимание красоты родных мест, встречаются меткие наблюдения природных явлений и т.п.

Но он слабо знает технику стихосложения, не всегда правильно подбирает рифмы, не учитывает ударения и количество слогов в строке. Начав стихотворение ямбом, переходит на хорей, вклинивает в стихотворение анапест (Дима слыхом не слыхал о стихотворных размерах!). Стихи переполнены местными нелитературными терминами.

Рецензент советовал Диме тщательно изучать технику стихосложения, учиться писать стихи у А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова и других знаменитых поэтов (никого из них, в том числе и А.С.Пушкина, Дима еще не читал), называл несколько книг, посвященных основам стихосложения, которые рекомендовал Диме изучить.

Конечно, посылать дошкольнику свои стихи в столичную газету из такой глубинки, где ни у родителей, ни у кого из знакомых вообще не было никаких книг, где найти рекомендованные редактором книги, посвященные основам стихосложения, было совершенно невысказано, писать стихи, не имея никакого представления о технике стихосложения – было полным безрассудством. Дима понял, что для сочинения стихов

нужна образовательная подготовка, требуется большой труд, и стихов больше не писал.

В ШКОЛУ – МИНУЯ ПЕРВЫЙ КЛАСС

*С детских лет стать взрослыми спешили мы.
Торопили школьные года.*

Н.Доризо.

Творческие искания Димы не остались незамеченными окружающими и его родителями. Они понимали, что ему нужно более широкое культурное поле. Была весна, в школах заканчивался учебный год. Начальник политотдела Супонин, вечером подъехавший к пчеловодческому дому на легковой машине, неожиданно для Димы, предложил родителям отвезти его на Центральную усадьбу к учившимся там сестре и брату. Родители сразу поддержали это предложение. Мать быстро собрала мешочек с необходимыми для Димы и живущих в общежитии сестрой и братом вещами и какими-то продовольственными припасами, надела на Диму новую рубашку. Шофер начальника политотдела заверил мать, что он знает дом, в котором находится общежитие школьников.

И вот Дима впервые в жизни сидит в легковой машине на заднем сидении, на переднем – шофер и Супонин. Взревел мотор, машина рванула вперед, позади остались стоявшие у крыльца отец, мать и бабушка. Промелькнули дома поселка, машина вырвалась на тракт, где шофер еще прибавил скорость. Тракт был пуст, машина шла на большой скорости, сбоку мелькали быстро остававшиеся позади кусты и деревья. Дима никогда не думал, что можно мчаться по дороге с такой скоростью. Стало темнеть, шофер включил фары. Выскочивший на освещенную дорогу заяц бросился бежать вперед перед машиной, шофер сбавил скорость и начал гудеть, пока заяц не метнулся в сторону и не исчез из света фар. Переправились через реку Ай на пароме. Поднявшись в гору, машина въехала на Центральную усадьбу и остановилась у одного из домов.

Выскочивший из машины шофер начал стучать в дверь, на крыльце появилась Мария, которая взяла Диму за руку и повела его к себе в общежитие. Дима был изумлен быстротой перемены в его жизни. Менее часа назад он был еще на Первом отделении, а сейчас очутился на Центральной усадьбе. Как оказалось впоследствии, Супонин буквально дал ему путевку в жизнь.

В комнате, в которой жила Мария, стояли несколько кроватей, тумбочки, стол и стулья, жили, кроме Марии, еще несколько девочек. Все девочки спали. Одна из кроватей оказалась свободной, на нее Мария уложила спать приехавшего Диму. Утром девочки стали собираться в школу. Все они очень доброжелательно встретили приехавшего к Марии младшего братишку. Дима прожил вместе с ними целую неделю.

Быстро позавтракав привезенной провизией, Мария повела Диму в школу. Она привела его в первый класс, где учительница охотно согласилась разрешить ему послушать занятия и посадила за парту рядом с девочкой, возле которой оказалось свободное место. Сама Мария побе-

жала в свой третий класс, так как прозвенел звонок на уроки.

На первом уроке учительница вызывала учеников выходить из-за парты к доске перед классом и читать вслух по книге «Родная речь». Одни мальчики и девочки читали хорошо, другие – похуже, несколько – читали по слогам. Учительница пригласила почитать Диму. Она дала ему книгу и показала, что надо читать. Буквы в книге были большими по своему росту, рассказ был небольшой. Дима прочитал его быстро, залпом. Учительница осталась довольна его чтением, но сделала замечание, что надо читать не торопясь, соблюдать знаки препинания, делать на запятых – маленькие остановки, на точках – паузы, читать не монотонно, а выразительно.

Вторым уроком было письмо, писали диктант. У Димы не было тетрадей и не было письменных принадлежностей. Учительница послала его к директору школы, чтобы он попросил у него для себя тетрадь. Дима вышел в пустой коридор, но не знал, как найти директора. Он начал открывать подряд одну за другой двери и заглядывать, что в этих комнатах. Шли занятия, везде ученики сидели за партами, перед ними у стола сидели или стояли учителя. За одной из открытых дверей Дима увидел Марию и Павла, которые сидели за одной партой. На дверях комнаты Дима прочитал табличку: «Третий класс».

Он понял, что таблички означали названия классов и не стал открывать двери подряд, а стал читать, какой класс там занимается. Так он прошел весь коридор и дошел до двери, на которой висела табличка: «Директор школы». В комнате за столом сидел мужчина и что-то писал. Дима без предисловий сказал, что его послала учительница за тетрадью. Директор без слов взял из шкафа две тетради и дал их Диме. Счастливый и сияющий Дима возвратился в класс, сел за свою парту и стал вместе со всеми писать диктант.

Третьим был урок арифметики. Было задано решить примеры на сложение и вычитание. Все вгрызлись в решение задания, в классе наступила тишина. Ученики решали примеры в строчку, в уме или на пальцах или палочках производили вычисления и затем записывали в тетрадку полученный результат. Дима взял черновую бумажку, выписал на нее цифры столбиком, как учил его отец, и легко и быстро решил их, записав в тетрадь результаты. Он первым в классе выполнил работу и показал тетрадь учительнице. Она проверила его решение, сказала, что все решено правильно и похвалила Диму.

Похвала учительницы вызвала недовольство девочки, сидевшей за партой позади Димы. Она подняла руку и пожаловалась:

– Новый мальчик решает примеры неправильно, он сложение и вычитание делает на отдельной бумажке, а потом записывает результат. Это нечестно.

Димина соседка по парте вступилась за Диму. Она повернулась к девочке на задней парте и громко, на весь класс, сказала:

– Ябеда, тебе только бы жаловаться на кого-нибудь.

Дима был в душе благодарен соседке за то, что она встала на его сторону в классе, где он никого не знал. В незнакомом коллективе он чувствовал себя неуверенно.

Учительница не поддержала кляузницу. Она сказала, что Дима решил все примеры верно, но он решал другим способом, который они еще не изучали. Решать так можно, он сделал все правильно. Кляузница была осаждена и, недовольная, сидела надув губки.

Последним уроком было рисование. Было предложено рисовать на свободную тему. Дима решил нарисовать речку Сухояз и деревья, склонившиеся над ней. Он сделал в тетради набросок карандашом и не знал, что делать дальше. Его соседка достала из портфеля коробку хорошо заточенных цветных карандашей и стала рисовать цветы. Дима с завистью смотрел на ее цветные карандаши и, не утерпев, попросил у нее разрешение взять у нее зеленый карандаш. Она не только позволила взять один карандаш, а предложила брать любые карандаши и рисовать ими сколько угодно.

Обрадованный Дима дал волю своему творчеству. Его рисунок наполнился красками и засиял: заблестел синей водой ручей, над ним склонились плакучие ивы, полянка покрылась светло-зеленой травой с островками разноцветных цветков. Знакомые места, которые он рисовал много раз. Но никогда еще его рисунок этих мест не был таким красивым. Девочка-соседка была восхищена рисунком и попросила нарисовать его и в ее тетрадь. Дима в благодарность за предоставленные ему цветные карандаши тщательно перерисовал свой рисунок в ее тетрадь. Девочка с парты, стоявшей справа, попросила Диму и ей нарисовать в ее тетрадь этот пейзаж. С разрешения соседки по парте Дима, не придумывая ничего нового, но менее тщательно, нарисовал свой рисунок и в ее тетрадь. После этого девочки одна за другой стали просить его нарисовать и в их тетрадях. Дима быстро, но все менее и менее тщательно, стал тиражировать свое художественное произведение. Возле их парты скопилось очередь к «художнику». Учительница, давшая классу «волю» на уроке рисования, подошла к парте, за которой сидел Дима, и похвалила его рисунки. Девочки всего класса были покорены Димиными художественными способностями и стали его горячими сторонниками. Лед недоверия и отчужденности к новичку был расколот.

Дима, не ставя перед собой никаких задач, за один день пребывания в школе добился очень многого: продемонстрировал свои знания, незаметно, как-то само собой, вошел в качестве равноправного члена в состав нового детского коллектива, завоевал симпатии значительной части учеников класса, получил поддержку со стороны девочки – соседки по парте.

Учительница предупредила, что завтра будет проводиться проверка на выразительное чтение, назвала рассказ из книги «Родная речь», который они будут читать. Поскольку у Димы не было учебников, она велела девочке, Диминой соседке по парте, после того, как она сама выучит уроки, на время дать ему свою книгу, чтобы и он подготовился к чтению.

Теперь Дима обратил больше внимания на соседку по парте. Это была красивая девочка, на ней были одеты новенькая шерстяная красная кофточка, короткая юбочка, на голове красовался роскошный бант. Она походила на фею из сказки. Красивая одежда, новый портфель, коробка с новыми цветными карандашами, по мнению Димы, свидетель-

ствовали, что ее родителями были богатые люди, кто-нибудь из руководителей или инженеров совхоза.

Девочка жила в доме инженерно-технических работников и служащих, расположенном недалеко от общежития школьников. В назначенный час Дима отправился к ней за книгой. Дома оказались отец и мать девочки. Отец доброжелательно встретил Диму:

– Это новый мальчик из вашего класса? Пришла из школы, у нее только и рассказов о новом мальчике в классе, которого посадили на парту рядом с ней: скромный, не задавака, быстро читает, раньше всех решил задачи, хорошо рисует, нарисовал рисунок в ее тетрадь.

Оказалось, что ее отец был рабочим, работал в мастерской, он знал Диминого отца и отозвался о нем очень хорошо. Он доволен, что в классе появился новый хороший ученик. Девочка дома была в зеленой, поношенной кофточке, сказала, что новую красную кофточку она надевает только тогда, когда идет в школу.

Диме стало веселее: родители девочки оказались простыми, добрыми людьми. Соседка по парте оказалась не сказочной феей, а простой девочкой из рабочей семьи. Когда Дима стал учиться в школе, девочки-феи в классе уже не было – она с родителями уехала куда-то на новое место жительства.

После занятий все ребята из общежития отправились на реку Ай смотреть ледоход. С высокого левого берега реки было хорошо видно, как плыли большие льдины, сталкивались друг с другом, громоздились друг на друге, а затем с треском рассыпались и плыли дальше. Стоял теплый солнечный день, с реки раздавались треск и грохот, наблюдение за ледоходом представляло захватывающее зрелище. Смотреть ледоход Диму взял с собой Павел, который оставил его со старшеклассниками, а сам с группой ребят пошел посмотреть ледоход с другого места.

Один из учеников старших классов, видевший как внимательно Дима наблюдает за ледоходом, спросил его, знает ли он, куда впадает река Ай? Дима без раздумья ответил:

– Ай впадает в реку Уфу.

Быстрый и уверенный ответ Димы вызвал новый вопрос:

– А куда впадает река Уфа?

– Уфа впадает в реку Белую.

– А куда впадает Белая?

– Белая впадает в Каму, а Кама – в Волгу.

– А Волга?

– Волга впадает в Каспийское море.

Старшеклассник удивился:

– Где ты это выучил, кто тебя научил? А другие реки ты знаешь? Например, где река Дон, куда она впадает?

– Дон впадает в Азовское море.

– А Днепр?

– Днепр впадает в Черное море.

– Откуда ты это знаешь? Вот я назову тебе большую реку, которую ты наверняка не знаешь: река Нева. Где она, куда впадает?

– Нева вытекает из Ладожского озера и впадает в Финский залив. И никакая она не большая река, а очень короткая.

Вокруг них образовался кружок зрителей, заинтересовавшихся диалогом между старшекласником-верзилой и маленьким дошкольником. Один из старшекласников воскликнул:

– Вундеркинд!

Дима впервые услышал это слово и не знал его значение, но понял, что оно в его пользу и против его оппонента. Но парень-старшекласник, его противник в словесном поединке, не хотел сдаваться. Он задал решающий, зловеющий вопрос:

– На какой реке стоит город Тамбов?

Вопрос не смутил, не сбил с панталыку Диму. Он уверенно заявил:

– В Тамбове большой реки нет.

– Неправда, – торжествуя заявил его оппонент. – Я был в Тамбове в гостях у бабушки, там течет река Цна.

Но Дима не сдавался:

– Если там есть река, то небольшая, меньше нашего Ая. Ай на карте есть, а Цны на карте нет.

В это время к спорившим подошла группа учеников, среди которых был Павел. К нему сразу обратились несколько ребят, присутствовавших при дискуссии о реках, и стали спрашивать его, откуда его брат-мальш знает так много рек. Павел простодушно отвечал:

– Ничего удивительного. Он у нас постоянно рисует карты.

Ореол вокруг чудо-мальчика был развеян, всему нашлось простое и ясное разъяснение. Все стали уходить от реки домой. Один из старшекласников, серьезный, молчавший до сих пор парень, сказал Диминому оппоненту:

– Вот ты учишься в шестом классе, а знаешь ли ты сам эти реки? Ты географические карты рисуешь?

– Нет, не знаю. Зачем мне это знать? Для чего я буду рисовать карты?

– Вот то-то. А он рисует, ведь он в школе еще не учится, – сказал он в раздумье. – В жизни не все так просто.

Учебный год заканчивался, школьники отпускались на летние каникулы. На последнем занятии учительница сказала, что все ученики переводятся во второй класс. По решению директора школы и педсовета Дима, как успешно освоивший программу первого класса, тоже переводится во второй класс и в следующем учебном году будет учиться вместе с ними.

Так Дима, неожиданно для себя и родителей, не учась в школе, сразу оказался учеником второго класса. Когда он стал учиться в школе, то выяснилось, что в классе все ученики были старше его на один или на два-три года.

Позже Дима не раз в душе благодарил директора и учителей школы, которые, не придерживаясь формальностей, самостоятельно и самоchinно решили сразу посадить его во второй класс и сэкономили ему год времени. Он сразу, на год (!) опередил своих ровесников. Это особенно проявилось, когда в 1944 г., после окончания педучилища, 17-летний Дима был призван в Советскую армию. Оказалось, что в учебном полку,

в котором было пять тысяч человек, из его призыва законченное среднее образование имели только три курсанта, в их числе был Дима.

БЕЗЗАБОТНЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

*Промчались зимы с веснами,
Давно мы стали взрослыми,
Но помним наши школьные деньки.*

М. Матусовский.

Дима начал учиться в школе. До пятого класса вместе с ним, на два класса старше, учились Мария и Павел. Все они жили в одном общежитии, Павел и Дима – в комнате с мальчиками, Мария – в комнате с девочками. Диме было легче жить вдали от родителей со старшими сестрой и братом, которые взяли на себя заботу о младшем брате, помогали ему решать бытовые проблемы. Дима был в классе самым младшим по возрасту и самым маленьким по росту. На уроках физкультуры, когда детей строили по ранжиру, он всегда оказывался последним на крайнем фланге.

Товарищи по классу его не обижали. Он учился хорошо, давал всем списывать домашние задания, при написании контрольных работ подсказывал товарищам, что тоже помогало ему поддерживать дружественные отношения. Все живущие в общежитии школьники жили между собой дружно, заступались друг за друга. Местные ребята стремились не задираться с «общежитскими», так как знали, что получают от них дружный отпор. Учеба ему давалась легко. Он на уроках запоминал то, что рассказывали учителя, после уроков выполнял только письменные домашние задания. За устные ответы и письменные работы он всегда получал положительные оценки, но относился к оценкам равнодушно.

В третьем классе их учительница Шамигулова, оставив Диму после уроков, сказала, что он хорошо знает географию и спросила, не сможет ли он сказать, в какой стране находится город Копенгаген. Ей поручили сделать доклад о Международном женском дне 8 Марта, но на карте, которую она посмотрела, непонятно где Копенгаген находится – на острове или полуострове, и неизвестно – в какой стране. На карте все написано мелкими буквами и неясно, какое название к чему относится. Для Димы это был не вопрос. Он уверенно сказал: «Копенгаген – столица Дании, находится на острове Зеландия в Балтийском море». Учительница поспешно записала это в свою тетрадь.

Школьные уроки мало интересовали Диму. На Центральной усадьбе он получил доступ к книгам, которые стал с упоением, жадно читать одну за другой. Во-первых, это была школьная библиотека, обладавшая значительным запасом художественной литературы для детей школьного возраста. Во-вторых, у учащихся была возможность пользоваться библиотекой для взрослых, имевшейся при совхозном клубе. При записи в читатели этой библиотеки с Димой произошел курьезный случай.

Записаться в читатели библиотеки школьник младших классов мог только по ходатайству взрослых. В качестве такого взрослого поручителя, гаранта выступила Мария. Диму записали в библиотеку, завели

на него карточку читателя, и библиотекарша, посмотрев на маленького ростом Диму, принесла ему тоненькую книжечку «Ребята и зверята», в которой на каждой странице были рисунки зверей, а под рисунками стояли две-три строки текста.

Мария сказала библиотекарше:

– Что тут читать? Он читает уже большие, толстые книги. Библиотекарша начала расспрашивать Диму:

– Мальчик, какие книги ты прочитал?

Дима начал перечислять прочитанные им книги:

– «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо (ее Дима прочитал первой, добравшись до настоящей библиотеки), «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и другие.

Озадаченная библиотекарша взяла с полки первую попавшуюся ей книгу, не пользовавшуюся спросом у читателей, и отдала ее Диме. Это была книга Виктора Гюго «Девяносто третий год», посвященная временам Великой Французской революции конца XVIII века. Книга оказалась не для детского возраста. Несмотря на захватывающее начало, она была скучной, очень растянутой и сложной, не всякий взрослый прочтет ее всю, но Дима набрался терпения, прочитал ее до конца и был вознагражден за свой труд. Конец книги потрясающий. Дима был поражен решением комиссара Симурдена, во имя справедливости отправившего на гильотину своего воспитанника и друга Годена, посланного на подавление Вандеи, но проявившего милость к заклятому врагу.

Большой удачей для Димы стал доступ в библиотеку Фильберта. Фильберт был главным агроном совхоза, слыл крупным специалистом. По крайней мере, отец, природный хлебороб, всегда одобрительно отзывался о его грамотных указаниях по обработке полей, борьбе с сорняками и т.п. У Фильберта была домашняя библиотека, которой пользовались не только его семья, но и многие жители Центральной усадьбы. У него было две дочери, которые учились в школе, причем старшая училась в одном классе с Марией. Сестра попросила у нее разрешить пользоваться их библиотекой Диме.

В квартире Фильберта библиотека занимала целую комнату. Вдоль всех четырех стен стояли высокие, от пола до потолка, стеклянные шкафы, заполненные книгами. В них, блистая позолоченными обложками, стояли собрания сочинений Жюль Верна, Майн Рида, Вальтера Скотта, Чарльза Диккенса, Уильяма Теккерея, Виктора Гюго, Александра Дюма, Оноре Бальзака, Фенимора Купера, Иоганна Гете, Редьярда Киплинга, А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.М.Горького и других классиков мировой и русской литературы. Разве можно перечислить авторов сочинений, которые там были! Дима был поражен этим литературным богатством. Он никогда не думал, что кто-то может обладать такими личными библиотеками.

Большая часть книг была дореволюционных изданий, напечатана по правилам устаревшей орфографии, с твердыми знаками и ятями. Но это для Димы не было препятствием для чтения, он легко читал и такие книги. Более того, позднее он был благодарен, что прочитал некоторые книги в дореволюционных изданиях. Например, на него произвела

большое впечатление книга Бичер Стоу «Хижина дяди Тома», которую он читал с горячим сочувствием и состраданием к американским неграм-рабам. Но когда он прочитал эту книгу еще раз, уже в новом, советском издании, из которого были вычищены молитвы и религиозные рассуждения дяди Тома, она не произвела на него большого впечатления.

Дима стал постоянным и одним из самых аккуратных читателей библиотеки Фильберта, «проглатывал» одну книгу за другой.

Когда Дима был уже директором школы, одна из учительниц, филолог, преподаватель русского языка и литературы, когда заходила речь на литературные темы, а Дима всегда принимал в этих разговорах активное участие, удивлялась: «Вы не читаете художественной литературы, откуда знаете творчество этого писателя?» Дима неизменно отвечал: «Произведения этого писателя я прочитал, будучи еще учеником второго класса». Это была, конечно, шутка. Но правдой было то, что множество произведений мировой и российской классики он прочитал, когда учился в семилетней школе.

Знание шедевров мировой и российской художественной литературы в дальнейшем помогало ему в учебе в институте и в аспирантуре, способствовало овладению историческими знаниями. Это хороший урок для молодежи, свидетельствующий, что даже живя «в глубинке», в сотне километров от железных дорог, далеко от культурных центров, при отсутствии современных средств связи и Интернета, можно было, с большой пользой для себя, приобщиться к сокровищам мировой культуры.

После уроков Дима и его сверстники шли в колхозный клуб и играли в бильярд (до тех пор, пока, после окончания работы, в клуб не приходили взрослые) и в шахматы. Вскоре он пристрастился к шахматам. Старший брат Алексей подарил ему книгу бывшего чемпиона мира по шахматам Эммануила Ласкера «Учебник шахматной игры». Чтение книги, изучение по ней дебютов и эндшпилей, разбор партий великих шахматистов настолько вооружили Диму, что вскоре он стал легко обыгрывать не только всех своих сверстников, но и учеников старших классов, и взрослых, любителей шахмат, которые садились играть с ним.

Однажды ему довелось сыграть в шахматы с директором школы Александром Александровичем, который, по слухам, был перворазрядником. Дима очень волновался и в начале партии «зевнул» слона, но затем собрался, выиграл несколько пешек и оказал своему противнику упорное сопротивление. Игра происходила в выходной день на открытом воздухе, на лужайке перед клубом. Вокруг игравших собралась толпа зевак, детей и взрослых, наблюдавших за ожесточенным поединком.

Несмотря на превосходство в силах на шахматной доске, Александр Александрович долго не мог одолеть своего малолетнего соперника. Партия затягивалась. На доске осталось очень мало фигур, игроки стали безрезультатно повторять ходы. Фактически была ничья. Раздались колкие замечания зрителей в адрес Диминого противника. Дима, к явному облегчению директора школы, объявил, что он сдается. Больше с Димой в шахматы он никогда не играл.

Интересный эпизод, связанный с шахматами, произошел, когда в совхоз приезжал секретарь Президиума Верховного Совета БАССР Вальшин. До избрания в Верховный Совет республики молодой агроном работал в совхозе, и здесь его все, в том числе и Дима, хорошо знали. Посещая совхоз уже в роли высокого гостя, он со свитой сопровождавших осматривал клуб и зашел в шахматную комнату, где за одной из шахматных досок сидел Дима.

Вальшин предложил кому-нибудь из сопровождавших его лиц сыграть в шахматы. Но все, один за другим, почему-то играть отказались. Один из них предложил сыграть с мальчиком, сидевшим за шахматным столиком. С каким расчетом это было сказано, неизвестно, но предложивший, безусловно, знал, что этот мальчик в шахматы играет хорошо. Высокий гость долго рассматривал Диму, но, вероятно, чувствуя какой-то подвох, играть с ним в шахматы отказался.

Не имея равных соперников, Дима потерял интерес к шахматам. Перейдя в выпускной седьмой класс, готовясь к поступлению в педучилище, где уже учились Мария и Павел, он совсем перестал играть в шахматы. Не играл и в дальнейшем, считая, что шахматная игра отнимает много времени и умственных сил, которые надо использовать для более полезных, на его взгляд, целей. Иногда кто-нибудь из его коллег по работе надоедливо приставал с предложением сыграть в шахматы, обещая никогда не игравшему с ними Диме фору – ладью или даже ферзя. В таких случаях Дима соглашался играть только на равных и с условием, что они будут играть только одну партию, а затем, к изумлению настойчивого любителя шахматной игры, обыгрывал его.

Ученик 7-го класса (1940 г.)

После окончания семилетней школы Дима шесть лет не был на Центральной усадьбе и когда, после демобилизации из армии, приехал туда, а сопровождавший его старший брат представлял его знакомым, те обычно говорили: «Это тот, который всех обыгрывал в шахматы?» Дима уже забыл об этом и считал, что могли бы запомнить его и чем-нибудь другим.

В летние каникулы, после приезда домой с Центральной усадьбы, дети-школьники одну неделю отдыхали, а затем шли работать на совхозные полевые работы – на прополку и сенокос. Их невеликий летний заработок был добавкой к семейному бюджету, на эти деньги покупались необходимые школьные принадлежности. В конце авгу-

Дима Гаврилов (третий справа во втором ряду) в пионерском лагере (1938 г.)

ста, перед отъездом на учебу на Центральную усадьбу, школьники снова неделю отдыхали.

На прополке женщина-бригадир, прикрепленная к школьникам, выстраивала их в шеренгу, назначала каждому по несколько рядков посева, и они должны были идти по полю вперед, вырывая руками, одетыми в рукавицы, осот и другие сорняки. Нужно было взять в руку сорняк и потянуть его так, чтобы он выдернулся с корнем. Скоро все они стали опытными специалистами по прополке. На сенокосе сгребали сено ручными граблями; на лошадях подвозили к скирдам волокуши с сеном; сгребали сено в валки, сидя на конных граблях, прицепленных к трактору. На работу школьники выезжали вместе со взрослыми рано утром, возвращались домой вместе с ними поздним вечером. Но такой труд для крестьянских детей был привычным.

После окончания третьего класса Дима и сестра Мария, окончившая пятый класс, отдыхали в совхозном пионерском лагере. Лагерь был организован в здании школы, под спальни пионеров приспособили классные комнаты, из которых были убраны столы и парты и поставлены кровати. Питались они в совхозной столовой, в которой для этого были отведены особые часы. Питание было хорошим, вкусным и сытным, кроме завтрака, обеда и ужина был полдник, в меню были каши, салаты, мясные блюда – котлеты, гуляш или азу, чай и компот. Дома так хорошо они не питались.

В свободное время можно было сколько угодно читать книги из школьной библиотеки. За время пребывания в пионерлагере Дима прочитал книгу Жюль Верна «80 тысяч километров под водой», чем значительно пополнил свои знания по географии.

Каждый день строем, в красных галстуках, с горнистом и барабанщиком впереди, под бой барабана они ходили купаться на реку Ай. Возжатыми в пионерлагере были две девушки-комсомолки, не имевшие педагогического образования. Одна из них была начальником пионерского лагеря и распоряжалась всем, другая только носила с собой большую санитарную сумку-аптечку с красным крестом, которой никогда не пользовалась. Какой-либо воспитательной или пропагандистской работы в пионерском отряде не велось.

Одна девочка, недавно побывавшая где-то в городе, научила всех пионеров известным в то время песням, но с искаженными текстами. Их стал постоянно распевать пионерский отряд. Для Центральной усадьбы – небывалое событие: пионерский отряд идет по поселку, отправляясь на Ай или возвращаясь обратно, и поет:

По военной дороге шел солдат кривоногий
И нашел восемнадцать рублей.
Он зашел в ресторанчик,
Чекалдыкнул стаканчик,
Чтобы было идти веселей.

Эта песня, восхвалявшая пьянство, никого не смущала. Другая «пионерская» песня были еще круче. Маршировавшие по поселку 10–14-летние пионеры пели:

Широка кровать моя родная,
Много в ней подушек, простыней.
Приходи ко мне вечер, милая,
Будем делать маленьких детей.

Проходившие мимо прохожие слушали «пионерские» песни, ахали и удивлялись. Пионервожатые, их «воспитательницы», на «не совсем пионерское» содержание песен не обращали внимания.

Разудалое «вольное» пение было пресечено совершенно неожиданным образом. Персоналу столовой, в которой питались пионеры, не понравилась одна из их песен, которая начиналась такими словами:

Легко на сердце от каши перловой,
Она скучать не дает никогда.
И любит кашу директор столовой,
И любят кашу обжоры-повара.

Повара столовой взбунтовались и отказались готовить пищу для пионеров, плохо отзывавшихся об их труде и обзывавших их обжорами. Заведующий столовой организовал собрание пионеров и сказал, что перловой кашей их кормят редко, ее давали им только два раза, повара и сам директор столовой не обжоры, у них толстяков нет, все едят как нормальные люди. Повара и официантки очень обижены на них, они

простые хорошие труженицы и обижать их нехорошо. Пионеры признали, что они пели глупые песни, обещали, что так делать больше не будут. Мир с работниками столовой был восстановлен. Больше такие песни они не пели.

В пионерском лагере Мария и Дима за ничтожную плату хорошо отдохнули, подкормились, окрепли. Позднее Дима, после окончания пятого класса, но уже один, во второй раз за время учебы в школе летом побывал в этом же пионерлагере.

Утверждения либеральных демократов, что в советское время пионерские лагеря создавались «для коммунистического воспитания детей», являются большим преувеличением. Прежде всего, это были лагеря для летнего отдыха детей. Эту функцию они выполняли неплохо.

УРАГАН «БОЛЬШОЙ ЧИСТКИ»

А.Гитлер, объясняя своим генералам причину неудач в войне против СССР, жаловался, что Сталин своими массовыми чистками уничтожил его «пятую колонну».

Д.Е.Мельников, Л.Г.Чёрная.

Преступник № 1: Нацистский режим и его фюрер.
М., 1990. С. 13.

...Последовала беспощадная, но, возможно, небесполезная чистка военного и политического аппарата...

У.Черчилль. Вторая мировая война.
Т. 1. М., 1997. С. 135–136.

После нападения Германии пособников Гитлера в СССР не оказалось... Их расстреляли. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чистки.

Д.У.Дэвис, Посол США в СССР в 1937–1938 гг.
Дневник. 7 июля 1941 г.

Я много лет изучал предвоенную ситуацию, включая репрессии в армии, и пришел к выводу...: если бы не было предвоенных репрессий в армии, мы войну проиграли бы. Причем вместо одного Власова мы имели бы десятки, да еще покрупнее его.

А.А.Зиновьев, писатель, философ, публицист, известный диссидент, антисоветчик, антисталинист.

Моя эпоха: О Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.

Тихую, размеренную жизнь затерянного вдали от городов и железных дорог зерносовхоза в 1937 г. нарушили волны общесоюзных политических потрясений. По стране прокатилась «Большая чистка» («Большой террор»).

В сентябре 1937 г. школьникам, приступившим к занятиям и только что получившим новенькие тетради, приказали оторвать у них обложки, на которых был нарисован князь Вещий Олег с конем и мечом. На его широком длинном мече можно было прочитать несколько букв. Го-

ворили, что врагами народа на рисунке зашифровано «Долой ВКП(б)». Сколько ни старались учащиеся найти этот лозунг на рисунке, никому это сделать не удалось. Тем не менее, обложки с тетрадей были содраны, изорваны и выброшены в мусор.

Искалечен был только что изданный интересный учебник по истории А.В.Шестакова, в котором были помещены портреты пяти маршалов Советского Союза в красивой военной форме. Школьники по указанию учителей усердно перечеркивали и замазывали чернилами портреты трех Маршалов – М.Н.Тухачевского, В.К.Блюхера и А.И.Егорова.

Репрессии 1930-х гг. затронули в основном государственный и военный аппарат, партийную и советскую элиту, творческую интеллигенцию. Но «Большой террор» («Большая чистка») захватил и такую «глубинку» – глухой, отдаленный от политических и интеллектуальных центров уголок, как совхоз, в котором жил Дима.

В зерносовхозе были арестованы Фильберт, Юденич и еще кто-то. Причину их ареста никто не знал. Арестованные исчезли навсегда, их дальнейшая судьба осталась неизвестной. Репрессии обрушились, в первую очередь, на административно-управленческий аппарат, но затронули и простых людей. В совхозе, кроме лиц из руководящего состава, было арестовано несколько рабочих из недавно поступивших на работу.

Мария, учившаяся в школе вместе с одной из дочерей Фильберта, сказала, что после ареста ее отца читатели, взявшие книги из их библиотеки, перестали их возвращать. У Димы тоже была на руках книга из библиотеки Фильберта. Он спешно дочитал ее до конца и понес на квартиру Фильберта. У девочек, дочерей Фильберта, ведавших библиотекой, как в настоящей библиотеке, была заведена картотека, в карточках читателей записывалось, когда и какая выдана книга, отмечалась дата ее сдачи обратно. Когда Дима пришел к Фильбертам, он сразу заметил печальное настроение в доме. Всегда веселые девочки были грустными, взяли у него принесенную книгу, но когда он попросил дать ему читать новую, между девочками начался спор. Старшая говорила:

– Не будем больше никому выдавать книги. Столько книг роздано, прошли все сроки сдачи, но взявшие их обратно не несут. Даже люди, которые считались хорошими друзьями, стали отворачиваться от нас, а когда напоминаешь кому-нибудь из них, что надо вернуть взятую книгу, обещают принести, но до сих пор никто ничего не принес. Надо сохранить остатки библиотеки. Младшая вступилась за Диму и пыталась переубедить старшую сестру:

– Но это ведь брат Маруси, ты же знаешь, какая у них честная и справедливая семья. Дима всегда в срок приносит взятые книги, можно и сейчас дать ему что-нибудь почитать.

Старшая сестра в сомнении грустно покачивала головой. Дима понял, что в семье Фильберта большое горе, и не надо еще больше огорчать девочек, увеличивать их заботы. Он сказал, что понимает их положение, ему не нужна новая книга, поблагодарил девочек за то, что они дали ему возможность так долго пользоваться их библиотекой.

Вскоре семья Фильберта уехала из совхоза, о дальнейшей судьбе самого Фильберта, его семьи, судьбе их библиотеки в совхозе никто ничего не знал. Из совхоза уехала и семья Юденича, их дальнейшая судьба также осталась неизвестной.

Распространились жуткие слухи о массовых арестах «врагов народа», троцкистов, вредителей, шпионов, пытках и расстрелах арестованных. Население было напугано разгулом террора, ожидали новых арестов. Страх распространился повсеместно. Газета «Правда» призывала «выкурить и разорить гнезда троцкистско-фашистских клопов». Создавалась атмосфера всеобщей подозрительности, сопровождавшаяся валом клеветнических доносов.

На одном из уроков двое вызванных к доске учеников не знали, что такое тайга. Учительница спросила, кто в классе знает, что это такое. Дима поднял руку и вышел перед классом, чтобы рассказать, что он знает о тайге.

– Тайга, – начал рассказывать Дима, – это таежный, дремучий, труднодоступный, темный лес, такой густой, что когдаходишь в него, в нем темно, почти не видно солнца. Растут огромные, до неба, сосны, ели, пихты, кедры. Везде бурелом, ветровал, хвойная чаща, поваленные, вывороченные с корнями деревья. Много зверей – белки, бурундуки, ходят медведи.

Бабушка пошла за ягодами, нашла куст малины, собирает ягоды, а за кустом, на другой стороне куста, кто-то тоже собирает и сразу ест ягоды, чавкает. Так они берут ягоды и идут навстречу друг другу. Вдруг она увидела другого сборщика ягод: большой бурый медведь стоял на задних лапах, а верхними подгробал ко рту малинник и жевал ягоды. Бабушка испугалась, закричала и бросилась бежать к бараку. Медведь тоже испугался и бросился бежать в противоположную сторону, в лес напролом, только ветки и валежник затрепали.

В классе засмеялись, учительница постучала по столу карандашом, успокаивая класс, и попросила Диму рассказывать дальше.

– Особенно красива тайга весной. Выйдешь на полянку – впереди свободное пространство, длиной не меньше километра, сплошь цветут красные маки. Красота неопишная! В тайге ведутся лесозаготовки. Срубленный лес-кругляк отправляют на лесозавод, где его распиливают на доски, отправляют на шахты, там из него делают стойки в штреках.

Учительница похвалила Диму за интересный рассказ и спросила, откуда он так хорошо знает про тайгу, наверное, прочитал о ней в какой-нибудь книге.

– Нет, – ответил Дима, – не читал. Я сам был в сибирской тайге.

– Ты, вероятно, ездил в гости к бабушке? – спросила учительница.

– Нет, бабушка всегда живет вместе с нами. В Сибири мы были в ссылке.

При этих словах Димы с учительницей стало плохо. Она схватилась за сердце, побледнела и тихо стала сползать со стула, на котором сидела. Две ученицы, сидевшие за первой партой, бросились к ней на помощь, поддержали ее, несколько девочек побежали к директору школы и привели директора и завуча школы. Взрослые взяли учительницу под

мышки и увели в учительскую, положили на диван и вызвали по телефону врача. Дальнейшая судьба этой учительницы для Димы осталась неизвестной.

В Димином классе она больше не появлялась. Неизвестно, почему с ней на уроке случился сердечный приступ. Случайное совпадение по времени с рассказом Димы? Или испуг, что она только что похвалила ученика, который оказался бывшим ссыльным, сыном «врагов народа», и подумала, что за это ее привлекут к ответственности? Может быть, у нее кто-нибудь из родителей или родственников были репрессированы, и упоминание Димы о ссылке вывело ее из душевного равновесия? Или общая атмосфера страха, распространившаяся в стране, так повлияла на нее при упоминании сибирской ссылки? Это осталось неизвестным.

Попадать второй раз под колесо массовых репрессий семье не хотелось. В разгар репрессий отец поехал в райцентр к начальнику НКВД. Секретарша сказала, что начальник очень занят и никого не принимает, но для рядовых рабочих и колхозников он обычно делает исключение. Сейчас идет совещание, за ним последует прием большой группы приглашенных людей. Она сходила в кабинет к начальнику и сказала, что попробует в перерыв между заседаниями протолкнуть его к начальнику.

– Но у вас, – предупредила она, – будет не больше десяти-пятнадцати минут. Продумайте, что вы хотите ему сказать, говорите только самое главное и важное. Когда из кабинета вышла группа заседавших, она сделала отцу знак входить в кабинет. Начальник пригласил его сесть на стул напротив себя и спросил, что он хочет сказать.

– Сейчас везде разыскивают скрытых «врагов народа», – сказал отец. – Я приехал сказать, что в 1931 г. был с семьей сослан в Западную Сибирь, а в 1932 г. решением ЦИК СССР восстановлен в правах. Сейчас работаю в совхозе, ни от кого не скрываюсь.

– Мы это знаем, – сказал начальник. – Знаем, что у тебя большая семья. Он начал расспрашивать, как идет работа, очень подробно – как учатся дети. В заключение беседы сказал:

– О нас рассказывают много всякой злобной чепухи: зверствуем, арестовываем всех подряд без разбора, пытаем и заставляем признаваться в несовершеннолетних преступлениях. Все это полная чушь. В совхозе мы арестовали несколько руководящих работников по указанию вышестоящих органов. Раньше в столицах они были троцкистами и зиновьевцами, а затем разъехались по всей стране, поддерживали связь друг с другом. Сейчас с ними разбираются в Москве. Несколько человек мы арестовали за совершенные преступления. Беда в том, что люди пишут из корысти или зависти ложные доносы, нередко друг на друга, нам со всем этим приходится разбираться. К вам у нас никаких претензий нет. Поезжайте домой, работайте спокойно.

Отец, вернувшись домой, успокоил мать и бабушку – у НКВД к нему и к семье нет претензий, не надо напрасно волноваться.

В это беспокойное, тревожное время некоторые люди, считавшие себя элитой, избранными, недостижимыми, стремились демонстративно показать себя находившимися выше простого народа. В шестом

классе классным руководителем у Димы стала Серафима Сергеевна. Ее муж Аникеев, занимавший в совхозе какую-то руководящую должность, был героем Гражданской войны, командовал полком, был награжден орденом Красного Знамени, что тогда было равносильно позднему званию Героя Советского Союза.

На пионерском костре, когда Дима был в пионерском лагере, Аникеев выступал с воспоминаниями о Гражданской войне. Конечно, его рассказ тогда никем не записывался. Неизвестно, записывал ли когда-либо кто-нибудь его воспоминания, может быть, какие-нибудь воспоминания он сам написал. Его воспоминания у костра были очень интересными, он рассказывал такие детали событий, которые историками обычно не освещаются, и такие, которые историками описываются весьма тенденциозно: сочувствующие красным – искажают их в одну сторону, радеющие за белых – еще в большей степени извращают их в противоположную сторону. Читая современную литературу о Гражданской войне, Дима часто соотносит ее с рассказами очевидца событий, слышанных им у пионерского костра. Капитан запаса Аникеев был призван в армию в первые дни Великой Отечественной войны и погиб на фронте во время ожесточенных сражений летом 1941 г.

Однажды Дима видел Аникеева на пасеке, куда тот приезжал с группой местного начальства и доброжелательно беседовал с отцом по каким-то хозяйственным вопросам. Простой и демократичный, он дал Марии рекомендацию для вступления в комсомол. Другим человеком была его жена, Серафима Сергеевна, находившаяся в ореоле славы своего мужа. Она была надменной, любила высокомерно давать направо и налево резкие, безапелляционные политические характеристики. Серафима Сергеевна энергично взялась за классное руководство. В классе она поручила Диме оформлять классную стенгазету. Дима с воодушевлением взялся за поручение. Он разукрасил стенгазету яркими красками, сделал красивое название, броские заголовки, иногда сам писал в нее заметки. Яркая, красочная стенгазета вывешивалась в коридоре школы и всегда вызывала восхищение учеников не только его, но и других классов. Серафима Сергеевна постоянно и безмерно хвалила Диму за хорошую учебу и работу со стенгазетой.

Однажды Дима почему-то не выполнил какое-то ее мелкое поручение. В присутствии многих учеников Серафима Сергеевна объявила: «Дима – кулак, подкулачник. Обещал и не сделал». Возможно, это она сказала без какого-либо злого умысла, но безответственно, без оглядки на существовавшую в ту пору общественную атмосферу. Дима, наученный жизненным опытом семьи, знал, что такие обвинения не безобидны, могут иметь плохие последствия, и очень энергично отреагировал на возводимый на него поклеп.

Когда Диме пересказали слова Серафимы Сергеевны, он не остался в долгу. Если тебя обижают – надо дать отпор. Он во всеуслышание заявил: «Я не кулак и не подкулачник. Кто бы это говорил. Она сама поповна. А попы всегда были обманщиками народа». Дима знал, что она из семьи священника.

Кто-то, конечно, передал эти слова Серафиме Сергеевне. С тех пор она его больше не хвалила, обращалась с ним очень сухо, стенгазета перестала выпускаться. Диму это не огорчило. Тем более, что учебный год подходил к концу, а в седьмом классе у них был уже новый классный руководитель.

КАНУН И НАЧАЛО ВОЙНЫ

*Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет...*

В.Лебедев-Кумач.

Приближавшуюся большую войну предчувствовали не только советское правительство, но и простые люди. Вооруженные конфликты у озера Хасан в июле-августе 1938 г. и на реке Халхин-Гол в августе 1939 г., советско-финляндская война ноября 1939 – марта 1940 гг., развязывание фашистской Германией 1 сентября 1939 г. войны в Западной Европе, разгром Германией Франции и захват ею одного за другим европейских государств – были грозными предвестниками надвигавшейся на страну военной опасности.

В условиях нарастания военной угрозы советское правительство принимало срочные меры по укреплению обороноспособности страны. 1 сентября 1939 г. внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о всеобщей воинской обязанности». Были приняты жесткие меры по укреплению на предприятиях дисциплины и ликвидации текучести рабочей силы, увеличена продолжительность рабочего дня. 26 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Государство сократило все социальные расходы, резко ухудшилось продовольственное снабжение, в совхозе начались перебои с обеспечением хлебом. Хлеб на Первое отделение стали привозить не каждый день, за покупкой его выстраивалась большая очередь. Поскольку хлеб давали только по одной «буханке» на человека, в очередь за хлебом мать ходила с кем-нибудь из старших детей – Марией или Павлом.

Осенью 1939 г. Мария и Павел, окончившие седьмой класс, при одобрении всей семьи и энергичной поддержке отца, поступили учиться в Красноуфимское педучилище, жили там в общежитии. Однако вскоре, только что начав учиться на первом курсе, они хотели бросить учебу и вернуться домой, так как правительство ввело плату за обучение в старших классах средней школы и в средних учебных заведениях. Многие ученики педучилища стали бросать учебу. Мария и Павел позвонили в совхоз, что они тоже собираются оставить учебу.

Озабоченный отец пошел на телефон и переговорил с Алексеем, который тогда работал контролером в сберкассе на Центральной усадьбе. Алексей взял в сберкассе беспроцентный кредит, немедленно поехал в Красноуфимск и внес плату за весь год за обоих учащихся. Так отцом и Алексеем была создана возможность для получения Марией и Павлом среднего об-

разования и приобретения званий учителей начальной школы.

Дима решил после окончания семи классов тоже поступить в Красноуфимское педучилище. Он знал, что окончившие седьмой класс только на отличные оценки принимаются в педучилище без экзаменов, и решил учиться в седьмом классе только на отлично. Он стал тщательно готовиться ко всем урокам, по зоологии, которую сначала недооценивал и запустил, по своей инициативе составил таблицу, в которой выделил графы: класс животных, органы кровообращения, органы дыхания, органы пищеварения и т.п., и, по мере чтения учебника, заполнял ее.

Весной 1941 г. все выпускные экзамены он сдал на отлично, а на экзамене по зоологии удивил преподавателя и ассистента, принимавших экзамен, когда, отвечая на вопрос о каких-то членистоногих, начал сравнивать их с другими классами животных. Экзаменаторы решили, что он собирается стать зоологом, но Дима твердо сказал, что решил стать историком.

За окончание семилетней школы он получил похвальную грамоту (ранее, не прилагая каких-либо усилий в учебе, он получил похвальные грамоты за окончание четвертого и пятого классов). После сдачи выпускных экзаменов Дима уехал домой на Первое отделение, не дождавшись оформления документов об окончании седьмого класса. За документами он решил съездить позднее.

Алексей в 1940 г. был призван в армию и отправлен служить в воинскую часть, расположенную в городе Дилижане Армянской ССР. Когда объявили набор в военное училище, желающих поступить в него оказалось восемь человек. Однако из приехавших из части в училище абитуриентов вступительные экзамены выдержал только Алексей, все не сдавшие экзамены были отправлены обратно в часть. Его оставили в училище, но в число курсантов он не был зачислен. Почему?

К начальнику училища пришел кадровик и доложил, что в автобиографии А.В.Гаврилова написано, что в 1931 г. он с родителями был выслан в Западную Сибирь, а в 1932 г. семья была восстановлена в правах и вернулась на родину. Хотя он с хорошими оценками выдержал все экзамены, надо воздержаться от приема его в училище.

Начальник училища не согласился с ним:

– Вы знаете, что в боях у озера Хасан наибольшие потери мы понесли в среднем комсоставе? Приближается война, нам потребуется очень много обученных, умеющих грамотно воевать лейтенантов. Мы не можем разбрасываться людьми, даже единицами. Оставьте его личное дело у меня. Я запрошу Москву.

Через две недели появился приказ о зачислении Гаврилова А.В. курсантом Сухумского пехотного училища. Обучение велось по ускоренной программе: резко сокращено число часов на строевую подготовку, основное внимание было обращено на тактику, огневую подготовку, изучение материальной части, физическую подготовку. Учиться было трудно, походы, марш-броски проводились в жару, тяжело переносился непривычный южный жаркий климат.

Весной 1941 г. в училище побывал Маршал Советского Союза С.М.Буденный. Он, обнявшись с начальником училища, генерал-майором, его

старым знакомым, который запанибратски называл его «Сеней», ходил по училищу, иногда доставал из грудного кармана миниатюрную записную книжечку и что-то в ней записывал, охотно беседовал с курсантами, сказал:

– Скоро будет Большая война. Готовьтесь к ней.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на СССР. В Сухуми рано утром летчиков подняли по тревоге, они спешно выехали на свои аэродромы. Стало известно, что бомбили Киев, Севастополь, другие города. Фашистский самолет-разведчик долетал до Сочи, но был сбит. В Сухуми было пока еще спокойно. В Сухумском пехотном училище состоялся срочный выпуск курса, выпускникам присвоили воинские звания «лейтенантов». В фотографиях города стояли очереди молодых лейтенантов, желавших сфотографироваться. Фотографию, сделанную сразу после окончания училища, лейтенант А.В.Гаврилов послал родителям. Он в пилотке, одет в новую, с иголки военную форму, перетянут ремнями, на петлицах по два «квадратика».

В один из вечеров в Сухуми был подан специальный поезд, на который погрузили весь выпуск молодых командиров, на открытых платформах стояли спаренные зенитные пулеметы. Под их охраной поезд без остановки шел всю ночь и утром был под Баку, на станции Баладжары, где молодые лейтенанты были высажены из вагонов. Здесь на основе кадровых частей формировались к отправке на фронт новые дивизии. Выпускники училища были распределены по воинским частям, расположенным в Сумгаите и других населенных пунктах, и приступили к исполнению служебных обязанностей. Алексей был назначен командиром снайперской роты и занялся ее боевой подготовкой.

Дима встретил начало войны на Первом отделении. В воскресенье, 22 июня 1941 г., он со сверстниками отправился купаться на реку Ай, «к скалам», находившимся в трех километрах от их деревни, а в понедельник планировал отправиться на Центральную усадьбу за документами об окончании семилетней школы. Вернувшись вечером домой, они узнали, что фашистская Германия вероломно напала на СССР. Отец сказал окружившим его домочадцам:

– Знаю по прошлой германской войне: Германия – сильный противник. Напала на нас, значит чувствует свою силу. Быстро с ней не справиться. Под Гитлером пол Европы. Война будет долгой, продлится года три-четыре.

На следующий день, в понедельник, Дима с попутной машиной поехал на Центральную усадьбу. На большой площади посреди поселка стояла толпа мужчин, женщин и детей. Перед ними в ряд выстроились восемь гусеничных тракторов ЧТЗ, возле каждого из них стояли по два тракториста. Все эти русские парни были высокие, стройные, красивые, как на подбор.

Начался короткий митинг. Мужчина в полувоенной форме с трибуны, возле которой во время демонстраций 1 Мая и 7 Ноября проходили демонстранты, произнес краткую речь. С ответом выступил один из трактористов. Он сказал:

– В этот грозный для Родины час мы клянемся, что не пожалеем своих сил и своей жизни, чтобы разгромить наглого врага. Фашисты еще пожалеют, что осмелились напасть на нашу страну. Гитлер найдет свою смерть под гусеницами наших тракторов и танков.

Раздалась команда:

– По машинам!

Трактористы сели на свои тракторы, взревели моторы, и тракторы, цепочкой, один за другим, пошли своим ходом на железнодорожную станцию Сулея. На помощь советским воинам, уже героически сражавшимся в эти часы на западной границе, страна посылала людей и технику. В толпе заплакали женщины и дети, провожавшие своих близких на фронт.

Из трактористов, отправленных с тракторами на фронт во второй день войны, никто не вернулся домой. По-видимому, все они погибли в пекле ожесточенных боев, развернувшихся на западе летом 1941 г. Совхозные автомашины, подлежащие мобилизации, ушли на железнодорожную станцию еще рано утром.

Над страной нависла смертельная опасность. 3 июля 1941 г. И.В.Сталин заявил: «Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Из репродукторов, вывешенных на улицах, звучала тревожная, яростная, неистовая, щемящая сердце песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Вся страна оказалась в завихрении, в водовороте, в круговерти XX века.

ЧАСТЬ 3. ВОЙНА.

ЕСЛИ РОДИНА ПОЗОВЕТ

*Сорок первый далекий,
Сорок первый суровый...
Помню жаркую битву
У развалин Ростова.*

Ф.Лаубе.

*Голос Родины, голос России
Над землею гремел, как набат...
Шла усталая рота вперед...
Солдат становится бесстрашным и могучим,
Когда его Россия позовет.*

Г.Гребенников, Н.Добронравов.

Стоял легкий мороз. На землю спустился туман, низко опустились облака. Дул неприятный, холодный ноябрьский северный ветер. Донецкая степь местами была покрыта снежной порошей, в оврагах и ни-

знах намело снежные сугробы. Колонна шла по прямой линии вперед, строго придерживаясь намеченного направления. Командир роты лейтенант Гаврилов Алексей Васильевич постоянно сверял маршрут по компасу. Крестьянин-колхозник, служивший проводником, по проселочной дороге довел до знакомого куста, где оставил их, показав ориентиры, которых они должны были придерживаться, продолжая дальнейший путь. Резко свернув с дороги, колонна теперь шла по бездорожью, держа курс на одинокий курган, который иногда возникал на горизонте в прорехах тумана. Все понимали опасность и трудность выполняемого ими задания командования, но никто, кроме нескольких командиров, не знал цели и места завершения перехода.

Красноармейцы несли винтовки, автоматы, ручные пулеметы, запасы патронов, ручных гранат. Другие тащили тяжелые пулеметы Максим, двое несли на плечах длинное противотанковое ружье. В колонне были два отделения снайперов, их командир роты сохранил у себя при расформировании снайперской роты, которой ранее командовал. Тяжелее всех было идущим впереди колонны, которые прокладывали путь остальным. Они через пятнадцать-двадцать минут менялись, уступая место очередной смене. Прибежал младший лейтенант, командир одного из взводов.

– Товарищ лейтенант! Идем четыре часа, люди устали, выбились из сил. Надо сделать привал, дать отдых.

– Все знаю, но мы не можем останавливаться на отдых, – жестко сказал командир роты. – Мы должны пока темно достичь нужного места, занять позицию и замаскироваться. Если нашу колонну немцы заметят в пути, они обстреляют нас из артиллерийских орудий и минометов, вызовут авиацию и она на открытом, безлесном пространстве легко расстреляет нас всех. Надо спешить. Объясните это бойцам, приободрите их. До нашей цели осталось недалеко.

Командир роты лучше других знал опасность и рискованность их рейда во фланг и тыл врага. Невольно он вспоминал события последних месяцев. Их дивизия формировалась возле Баку, около станции Баладжары. С фронта приходили тяжелые вести. Особенно тревожными они стали после падения Киева и неудач советских войск на левобережной Украине, когда фашисты ворвались в Крым, вторглись в Донбасс, рвались к Ростову-на-Дону, являвшемуся воротами на Кавказ. Не закончившие еще формирования части Северо-Кавказского военного округа стали срочно перебрасываться на фронт. На фронт была направлена и дивизия, с которой выехал Алексей в должности командира пулеметной роты. Они заняли боевые позиции северозападнее Ростова, готовые встретить наступающие фашистские войска и сами перейти в контрнаступление.

Фашистская Первая танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста, триумфально прокатившаяся по дорогам Польши, Бельгии, Франции, Балкан, наступала на Ростов-на-Дону, пехотные дивизии должны были очистить от советских войск Донбасс. Советское командование Южного фронта создало ударную группировку северозападнее Ростова-на-Дону, которая нависала над растянувшимся левым

флангом фашистской группы, угрожая выйти в тыл ее танковой армии. В этот район стягивались и подходившие из тыла только что сформированные резервные дивизии.

Пренебрегая явной угрозой с северо-запада, фашистское командование, одурманенное легкими победами в Западной Европе и успехами в первые месяцы войны в России, продолжало гнать свои войска вперед. 21 ноября танковая армия фон Клейста заняла Ростов. Но ликовать фашистам в честь новой победы пришлось недолго. Ударная группировка Южного фронта, перешедшая 16 ноября в наступление, успешно продвигалась вперед и грозила выйти в тыл танковой армии фон Клейста, перерезать все ее коммуникации и замкнуть за ней кольцо окружения.

Наступавший полк, в котором служил Алексей, смяв небольшие разведывательные и передовые отряды немцев, наткнулся на их крупный опорный пункт, подготовленный к обороне в большой станице, имевшей много каменных зданий. Атака его в лоб неминуемо привела бы к большим людским потерям. Надо было искать возможности обойти этот опорный пункт и создать ему угрозу с тыла. Разведчики привели к Алексею пойманного немецкого солдата, который зачем-то шел в соседнюю деревню.

Испуганный немец, твердивший: «Гитлер капут!», узнав, что его не расстреляют, сказал, что их колонна завтра перемещается в другое место, им приказано полностью залить баки бензином и быть готовыми утром к отъезду. Что будут делать другие подразделения, он не знал, или утаил, не желая говорить полную правду. Изучив внимательно карту и поговорив с местными жителями, Алексей направился к командиру батальона и изложил ему свой план. Тот сразу согласился с ним и предложил немедленно поехать к командиру полка.

– Завтра, – сказал командир полка, – намечается наступление, осуществление вашего плана в любом случае поможет решению наших задач. Но надо действовать немедленно. Я свяжусь с командиром дивизии, мы согласуем планы. Надо тщательно подготовить рейд, отобрать для него самых сильных, крепких бойцов, взять больше патронов, продумать возможность отражения атаки, если вас обнаружат во время перехода. Сохранить секретность, никто лишний не должен знать о маршруте вашего рейда. Я отдам распоряжение, чтобы все службы выдали вам все необходимое.

И вот рота выполняет боевое задание. Она благополучно вышла к широкой балке, по которой шла дорога, делавшая в этом месте изгиб, развернулась на склонах возвышенности, с которой вся излучина дороги отлично просматривалась, и сразу приступила к оборудованию огневых позиций и их маскировке. Все понимали, что рота оказалась в тылу немецких войск, что успех их скрытого тяжелого перехода, операции в целом и даже их жизнь зависят от того, насколько удачно они займут и замаскируют свое расположение.

Наступил рассвет, из-за туч показалось бледное солнце. Стало светло, вскоре прибежали разведчики, доложившие, что по дороге движется колонна немцев из 20–25 автомашин. Последовал приказ: всем за-

нять свои места, подготовиться к отражению врага, но без приказа огня не открывать.

Командир роты давал последние наставления снайперам:

– По сигналу открыть огонь. Первое отделение, все до одного открывают огонь по автомашине, идущей во главе колонны. Стреляете до тех пор, пока машина не остановится, не свернет с дороги и не загорится. Второе отделение, тоже все до одного открывают огонь по последней машине, стреляете тоже до тех пор, пока машина не остановится, не свернет с дороги и не загорится. После этого переносите огонь на другие машины, в первую очередь стреляете в офицеров, минометчиков, артиллеристов, если они окажутся в колонне. Дальше действуйте так, как вас учили. Зажигательных патронов у вас мало, отдайте их наиболее метким стрелкам, пусть стреляют в первую очередь по бензобакам машин и бочкам с горючим, которые увидите в кузовах автомашин.

– Товарищ лейтенант, – возразили снайперы. – Мы все отлично стреляем, незачем всем отделением стрелять по одной машине. Мы снимем шоферов, остановим машины несколькими выстрелами.

– Нет, мы не можем рисковать. Только всем отделением, только с полной уверенностью, что мы остановили всю колонну. Только так. Это приказ, передайте это всем вашим товарищам. Мою снайперскую винтовку оставьте здесь, первый выстрел сделаю я. После этого вся рота открывает огонь.

Впереди колонны ехали три мотоцикла, на каждом из которых сидело по три немца. Они промчались мимо засады, не заметив ее. Когда вся колонна втянулась в излучину балки, оказалась перед засадой, раздался первый выстрел, за ним последовал шквал огня, обрушившийся на фашистов. Первая машина, шедшая впереди колонны, задержалась и съехала с дороги, перегородив путь идущим за ней другим машинам, загорелась. Из кабин и кузовов машин выскакивали немцы, стремились спрятаться за машинами.

Было видно, что некоторые из них пытались что-то организовать, что-то кричали, размахивали руками, но их настигали пули снайперов и косили пулеметчики. Колонна фашистов была разгромлена, несколько машин горело, от них вверх поднялся густой черный дым. Возле машин валялись трупы убитых. Спустившиеся на дорогу автоматчики вытаскивали из-под машин спрятавшихся живых немцев.

Успех рейда был полный. Но война всегда приносит много неожиданностей, все предусмотреть было невозможно. Наблюдатели, следившие за дорогой, донесли, что по дороге вслед за разгромленной колонной, движется вторая, более крупная колонна из 40–50 машин, в которой находилось два танка. Обстановка осложнялась, было ясно, что роте неминуемо предстоит выдержать с этой колонной очень жестокий бой. Последовали команды:

– Всем по местам! Не стрелять, не раскрывать наше место расположения! Истребителям танков выдвинуться вперед, занять боевые позиции! Расчету противотанкового ружья стрелять только тогда, когда танки предпримут атаку на наши позиции и подставят под огонь свои борта! Во второй колонне, конечно, уже знали о нападении на первую

колонну, слышали грохот развернувшегося впереди боя, видели клубы дыма над полем боя. Но подойдя к излучине дороги и увидев разгромленную колонну, разбитые и горевшие машины, колонна остановилась. Почему они не развернулись и не предприняли атаку на засевшую на возвышенности роту, стало очевидным только спустя некоторое время.

Понимая, что колонна была расстреляна с крутой возвышенности, поднимавшейся над извилиной дороги, немцы открыли по высоте огонь из минометов и танковых орудий. Но стреляли они по гребню возвышенности, по пустому месту, полагая, что именно там находились стрелки, обстрелявшие первую колонну. Им никто не отвечал, возвышенность молчала.

Фашистам стало ясно, что эта стрельба беспцельна, так как противник, вероятно, глубоко закопался в землю и выжидает, чтобы, используя выгодную позицию, расстрелять и вторую колонну. Тем более, и времени на рекогносцировку и раздумье у них не было. Нарастал гул, это подходила висевшая на хвосте у фашистов, преследовавшая их колонна советской мотопехоты. По остановившейся вражеской колонне она открыла артиллерийский огонь.

И тут произошло неожиданное, чего никак не предполагала готовившаяся к отчаянному бою устроившая засаду рота – фашистская колонна повернула направо и по какой-то проселочной дороге стала уходить на другую большую дорогу, параллельную той, по которой она двигалась.

Участовавшие в рейде в тыл врага бойцы с радостью и облегчением встретили подошедшие главные силы полка, среди которых находились командир полка и командир дивизии, штабные офицеры. Командир роты доложил командиру дивизии:

– Товарищ полковник! Пулеметная рота выполнила боевое задание. Разгромлена фашистская колонна, нам досталось много исправных немецких автомашин, другие трофеи. Захвачены пленные, среди них один раненный офицер. В роте есть потери: один боец убит, двое ранены. Докладывает командир роты лейтенант Гаврилов.

Командир дивизии, молодой полковник, только что окончивший Академию Генерального штаба, был восхищен разгромом фашистской колонны:

– Опасались за исход вашего рейда, но все прошло замечательно. Благодарю за героизм и отличную службу! Молодцы! Молодцы! Научились и мы воевать! – заключил комдив и распорядился:

– Представить командира роты и отличившихся бойцов к награде орденами и медалями. В это время к полковнику подбежал запыхавшийся капитан, который сообщил:

– По рации Васильев (командир соседнего полка) сообщил, что у них беда: фашистская колонна, появившаяся внезапно, разбила их левый фланг и ушла по большой дороге дальше. В полку большие потери. Было ясно, что на фланг Васильева обрушилась фашистская колонна, повернувшая в их сторону, увидев разгромленной шедшую перед ней колонну.

Сообщение штабиста вызвало у командира дивизии взрыв негодования в адрес неудачливого командира полка:

– Шляпа! Как можно было допустить внезапное нападение на свой фланг! Сколько твержу всем командирам: берегите фланги! Следите постоянно за флангами! Имейте резервы для прикрытия флангов! Когда все научатся хорошо воевать? Едем срочно к Васильеву.

Указав командиру полка пункты, которые должен к концу дня достичь его полк, комдив с группой своих машин помчался в соседний полк.

Дивизия выполнила поставленные перед ней задачи, вышла на указанные командованием фронта рубежи. Наступление ударной группировки Южного фронта, выводящее в тыл вражеской танковой группировки, заставило фашистское командование, наконец, осознать нависшую над танковой армией фон Клейста смертельную угрозу. Под ударами с востока и ударной группировки с северо-запада фашисты бежали из Ростова, бросая тяжелое вооружение и технику. 29 ноября 1941 г. Ростов был освобожден советскими войсками.

Удар под Ростовом-на-Дону, остановивший дальнейшее продвижение немецко-фашистских войск на Кавказ и к Баку, явился одной из первых крупных удачных наступательных операций Красной армии в 1941 г. За участие в этой операции (в 1941 г. награждали очень редко) лейтенант А.В.Гаврилов был награжден орденом Красной Звезды, многие бойцы его роты получили медали. Дивизия была отведена в тыл на переформирование и пополнение.

Алексей написал несколько писем домой, но ни одно из них не дошло до адресатов. По-видимому, в то время почтовые связи с Югом России были уже прерваны. Последнее его письмо, полученное родителями, было послано со станции Баладжары. После этого в течение почти трех лет от Алексея не было никаких писем. Где он? Что с ним? Запросы в разные инстанции были безрезультатными. Никто ничего не знал. Бабушка нередко причитала: «Наверное, уж и в живых нашего Алешеньки нет, может уж и его косточки давно сгнили». Доярка Камалова, часто забегавшая к матери, считавшаяся провидицей, говорила матери:

– Жив ваш Алешка, вернется домой.

ДЕСАНТ И ПЛЕН

*На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.*

Н.Букин.

После освобождения Ростова-на-Дону на Южном фронте наступило затишье. Фашистские войска понесли большие потери в людях и технике и настолько выдохлись, что не могли больше наступать. Советское командование стало перебрасывать часть войск из-под Ростова на другие фронты.

В Новороссийске рота лейтенанта А.В.Гаврилова была погружена на пароход «Шахтер». Капитан и команда парохода были гражданскими лицами, но командовали пароходом военные. С наступлением темноты пароход вышел в море. Никто не знал цель и маршрут похода.

да, ее объявили только тогда, когда пароход был уже в море. Он был до отказа набит людьми, многие красноармейцы сидели и лежали на верхней палубе. Почти никто из красноармейцев и командиров не умел плавать, все они считали плавание очень опасным. Но капитан, пожилой опытный моряк, заверил, что море спокойное, низкая облачность, погода не летняя, авиация немцев не сможет их обнаружить, и они вовремя и благополучно доставят десант на место назначения – в Феодосию.

Советское командование задумало проведение Керченско-Феодосийской десантной операции. Предполагалось одновременно высадить десанты на широком фронте побережья Керченского полуострова от Арабатской стрелки до Феодосии, отсечь находившуюся на полуострове группировку немецких и румынских войск от главных сил немецко-фашистской армии, штурмовавшей Севастополь, и уничтожить ее. Этим предотвращалась угроза вторжения немецко-фашистских войск на Кавказ через Таманский полуостров, отвлекались силы противника от осажденного Севастополя, создавались условия для последующего освобождения Крыма.

Однако ухудшившаяся обстановка под Севастополем вынудила советское командование направить туда значительную часть войск и флота, предназначенных для участия в Керченско-Феодосийской десантной операции. Поэтому десанты высаживались по частям, поэтапно. 26 декабря 1941 г. советские войска и корабли Азовской флотилии и Керченской военно-морской базы начали высадку десанта на северном и восточном побережье Керченского полуострова. Сильный шторм на море в 7–8 баллов и ожесточенные атаки фашистов мешали проведению операции. К концу суток удалось высадить только передовой отряд, основные силы высаживались 28–29 декабря. Керченскому десанту требовалась срочная помощь.

Утром 29 декабря к Феодосии скрытно подошли корабли Черноморского флота. Высаженные с катеров штурмовые группы морской пехоты, с боем занявшие мол и маяк, обеспечили высадку основных сил. В порт вошли крейсер «Красный Кавказ», эсминцы «Шаумян», «Незаметник» и «Железняков», которые начали обстрел города. Залпы их крупнокалиберных корабельных орудий сметали здания и укрытия, в которых находились фашисты. Появление советского десанта оказалось для немцев полной неожиданностью, они в панике метались по улицам приморского города, надеясь где-нибудь спастись от огня корабельной артиллерии.

С подошедших транспортных кораблей – «Шахтера» и других – началась высадка на берег. Она прошла почти без потерь личного состава и техники. Группы фашистов, пытавшиеся оказать сопротивление, были блокированы и к вечеру уничтожены. Очистив Феодосию от фашистов, десантные войска заняли высоты, окружавшие город, и стали там оборудовать оборонительные позиции.

Отбив атаки фашистов, пытавшихся пробиться на помощь феодосийскому гарнизону, советские войска развернули наступление на северо-запад, север, северо-восток в направлении на Ак-Монай, стремясь

отрезать Керченскую группировку фашистов от их главных сил. Но они смогли продвинуться только до Владимировки, где были остановлены крупными силами немцев. К тому же превосходство в воздухе принадлежало фашистской авиации, так как советское командование смогло перебазировать на передовые аэродромы только половину предназначенных для операции самолетов. Недостаточно использовались для поддержки сухопутных войск силы советского военно-морского флота.

Высадка советского крупного десанта в Феодосии резко изменила военную обстановку на Керченском полуострове. В ночь на 30 декабря, опасаясь окружения, фашистские войска скрытно оставили город Керчь и успели выйти с полуострова через Ак-Монойский перешеек. Советское командование только утром узнало об уходе фашистских войск из Керчи и не организовало их преследования. Задача по окружению и уничтожению Керченской группировки оказалась не выполненной. 2 января 1942 г. советские войска вышли на рубеж Киет – Новая Покровка – Коктебель, где и остановились.

30 декабря 1941 г. был образован очень неприятный для фашистов новый Крымский фронт, в состав которого вошли высадившиеся на Керченском полуострове 51-я и 44-я советские армии. Фашистский генерал граф Шпонек, допустивший высадку советского десанта, по приказу Гитлера был отдан под суд, а затем расстрелян.

В результате Керченско-Феодосийской десантной операции, первой крупной совместной наступательной операцией сухопутных войск и военно-морского флота, советские войска освободили Керченский полуостров с городами Керчь и Феодосия, что вынудило немецко-фашистское командование временно прекратить штурм Севастополя и начать переброску части сил к Керченскому полуострову.

Командиры частей и соединений высадившегося десанта предлагали развернуть наступление вглубь Крыма, в его центральные районы, но командование фронта придерживалось оборонительной тактики и занялось созданием оборонительной линии на Ак-Монойском перешейке. Немецко-фашистское командование, перебросив несколько дивизий из-под Севастополя к Керченскому полуострову, активизировало свои атаки на советские войска. Занимавшая оборонительные позиции рота лейтенанта А.В.Гаврилова стала подвергаться интенсивному артиллерийскому обстрелу. 16 января Алексей был контужен и ранен осколком артиллерийского снаряда в ногу, и был отправлен в госпиталь, расположенный в санатории на берегу Феодосийского залива.

На другой день раненых предполагали эвакуировать на Большую землю, на материк. Девушки-санитарки вынесли неходячих раненых на носилках на берег моря, где они пролежали до вечера. Эвакуировать их не удалось: немцы, занявшие одну из высот, начали обстрел Феодосийского залива, пароход, присланный за ранеными, не смог подойти к берегу и ушел обратно. Вечером девушки-санитарки перетащили носилки с ранеными снова в санаторий. А утром 18 января 1942 г. немецко-фашистские войска вошли в Феодосию. Советские войска отошли на Ак-Монойский полуостров.

Немцы объявили раненых, врачей и весь медперсонал госпиталя военнопленными, поставили вокруг госпиталя свою охрану. В канцелярии госпиталя засел немецкий офицер, который просматривал истории болезней и отправлял признанных выздоровевшими в лагерь военнопленных. Советские врачи продолжали лечить раненых, но никаких лекарств и продуктов немцы не давали, персонал мог использовать только имевшиеся в госпитале запасы.

Госпиталь посетил командующий 11-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Ф.Э. фон Манштейн, который со своей свитой обошел палаты. Его визит ничего не изменил в деятельности госпиталя. По мере выздоровления раненых отправляли в лагерь военнопленных. Врачи стремились растянуть лечение, но запасы лекарственных средств и продовольствия иссякали, медперсоналу становилось все труднее удерживать в госпитале оставшихся красноармейцев и командиров. У Алексея рана на ноге затянулась и, в конце концов, настало время и его выписки из госпиталя.

Весной 1942 г. военная обстановка в Крыму резко изменилась: в мае 1942 г. немцы перешли в наступление, разгромили Крымский фронт и заняли Керченский полуостров. 2 июля 1942 г. пал Севастополь. Алексей с группой военнопленных был вывезен из Крыма. Поезд остановился на небольшой станции, военнопленных выгрузили из вагонов, построили в колонну и погнали в концентрационный лагерь. Алексей и лейтенант-танкист Сашка, раненый в руку, с которым они лежали вместе в госпитале, сговорились бежать. Колонна шла медленно, среди военнопленных было много раненых, которые шли, преодолевая боль, поскольку было известно, что пленных, которые не могли идти и падали на землю, фашистские конвоиры пристреливали.

Впереди колонны шли два немецких солдата, колонну замыкали четверо или пятеро немецких солдат. Когда колонна проходила мост, перекинутый через небольшую речку, Сашка, оглянувшись назад, увидел, что идущие позади конвоиры что-то обсуждают между собой и сказал: «Бежим!» Они спрыгнули под откос и спрятались под мостом. Конвоиры не заметили их побега, колонна пошла дальше.

Под мостом они просидели до вечера, а когда стало темно, двинулись в путь. Но куда идти? Они не знали, где находятся. Кругом простиралась необъятная безлесная украинская степь. Сориентировавшись, решили идти на восток. Шли всю ночь, утром остановились в роще, по которой протекал небольшой ручей. Спрятавшись в кустах, они просидели там до вечера, а затем снова отправились вперед. Голодные, истощенные, они шли с большим трудом.

Дойдя до какой-то деревни, они решили попросить еды у жителей. Сашка принес полбулки хлеба и несколько вареных картофелин, которые, не говоря ни слова, дала ему украинка, увидевшая изможденного военного в вылинявшей поношенной гимнастерке. Поев, они уснули под кустом, расположенным в стороне от деревни, чтобы завтра продолжить путь.

Утром их разбудил чей-то голос:

– Хлопци, доброго ранку! Пидводьтыся!

Перед ними, наведя на них винтовки, стояли два парня, на рукавах которых были белые повязки с надписью «поліцай». Или украинка, которая дала Сашке хлеб и картофелины, донесла о них в полицию, или сами полицейские, совершая обход, обнаружили их под кустом.

– Це москалі, – сказал один из них. – Що буде робити з людьми? Стреляти?

– Ни, Микола, – ответил ему второй парень, постарше первого.

– Якая минэ и тебе выгода?

– Доставляти к нимцэм?

– Ни, Микола. К румунам. Вони давати леи, ми купити горилку.

– Це гарно!

– Идемте с нами. Идите впереди, не пытайтесь бежать. Будем стрелять, – уже по-русски командовал задержанным старший полицейский.

Оказалось, что оба полицейские хорошо говорили по-русски. Украинская мова им нужна была для того, чтобы показать, что получив винтовки и повязки, они здесь стали хозяевами земли и людей. Беглецы вскоре оказались в румынском пересыльном лагере для военнопленных, расположенном около города Херсона. Здесь были и пленные, побывавшие в немецком лагере для военнопленных, а затем переданные (подаренные?) немцами своим союзникам-румынам.

По отношению к пленным немцы отличались жестокостью и бесчеловечностью. Взятых в плен советских военных ставили в строй, проходя перед которым немецкий офицер, показывая пальцем на того или иного пленного, говорил «юде», «коммиссар». Указанных им отводили в сторону и тут же расстреливали.

В немецком лагере для военнопленных, находившемся в степи под открытым небом, на пространстве, огороженном колючей проволокой, содержалось несколько тысяч пленных. Загнав пленных за колючую проволоку, немцы две недели их ничем не кормили, так как фашистскими «учеными» было «научно доказано», что голодавший такой срок человек останется жив, но будет не в состоянии бежать или оказать активное сопротивление. Затем пленных садили на голодный паек и отправляли на тяжелые физические работы. Раненых никто не лечил. Смертность от ран и от голода в лагере была ужасной.

Отношение к военнопленным у румын было более мягким, чем у немцев. Немецкие конвоиры казались более корректными, более культурными. Румынские конвоиры, бывшие крестьяне, грубые, кричали на пленных, при малейших возражениях пускали в ход кулаки. Но румынским властям русские пленные были нужны в качестве доказательства побед их войск в России.

Доблестная румынская армия, как сообщала румынская пресса, вела героическую борьбу на просторах России, наказывая русских агрессоров, отнявших у румын Бессарабию. (На самом деле, как известно, румынские войска воевали на Восточном фронте весьма неважно). Нужны были подтверждения героизма румынских армий, посланных на войну в России.

Алексей вместе с другими военнопленными был отправлен в Румынию, где они содержались в концентрационном лагере близ города Тимишоара. В лагере офицеры находились отдельно от остальных

пленных, на работы они не привлекались, но кормили их очень плохо, единственной пищей была мамалыга – каша из кукурузы или лепешки из кукурузной муки. Пленные собирали какие-нибудь вещи, у кого что было – часы, электрические фонарики, портсигары и т.п., и отдавали охраннику, который на вырученные от их продажи деньги приносил хлеб.

Румынская печать во время войны изображала русских в неприглядном виде, на карикатурах их рисовали с собачьими или пороссячьими головами. Жена какого-то румынского генерала пожелала посмотреть на русских. Когда к генералу пригласили Алексея, посмотрев на него, она сказала: «Оказывается, русские очень симпатичные, в такого русского я могла бы даже влюбиться».

Румынский офицер, начальствующий над бараками с пленными советскими офицерами, симпатизировал им и давал различные поблажки, приносил румынские и немецкие газеты, смотрел сквозь пальцы на то, что пленные смастерили радиоприемник и слушали московское радио. Его часто наказывал полковник, начальник лагеря, накладывал на него штрафы. Их шеф (он был богатым человеком) в этих случаях доставал из грудного кармана пачку денег, отсчитывал и бросал в начальника назначенную сумму штрафа.

О разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом, окружении и пленении целой немецкой армии, о полном разгроме на Среднем и Верхнем Дону двух румынских армий и пленении их остатков пленные узнали из передач московского радио. Настроение пленных поднялось, они теперь с жадностью ловили сводки о продвижении советских войск на запад и освобождении ими все новых городов. Кормить пленных стали лучше, изменилось в лучшую сторону и отношение к ним охранников. В августе 1944 г. советские войска вступили в Румынию, пленные были освобождены.

Алексей сохранил в плену зашитыми в подкладку шинели справку о направлении в госпиталь по ранению, орден Красной Звезды и первую страницу карточки кандидата в члены ВКП(б). При первой же возможности он отправил домой письмо: в конверте лежал маленький листочек из записной книжки, на котором было написано, что он жив и здоров, поставлена дата отправки письма. Никаких сведений о себе он не сообщал. Мать и бабушка плакали от радости. Радовались все члены семьи.

В «фильтрационном» лагере¹¹ молодой младший лейтенант с голубыми погонами, допрашивавший военнопленных, сразу взял быка за рога, грозно задав свой первый вопрос:

---

¹¹ «Фильтрацию» осуществляли все воюющие страны. Либеральные политики, историки и журналисты сочинили миф, что в СССР «все попавшие в плен считались предателями и из фашистских концентрационных лагерей все попали в сталинский ГУЛАГ». Это искажение истины – неимоверное преувеличение. По данным Управления уполномоченного по делам репатриантов на 1 марта 1946 г. были репатрированы 4 199 488 чел., в их числе были: 1) бывшие военнослужащие, освобожденные из плена (1,8 млн чел.); 2) сотрудничавшие с фашистами, служившие им во вспомогательных службах – «хиви» (900 тыс. чел.); 3) воевавшие против советских войск в составе немецких воинских формирований – «власовцы» и др.; 4) служившие у немцев «полицаями» и т.п.

После «фильтрации»: а) были отпущены по домам – 2 427 304 чел (57,8 %), б) призваны в армию – 802 102 чел. (19,1 %), в) направлены в армейские рабочие батальоны – 608 936 чел. (14,5 %), г) использовались для работы при советских воинских частях и учреждениях – 88 189 чел. (2,1 %), д) переданы НКВД – сотрудничавшие с фашистами, воевавшие против советских войск в составе немецких воинских формирований, служившие у немцев полицаями, бургомистрами и т.п. – 272 967 чел. (6,5 %).

Из числа переданных НКВД, после тщательной проверки и судебного разбирательства, при установлении виновности: а) были заключены в концентрационные лагеря – 120 тыс. чел. (3 %), б) отправлены на спецпоселение – 145 тыс. (3,5 %). См.: Полян П. «ОСТы» – жертвы двух диктатур // Родина. М., 1994. № 2. С. 57.

– Бывший лейтенант Красной армии Гаврилов Алексей Васильевич. Расскажите, как вы добровольно сдались в плен вместе со своей ротой?

По-видимому, подобными вопросами он начинал допрос всех освобожденных из плена. Но он не успел еще дослушать нелицеприятное мнение бывшего пленного о нем самом (молокосос!), как в комнату вошел капитан и сказал ему:

– Идите, погуляйте. Я сам проведу допрос.

Он не стал задавать вопросов и рассказал:

– Сохранились архивы вашего госпиталя, подтверждающие, что вы попали в плен тяжело раненым. Материалы медицинского осмотра подтверждают ранения. В лагере военнопленных, в котором вы находились, в числе пленных были наши сотрудники и один из секретарей Крымского обкома ВКП(б). Они сообщили, что вы достойно вели себя в плену, дали вам хорошую характеристику. Вам возвращают воинское звание, награды. Решено направить вас в действующую воинскую часть. Война еще не окончена, еще успеете повоевать.

Алексей прибыл в воинскую часть, которая находилась на границе с Венгрией и готовилась к наступлению по ее освобождению от немецко-фашистских войск. Он принял под свое командование роту, знакомился с личным составом. Командир батальона был очень доволен, что ему прислали офицера с боевым опытом. Но пробыл Алексей в этой части только неделю.

Его вызвал командир полка и сказал:

– Получил приказание срочно направить вас в распоряжение штаба армии. Я воюю полтора года, подполковник, но выше штаба дивизии нигде не был. Вы только что прибыли к нам, непонятно, зачем штабу армии потребовался офицер в звании лейтенанта. Ничего не понимаю.

Алексей тоже не знал причину вызова и не мог ничего сказать вразумительного по этому поводу.

– Приказ есть приказ. Поезжайте. Все необходимые документы вам выписаны, – заключил подполковник. – Счастливого вам пути!

Счастливым ли он был для Алексея, читатель сможет сам определить из дальнейшего нашего рассказа. Как оказалось, направление Алексея в воинскую часть и срочный вызов его в штаб армии были результатом обычной неразберихи и несогласованности действий разных военных ведомств.

Армейское командование формировало штурмовые батальоны – особые временные воинские формирования, предназначенные для использования на наиболее тяжелых и опасных участках боевых действий, для блокирования и уничтожения опорных пунктов и укрепленных огневых позиций противника. Личный состав штурмовых батальонов состоял целиком из офицеров, освобожденных из плена при наступлении Советской армии в 1944 г.

Эти формирования по своему характеру были средними между обычными воинскими подразделениями и штрафными батальонами, предназначенными для отбывания офицерами наказаний за уголовные и воинские преступления, совершенные в военное время. Организаторов штурмовых батальонов не смущало, что многие из освобожденных из

плена офицеров не совершали никаких преступлений, не нарушали воинской присяги, попали в плен тяжело ранеными, и в их захвате противником в плен были виноваты не они, а их командование, не сумевшее или не имевшее возможности эвакуировать раненых в тыл.

Алексей был направлен в небольшой румынский городок Рымнику Сарат, расположенный недалеко от советско-румынской государственной границы, где формировался его штурмовой батальон. Включенные в штурмовые батальоны не были лишены офицерских званий, носили офицерскую форму и офицерские погоны, но без звездочек. В Рымнику Сарате Алексей находился четыре месяца, август-ноябрь 1944 г. За это время освобожденные из плена отдохнули, подкрепились, поправились физически. Непрерывно шли учения. Отрабатывались тактика уличных боев, способы применения различных видов оружия, приемы рукопашного боя. В декабре 1944 г. их штурмовой батальон выехал на фронт.

БУДАПЕШТ – ХИНГАН – ПОРТ-АРТУР

*...И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

М.Исаковский.

*Через горы, реки и долины,
Сквозь пургу, огонь и черный дым...*

Б.Ласкин, Н.Лобаковский.

Советские войска, вступившие на территорию Венгрии, 29 октября 1944 г. развернули наступление вглубь страны. Войска 2-го Украинского фронта, прорвав оборону венгерской армии по реке Тисе и в междуречье Тисы и Дуная, вышли к внешнему оборонительному обводу венгерской столицы г. Будапешта с юга, востока и севера. Войска 3-го Украинского фронта в это время форсировали реку Дунай, расширили плацдарм, а затем, наступая на север, разгромили немецкие и венгерские войска между озером Балатон и Дунаем и охватили Будапешт с юго-запада. 26 декабря 1944 г. войска двух фронтов соединились в районе г. Эстергома, завершив окружение 180-тысячной будапештской группировки противника. Советское командование предъявило окруженным вражеским войскам ультиматум о капитуляции, но он был отвергнут, а посланные для переговоров советские парламентарии вероломно убиты.

Фашистское командование, стремясь во что бы то ни стало удержать в своих руках Венгрию, перебросило к Будапешту значительные силы из Западной Европы и предприняло ряд сильных контрударов, в частности организовало мощный танковый контрудар в районе озера Балатон, но все они были отбиты с большим уроном у немцев. Это создало необходимые условия для развертывания наступления с целью ликвидации немецко-венгерской группировки, окруженной в Будапеште. Штурм Будапешта продолжался 50 дней. Прорвав внешний оборонительный обвод города, советские войска начали уличные бои. Активное участие в них приняли штурмовые батальоны.

Уличные бои в Будапеште носили ожесточенный характер. Защищавшие город немцы и мадьяры-фашисты сражались с фанатичным упорством, бои шли не только за каждую улицу, но и за каждый дом, нередко – за каждую отдельную квартиру. Бывалые ветераны говорили, что таких ожесточенных уличных боев они не видели со Сталинграда. Штурмовой батальон, в котором служил Алексей, с приданными ему несколькими артиллерийскими орудиями, медленно продвигался вперед, вгрызаясь в немецкую оборону, очищая от противника дом за домом. Надо было, вышибив ногой дверь, бросить гранату и, сразу же, не мешкая ни секунды, врываться в дом, кося автоматной очередью еще не опомнившихся от взрыва солдат и офицеров противника.

Успешному продвижению штурмового батальона, удачному выполнению заданий командования и небольших потерь личного состава способствовал имевшийся в батальоне офицер, хорошо знавший венгерский язык, когда-то живший в Будапеште и знавший город. Он расспрашивал местных жителей, главным образом женщин и детей, есть ли у них немцы, где они находятся, что давало возможность быстро и без людских потерь занять некоторые дома и блокировать здания, в которых засели фашисты. Используя городской телефонный справочник, он находил телефоны жителей улиц, расположенных на пути наступления батальона, звонил туда и узнавал, есть ли у них немцы, есть ли у них на улице немецкие танки и пушки, где они находятся.

Советские войска вскоре очистили почти всю восточную часть города – Пешт, вышли к Дунаю, за которым находилась другая часть города – Буда. 6 февраля 1945 г., перебегая через какую-то площадь, Алексей был ранен двумя пулями, попавшими в живот и в ногу, в ту же, в которую был ранен ранее. Фашистского автоматчика, стрелявшего из подвала, забросали гранатами, а девушки-санитарки вытащили Алексея с места боя и срочно доставили в медсанбат, где ему немедленно сделали операцию. Позже, уже после войны, имея 18 орденов и медалей, Алексей особенно ценной из своих наград называл «Медаль за взятие Будапешта». После взятия Пешта советские войска быстро заняли Буду. 13 февраля 1945 г. Будапешт был очищен от фашистских войск. Будапештская группа немецко-фашистских войск была полностью ликвидирована.

После двухмесячного пребывания в госпитале, Алексею предоставили отпуск для выздоровления, передав его на попечение молодой мадьярки, муж которой погиб где-то на фронтах, владелицы небольшой фермы, которая хорошо говорила по-русски. Двухнедельный отдых у нее помог восстановить силы. Известие о Победе над Германией Алексей встретил в воинской части под Прагой.

Всеобщее ликование было недолгим. Командир дивизии на банкете, состоявшемся для офицеров, сказал: «Для нас война еще не закончилась». Дивизия еще некоторое время вылавливала группы немецких солдат и офицеров, пытавшиеся пробиться на Запад. В июне наших воинов погрузили в эшелон и повезли на восток. Никто не знал, куда их отправляют, ходили слухи, что, возможно, на парад Победы. В Познани они узнали, что поедут в Монголию.

Германия капитулировала, но в Азии и на Тихом океане продолжалась война. У дальневосточных границ находился другой опасный агрессор – Япония, имевшая в Маньчжурии миллионную Квантунскую армию, готовую при удобном случае к нападению на СССР. Интересы восстановления мира во всем мире требовали ликвидации этого опасного очага войны. Япония отклонила совместное требование США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции.

На Тегеранской конференции 1943 г. глав правительств США, Великобритании и СССР советская делегация дала согласие вступить в войну против Японии после разгрома фашистской Германии. На Крымской конференции, состоявшейся в феврале 1945 г., советское правительство дало обещание выступить против Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии. Верное своим обязательствам, оно начало переброску освободившихся на западе воинских частей на Дальний Восток. Предстояло передислоцировать, перевезти с запада на восток, через всю страну, на расстояние почти в десять тысяч километров, несколько войсковых армий и технику.

Транссибирская железнодорожная магистраль была забита воинскими составами с людьми и техникой. Пассажирское и грузовое движение по ней не прекращалось, воинские составы продвигались медленно, долго стояли на станциях и полустанках на запасных путях. Алексей в окно вагона смотрел на знакомые места. Он отпросился у начальства отстать от поезда на станции Яя на сутки, чтобы отдохнуть и сходить в баню, с тем, что он затем догонит свой эшелон. Сойдя с поезда, он с любопытством осматривал места, связанные с пребыванием семьи в Сибири.

Эшелон разгрузился в Монголии на железнодорожной станции Бин-Булак. Вслед за ними один за другим прибывали новые составы с людьми и техникой, в том числе с танками Т-34 и САУ-76. В советских дальневосточных дивизиях были устаревшие танки БТ-5, Т-26. Происходило сосредоточение близ границы с Маньчжурией советской 39-й армии, которой командовал генерал-полковник И.И.Людников. Прибыло пополнение из семнадцати-, восемнадцатилетних солдат 1927 г. рождения, «необстрелянных», еще не участвовавших в боях. В роте Алексея их оказалось около половины состава.

Командиры занимались военной подготовкой своих подразделений, изучали опыт боев с немецко-фашистскими войсками, проводили политико-воспитательную и культурно-массовую работу. Часто шли проверки за ходом боевой подготовки со стороны командования дивизии, корпуса, армии. Вместе с советскими войсками готовилась к предстоящим боям монгольская армия. С группой советских командиров их часть посетил маршал монгольской армии Чойбалсан. В начале августа советские войска заняли исходные позиции для наступления.

8 августа 1945 г. советское правительство объявило войну Японии, а 9 августа советские войска начали наступление на Маньчжурию, нанося по ней мощные удары с запада, севера и северо-востока. Не дожидаясь вступления в войну Советского Союза, США, чтобы устроить своей мощью весь мир, 6 и 9 августа сбросили на Японию, на города Хиросиму

и Нагасаки, две атомные бомбы, уничтожившие сотни тысяч мирных граждан, хотя это и не диктовалось военной обстановкой.

Войска Забайкальского фронта, наступавшие с запада, с территории Монголии, должны были внезапным стремительным движением главных сил обойти с юга Халун-Аршанский укрепленный район японцев, преодолеть песчаную пустыню Гоби и горный хребет Большой Хинган, считавшиеся японцами непроходимыми для современной техники. Выйдя на равнину, в Центральную Маньчжурию, в тыл основных сил Квантунской армии, они должны были разгромить находившиеся там группировки противника и не допустить их отхода на юго-восток.

Войска Забайкальского фронта перешли в наступление без артиллерийской и авиационной подготовки. Немногочисленные части и подразделения японской армии, находившиеся в приграничной полосе, не могли оказать серьезного сопротивления. Впереди наступавших двигался передовой отряд в составе мотопехоты на автомашинах, усиленный самоходными артиллерийскими установками, противотанковой и полевой артиллерией, реактивными системами М-13 и М-31. За передовым отрядом двигались танки, за ними шли пешком стрелковые части. Наибольшие трудности выпали на пехоту, которая сразу же далеко отстала от механизированных частей и танков.

Дорог не было. Грунтовых дорог, нанесенных на топографические карты, в действительности, не оказалось. Марш проходил по безграничной песчаной пустыне, безводной и незаселенной местности. За все время марша встретили только несколько юрт кочевников. Стояла невыносимая жара, земля раскалилась, дышать было трудно. От высокой температуры воздуха и грунта быстро изнашивалась авторезина, автомобили останавливались. Не хватало воды, ее распределяли по строгим нормам. Показанных на картах колодцев и водоемов тоже не оказалось.

Организованные по пути движения колонн водные пункты не могли обеспечить достаточным количеством воды, которую требовали не только люди и лошади, но и автомашины, самоходные установки и техника. Автомобильный транспорт не успевал за ушедшими вперед войсками. Питание и воду в резиновых резервуарах ушедшим вперед частям сбрасывали с транспортных самолетов, но эти сбросы не могли их обеспечить водой в необходимом количестве.

Длительный марш по пустыне Гоби был особенно трудным испытанием для солдат и офицеров пехотных частей, которым приходилось тащить еще личное оружие, пулеметы, орудия. Стрелковые части проходили в день в среднем по 40 километров. Несмотря на сложности перехода, среди личного состава господствовало боевое наступательное настроение, все понимали важность выполняемой боевой задачи. Солдаты и офицеры стойко переносили невзгоды, проявляли мужество, героизм, высокий боевой дух.

Наибольшие трудности испытывали молодые солдаты 1927 г. рождения, не имевшие необходимой физической закалки. Многие из них выбились из сил, не могли идти, обессиленные падали на землю, говоря, что больше идти не могут. На счастье роты, им встретились монголы-кочевники с верблюдами. Находчивые солдаты тут же забрали у

монголов верблюдов, сказав им, что так велел Чойбалсан. Он пользовался в Монголии непререкаемым авторитетом, рядовые монголы его очень боялись. Монголы послушно и безропотно отдали верблюдов советским солдатам.

Теперь идти стало легче, орудия тащили верблюды, обессилевших и больных солдат по очереди стали везти на повозках. Конечно, советские солдаты и офицеры, забрав у монголов верблюдов, действовали самовольно, но они знали, что монгольские войска наступают совместно с советскими войсками Забайкальского фронта и что монгольское правительство и монгольское население безоговорочно оказывали советским войскам всевозможную и всемерную помощь.

Трудной естественной преградой для наступавших частей стал хребет Большой Хинган с его отрогами, перевалами, недоступными вершинами, узкими ущельями, отвесными скалами, болотистыми падами, заболоченными речками и ручьями. По узким горным тропам можно было двигаться только одной колонной, танки и автомашины могли идти только на малой скорости. С круч орудия спускали на тросах, из болотистых мест автомашины вытаскивали тракторами и танками.

Пройдя за 11 дней через пустыню Гоби и Большой Хинган, советские войска Забайкальского фронта совершенно неожиданно для японцев вышли на равнину, в Центральную Маньчжурию. Начались ливневые дожди, которые шли почти непрерывно. Дороги раскисли, реки и даже небольшие ручьи вздулись, затопили поймы и превратились в серьезные преграды.

Отбив несколько атак японских частей и нанеся им большие потери, войска вышли к магистральной железной дороге Чанчунь – Мукден – Порт-Артур. Оказавшись в Центральной Маньчжурии, советские солдаты и офицеры поразились бедностью китайских крестьян. Их дома были сооружены из глины, в них не было ни обрезка дерева, ни кусочка стекла, единственной мебелью служила лежавшая на земляном полу циновка из тростника.

15 августа японский император заявил о согласии Японии на безоговорочную капитуляцию и отдал приказ японским войскам прекратить военные действия. К этому времени войска 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов прорвали пограничные оборонительные укрепления японцев в северной и северо-восточной Маньчжурии и продвигались к Центральной Маньчжурии. Войска Забайкальского фронта вышли в тыл находившихся в Центральной Маньчжурии главных сил японских войск. Дальнейшее продолжение военных действий для японских войск оказалось невозможным и бессмысленным. 17 августа штаб Квантунской армии передал по радио приказ своим войскам о прекращении военных действий, складывании оружия и сдаче в плен.

Японцы начали сдаваться в плен, но чтобы ускорить их пленение, не дать возможности эвакуировать или уничтожить материальные ценности, вперед советским командованием были высланы передовые отряды, в крупных городах высажены воздушные десанты. Советские войска неуклонно продвигались вперед, не встречая сопротивления. Отдельные японские части, не пожелавшие сдаться в плен, еще

несколько дней продолжали сопротивление, но были быстро уничтожены.

20 августа советские войска заняли Мукден, Чанчунь, 23 августа – Ляоян, 23–24 августа воздушно-десантные войска заняли Порт-Артур и Дальний (Дайрэн). Японские части присылали парламентариев, что ждут, когда их возьмут в плен, просили прислать представителей принять их капитуляцию. Квантунская японская армия прекратила свое существование. 138-я стрелковая дивизия, в которой служил Алесей, заняла город Фушин. 26 августа они вступили в Дальний (Дайрэн). Их встречали с оркестром, который исполнял трогательный, печальный вальс «На сопках Маньчжурии». Позднее, после войны, Алексей всегда говорил, что он «не может без волнения слушать этот вальс, на глаза наворачиваются слезы». Почти все советские солдаты и офицеры впервые слушали мелодию полузабытого вальса. После разгрома Японии в 1945 г. этот нестареющий, неувядающий вальс снова вошел в жизнь народа и до сих пор пользуется большой популярностью. Вальс и сейчас напоминает о тяжелых переходах, кровопролитных боях в Маньчжурии в 1904–1905 и 1945 гг.

2 сентября 1945 г. японские представители подписали акт о капитуляции. СССР были возвращены Южный Сахалин и Курильские острова. Вторая мировая война закончилась полным разгромом агрессоров.

Наступил мир, но советские войска продолжали находиться на занятой территории. Начали подходить китайские чанкайшистские воинские части, но их не пускали в города, ожидали прихода войск Народно-освободительной армии Китая, которой советские власти и передавали управление городами. После этого чанкайшистские части безмолвно оставляли занятые позиции и уходили на юг, в Северный Китай, где продолжали войну.

Формирования Народно-освободительной армии имели любопытные экипировку, организацию и снабжение. Все солдаты, офицеры и генералы были одеты в одинаковые ватные куртки, ватные штаны, на голове носили шапки-ушанки, на ногах были надеты ботинки или обувки типа тапочек. Солдаты нижнего белья не имели, оно было только у офицеров. Принадлежность солдата к Народно-освободительной армии доказывали имевшаяся у него винтовка и пришитая к ватной куртке белая тряпочка, на которой были начертаны иероглифы, означавшие «Народно-освободительная армия Китая», на ее обороте были написаны фамилия и имя солдата. Никаких других документов солдаты не имели.

Воинские звания и должности различались по количеству имевшихся на куртке карманов по принципу, чем больше было карманов, тем выше был пост. Приезжавшие в часть Алексея китайские командиры имели на куртках по четыре-пять карманов. Солдатам на пропитание в день выдавались по 400 граммов риса и чай без сахара. И ничего больше! Солдаты были довольны таким питанием. Офицерам полагался чай с сахаром.

Советским офицерам и солдатам было нелегко приспособиться к своеобразной стране. Перед приемом у мэра города советский переводчик предупредил участвующих в нем офицеров не спрашивать, из чего

приготовлены подаваемые блюда. Один из офицеров не послушался совета и спросил, как приготовлено очень понравившееся ему кушанье. Вызванный повар стал объяснять:

– Это очень изысканное кушанье. Для его приготовления используют мясо змеи, мышинные хвостики, ласточкино гнездо... С любопытным офицером стало плохо, его отвели в туалет, где несчастного не оставляла рвота все время, пока шел прием и произносились речи. Когда прием закончился, настала пора возвращаться домой, оказалось, что горемычный офицер настолько ослаб, что не мог идти, и товарищи вынуждены были нести его до автобуса на руках.

Удивляла бедность страны. Китайцы, находившие возле расположения советских воинских частей выброшенные солдатами обломки досок, помятые железные бочки из-под горючего, шестеренки с обломанными зубьями, всяческие негодные железки, подбирали их. Все это представляло для них большую ценность. Крестьянин, подобравший какую-то железку, объяснял советским солдатам: «Отнесу железо деревенскому кузнецу, из него он выкует мне нож, мотыгу, другие нужные в хозяйстве вещи».

Очень сложной и напряженной была общественно-политическая обстановка в занятых советскими частями местностях. Сказывалось, что в Маньчжурии долго хозяйничали японцы, после капитуляции Японии здесь осталась их агентура. Среди китайцев отношение к пришедшим русским тоже было неоднозначным. Сначала было много случаев отравления военных каким-то восточным ядом. Способов лечения, противоядия советские врачи не знали. Отравленные теряли зрение, их приходилось списывать из армии.

Солдаты общались с населением, знакомились с китайскими девушками. Произошло несколько случаев, когда солдаты, отпущенные в увольнение или ушедшие в самоволку, исчезали. Потом их находили убитыми и брошенными в колодезь. На просьбы провести расследование этих убийств, китайские власти меланхолично отвечали, что это их не касается, это сделали «хунхузы».

Однажды, когда группа советских офицеров ехала на трамвае, они заметили, что к ним из другого конца вагона через толпу протискивается японец с горящими, как у наркомана, глазами. Увидев его, переводчик что-то сказал китайцам, которые, встав плотной стеной, перегородили дорогу японцу. На очередной остановке японец вышел из вагона и длинным ножом распорол свой живот – сделал «харакири». Им объяснили, что был День императора, в этот день истинный японец дает клятву убить врага, а если это обещание не будет выполнено, должен покончить с собой.

Посмотреть Порт-Артур приезжали три Маршала Советского Союза – А.М.Василевский, Р.Я.Малиновский и К.А.Мерецков – главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке и командующие двух фронтов. Солдаты и офицеры с восторгом приветствовали известных военачальников. Маршалы осмотрели город, возложили цветы к памятникам русским воинам, павшим во время героической обороны Порт-Артура в 1904–1905 гг.

В Порт-Артуре воинская часть Алексея была занята работой в порту. Они вывозили оборудование демонтированного в качестве репараций японского Мукденского арсенала. Алексей был начальником пирса. Солдаты жили в казармах в порту, офицеры – на дачах, расположенных по другую сторону залива. Каждое утро к ним аккуратно приплывал китаец-лодочник, который за мизерную плату перевозил их на другой берег залива. Вечером он перевозил их обратно.

Лодочник очень гордился и дорожил своей работой. Иметь работу, любую, даже самую низко оплачиваемую, у китайцев тогда считалось быть обеспеченным, не умереть с голоду. Когда проплывали через залив и видели в воде червяка, похожего на российских дождевых червей, но более толстого и длинного, лодочник обязательно подплывал к нему, подцеплял его пальцем, немного полоскал в воде, а затем, к удивлению перевозимых им офицеров, отправлял его в рот, удовлетворенно приговаривая:

– Шанго! Шанго!

Промышленное оборудование грузилось на пароходы и отправлялось в Советский Союз на металлургические и медеплавильные заводы Новокузнецка, Челябинска, Орска и других городов. В порту работали также японские военнопленные, занятые тоже погрузкой различных грузов. Работали они хорошо, говорили, что работать им велел император, которого они считали священным.

В городе оставалось много гражданских японцев, мужчин и женщин, ожидавших эвакуацию в Японию. Они подвергались дискриминации со стороны китайцев, разным обидам, оскорблениям и унижениям, голодали. Молодые японки искали покровительства и помощи у советских офицеров. Японские девушки, по сравнению с китайками, были более образованными, изысканными. Все советские офицеры, работавшие в порту, очень скоро обзавелись подругами-японками. После войны Алексей долго хранил у себя цветные открытки с гейшами и фотографию молодой изящной японки.

Алексей уже шесть лет был на военной службе, шесть лет не был дома. Перебрасываемый с одного фронта на другой, из одной дивизии в другую, мотавшийся между фронтом и госпиталями, пробывший два с половиной года в плену, получивший три ранения и контузию, он оставался в звании лейтенанта. Военная карьера не светила. Ему было почти 30 лет. Рассчитывать на быстрое и легкое продвижение вверх по службе, побывав в плену, независимо по какой причине, в то время было нереально. Подводило здоровье, давали знать контузия и три ранения.

Началась демобилизация офицеров. В первую очередь списывали из армии офицеров, не имевших военного образования и получивших офицерское звание во время войны. Алексей до войны окончил военное училище, демобилизации не подлежал. Однажды встретив своего товарища по Сухумскому пехотному училищу, который был уже капитаном и служил адъютантом у командующего армией, он попросил его помочь демобилизоваться из армии.

Через некоторое время пришел приказ демобилизовать лейтенанта А.В.Гаврилова. Командир полка недоумевал:

– Командир одной из лучших наших рот. Мы не давали представления на вашу демобилизацию. Наоборот, штаб полка готовил представление на присвоение вам очередного военного звания. Ну что ж, поезжайте домой.

В ноябре 1946 г. Алексей был уволен из армии и выехал домой. Радость отца, матери, бабушки, всех родных, через шесть лет впервые увидевших его, была безмерной. С замиранием сердца несколько дней и ночей подряд они слушали его рассказы о войне, о своей жизни в эти годы.

ОГНЕННАЯ ПЕРЕПРАВА

*Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый...
Пушки бьют в крошечной мгле.
...Кому память, кому слава,
Кому темная вода –
Ни примет, ни следа.*

А.Т.Твардовский.

Финские войска, вместе с немецко-фашистскими армиями осенью 1941 г. наступавшие на Ленинград, захватившие Карелию и двигавшиеся на юг, должны были соединиться с наступавшими навстречу им немецкими войсками и замкнуть вокруг Ленинграда второе кольцо окружения. Они были остановлены советскими войсками на рубеже реки Свирь, вытекавшей из Онежского и впадавшей в Ладожское озеро, и продвинуться дальше не смогли. Немецкие войска, двигавшиеся им навстречу, захватили город Тихвин, но были разгромлены советскими войсками, Тихвин был освобожден, а немцы отброшены за реку Волхов. План создания второго кольца окружения вокруг Ленинграда провалился, фронт надолго стабилизировался.

Финская армия, занявшая правый, северный берег Свири, находилась там почти три года и за это время создала мощную, глубоко эшелонированную оборону, соорудив шесть оборонительных полос. Этому способствовали и природные условия края. Серьезным препятствием для наступавших были полноводная река Свирь, имевшая ширину от 300 до 400 метров, и лесисто-болотистая местность Южной Карелии – заболоченные лесные массивы, большое количество озер и рек, бездорожье, создававшие большие трудности для продвижения войск и тяжелой техники – танков, артиллерии и т.п. Финны были уверены в неприступности своих позиций.

Летом 1944 г., когда развернулось полномасштабное изгнание немецко-фашистских оккупантов и их союзников с советской территории, советское командование решило нанести мощные удары по финским войскам, занимавшим советскую территорию. Войска Ленинградского фронта, при поддержке кораблей и авиации Балтийского флота, 10–20 июня 1944 г. разгромили финскую воинскую группировку на Карельском перешейке и 20 июня освободили город Выборг.

Войска Карельского фронта 21 июня 1944 г. начали Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию, ставившую своей целью раз-

гром финской воинской группировки, занимавшей территорию между Онежским и Ладожским озерами. Главный удар наносился из района Лодейного Поля на север в направлении городов Олонец и Сортавала. Его осуществлял 37-й стрелковый корпус, входивший в 7-ю армию. В операции по форсированию Свири участвовал 296-й стрелковый полк 18-й воздушно-десантной бригады, в котором служил десантником-автоматчиком Павел Васильевич Гаврилов.

После окончания в 1942 г. Красноуфимского педучилища он полгода проработал учителем. 8 февраля 1943 г. был призван в армию и направлен в Краснохолмское военное училище, находившееся в Чкаловской (ныне – Оренбургской) области, в 35 километрах от железнодорожной станции Платовка. Но училище курсанты не окончили – были переведены в воздушно-десантные войска. Теперь их военно-боевая и тактическая подготовка сочетались с прыжками с парашютами с самолетов и аэростатов. В июне 1944 г. они были переброшены в Подмосковье, в г. Яхрому. Воздушно-десантные войска считались резервом Главкомандования и подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандующего. После переформирования воздушно-десантные бригады (18, 19 и 20-я) были отправлены на Карельский фронт.

Десантники высадились в лесу, в 70 километрах от Лодейного Поля. Переходы совершали ночью, для ночлега делали шалаши из еловых веток, днем стояли в лесу, изготавливали чучела. Выдвинувшись к Свири, они заняли исходные позиции. Рано утром, на рассвете 21 июня началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся три с половиной часа. Советская артиллерия громила финские позиции на северном берегу Свири. Затем их стала обрабатывать штурмовая авиация. Одновременно авиация подвергла бомбежке финские военные объекты в их тылу и в городах Олонец и Петрозаводск. За 15 минут до окончания артиллерийской подготовки началось форсирование реки Свири.

Первыми начали переправу 12 плотов с чучелами солдат, которые должны были принять на себя первый огонь врага. На каждом плоту находилось по 10 чучел солдат, одетых в солдатские шинели, на их головы были надеты каски, и один солдат-доброволец, управлявший плотом. Их задача состояла в том, чтобы занять площадки на берегу, обеспечить высадку на них десанта. Когда взлетели сигнальные ракеты, десантники-добровольцы с чучелами поплыли к занятому финнами берегу.

Группа десантников-курсантов, в которую входил Павел, должна была оказывать помощь десантнику-добровольцу. После взлета сигнальной ракеты они потащили плот с чучелами к берегу Свири. Тащить плот надо было метров 200–250, доброволец с веслами отстал. Плот был тяжелый, доброволец столкнуть его не мог. Тогда десантники-курсанты группой дружно налегли на плот, столкнули его в воду, и доброволец с чучелами поплыл к другому берегу. Все 12 плотов с чучелами и добровольцами благополучно переплыли реку и закрепились на другом берегу. Обстрел реки финнами был слабым. Когда началась артиллерийская подготовка, финны отвели основную часть своих войск на вторую линию.

Следом за добровольцами-разведчиками началась переправа первого эшелона десанта. Переправа шла под усилившимся огнем противни-

ка. Продолжалась артиллерийская подготовка, советская артиллерия продолжала бить по финскому берегу, финны простреливали из пулеметов и минометов пространство реки. Гремела канонада, на реке там и сям взрывались мины, вызывая водяные фонтаны, но, тем не менее, плот с десантниками, на котором плыл Павел, благополучно переправился через Свирь.

Однако огонь по реке с финской стороны в это время был еще не очень сильный, потери в людском составе среди переправлявшихся первыми были небольшие. Когда десантники высадились на берег, оказалось, что он был густо опутан проволочными заграждениями. Входившие в состав десанта саперы быстро проложили в проволочных заграждениях проходы, десантники-автоматчики через них устремились наверх и ворвались в финские траншеи.

Второму эшелону, в котором переправлялись и штабы батальонов, повезло меньше. Финны, опомнившиеся после прекращения артподготовки, снова заняли свои передовые позиции и усилили огонь по переправлявшимся через реку советским войскам. Второй эшелон понес большие людские потери. Десантники, находившиеся на плотках, в которые попадали мины, обычно все гибли.

Советская артиллерия подавила выявившиеся огневые точки финнов и обеспечила безопасность переправы. В полдень инженерные войска организовали через Свирь несколько паромных переправ, а к вечеру навели мосты, через которые на плацдарм пошли колонны тяжелой военной техники.

Переправившись через Свирь, десантники прорвали первую линию финской обороны. Мелкие группы финнов, пытавшиеся сопротивляться, были уничтожены, некоторые финны сдавались в плен. Советская артиллерия перенесла свой огонь дальше, на вторую линию финской обороны. Наступательный порыв десантников был настолько стремительным, что они, не задерживаясь на первой линии обороны, непрерывно двигались вперед.

Перед ними была поставлена задача: продвинуться как можно дальше! Подразделения перемешались, командиры потеряли своих подчиненных, те не видели своих командиров. Стихийно складывались группы из разных подразделений под командой наиболее активных сержантов или лейтенантов, которые руководствовались единой командой: «Вперед! Вперед!»

Группу, в составе которой действовал Павел, возглавил сержант Ивлев, оказавшийся умным и наблюдательным человеком. На лужайке он по брошенному окурку определил, что тут недавно проходили финны, надо быть осторожными. Нашли тропинку, по которой двинулись вглубь леса. Внезапно по ним открыли огонь из автоматов и пулеметов, несколько курсантов упали убитыми или ранеными. Пулеметчики открыли ответный огонь, но стреляли они наугад, понизу, не видя противника. Ивлев закричал: «Стреляйте поверху, по кроне деревьев. Финны знают свой лес, стреляют с деревьев. Надо думать головой». Такая стрельба оказалась более эффективной. Огонь со стороны финнов прекратился, бросив своих убитых, они стали поспешно отходить назад.

Вся местность была заминирована финнами. Приходилось продвигаться вперед с большой осмотрительностью. Встречались зарытые в землю противопехотные мины, другие мины были привязаны к деревьям, от них была протянута проволока, от прикосновения к которой они взрывались. Через лес дошли до горы, внизу виднелось озеро. Впереди находилась вторая линия обороны финнов. Заняли оборону, стали рыть окопы, маскироваться. Подтянулись минометчики, возглавлявшиеся капитаном. Они быстро вырыли траншею для минометов, землянку, стали закапываться в землю, устраивать в окопах ниши. Оборудовав огневые позиции, минометчики стали обстреливать финнов, находившихся на склоне противоположной горы. Финны в ответ открыли по ним артиллерийский огонь.

После двух дней наступления советская пехота стала действовать более организованно. Первый батальон пошел в обход Олонца, батальон, в котором служил Павел, должен был действовать правее, поддерживать связь с наступавшей рядом 19-й воздушно-десантной бригадой. Теперь их группу возглавлял старший лейтенант. Проводником был карел.

Шли по лесу, кругом болота, кочки. Через 300–400 метров встречалось новое болото. Им велели всем взять в руки палки, в сторону ни на шаг не отходить, иначе засосет трясина, или можешь заблудиться.

Вышли к железнодорожной станции, финны там что-то грузили. Станцию обошли по лесу, стали разбирать железнодорожный путь: выкручивать гайки у шпал, снимать и сбрасывать в сторону рельсы. При роте автоматчиков имелись минометчики, противотанковые пушки-сорокапятки. Они открыли по станции огонь, финны бросили станцию и отступили в сторону города. На станции остались два вагона с трупами финских солдат. Их, по-видимому, хотели вывезти, но не смогли.

Финны бросили в контратаку на Железной горе (позднее ее назвали Гвардейской) своих штрафников, они сражались отчаянно. Им удалось вклиниться в стык между 18-й и 19-й бригадами, но встретившая их рота десантников-автоматчиков остановила наступавших и почти всех истребила. На склоне горы остались тела убитых финнов. Вторая линия обороны была прорвана, и советские войска вышли к городу Олонцу.

На окраине города, к которой подошла рота автоматчиков, в которой служил Павел, находились финские казармы. Их стали обстреливать из противотанковых ружей, минометов, там загорелось несколько зданий. Финны на обстрел не отвечали. К старшему лейтенанту, командиру роты, подбежал какой-то офицер и закричал: «Почему не наступаете? Нашелся Суворов, сам знает, когда надо наступать. Под трибунал! Заберите его!» Но его команды никто не собирался выполнять.

Он не учел, что это были не простые солдаты, а десантники, вчерашние курсанты, считавшие себя «почти офицерами». Они окружили воинственного офицера и стали доказывать ему: «Финнов там больше батальона. Они расположены на высоте, наступать на них силой одной роты с этих позиций бессмысленно, понесем большие потери, а результата никакого не добьемся. Надо связаться с артиллеристами, дать артогня, финны уже собираются уходить и сами уйдут из города». Бойцы

отстояли своего командира, пристыженный офицер куда-то исчез и у них больше не появлялся. Под Олонцом Павел был ранен в ногу и отправлен в госпиталь.

Финны действительно поспешно уходили, бросая оружие и материальную часть, не успевая по своему обыкновению минировать местность. Прорыв советскими войсками второй линии финской обороны и высадка с кораблей Ладожской военной флотилии десанта в тылу у финнов из трех бригад морской пехоты, захвативших плацдарм и перерезавших железную и шоссеиную дороги, шедшие вдоль Ладожского озера, заставили финское командование срочно отводить свои войска на север.

25 июня советские войска заняли г. Олонец, 28 июня был освобожден г. Петрозаводск. Отразив многочисленные контратаки финнов, советские войска к 10 августа вышли на рубеж советско-финляндской границы. Войскам противника было нанесено тяжелое поражение. Финское правительство пошло на переговоры. 19 сентября 1944 г. в Москве было подписано перемирие. Финляндия вышла из войны и начала военные действия уже против немецких войск, находившихся на ее территории.

Отличившиеся в форсировании Свири и в боях за освобождение Карелии воинские части и соединения получили почетные названия, были награждены орденами. В их числе: 296-й гвардейский ордена Кутузова стрелковый полк и 98-я гвардейская Свирская Краснознаменная ордена Кутузова стрелковая дивизия. За форсирование Свири и бои за освобождение Карелии Павел был награжден медалью «За боевые заслуги».

Сестра Анна Васильевна, которой тогда, летом 1944 г., было пять с половиной лет, вспоминает: «Было лето. После того, как отца взяли в армию, мама вместо него стала работать пчеловодом. Мамина помощница уже ушла домой, а мама косила на пасеке траву. Почтальонка принесла нам письмо, и я побежала на пасеку. Я радостно кричала: «Мама, мама! Нам пришло письмо!» А мама взяла письмо и вдруг заплакала. Адрес на конверте был напечатан на машинке, она подумала, что пришла похоронка. Мы пришли к дому, на крыльце сидели женщины-соседки, они взяли письмо и распечатали. Соседки стали успокаивать маму, говорили: «Это не похоронка, а благодарность». А мама все плакала и плакала, никак не могла успокоиться. В письме объявлялась благодарность родителям от командира полка за хорошее воспитание сына Гаврилова Павла Васильевича».

После Карельского фронта воздушно-десантные войска снова вернулись в Подмосковье. Павел после излечения в госпитале вернулся в свою часть, получив недельный отпуск, провел его в Москве, отдыхал и осматривал столицу. 17 августа 1944 г. 18-ю воздушно-десантную бригаду перебросили в г. Могилев, в Селецкий лагерь. В декабре 1944 г. из Могилева их перебросили в Польшу, на Сандомирский плацдарм. Затем они были отправлены в Австрию, где блокировали группировку фашистов, засевших высоко в горах. Оттуда их выкуривали артиллерия, штурмовая и бомбардировочная авиация. За бои в Австрии Павел получил вторую медаль «За боевые заслуги» и был снова ранен.

День Победы они встретили в Австрии, но долго праздновать его им не довелось. Пригнали колонну автомашин и отправили в Чехословакию, в город Пльзень. Перед ними была поставлена задача – воспрепятствовать отходу на Запад большой немецкой группировки генерала Шернера, которая хотела сдаться американцам. Фашистская группировка на Запад не прошла. В Чехословакии наши солдаты еще раз праздновали, вернее «допраздновали», Победу над фашистской Германией. 12 мая 1945 г. они встречались в Праге с американцами. Бросалось в глаза, что среди американских солдат преобладали негры. Американские солдаты гонялись за сувенирами, за всякую мелочь – звездочку с пилотки, коробку из-под папирос – отдавали часы, бритвенные приборы, какие-нибудь вещи. Особенно они восхищались русскими девушками, служившими в Советской армии шоферами, регулировщицами, медицинскими работниками, радистками, телефонистками. После встречи с американцами их бригаду отправили в Венгрию, где они находились под городом Сегед. В октябре 1945 г. Павел как учитель был демобилизован и выехал домой. В семье он был первым, кто вернулся с войны.

О ДОХЛЫХ, ЗАМОРЕННЫХ МАЛЬЧИШКАХ

*... Войну выиграли, довели до Победы
дохлые, заморенные мальчишки
в шинелях не по росту...*

А.Н.Лымарев, кандидат исторических наук

Автор не собирался писать последующие главы. Сделать это его заставило безапелляционное утверждение ученого историка, кандидата исторических наук А.Н.Лымарева, что Великую Отечественную войну «выиграли, довели до Победы дохлые, заморенные мальчишки в шинелях не по росту»¹².

Автору, солдату последнего военного призыва, надевшего в семнадцать лет солдатскую шинель, очень лестно читать такую высокую похвалу своему поколению. Выиграли войну! Довели до Победы! Но это громадное, колоссальное преувеличение. Так мог написать только человек, ничего не знающий и не захотевший ничего узнать о войне, о Советской армии, героическом советском народе, вынесшем на своих плечах тяжелую и трудную войну.

Конечно, мальчишки внесли свой скромный вклад в Победу, за это им честь и хвала! Но заявлять, что именно они выиграли войну, довели ее до Победы – большое преувеличение. Война была народной, на защиту Родины стал весь народ, за исключением какого-то количества предателей и изменников. Именно народ выиграл войну и довел ее до Победы. Причем в этом заслуга была не только тех, кто воевал, служил в вооруженных силах, но и тех, кто своим героическим трудом, своей стойкостью и выдержкой, ковал Победу в тылу.

Утверждения, что войну выиграли «дохлые, заморенные мальчишки в шинелях не по росту», абсолютно ложные, несправедливые, не соот-

---

¹² Лымарев А.Н. Проблемы фронта и тыла на страницах уральских газет (1941–1943 гг.) // Урал в 1941–1945 гг.: Экономика и культура военного времени. – Екатеринбург, 2005. С. 248.

ветствующие действительности. Как это ни странно, среди призванных в армию во время войны дистрофиков было очень мало. Из них сразу создавали особые группы, которым назначали усиленное питание, и через короткое время они уже ничем не отличались от остальных солдат. Шинели выдавались по росту, если они не подходили, их подшивали, подгоняли. Если «где-то, кто-то, порой» мог увидеть солдата в мешковатой, не по росту шинели, это значило только одно, что в его роте был бесхозый старшина и беспечный командир роты. Все командиры очень придирчиво относились к внешнему виду солдат. Командиры, допустившие неряшливую одежду у своих солдат, наказывались. Да и призванных в армию в 1944 г. мальчишек не посылали сразу на фронт, это был уже не 1941 год, а сначала обучали их военному делу, ковали из них настоящих воинов.

Призыв в армию в 1944 г. семнадцатилетних свидетельствовал, что в формировании резервов для фронта уже существовала напряженность, но людские резервы Советского Союза продолжали быть еще очень значительными. Достаточно сказать, что в Германии в 1944 г. были призваны в армию 15–16-летние, а весной 1945 г. Гитлер призвал в армию детей 12–14 лет.

Дима помнит, что за годы военной службы все вчерашние мальчишки подросли, окрепли, возмужали. Сам он за первые полтора года военной службы вырос на 14 сантиметров. Он вспоминает устроенный командованием смотр дивизии. Дима стоял рядом с начальником штаба у трибуны, на которой находились генералы и высшие офицеры, мимо них батальонными колоннами, «коробочками», проходили войска. Дима с гордостью смотрел на своих сверстников, чеканным шагом марширующих в колоннах. Вспоминается: «Батальоны идут! Мужчины идут!» Одно дело – смотреть в кино или по телевизору военные парады, и совершенно другое – наяву видеть и чувствовать силу и мощь проходивших мимо вооруженных сил. Шли не «дохлые, заморенные мальчишки в шинелях не по росту», а воины несокрушимой и легендарной Советской армии!

ТЫЛ ГОТОВИЛ ЛЮДСКИЕ РЕЗЕРВЫ

*...Правильная думка у наших ребят –
Знания и сила победят!*

С.Фогельсон.

*Мы готовы, Отчизна, на подвиг любой.
В каждом сердце огня золотые запасы.*

Л.Ошанин.

В 1941–1944 гг. Дима учился в педучилище в г. Красноуфимске, расположенном в 70 километрах от его деревни. Приняли его в училище без вступительных экзаменов как окончившего семилетнюю школу с отличными оценками по всем предметам. Занятия начались, когда на Западе уже полыхала война. Красноуфимск, когда-то маленький провинциальный городок, в советское время – крупный железнодорожный узел и центр сельскохозяйственного района, приспособлялся к условиям военного времени.

В городе и его окрестностях формировалась кавалерийская дивизия. Довоенное здание педучилища было отдано под военный госпиталь, у педучилища отняты все здания общежитий, за исключением одного небольшого, в них устанавливались эвакуированные с запада металло-режущие станки, начавшие немедленно вытачивать артиллерийские снаряды и мины. Небольшой ремонтный завод, пополнивший свое оснащение оборудованием эвакуированных предприятий, был преобразован в механический завод, начавший выпускать военную продукцию. Красноуфимские железнодорожники в нерабочее время построили для фронта бронепоезд.

Зима 1941–1942 гг. была очень холодной и снежной. «Когда на запад эшелоны, на край пылающей земли тот груз, до срока зачехленный, стволов и гусениц везли», снегопады и снежные бури в течение зимы несколько раз заносили снежными сугробами глубокие, высотой до 10 метров выемки на железнодорожных путях западнее и восточнее Красноуфимска. В этих случаях движение по железнодорожной магистрали прекращалось, перед городом и за городом останавливались, не могли продвинуться дальше железнодорожные составы с танками, пушками, самолетами.

Тогда в Красноуфимске объявлялся аврал. Останавливались заводы, прекращали работу учреждения, с занятий снимались учащиеся педучилища и техникумов, ученики старших классов средних школ. Все они – рабочие и служащие, студенты и учащиеся – вооружались деревянными лопатами и шли разгрести снежные заносы на железнодорожном пути. Когда пути были расчищены и воинские составы снова начинали двигаться вперед, все расчищавшие пути долго махали руками солдатам, охранявшим военную технику, а те в свою очередь в ответ махали им и кричали: «Спасибо от фронта! Мы вас не подведем! Фашисты получают все, что заслужили!»

Учиться было трудно, но горячее, неугасимое стремление учиться помогало преодолевать все трудности и преграды. Дима жил на студенческую стипендию, которую получал все три года обучения в педучилище как круглый отличник. Стипендия тогда давалась только отличникам. Помощи со стороны он почти никакой не имел, за исключением того продовольствия, которое смог принести из дома на своих плечах в котомке. Да и нести оттуда было почти нечего. Семья тоже бедствовала. Дома оставались мать, бабушка и двое малолетних – братишка и сестренка, в 1941 г. им исполнилось 6 и 3 года. Отец был призван в армию и работал в трудармии на военном объекте, два старших брата воевали на фронте.

Государственные цены, удивительное дело, в течение всей войны были неизменными (!). Диме его стипендии в 120 рублей хватало на то, чтобы оплатить за проживание в общежитии, за обед в столовой один раз в сутки, за что вырезали из карточек талоны на мясо, рыбу, крупу, выкупить по карточке полагавшиеся 400 грамм хлеба, да еще у него оставались деньги на школьные принадлежности. (На рынке булка хлеба стоила 200 рублей). Преподавателям тоже жилось нелегко, они помогали учащимся как могли.

Директор педучилища Валентина Александровна Бобина, увидев, что осенью в грязь Дима ходит в рваных ботинках, у одного из которых отвалилась подошва, и он подвязал ее к ботинку проволокой, добились, чтобы ему выделили из государственного фонда новые ботинки. Кожаные ботинки, за которые он уплатил мизерную сумму, были неуклюжие, но очень крепкие, их Дима проносил несколько лет и до сих пор с благодарностью вспоминает этого чуткого педагога. Вскоре она была избрана председателем горсовета и пользовалась большим уважением горожан.

Находясь в далеком тылу, Диме довелось увидеть суровый, ужасный облик войны. В феврале – марте 1943 г., вскоре после окончания Сталинградской битвы, в северной части Красноуфимска, у старинного городского кладбища, окруженного добротной кирпичной стеной, остановился железнодорожный состав с военнопленными, из которого выбросили две-три сотни раздетых донага трупов. Это были умершие в пути немецкие, румынские и итальянские солдаты.

Когда их взяли в плен, все они были одеты, несмотря на снег и русские морозы, в летнее обмундирование. Среди них было много сильно истощенных и больных, которые в пути во множестве умирали, а оставшиеся в живых снимали с умерших одежду и напяливали ее на себя. Смотреть груды мертвецов повалил весь город. Появились мародеры, которые переворачивали трупы и клещами вырывали у них золотые зубные коронки. Но вскоре прибыла милиция, которая оцепила место свалки мертвецов, и мародеров как ветром сдуло. Все видевшие это содрогнулись от ужаса, от сознания, насколько обесценилась во время войны человеческая жизнь.

Война поломала нормальный учебный процесс в педучилище. Оно осталось без учебных помещений. Зимой 1941–1942 гг. первокурсники учились в обычных школах в третью смену, только на втором-третьем курсе для них было выделено отдельное здание. Преподавательский состав пополнился новыми преподавателями за счет персонала эвакуированных в город высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. В Красноуфимск был эвакуирован Харьковский механико-машиностроительный институт, отдельные сотрудники которого стали преподавать в педучилище.

Физику стал преподавать поляк, профессор Варшавского университета, коммунист, бежавший от гитлеровцев в СССР. В 1942 г. он вступил в Войско Польское и приходил прощаться в польской военной форме и конфедератке, с погонами подполковника. Русскую литературу преподавал кандидат педагогических наук, методику русского языка – доцент Тамбовского пединститута. Политинформации в парткабинете горкома партии проводила эвакуированная в Красноуфимск старая большевичка Елена Дмитриевна Стасова, член партии с 1898 г., в 1900–1902 гг. – агент ленинской «Искры», с 1912 г. – кандидат в члены ЦК РСДРП(б), в 1918–1920 гг. – член ЦК РКП(б), в 1921–1926 гг. работала в Коминтерне, была членом ВЦИК и ЦИК СССР. После разгрома немцев под Москвой она возвратилась в Москву.

Дима учился хорошо, любил решать задачи по алгебре, химии. Преподаватель математики, старый гимназический учитель Иван Терен-

тьевич Гарин, давая классу задачу, ставил условие: кто первым решит ее, получит отличную оценку. Дима всегда решал задачу первым, в классном журнале у него красовался лес отличных оценок. Это избавляло его от необходимости зубрить теоремы и их доказательства. Хорошо училась по математике умная, серьезная девушка Роньжина, но она не успевала решить задачу раньше Димы и отличной оценки не получала. Дима обратил внимание на ее злые взгляды на него и решил быть более дипломатичным.

Решив задачу, он ждал, когда ее решит Роньжина, и только после этого говорил, что и он закончил задание. На следующем уроке он снова оказывался первым. Так они стали попеременно, то он, то она, получать отличные оценки. Вскоре Иван Терентьевич заметил эту хитрость и стал им обоим ставить отличные оценки. Добрые отношения с Роньжиной были восстановлены.

Класс плохо решал задачи по химии, сколько бы над этим не билась преподавательница Елизавета Игнатьевна Барковская. Диме, наоборот, нравились такие задачи. Положив перед собой таблицу Менделеева, он быстро ориентировался в условиях, решал быстрее всех и получал отличные оценки, избавлявшие его от необходимости учить описания элементов и химических опытов.

Но главным его пристрастием стала история, в частности – военная история. Как все мальчишки военного времени, он увлекся военным делом, читал книги про артиллерию, о Первой мировой войне, проштудировал книгу полковника Е.А.Разина «История военного искусства», не отрываясь прочел работу Е.В.Тарле «Наполеон», внимательно читал сводки Советского Информбюро и следил по карте за ходом боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны.

На одном из уроков истории он рассказывал у карты о Бородинском сражении и получил за ответ отличную оценку. После урока преподавательница истории, она же классный руководитель Надежда Дмитриевна Воронцова предложила ему выступить с докладом о Бородинском сражении перед ранеными бойцами в госпитале. Педучилище шефствовало над госпиталем, группы учащиеся педучилища систематически выступали там с концертами, включавшими песни, чтение стихов, танцы.

Дима не участвовал в шефских выступлениях, считая, что не обладает художественными талантами. Предложение выступить в госпитале с докладом поставило его в тупик, и он решительно отказывался от этого предложения. Кто его там будет слушать? Но Надежда Дмитриевна настойчиво убеждала его в полезности и необходимости такого выступления, и он, в конце концов, согласился сделать в госпитале доклад.

Надежда Дмитриевна где-то достала очень дефицитный в то время большой лист ватмана, на котором Дима нарисовал план Бородинского сражения, раскрасил его цветными карандашами, прикрепил к нему рейки, чтобы его можно было повесить перед слушателями для демонстрации рассказа о сражении. После выступления певцов и танцоров слово предоставили Диме. На вешалке для одежды, которую поставили посередине больничной палаты, повесили план Бородинского сраже-

ния. Полукругом разместились раненые, у многих из них были забинтованы головы, руки, ноги.

Дима коротко сказал о месте Бородинского сражения в истории войны 1812 г., а затем, пользуясь схематическим планом сражения, рассказал о планах Кутузова, Наполеона, ходе сражения, значении сражения для победы над армией Наполеона. К его изумлению, его слушали очень внимательно, многие раненые зарисовывали в блокноты и тетради план сражения, а когда он закончил доклад, наградили его дружными аплодисментами. Дима увидел, что история нужна людям. Героические подвиги предков вызывали восхищение, становились примером для подражания, пробуждали любовь к Родине, рождали гордость за страну и ее мужественный народ, вдохновляли на боевые и трудовые подвиги.

Летом 1943 г., после окончания второго курса, всех ребят, учащихся педучилища призывников, отправили на месячные военные сборы. Они явились хорошей подготовкой к службе в армии, к военному быту, приучали к военной дисциплине. Сборы проводились в бывшем месторасположении воинской части, формировавшейся в 1941–1942 гг. в окрестностях Красноуфимска, за пригородом Криулино, близ деревни Приданниково. В крутом берегу реки Уфы военными были вырыты и оборудованы для жилья землянки, которые остались свободными после отправки воинской части на фронт. В них и жили собранные на сборы призывники. Командирами – сержантами и офицерами – были фронтовики, после ранений и излечения в госпиталях оставленные в тылу. Возглавлял сборы высокий, крепкого телосложения майор.

После подъема и физзарядки следовали строевые и тактические занятия, отрабатывалась программа подготовки одинокого бойца, темы «Стрелковое отделение в наступлении», «Стрелковое отделение в обороне», изучались уставы военной службы, проводились политзанятия. Любимой темой командиров было наступление на расположенную за Криулино деревню Живодерки (позже она стала называться Калиновкой). Рассыпавшись в цепи, перебежками и ползком по-пластунски, призывники подбирались к деревне, после чего объявлялся отбой, все строились в колонны и отправлялись в свое расположение обедать.

5 июля 1943 г. все участники сборов были построены в линию и вышедший перед строем майор, начальник сборов, громким, командным голосом произнес короткую речь:

– Сегодня утром Совинформбюро сообщило, что немецко-фашистские войска начали большое летнее наступление из районов Орла и Белгорода в направлении на Курск с целью окружить и уничтожить советские войска, расположенные на Курской дуге. В бой вступили миллионные армии с тысячами танков, орудий и самолетов. Фашистская пропаганда на весь мир раструбила, что зимой они могут отступить и терпеть неудачи, а летом всегда одерживают победы. Но после разгрома под Сталинградом фашистская армия уже не та. Наши войска дадут немцам достойный отпор. Их нынешнее летнее наступление провалится. Красная армия продолжит их изгнание с советской земли. Нам с вами доведется добивать фашистскую нечисть. Хорошо учитесь воевать, это вам скоро пригодится.

Твердая, уверенная речь начальника военных сборов укрепила у всех уверенность в победе над фашизмом, увеличила стремление лучше подготовиться к военной службе, глубже познавать военное дело.

Весной 1944 г. в педучилище проходили выпускные экзамены, которые все, за исключением одного, Дима сдал на отлично. На экзамене по геометрии, предмете для него не очень трудном, произошла заминка. После того, как он обстоятельно ответил на все вопросы билета, один из экзаменаторов, которого Дима почти не знал, так как он начал у них в классе вести этот предмет незадолго до экзамена, стал задавать ему один за другим каверзные вопросы. Дима хорошо знал материал, успешно решал задачи по геометрии и уверенно отвечал на все его вопросы. Два лета, после окончания первого и второго курсов, в летние каникулы, он работал в совхозе учетчиком, в обязанности которого входил учет полевых работ, выполненных тракторами и бригадами рабочих. Для этого ему приходилось измерять и высчитывать площади разных размеров и разной конфигурации, объемы скирд сена, бункеров зерна у комбайнов, для чего было необходимо знание законов геометрии.

Геометрия для него была не только теоретической, но и практической наукой, поэтому он твердо и уверенно отвечал на бесчисленные вопросы придирчивого преподавателя. Преподаватель начал нервничать, две женщины-ассистентки сидели рядом с ним с каменными лицами, бесстрастно наблюдая словесный поединок. Наконец, выдохшийся преподаватель стал задавать вопросы по какой-то посторонней теме. Дима сказал, что такая тема не изучалась на уроках, ее нет в учебнике.

– Но об этом я рассказывал на консультации, а тебя на этой консультации не было, – раздраженно заявил преподаватель.

– Посещение консультаций не было обязательным. Если вы считали этот материал важным и обязательным, надо было его излагать на уроках. Если это не делалось, это не моя вина, а ваша.

Преподаватель оторопел от дерзкого ответа, преподавательницы-ассистентки переглянулись между собой. Измученный преподаватель махнул рукой и предложил Диме выйти из аудитории, сказав, что они посоветуются. Через некоторое время они снова вызвали Диму в аудиторию и сообщили, что решили поставить ему за ответы оценку «хорошо».

Дима равнодушно относился к оценкам, считал, что сдал еще один экзамен, а на какую оценку, для него это было неважно. Поступать в вуз он не собирался, не мечтал, полагал, что в те полуголодные для него годы из последних сил дотянул до выпускных экзаменов, успешно заканчивает педучилище, и считал это для себя достаточным. Экзамен по геометрии его ничуть не расстроил. Придирчивость преподавателя-экзаменатора он объяснил его болезненностью и самолюбием. Он не знал, что такое социальный заказ, что преподаватель выполнял чье-то поручение.

Больше, чем сам Дима, его неудачей на экзамене по геометрии, и тем, что он не получит красного диплома, была огорчена его классный руководитель Надежда Дмитриевна Воронцова. Ее откровенный рассказ открыл ему глаза на странное поведение экзаменаторов.

– Дима, – объяснила она ему, – ты осенью будешь призван в армию, красный диплом тебе ни к чему. А несколько девочек собираются поступать в пединститут, с красными дипломами их примут без вступительных экзаменов. Будет поступать дочь такого-то директора, дочь такого-то начальника и т.д. А красных дипломов нам дали очень немного. Ты не расстраивайся.

Дима не расстраивался, и если бы Надежда Дмитриевна не поведала ему о тайных пружинах странного приема у него экзамена, он бы забыл его и, вероятно, никогда не вспомнил бы о нем. Передача кому-то другому заслуженного им красного диплома никак не отразилась на жизни Димы. Красноуфимское педучилище оказалось для него единственным учебным заведением, которое ему удалось окончить очно. В дальнейшем он учился только заочно. Он до сих пор с благодарностью и большой признательностью вспоминает большую группу достойных преподавателей этого училища. Впоследствии Дима благополучно поступил в вуз, окончил его и по учебной лестнице пошел дальше и выше, но злополучный экзамен по геометрии, когда так бесцеремонно выматывали и выкручивали его, чтобы не поставить отличную оценку, оставил у него по отношению к педучилищу неприятное, горьковатое чувство.

В послевоенные годы, побывав в педучилище, на мраморной доске лучших выпускников, окончивших его в 1944 г., он прочитал фамилии нескольких девочек, ничем не отличавшихся во время учебы в училище. Правда, в музее училища имелась витрина, в которой рассказывалось, что выпускник 1944 г. Д.В.Гаврилов стал доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, были выставлены его научные труды.

СОЛДАТ ПОСЛЕДНЕГО ВОЕННОГО ПРИЗЫВА

*Когда протрубили
Тревогу в любимом краю,
Застыли мальчишки
В суровом солдатском строю.
Мальчишки, мальчишки,
Вы завтра уходите в бой,
Мальчишки, мальчишки,
Вернитесь живыми домой.*

И.Шаферан.

После окончания педучилища Дима по распределению был направлен работать учителем в семилетнюю школу в деревню Русская Тавра Сажинского района Свердловской области, где уже работала после окончания того же педучилища в 1942 г. его старшая сестра Мария Васильевна. Русская Тавра – это юго-западный угол Свердловской области, граница с Башкирской АССР. Необходимо было явиться туда на работу в указанный срок. Предстояло отправиться в районный центр – село Сажино, чтобы получить назначение на должность.

Задача была непростой. Сажино находилось от деревни, где Дима жил с родителями, в 45 километрах, в стороне от большого тракта. Автобусного сообщения тогда не существовало, найти попутный транспорт

было немыслимо, оставался единственный способ добраться до районного центра – идти туда пешком. Туда и обратно – 90 километров. Встал вопрос: в какой обуви идти. Было ясно, что имевшиеся ботинки почти стокилометрового перехода не выдержат, развалятся, и не в чем будет появиться в школе перед учащимися 1 сентября.

Бабушка предложила идти в лаптях – дешевых, легких, очень удобных, практичных, традиционной крестьянской обуви. Мать считала, что молодому учителю неудобно в таком виде являться к своему будущему начальству, и предложила идти в лаптях, а ботинки нести в мешке, чтобы перед явлением к начальству сменить лапти на ботинки. Но Дима считал, что у него есть официальное направление, его обязаны принять на работу, независимо от того, в какой он придет обуви, и решил, что ради парадного представления незачем тащить с собой так далеко тяжелые ботинки.

В Сажино, в приемной районо (районного отдела народного образования) секретарь-машинистка, хорошо одетая, с накрашенными губами, маникюром и модной прической, прервав печатание на машинке, недовольным голосом спросила:

– Чего тебе надо, мальчик?

– Я пришел поступать на работу, – ответил Дима.

Оглядев пришедшего с головы до ног и увидев неказисто одетого мальчика в лаптях, она с раздражением сказала:

– Здесь нет для тебя работы. Вали отсюда.

Дима выложил перед ней свои документы и направление на работу в Русско-Тавринскую семилетнюю школу. Посмотрев бумаги, женщина ушла в кабинет заведующего, а, вернувшись, предложила пройти к заведующему. Заведующий районо, в отличие от секретарши, не обратил никакого внимания на одежду и обувь Димы, задал несколько деловых вопросов и приказал напечатать приказ о назначении его учителем школы.

Четыре года спустя, осенью 1948 г., став завучем и одновременно и.о. директора средней школы в селе Сажино, Дима вспомнил этот эпизод, но той модной дамы он не смог увидеть, она куда-то уехала.

В Русско-Тавринской школе ему поручили преподавать историю и географию в 5 и 6 классах. Он быстро нашел общий язык с учащимися, успешно вел свои предметы, но проработал в школе недолго. 17 ноября 1944 г. он был призван в ряды Советской армии. На медицинском осмотре при призывной комиссии произошел любопытный эпизод. Призывники, раздетые догола, должны были проходить через врачей-специалистов, которые осматривали их, проверяли слух, зрение и делали заключение: «годен», «годен».

Когда у Димы измеряли рост, произошла задержка. Молодая девушка-медсестра никак не могла измерить его рост, требовала плотнее прижаться к стойке, подвинуть пятки, сжать, разжать локти, вертела его так и сяк. За Димой образовалась очередь призывников. Девушка ушла куда-то и вернулась со старшей по возрасту медсестрой.

Та спросила:

– Что у тебя случилось, подруга?

– Вот как ни измерю, получается рост 152 сантиметра. Надо бы намерить 150, а никак не получается. Тогда бы его не взяли в армию.

Вторая медсестра бесстыдно щелкнула Диму по голому месту значительно ниже пояса и сказала:

– Хочешь оставить себе? Кто такой?

– Учитель из Русской Тавры. Я его не знаю. Жалко. Молодой, красивый, на фронте убьют.

Вторая медсестра стала вертеть Диму на их измерительном приборе и, в конце концов, заключила:

– Ничего сделать невозможно. Даже если мы измерим неправильно, старшая медсестра всех комиссуемых по росту проверяет сама и обнаружит нашу подделку.

На фронте не всех убивают. Пусть пойдет, повоюет. С таким «сердобольным напутствием» Дима и отправился в армию.

Перед уходом Дима неделю провел дома, в родной семье. Когда настало время отправляться на сборный пункт, мать решила проводить его до Русской Тавры. Они пошли туда пешком, но когда дошли до середины Тавринской горы, по вершине которой проходит граница между Свердловской областью и Башкирией, где находился извещающий об этом пограничный столб, Дима предложил матери не провожать его дальше.

– Зачем лишние слезы, – сказал он матери. – Меня завтра проводит Мария, этого достаточно. Возвращайся домой, там остались бабушка и малолетние Гриша и Анна. Не к чему их надолго оставлять одних.

Начали прощаться. Мать заплакала, стала давать наказы:

– Провожая в армию четвертого. Двое уже воюют, не знаю, вернутся ли живыми. Не знаю, что с отцом будет. Хоть ты, Дима, возвращайся домой живым!

Что можно было сказать на это матери?

– Мама, война есть война. Неизвестно, в какие обстоятельства можешь попасть.

С тех пор прошло много лет. Но проезжая ныне асфальтированной дорогой Красноуфимск – Большеустыикинск, при пересечении границы с Башкортостаном, видя пограничный столб и рекламные красочные щиты, Дима всегда невольно вспоминает прощание на этом месте с матерью перед уходом в армию. Было суровое военное время. Провожали в неизвестное.

В Бершетских военных лагерях, расположенных в 40 километрах от г. Молотова (ныне Пермь), в 43-м учебном стрелковом полку Дима был зачислен в снайперскую роту, где прошел полный курс снайперской подготовки. Рота размещалась в большой деревянной сухой и теплой казарме, построенной еще до войны. В ней находились двухъярусные нары, на которых были постели солдат и сержантов, в пристрое к зданию помещалась комната для отдыха и политзанятий – «Ленинская комната». Стрелковые роты жили в землянках. В полку имелись также артиллерийский и минометный батальоны. За казармой снайперов находился полковой плац, на котором проводились построения и смотры.

В первые дни пребывания в воинской части подстриженные «наголо» и переодетые в новенькую военную форму курсанты на несколько

дней перестали узнавать друг друга, пока не освоились с новой обстановкой. Начальными уроками для них стали умение образцово, без складочек, заправлять свою постель; умение быстро «по тревоге» одеваться, выстраиваться строем «по-ранжиру» на плацу; маршировать стройными, ровными рядами; в строю с песней идти на стрельбище. Им полюбилась старая довоенная песня, которой их обучил старослужащий сержант. Они дружно распевали ее по пути на стрельбище:

Школа младших командиров
Комсостав лихой стране кует.
Смело в бой вести готовы
За трудящийся народ.

Часто они пели понравившуюся им мужественную, отважную, дышащую твердой уверенностью песню:

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Сокрушим, уничтожим врага!

Вскоре после приезда в лагерь призывников 1927 г. рождения началась отправка на фронт окончивших обучение призывников 1926 г. рождения. Отправляемые на фронт «маршевыми ротами» в течение одной недели получали усиленное питание, их одевали в новое обмундирование. Перед отправкой на фронт маршевая рота строилась на плацу, проводился 15-минутный митинг и затем, под звуки духового оркестра, исполнявшего марш «Прощание славянки», солдаты строем уходили на железнодорожную станцию и грузились в вагоны-теплушки.

Курсанты-новички недели две наблюдали отправку маршевых рот. Их предшественники прибыли на фронт к началу Висло-Одерской наступательной операции, начавшейся 12 января 1945 г., и приняли в ней непосредственное участие. Вскоре оставшимся в лагере товарищам и некоторым командирам от уехавших на фронт стали приходить письма, в которых сообщалось: тот убит, тот ранен. Все понимали: далее будет их очередь.

Учеба у Димы шла успешно, после месяца службы он был назначен командиром отделения. Занятия велись интенсивно. Каждый день, в любую погоду, после завтрака рота шла на стрельбище, которое находилось в 4–5 километрах от лагеря. Там у каждого взвода был построен шалаш, в котором хранились различные вещи и проводились занятия по изучению материальной части. Учили серьезно, основательно, очень интенсивно. Почти каждый день шли стрельбы. Стреляли из разных видов оружия (винтовка, автомат, ручной пулемет), из разных позиций (лежа, с колена, стоя), на разные расстояния, по неподвижным и движущимся целям.

Снайпер, чтобы сделать меткий выстрел, должен знать и учитывать расстояние до цели, температуру воздуха, направление и силу ветра, де-

ривацию полета пули (ее вращательное движение при выстреле из нарезного оружия). Он должен уметь, прицелившись, при выстреле очень плавно спустить курок, что достигается только длительной тренировкой. Заняв боевую позицию, снайпер изучает находящуюся перед ним местность, намечает имеющиеся на ней ориентиры (отдельные деревья, кусты, и т.п.), определяет с помощью сетки, нанесенной на окуляр оптического прицела, расстояние до них, наблюдает и выбирает возможные цели. Позже, спустя много лет, Дима помнил номер своей снайперской винтовки, а оказавшись где-нибудь на открытом пространстве, машинально намечал ориентиры и определял расстояние до них.

Важное значение для снайпера имело умение наметить основную и вспомогательные позиции, искусно замаскироваться, быть незаметным для противника, от чего во многом зависел успех его действий. Во время Великой Отечественной войны снайпер, чтобы противник не смог засечь его месторасположение, обычно делал один выстрел, после чего менял позицию. Немцы очень не любили советских снайперов и если обнаруживали местонахождение снайпера, открывали по этому месту огонь из всех видов оружия, начиная с винтовок и пулеметов до минометов и артиллерийских орудий.

Учили по-настоящему, постоянно велись стрельбы, патронов не жалели, рота при каждой стрельбах жгла их невероятное количество. После каждой стрельбы набирался тяжелый мешок стреляных гильз. Тащить его в лагерь поручалось в качестве наказания курсанту, заслужившему за что-нибудь наряд вне очереди. Часто проводились спортивные кроссы. Командир взвода, молодой лейтенант-спортсмен, после окончания стрельб, когда нужно было идти на обед, выстраивал взвод и объявлял боевую задачу:

– Получены сведения, что в районе красноармейской столовой высадился фашистский десант. Нам приказано сделать марш-бросок и выйти на подступы к столовой. Направо! За мной, бегом марш!

Бежать в шинели, с винтовкой за плечами, было трудно, взвод растягивался на дороге. Но постепенно к кросс-броскам курсанты привыкли, такие пробежки даже стали им нравиться. Проходили лыжные кроссы на три, пять, десять километров. Десятикилометровый лыжный кросс с оружием был очень трудным, некоторые курсанты в конце дистанции выбились из сил. Замыкавший колонну помкомвзвода, старший сержант, высокий и здоровый, чтобы облегчить отставших, брал у них винтовки и к финишу пришел, увешанный полудюжиной винтовок.

Питание было неважное, в рационе преобладали картофель и капуста. Для молодых людей, испытывавших ежедневно большие физические нагрузки, оно было явно недостаточное. Курсанты, даже Дима, привыкший к полуголодной жизни во время учебы в педучилище, постоянно чувствовали голод. Но все знали: идет война, в стране большие продовольственные трудности, обеспечить питание тыловых воинских частей по более высоким нормам государству было не под силу.

23 февраля 1945 г., в день Советской армии, все курсанты в торжественной обстановке приняли присягу. Перед строем курсант читал текст военной присяги:

– «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Советской армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом... добросовестно изучать военное дело...

Я всегда готов по приказу Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Советской армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся». После произнесения присяги курсант ставил под ее текстом свою подпись. Это была не показная церемония, не парадный ритуал, как сейчас утверждают некоторые журналисты.

Теперь почему-то позабыли значение воинской присяги, забыли, что каждый, принявший присягу, был обязан ее исполнять, быть готовым в любой момент встать на защиту Родины. Каждый знал, что после принятия присяги его могут в любой момент послать на фронт. Было немало случаев, когда где-то создавалась опасная боевая обстановка, недоучившихся курсантов, которые уже приняли присягу, поднимали по тревоге и отправляли на фронт.

Дима, помимо своих служебных обязанностей, имел общественное поручение: просмотрев газеты и послушав радио, он отмечал флажками на большой карте Европейской части СССР, висевшей на стене в Ленинской комнате, линию советско-германского фронта. Курсанты в свободное время любили рассматривать эту карту, следили за передвижением на ней флажков, высказывали свое мнение о дальнейших планах советского Верховного Командования. Вот так, не больше, не меньше! Обычно они просили высказать мнение и у Димы, которому всегда пригождались знания, почерпнутые из книг по истории военного искусства. Очень внимательно слушали его суждения.

Большим для роты был вопрос о расписании занятий, которое составлялось на неделю и утверждалось начальником штаба полка. Составлявший расписание занятий сержант уехал в военное училище, и оказалось, что выполнять такую работу некому. Все офицеры роты страшились браться за это дело, считавшееся у них трудным и непонятным.

Когда командир роты предложил попытаться сделать это Диме, он сразу же согласился, сказав, что для учителя это пустяковое дело. Командир роты, по-видимому, посчитал слова Димы слишком легкомысленными. Дима попросил программу курса, тематический план, предыдущие недельные расписания занятий и засел за работу. Когда расписание занятий на следующую неделю было составлено, он отправился с ним в штаб полка.

Помощник начальника штаба (ПНШ), проверив составленное расписание, подписал его, а затем, бегло просмотрев, его сразу же утвердил майор, начальник штаба. Вся процедура утверждения расписания заняла не более четверти часа. Утвердив расписание, Дима беспечно

пошел по отделам штаба поболтать со служившими в них знакомыми ему ребятами.

Неторопливо возвратившись в роту, он увидел, что все офицеры во главе с командиром роты сидели в ротной канцелярии и целый час ждали его возвращения, не надеясь на успех его миссии. Дело в том, что от того, насколько полно и точно будет выполнена учебная программа, зависела оценка уровня подготовки личного состава роты к выполнению боевых задач, готовности курсантов к отправке на фронт.

Когда Дима зашел в канцелярию, развернул расписание и показал утверждающие его подписи, они вздохнули с облегчением и поздравили Диму с успехом. Авторитет Димы неизмеримо возрос, он сделался одним из необходимых в роте людей.

Но вот освоен курс снайперской подготовки. Из штаба дивизии прибыла комиссия из нескольких офицеров для проверки качества боевой подготовки курсантов. Контрольные стрельбы прошли успешно, комиссия признала подготовку курсантов хорошей.

Все стали ждать отправки на фронт. Каждое утро, как обычно, рота выходила на стрельбище, но плановых занятий уже не проводилось. По приходе на стрельбище подавалась команда: «Рассредоточиться и замаскироваться!» После этого офицеры куда-то исчезали и появлялись только тогда, когда надо было уходить на обед. Замаскировавшись, курсанты спали или рассматривали в бинокль или через оптические прицелы снайперских винтовок колхозниц, работавших на огородах в соседней деревне.

Однажды на стрельбище приехал офицер из штаба дивизии, которому командир роты отрапортовал, что рота находится на тактических занятиях, отрабатывает приемы маскировки. Поглядев вокруг, офицер недоуменно сказал:

– Рота отрабатывает приемы маскировки. А где же ваши солдаты?

Тогда последовала команда на сбор и, к удивлению приезжего, из-за укрытий встали во весь рост курсанты и построились в колонну.

Безделье и ожидание отправки на фронт надоели, удручали и тяготили своей неизвестностью. На заключительном этапе обучения в полку произошел несчастный случай. Один из бойцов стрелковой роты, посланный в наряд для работы на пищеблоке, раскалывая для кухни дрова, топором отрубил у себя палец на руке. Причем, видя, что после первого удара топором палец на руке не отрубился полностью, он ударил топором по нему второй раз. Парня отправили в госпиталь, а когда вылечили, он предстал перед военным трибуналом «за членовредительство с целью избежать посылки на фронт». (В 1941 г. за подобное преступление или «самострел» обычно расстреливали перед строем).

Показной суд состоялся в клубе полка. Послушать процесс из каждого подразделения посылали по несколько курсантов. По каким-то делам Дима в тот день проходил мимо клуба, когда там только что закончился суд. Вышедшие из клуба курсанты сказали, что подсудимому в качестве наказания определили семь лет заключения. Сбоку клуба, у запасного выхода, стояли две группы курсантов, между ними был кори-

дор, сдерживаемый солдатами внутренних войск. Говорили, что сейчас будут выводить осужденного.

Двери клуба открылись, в сопровождении двух конвоиров вели осужденного. Бледный, он шел, опустив голову, осыпaeмый градом презрительной ругани со стороны ждавших его курсантов. Это были, как оказалось, бойцы стрелковой роты, в которой он проходил службу:

– Подонок! Мерзавец! Подлец!

– Тварь! Умный, считал, что мы поедем на фронт, а ты будешь в тылу щупать колхозных девок! Гнить тебе семь лет на тюремных нарах!

Дима никогда еще не видел, чтобы на кого-либо обрушивался такой поток злости и ненависти. Конвойные затолкали осужденного в подготовленный для него автомобиль с решетками и уехали. Толпа стала расходиться. Никто не проявил к осужденному жалость или сострадание.

МАМА, Я ВЕРНУЛСЯ ЖИВОЙ

*Отгремели походные трубы,
Отошла боевая гроза...*

А. Поперечный.

16 апреля 1945 г., рано утром придя в столовую, курсанты увидели на своих столах не обычный завтрак, а густой, наваристый мясной суп, второе из макарон, перемешанных с мясным фаршем, и стакан компота. Никому не нужно было объяснять, что это значит. Под сводами столовой загремело дружное, оглушительное:

– Ура! Едем на фронт.

Придя в казарму, курсанты слышали по радио, что сегодня рано утром войска Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов перешли в наступление на Берлинском направлении. Стало ясно, без чьих-либо разъяснений, что они будут посланы на Берлинское направление. Неделю они получали усиленное питание, но после этого на фронт их не отправили. Они продолжали еще одну неделю питаться по повышенной норме, но их по-прежнему никто никуда не отсылал. 2 мая Берлин пал, советские войска водрузили Знамя Победы над рейхстагом. С усиленного питания их сняли, дальше стали кормить по другой, но довольно приличной продовольственной норме. А через несколько дней, 9 мая 1945 г., наступил день всенародного торжества – День Победы над фашистской Германией.

У всех, переживших этот день, он запомнился на всю жизнь. Люди поздравляли с победой друг друга, всех знакомых и незнакомых. С утра началась стрельба в воздух, к середине дня пальба стала повсеместной. Стреляли все, кто только хотел, из всех видов имевшегося стрелкового оружия. Откуда-то притащили цинковые ящики с патронами, их распечатывали и тут же пускали в ход. К вечеру стрельба несколько стихла, а с наступлением темноты возобновилась с новой силой. Небо было расписано трассирующими пулями и взрывами осветительных и цветных ракет.

После этого целую неделю всех военных, идущих в городе по уличной аллее, сидевшие на скамейках приветствовали вставанием и аплодисментами.

Учебная дивизия была расформирована. Из снайперской роты около сотни курсантов отправили на Дальний Восток, где они приняли участие в войне против Японии – в Маньчжурской наступательной операции и приеме капитуляции Квантунской армии. 10–15 человек были направлены на Закавказский недействующий фронт, 20–25 человек – в Болгарию. Группе курсантов, около двадцати человек, в числе которых был и Дима, были присвоены сержантские звания, и они были переведены в прибывшую с фронта 87-ю стрелковую Краснознаменную Перекопскую дивизию, начавшую свой боевой путь под Сталинградом, освобождавшую Крым и закончившую боевые действия в Прибалтике, в Литве.

Летом 1946 г., когда в штабе полка, в котором служил Дима, проходило какое-то совещание с участием нескольких генералов, приехавших из штаба военного округа, во время перерыва к группе молодых солдат, стоявших у штаба, подошел генерал-лейтенант, вышедший покурить. На груди его кителя была широкая планка с колодками боевых орденов. Он подошел к молодым солдатам, среди которых был и Дима, и спросил:

– Ребята, вы какого года рождения?

– 1927-го.

– Я должен был с вами выехать брать Берлин. Мы с вами счастливики. Обошлись без нас.

– Жаль, что нам не удалось повоевать, – сказал один из молодых солдат.

– А вы уже повоевали, чего вам сожалеть? Генералы сидят в тылу, впереди в наступление идут солдаты.

Генерал спокойно ответил:

– Подрастете – поймете, как нам всем повезло. На войне убивают и генералов.

Он пошел в штаб, где продолжалось заседание, а солдаты, удивленные ответом генерала, задумались над его словами.

Было лето 1946 г. Мирное время, но международная обстановка напряженная. В марте 1946 г. Уинстон Черчилль в речи в Фултоне призвал США и Великобританию к превентивной войне против СССР. Была провозглашена доктрина «сдерживания» коммунизма. Советская армия сокращалась и реформировалась, но находилась в боевой готовности. Начальник штаба, вернувшись с какого-то совещания, приказал в схемах учебных заданий в качестве условного противника вместо немецко-фашистских войск изображать американские, английские и западногерманские воинские подразделения.

Однажды начальник штаба, входя в комнату, где Дима разбирался с какими-то бумагами, сказал:

– Дима, хочешь пойти в отпуск?

Дима уже почти два года как служил в армии и давно не видел родителей, братьев, сестер, бабушку. Вопрос начальника поразил его своей неожиданностью:

– В отпуск? Разве это возможно? Отпуска для рядового и сержантского состава запрещены.

– Массовые отпуска запрещены, но командир части имеет право в

индивидуальном порядке предоставлять отпуска отдельным солдатам и сержантам. Командир части решил за хорошую службу предоставить вам месячный отпуск. Подписан приказ, иди, получай проездные документы.

Утром следующего дня Дима был уже на железнодорожной станции и выехал с первым проходящим поездом. Через сутки он оказался в знакомом ему Красноуфимске и думал, как добираться до своей деревни. Автобусного сообщения не существовало, лучшим выходом было пойти на мост через реку Уфу и ждать там попутную автомашину. Хотя надежды на это были очень слабые, его деревня находилась далеко от города, автомобили ездили туда и оттуда очень редко.

Но Диме повезло. Первая автомашина, остановленная им у моста, которая везла запасные части к тракторам и комбайнам, ехала в Русскую Тавру, находившуюся в шести километрах от деревни родителей, и там работала его старшая сестра Мария. Шофер, молодой парень, сказавший, что он сам только что демобилизовался, охотно согласился довезти его не только до Русской Тавры, но и до дома родителей, а на вопрос о плате за проезд сказал, что об этом не может быть и речи. Дорогой он расспрашивал Диму, как сейчас служит в армии, рассказывал сам о своей военной службе.

Вот и знакомые места. У Русской Тавры Дима сказал, что не нужно везти его дальше, поблагодарил шофера за оказанную помощь. Шесть километров для солдата – пустяк, ерунда. Подхватив свой миниатюрный чемоданчик, Дима зашагал вперед и поднялся на Тавринскую гору. Он остановился на границе Свердловской области и Башкирии. Перед ним лежали поля Месягутовского совхоза. Впереди, в трех километрах, за лесом, показались крыши родительской деревни, на горизонте выделялся Вязовый куст, далеко видный с разных мест. Дима вспомнил день, когда на этом месте мать провожала его в армию, ее наказы, то суровое военное время. Кругом никого не было, но Дима не мог удержаться и во весь голос закричал:

– Мама, я вернулся живой!

По деревне он прошел в полдень в гимнастерке, на груди которой была «Медаль за победу над Германией». Думал, кого из родных встретит первым. Пройдя деревню, он увидел, что на пути к дому, который находился в полкилометре, кто-то стоит на полдороге. Оказалось, что это была его мать. Они обнялись.

– Мама, что ты тут делаешь? – спросил Дима.

– Жду тебя.

– Как ждешь? Я не писал в письмах, что приеду, не сообщал о приезде телеграммой. Ты наверно, видела сегодня меня во сне?

– Нет, не видела. Я знала, что ты сегодня приедешь.

– Как знала? Откуда?

Она не ответила. К сожалению, Дима тогда не придумал этому никакого значения, не узнал, как и откуда мать узнала о его приезде. Что это было? Телепатия? Передача мыслей на расстояние через ноосферу без посредства органов чувств? Предчувствие материнского сердца? Раньше он не задумывался над этим, а теперь уже никогда этого не узнает.

– Мама, почему ты такая маленькая?

– Я все та же. Это ты успел вырасти. Пойдем домой!

Они пошли к дому. А к ним уже бежал с пасеки отец, он был в белом халате и с сеткой на голове, в которых осматривал пчел. На крыльце дома их ждали бабушка, одиннадцатилетний Гриша, семилетняя Анна. Вечером пришли Алексей, которого Дима не видел семь лет, и Павел, которого он не видел три с половиной года. Дима снова был в родной семье.

Хотя днем Дима быстрым шагом прошел через деревню и считал, что никто из взрослых жителей деревни его не видел, о его приезде уже знала вся деревня. Вечером он пошел в деревню, чтобы встретиться со своими сверстниками и школьными товарищами. Но только он появился там, его обступила толпа женщин, которые смотрели на него как на какое-то чудо, обнимали, тискали его. Из семьи четверо уходили в армию и трое, один за другим, вернулись домой живыми! А вот и этот, четвертый, тоже вернувшийся живым!

В деревне это была единственная семья, в которой все ушедшие в армию во время войны вернулись домой. Бабушка говорила: «Все наши вернулись живыми, потому что я все время молилась за них, Господь их спас!» Ей говорили, что не только она, но и другие матери, жены, бабушки тоже молились за спасение своих родных, но, несмотря на это, многие из них погибли на фронтах. Но бабушка оставалась уверенной в своем мнении, говорила, что не все молитвы доходят до Бога.

Пришли солдаты, побывавшие на войне, получившие ранения, признанные негодными к военной службе и вернувшиеся домой. Никаких наград они не имели и хотели посмотреть, как выглядит «Медаль за победу над Германией». Дима заверил их, что в ближайшее время через военкомат все они обязательно получают такие медали. На следующий день Дима с Павлом пошли в Русскую Тавру, чтобы встретиться с Марией и знакомыми по его работе в этой деревне перед уходом в армию. За работу во время войны Мария Васильевна была награждена медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

НА СЛУЖБЕ ВОЕННОЙ

*Солдат народу служит верно
Не ради славы и наград.*

М.Танич.

Поскольку эти главы посвящены войне, придется немного сказать о дальнейшей военной службе Димы. То, что оказавшись в армии, он имел законченное среднее образование, имело положительное и отрицательное значение. Его часто перебрасывали с одного задания на другое, одно за другим давали различные поручения.

В гарнизоне имелась начальная школа, в которой учились дети офицеров и обслуживающего персонала. В ней не хватало учителей, и Дима как имевший педагогическое образование два или три месяца проработал там в качестве учителя. Неопределенность статуса (не то граждан-

ский, не то военный) и материально-бытовая неустроенность заставили его при первом удобном случае вернуться в воинскую часть.

Он был определен в штаб формирующегося отдельного учебного батальона. При подборе сержантского состава для батальона произошел интересный эпизод. В клубе на сцене стоял стол, за которым сидели командир батальона, несколько офицеров и Дима, который вел протокол заседания приемной комиссии. Кандидаты на занятие должностей вызывались на собеседование по одному. Перед комиссией стоит коренастый, крепкого телосложения сержант, который уже ответил на несколько заданных ему вопросов. Но тут вмешался в диалог замполит, решивший блеснуть знанием военного дела:

– Покажите, как вы умеете выполнять строевые команды. Слушайте мои команды: «Направо! Налево! Кругом! Правое плечо вперед! Левое плечо вперед!»

Сержант спокойно выполнял команды, но затем разразился отборнейшей трехэтажной матерной бранью в адрес замполита:

– Вы что, издеваетесь надо мной? Я на фронте батальоном командовал, а вы заставляете меня вертеться, как солдата-новобранца.

Оказалось, что это бывший майор, разжалованный за какой-то проступок в сержанты. Такие парадоксы тогда были не редкостью. Одним из батальонов командовал младший лейтенант, хотя в батальоне имелось несколько капитанов и старших лейтенантов. Причем командовал хорошо, ему все беспрекословно подчинялись, в батальоне был идеальный порядок. Этот младший лейтенант был разжалованный полковник, дела которого о восстановлении его в воинском звании решались где-то в высоких инстанциях.

Дима в учебном батальоне привел в порядок документацию, по комсомольской линии выполнял различные поручения. Командир одной из рот, бывший начальник штаба партизанской бригады в Белоруссии, пользовавшийся большим авторитетом и неподдельной любовью солдат, предложил Диме выступить в его роте с докладом о богатствах нашей Родины, сказав, что солдаты очень просят, чтобы кто-нибудь выступил перед ними с такой темой. Дима согласился, но попросил, чтобы подготовили карту СССР.

Он припомнил сведения по географии и истории страны, составил план выступления. Он рассказал о территории, населении, климатических зонах, природных богатствах, полезных ископаемых, основных промышленных и сельскохозяйственных районах страны. Его выступление с множеством интересных данных и примеров не походило на скучные политзанятия, нередко проводившиеся по-талмудистски. На его удивление, слушали его очень внимательно, а после окончания рассказа наградили бурными аплодисментами.

После выступления солдаты и сержанты роты окружили кольцом Диму и на его удивление сказали:

– Теперь мы знаем, почему ты служишь в штабе.

Взгляд со стороны? Дима не выбирал для себя место службы, полагал, что служить там, где считают необходимым его командиры, самое обычное дело. Он выполнял все поручения, которые давали ему и, если

сознавал их полезными, если у него для этого хватало знаний и сил, старался выполнить их как можно лучше. Так его учил отец: любое дело, за которое ты взялся, доведи до конца, постарайся сделать все качественно и доброту.

Парторг батальона предложил Диме вступить в партию. Это предложение явилось для него неожиданностью и озадачило его:

– Не думал и никогда ни с кем не советовался об этом. Я ведь еще комсомолец, для вступления в партию нужны рекомендации трех членов партии.

Но парторг, конечно, уже заранее подготовил все:

– Это не проблема. Одну рекомендацию напишу я, вторую – командир батальона, третью даст комсомольская организация.

Большинство парторганизации составляли офицеры, в ней также было несколько сержантов, на фронте принятых в партию. На партсобрании, на котором принимали Диму в партию, после зачитывания автобиографических данных и рекомендаций, выступления нескольких членов партии, охарактеризовавших его с положительной стороны, выступил один из членов партии, капитан:

– Что толку принимать в партию малышку? Мы отказали в приеме нескольким фронтовым офицерам, а теперь тащим в партию этого мальчишку.

Но парторг дал ему решительный отпор:

– Дима грамотный, дисциплинированный человек, выполнил несколько ответственных поручений по своей работе и по комсомольской линии. Надо думать вперед, заботиться о росте партии и пополнении ее молодежью. Дима достоин того, чтобы быть членом партии.

Партсобрание (апрель 1946 г.) единогласно проголосовало за прием его кандидатом в члены партии. Членом партии он стал в 1948 г. В партии, включая кандидатский стаж, он пробыл 45 лет, до запрета ее в 1991 г. Кстати, после войны все его братья и старшая сестра тоже стали членами партии. При вручении Диме в политотделе дивизии кандидатской карточки присутствовал корреспондент, который после окончания церемонии задал ему несколько вопросов. Дима не придал этому никакого значения.

Через некоторое время в дивизионной газете появилась статья «Молодой коммунист», занявшая целый подвал, целиком посвященная Диме. В ней он безудержно расхваливался. Из статьи следовало, что Дима был «фактически во всем передовой: по части политической, по части боевой». Парторг был очень доволен статьей, Диме было неудобно ее читать. Тем более, что авторство своей писанины корреспондент приписал Диме.

При расформировании учебного батальона Дима был направлен в 1379-й стрелковый Шавлинский полк, имевший славные боевые традиции. Свой воинский путь он начал под Сталинградом, освобождал Украину, Крым и закончил его в Прибалтике, взяв город Шавли (Шауляй), за что получил свое почетное наименование.

Начало службы Димы в «девятке» было любопытным. Шло сокращение численности вооруженных сил. Расформировывались и переформировывались воинские части, происходила демобилизация солдат

старших возрастов. Постоянно, почти ежедневно, в полк прибывали воинские команды из других воинских частей, сам полк, в свою очередь, отправлял сформированные им команды в другие воинские части. Два офицера, которым по очереди поручалось выяснить численности личного состава полка, не справились с этим поручением.

Парторг привел Диму к командиру полка и сказал, что он сможет выполнить такое задание. Парторг пользовался в полку большим авторитетом, и командир полка, по-видимому, доверял его рекомендациям. Он внимательно рассмотрел девятнадцатилетнего сержанта и высказался очень откровенно:

– Я не знаю, сколько у меня в полку людей. Что вам требуется для выполнения этой работы?

– Рабочее место, телефон с отдельным номером и указание командирам всех подразделений по первому требованию давать сержанту Гаврилову сведения по рядовому и сержантскому составу.

Командир полка был деловым человеком:

– Я прикажу дать такое указание. Начальник штаба окажет необходимую помощь. Срок для исполнения – месяц. Действуйте.

Дима энергично взялся за работу. Он установил контакты с другими отделами штаба и стал непосредственно работать с подразделениями. В подразделения с такими запросами обращались неоднократно, и к очередному требованию отнеслись несерьезно. Да и исходило оно от лица с очень скромным, малозначительным военным званием сержанта. Но вскоре они убедились, что отписками им не отделаться. Дима начал с «низов», с первичных подразделений – рот и отдельных взводов. Он шел к ним и требовал дать список личного состава по имевшейся форме, с указанием, где находятся в настоящее время эти люди. Затем он проверял, сколько человек состоит у них на довольствии, звонил на пищеблок и называл количество людей, перечисленных в поданном ему списке, которых следует кормить.

Подразделение приходило в столовую, и оказывалось, что кто-то оказывался не накормленным. Телефоны в штабе раскалялись от звонков и жалоб, но все отвечали на них одной фразой: «Обращайтесь к сержанту Гаврилову». Ответ последнего был один: «Немедленно командир или старшина подразделения должен прибыть в штаб со списком ненакормленных людей и разъяснением, что это за люди, почему они были не указаны в списочном составе подразделения». После выяснения этих вопросов Дима звонил на пищеблок и вносил добавление в ранее сообщенные данные по этому подразделению. Подобным способом были выявлены пробелы и разночтения в учетных данных и «мертвые души», значившиеся в составе воинской части.

Диме стали передаваться копии всех приказов о движении рядового и сержантского состава: о прибытии новых пополнений и выбытии в другие части. Привлечены были к этой работе финансовая часть, отделы вещевого и продовольственного снабжения. Обнаружились группы солдат, которые вообще не числились в каких-либо подразделениях. Так, около двух десятков солдат старших возрастов, занятые уже около года на работах в лесу, вообще нигде не значились.

Через две недели Дима доложил командиру полка точные сведения о численности рядового и сержантского состава по всем подразделениям и в целом по всей воинской части. С этого времени он стал в штабе непререкаемым авторитетом по вопросам учета численности рядового и сержантского состава. Конечно, он не сделал ничего выдающегося, просто навел порядок в запущенном учете личного состава.

Армия переходила на режим мирного времени. Шло переформирование частей, демобилизовывались солдаты старших возрастов, имевшие три ранения, учителя и т.п. Чтобы не утратить боеспособность, устраивались учения, но как-то лениво, не по-серьезному, нерадиво и неохотно.

Очередное учение проводилось без выхода подразделений из лагеря. Необходимо было занять оборону на высоком берегу реки, на котором давным-давно были вырыты траншеи, и отразить наступление «противника». Оно должно было начаться рано утром. На ночь от подразделений в траншеях были оставлены немногочисленные дежурные, личный состав подразделений спал в своих казармах и землянках, командир полка приказал поставить около командного пункта палатку и лег в ней спать, начальник штаба спал в своем кабинете в здании штаба полка. На командном пункте полка не оставили ни одного офицера. Все рассчитывали тихо, спокойно, со всеми удобствами, комфортабельно провести «боевое дежурство». Но этого не получилось.

Дима в ту ночь был дежурным по штабу полка, в его распоряжении были связисты и несколько вестовых. В полночь на командном пункте неожиданно появился с несколькими офицерами генерал-майор, командир дивизии.

Дима подал условленный знак вестовым и четко и уверенно отпортовал:

– Товарищ генерал! 1379-й стрелковый Шавлинский полк занимает оборону по левому высокому берегу реки Бершеть. По данным разведки, механизированная колонна противника, переночевав в деревне Янычи, утром двинется вперед с намерением выйти к железнодорожной станции Юг, чтобы перерезать железную дорогу, ведущую к областному центру. Командир полка решил атаковать противника на марше, когда его колонна приблизится к рубежу нашей обороны. По сигналу с командного пункта – две красные ракеты – ударная группа атакует колонну с левого флага, рота, посланная в засаду в перелесок юго-восточнее большой дороги, нанесет ей удар с тыла. Докладывает дежурный по штабу полка сержант Гаврилов.

– Есть связь с ротой, направленной в засаду?

– Сейчас связи нет. Чтобы не демаскировать месторасположение роты, радиосвязь с ней прекращена до утра. Возобновится перед началом общей атаки на колонну противника.

– Отлично. Пошлите за командиром полка.

– Уже послано.

– Пошлите за начальником штаба.

– Тоже послано.

– Хотите поступить в военное училище? Я напишу рекомендацию.

– Нет. После ухода на гражданку поступлю в пединститут. Хочу получить высшее образование.

– Ну и напрасно. В армии тоже можно получить высшее образование.

На командном пункте появились командир полка, а затем и начальник штаба. Командир полка начал докладывать, но генерал остановил его:

– Я уже введен в обстановку, доложил ваш дежурный по штабу. У вас тактически грамотные сержанты.

– У меня в полку все офицеры и сержанты такие, – похвалился командир полка.

Разгадка «тактически грамотного» доклада сержанта Гаврилова была проста: по заданию начальника штаба он накануне рисовал цветными карандашами схемы предстоящих учений.

Между тем, поднятые начальником штаба по сигналу тревоги подразделения спешно занимали назначенные им позиции. Когда на дороге появилась колонна «противника» и приблизилась к рубежу обороны полка, по сигналу с командного пункта на нее с фланга и с тыла с криками «Ура!» обрушилась лавина атакующих. Генерал поблагодарил командира и офицеров полка за хорошо организованные учения.

В НАСТРОЕ ВОЕННОМ

*Держит в настрое военном
Нас встречного марша мотив.*

В.Сибирёв.

Дима быстро освоился с военной службой. Несмотря на загруженность работой в штабе, ему нередко давались другие поручения. Заместитель командира дивизии, полковник, фронтовой друг начальника штаба, пожаловался на плохую успеваемость его сына, учившегося во втором классе начальной школы. Диме было поручено позаниматься с ним, для чего два раза в неделю на несколько часов он освобождался от работы в штабе. Мальчик был избалованный, учился очень неохотно. Позанимавшись с ним месяца полтора, Дима попросил начальника штаба избавить его от этого поручения. Начальник штаба позвонил жене полковника и сказал, что Дима отправлен в длительную командировку, и занятия с ее сыном придется прекратить.

В воинскую часть приехала комиссия вербовщиков, подбиравшая кадры в закрытое военное училище. Она беседовала со всеми солдатами и сержантами, имевшими среднее образование. Вызвали на собеседование и Диму, который ответил на все заданные ему многочисленные вопросы. Члены комиссии остались довольны его ответами и предложили ему учиться в их училище. Название училища, место его нахождения, его профиль они не называли. Дима поступать в их училище отказался, сказав, что не хочет быть военным. Рассказы о хороших материальных условиях учебы в училище и присвоении после окончания учебы офицерского звания его не соблазнили, он снова решительно отказался от поступления в училище. На этом они и расстались.

Но дело этим не закончилось. Через некоторое время пришел приказ откомандировать на учебу в училище шесть человек, прошедших собеседование, в их числе был назван и Дима. Расстроенный, он пошел к начальнику штаба и заявил, что ехать в училище он не хочет. Начальник штаба отнесся к этому очень спокойно и сказал, что если не хочешь ехать, то и не поедешь. В бумаге в штаб дивизии об откомандировании в училище против фамилии Гаврилов Д.В. было написано – «находится в госпитале». Приказ был выполнен, а Дима остался на прежнем месте службы.

Начальнику штаба позвонил полковник, начальник политотдела дивизии и попросил прислать ему какого-нибудь грамотного штабиста, члена или кандидата в члены партии, который бы помог им подготовить стенограмму судебного процесса. Проворовался заместитель командира дивизии по тылу майор Насыров. Он отправлял целыми вагонами новое обмундирование, постельные принадлежности, мыло и т.п. вещи на уральские заводы своим сообщникам, которые их распродавали. Его исключили из партии, лишили воинского звания. Был судебный процесс, Насырова приговорили к длительному сроку тюремного заключения: за воровство государственного имущества тогда наказывали строго. Не знаю, был ли приговор справедлив.

Стенограмму судебного процесса было необходимо срочно отправить в какую-то очень высокую инстанцию, по-видимому – в Москву. Но со стенограммой возникли затруднения. Процесс записывали три стенографистки, их записи своевременно не привели в порядок и перепутали. Несколько офицеров политотдела, привлеченные на помощь стенографисткам, эти записи еще больше перетасовали. Начальник политотдела поручил Диме разобраться со стенограммой и просил сделать это в течение недели.

Дима никогда не занимался вопросами стенографии, но быстро сориентировался в создавшейся ситуации. Во-первых, он попросил познакомиться его с обвинительным заключением, чтобы понять суть дела. Во-вторых, попросил стенографисток рассказать, как они работали. Записывали они по очереди, на своих записях номеров не ставили. Он предложил им из кипы расшифрованных листков выбрать те, которые каждая из них записывала. Потом они должны были разложить свои листы в том порядке, в котором они их записывали, и пронумеровать их.

После этого он попросил их сесть так, как они сидели на процессе. Дело в том, что первая стенографистка, позаписывав 15 минут, передавала записывание второй стенографистке, которая включалась в работу, записывала в течение следующих 15 минут, а затем передавала работу третьей стенографистке. Далее это повторялось. Во время передачи работы от одной стенографистки к другой, проходило некоторое время – четверть или полминуты, в течение которых запись не велась, и в стенограмме появлялись смысловые пробелы.

За этим последовало коллективное составление стенограммы. Дима сидел за столом напротив стенографисток, и когда одна и другая стенографистки зачитывали свои тексты, делались паузы, в которые Дима предлагал несколько слов или целое предложение, которые связывали

эти тексты. Если такая стыковка не получалась, вторая стенографистка должна была найти в своих листах текст, который по смыслу являлся продолжением первого текста. Дело двигалось медленно, но раз за разом запинки встречались все реже и реже, темпы работы ускорились, и к концу дня они смогли восстановить стенограмму первого дня процесса.

Рукопись восстановленной части стенограммы тут же была передана на перепечатку на машинке. Стенографистки и машинистки, которые несколько дней безуспешно бились над восстановлением текста, были в восторге от удачного начала работы. Они гурьбой отправились к начальнику политотдела и заявили ему:

– Вы дали нам золотого мальчика.

Прочитав машинописный текст начала стенограммы, начальник политотдела остался доволен сделанной работой. Дальше дело пошло еще быстрее, стенографистки вспоминали ход процесса, помогали найти связующие слова между отдельными листами стенограммы, подготовленные тексты тут же передавались на перепечатку машинисткам. Через три дня их работы на столе начальника политотдела лежала полная стенограмма судебного процесса.

С политработниками Диме пришлось соприкоснуться еще раз. По комсомольской линии он выполнял ответственное поручение – был заместителем комсорга батальона. Комсоргом значился лейтенант, на фронте за какой-то подвиг награжденный орденом Красного Знамени, но в полку его редко кто видел, он где-то пробивал себе какую-то новую должность или направление в какое-то училище. Всю текущую комсомольскую работу выполнял Дима.

Замполиту и парторгу пришла в голову мудрая мысль сделать Диму аттестованным комсоргом батальона. Они получили у начальника политотдела дивизии разрешение представить Диму к присвоению звания младшего лейтенанта, но когда они сообщили об этом Диме, он от этого отказался. Через некоторое время замполит и парторг снова вызвали Диму к себе и, хитро улыбаясь, торжественно объявили, что они выпросили у начальника политотдела разрешение представить его к присвоению звания не младшего лейтенанта, а к присвоению звания лейтенанта. Конечно, в девятнадцать лет получить звание лейтенанта было неплохо, но Дима снова, к их удивлению, отказался. Его не прельщала комсомольская работа. Парторг принял отказ спокойно, но замполит считал себя очень обиженным, жаловался, что он поставил их в очень неудобное положение перед начальником политотдела.

Более серьезным было поручение, связанное с откомандированием на сборы химинструкторов. Международная обстановка усложнялась, появились данные о наращивании на Западе химического оружия. В воинских частях было обращено внимание на состояние средств химической защиты. Начальник штаба вызвал Диму к себе и объяснил ему суть нового задания:

– В корпусе проводятся месячные сборы химинструкторов батальонов. Программа сборов большая и сложная. Просили направить на них кого-нибудь пограмотней, а у нас химинструкторами значатся сержан-

ты с начальным образованием, которые кроме проверки противогазов ничего делать не умеют. Мы решили послать на эти сборы тебя. Шесть часов лекционных и практических занятий, никаких строевых и тактических. Хорошие бытовые условия, отличное питание. Просто курорт. Поезжай, отдохнешь, а мы тут с твоей работой справимся.

Все оказалось почти так, как нарисовал начальник штаба. Необременительные занятия, беззаботное времяпровождение. Но вот сборы подходят к концу, предстоит строгий экзамен. На подготовку отведено четыре дня. Все схватились лихорадочно листать свои записи на лекциях, литературу. Дима взял толстенную книгу «Военно-химическое дело», проштудировал ее. Пригодились знания по химии, полученные в педучилище. Он легко разобрался с формулами химических соединений и других премудростях. Принимала экзамен большая авторитетная комиссия. Дима сдал экзамен на оценку «отлично». Вернувшись в часть, он отрапортовал о выполнении задания и снова засел за свою работу.

Некоторое время спустя был получен приказ по корпусу, в котором подводились итоги работы сборов химинструкторов, и двум участникам этих сборов, сдавшим экзамены на отлично (Диме и еще одному участнику сборов), объявлялась благодарность командира корпуса. Для Димы это было неожиданностью. Сержант в строевой части может получить благодарность от командира взвода, командира роты, редко – командира батальона, еще реже – от командира полка и очень редко, в исключительных случаях или при каких-либо исключительных достижениях, – от командира дивизии.

Благодарность от командующего корпусом зашкаливала все мыслимые пределы. На каком-то очень высоком большом совещании нашего командира полка всенародно похвалили за высокое состояние в его части уровня подготовки кадров по военно-химическому делу. Командир полка был очень горд этим, с Димой он стал здороваться обязательно за руку.

Обычная картина: утро, возле здания штаба стоит группа лейтенантов и капитанов, по каким-либо делам пришедших в штаб, тут же несколько штабистов, вышедших подышать свежим воздухом. Быстрым шагом идет командир полка, высокий, стройный подполковник с чапаевскими усами. Все вытягиваются по-струнке и отдают ему честь. Он подходит к Диме, пожимает ему руку и, не обращая внимания на остальных собравшихся, идет дальше и заходит в штаб. У офицеров вытягиваются лица, все обступают Диму и начинают его спрашивать, какой генерал у него родственник.

Дима растерян, он говорит, что у него нет такого родственника, но ему явно никто не верит. В полку был лейтенант, племянник генерал-лейтенанта, служившего в штабе военного округа, он считался командиром роты, но в роте не появлялся, а готовился к поступлению в Военную академию. С ним командир полка всегда здоровался за руку.

Но отношения с начальством у Димы были не всегда благостные. В штабе он часто цветными карандашами рисовал схемы предстоящих учений, изображая красным цветом положение советских частей и синим – вероятного противника. Командир полка, командовавший

на фронте батальоном, решил поделиться своим боевым опытом. Он подготовил для журнала «Военная мысль» статью о проведенной им на фронте наступательной операции усиленным батальоном с приданными ему артиллерией и минометами. Целью наступательной операции было выравнивание линии фронта, занятие возвышенности, вклинившейся в советскую оборону.

Наступление окончилось неудачей. Штрафная рота, наносившая вспомогательный удар, успешно прошла по заболоченному участку, который оборонялся слабыми силами немцев, со своим традиционным, наводившим ужас на фашистов кличем «... мать!», прорвала первую линию немецкой обороны и ворвалась в их вторую линию. В это время две роты, наносившие главный удар, сумели занять первую траншею немцев, но дальше продвинуться не смогли. Третья рота, находившаяся в резерве, поставленная уступом за ними, не смогла вовремя прийти им на помощь, не смогла развить их успех. Немцы подтянули резервы и контратаковали главные силы батальона, которые не удержались в захваченной траншее и вынуждены были отойти на исходные позиции. Вынуждена была отойти на исходные позиции и штрафная рота.

Автор статьи неудачу наступления объяснял плохим личным составом батальона, в котором значительную часть составляли молодые, только присланные на фронт, необстрелянные бойцы, и солдаты-казахи, не знавшие русского языка. Им не хватило боевого духа, напористости, натиска, чтобы добиться решающего успеха до подхода фашистских резервов. Статья сопровождалась несколькими схемами, которые начальник штаба поручил нарисовать Диме.

Дима старательно разрисовал эти схемы и отнес их командиру полка. При этом он проявил инициативу и высказал свое мнение по поводу этой наступательной операции. Он сказал, что диспозиция наступавших подразделений была неудачной, лучше было бы основные силы сосредоточить на правом фланге и поддержать ими успешное наступление штрафной роты. Командир полка сухо поблагодарил Диму за подготовленные схемы и сказал, что он может быть свободным.

Вскоре, когда Дима беспечно сидел в своем кабинетике, к нему зашел взволнованный начальник штаба и спросил:

- Что ты сказал командиру полка?
- Что случилось?

Начальник штаба рассказал:

– Зашел к командиру в кабинет. Он ходит из угла в угол и кричит: «Мальчишка! Учит меня, как надо воевать! Я на фронте отличился там-то, там-то! Теперь всякий малявка начинает в нас тыкать пальцем и говорит, что мы воевали неправильно!»

Дима рассказал о своем разговоре с командиром полка и высказанных им соображениях о проведенной наступательной операции. Начальник штаба посмеялся и сказал, что ничего страшного, командир полка немного пошумит и успокоится. Он добавил:

- Я говорил ему, что наступательная операция была спланирована

неправильно, но он меня не послушал.

Некоторое время спустя Дима спросил начальника штаба, отправил ли командир полка в журнал свою статью? Тот ответил:

– Нет, не отправил.

На этом история со статьей командира полка закончилась. Дима сожалел, что нечаянно напрасно обидел его, проявил инициативу, высказал свое мнение там, где этого не надо было делать.

Спустя годы, можно сказать, что Дима и начальник штаба были правы, указав на неправильное планирование операции. Но в чем-то был прав и командир полка, ведь всегда существует большое противоречие между планированием и выполнением военных операций. Еще Шота Руставели писал: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Лев Толстой, в молодости офицер-артиллерист, защитник Севастополя, убедительно показал разницу между планами и их исполнением: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

В военных операциях многое нередко зависит от мелочей, которые трудно предусмотреть заранее. Об этом убедительно говорится в английской народной песенке:

Не было гвоздя – подкова пропала.
Не было подковы – лошадь захромала.
Лошадь захромала – командир убит.
Конница разбита – армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя.

Перевод С.Маршака.

План комбата был не так уж плох, но он недооценил боевой порыв штрафной роты и переоценил боевые возможности личного состава своего батальона. Известный военный теоретик К.Клаузевиц высказался очень мудро: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно».

Дима не стал военным. Годы военной службы, в особенности прошедшие на военное лихолетье, накладывают на людей определенный отпечаток. Став гражданским человеком, Дима всегда интересовался положением в армии, ее оснащением, уровнем в ней военной подготовки. Его особым интересом стали военная история, особенно история Великой Отечественной войны, история военной промышленности.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

ПОСЛЕВОЕННЫЕ СУДЬБЫ

Нам ли стоять на месте?

В своих дерзаниях всегда мы правы.

А.Д'Актиль.

Автору не хочется бросать действующих лиц повести на полдороге, на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Но для

продолжения связного обстоятельного повествования потребовалось бы написать объемистый роман, что для автора является неподъемным делом. Для тех читателей, которых заинтересовали действующие лица повести, в заключительной главе о них сообщаются краткие биографические сведения.

Первой тяжелой утратой семьи в послевоенное время была смерть всеми любимой и уважаемой бабушки. Бабушка была изумительным человеком, до мозга костей преданным интересам родной семьи. Она была семейным врачом, применяя народные средства, лечила членов семьи от всех болезней. Поэтому члены семьи очень редко прибегали к врачебной помощи, в этом не было необходимости. Где бы семья ни жила, бабушка всегда неизменно щедро снабжала ее дарами природы – грибами и ягодами.

Бабушка была религиозной, всю жизнь возила с собой маленькую иконку с изображением въезда Иисуса Христа в Иерусалим, на которую молилась по утрам. Она искренне верила, что Бог управляет всей жизнью людей, что все происходившие с людьми события происходят по воле Божьей. «Жизнь наша грешная, – говорила она. – Грешат по попущению Господа, для наказания и вразумления суетившихся людей. Бог все видит, все знает».

В совхозном поселке, где жила семья, на летние работы приходило много сезонных рабочих, среди которых было немало деклассированных личностей с неадекватным поведением, совершавших плохие, предосудительные поступки. Услышав о какой-нибудь подобной выходке, она обычно говорила: «Бог его накажет». И, как ни странно, часто ее слова сбывались. Однажды, когда вечером стадо коров, коз и овец возвращалось с пастбища домой и шло мимо зерносклада, где прямо на земле, под открытым небом высилась гора намолоченного зерна, мелкий скот – овцы и козы, по недосмотру пастухов, бросились к зерну. В таких случаях работавшие на зерноскладе женщины обычно начинали кричать и размахивать руками, отгоняли скот от зерна. Но в тот день работавший на зерноскладе какой-то злой рабочий бросил в стадо лопату и переломил у принадлежавшей семье Гавриловых молодой овцы заднюю ногу.

Отец принес домой на руках пострадавшую овцу, которая сама ходить не могла. Вся семья обступила раненую овечку. Дима помнит испуганные, слезящиеся глаза овцы, которые как бы говорили: «За что? Люди, мне больно, помогите мне чем-нибудь!» Мать, которая очень любила кротких и ласковых овечек, была возмущена жестокостью изверга и говорила, что надо на него подать в суд, пусть его строго накажут. Отец сказал, что подавать в суд бесполезно: хотя это видел десяток людей, на суде вряд ли кто осмелится дать показания против этого бандюги, кроме того, он скажет, что охранял социалистическое добро, суд оправдает его или присудит какой-нибудь ничтожный штраф.

Ветеринар, осмотревший овцу, сказал, что вылечить ее невозможно, ее надо прирезать, чтобы получить от нее какой-нибудь доход – мясо, шерсть. Бабушка негодовала, возмущалась безжалостным и бессовестным убийством смирной, безвинной овцы. Она говорила: «Бог ему это

злодейство не простит, он его накажет». На следующее лето, приехав на летние каникулы, дети узнали, что бандюга за серьезное преступление был осужден на 8 лет тюремного заключения. Бабушка оказалась права и на этот раз – божья кара нашла злодея.

Бабушка очень любила маленьких детей, от пеленок до школьного возраста вынянчила 6 внуков и 9 правнуков. До глубокой старости она помогала матери по домашнему хозяйству. Последние два года своей жизни она не ходила, сломав шейку бедра. Произошло это так. Увидев, что соседский гусь напал на ее поросят, она схватила хворостину и бросилась защищать поросят, но запнулась, упала и сломала ногу. Нога срослась, но ходить она уже не могла. Приехав на побывку в родительский дом, ее взрослые внуки первым делом стремились поговорить с бабушкой, от которой сразу узнавали до мелочей все о жизни всех членов семьи. Бабушка умерла в 1959 г. в возрасте 86 лет.

Отец, вернувшись из трудармии, продолжал работать пчеловодом, заведовал пасекой на Первом отделении, превратив ее в образцовую, считавшуюся одной из лучших в районе. Постоянно работал один, летом ему помогал помощник – иногда мать, но чаще – кто-либо из женщин из отделения. Осенью, по окончании медосбора, создавалась особая комиссия из нескольких человек, которая ручной медогонкой выкачивала мед из рамок, взвешивала его и составляла об этом особый акт. Затем мед отправлялся на Центральную усадьбу в склад. От каждой пчелиной семьи ежегодно в среднем получали по центнеру товарного меда.

Посвятив пчеловодству большую часть своей жизни, отец превратился в опытного специалиста в своей отрасли. Он на протяжении многих лет вел дневник, в который каждый день записывал состояние погоды, температуру утром, днем и вечером, отмечал время начала цветения различных растений-медоносов. На пасеке был «контрольный улей», который стоял на весах, его обязательно взвешивали два раза в день – утром и вечером, данные записывали в особый журнал. Разница в цифрах позволяла определить, сколько меда за день наносили пчелы.

Другой улей, который можно назвать «экспериментальным», имел стеклянную стенку, прикрытую деревянной задвижкой. Присев около улья на маленькую скамеечку, отодвинув задвижку, можно было через стекло наблюдать за работой пчел внутри улья. Внук Володя, умный и любознательный мальчик, сын Марии, к сожалению, рано умерший от менингита, приезжая в гости к деду, целыми часами тихо и смиренно сидел около этого улья, наблюдая за деятельностью неутомимых тружениц. Пчелы его никогда не жалили.

У отца имелись книги по пчеловодству, он постоянно выписывал и читал журнал «Пчеловодство». Дима, став взрослым, кандидатом исторических наук, однажды приехав к родителям, полистав журналы «Пчеловодство», прочитал статью пчеловода-любителя, который, имея два улья, осуществил ряд нововведений, благодаря которым увеличил сбор меда на 15%. Он спросил отца, почему на его пасеке эти новшества не внедряются. Отец, специалист-практик, разъяснил дилетанту: пчеловод-любитель прав, все его предложения правильные, но он проводил опыты с двумя ульями, а у него на пасеке 120 ульев.

Чтобы выполнять его рекомендации, надо на пасеке увеличить штат пчеловодов минимум в 10 раз. Это экономически невыгодно, не оправдывает небольшую прибавку в меде. Кроме того, пчеловод-любитель не указал, в каких условиях проводился эксперимент, откуда появилась прибавка меда. Сбор меда постоянно колеблется и зависит от погоды, наличия растений-медоносов и т.п. Один год может быть медоносным, в другой из-за непогоды большого взятка не будет. Пчеловод-любитель, конечно, привел данные по наиболее удачному году. Надо различать: одно дело – любительский эксперимент, другое дело – промышленное производство.

После войны родители рядом с пасекой построили небольшой собственный дом, который стал центром семейных связей разбросанного по всей стране семейства. Высокий авторитет отца сохранился в семье даже тогда, когда все его дети стали взрослыми и получили высшее образование. Для детей всегда было счастьем, приехав в отчий дом, рассказать отцу о своей жизни и услышать его отзыв, советы, замечания.

Проработав пчеловодом более тридцати лет и выйдя на пенсию, отец не оставил любимого занятия. В ограде своей усадьбы он держал десяток ульев с пчелами, обходил их каждое утро, чтобы посмотреть, как работают его пчелы-труженицы. Снабжал медом всех своих взрослых детей и их семьи. Он пользовался глубоким уважением и почетом всех жителей деревни, и когда умер в 1969 г. в возрасте 76 лет, сельчане гроб с его телом понесли не прямо на кладбище, а сначала пронесли на руках через всю деревню.

В большом семействе мать была домохозяйкой, за исключением коротких периодов, когда работала дояркой в Васильевском, замещала отца в качестве пчеловода во время Великой Отечественной войны, помогала отцу на пасеке в летнее время. Ее постоянной заботой было накормить, одеть, обуть всех членов семьи, сшить или перешить для них что-либо из одежды. Когда ее трое детей учились в школе на Центральной усадьбе, она постоянно привозила или приносила для них продукты и необходимые вещи.

При этом мать была горячей, вспыльчивой и за какую-нибудь провинность кого-либо из детей наказывала их всех, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Однажды, уже после Великой Отечественной войны, когда ее взрослые дети – Алексей, Мария, Павел, Дима, отслужившие в армии, работавшие учителями и на других серьезных должностях, собрались в родительском доме, Павел чем-то досадил ей, она схватила полотенце и начала им хлестать своих взрослых детей – всех, не разбираясь, подряд. Это, когда-то грозное материнское наказание, теперь вызвало всеобщий смех, наконец, остыв, вместе со всеми, начала смеяться и сама мать.

Дети, где бы они не были, всегда ощущали заботу, теплоту и доброту матери. Хочется сказать словами поэтессы Л.И.Скориковой:

И в дни тревог и бед, о, мать моя, и ныне
Твой светлый кроткий лик сияет предо мной.
И служит и теперь мне в жизненной пустыне
Он путеводною звездой.

Алексей Васильевич Гаврилов. Сухуми, июль, 1941.

Павел Васильевич Гаврилов. 1944.

Григорий Васильевич Гаврилов. Усурийск, 1950.

Дмитрий Васильевич Гаврилов. 1946.

Братья Гавриловы

Когда отец и мать достигли пенсионного возраста, они жили со своей старшей дочерью Марией Васильевной и ее тремя малолетними детьми, которая, работая учителем и заведующей начальной школой в деревне Ключевской, взяла на себя все обязанности по содержанию домашнего хозяйства. Мать умерла после смерти отца через три года, в 1972 г., в возрасте 77 лет.

Алексей Васильевич после демобилизации некоторое время трудился бухгалтером в Месягутовском зерносовхозе, заочно окончил финансово-экономический институт, затем работал главным бухгалтером в Поляковском и Байрамгуловском совхозах. В Байрамгуловском совхозе (поселок Уральский Учалинского района Башкирской АССР) он проработал главным бухгалтером более двадцати лет. Его жена Нина Ефимовна, деловая и очень энергичная женщина, была главным зоотехником совхоза. Они двое, два главных специалиста – играли ведущую роль в руководстве экономикой совхоза.

Однажды, когда Дима приехал в гости к старшему брату, директор совхоза, по национальности башкир (жена у него была русская), пригласил их к себе в гости и с юмором рассказывал, что ежегодно, уезжая летом на отдых на юг, он за себя исполняющим обязанности директора совхоза всегда оставляет беспартийную Нину Ефимовну. Перед отпуском его трое заместителей, башкиры с высшим образованием, все члены КПСС, всегда упрасивали его оставить за себя кого-нибудь из них, дать им возможность хоть месяц «порулить» совхозом, однако он неизменно оставлял исполняющим обязанности директора Нину Ефимовну.

Нина Ефимовна получила только среднее образование, но имела большой опыт практической работы и почетное звание заслуженного зоотехника Башкирской АССР, смело отчитывалась за работу совхоза, в том числе на заседаниях горкома партии. Директор совхоза со смехом говорил:

– Когда я отдыхаю на юге, я всегда спокоен: Нина Ефимовна не развалит совхоз, а Алексей Васильевич не позволит его разворовать.

Нина Ефимовна, к большому горю, умерла в 1986 г., не дожив года до своего шестидесятилетия. Алексей Васильевич проработал до выхода на пенсию, умер в поселке Уральск в 2004 г. в возрасте 87 лет.

Мария Васильевна, получившая только среднее образование, имея трех детей, тридцать пять лет проработала учительницей в начальной школе. Она более десяти лет учительствовала в Русской Тавре, несколько лет прожила со своей семьей на Украине, но затем вернулась на родину и работала учительницей и заведующей начальной школой в родительской деревне Ключевской. Два года работала парторгом Айского совхоза. После смерти родителей и выхода на пенсию уехала в г. Набережные Челны, где обосновались ее взрослые дети со своими семьями. Умерла в Набережных Челнах в 2006 г. в возрасте 85 лет.

Павел Васильевич после демобилизации немного поработал учителем начальных классов в начальной школе деревни Ключевской, а затем перешел на работу в среднюю школу Центральной усадьбы Месягутовского зерносовхоза, заочно окончил Свердловский пединститут. В

Алегазовской средней школе он проработал директором школы и преподавателем истории в течение почти сорока лет, до выхода на пенсию. Умер в 2005 г. в возрасте 80 лет.

Григорий Васильевич окончил заочно Свердловский пединститут, отслужил два года в Советской армии на Дальнем Востоке, близ города Уссурийска, в течение более сорока лет работал преподавателем физики и математики в Алегазовской средней школе вместе со своим братом Павлом Васильевичем и его женой, учительницей начальных классов Анастасией Кирилловной. Умер он в 2010 г. в возрасте 75 лет.

Анна Васильевна в 1961 г. окончила Свердловский пединститут, сорок два года работала преподавателем географии: несколько лет – в г. Арты Свердловской области, все остальные годы – в г. Серове. В настоящее время – на пенсии.

Дмитрий Васильевич после демобилизации окончил Свердловский пединститут. Любопытно, что при поступлении в пединститут все вступительные экзамены он сдал на отлично. Секретарь приемной комиссии, взяв в руки его экзаменационный листок, воскликнула:

– Что вы наделали!

Обеспокоенный Дима спросил:

– Что такое? В чем дело?

– Сдали все экзамены на отлично! Зачем? Вам как демобилизованному достаточно было сдать экзамены на тройки, вас все равно бы приняли в институт.

Увы, Дима никогда не был таким рационалистом. Он всегда недоумевал, слушая вопли нашей либеральной интеллигенции против призыва в армию их отпрысков после окончания ими средней школы, что якобы не позволяло им успешно учиться в высших учебных заведениях, подрывало научный потенциал страны. Дима не мог понять, как их чада, если они нормально учились в средней школе, могли за такой короткий срок начисто забыть полученные в школе знания. Опыт показывал, что абитуриенты, отслужившие свой срок в армии или отработавшие два года на производстве, затем всегда учились более вдумчиво и серьезно по сравнению с теми, кто приходил в вуз сразу со школьной скамьи.

После службы в армии Дима работал учителем истории, завучем и директором в средних школах, затем – старшим преподавателем, доцентом, зав. кафедрой в пединститутах Шадринска, Липецка, Ульяновска.

Годы военной службы иногда неожиданно давали о себе знать. На сборах офицеров запаса при стрельбе из пистолета Макарова, когда каждому стрелявшему выдавали по три патрона, Дима, сделав первый выстрел, попросил посмотреть, куда попала пуля. Увидев, что она ушла вправо вверх, следующими двумя пулями он попал в девятку и выбил 18 очков. Поскольку первый выстрел считался пристрелочным, он попросил разрешить ему выстрелить еще раз.

Руководившие стрельбами два капитана заспорили между собой: один говорил, что надо обязательно дать выстрелить еще раз, посмотреть, что у него получится, второй, сказав, что патронов мало, может не хватить, а стрелявший уже выполнил упражнение на «хорошо» (для

удовлетворительной оценки хватало 15 очков), тогда как многие офицеры запаса вообще не могли попасть в мишень и все пули посылали «в молоко». Узнав, что Дима в армии прошел школу снайперской подготовки, они решительно заявили, что не стоит бесполезно жечь дефицитные патроны, выделенные для стрельб.

С 1981 г. Дима работает в Екатеринбурге в отделе истории Института экономики УНЦ АН СССР, с 1988 г. – в Институте истории и археологии Уральского отделения (УрО) Российской академии наук (РАН). В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1987 г. – докторскую диссертацию. Творческим успехам он во многом обязан помощи и поддержке своей жены Людмилы Тихоновны Гавриловой, с которой познакомился в 1982 г. в поликлинике УНЦ, где она в то время работала врачом-неврологом. С тех пор они вместе.

Людмила Тихоновна окончила фельдшерско-акушерское медицинское училище, а в 1967 г. лечебный факультет Свердловского мединститута. После окончания ординатуры кафедры нервных болезней она 10 лет работала невропатологом в поликлинике УНЦ АН СССР, затем 22 года – в медицинской службе УВД Свердловской области.

В Свердловске (Екатеринбурге) у Д.В.Гаврилова появилась настоящая семья: жена – Людмила Тихоновна, дети – Александр и Елизавета, внуки – Владислав и Лилия.

В настоящее время Д.В.Гаврилов – главный научный сотрудник Института истории и археологии (УрО) РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии имени В.Н.Татищева и Г.В. де Геннина, премии имени первого члена-корреспондента Петербургской АН П.И.Рычкова, академик Академии военно-исторических наук. Почетный ветеран УрО РАН.

ЭПИЛОГ

Тих мой край после бурь, после гроз...

...

Разберемся во всем, что видели,

Что случилось, что стало в стране...

С.Есенин.

Семья, состоящая из родителей и их детей, основанная на брачных связях и отношениях кровного родства, в результате многовекового исторического развития является первичной, базовой единицей, члены которой принимают участие в производительном труде, добывании средств существования, помогают родителям вести домашнее хозяйство, связаны между собой семейными ценностями, такими, как забота родителей о детях, поддержка детьми своих родителей, опека старших над младшими, постоянная забота и помощь старших младшим, взаимопомощь. Семья до сих пор является основной социальной ячейкой российского общества.

Сейчас идет массивное наступление на традиционную семью со стороны государственной ювенальной юстиции. Устои семьи усиленно расшатываются средствами массовой информации и Интернетом, про-

пагандирующими порно, эротику, наркоманию, насилие, гомосексуализм и т.п., подрывающие основы традиционной семьи.

Представленная читателю повесть показывает, что дружная и крепкая традиционная многодетная семья, попав в водоворот бурного XX века, смогла выстоять и выйти с достоинством из крутоверти сложного, многоцветного, беспокойного, буйного, неистового, остервенелого века, воспитать трудолюбивых, работающих детей, верных сынов и дочерей своей Родины.

В повести, охватывающей значительный период времени, упоминается множество важных событий XX века. Подобно тому, как Ж.Кювье по одному позвонку смог реконструировать скелет динозавра, как К.Ф.Рулье по изучению организмов в болотной луже мог дать картину взаимоотношений организмов в биоценозе, так внимательный читатель по единичным фактам и эпизодам найдет в предлагаемом его вниманию повествовании отражение крупных исторических событий, таких, как Гражданская война, коллективизация, спецпереселения, голод 1932–1933 гг., социальные сдвиги в стране и в деревне.

Автор не ставил своей целью найти на перепутье эпох причины социальных катаклизмов того времени, проанализировать стержневые проблемы той эпохи. Надеюсь, за него это сделает сам читатель. Тем не менее, некоторые предположения можно сделать. Читатель увидит, что многие события, такие как Гражданская война, коллективизация, ссылки, голод 1931–1933 гг., репрессии 1937 г. и некоторые другие события, описанные в повести, нередко изображаются в нашей литературе, нашими телевидением и кинематографией очень односторонне, примитивно и утрированно, в «жанре», далеком от действительности.

Автор попытался показать отражение того сложного, противоречивого времени через призму личного восприятия одной «простой» крестьянской семьи, брошенной в круговерть исторических событий, подчеркнуть высокий уровень психологических ресурсов семьи, родителей и детей, их сопротивляемость негативному воздействию окружающей среды, способность преодолевать трудности, находить выход из тяжелых жизненных ситуаций.

В повести нет фактов и событий, придуманных для усиления ее художественного и эмоционального потенциала, нет вымыслов. Автор считал это ненужным и считает вправе, вслед за А.А.Блоком, повторить, что «не спеша собрал бесстрастно воспоминанья и дела». При экскурсах в отдаленное прошлое автор использовал историческую литературу и архивные документы.

Л.Н.Толстой писал: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели будут не сочинять, а только рассказывать то значительное и интересное, что им случалось наблюдать в жизни». Автор полностью солидарен в этом со всемирно известным писателем, классиком российской и мировой литературы. В своей повести он придерживался такой же точки зрения.

*Д.В.Гаврилов – директор школы в с. Свердловское (Могильниково)
Сажинского района Свердловской области, с группой учителей школы (1948 г.)*

Дмитрий Васильевич с братом Павлом и его женой (1957 г.)

Шадринск (1962 г.)

1964 г.

Д.В.Гаврилов – старший преподаватель Шадринского государственного пед. института (1961 г.)

Аспирант-заочник Ленинградского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (1957 г.)

Зав. кафедрой истории Липецкого государственного пед. института
(1966–1971 гг.)

Доцент Д.Гаврилов с учениками

*Ульяновский государственный педагогический институт.
Экзамен по истории СССР (1975 г.)*

Зав. кафедрой, доцент Ульяновского государственного педагогического института – Д.В.Гаврилов со студентами

Будни историка-наставника

*Д.В.Гаврилов с научными сотрудниками сектора истории периода капитализма
Отдела истории Института экономики УНЦ (1985 г.)*

*Старший научный сотрудник,
зав. сектором истории периода
капитализма Отдела истории
Института экономики
УНЦ АН СССР.
(1981–1988 гг.)*

Дмитрий Васильевич Гаврилов с женой Людмилой Тихоновной (1982 г.)

Уральская зима (1997 г.)

Дмитрий Васильевич с братом Алексеем Васильевичем. Екатеринбург (1996 г.)

Семинар уральских и шведских ученых по вопросам железодобывающего производства в России и Швеции. Встреча в ИИиА УрО РАН (1993 г.)

Член советской делегации на Международном конгрессе по экономической истории. Таврический дворец (1970 г.)

Участники научной конференции в г. Иваново (1982 г.)

Слева направо: М.Н.Белов, Ю.И.Кириянов, Д.В.Гаврилов (Суздаль, 1984 г.)

*Участники Всероссийской научной конференции
«Урал в стратегии Второй мировой войны» (Екатеринбург, 2000 г.)*

*Международный конгресс, посвященный 300-летию Уральской металлургии
(2001 г.)*

*Доклад на Северном
археологическом конгрессе.
Ханты-Мансийск (2002 г.)*

Сотрудники ИИиА УрО РАН с академиком-секретарем ОИФН А.П.Деревянко

Alma mater (здание СГПИ на ул. Карла Либкнехта, 9 в Екатеринбурге)

*Главный научный
сотрудник института Истории
и Археологии УрО РАН*

Дома за работой (1989 г.)

Здание института Истории и археологии на Р.Люксембург, 5б. Екатеринбург.

*Присвоение звания Заслуженный
деятель науки РФ
(2001 г.)*

*На губернаторском приеме
в Ханты-Мансийске (2002 г.)*

Обсуждение проблем металлургии с академиком В.В.Алексеевым (2008 г.)

С коллегами по работе

С 80-летием Д.В.Гаврилова поздравляет директор института академик В.В.Алексеев

Поздравления от коллеги из Перми С.Г.Шустова

Празднование 80-летия Д.В.Гаврилов в родном Институте

Поздравления от молодых ученых

Д.В.Гаврилов с женой. Фото на память с казачьим хором

*90-летие Д.В.Гаврилова. Поздравляет доктор исторических наук Е.Т.Артёмов
(2017 г.)*

РАЗДЕЛ III. В ПАМЯТИ КОЛЛЕГ И БЛИЗКИХ

Е.Т.Артёмов¹³

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Говорят, что первое впечатление о человеке часто бывает обманчивым. В справедливости такого утверждения я не раз убеждался на собственном опыте. Но это не относится к моему знакомству с Д.В.Гавриловым. Оно состоялось буквально в первые дни моей работы в Институте истории и археологии. Я приехал из новосибирского Академгородка в составе небольшой группы (Е.В.Алексеева, К.И.Зубков, Е.В.Логунов, И.В.Побережников, В.П.Тимошенко, Е.В.Штубова) молодых исследователей, приглашенных ди-

ректором-организатором нового академического учреждения В.В.Алексеевым. Но в основном коллектив формировался из числа сотрудников отдела истории Института экономики. Это было авторитетное подразделение с устоявшимися научными направлениями, сложившимися традициями в организации работы и деловом общении. И для нас, вновь прибывших, оказалось непростым делом органично вписаться в действующий коллектив со своей тематикой. Возникло естественное для такой ситуации чувство дискомфорта, неуверенности в своих силах. Это затрудняло адаптацию к новым условиям работы и создавало серьезные ограничения для реализации своего потенциала. Решение проблемы во многом зависело от позиции ведущих исследователей из числа «аборигенов». И здесь, на мой взгляд, Дмитрий Васильевич оказался на высоте.

Хорошо помню, как проходили мои первые встречи с ключевыми сотрудниками Института. Начались они с беседы с А.В.Бакуниным, бывшем тогда заместителем директора, а ранее заведовавшим отделом

¹³ Артёмов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии УрО РАН (2013–2018), главный научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: iia-history@mail.ru

истории в Институте экономики. Александр Васильевич, как и положено руководителю и маститому ученому, с «пристрастием» допросил меня об имеющихся научных результатах и кратко охарактеризовал стоящие передо мной задачи. Чтобы доказать свою состоятельность и оправдать «высокое доверие», я должен был «незамедлительно» включиться в подготовку очередных томов «Истории Урала», посвященных советскому периоду. В общем, беседа носила сугубо официальный характер. Она мало что добавляла к уже известному мне о намечавшихся перспективах деятельности Института и особо не вдохновляла.

Совсем другое впечатление оставила «ознакомительная встреча» с Д.В.Гавриловым. Она состоялась спустя несколько дней и проходила совершенно неформально. За чашкой чая Дмитрий Васильевич ненавязчиво расспросил меня о научных интересах, житейских делах. Рассказал, что ему тоже неоднократно приходилось менять место работы. Поделился своим опытом налаживания отношений с новыми коллегами. Покорила его доброжелательность, стремление всячески поддержать молодого исследователя. Делал он это очень деликатно, без каких-то императивных рекомендаций. Разговор проходил как бы на равных, несмотря на разницу в возрасте и положении. И это очень импонировало.

Я понял, что таков был «фирменный стиль» общения Дмитрия Васильевича со своими коллегами. На протяжении нашей тридцатилетней совместной работы мне неоднократно приходилось убеждаться в справедливости сложившегося тогда впечатления. Внушали оптимизм взгляды Дмитрия Васильевича на перспективы Института. Как бы между делом он аккуратно заметил, что страна находится на крутом повороте своей истории (шел октябрь 1988 г.). События могут развиваться по-разному. И не исключено, что нам придется радикально пересматривать планы работы, основы которых закладывались совсем в другое время. По крайней мере, к этому нужно быть готовым. Такие представления мне, как и всем приехавшим из Новосибирска, были весьма близки. В результате из состоявшейся беседы я вынес ощущение, что «жизнь налаживается».

Последовавшая вскоре радикальная трансформация всей системы политико-экономических отношений в стране подтвердила обоснованность предположения, что коллективу Института придется «на ходу» перестраивать свою тематику. Но согласия, как это делать, поначалу не было. Так что, пересмотр направлений научного поиска сопровождался острыми дискуссиями. Но в конечном счете Ученый совет согласился, что продолжение работы над томами «Истории Урала», посвященными советскому периоду, на данном этапе бесперспективно. В лучшем случае, ее результаты будут повторением «уже пройденного». А вся научная новизна подготовленных трудов может свестись к переписыванию прежних обобщений и оценок в соответствии с новой «генеральной линией», предусматривающей «развенчание тоталитарного режима», ликвидацию «белых пятен в истории» и т.д. Поэтому было принято предложение В.В.Алексеева: коллективу Института необходимо переориентироваться на углубленную проработку теоретико-методологических аспектов изучения отечественной истории, системное накопление и обобщение эмпирического материала с новых исследовательских

позиций. А первым шагом в пересмотре тематики должна стать подготовка двух энциклопедий: сначала «Уральской исторической энциклопедии», а затем «Энциклопедии металлургических заводов Урала». В одобрении таких, поистине революционных для Института планов, большую роль в силу своего научного авторитета сыграл Д.В.Гаврилов. Со свойственной ему интеллигентной мягкостью, он твердо отстаивал, как оказалось, «единственно правильное» решение об изменении основных направлений деятельности Института. Это при том, что Дмитрий Васильевич, будучи главным редактором второго тома, в общем был заинтересован в завершении работы над «Историей Урала». Но для него главным являлись интересы дела. И такой позиции он придерживался до последних дней своей жизни.

А.В.Жук¹⁴

«НАСТАВЛЯЛ И ОБУЧАЛ, В НАС «ГАВРИЛЛИЦУ» ВСТАВЛЯЛ...»

Впервые с Дмитрием Васильевичем мы познакомились осенью 1996 г. Через несколько месяцев я заканчивал истфак УрГУ, приняв твердое решение идти в аспирантуру, и мой научный руководитель по диплому, ныне доктор исторических наук, профессор Елена Михайловна Главацкая посоветовала нанести визит в ИИиА УрО РАН, познакомиться и пообщаться с Д.В.Гавриловым на предмет выбора будущей научной темы.

Таким образом, еще будучи магистрантом УрГУ, я оказался на пороге «большой науки». Дмитрий Васильевич, тогда уже пожилой, но довольно бодрый и энергичный, принял очень радушно, но твердо и настоятельно посоветовал резко изменить направленность научных изысков, объяснив это тем, что проблема христианизации малочисленных народов Северо-Западной Сибири, по которой я работал, в целом, исчерпываема, а вот военно-промышленная тематика неисчерпаема в принципе. Насколько прозорливым оказалось это мнение будущего научного руководителя! Он сразу произвел сильное впечатление не только как масштабно мыслящий и талантливый ученый, но и как доброжелательный, мудрый и тактичный руководитель, равнодушный к чаяниям молодых. Пожелав мне удачи в защите магистерской диссертации, Дмитрий Васильевич пригласил поговорить более детально уже после сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру.

¹⁴ Жук Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия». Москва. Российская Федерация. E-mail: umtu@mail.ru

Не скрою, заранее перечитав некоторые труды Д.В.Гаврилова еще на студенческой скамье, я пришел в некоторое уныние, т.к. тема рабочих на фоне «модной» тогда тематики политики правительства в отношении христианизации народов и в целом истории православия показалась немногим скучноватой. Но успешно сдав вступительные экзамены в аспирантуру ИИиА УрО РАН в 1997 г., имея на руках университетские протоколы сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку и философии, весьма воспрянул духом. Дмитрий Васильевич предложил разработать недостаточно изученную тогда проблему военной промышленности Урала в годы Первой мировой войны. Новая тема оказалась настолько увлекательной, что на все три года аспирантуры я погрузился в нее с головой.

1990-е гг. были достаточно трудными для ученых и аспирантов: мизерное финансирование, тяжелая экономическая ситуация в стране, бытовые проблемы, у всех семьи, дети, которых надо кормить. Естественно, что многим аспирантам даже очной формы обучения приходилось подрабатывать в других учреждениях. Здесь хотелось бы отметить очень важный момент: в отличие от других научных руководителей того времени, требовавших, насколько приходилось слышать, от аспирантов чуть ли не еженедельных очных отчетов о проделанной работе, Дмитрий Васильевич с понимаем относился к «двойной», а то и «тройной» работе воспитанников «на стороне», допуская любую отчетность по телефону хотя бы раз в месяц.

С финансированием командировок в исторические архивы в академических институтах было вообще трудно, и я предложил, что, параллельно работая в других организациях, сам смогу обеспечить себе, пусть и не столь регулярные, командировки и проживание в Москве, Санкт-Петербурге, Ижевске, Перми, Оренбурге, Челябинске, Златоусте и многих других городах. Дмитрий Васильевич пошел навстречу, поддержал и одобрил мою инициативу в столь трудное время. Это было продуктивным совместным решением: диссертация была подготовлена в срок и успешно защищена, а данный опыт был поставлен в пример в отделе.

Помнится, насколько я был не уверен тогда в готовности своего труда, но Дмитрий Васильевич настоял на том, что, несмотря на некоторую недоработку и даже упущения, защищаться нужно вовремя, в срок, пока, по выражению моего научного руководителя, «горит зеленый свет светофора», о чем я, опять-таки, ни разу не пожалел и был благодарен своему наставнику.

Д.В.Гаврилов всегда серьезно работал с трудами аспирантов: большое количество правок необходимо было учесть. Перед защитой Дмитрий Васильевич дал невероятное множество ценнейших советов, которые все до единого пригодились, включая «секретные», «лично от Дмитрия Васильевича», не потерявшие актуальность, коими пользуюсь до сих пор, и даже теперь, спустя столько времени, не решусь их раскрывать. Но один из советов озвучу: научный руководитель рекомендовал аспирантам, работая в архивах, стараться полностью переписывать документы и хранить переписанное как можно дольше, так как один и тот же документ может пригодиться в работе не один раз в жизни, а возможности опять посетить какой-либо иногородний архив может и

не быть. Это были рекомендации одного из лучших ученых, педагогов и научных руководителей на Урале, как я позже осознал.

После защиты меня сразу пригласили на постоянную работу в ИИиА УрО РАН. С этого момента наше сотрудничество с Дмитрием Васильевичем перешло на новый уровень. Работая в отделе Отечественной истории XX века, я неоднократно получал предложения от Дмитрия Васильевича поучаствовать в проектах смежного отдела, где работал мой наставник, включая проекты, касавшиеся промышленного, и, в частности, металлургического наследия Урала. Я с энтузиазмом брался за такую работу, в том числе и за публикации в коллективных монографиях. Д.В.Гаврилов всегда с уважением относился к моей работе и никогда не отказывал в редакции или иной какой-либо помощи.

Мы часто обсуждали научные, да и не только, вопросы в холле, больше похожем на зал торжественных приемов для аристократических особ в особняке Железнова на ул. Р. Люксембург, дом 56, где тогда располагался институт. Дмитрий Васильевич постоянно рассказывал невероятные истории из своей научной, творческой и личной жизни, причем, со значительной, присущей ему, долей юмора. Чего стоили истории об его собственной защите докторской диссертации в Москве, о страницах, разлетевшихся по пляжу, еще будущей «докторской», которые приходилось ловить его супруге, о «новонаправленческой» конференции в Свердловске, о встречах с теми, кого давным-давно, спустя годы, вписали в историографию, да даже о его личном посещении концертов Л.О.Утесова. Запомнился очень интересный случай. Он касался назначения наставника заведующим кафедрой одного из нынешних университетов Центральной части России. Тогда еще, будучи очень молодым, Дмитрий Васильевич уже получил предписание свыше возглавить кафедру и прибыл к месту назначения, на кафедру этого вуза точно в срок, скромно сев в уголок помещения кафедры, не будучи знакомым еще ни с кем из подразделения. Одна из старших преподавателей, заметив Дмитрия Васильевича, высказала возмущение: мол, аспирантов на данное заседание кафедры не приглашали, знайте свое место, выйдите вон. И тут зашел ректор вуза, который и представил всем нового заведующего кафедрой. Упомянутая старший преподаватель не знала, куда ей деться, и едва не сгорела от стыда. Но Дмитрий Васильевич, как он сам говорил, просто перевел эту ситуацию в юмористическую плоскость, и, в дальнейшем, с коллегой сложились хорошие отношения.

Недюжинная эрудированность во многих отраслях науки, техники и производства отличала моего учителя. Помимо отечественной и всеобщей истории, подотраслей исторической науки – источниковедения, историографии, истории науки и техники, Дмитрий Васильевич, подходя всегда с профессиональным, взвешенным, научным подходом, прекрасно разбирался в вопросах экономики, экологии, географии, геологии, минералогии и металлургии. Металлургия и все что с ней связано – вызывали необыкновенное вдохновение Дмитрия Васильевича. О ней он мог с упоением рассказывать часами.

Жизнь текла, проекты двигались, и всюду, работая в ИИиА УрО РАН, я чувствовал зримую и незримую поддержку Дмитрия Васильевича Гаври-

лова. Невероятная забота и чуткость к своим, пусть и бывшим подопечным, отличала моего учителя высшей академической школы. Множество жизненно важных советов, даже личных, были даны мне Дмитрием Васильевичем. Он никогда не переставал интересоваться даже личной жизнью своих воспитанников. Однажды у меня вышла семейная ссора, я пришел в институт подавленный, Дмитрий Васильевич заметил, дал совет, я его взял на вооружение, и конфликт был разрешен мирно.

Количество научных конференций, проводимых институтом, уже в «нулевые» годы было невероятным. Львиная их доля тогда задумывалась в отделе Отечественной истории XX в., но без привлечения специалистов из «феодалного» отдела вряд ли можно было бы обойтись. В организации большинства таких конференций я участвовал лично. Помнится, Дмитрий Васильевич всегда одобрительно отзывался об удачно проведенных и продуктивных в научном отношении конференциях и выступал со справедливой критикой в адрес не совсем удачных, показывая недочеты, ошибки и упущения организаторов. Последних было мало, но были. Тут были ошибки, скорее, смежных организаций, в подавляющем большинстве, типографий с корректирующей работой. Но Дмитрий Васильевич всегда критично относился не к «флеш-мобной» стороне конференций, а к внутренней, научной, в частности, к статьям сборников трудов таких мероприятий. Тогда их выпускали заранее, и однажды Дмитрий Васильевич, привлеченный к редакции, обнаружил в заголовках слово «неп». Всю ночь в отпечатанном и склеенном тираже в типографии исправляли слово «неп» на «нэп». Электронных средств проверки практически не было, а людских ресурсов еще меньше, и только таким редакторам, как Дмитрий Васильевич, с огромным стажем работы, мы были благодарны.

Довольно длительное время с Д.В.Гавриловым мы преподавали на одной кафедре Уральского государственного технического университета – УПИ (ныне – УрФУ). Совместная преподавательская работа очень сплачивала. Мой наставник постоянно помогал с методическим материалом, давал ценные замечания, касающиеся непосредственно преподавательской практики в вузе. Это очень пригодилось в дальнейшей моей педагогической деятельности, даже тогда, когда, к сожалению, по состоянию здоровья Дмитрию Васильевичу пришлось уйти с преподавательской работы.

Спустя годы, когда приходилось работать уже в других организациях нашей необъятной страны, при этом руководить выпусками журналов, входящих в перечень ВАК РФ, Дмитрий Васильевич никогда не отказывал в совете при решении той или иной проблемы, охотно откликался на предложения о сотрудничестве в совместных публикациях, всегда помогал, в том числе, и с рецензиями на мои личные научные труды. Мы, не имея возможности встречаться лично, так как нас разделяли уже многие тысячи километров, часто созванивались и обсуждали любые вопросы и проблемы.

Светлую память о таком ученом, педагоге, учителе «с большой буквы», как Дмитрий Васильевич Гаврилов, о таком отзывчивом, тактичном, интеллигентном и добром наставнике, мудром советнике и просто друге, я буду хранить всю свою жизнь.

Вас.В.Запарий¹⁵**ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОКОЛЕНИЯ ТИТАНОВ**

Я не могу сказать, что был близко знаком с Дмитрием Васильевичем, хотя и проработал с ним в одном структурном подразделении института с 2013 г., на этот момент он уже заслуженно являлся одним из признанных корифеев уральской исторической науки. Дмитрий Васильевич запомнился мне человеком открытым, общительным, искренне, по-своему сопереживавшим молодым сотрудникам института (коим я и являлся в то время). Он довольно часто обсуждал с нами, коллегами по сектору, важные вопросы актуальных исторических исследований, а также злободневные политические вопросы. И, хотя, я, на тот момент, был еще недостаточно опытным как с точки зрения учено-

ного-исследователя, так и с точки зрения социальных качеств, Дмитрий Васильевич проявлял искренний интерес к моим часто не взвешенным и максималистским суждениям, что для человека его масштаба – большая редкость. Общение с ним, человеком умевшим задавать «неудобные вопросы», любившим поспорить на актуальные темы, но, тем не менее, максимально включенным в процесс коммуникации, для меня всегда было важным, это способствовало становлению у меня собственной системы взглядов.

Дмитрий Васильевич Гаврилов – человек крайне разносторонний, с очень насыщенной биографией, проживший длинную и разноплановую жизнь, явил собой своеобразный «слепок эпохи», безвозвратно ушедшей. Это была эпоха глобальных проектов и перемен, протянувшаяся через весь XX в., притом, эпоха суровая, требовавшая колоссальной внутренней силы и сосредоточенности. Я очень рад, что имел возможность общаться с таким человеком, как Дмитрий Васильевич Гаврилов, ярким представителем того поколения титанов, которые в нелегких условиях повседневного бытования смогли возродить мощь страны, государства, наделив ушедшую эпоху личными, полными глубокими переживаний, смыслами.

---

¹⁵ Запарий Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: pantera.zap@gmail.com

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Судьба свела меня с Дмитрием Васильевичем первый раз еще в начале 1980-х гг., когда я поступил в аспирантуру Отдела истории Института экономики Уральского научного центра АН СССР к профессору Александру Васильевичу Бакунину.

Я уже тогда обратил внимание на невысокого человека средних лет, одетого в кожаную куртку коричневого цвета и берет, который выдавал в нем представителя когорты интеллигентов-шестидесятников. Он относился с уважением к мнению других, которое сначала выслушивал и только потом высказывал свое мнение, которое отличалось взвешенностью и спокойным, лишенным агрессивности, оттенком. Тогда я поинтересовался, кто это? И мне

сказали, что это новый работник отдела – профессор Гаврилов. Он говорил о том, что много передвигался по стране и работал в нескольких вузах, что тогда не было характерно для советского преподавателя. И вызывало уважение. Он говорил о Шадринске, Липецке и других городах, где он работал. С уважением отзывался о «Герценке» в Ленинграде, где был в аспирантуре.

Говорили, что его взяли для работы над фундаментальными проектами по истории Урала, и действительно, через несколько лет он стал главным редактором второго тома многотомной истории Урала, изданного в конце 1980-х гг.

Но тогда наши траектории, как говорят, не пересекались. Я работал в архивах, писал текст диссертации, публиковал статьи и препринты по теме диссертации и в результате в срок в октябре 1983 г. защитил кандидатскую. Вернувшись в УПИ на преподавательскую работу, я не терял связь с отделом истории, а затем и с созданным на его базе Институтом истории и археологии. Однако тесных контактов с Дмитрием Васильевичем по-прежнему не имел, так как наши тематики научных исследований не соприкасались.

Мы стали активно сотрудничать с ним при организации и проведении конференции «Урал индустриальный». Нужно сказать, что в 1990-е гг., когда модным, да просто хорошим тоном считалась критика всего советского, Дмитрий Васильевич всегда имел свою точку зрения.

---

¹⁶ Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: vzap@mail.ru

Он отличался большой эрудицией и знаниями по многим проблемам истории и политики, имел огромный личный опыт, будучи ветераном Великой Отечественной войны. Именно тогда он выступал против «огульного очернения» нашей прошлой истории. Часто вступал в полемику с молодыми и не очень историками.

Вспоминаю один забавный случай, который произошел со мной во время организации очередной конференции «Урал индустриальный». Я был не только председателем оргкомитета, но и реально занимался вместе с коллегами сбором статей для сборника, так как у нас было принято публиковать материалы конференции к ее началу. Так вот, в стенах Института истории и археологии ко мне подошел один из моих молодых коллег, только что защитившийся доктор наук, фамилии которого мне не хотелось бы называть. Человек сугубо положительный, принимающий участие в любой проблеме своих коллег, обратился ко мне с довольно странным вопросом.

– Как, Владимир Васильевич, вы собираетесь публиковать в материалах конференции «Урал индустриальный» статью профессора Гаврилова?

Это меня страшно удивило.

– А почему мы не должны его публиковать? – спросил я.

– Да потому что он проповедует коммунистические идеи, – заявил бывший коммунист, перекусившийся в либерала.

– Позвольте, – ответил я, – считаю, что мы не имеем права не публиковать статью уважаемого профессора, да еще члена оргкомитета.

– Но его не любят на истфаке, – ответил мой коллега, считая, что приводит неопровержимый довод.

– Позвольте, – парировал я, – если вы не согласны с Гавриловым, напишите свою статью, и мы опубликуем их рядом. Будет полемика. Это ведь будет интересно.

– Нет, – поджал губы мой новоиспеченный доктор наук, – если вы не снимаете статью Гаврилова, то я не буду публиковаться в вашем сборнике.

– Но ведь у нас демократическое общество, – сказал я, – и не 1937 год. Поэтому никаких статей снимать я не буду.

– Тогда я забираю свою статью, – вспыхнул мой коллега.

– Ну что делать, хозяин – барин, – ответил я.

После этого в отличие от Гаврилова, который публиковался во всех сборниках «Урала индустриального», мой коллега перестал давать туда свои статьи.

А проблема была в том, что они не сошлись в своей оценке конференции по многоукладности, прошедшей в Свердловске в 1970 г. Поговаривали о гонениях, которые после нее якобы последовали против ряда историков, в том числе и против доцента В.В.Адамова, который был заведующим кафедрой истории России на истфаке и ученым секретарем конференции.

Гаврилов утверждал, что никаких оргвыводов против него не последовало. В то время, как сам Адамов после падения советской власти утверждал, что власти его «гнобили» за проявления «борьбы с режи-

мом». Мы же студенты истфака того времени никаких репрессий не заметили. Нам говорили, что эта большая конференция, посвященная 100-летию В.И.Ленина, прошла очень успешно.

Однако через некоторое время подрывная, как тогда говорили, радиостанция «Голос Америки», тоже с одобрением охарактеризовав работу конференции, отметила, что, наконец, советские историки занялись развитием марксизма и стали думать, отказавшись от начетничества. Естественно, ЦК КПСС не мог не отреагировать на эту похвальбу «зловредного» «Голоса». Были сняты с должностей многие московские историки. Однако работавший в периферийном университете Владимир Васильевич Адамов никак не пострадал. Он как работал, так и продолжал работать дальше на кафедре. Более того, в глазах студентов он выглядел «несгибаемым ленинцем». Никакой «фронды» в его работе и лекциях мы никогда не замечали и даже любили его за умение интересно подавать учебный материал и разрешение «задавать вопросы».

Работая в Правительстве Свердловской области в 1997–1998 гг., я активно стал сотрудничать с Институтом истории и археологии УрО РАН, где профессор Гаврилов играл большую роль как организатор исторических исследований. Зная Дмитрия Васильевича как человека очень разностороннего и не чуждого разным новациям, я пригласил его на вновь созданную на факультете гуманитарного образования в 1999 г. кафедру истории науки и техники. Он прекрасно читал лекции по данному курсу и очень гармонично влился в наш тогда малочисленный коллектив, которой, кроме него, состоял из меня, А.В.Бармина, С.А.Нефедова и Б.И.Фарманова. Правда, довольно быстро кафедра расширила свои ряды до 20 человек и успешно развивалась. О чем уже достаточно много написано¹⁷.

Дмитрий Васильевич был чрезвычайно внимательным человеком. Это проявлялось в его участливом отношении к проблемам любого, с кем он общался. Это не было каким-то наигранным поведением, это была его суть. Находиться с ним в одной компании было всегда приятно. Он был чрезвычайно интеллигентным человеком, никогда не рассказывал скабрёзных анекдотов, его высказывания никого не задевали и не обижали. При этом он был принципиален, не шел на поводу у кого-либо или чего-либо. С ним было чрезвычайно интересно. Он был кладёзем научных и житейских знаний. Делился своими воспоминаниями. Правда, о войне не любил рассказывать. Никогда не подчеркивал свою принадлежность к поколению победителей. Был исключительно скромн.

Когда встал вопрос о том, как отметить его 75-летие, родилась идея представить профессора к званию «Заслуженный деятель науки РФ». Надо отдать должное Институту истории и археологии УрО РАН, сделавшему все возможное, чтобы это звание было присвоено ученому. Но сам он был больше озабочен публикацией своих избранных трудов. Из-за отсутствия финансовых средств этот вопрос долгое время не решался. Но в конце концов книга, сформированная и подготовленная самим Дмитрием Васильевичем, вышла в свет благодаря помощи со стороны УГТУ-УПИ.

Помню, как переживал Дмитрий Васильевич эту проблему. И тогда я, будучи деканом факультета гуманитарного образования этого вуза,

¹⁷ Мгновения истории. ФГО – 25 лет. Юбилейный сборник. Екатеринбург. 2001. 415 с.

пошел к ректору Станиславу Степановичу Набойченко, знавшему Гаврилова, и рассказал о возникших трудностях. Ректор выделил на изготовление книги половину требуемых средств – 35 тыс. руб. – огромные по тому времени деньги. Книга вышла в срок¹⁸. Получила хорошие отзывы в научной прессе¹⁹. Она и сейчас широко известна и используется в работе многими историками Урала. Работа поражает своей фундаментальностью и широтой исследовательского поля автора.

Следующим крупным проектом, в котором мне пришлось работать под руководством Д.В.Гаврилова, была эпохальная, не побоюсь этого слова, работа по написанию и изданию энциклопедии «Металлургия Урала в XVII–XX вв.» Как известно, редактором и организатором этой большой работы был Дмитрий Васильевич. Она осуществлялась несколько лет, и мне пришлось в ней участвовать не только как историку уральской металлургической промышленности, но и как чиновнику правительства Свердловской области. Я оказывал помощь в организации работ и издании самого произведения. Были подготовлены указы губернатора Свердловской области Э.Э.Россея и правительства региона, выделены деньги и приняты организационные решения. Тогда вместе с Дмитрием Васильевичем и профессором С.П.Постниковым нам пришлось посетить большое число областных чиновников и бизнесменов, руководителей металлургических предприятий области. И везде участие профессора Гаврилова было уместным и необходимым.

Мне пришлось довольно активно участвовать в написании энциклопедии, я написал ряд статей и предоставил материал по 78 металлургическим предприятиям региона, стал соавтором 11 статей из более 360, которые были в составе этого энциклопедического издания. Моей гордостью является статья о моем родном Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК)²⁰, которая была перепечатана, правда, без моего согласия, в энциклопедию «Магнитогорск», изданную позже в моем родном городе Магнитогорске²¹.

Вообще, празднование 300-летия уральской металлургии в Екатеринбурге в 2001 г. носило эпохальный характер. В нем активно участвовали крупные политические деятели, ученые и промышленники. Было проведено множество мероприятий и международная конференция²². Мы также принимали в этом активное участие.

Кстати, именно тогда была опубликована моя первая монография. Причем в указе губернатора так и было записано, что надо издать книгу В.В.Запария, посвященную 300-летию уральской металлургии. Она была опубликована со значком 300-летия Уральской металлургии и вы-

---

¹⁸ Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 616 с.

¹⁹ Берсенев В.Л., Запарий В.В., Мотрович В.П. Д.В.Гаврилов. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2005. 615 с. // Отечественная история. 2006. № 3 (май–июнь). С. 194–195 (рецензия).

²⁰ Гаврилов Д.В., Беделё А.Э., Котлухужин М.А., Запарий В.В. Магнитогорский металлургический комбинат // Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург. 2001. С. 306–311.

²¹ Гаврилов Д.В., Беделё А.Э., Котлухужин М.А., Запарий В.В. Магнитогорский металлургический комбинат // Магнитогорск. Краткая энциклопедия / Под ред. Б.А.Никифорова. Магнитогорск. 2002. С. 54–69.

²² Черная металлургия Урала в последнее десятилетие XX века: основные тенденции развития // 300 лет Уральской металлургии. Труды Международного конгресса. 4–5 октября 2001 года. Пленарные доклады. Екатеринбург. 2001.

звала у металлургов хорошие отзывы. Редактором выступил академик В.В.Алексеев, а рецензентами профессора Д.В.Гаврилов, А.В.Сперанский и известный металлург, профессор Ю.Г.Ярошенко.

Следующий сюжет моего сотрудничества с профессором Д.В.Гавриловым был связан с его решающей ролью в защите моей докторской диссертации. Дело в том, что, будучи деканом одного из факультетов крупнейшего российского вуза, я руководил командой, где было 30 докторов наук. Сам же я этого звания не имел. Надо отдать должное ректору УГТУ-УПИ профессору Набойченко, который постоянно спрашивал меня, когда я решу эту проблему. Я говорил, что писать мне диссертацию некогда. Тогда он дал мне для завершения этого научного труда три месяца, и я уехал к родителям в г. Снежинск, оставив факультет на своего зама О.И.Ган. Тем более, что очень хотел видеть меня доктором наук и мой отец Василий Андреевич Запарий.

Действительно за три месяца на факультете ничего не произошло, а докторская, в основном, была написана. Рецензентом выступил Дмитрий Васильевич, сделавший много очень дельных замечаний и рекомендаций. На обсуждении диссертации в совете Института истории и археологии УрО РАН количество замечаний увеличилось. Можно было бы опустить руки. Но я понимал, что впереди целое лето, которое, несмотря на работу по завершению сессии, новому приему и выработке планов на новый учебный год, надо максимально использовать для исправления имевшихся в диссертации недочетов.

Все лето я переделывал работу и возил папки с листами профессору Гаврилову домой. Он скрупулезно вычитывал текст и делал замечания, которые очень мне помогли. К сожалению, в это лето у Дмитрия Васильевича случился инсульт, и он попал в госпиталь. Несмотря на то, что ему был предписан покой, он продолжал читать мои листы и править текст. Их передавала Людмила Тихоновна, его замечательная жена и очаровательная женщина. Это был, несомненно, научный и человеческий подвиг со стороны Дмитрия Васильевича. В результате, к сентябрю был написан новый вариант диссертации, устроивший всех, и научный труд «был вынесен» на защиту.

Она проходила 13 декабря 2002 г., и Дмитрий Васильевич активно поддерживал меня в процессе этой процедуры. Впрочем, хвалили все. В выступлениях товарищей и коллег не было критики. Каково же было мое удивление, когда при оглашении результатов тайного голосования оказалось, что из 15 присутствовавших членов Совета двое высказались – «против».

Кстати, для улучшения работы я отдал Дмитрию Васильевичу свой старый компьютер и он, будучи уже в преклонном возрасте, быстро научился бойко стучать по клавишам, а потом уверенно пользоваться этим научным инструментом. В то время, когда «всеобщая компьютеризация» только начиналась, это было совершенно не характерно для многих научных работников существенно моложе его.

Всю жизнь у меня были хорошие отношения с этим человеком. Я постоянно приглашал его в свои проекты. Он был членом оргкомитета всех, проводимых мною конференций, публиковался во всех изданиях, к которым я имел отношение. И много позже, особенно в последние годы,

он спрашивал у меня, где можно опубликовать ту и ли иную статью. Если от меня что-либо зависело, я всегда оказывал ему посильную помощь.

Он был очень активным членом Совета по защитам докторских и кандидатских диссертаций. Всегда очень горячо и активно выступал на защитах. Конечно, это не всем нравилось, но его выступления придавали основательность и фундированность проходящим защитам.

Очень радостно было отмечать его 90-летие. Были тосты, армянский коньяк и планы на будущее. Действительно, в своем столь почтенном возрасте он издал завершающий, как оказалось, труд своей жизни²³, о котором мне пришлось писать особую рецензию²⁴, как и о его избранных произведениях.

У Дмитрия Васильевича были большие творческие планы и силы для их реализации, однако ковид не дал им осуществиться. Он всегда будет для меня образцом настоящего ученого, интеллигента, человека огромной научной и общечеловеческой культуры.

Е.Ю.Казакова-Апкаримова²⁵

ТРУДОЛЮБИВАЯ УЧЕНОСТЬ

Начало моей научно-исследовательской работы в должности научного сотрудника сектора истории России XVI–XIX вв. ИИиА УрО РАН, где трудился Д.В.Гаврилов, относится к 2000 г. Думаю, что мне очень повезло работать с таким выдающимся специалистом, было очевидно, что этот известный ученый, всегда уравновешенный и доброжелательный, готовый поделиться своими знаниями и исследовательским опытом с другими, пользовался особым авторитетом среди коллег сектора, всего Института и далеко за его пределами. Автор свыше десятка монографий, член редколлегий множества фундаментальных научных трудов, руководитель тематических блоков уральских энциклопедий имел широчайший научный кругозор и потрясающую эрудицию. Его суждения по тем или иным научным вопросам всегда имели особую ценность.

Богатый жизненный опыт, включая службу в Советской армии в 1944–1947 гг., работу в школе и вузах, долгую многолетнюю академи-

ка

²³ Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал. 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия – к конфронтации. – М.; СПб.: Нестор-История. 2018. – 464 с.

²⁴ Запарий В.В., Тарасов Р.С. Горнозаводской Урал накануне эпохи революций // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20. № 1. С. 113–115.

²⁵ Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: apkarimova@mail.ru

ческую деятельность давали ему возможность более глубоко понимать историческую действительность. Активная и продуктивная научная работа Д.В.Гаврилова базировалась на огромной источниковой базе и глубоком знании историографии. Анализ объективных исторических фактов средствами источниковедческого анализа являлся надежным фундаментом его исследований, успешность которых была обусловлена высоким уровнем профессионального мастерства ученого.

Особенно горячо откликался Дмитрий Васильевич на дискуссии, посвященные вопросам развития капитализма в России и на Урале, теме социально-экономического развития Урала XIX–XX вв., истории рабочего класса, взаимодействия рабочих с властями и заводоладельцами, эволюции революционного движения. В частности, ученый убедительно аргументировал вывод о капиталистической природе уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период развития России, подчеркивая, что нельзя преувеличивать значение крепостнических элементов.

Нужно отметить, что в полемике с другими учеными Д.В.Гаврилов отличался взвешенностью подходов и оценок, уважительным отношением к своим предшественникам и современникам. Однако порой, чтобы быть услышанным и отстаивать свое личное мнение, он был резок в суждениях. Когда я однажды сказала ему о некоторой крайности его оценки современных публикаций по истории рабочих Урала в XIX–XX вв., то услышала ответ: «Если вступаешь в полемику, то ответ должен быть зубодробительным!» В его критическом и скептическом отношении по поводу нового направления в советской исторической науке 1960 – начала 1970-х гг. и, в частности, научных взглядов В.В.Адамова содержится немало веских суждений, требующих историографического осмысления.

В своих исследованиях и устных беседах Гаврилов отдавал предпочтение историческим фактам, а не схоластическим схемам. Например, демонстрируя глубокое знание истории того или иного завода на Урале или поднимаясь до обобщения тенденций развития уральской промышленности в целом, он сравнивал уровень и особенности ее развития с другими российскими регионами или сопоставлял с мировыми достижениями и процессами.

Как известно, Д.В.Гаврилов был автором многих зарубежных публикаций, активно поддерживал научные связи с иностранными специалистами. Компаративистский подход рельефно проявился не только в рамках российско-шведского проекта «Железодельательное производство в России и Швеции: сравнительный анализ» и его зарубежных монографиях, вышедших на английском языке, посвященных индустриальному развитию России и Швеции, но и во многих других трудах. Мне вспомнилась одна из встреч с исследователями из Швеции, состоявшаяся несколько лет тому назад. Одним из первых на нее был приглашен Д.В.Гаврилов как крупнейший специалист по истории уральской промышленности. Речь шла о сравнительном историческом исследовании Бергслагена (горнодобывающего и металлургического региона в Швеции) и Урала, промышленных кризисах в прошлом и современной ситу-

ации. Дальнейшая переписка и исследовательская работа в данном направлении привели к нашему участию в подготовке совместной статьи с иностранными специалистами (Angelstam, Per; Andersson, Kjell, Math; et al. Learning the History of Landscape use for the Future: Consequences for Ecological and Social Systems in Swedish Bergslagen). Шведские коллеги особенно заинтересовались предложенной Д.В.Гавриловым периодизацией промышленного развития Уральского региона с момента ее зарождения до наших дней. К тому же историк демонстрировал свое знакомство с зарубежной историографией и проводил интересные сравнительные параллели со шведским промышленным регионом.

Дмитрий Васильевич переосмысливал значение российской промышленности в мировом историческом процессе в духе Виктора Гюго, понимая, что «хорошей историей одного народа может оказаться какой-нибудь раздел хорошо построенной всеобщей истории». К слову сказать, великий французский писатель осознавал трудность реконструкции «хорошей истории России», исследователю «надо крепко держаться за свою нить, чтобы не заблудиться в темном лабиринте»: «Пусть его трудолюбивая ученость ярким светом осветит ему все основные вехи этой истории. Его опыт и проницательность помогут ему добросовестно определить причины, сопоставляя следствия. Применяя все свое искусство, он дорисует еще смутные облики людей и эпох. Поистине непростая задача – привести в движение прошлое, чтобы перед нашими глазами опять проследовали все эти события, давно уже скрывшиеся в смене столетий». Мне кажется, что писатель обозначил идеальные свойства историка, которыми в полной мере обладал мой старший коллега: опыт, проницательность и «трудолюбивая ученость». Всегда энергичный, увлеченный очередной идеей или гипотезой, находящийся в постоянном научном поиске, Дмитрий Васильевич делился своими размышлениями и открытиями. Свой трудовой день в Институте он любил начинать со знакомства с новинками историографии в историческом кабинете.

Мне были особенно интересны и полезны его представления о теориях исторического процесса и методологии исследования. Главным принципом его научной работы являлся историзм, многие явления и события современности он оценивал через призму исторического подхода. С большой осторожностью относился Гаврилов к тем трудам историков и политиков либерального направления, в которых история превращалась в политизированную (порой фальсифицированную) социологию, призванную обслуживать текущие идеологические потребности. В оценке тенденций советской историографии исследователь был против навязываемых «сверху» марксистских или псевдомарксистских схем, в целом же полагая, что марксизм рано списывать в небытие, говорил, что классовая борьба не выдумана марксистами, а является исторической реальностью. Ученый часто удивлялся кардинальной (порой на противоположную) смене позиций тех или иных авторов.

В оценке исторических трудов Гаврилов исходил из понятия о правдивости изображения исторической действительности. В процессе подготовки к защите моей докторской диссертации, посвященной формированию сферы гражданской деятельности в уральском городе во

второй половине XIX – начале XX в., мне было особенно важно знать мнение своего опытного коллеги, назначенного экспертировать мой автореферат. Нужно признать, что его не смутила новизна теоретических подходов (историк принимал новые подходы и концепции, если они работали и обогащали историческую науку новым знанием), призванных сквозь призму понятия «гражданское общество» проанализировать эволюцию неполитических общественных структур, существовавших в уральских городах в рассматриваемое время. Вместе с тем, историк, долгие годы занимавшийся политической историей, уделял большое внимание исследованиям вопроса политизации гражданского общества в России. Данный аспект этой темы действительно является приоритетным и недостаточно исследованным направлением в современной исторической науке.

В заключение своих воспоминаний о Дмитрие Васильевиче хочется сказать, что для меня он является примером самоотверженности, трудолюбия и полной самоотдачи исторической науке, примером настоящего ученого, вклад которого в историческую науку еще долгие годы будут переосмысливать новые поколения исследователей.

В.Д.Камынин²⁶

ИЗ ЗАПИСОК ИСТОРИОГРАФА

В моих воспоминаниях тесно переплетаются имена профессора Д.В.Гаврилова и доцента УрГУ В.В.Адамова. Именно от В.В.Адамова я впервые услышал о Д.В.Гаврилове. Это произошло в конце мая 1969 г., когда в стенах УрГУ проводилась ставшая впоследствии знаменитой Всесоюзная научная сессия Научного совета Института истории АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской революции» – «В.И.Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)». В.В.Адамов заканчивал читать у нас, студентов 2 курса исторического факультета УрГУ, курс истории СССР второй половины XIX – начала XX в. и сообщил, что по договоренности с деканатом нас снимут с занятий для посещения заседаний конференции, а на своей последней лекции он подведет итоги научных дискуссий.

²⁶ Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: kamynin@yandex.ru

Во время «разбора полетов» В.В.Адамов рассказал нам о том, что в советской исторической науке сложилось два направления: одно – традиционное, с позиций которого написаны учебники по истории России, второе – новаторское, взгляды которого он излагает в лекциях. В.В.Адамов рассказал нам о том, что принципиальное отличие между ними заключается в разном понимании ленинского теоретического наследия по изучаемому периоду. Если представители традиционного направления трактовали экономику и социальную структуру России второй половины XIX – начала XX в. с позиций формационного подхода, настаивая на их капиталистическом характере, то «новаторы» объясняли экономические и социальные проблемы этого периода российской истории с точки зрения ленинской теории многоукладности и указывали на их переходный характер.

В.В.Адамов подробно охарактеризовал нам историков «нового направления» и упомянул ученых, которые, по его словам, догматически подходят к трактовке ленинского теоретического наследия. Среди последних прозвучали фамилии свердловского историка профессора В.Я.Кривоногова, который совсем недавно прочитал у нас курс истории СССР XVIII – первой половины XIX в., и историка из Липецка Д.В.Гаврилова.

Я познакомился с Д.В.Гавриловым в середине 1980-х гг. в отделе истории Института экономики УНЦ АН СССР, куда был приглашен вместе с профессором О.А.Васьковским для участия в написании многотомных работ по «Истории Урала» и «Истории рабочего класса Урала». О.А.Васьковский отвечал за написание 3-го тома «Истории Урала» и 2-го тома «Истории рабочего класса Урала», а я писал историографические разделы к этим работам. Д.В.Гаврилов был ответственным за написание 2-го тома «Истории Урала» и 1-го тома «Истории рабочего класса Урала», и поскольку эти тома непосредственно предшествовали по содержанию работам, которыми руководил О.А.Васьковский, то часто оба научных коллектива заседали вместе и обсуждали злободневные проблемы истории. На совместных заседаниях часто присутствовал профессор А.В.Бакунин, возглавлявший отдел истории.

Д.В.Гаврилов выступал всегда, как говорится, «по делу». Он не любил пустословия и выносил на обсуждение научных коллективов только злободневные и дискуссионные вопросы истории Урала начала XX в., которые были интересны и нам «советчикам». Запомнился один случай. А.В.Бакунин на одном из заседаний сообщил о том, что В.В.Адамов, ушедший из жизни в 1984 г., написал для 2-го тома «Истории Урала» ряд разделов, посвященных истории края в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Развернулась настоящая дискуссия по вопросу о возможности использования материалов, представленных В.В.Адамовым. Д.В.Гаврилов категорически выступил против этого. А.В.Бакунин настаивал на включении этих материалов в многотомник. О.А.Васьковский поддержал А.В.Бакунина.

Д.В.Гаврилов, учитывая общее мнение, которое складывалось не в его пользу, принял «соломоново» решение. О сути этого решения свидетельствует такой историографический источник, как 2-й том «Истории Урала»,

увидевший свет в 1990 г. под названием «История Урала в период капитализма». Разделы по социально-экономическим проблемам уральской истории, написанные В.В.Адамовым, в которых наиболее ярко проявлялось влияние теории многоукладности, были переписаны научными сотрудниками его сектора Ю.А.Бурановым и А.В.Дмитриевым²⁷. В разделе, посвященном рабочему и крестьянскому движению, рядом с фамилией В.В.Адамова стоит фамилия А.В.Дмитриева²⁸, и в нем мало что осталось от адамовской характеристики рабочего движения. Только в разделе по февральской революции²⁹ была полностью сохранена авторская позиция В.В.Адамова.

В 1990 г. автор этих строк защитил докторскую диссертацию в совете Института истории и археологии и на протяжении более тридцати лет тесно сотрудничает с Институтом. С Д.В.Гавриловым меня связывала совместная работа в диссертационном совете и участие в написании «Уральской исторической энциклопедии». Д.В.Гаврилов ответственно относился к работе в совете, никогда не пропускал его заседания, практически на каждом заседании совета выступал. Его выступления часто носили критический характер, но всегда были аргументированы. Для диссертационного совета, возглавляемого академиком В.В.Алексеевым, всегда было характерно единодушие в оценках. Это проистекало из того, что диссертации на стадии подготовки к защите всегда тщательно отбирались и проходили квалифицированную экспертизу. Только Д.В.Гаврилов часто имел собственное мнение, отличное от мнения совета.

Мое участие в написании «Уральской исторической энциклопедии» заключалось в том, что я вместе с профессором С.П.Постниковым являлся руководителем проблемно-тематического блока «Историография и краеведение», а вместе с Д.В.Гавриловым руководил блоком «История заводов и фабрик». Как член редколлегии этого издания могу свидетельствовать, что работа шла быстро, многое зависело от того, как сработают внешние авторы. Если поступление материалов от них задерживалось, то руководители блоков передавали статьи другим авторам, а зачастую писали их сами. Кроме того, руководители блоков вносили правки в статьи, иногда переписывали их в соответствии со своим видением предмета исследования. В результате возникал вопрос об авторстве той или иной статьи.

Довольно нервным получился завершающий этап подготовки «Уральской исторической энциклопедии» к печати. Мало кто знает, что выходу из печати первого издания энциклопедии в 1998 г. (в зеленой обложке) предшествовал рабочий вариант (в синей обложке). Этот вариант был роздан членам редколлегии, и в него можно было внести правку. Серьезные дискуссии возникли при обсуждении вопроса о составе руководителей проблемно-тематических блоков. А.В.Бакунин настаивал на том, что именно он руководил индустриальным блоком, а блок по истории фабрик и заводов не заслуживает выделения в качестве самостоятельного. Именно его фамилия стояла в рабочем варианте энциклопедии. Д.В.Гаврилов настаивал на включении наших фамилий в число руководителей индустриального блока. Редколлегия приняла

²⁷ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 318–332.

²⁸ Там же. С. 332–343.

²⁹ Там же. С. 367–376.

решение, что руководителями индустриального блока следует считать А.В.Бакунина и Д.В.Гаврилова. Включение автора этих строк в их состав посчитали излишним.

С Д.В.Гавриловым мы часто участвовали в одних и тех же научных конференциях. Мы сблизились с ним в «нулевые» годы, однако это вовсе не означало, что наши позиции всегда совпадали. К примеру, мы расходились в оценках интересного историографического феномена, связанного с именем В.В.Адамова. В 2004 г. научная общественность Урала широко отметила 90-летие со дня рождения этого историка, в его честь была проведена научная конференция и издан сборник статей³⁰.

Поскольку я входил в состав редколлегии сборника и был одним из авторов статьи о судьбе «нового направления», которая вызвала критику на конференции, Д.В.Гаврилов предложил встретиться и обсудить этот историографический феномен. Мы были едины во мнении, что на наших глазах происходила чрезмерная идеализация историков «нового направления» с нарушением принципа историзма. Этим историкам порой приписывались взгляды и мнения, которые вошли в российскую науку гораздо позднее под влиянием прежде всего зарубежной историографии. Д.В.Гаврилов рассказал, что подготовил книгу по этому вопросу и попросил меня написать на нее рецензию. Однако когда книга вышла из печати³¹, и я получил ее с автографом автора, то критика Д.В.Гаврилова в адрес историков «нового направления» и прежде всего В.В.Адамова мне показалась не совсем справедливой как с научной, так и с человеческой точки зрения.

Я сообщил Д.В.Гаврилову о своем нежелании писать рецензию на его книгу по принципиальным соображениям. По моему мнению, В.В.Адамов не был ни «инакомыслящим», ни «диссидентствующим» историком. Он был человеком своего времени, часто использовал административный ресурс для отстаивания собственного мнения, которое, конечно, было марксистским. К счастью, Дмитрий Васильевич не обиделся на меня, и потом присылал мне даже еще неопубликованные материалы, в которых содержалась критика работ современных уральских историков либерального толка.

Ко мне как к историографу обращалась за поддержкой и другая сторона. Я был дружен с профессором М.А.Фельдманом, который тоже присылал мне свои книги, иногда просил написать на них рецензию. Я никогда этого не делал по причине того, что в резкой полемике между учеными мне была ближе точка зрения Д.В.Гаврилова. К тому же он всегда свои выводы подтверждал большим количеством архивного материала, в то время как его оппонент для обоснования позиции зачастую использовал положения типа «Как известно...», «Мы знаем, что...»

Высказывал Дмитрий Васильевич неудовольствие и по поводу того, что я раскрыл некоторые подробности, связанные с подготовкой к печати 3-го тома «Истории Урала»³², резко выступив против моих сообра-

³⁰ Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В.В.Адамова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 292 с.

³¹ Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во АМБ, 2005. 92 с.

³² Камынин В.Д. Роль А.В.Бакунина в создании многотомного обобщающего труда по истории Урала // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всеросс. науч. конф. 4–5 декабря 2014 г. В 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 74–78.

жений на «Бакунинских чтениях» в 2014 г. Он переживал и по поводу моего отказа написать рецензию на свою последнюю книгу³³, переданную с дарственной надписью через профессора В.В.Запария. Я мотивировал свое несогласие тем, что не являюсь специалистом в истории Урала второй половины XX в., опираясь на мнение профессора Р.Г.Пи-хоя, утверждающего, что хороший медиевист может разбираться в советской истории, а вот «советчик» в досоветской вряд ли.

Иногда оппоненты наносили Д.В.Гаврилову очень болезненные раны. Он очень переживал, когда ему стало известно, что его бывшая аспирантка Л.В.Сапоговская на конференции, посвященной памяти В.В.Адамова, произнесла, что она считает себя ученицей В.В.Адамова. В то же время, он мог пойти на определенные компромиссы. В 2018 г. моя однокурсница профессор Н.Н.Алеврас отмечала 70-летний юбилей. Я уговорил Д.В.Гаврилова принять участие в юбилейном сборнике статей. Сначала он был против этого, поскольку Н.Н.Алеврас была его постоянным оппонентом. Однако мои настойчивые просьбы сыграли свою роль, и он послал статью в сборник³⁴.

Д.В.Гаврилов прожил долгую, насыщенную и очень достойную жизнь. В своих научных исследованиях он всегда отстаивал собственное мнение, хотя был порой резок в суждениях. Его вклад в науку еще предстоит оценить ученым. Радуется, что коллеги Д.В.Гаврилова уже начали изучать его научное творчество³⁵.

В.Н.Кузнецов³⁶

БЕСЕДЫ ПО СРЕДАМ

В январе 2010 года я поступил на работу в Институт на должность главного юрисконсульта. Первая встреча с Дмитрием Васильевичем Гавриловым у меня состоялась благодаря его научным трудам, которые были представлены в стеклянной витрине в актовом зале в здании на улице Розы Люксембург. Личное знакомство произошло позже.

Однажды ко мне подошел человек в почтенном возрасте, представился и сообщил, что он ознакомился с моими двумя монографиями «Атомный проект за колючей проволокой» и «Цена свободы – атомная бомба», посвященными исследованию участия заключенных исправительно-трудовых лагерей в строительстве атомных объектов на Урале, и готов написать и опубликовать на них рецензию. Для меня это было неожиданно и очень значимо. Так началось наше последующее многолетнее сотрудничество.

После переезда Института на улицу Софьи Ковалевской наши встречи стали традиционными, еженедельно по средам, когда проводились

---

³³ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия к конфронтации. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. 464 с.

³⁴ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал в преддверии революций 1917 г. // Мир историка и странство истории: сборник статей к юбилею профессора Н.Н.Алеврас / под ред. Н.В.Гришиной, Т.А.Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. 436 с. С. 357–376.

³⁵ Сперанский А.В., Запарий В.В. Властелин минувших эпох (Памяти профессора, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Дмитрия Васильевича Гаврилова) // История и современное мировоззрение. 2021. № 2. С. 98–106.

³⁶ Кузнецов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: jurist-istor@mail.ru

мероприятия сектора социокультурной и политической истории. Он заходил в помещение отдела кадров, где находилось мое рабочее место, и мы обменивались мнениями по различным вопросам истории и политики.

Одной из первых тем для наших бесед было его исследование биографии Маршала Советского Союза Филиппа Ивановича Голикова, уроженца Курганской области. Для меня было очень интересно узнать о своем земляке, именем которого назван проспект в родном городе Кургане. В самом начале проспекта размещен баннер с портретом Ф.И.Голикова, на котором только две основные даты его жизни – рождения и смерти. Статью Д.В.Гаврилова я переслал в адми-

нистрацию города Кургана и предложил ее напечатать в местной газете.

Следующей темой наших научных дискуссий стала история перемещения жителей немецкой национальности из районов Поволжья в районы Урала, Казахстана и Сибири. Дмитрий Васильевич поделился своими исследованиями, опубликованными в Военно-историческом журнале в статье «Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны». В этой статье были исследованы документы правительства Англии периода Второй мировой войны об аресте и перемещении в концентрационные лагеря и тюрьмы без суда и следствия, без предъявления каких-либо обвинений лиц, «подозрительных со связями с Германией», в том числе английских граждан немецкой национальности, и лиц, бежавших из Германии от преследований нацистами.

В этой же статье исследованы документы о репрессиях в отношении американцев японского происхождения, включая тех, у кого была 1/16 часть японской крови и проживавших на территории Соединенных Штатов Америки на момент внезапной атаки воздушных и морских сил японского флота на военно-морскую базу Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., расположенную на острове Оаху (Гавайские острова). В статье утверждалось, что всех без исключения, в том числе женщин и детей, всего 112 тыс. чел., среди которых 74 тыс. являлись гражданами США, без суда и следствия, без предъявления каких-либо обвинений сослали вглубь страны в десять концентрационных лагерей в пустыне Алабама, в местность с суровым климатом, за колючую проволоку, где для них были наскоро построены бараки³⁷.

³⁷ Гаврилов Д.В. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 3–6.

Для меня эти два факта обращения американцев и англичан с лицами национальности враждующих государств были откровением. При написании статьи «Советские немцы на строительстве объектов атомной отрасли на Урале» о принудительном переселении советских граждан немецкой национальности в августе 1941 года я сделал ссылку на упомянутые исследования Дмитрия Васильевича и процитировал его выводы.

Будучи маститым ученым, Д.В.Гаврилов не замыкался на своей основной теме – истории металлургии. Его научные интересы были многообразны. Выполняя поручение Президента РФ о необходимости «вспомнить о причинах и природе революций в России», Д.В.Гаврилов в 2018 г. опубликовал фундаментальную монографию «Горнозаводский Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия – к конфронтации», показывающую нарастание в регионе протестных движений, приведших к революциям 1905–1907 и 1917 гг. И это в возрасте 90 лет!

Руководитель Центра политической и социокультурной истории, доктор исторических наук, профессор А.В.Сперанский, ознакомившись с монографией Дмитрия Васильевича, предложил мне подготовить совместную с ним статью «Власти, предприниматели и рабочие – основные акторы социального процесса на Урале и в России», которая была опубликована в научном журнале «Вестник Южно-Уральского государственного университета»³⁸.

Дмитрий Васильевич также глубоко исследовал тему истории Великой Отечественной войны и участия в ней некоторых советских военачальников. Неожиданной для меня была его оценка роли маршала Г.К.Жукова и генерала армии Д.Г.Павлова в начальный период войны. Он предложил ознакомиться со своими опубликованными статьями: «Развал Западного фронта: причины и последствия» и «Малоизвестные страницы истории: Развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны»³⁹. Дмитрий Васильевич изложил в них свою точку зрения на минувшие события и дал неоднозначную оценку причин поражений Красной армии в начальный период войны.

В ходе бесед мы неоднократно обсуждали содержание этих статей, в результате чего я поделился с ним проектом своей статьи «Л.П.Берия и Г.К.Жуков: два маршала, две судьбы. Вопросы есть – ответов нет». Он был изумлен моими размышлениями и сравнительным анализом вклада двух советских маршалов в достижение Победы над фашизмом и противоречивой оценкой их деятельности в исторической литературе в послевоенный период. Высказанная в статье позиция и оценка стратегических ошибок командования Красной армии и начальника Генерального штаба Г.К.Жукова в начальный период Великой Отечественной войны, приведших к катастрофическим последствиям, а также

³⁸ Власти, предприниматели и рабочие – основные акторы социального процесса на Урале и в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 2. С. 110–113.

³⁹ Гаврилов Д.В. Развал Западного фронта: причины и последствия. Урал в модернизационной динамике России XX века. Профессорский сборник научных статей. Екатеринбург. 2015. С. 267–285; Гаврилов Д.В. Малоизвестные страницы истории: Развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны // Евразийский вестник гуманитарных исследований № 2(3) 2015. Пермь. 2015. С. 4–19.

В.Н.Кузнецов и Д.В.Гаврилов (8.05.2019 г.)

критика тенденциозной оценки роли Л.П.Берии в истории советского государства была им одобрена, что послужило для меня стимулом к последующему ее опубликованию.

Дмитрий Васильевич был также рецензентом моих нескольких монографий⁴⁰. В них он давал не только положительные оценки, но и высказывал критические замечания и давал профессиональные советы.

Однажды при очередной встрече в среду весной 2019 года я, зная, что Дмитрий Васильевич – ветеран Великой Отечественной войны и награжден медалью за «Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», предложил ему в канун празднования Дня Победы прийти в Институт в парадном костюме с медалями, что он и сделал 8 мая 2019 г.

Мы сделали несколько фотографий на память, а затем, по инициативе директора Института Игоря Васильевича Побережникова было организовано фотографирование сотрудников на крыльце. Эта фотография оказалась одной из первых в истории Института, где сотрудники были запечатлены с Дмитрием Васильевичем почти в полном составе.

20 февраля 2018 г. было запланировано общее собрание сотрудников Института, на котором подводились итоги научной работы за 2017 год.

⁴⁰ Кузнецов В.Н. Немцы в советском атомном проекте. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2014. – 272 с.; Он же. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность (часть 2). Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2016. – 384 с.: ил.; Он же. Леонид Поляков: летопись жизни. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2018. – 332 с.: ил.; Он же. Михаил Мурзин: история солдата. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2020. – 110 с.; Толстиков В.С., Кузнецов В.Н. Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2017. – 400 с.: ил.; Водолага Б.К., Волошин Н.П., Кузнецов В.Н. Во главе науки ядерного центра на Урале. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2020. – 568 с.: ил.

Одним из вопросов было обсуждение ходатайства коллектива о награждении Д.В.Гаврилова орденом Почета. Решение собрания по этому вопросу было принято единогласно. Оформление наградных документов было поручено мне.

В соответствии с регламентом процедуры награждения необходимо было подготовить пакет документов, в котором предусмотрено предоставление сведений об организации, в которой работает претендент на награду. К моему большому недоумению, в этом пакете были предусмотрены сведения, которые к кандидатуре награждаемого не имеют отношения. Например, сведения об отсутствии задолженности организации по уплате налогов во все внебюджетные фонды, сведения об отсутствии задолженности по выплате сотрудникам организации заработной платы и т.п. Причем такие сведения должны быть актуальными на момент отправки документов. Как потом выяснилось, процесс представления к наградам намеренно забюрократизирован в целях минимизации количества представляемых к наградам, т.к. это связано с последующим предоставлением им льгот. Более того, если даже согласование прошло несколько инстанций, но кто-то из должностных лиц после подписания ходатайства был переведен на другую должность, то процедуры согласования должны начинаться вновь.

Кроме того, к моменту подписания наградных документов полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе все сведения должны быть актуальными: решение общего собрания, справки по налогам, зарплатам и т.п. С учетом этих требований процедуры представления и согласования документов для награждения Д.В.Гаврилова пришлось вновь запрашивать в налоговых органах справку об отсутствии задолженности института по налогам и переоформлять протокол общего собрания коллектива. Мне было очень сложно объяснить Дмитрию Васильевичу причины задержки прохождения согласований пакета документов в четырех властных инстанциях и неоднократного возврата их на доработку, т.к. в советское время, по его утверждению, такое положение было трудно представить.

Перейдя по конкурсу на должность старшего научного сотрудника, я передал все документы по представлению к награде и контакты работников наградного отдела администрации города Екатеринбурга новому юрисконсульту, которая также безуспешно проходила процедуру согласования несколько раз.

Буквально за неделю до своей кончины Дмитрий Васильевич позвонил мне и поинтересовался, как идет процесс представления его к награде. Что я мог ответить пожилому заслуженному ученому? Только повторил ему еще раз всю правду о бюрократических проволочках. Он недоумевал, как же такое может быть в стране, которую он защищал и служению которой отдал почти век своей жизни. К большому сожалению, ответа на свой вопрос, как и заслуженной награды, он так и не получил.

Дмитрий Васильевич Гаврилов прожил яркую жизнь, большую часть которой плодотворно занимался научной работой и внес огромный вклад в отечественную историческую науку, что позволяет отнести его к числу выдающихся ученых Урала. Лучшей наградой человеку, который ушел из жизни, является светлая память о нем. В сердцах его коллег

такая память останется надолго. При обсуждении возможных мер увековечивания памяти о Дмитрие Васильевиче Гаврилове в Центре социокультурной и политической истории института поступили несколько предложений. Было предложено учредить премию для молодых ученых, добившихся лучших научных результатов по итогам каждого года; в помещении, в котором он работал последние годы жизни, разместить настенный портрет и изготовить памятную табличку с информацией о Дмитрие Васильевиче Гаврилове. Безусловно, лучшим письменным памятником Дмитрию Васильевичу станет книга о нем в серии «Выдающиеся ученые Урала», которая будет находиться в семье, у друзей и коллег, в ведущих библиотеках страны, и размещена в сети Интернет.

А.В.Сперанский⁴¹

НА БЛАГО НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Наша первая встреча с Дмитрием Васильевичем Гавриловым произошла, страшно подумать, тридцать шесть лет тому назад, в далеком 1985 году. Я будучи аспирантом Московского государственного университета прибыл в Свердловск (так тогда назывался Екатеринбург) для участия во Всесоюзной научной конференции «Урал в период Великой Отечественной войны», посвященной 40-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Несмотря на то, что я сам родился в этом замечательном городе, окончил здесь школу, исторический фа-

культет Уральского государственного университета и поступил в аспирантуру, приехав в столицу нашей Родины именно из Свердловска, в программе конференции напротив моей фамилии в скобках красовалось «МГУ, Москва» и поэтому организаторы конференции относились ко мне как к «столичному гостю», ученому, представлявшему крупнейший вуз и научный центр СССР.

Этот статус позволял мне много из того, что не было дозволено местным аспирантам и молодым ученым из провинциальных городов. «Москвичу» предоставили возможность в полном объеме выступить с докладом на одном из заседаний, которым руководил доктор исторических наук, профессор Иван Александрович Кондауров, Герой Советского Союза, воевавший в годы Великой Отечественной войны в Уральском добровольческом танковом корпусе. Я был также включен в списки всех мероприятий, проводившихся в рамках кон-

⁴¹ Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: avspersansky@mail.ru

ференции, в том числе и тех, которые носили неформальный характер. Так, вечером последнего дня конференции я был приглашен на дружеский ужин, завершавший работу этого крупного научного форума.

Прибыв в кафе Дворца молодежи, одного из самых уважаемых по тем временам заведений общепита города Свердловска, я с удивлением обнаружил, что мое место за одним столом с организаторами и наиболее известными гостями конференции. Магия «представителя Москвы» продолжала действовать, и я оказался в компании маститых ученых: Александра Васильевича Бакунина, руководившего тогда отделом истории Института экономики Уральского научного центра и являвшегося председателем оргкомитета конференции, ведущего специалиста этого научного подразделения доктора исторических наук Раисы Павловны Толмачевой, приехавших из Москвы профессоров Галины Георгиевны Морехиной, Ивана Александровича Кондаурова, ярославского профессора Виктора Тихоновича Анискова и других светил исторической науки. За этим же столом сидел ученый секретарь конференции, успевший к тому времени защититься и получить степень кандидата исторических наук Геннадий Егорович Корнилов, а также ряд незнакомых мне людей.

Душой кампании были Бакунин и Кондауров. Они, сменяя друг друга, исполняли роль тамады, удачно шутили, рассказывали смешные и забавные истории, говорили тосты и предоставляли возможность сделать это другим. После тоста известного во всей стране «специалиста по рабочему классу» Галины Георгиевны Морехиной Александр Васильевич Бакунин неожиданно предоставил слово мне как второму представителю «первопрестольной», что привело меня в ужас и вызвало неоднозначную реакцию Морехиной. Она с изумлением смотрела на меня и никак не могла взять в толк, откуда взялся этот неизвестный ей «москвич», к которому так благосклонно и уважительно относятся хозяева. И хотя мы оба представляли Московский государственный университет, ей, перевалившей тогда за седьмой десяток, маститому профессору, руководителю проблемной группы по истории Великой Отечественной войны при кафедре истории КПСС гуманитарных факультетов моя персона ничего не говорила. Ее можно было понять. Таких, как я, аспирантов, приехавших в Москву из разных городов необъятного Советского Союза, на огромной кафедре было около 50 человек, и запоминать каждого из них не входило в служебные обязанности жены высокопоставленного советского чиновника. Правда, в перерыве застолья Галина Георгиевна удостоила меня вниманием, спросив был ли я на пленарном заседании и слушал ли ее доклад. Получив удовлетворительный ответ, «начальница» успокоилась и больше не проявляла по отношению ко мне какого-либо интереса.

Другое дело – уральские ученые. Бакунин похвалил меня, несмотря на сбивчивость, имевшую место в выступлении, оценил перспективность моих научных изысканий, пообещал, если понадобится, всяческую поддержку, познакомил с целым рядом известных уральских исследователей, в том числе с Дмитрием Васильевичем Гавриловым.

Надо отметить, что Гаврилов к этому времени уже около четырех лет работал в Свердловске, в отделе истории Института экономики, имел за плечами немалый жизненный и научный путь, давший ему возможность поработать в общеобразовательной школе учителем, в педагогических институтах Шадринска, Липецка и Ульяновска на должностях старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой. К этому моменту он уже имел звание кандидата исторических наук, держался весьма достойно как человек, знающий себе цену. Уверенно произнес тост, активно участвовал в застольных разговорах, проявляя эрудицию и чувство юмора. Потом подсел ко мне, спросил про Москву, рассказал, что учился в аспирантуре в Ленинграде. Расспросив о моих научных исследованиях, пожелал мне успеха в защите кандидатской диссертации. Эта мимолетная встреча, конечно, не имела какого-то решающего значения в моей судьбе, просто, улетаая на следующий день в Москву, я с теплотой вспоминал нашу беседу и радовался знакомству с хорошим человеком.

Потом мы не встречались почти десять лет. За это время я успел защитить диссертацию, вернуться в Свердловск, ставший Екатеринбургом, поработать на кафедре истории и экономики в Уральской государственной медицинской академии, получить звание доцента, набрать большой материал для докторской и поступить в докторантуру Института истории и археологии УрО РАН. Дмитрий Васильевич к тому времени стал доктором исторических наук, профессором и занимал в этом научном учреждении должность главного научного сотрудника. Он был уже известным историком, человеком, написавшим много интересных научных работ, ученым, под руководством которого было выполнено большое количество исследовательских проектов, в том числе опубликован 1-й том задуманного трехтомника по истории Уральского региона – «История Урала в период капитализма»⁴².

Став докторантом директора Института, тогда еще члена корреспондента РАН (будущего академика) Вениамина Васильевича Алексева, помимо основной обязанности – писать докторскую диссертацию, я был сразу загружен множеством других дел, требовавших срочного и качественного исполнения. И было очень непросто определиться с приоритетами: что важнее – в срок выполненная диссертация, дающая повышение личного реноме, или выполнение институтской задачи, интегрирующей тебя в научный коллектив, в котором хотелось закрепиться и работать после окончания докторантуры. Так и не определившись с предпочтением, я решил активно «пахать» на два фронта, насколько хватит времени и сил.

Очевидно, разглядев во мне способности к руководящей деятельности, Алексеев сразу же бросил меня на выполнение прорывных проектов. Сначала он назначил меня ученым секретарем организационного комитета научной конференции, посвященной 50-летию Великой Победы над фашизмом, которая была успешно проведена в конце апреля 1995 года, а затем определил на пост ответственного секретаря готовившегося в Институте монументального труда – «Уральская историческая

---

⁴² История Урала в период капитализма / Под ред. Д.В.Гаврилова. М.: Наука, 1990. 303 с.

энциклопедия». Это была действительно очень ответственная и тяжелая работа, приходилось координировать и направлять работу нескольких десятков проблемно-тематических блоков, поддерживать контакты с их руководителями, вычитывать и править статьи сотен авторов. Работа шла «с большим скрипом», не все материалы предоставлялись в положенные сроки и отвечали качественным критериям будущей энциклопедии. Порой приходилось включать административный ресурс, «нажимать» на авторов и руководителей, часто задерживаться в стенах Института до самого позднего вечера.

Очень часто, закрывая двери своего кабинета и выходя на улицу в десятом, а то и в одиннадцатом часу вечера, я сталкивался на крыльце с Дмитрием Васильевичем Гавриловым, тоже «засидевшимся» над статьями руководимого им блока «Индустриальное развитие». Мы некоторое время шли вместе по улице Розы Люксембург до трамвайной остановки, обменивались мнениями о проделанной и еще предстоящей работе, а затем тепло прощались и разъезжались в противоположных направлениях. Я чувствовал, что профессор Гаврилов с большим уважением относится к моему рвению, понимает все тяготы положения ответственного секретаря и старается оказать мне максимальную поддержку. Потом, когда многострадальная «Уральская историческая энциклопедия»⁴³ вышла в свет и имела серьезный успех как в научном мире, так и в кругах широкой общественности, Дмитрий Васильевич неоднократно публично подчеркивал особый вклад ответственного секретаря в успешное завершение грандиозного проекта, что, конечно, радовало меня и порождало чувство гордости за добросовестно выполненную работу. При этом следует отметить, что проблемно-тематический блок «Индустриальное наследие», в отличие от многих других блоков, нуждавшихся в серьезной редакторской и научной доработке, был представлен ответственному секретарю в идеальном состоянии, практически не требовавшем радикального вмешательства. Чувствовалась «рука мастера», в полной мере проявившего свой высокий профессионализм в работе с текстами.

Постепенно приближалось время окончания докторантуры, и я, несмотря на все трудности и преграды, сумел подготовить окончательный текст диссертации. Вениамин Васильевич Алексеев, уже получивший звание академика РАН, прочитав мой опус, в целом одобрительно отнесся к его содержанию. Он считал, что научный труд практически готов к защите, но для полной гарантии его качества предлагал вариант ознакомления с ним ведущих специалистов Института. Так моя диссертация, помимо других ученых, оказалась в руках Дмитрия Васильевича Гаврилова. К моему удовлетворению все специалисты (доктора исторических наук А.В.Бакунин, Г.Е.Корнилов, С.П.Постников и другие) высоко оценили диссертацию и рекомендовали ее к защите. А Дмитрий Васильевич, когда при беседе с ним я выразил естественные опасения по поводу возможных результатов защиты, широко улыбнулся и произнес: «Ничего не бойтесь. У вас хорошая диссертация, и есть, что защищать. Мы вас в обиду не дадим. Вы же – наш!»

⁴³ Уральская историческая энциклопедия. 1-е изд. Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 1998. – 624 с.; 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. – 640 с.: ил.

Это включение меня маститым ученым в когорту «наших» несомненно удваивало силы. Я почувствовал, что являюсь не просто докторантом, пришедшим со стороны, который «как пришел, так и уйдет», решив проблему защиты диссертации. Я понял, что «пришелся ко двору» и смогу продолжать свою деятельность в стенах Института, под крышей которого собрался сплоченный коллектив высокоинтеллектуальных ученых.

Действительно, защита докторской диссертации прошла «без сучка и задоринки», и вскоре я получил предложение занять пост заместителя директора Института истории и археологии УрО РАН по научной работе, а через некоторое время возглавил отдел Отечественной истории XX века. Под моим руководством стали выполняться многие научно-исследовательские работы. Дмитрий Васильевич, хоть и не являлся сотрудником моего отдела, оставаясь «феодалом», тем не менее активно и, главное, продуктивно участвовал в их реализации. В частности, он написал ряд разделов в главу «Утерянная перспектива» и очерк «Демидовское наследие» для эпохальной книги «Урал в панораме XX века»⁴⁴, где я был заместителем главного редактора и по долгу службы практически руководил всем творческим коллективом. Эта книга до сих пор является одним из самых крупных успешно реализованных Институтом научно-исследовательских проектов.

Участвовал профессор Гаврилов и в проектах, где я уже имел полную свободу действий, являясь руководителем научного коллектива и главным редактором издания. Из-под его пера вышли глава «Все для фронта!» в книге «Во имя Победы»⁴⁵, главы «На Дальнем Востоке», «Мировая бойня» в книге «Военная история Урала»⁴⁶, глава «Арсенал Российской империи» в книге «Щит и меч Отчизны. Оружие Урал с древнейших времен до наших дней»⁴⁷. Дмитрий Васильевич участвовал во всех научных конференциях, которыми я руководил, печатал свои доклады во всех сборниках научных статей, выходявших под моей редакцией и включавших материалы этих форумов.

Затем судьба еще больше сблизила меня с этим замечательным ученым. В Институте произошла структурная реорганизация, суть которой заключалась в роспуске отделов, работавших по хронологическому принципу, и создании более мобильных, сориентированных на конкретные проблемы секторов. При этом сотрудникам было предоставлено право самим выбрать, в каком из вновь создаваемых научных подразделений они принесут наибольшую пользу своими научными изысканиями. Директор Института академик В.В.Алексеев по своему усмотрению определил группу наиболее сильных в теоретическом и организационном плане специалистов, которые, по его мнению, были способны разрабатывать перспективное научное направление, создав под него необходимую кадровую основу в виде сектора. В этой когорте

---

⁴⁴ Урал в панораме XX века / Под ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург: изд-во «СВ-96», 2000. – 496 с.: ил.

⁴⁵ Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. I-е изд. / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: изд-во «Баско», 2005. – 256 с.: ил.; 2-е изд. дополн. и перераб. Екатеринбург: печатный дом «Формат», 2010. – 272 с.: ил.

⁴⁶ Военная история Урала. События и факты / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: изд-во «Сокрыт», 2008. – с.: ил.

⁴⁷ Щит и меч Отчизны. Оружие Урал с древнейших времен до наших дней. / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: изд-во «Раритет», 2008. – 466 с.: ил.

руководителей оказался и я, набравшийся научно-организационного опыта, достаточно долгое время работая и заместителем директора Института, и заведующим отделом Отечественной истории XX века.

Однако формирование сектора политической и социокультурной истории (в дальнейшем – Центра), предложенного мной, оказалось непростым делом. Это был сложный и болезненный процесс. Ряд ведущих ученых, ранее определявших лицо расформированного отдела, или сами возглавили новые подразделения, или перешли в них в соответствии с научными интересами. Создаваемый мной сектор, наряду с оставшейся перспективной молодежью, остро нуждался в высококвалифицированных, имевших имя ученых. Поэтому только тогда, когда заслуженный деятель науки РФ Дмитрий Васильевич Гаврилов изъявил желание работать именно в нем, стали понятны перспективы и возможности его успешной деятельности.

Став сотрудником сектора, руководимого мной, Дмитрий Васильевич еще долгие годы поражал научный мир своими неординарными работами, показывая как индивидуальное мастерство, проявляемое в статьях высокорейтинговых журналов и монографических исследованиях, так и умение внести заметный вклад в совместные с другими сотрудниками проекты. Неоценим вклад ученого в подготовленный всем сектором научный труд «Урал в контексте российской и мировой истории XX века: историографическая концептуализация»⁴⁸, проанализировавший достижения исторической науки в изучении развития Уральского региона в двадцатом столетии. Серьезный резонанс произвела монография «Горнозаводский Урал в 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия к конфронтации»⁴⁹, осветившая социально-экономическое и политическое развитие Урала в период раннеиндустриальной модернизации и ставшая, к глубокому сожалению, последней монументальной книгой, опубликованной ученым.

Будучи крупным ученым, Д.В.Гаврилов был к тому же очень дисциплинированным и заботливым человеком. Когда в присутственные дни я за десять минут до начала работы появлялся в кабинете, где располагались сотрудники сектора, Дмитрий Васильевич неизменно был уже там. Как правило, он вел разговор по телефону со своей супругой, сообщая ей, что благополучно добрался и приступает к служебным обязанностям. Значительно более молодые сотрудники приходили вприпрыжку, или опаздывали, находя своему проступку самые различные объяснения. Профессор никогда не тратил времени попусту и в то время, когда окружавшие его собратья по сектору ходили на перекур или вели праздные разговоры, он тщательно изучал свежие периодические издания или просматривал научную литературу, взятую в библиотеке.

Работая в секторе, Дмитрий Васильевич отметил свое 90-летие. Весь сектор, да что там сектор, весь Институт очень ответственно готовился к этому событию. Было проведено праздничное заседание Ученого совета, где я выступил с докладом о его жизненном пути и научных достижениях. Было много поздравлений, подарков, цветов... Юбиляр чув-

⁴⁸ Урал в контексте российской и мировой истории XX века: историографическая концептуализация / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2017. – 392 с.

⁴⁹ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал в 1861–1900 гг.: власти, заводоладельцы, рабочие – от согласия к конфронтации. СПб.: Изд-во «Нестор-история», 2018. – 464 с.: ил.

ствовал теплоту, исходящую от присутствовавших, и был очень растроган. Казалось, что еще долгие и долгие годы Дмитрий Васильевич будет с нами. Мы будем заряжаться жизненной энергией от этого неугомонного и прекрасного в своем стремлении быть полезным для науки и общества человека. Что он всегда будет удивлять нас оригинальностью своего мышления и смелостью высказываний. Будь то на заседании сектора, Ученого совета, защите какой-либо диссертации или просто в приватной беседе.

К сожалению, в этом мире нет ничего вечного. Люди рождаются и умирают. Дмитрий Васильевич ушел от нас на 94-м году жизни, жизни наполненной яркими событиями и большими свершениями. Нам остается только помнить и продолжать то дело, которое заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор Д.В.Гаврилов исполнил столь ответственно и профессионально на благо науки и общества.

Г.Н.Шумкин⁵⁰

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

С Дмитрием Васильевичем Гавриловым я познакомился, будучи студентом исторического факультета Уральского государственного педагогического института (тогда он еще не был университетом, и только готовился им стать). Весной 1995 г., в конце второго курса, декан нашего факультета Т.Г.Мосунова объявила, что нам в срочном порядке предстоит освоить «спецкурс по выбору». В качестве такового деканат выбрал для нас курс «Исторической экологии». Читать его должен был главный научный сотрудник Института истории и археологии, доктор исто-

рических наук Д.В.Гаврилов.

Как было принято в отношении особо уважаемых приглашенных преподавателей, Татьяна Георгиевна сама представила лектора, особо отметив, что Дмитрий Васильевич – выпускник еще того, прежнего истфака пединститута. Затем Д.В.Гаврилов взял слово и начал представлять себя сам, подробно перечисляя свои регалии и заслуги. Тогда эта самопрезентация мне показалась странной. Но позже, познакомившись с ним ближе, я понял, что для него ничего особенного в ней не было – добиваясь всего самостоятельно, своими талантами и каждодневным упорным трудом, нередко отказываясь от соблазнов простых решений⁵¹, Дмитрий Васильевич уважал себя и ценил свои достижения.

⁵⁰ Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: shumk@mail.ru

⁵¹ Например, чтобы не изменять музе Клио, он отказался от должности заведующего кафедрой педагогики в Ленинграде и уехал преподавать историю в Шадринский пединститут.

Студенты второго курса – это не студенты первого: они уже знают многое, чтобы чувствовать себя уверенно (как-никак две-три сессии за плечами), но все-таки еще недостаточно много, чтобы вести себя осмотрительнее. Поскольку весной главной заботой была предстоящая защита курсовых, часть народа решила сэкономить драгоценное время за счет лекций Гаврилова. Дмитрий Васильевич ответил неблагодарной аудитории полноценным зачетом (обычно зачет по спецкурсу выставлялся автоматом или проводился в щадящем режиме). Раздав «автоматы» «прогибам» (тем, кто подсуетился и выступил с докладами на семинарах), всех остальных он опросил с особым пристрастием. Это был единственный случай в моей учебной карьере, когда мне пришлось проходить процедуру пересдачи. В том, что часть студентов игнорировала лекции (я, к слову, их не прогуливал) была еще одна причина – курс Дмитрия Васильевича был, что называется, «не причесан». Он был только что разработан, и на нас проходила его «обкатка». Более того, никто тогда (по крайней мере, в России) подобных курсов еще не читал, Дмитрий Васильевич был первым. Кроме того, он – один из первых, кто стал заниматься исторической экологией. Это сейчас историческая экология стала модным направлением исследований, а тогда за разработку данной проблематики брались немногие.

Бегло осветив экологические проблемы древности и средневековья, чуть больше задержавшись на новом времени (экологии горнозаводских поселков Урала), львиную долю времени он посвятил XX веку. Помимо широко известных трагедий Чернобыля и Арала, в курсе была представлена широкая панорама проблем взаимодействия человека с окружающей средой – это и исчерпание ресурсов, и захоронение и переработка производственных отходов, и изменение климата, и техногенные катастрофы. Описывая каждую ситуацию, Дмитрий Васильевич старался дать полный спектр возможных причин. Из его курса стало ясно, что Екатеринбург буквально со всех сторон окружен потенциально опасными объектами, что «экологический след» уральской промышленности столь сложен, распутывать его предстоит не одному поколению исследователей. При этом его мало заботило то, как он дает материал (он не заигрывал с аудиторией, не пытался произвести благоприятное впечатление), главным для него было то, что он давал.

При подготовке к дипломной работе (с третьего курса я писал под руководством Бориса Алексеевича Сутырина – мне была поставлена задача изучить промышленный переворот на Воткинском заводе) я стал знакомиться с работами Дмитрия Васильевича – с его монографией «Рабочие Урала в период домонополистического капитализма» и рядом статей. Не могу сказать, что эти работы произвели на меня, студента, глубокое впечатление – ни оригинальных подходов, ни широких обобщений, ни сенсационных версий и предположений, которыми изобилвала научная литература в эпоху постмарксизма, в его работах не было. В них было сухое изложение событий с большим массивом фактов, чисел и очень аккуратные выводы.

В 1998 г. по окончании университета я поступил в аспирантуру Института истории и археологии УрО РАН к Д.В.Гаврилову. После недолгого спора

с Л.А.Сапоговской, желавшей видеть во мне исследователя промышленной политики, Дмитрий Васильевич настоял на той теме, которая была интересна лично ему – я должен был писать диссертацию по военной промышленности Урала конца XIX – начала XX вв. По сути, мне предстояло описать предысторию военной промышленности Урала периода Первой мировой войны. Ею занимался другой аспирант Д.В.Гаврилова, поступивший к нему годом ранее, – А.В.Жук. Не могу сказать, что я сразу вдохновился этой темой. По сравнению с историей отдельных заводов и отраслей (или с той же промышленной политикой), военная промышленность как объект исследования мне казалась не достаточно «округлой» для изучения – вне фокуса научного поиска оставалось «мирное производство» на тех же предприятиях, которые производили продукцию для армии и флота. Кроме того, хронологические рамки «провисали» – если с верхней гранью все было просто и понятно (события, последовавшие за выстрелом в Сараево), то нижнюю – начало 1890-х гг. – предстояло тщательно обосновать. Были и иные сложности с разработкой темы. В частности, когда я углубился в историографическое наследие «нового направления» (а обойти его я никак не мог – практически все сторонники теории многоукладности так или иначе рассматривали сюжеты, связанные с военной промышленностью России), Дмитрий Васильевич настоятельно рекомендовал не увлекаться (через несколько лет станет понятно, что в нем его не устраивало).

В мою бытность аспирантом я понял, что Дмитрий Васильевич был в большей степени ученым, чем педагогом. Его присутственный день в Институте начинался с библиотеки, где он знакомился с новыми поступлениями журналов, а также с «Наукой Урала» (по-моему, он был единственным в Институте научным сотрудником, который постоянно читал эту газету). Там же обычно заканчивался его рабочий день – его можно было застать за работой с литературой или источниками (в библиотеке Института была замечательная коллекция периодики XIX – начала XX вв.). В середине дня он обсуждал с коллегами текущие «производственные вопросы» и консультировал аспирантов. Переговоры с коллегами (Е.Ю.Рукосуевым, В.П.Микитюком, С.В.Воробьевым и другими) проводились в достаточно нервной обстановке – Институт готовился встретить 300-летие уральской металлургии изданием фундаментального труда – энциклопедией «Металлургические заводы Урала», и авторский коллектив работал в очень напряженном режиме. Ключевую роль в этой работе сыграл Дмитрий Васильевич, ставший автором или редактором большинства статей. Кроме «Металлургических заводов» были еще и «Уральская историческая энциклопедия», и энциклопедия «Екатеринбург», различные статьи, поэтому на нас, аспирантов, времени оставалось не так уж и много. Во время консультаций он любил вспоминать свою службу в армии, учебу в аспирантуре в Ленинградском педагогическом институте им А.И.Герцена, защиту кандидатской диссертации (посвященной рабочему движению на Урале), когда в его поддержку выступил старый рабочий-большевик, и многое другое. Когда обсуждались серьезные вопросы, Дмитрий Васильевич требовал особого внимания к источнику, к цифрам и оформлению ссылок.

В самом конце 2000 г. аспирантам вдруг выделили средства на командировки. Но до Нового года оставалось недели три, а я только поступил

работать на кафедре истории в Медицинскую академию, кроме того планировалась защита диссертации А.В.Жука, да и особого желания в то время ехать куда-то у меня не было. Меня вполне бы устроила недолгая командировка (на неделю-полторы) в Пермь или Златоуст. Но Дмитрий Васильевич, зная ценность центральных архивов, настоял на командировке именно в Санкт-Петербург. Более того, он договорился с бухгалтерией Института, чтобы я мог отчитаться в начале января. Помню, как они вместе с Е.Ю.Рукусуевым инструктировали меня перед первой командировкой: «Возьми зонт, единственный месяц в году, когда в Питере нет дождей – это февраль. Собери чемодан, посмотри на него и выложи то, без чего ты сможешь обойтись, лучше возьми деньги. Следи за вещами, старайся убирать их в рундук, а то, как NN, будешь в тапочках гулять по городу (по случаю была рассказана грустная история, как у доктора наук NN в поезде украли ботинки). Запасись письмами во все архивы и библиотеки, какой-нибудь из них может неожиданно закрыться⁵². А то аспирант LL поехал в Москву, а архив оказался закрыт, вот и гулял три недели по столице. И, самое главное, работа – работой, но не забывай, что ты в Петербурге! Я был в Париже, Версале, много, где был, но по красоте архитектуры ничто не сравнится с Петербургом! Поэтому в выходные обязательно ходи в музеи. Прежде всего, сходи в Эрмитаж, а в остальные – на твое усмотрение». Во всем Дмитрий Васильевич оказался прав – во всем. Впечатления от той поездки (Невский проспект ранним утром и елка на Дворцовой площади без снега (снег выпал только 20 декабря), Дворцовый мост в 25-градусный мороз и морозная радуга над Исаакием) останутся на всю жизнь, но, главное, во время этой командировки были собраны ключевые материалы по теме диссертации.

В ноябре 2001 г. у меня завершалась аспирантура, и надо было представлять текст диссертации, а он был пока еще в ужасном виде – материал был собран, но в виде «очень черного черновика» – (текст представлял собой набор плохо связанных между собой фрагментов). Если бы меня оценивали по всем правилам, то мне вполне «светило» окончить аспирантуру без предоставления диссертации, но Дмитрий Васильевич пошел на определенную хитрость (и, как я сейчас понимаю, не только он), поэтому формально я окончил аспирантуру с предоставлением диссертации. А в декабре меня приняли на работу в Институт младшим научным сотрудником.

Следующие несколько месяцев Дмитрий Васильевич болел, а я дописывал работу. Только в мае он смог прочесть мой текст. Прочитал и заставил все переделать. Так в мае-июне 2002 г. рождалась моя диссертация и корректировалась самооценка. Прорывные открытия, свежие идеи и неожиданные повороты мысли, по мнению Д.В.Гаврилова, в диссертации совсем не обязательны. «Потом, когда защитишься, можешь писать что угодно, – выкидывая очередной кусок, как мне казалось, «удачного» текста, успокаивал меня Дмитрий Васильевич, – но вначале защитись. А для того, чтобы успешно защититься, надо что сделать? Правильно! Надо выстроить защиту. Если есть возможность не подставляться – не подставляйся. Убери все спорное и слабое. Помню,

---

⁵² Тогда Интернет еще только входил в обиход, и новости справки о работе учреждений было проблематично.

защищался FF, и работа, в принципе крепкая – по XX в., но зачем-то залез в феодализм, в котором ничего не понимает, за феодализм этот ему и замечаний накидали, и «черных шаров». Позже я узнал, что среди историков Екатеринбурга Дмитрий Васильевич славился как отличный редактор, и считалось, что если диссертация была им вычитана и одобрена, за нее можно было уже не переживать.

Несмотря на то, что была проделана немалая работа, Дмитрий Васильевич решил дополнительно перестраховаться и не разрешил мне обращаться с просьбой выступить в качестве оппонента к В.А.Ляпину – крупнейшему специалисту по военной промышленности первой половины XIX в. (это, по видимому, Владимира Александровича задело, за что я прошу у него прощения). Вместо В.А.Ляпина оппонировал В.В.Запарий, который в то время консультировался у Гаврилова по своей докторской. Но хитрый план не помог – Владимир Васильевич набросал замечаний больше, чем ведущая организация (УрГПУ) и первый оппонент (Н.Н.Попов) вместе взятые. «Не важно, какие замечания тебе накидали, важно, как ты на них ответишь, – говорил Дмитрий Васильевич, наставляя меня перед защитой, – ведь защищается не оппонент, а ты». Так, под руководством Д.В.Гаврилова я стал кандидатом исторических наук.

После защиты я вошел в группу, которая под руководством Дмитрия Васильевича готовила второе издание «Металлургических заводов Урала». Первое издание было очень хорошо принято научной (да и ненаучной) общественностью и сразу стало библиографической редкостью, поэтому успех решили развить и закрепить. Возможностей показать свои таланты исследователя было предостаточно. Во-первых, несмотря на широчайший охват далеко не по всем заводам были написаны статьи. Во-вторых, ряд статей были откровенно слабыми и имели серьезные лакуны, их следовало переработать. Ну и, в-третьих, как известно, совершенство не знает границ. Вначале решили в новом издании каждую статью снабдить библиографическим списком, затем решили сделать общий список источников и литературы; потом вспомнили, что в Энциклопедии плохо освещена добыча железных руд – статьи имеются только по некоторым рудоуправлениям. Но если будем писать о рудоуправлениях, то почему бы не написать и об управлении в целом? А если будем писать о горнозаводских округах и трестах, то надо бы читателя ввести в курс дела, надо дать развернутую историческую справку о развитии металлургии на Урале. Вскоре идея со справкой превратилась в идею отдельного тома истории металлургии Урала, а энциклопедия должна была стать вторым томом этого грандиозного труда... В конечном счете, эти метания от «лучшего» к «еще более лучшему» привели к тому, что материал накапливался, но работа не продвигалась. Средств на реализацию наших грандиозных планов у Института попросту не было, а убедить «капитанов металлургии» в том, что им на книжную полку рядом с первым изданием «Металлургических заводов Урала» необходимо поставить второе, как-то не получалось. В результате и без того непростые отношения в коллективе стали откровенно сложными... Дмитрий Васильевич – эрудит, талантливый ученый, блестящий полемист, человек с огромной волей, способный на максимальную концентрацию сил, был

не самым лучшим администратором. В итоге в свет вышла только первая часть – монография В.В.Алексеева и Д.В.Гаврилова «Металлургические заводы Урала с древнейших времен до наших дней».

В процессе подготовки этой книги возникало немало непростых ситуаций. Но больше всего мне запомнился финальный акт этой производственной драмы. Лето 2008 г., рукопись передана издательству «Наука», ждем книги. Но тут вызывает меня Вениамин Васильевич: «Съезди в Москву – у них какие-то сложности с версткой». Оказалось, что стремление Дмитрия Васильевича к идеалу в совокупности с его талантами редактора заставили его внести ряд серьезных правок в верстку, в результате чего «поплыли» ссылки и научно-справочный аппарат. Моя задача состояла в том, чтобы за неделю заново вычитать порезанную верстку и исправить ссылки. Август 2008 г., жара; я в «Академической» на Октябрьской (по случаю ответственной работы мне выбили номер в этой гостинице, а не, как обычно, в «Узком», на прохладной окраине Москвы); по телевизору – война в Южной Осетии; а на столе – верстка монографии. Работу я выполнил в срок (школа Гаврилова!), в том же году книга была опубликована.

Залогом целеустремленности и высокой трудоспособности Дмитрия Васильевича было крепкое физическое здоровье. Все, кому пришлось с ним тесно работать, знали о его увлечении закаливанием, знали и о его трезвом образе жизни (частые посиделки по средам в нашем отделе истории России XVI–XIX вв. он, как правило, игнорировал). Помню, как в декабре 2002 г., когда организаторы «Бушуевских чтений» поселили нас в прекрасном пансионате за чертой города Златоуста, я предложил Дмитрию Васильевичу сходить в город до телефонной станции, и он легко согласился. Тогда мы совершили замечательную прогулку – два часа на льду златоустовского пруда по колено в снегу. Тогда ему было 75 лет. А в 90 лет он спокойно поднимался на работу на 11 этаж.

Другой отличительной особенностью Дмитрия Васильевича была верность своим идеям и уверенность в собственной правоте. Он мог высказать свое мнение (иногда в крайне резкой форме), а мог промолчать. Но поменять свои взгляды или публично признаваться в «мучительном переосмыслении» своей жизненной позиции он не мог – это было ниже его чувства собственного достоинства. Он оставался сторонником Советской власти, и хотя при мне своих политических предпочтений не высказывал, в этом можно было не сомневаться – в его дипломате рядом с неизменным термосом всегда лежала «Советская Россия» или газета «Завтра». В его трудах уверенность в собственной правоте выражалась в том, что единожды сформулированная оценка какому-либо событию более не менялась, она без каких-либо изменений могла на протяжении десятилетий «кочевать» из одной работы в другую. А в отношениях с коллегами она нередко приводила к конфликтам, нередко выходявшим за рамки академической дискуссии. Но не мне его судить (уж точно не мне!) Очевидно одно, что эта уверенность была таким же следствием упорного каждодневного труда, каким было его уважение к собственным заслугам. И именно эти качества позволяли ему как начинать разговор с незнакомой аудиторией со своих достижений, так и вести нелицеприятный диалог с оппонентом.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

*Семья – это крохотная страна.
И радости наши произрастают,
Когда в подготовленный грунт бросают
Лишь самые добрые семена!*

Э.Асадов.

Так сложилось, что госпожа Наука всецело поглотила Дмитрия Васильевича. В первом браке детей у него не было, а во втором, с моей мамой Людмилой Тихоновной, он с удовольствием обзавелся уже «готовыми» 20-летним сыном и 11-летней дочерью. Наверное, во мне он разглядел многие черты, присущие ему самому в таком же возрасте: пытливый ум, любовь к чтению, стремление к отличной учебе. Конечно, ему очень нравилось направлять свои знания и наставнические способности на столь благодатную почву. Меня всегда поражало, что Дмитрий Васильевич, спустя многие десятилетия помнит содержание художественных произведений, сюжеты и имена главных героев.

Феноменальная память была его удивительным даром и основой для получения энциклопедических знаний в самых разных отраслях науки и искусства. Я с искренним удовольствием слушала занимательные истории из жизни самого Дмитрия Васильевича, а некоторые любопытные исторические факты, услышанные из его уст, помогали мне получать отличные отметки. Когда на уроке истории в 6 классе я добавила в конце ответа: «Вперед! и горе Годунову! – сказал Лжедмитрий 1, переходя русско-польскую границу», учительница без колебаний поставила мне «пять». Эту фразу Дмитрий Васильевич очень любил и часто произносил, как напутствие перед выполнением какого-либо сложного дела, экзамена и т.п.

Движение вперед было его жизненным принципом. Он никогда не останавливался: всегда штудировал научную литературу и периодику с карандашом в руках, делал пометки на полях и газетные вырезки («горы» папок с вырезками по различной тематике до сих пор хранятся в семейном архиве). Понятия «отдых» и «отпуск» для него не существовали: на пляже он редактировал диссертацию, на даче читал газеты или рецензировал рукописи. В любом городе, во время наших семейных путешествий, он был нашим неизменным гидом и экскурсоводом: будь то

⁵³ Снитко Елизавета Дитриховна, дочь Д.В.Гаврилова.

*Коллектив Института истории и археологии УрО РАН, 8 мая 2019
(фото Н.А.Бабенковой)*

На рабочем месте в Центре политической и социокультурной истории

*Д.В.Гаврилов –
рецензент коллективной монографии
«Ядерное наследие на Урале:
исторические оценки и документы»*

*Отчет главного научного
сотрудника за 2016 г.*

*Д.В.Гаврилов 8 мая 2019 г.
в Институте истории и археологии*

Ветерана Великой Отечественной войны Д.В.Гаврилова поздравляют с праздником Победы директор Института истории и археологии УрО РАН д.и.н. И.В.Побережников и заведующий Центром политической и социокультурной истории Института д.и.н. А.В.Сперанский

Поздравление от Президента России В.В.Путина (2019 г.)

С первым заместителем полномочного представителя Президента РФ в УрФО В.Тумановым в день присвоения звания Заслуженного деятеля науки РФ (2001 г.)

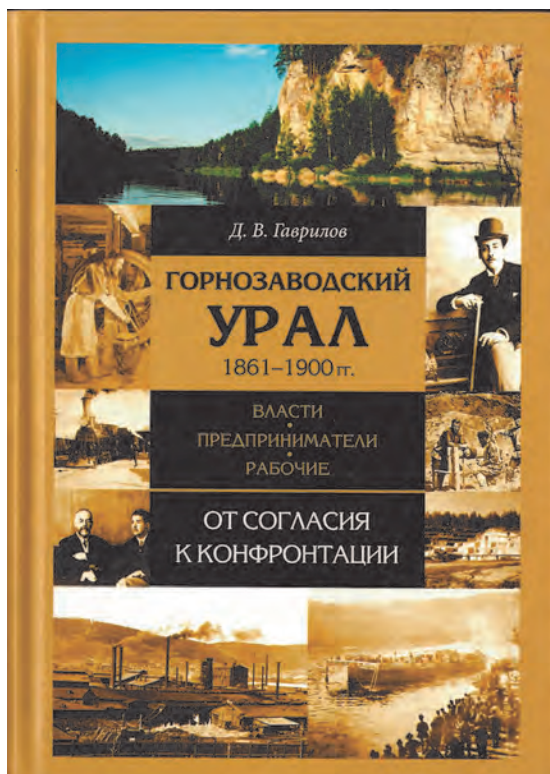

В 2003 году Премия имени члена-корреспондента РАН П.И.Рычкова присуждена академику В.В.Алексееву и д.и.н. Д.В.Гаврилову (автору и соавтору 152 статей), а в их лице всему авторскому коллективу энциклопедии «Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв.»

В 1999 году Д.В.Гаврилов (автор 4–7 глав) в составе коллектива ученых был удостоен звания Лауреата премии имени В.Н.Татищева и Г.В. де Геннина за научно-популярное издание «Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998)», «Екатеринбург: История и современность» (в двух томах)

Монография «Горнозаводский Урал
1861–1900 гг.: власти,
предприниматели, рабочие.
От согласия к конфронтации»
была издана в 2018 году и стала
последним завершённым проектом
Д.В.Гаврилова.

ПРАВИТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
НАГРАЖДАЕТ

Гаврилова
Дмитрия Васильевича

доктора исторических наук, профессора,
ведущего научного сотрудника Института
истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук

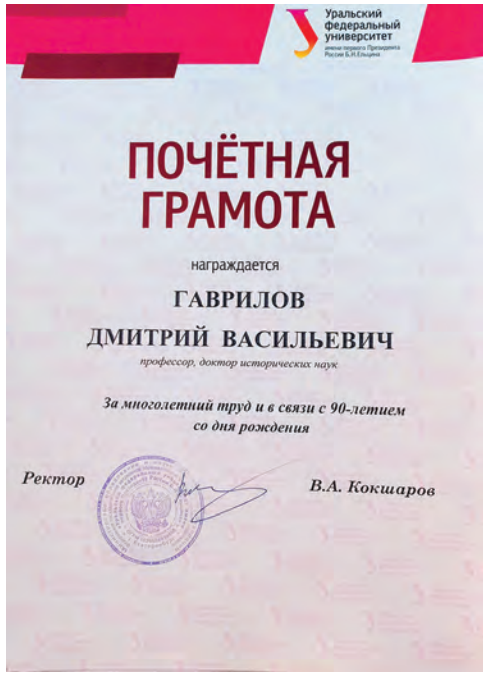
за большой вклад в создание и развитие
Института истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук и в
связи с 10-летием со дня создания института

Приказом
Правительства
№ 250-п
24 февраля 1998 г.

А. Воробьев

Д.В.Гаврилов в Очере Пермского края

Д.В.Гаврилов с сотрудниками Центра политической и социокультурной истории

Туристическая поездка по городам Европы (1996 г.)

*На фоне Колизея. Италия
(1999 г.)*

С женой Людмилой. Ватикан (1999 г.)

Великая китайская стена (2001 г.)

В Египте (2010 г.)

Иерусалим. У Стены плача (2010 г.)

*В г. Пизе, памятное фото
на фоне падающей башни*

Италия. Неаполитанский залив.

В Санкт-Петербурге

*С супругой и дочерью на отдыхе
в Железноводске (1987 г.)*

С женой в санатории «Обуховский», Свердловская область (2010 г.)

На курорте Усть-Качка (Пермский край)

В санатории Карагайский бор (2014 г.)

На Канарских островах (1998 г.)

На дачном участке с супругой и внучкой (1998 г.)

85-летие в кругу близких и родных

музеи Москвы или лермонтовские места курортов Кавказа. Конечно, ему хотелось, чтобы я поступила на истфак, но с раннего детства моей мечтой была медицина. Поэтому, когда я по стопам мамы поступила в медицинский институт, Дмитрий Васильевич с уважением принял мой выбор.

В семье старались не обременять Дмитрия Васильевича домашними делами, но если ему приходилось что-то делать (укладывать пол на даче или врезать дверной замок), то делал он это очень долго, тщательно и, что называется, «на века». Основательность и фундаментальность всегда была присуща и всем его научным трудам.

Отдельно хочу сказать о роли в жизни Дмитрия Васильевича моей мамы – Людмилы Тихоновны. Все 39 лет их совместной жизни она неизменно поддерживала его, сопровождала в путешествиях и на многих научных конференциях не только как спутница жизни, но и как личный врач. Неоднократно ей пришлось в прямом смысле спасти его жизнь. Со своей стороны Дмитрий Васильевич очень уважал маму как знающего врача и полностью доверялся ей в медицинских вопросах. В бытовом смысле он был неприхотлив, но и беспомощен как ребенок. Увлеченный своей работой, Дмитрий Васильевич мог напрочь забыть о том, что нужно иногда есть, спать и принимать лекарства. Все эти «мелочи» до последних дней его жизни были заботой моей мамы.

Еще в начале декабря 2020 года Дмитрий Васильевич был чрезвычайно деятелен и принимал участие в двух онлайн проектах («Зырянские чтения» и научно-практическая конференция Нижнетагильского музея-заповедника «Индустриальное наследие...»). К большому нашему сожалению нам не удалось уберечь близкого человека от смертельной болезни, которая не дала ему осуществить грандиозные планы по публикации новой монографии на 48 п.л.: «Металлургия промышленно развитых стран мира в панораме пяти столетий (XVI–XXI вв.)». В его лице мы потеряли мудрого и терпеливого наставника, дорогого мужа, отца и деда. Мы благодарны судьбе, что большую часть своей жизни провели рядом с таким незаурядным ученым. Всегда он будет служить для нас примером человека с высокими моральными и семейными ценностями, фантастически трудоспособного, истинно увлеченного своей профессией и верного ей до последних минут своей жизни. Воистину прав был М.В.Ломоносов, когда писал, что «...может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

Р.С. Семья профессора Гаврилова выражает глубокую признательность всему авторскому коллективу издания за проделанную работу по сбору материала и в особенности – директору ИИиА УрО РАН И.В.Побережникову, авторам-составителям А.В.Сперанскому и В.Н.Кузнецову, директору БКИ – Ю.В.Яценко, а также всем коллегам Дмитрия Васильевича, написавшим свои воспоминания о совместной работе с ним.

**РАЗДЕЛ IV.
ПУБЛИКАЦИИ О Д.В.ГАВРИЛОВЕ**

В.В.Алексеев⁵⁴

**Д.В.ГАВРИЛОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ УРАЛА И РОССИИ XVII–XX вв.⁵⁵**

Исторические труды Д.В.Гаврилова представляют значительный научный интерес. Они охватывают очень широкий хронологический период – от XVII столетия и более ранних времен до XX в., посвящены важнейшим, концептуальным проблемам социально-экономической истории Урала и России, отличаются новаторством, насыщены конкретно-историческим материалом, содержат важные нетрадиционные выводы и обобщения, оснащены обстоятельным научно-справочным аппаратом, выделяются эрудицией автора. Для творчества Д.В.Гаврилова характерны интерес к выявлению глубинных социально-экономических процессов, широкое использование массовых источников и статистических материалов, применение сравнительно-исторического метода.

Уже первые научные труды Д.В.Гаврилова о рабочем и революционно-демократическом движении на Урале во второй половине XIX в., появившиеся в свет в 1960-х гг., вызвали значительный общественный резонанс. В них была дана обстоятельная картина рабочего движения на Урале в пореформенный период, выявлены его динамика, характер, масштабы, практические формы, специфические особенности; показано активное участие рабочих в составе всего горнозаводского населения в борьбе против остатков крепостнических отношений и за свои пролетарские требования; составлена наиболее полная и обстоятельная статистика стачек и волнений уральских рабочих в 1885–1900 гг.

На основе данных, полученных путем сплошного обследования центральных и местных архивов, он опроверг господствовавшее в то время в исторической литературе мнение, что после бурных волнений уральских рабочих в период проведения реформы 1861 г. рабочее движение на Урале переживало полосу длительного спада, упадка и затишья и

---

⁵⁴ Алексеев Вениамин Васильевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН (1988–2013), заместитель председателя УрО РАН и председатель Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН (1991–2014). Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: iia-history@mail.ru

⁵⁵ Статья впервые опубликована в: Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 3–11.

начало оживать только в конце 90-х гг. XIX в. – начале 900-х гг.; убедительно доказал, что рабочее движение в регионе в пореформенный период развивалось по восходящей линии как в количественном, так и в качественном отношении, перейдя от стихийных экономических выступлений типа крестьянских бунтов к организованным методам борьбы с выставлением не только экономических, но и политических требований, превратилось к началу XX в. в мощную социальную силу.

Исследуя по архивным документам и материалам периодической печати социал-демократическое движение на Урале в конце XIX в., которое в те годы освещалось главным образом по малодостоверным и субъективным мемуарным источникам, оценивалось тенденциозно и противоречиво, Д.В.Гаврилов представил широкую объективную панораму развертывания на Урале социал-демократического движения, восстановил неизвестные или забытые факты и имена; высказал свои оценки действовавшим в регионе в тот период социал-демократическим кружкам и группам и их участникам; вскрыл причины и истоки социальных движений; сделал выводы, нередко расходившиеся с утвердившимися в тогдашней местной историко-партийной литературе.

Монография Д.В.Гаврилова «Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в. (1885–1900 гг.)» (Курган, 1963) и ряд его статей, содержавшие новые выводы и оценки, вызвали положительные оценки у специалистов, но долго замалчивались местными «корифеями», ориентировавшимися в исследовательской работе на постулаты «Краткого курса истории ВКП(б)» и «Очерки истории большевистских организаций на Урале» (Ч. 1. 1951), изданные Институтом истории партии при Свердловском обкоме ВКП(б).

Гаврилов Д.В. первым среди уральских историков выступил против необъективного освещения в исторической литературе народнического движения 70–80-х гг. XIX в., ошибочных оценок его характера и масштабов. Вопреки господствовавшему в то время взгляду, что народничество на Урале не получило сколько-нибудь значительного распространения, захватило только часть интеллигенции и совершенно не затронуло рабочих, он на основе архивных документов показал, что Урал, наряду с Поволжьем и Доном, рассматривался народниками в качестве одного из основных очагов протестного народного движения, был одним из основных районов «хождения в народ»; доказал, что народники развернули на Урале значительную по масштабам того времени революционную пропаганду, создали разветвленную сеть нелегальных революционных кружков и групп; их пропагандой были охвачены не только интеллигенция, но и горнозаводское население и рабочие.

Занимаясь исследованием социально-экономической природы уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период, Д.В.Гаврилов глубоко обосновал важный методологический вывод, поддержанный многими уральскими историками, что для характеристики «оригинального строя» Урала надо брать не один какой-нибудь показатель (например, крепостное право, окружную систему), а весь комплекс социально-экономических, исторических, юридических, географических, природно-климатических и т.п. признаков.

Важные теоретические и методологические выводы были сформулированы Д.В.Гавриловым в его большой статье «Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма, 1861–1917 гг.: методологические аспекты проблемы» (1991), где социально-экономическая структура уральской горнозаводской промышленности пореформенного периода определена в целом как капиталистическая, в которой происходило постепенное вытеснение еще сохранившихся остатков крепостничества. Этот вывод, расхолившийся с насаждавшимися историками «нового направления в советской исторической науке» модными «диссидентскими» взглядами, был развит Д.В.Гавриловым в его последующих статьях и подготовленных под его руководством коллективных обобщающих научных трудах.

В монографии «Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение)» (М., «Наука». – 1985) Д.В.Гаврилов на большом конкретно-историческом и статистическом материале выявил основные количественные, возрастные, квалификационные, образовательные и др. характеристики рабочих уральской промышленности, проследил количественные и качественные изменения в структуре рабочих кадров и динамике их жизненного уровня. Вопреки преобладавшему тогда взгляду, что при капитализме материальное положение трудящихся непрерывно, «из года в год», ухудшалось, в ней сделан убедительно обоснованный большим фактическим и статистическим материалом вывод, что жизненный уровень уральских рабочих в пореформенный период значительно повысился. Монография была защищена автором в Москве в Институте истории СССР АН СССР в качестве докторской диссертации.

Эти исследования положили начало новому научному направлению в изучении социально-экономической истории Урала XIX–XX вв., основанному на широком использовании массовых источников и статистических материалов.

В 1990 г. опубликована подготовленная в Институте истории и археологии УрО РАН под руководством Д.В.Гаврилова коллективная монография «История Урала в период капитализма» (М., «Наука». – 1990) – фундаментальный труд, систематически и всесторонне осветивший процесс экономического, социального и социокультурного развития региона в 1861–1917 гг. Монография внесла значительный вклад в разработку многих кардинальных проблем истории края во второй половине XIX – начале XX вв., используется в вузах и школах в качестве учебного пособия при изучении истории Урала.

Д.В.Гаврилов – автор четырех глав книги «Екатеринбург: исторические очерки, 1723–1998». За участие в подготовке книги в числе других членов авторского коллектива Д.В.Гаврилову в 1999 г. присуждена премия имени В.Н.Татищева и Г.В. де Геннина в области науки.

Итоги многолетних исследований в области социально-экономического, политического и культурного развития Урала в начале XX в. обобщены им в главе «Потерянная перспектива. 1901–1914 гг.», опубликованной в монографии «Урал в панораме XX века» (Екатеринбург, 2000). Не согласившись со все еще бытующим в исторической литера-

туре мнением о некоей «консервации» на Урале в начале XX в. мифического «крепостнического уклада», автор на большом и разнообразном фактическом материале показал вступление Урала в новый этап модернизации, обосновал формирование в регионе в конце XIX – начале XX вв. новой модели экономического развития, сопровождавшейся крупными сдвигами в техносфере, составе заводовладельцев, источниках инвестирования промышленности, в социальных отношениях, в общественном самосознании и инициативности во всех частях социально-политического спектра, появлением новых черт в быту и культуре.

В качестве члена редколлегии, руководителя проблемно-тематического блока и одного из авторов принимал участие в создании «Уральской исторической энциклопедии» (Екатеринбург., 1998; 2-е издание, переработанное и дополненное. – 2000). Ряд его статей, опубликованных в энциклопедии, имеет принципиальное значение, их структурное построение и содержание выходят за рамки региональной истории.

Так, в статье «Промышленная революция» он выдвинул ряд новых важных положений о протекании в стране и в регионе промышленной революции XVIII–XIX вв. (так называемого «промышленного переворота»), ее сущности, критериях, хронологических рамках, этапах, особенностях ее развития в металлургической отрасли.

Одним из важных аспектов научной деятельности Д.В.Гаврилова стали его труды по истории уральских металлургических заводов – старейших промышленных предприятий Урала, в большинстве своем ведущих свою родословную с XVIII – первой половины XIX вв.

К 300-летию уральской металлургии (2001 г.) рабочей группой научных сотрудников Института истории и археологии УрО РАН, преподавателей вузов, работников предприятий под руководством Д.В.Гаврилова, являвшегося также заместителем главного редактора издания, руководителем тематического блока по истории заводов XVII – начала XX вв. и автором и соавтором 152 статей, подготовлена книга «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия» (главный редактор – академик РАН В.В.Алексеев. – Екатеринбург, «Академкнига». – 2001) – уникальный, не имеющий аналогов в российской и мировой историографии труд, фундаментальный свод современных научных знаний о более чем трехстах металлургических заводах, когда-либо существовавших и ныне существующих на территории Урала с XVII в. до наших дней, их техническом оснащении и технологиях, объемах производства и технико-экономических показателях, масштабах технического и социального прогресса в процессе модернизации страны и региона.

В энциклопедии впервые в полном объеме освещена история заводов за советский период, с привлечением статистических данных о выпуске основных видов продукции в абсолютных цифрах за 1930–1990-е гг., которые еще никогда не публиковались. За книгу «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия» Д.В.Гаврилову в числе других членов авторского коллектива присуждена премия УрО РАН имени первого члена-корреспондента С.-Петербургской Академии наук П.И.Рычкова за 2003 г.

В смежных областях гуманитарного знания Д.В.Гаврилов разрабатывает проблемы военно-исторического прошлого страны и социоестественной

истории, избран действительным членом Академии Военно-исторических наук и членом-корреспондентом Российской экологической академии.

Д.В.Гаврилов внес значительный вклад в изучение истории военного производства и военной промышленности на Урале, влияния геополитического фактора на превращение региона в военноэкономический арсенал страны, роли уральского тыла в Первой и Второй мировых войнах. Он поставил вопрос о роли военного производства в развитии горнозаводской промышленности на Урале в XVIII–XIX вв., его месте и удельном весе в производственной структуре региона, влиянии на него геополитического фактора; показал, что крупные уральские металлургические заводы, основанные в начале XVIII в., создавались как военные предприятия, были первенцами уральской «оборонки» и, хотя в дальнейшем получали военные заказы нерегулярно и в небольших размерах, с обострением международной военно-политической обстановки или в случае больших войн они постоянно привлекались к изготовлению предметов вооружения в крупных масштабах, а в период Первой мировой войны, в связи с выявившейся острой нехваткой оружия и боеприпасов («снарядным голодом»), с середины 1915 г. были полностью мобилизованы на производство военной продукции.

Анализируя роль уральского тыла в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Д.В.Гаврилов показал, что почти вся военная промышленность страны, до войны сосредоточенная в западных районах государства, в его европейской части, в полосе между 30° и 40° восточной долготы, названной им «военно-промышленным поясом СССР» того времени, в начале войны, в связи с продвижением немецко-фашистских войск вглубь страны, была перенесена, эвакуирована на Урал и в другие восточные регионы, где была создана, благодаря героическому, поистине титаническому труду тружеников советского тыла, по существу, новая военно-промышленная база, обеспечившая СССР победу в той исключительно тяжелой и трудной войне.

Д.В.Гаврилов – один из основателей весьма перспективного научного направления по изучению исторической экологии. Он одним из первых на Урале развернул ее изучение по периоду XVIII–XX вв.; в своих историко-экологических работах показал важность ретроспективного изучения взаимодействия человека с природой; убедительно доказал, что корни нынешнего экологического кризиса на Урале более глубоки, чем считалось до сих пор, обозначились еще в период становления уральского горнопромышленного района в XVIII–XIX вв., что уже в конце XIX – начале XX вв. на Урале в промышленных центрах образовались спорадические очаги и зоны экологической напряженности; в советский период, с превращением региона в район тяжелой промышленности, перенасыщенный вредными для здоровья людей отраслями производства, значительная часть его территории оказалась в зонах катастрофической и критической (кризисной) экологической ситуации.

Под руководством Д.В.Гаврилова подготовлена и издана коллективная монография «Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале» (Екатеринбург. 1997) – комплексное исследование актуальных проблем экологии Уральского региона, их возникновения и трансформации на протяжении нескольких исторических эпох от плей-

стоцена до наших дней, имеющее не только теоретическое, но и практическое значение для оценки экологической обстановки на Урале в наши дни и разработки концепции устойчивого экологического развития региона.

Д.В.Гаврилов участвовал в качестве члена советской научной делегации в работе V Международного конгресса экономической истории (Ленинград. 1970), выступал на российско-шведских семинарах «История металлургии России и Швеции» (Екатеринбург. 1991, 1993; Упсала, Стокгольм. 1992, 1994), Международном конгрессе «Окружающая среда для нас и для будущих поколений: экология и бизнес в новых условиях» (Красноярск. 1993), Всемирной конференции, посвященной 50-летию ЮНЕСКО – «Культурное достояние Урала и Сибири» (Екатеринбург-Нижний Тагил. 1995), X российско-шведском симпозиуме «Государство и национальные процессы. 1700–1914» (Екатеринбург. 1996), Международном конгрессе, посвященном 300-летию уральской металлургии (Невьянск-Екатеринбург. 2001), XII Международном конгрессе по сохранению индустриального наследия (Екатеринбург-Нижний Тагил. 2003), XXX симпозиуме Международного комитета по истории техники (С.-Петербург-Москва. 2003), Международной научной конференции «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века» (Москва. 2004).

В 1991–1996 гг. Д.В.Гаврилов участвовал в разработке международного российско-шведского научного проекта «Железоделательное производство в России и Швеции: сравнительный анализ», результатом которого стала публикация совместно со шведскими учеными ряда монографий, в том числе и за рубежом: «Железоделательное производство в России и Швеции: Обзорение социальной организации производства железа до 1900» (Упсала, Швеция. 1993. На англ. языке) и «Железоделательные общества: раннеиндустриальное развитие в Швеции и России, 1600— 1900» (Оксфорд, Англия. 1998. На англ. языке).

Значителен вклад Д.В.Гаврилова в дело подготовки научных кадров высшей квалификации. Под его руководством подготовлены 10 кандидатов и 2 доктора наук, многие его воспитанники стали сложившимися историками-исследователями.

А.В.Сперанский, В.Н.Кузнецов⁵⁶

ВЛАСТЬ, ЗАВОДЧИКИ И РАБОЧИЕ: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ К РЕВОЛЮЦИИ⁵⁷

(рецензия на монографию Д.В.Гаврилова
«Горнозаводской Урал 1861–1900 гг.:

власти, предприниматели, рабочие. От согласия к конфронтации»)

В конце XX – начале XXI вв. после смены в России общественно-политического строя в исторических исследованиях четко наметилась

---

⁵⁶ Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. E-mail: avsperegansky@mail.ru

Кузнецов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Российская Федерация. Email: jurist-istor@mail.ru

⁵⁷ Впервые опубликована в: Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки» 2019. Т. 19. № 2. С. 110–113.

тенденция на изменение оценок событий, связанных с нарастанием революционного процесса. Получив возможность отказаться от идеологических схем и догматических стереотипов советского времени, многие историки попытались воспользоваться предоставленной свободой, но, к сожалению, не смогли удержаться в рамках объективного и беспристрастного освещения исторического прошлого.

Анализ опубликованных работ приверженцев либерального направления в исторической науке приводит к неутешительному выводу об искажении ими реальной картины трудовых отношений, неправильному пониманию и объяснению процессов, происходивших в России в начале XX в. С переходом современного общества к рыночным отношениям некоторые ученые, в угоду политической и экономической конъюнктуре, отказались от изучения истории рабочего движения в канун российских революций, выбрав предметом своих исследований нарождающееся российское предпринимательство.

Эта конъюнктурная смена исследовательских приоритетов хорошо подмечена московским историком А.К.Соколовым, отметившим, что «...если прежде в противостоянии труда и капитала ученым предписывалось быть на стороне первого, то теперь главным двигателем истории объявляется капитал, а также классы и группы, стоявшие на страже его интересов. Рабочие, если о них вообще заходит речь, выступают теперь в качестве объекта не эксплуатации, а всяческой заботы и покровительства со стороны предпринимателей и организаторов производства». [2, С. 136].

Заявленная позиция, критикующая ангажированные подходы в освещении рабочего движения дореволюционного периода истории России, полностью разделяется уральским историком Д.В.Гавриловым, опубликовавшим в 2018 г. свою очередную монографию «Горнозаводской Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия к конфронтации»[1]. В этой книге, представляющей фундаментальное исследование социально-экономического и политического развития Урала в период раннеиндустриальной модернизации, проанализированы основные акторы, инициаторы и движущие силы социального процесса, происходившего в России на рубеже XIX–XX вв.: государство (власти), предприниматели (заводчики) и рабочие (нарождавшийся и формирующийся рабочий класс).

По мнению автора, функционируя в составе единого организма, эти три силы взаимодействовали друг с другом, отстаивая при этом собственные интересы. Характеризуя их, Д.В.Гаврилов выражает свое решительное несогласие с выводами либеральных исследователей, искажающих факты и принижающих значение рабочих масс в подготовке революционных событий. Он резко критикует историков еще недавно восторженно называвших революции «локомотивами истории», «праздниками угнетенных», а сегодня, перевернувшись на 180 градусов, обрушившихся на «чуму революции», называющих Октябрьскую революцию «катастрофой 1917 года» и «большевистским переворотом» [1, С. 12, 13].

По мнению автора, конъюнктурные выводы современных историков, отрицающие наличие в рыночном обществе классовой борьбы и объясняющие «... возникновение социальных конфликтов на произ-

водстве различными случайностями, отсталостью и невежеством рабочих, недомыслием ими своей пользы, непониманием благожелательности заводчиков и заботливости о рабочих властей ...» [1, С. 12], не способствуют научному объяснению движущих сил российских революций 1905–1907 и 1917 гг., намеренно принижают авангардную роль, сыгранную в них пролетариатом.

Тема взаимодействия властей, заводчиков и трудящихся масс, рассматриваемая Д.В.Гавриловым в рецензируемой книге, была и остается актуальной, злободневной, животрепещущей на протяжении многих столетий, так как непосредственно затрагивает насущные, кровные интересы нескольких, не всегда согласных друг с другом сторон. Автор правильно утверждает, что во все периоды истории и при любых политических режимах их интересы, отношение друг к другу в любой системе производительных сил были противоречивы и нередко – прямо противоположны.

Актуальность монографии состоит и в том, что она написана в ответ на запрос современного российского общества, требующего объективного и честного анализа причин, породивших русские революции во избежание ошибок, допущенных на рубеже XIX–XX вв. Д.В.Гаврилов обобщает исторический опыт как позитивного, так и негативного характера на примере одного из важнейших промышленных районов страны, где наиболее выпукло прослеживались трансформации горно-металлургической промышленности в период раннеиндустриальной модернизации, наиболее ярко проявлялось противоречивое взаимодействие главных социально-политических сил – государства, предпринимателей и рабочих.

Нельзя не согласиться с авторским суждением о том, что основой материальной и духовной культуры любого человеческого общества всегда являлся труд – целенаправленная, целесообразная форма человеческой деятельности, ориентированная на изготовление орудий и средств производства, на воздействие на природную среду с целью использования ее ресурсов, на обслуживание бытовых потребностей человека, создание интеллектуальных и художественных ценностей. Поэтому власти, заводчики и наемные рабочие представлены Д.В.Гавриловым как три основных актора единого организма, непосредственно влиявшие в конце XIX – начале XX вв. на развитие уральского общества [1, С. 7, 8]. Однако показывая их объективное взаимодействие друг с другом, автор не идет на поводу у модных сегодня либеральных выводов об отсутствии социальных конфликтов и классовой борьбы, а на конкретных фактах доказывает наличие угнетенного положения рабочих и их конфронтационный настрой против предпринимателей, поддерживаемых властными структурами.

Следует отметить, что рецензируемое издание построено на фундаментальной концептуально-методологической основе, опирающейся на базовые постулаты исторической науки, дающие возможность представить анализируемые проблемы в рамках глубокого, цивилизованного, компаративного видения российских проблем в контексте мирового исторического процесса.

Источниковая база монографии Д.В.Гаврилова представлена документами центральных и местных государственных архивов, а также

источниками, опубликованными этими учреждениями в различных сборниках. Автор использовал также материалы, введенные в научный оборот исследователями, изучавшими рассматриваемую тему до выхода в свет его монографии. Проведенный систематизированный анализ фондов путем сплошного исследования, изучение фактического материала в опубликованных изданиях, позволило автору перейти на качественно новый, более высокий уровень исследования темы, создать фундаментальный научный труд, в котором развернуто представлена история уральской горнозаводской промышленности в системе противоречивого взаимодействия властей, предпринимателей и наемных рабочих региона.

В монографии доказано, что при функционировании в составе единого производственного организма, взаимодействии и сотрудничестве властей, предпринимателей и рабочих, периоды социального согласия сопровождались «неурядицами», «недоразумениями», конфликтами. Происходило нарастание экономических, социальных, политических и культурных противоречий, приведших к революциям 1905–1907 и 1917 г. в России. Автор на основе многочисленных аргументов убедительно утверждает, что к началу XX в. классовая борьба на Урале достигла большого накала, и опровергает предвзятые и плохо обоснованные заявления эмигрантской и либеральной историографии о случайности революций.

Делаются выводы, что в дореволюционный период при возникновении социальных конфликтов предприниматели обычно проявляли неуступчивость, бескомпромиссность, нежелание поступиться доходами. Попытки властей регулировать взаимоотношения конфликтующих, сохранять социальное спокойствие были нерешительными, исходили из стремления не ущемлять интересы предпринимателей. Правительство и власти, надеясь на прочность существовавшего режима и всемогущество административного аппарата, апатично реагировали на сообщения о росте недовольства в народных массах, неуклонно проводили политику, направленную на сохранение «незыблемости» царского самодержавия, сохранение существовавшего общественно-политического строя, на подавление протестных движений с помощью карательных органов и военной силы.

В результате, как показывает все содержание рецензируемой монографии, в исследуемый период на Урале отчетливо проявлялась тенденция постоянного ухудшения материального положения рабочих при неизменном нарушении их политических прав. В единый клубок переплетались как объективные (экономический кризис, голод, рост цен на хлеб и т.п.), так и субъективные (правительственные законы и распоряжения, финансовые затруднения владельцев, иногда – просто их алчность, жадность, грубость и бессердечие администраторов) факторы, крайне негативно влиявшие на жизнедеятельность уральского пролетариата. Это неминуемо вызывало протестные выступления (от подачи прошений, жалоб до стачек, волнений, террористических актов против представителей администрации) рабочих, консолидировало их экономическую и политическую борьбу.

По мнению автора, такая политика власти и заводчиков по отношению к рабочим была близорукой и недалёковидной. Она породила социальный конфликт между меньшинством сверхбогатых и абсолютным большинством бедных, объективно усиливая революционность рабочего класса. Именно поэтому предотвращение назревавшего социального взрыва с целью сохранения существовавшего общественно-политического строя оказалось для царского правительства неразрешимой задачей [1, С. 436].

Соглашаясь с автором по большинству высказанных им положений и выводов, тем не менее, отметим, что и он, при всей справедливости критики либеральных воззрений, не смог в полной мере абстрагироваться от господствующих ныне в общественном сознании трактовок взаимоотношений между трудом и капиталом. При явно марксистском уклоне основных рассуждений, Д.В.Гаврилов, тем не менее, утверждает, что в условиях рыночных отношений успешное социально-экономическое развитие Уральского региона было бы возможно при слаженном, согласованном взаимодействии трех основных движущих сил социального прогресса – властей, заводчиков и рабочих. По мнению ученого, «социальное согласие» можно достигнуть на базе надежного сотрудничества между этими акторами при готовности сторон к компромиссу и установлению классового мира [1, С. 431, 432].

К сожалению, такой компромисс оказался невозможным в конце XIX – начале XX вв., что аргументировано доказано самим автором рецензируемой монографии. Вряд ли он возможен и сейчас, так как отпущенный на волю современный капитализм, развивая промышленность, торговлю, аграрный сектор, как и его предшественник столетней давности, несет в себе все черты хищника, пытающегося увеличивать свои прибыли. Это стремление, объективно заложенное в капитализм на генетическом уровне, уже привело к серьезными потерями в области социальных гарантий, к небывалой и несправедливой имущественной дифференциации общества [3, С. 58]. Поэтому «социальное согласие» остается, на наш взгляд, красивой, но несбыточной мечтой.

И все же, несмотря на высказанные сомнения по поводу возможности «классового мира», опубликованное Д.В.Гавриловым исследование представляет собой уникальное явление. На сегодняшний день оно не имеет аналогов в современной российской и мировой историографии, где практически отсутствуют комплексные фундаментальные труды по истории социальных взаимоотношений властей, предпринимателей и рабочих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия к конфронтации / Д.В.Гаврилов. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 464 с., ил.
2. Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России / А.К.Соколов // Отечественная история. 2003. №4. – С. 135–136.
3. Сперанский А.В. Русский путь к единению: от революции к контрреволюции / А.В.Сперанский // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). – С. 52–60.

**РАЗДЕЛ V.
ПОСЛЕДНИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Д.В.ГАВРИЛОВА
(2016–2020 ГГ.)**

**ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В ВОДОВОРОТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ⁵⁸**

Социальные революции и государственные перевороты XVII–XXI веков явились важнейшими этапами в общественном развитии, представляли резкий переход к иным политическим укладам, создавали новую идеологическую ситуацию, сопровождались ожесточенной классово-борьбой, что неминуемо сказывалось на судьбе атрибутов старой эпохи, ее памятников истории и культуры.

Особенно ярко это проявлялось при смене политических режимов, когда у пришедшей к власти группировки, особенно, если она оказывалась во главе государства нелегитимным путем – в результате военного переворота, восстания, революции – появлялось стремление навязать обществу свое видение истории. Чтобы укрепить, особенно на первых порах, свое шаткое положение, возникал соблазн прибегнуть, не считаясь с объективной реальностью и историческими фактами, к «очернению» как прежнего политического строя, так и его руководителей. Первый изображался консервативным, реакционным и репрессивным, а вторые – людьми тупыми, неспособными и жестокими. Одновременно всячески рекламировался и приукрашивался свой политический режим – гуманный и несущий народным массам всевозможные блага, а сами политики представляли исключительно прогрессивными и озабоченными судьбами страны.

Во время Английской революции XVII века, после свержения короля Карла I Стюарта, его публичного обезглавливания на площади перед королевским дворцом 30 января 1649 года как «изменника и тирана», и правления протектора Оливера Кромвеля, шло массовое уничтожение знаков королевской власти. После «славной революции» 1688 года и реставрации власти Стюартов труп Кромвеля, объявленного «злодеем» и «цареубийцей», был извлечен из могилы, лишен головы и повешен, а по всей стране развернулось истребление атрибутов республиканской власти и погром пуританских церквей [1].

---

⁵⁸ Статья впервые опубликована в: Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции 4–6 апреля 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 42–44.

В период Французской революции 1789–1794 годов пришедшие к власти под лозунгами «свободы, равенства и братства» представители третьего сословия развязали жесточайший террор и преследование своих политических противников. Это сопровождалось ниспровержением всех прежних авторитетов: королевской власти, религии, церкви. Сразу же после взятия Бастилии повсюду начался разгром феодальных замков и дворцов аристократов, домов ненавистных чиновников, ратуш и контор по сбору налогов, сожжение архивов, закрытие храмов всех религий. Были снесены и разрушены памятники королям, а сами их кости выброшены из склепов и гробниц, упразднены гербы, титулы, ордена. Чтобы ничто не напоминало времена королевского «деспотизма и произвола», улицы, площади, бульвары, сады получили новые революционные названия. Взамен статуй королей на площадях устанавливались фонтаны, пирамиды, статуи Свободы, Нации и другие эмблемы революции. Учреждались новые революционные праздники – Гения, Труда и т.п., были введены «революционный календарь» с новыми названиями всех месяцев и дней недели, а также новая система мер и веса [2].

После Февральской революции 1917 года в России, отречения императора Николая II и его ареста Временным правительством тоже началось ниспровержение всех старых истин и авторитетов. В этот «период свобод» было провозглашено всеобщее равенство, в армии отменено чиновничество и введена выборность командиров, что привело к ее быстрому разложению, проведена амнистия заключенным, вызвавшая взлет преступности, а в деревнях развернулся массовый погром барских усадеб. Создав «Лигу борьбы со стыдом», ошалевшие от безбрежных свобод радикальные интеллигенты – мужчины и женщины – раздевшись донага, разъезжали в Петербурге, Москве и ряде крупных городов на грузовиках с лозунгами по борту: «Царя нет, бога нет, стыда нет» и проводили свои митинги. Повсюду шло снятие царских гербов, эмблем, монументов. В Екатеринбурге в мае 1917 года солдаты и матросы разбили стоявшие на плотине городского пруда бюсты Петра I и Екатерины I, сбросили с пьедестала и отправили на переплавку памятник Александру II, возведенный на Кафедральной площади (ныне – «Площадь 1905 года») [3].

Радикальными переменами и всеобщим низвержением старых фетишей и кумиров сопровождалась Октябрьская революция 1917 года, проходившая под аккомпанемент знаменитого рефрена пролетарского гимна: «Мы весь, мы старый мир разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Осенью 1917 – в начале 1918 года еще с большим размахом пылали барские усадьбы, в городах шла «экспроприация экспроприаторов».

В.И. Ленин выдвинул план монументальной пропаганды, во исполнение которого СНК 12 апреля 1918 года издал декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». В 1918–1919 годах были сняты и уничтожены многие памятники царям и деятелям дореволюционного времени в столицах и в провинции. Правда, до вы-

брасывания царских костей из гробниц, как это было во Франции во время революции конца XVIII века, в России дело не дошло. Великокняжеские и царские захоронения в Архангельском соборе Московского Кремля и императорские захоронения в соборе Петра и Павла в Петропавловской крепости в Петербурге сохранились нетронутыми.

В Петрограде в 1918 году были сняты и уничтожены памятники Петру I у западного павильона Адмиралтейства («Царь-плотник») и великому князю Николаю Николаевичу на Манежной площади. В 1937 году находившийся на площади Восстания перед Московским вокзалом памятник Александру III был снят с пьедестала и перевезен во двор Русского музея.

Гораздо больше пострадали исторические памятники Москвы. Там в 1918 году были снесены монументальный памятник Александру II в Кремле, стоявший в середине галереи с колоннами, увенчанной тремя шатрами с гербами и двухглавым орлом; памятник Александру III с монументальными двухглавыми орлами по углам постамента, находившийся на террасе храма Христа Спасителя; памятник генералу М.Д.Скобелеву на Тверской площади. В 1928–1932 годах в Кремле были снесены Чудов и Вознесенский монастыри, Николаевский дворец. 5 декабря 1931 года взорван Храм Христа Спасителя. Как мешавшие уличному движению в 1931 году снесены Иверские ворота, в 1934 году разобрана Сухарева башня, в 1936 году уничтожен Собор во имя Казанской иконы Божьей матери. В Екатеринбурге в 1930 году были разрушены Кафедральный и Екатерининский соборы [4].

Позднее отношение к дореволюционной истории и досоветским памятникам стало меняться в сторону большей объективности. В Ленинграде были сохранены нетронутыми памятники Петру I («Медный всадник» на площади Декабристов, «Прадеду – от правнука» у Михайловского дворца), Николаю I на Исаакиевской площади, Екатерине II на Театральной площади и другие. Однако негативные подходы в оценке царей и отдельных государственных личностей, особенно последнего и предпоследнего российских императоров – Александра III и Николая II, сохранялись в СССР до последнего времени.

В период нахождения у власти Н.С.Хрущева для очернения предыдущего правления была организована массированная критика «культ личности» и осуществлен снос по всей стране тысяч памятников И.В.Сталину. Одновременно стал создаваться культ «дорогого Никиты Сергеевича». Борьба с «культом личности Сталина» и памятниками ему усилила противоречия в советском обществе и ухудшила отношения с рядом братских коммунистических партий. Умнее поступили китайцы, которые вычислили (неизвестно каким методом), что вождь Китайской коммунистической партии и основатель Китайской народной республики, ее первый Председатель Мао Цзе-дун на 70–80% поступал правильно, а на 20–30% допускал ошибки, действовал неверно. Это дало возможность им сохранить авторитет основоположника своего государства (огромный портрет Мао Цзе-дуна висит в Пекине на площади Тяньаньмэнь) и открыло путь к изучению его недостатков и ошибок.

Не избежали соблазна ниспровергнуть прежние авторитеты, стереть память о советском времени и наши радикал-демократы, пришедшие к власти под горбачевскую болтовню о «перестройке» и в результате государственных переворотов 1991 и 1993 годов. Под видом «гласности», раскрытия «правды» и ликвидации «белых пятен» в истории, «отказа от классового подхода», установления «приоритета общечеловеческих ценностей», «возвращения в мировую цивилизацию» они принялись за очернение государственных и партийных деятелей советского периода и пересмотр всей российской истории, сводя ее к политизированной социологии.

Начались «разоблачения» деятельности В.И.Ленина, раздались призывы (кстати сказать, от времени до времени продолжающие звучать и теперь) о «захоронении Ленина», выносе его тела из мавзолея. По всей стране развернулось массовое снятие памятников советским государственным и партийным деятелям. В Москве одним из первых был снесен наэлектризованной пьяной толпой великолепный памятник Ф.Э.Дзержинскому, скульптора Е.В.Вучетича, украшавший Лубянскую площадь.

Мэр Москвы Ю.М.Лужков пообещал «искоренить коммунизм» в Москве и организовал сплошное переименование столичных площадей, улиц и переулков под предлогом возвращения им исторических названий, чтобы ничто в столице не напоминало о советском времени. В Екатеринбурге местным властям, проявившим мужество и стойкость, удалось сохранить на улице В.И.Ленина памятник Я.М.Свердлову, долгие годы служивший эмблемой города, который хотели снести невесть откуда появившиеся лихие казаки.

Подобные процессы шли и в бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами. В Прибалтике сносились памятники не только советским государственным и партийным деятелям, но и советским воинам и военачальникам, освобождавшим ее от фашистских оккупантов. В Казахстане снесли памятник Ермаку, «завоевателю» земель, теперь отошедших к их республике. В Средней Азии уничтожены памятники российским генералам и путешественникам, ее «покорителям».

Идет «обеление» белого движения, уже воздвигнуты памятники белогвардейским генералам А.В.Колчаку и А.И.Деникину (представленным «белыми и пушистыми» – благородными и милосердными). Находятся поклонники у явных предателей и коллаборационистов, внезапно объявленных «борцами против сталинизма». «Земляки» хлопчут о создании музея и сооружении памятника генералу А.А.Власову, повешенному по решению советского суда в 1946 году вместе со своими поделниками за измену Родине.

Наверное, все попавшие в историю личности заслуживают памяти потомков, но при этом следовало бы сообщать, чем они прославились, знать совершенные ими дела. Можно указать на пример китайцев. В городе Ханчжоу в огромной пагоде находятся могила и памятник национальному герою и патриоту Юэ Фею, военачальнику XII века, успешно боровшемуся против монголов. Он был оклеветан придворным Цинь

Гуем, подкупленным монголами, в 1141 году схвачен и тайно предан казни, после чего монголы захватили Китай. Китайцы ревностно хранят память о Юэ Фее, не забывая и предателя. Недалеко от могилы героя стоят на коленях Цинь Гуй с женой и просят прощения. Посетители, проходя мимо, плюют на них, бросают землей, мажут грязью. Правда, сейчас там в целях гигиены вывешена табличка: «Просим не плевать!» [5].

Антисоветизм, антикоммунизм, антипатриотизм, оголтелое охаивание деятелей советской эпохи вызвали и вызывают глухое сопротивление нашего общества, открытое непринятие очернительства. Недавно проведенное телешоу «Имя России» выявило высокий рейтинг в обществе российских и советских патриотических государственных деятелей, несмотря на ведущуюся многие годы средствами массовой информации массивную кампанию по их дискредитации. Не вызвало общественного восторга недавнее открытие в Екатеринбурге помпезного и дорогостоящего «Ельцин-центра» (на его создание израсходовано 7–9 млрд рублей), непомерно восхваляющего Б.Н.Ельцина и ельцинизм, отношение к которым у нас сейчас весьма неоднозначно.

На Украине, где идет настоящая гражданская война, недавно киевской Радой принят «закон о декоммунизации», по которому органам местного самоуправления предписано в короткий срок провести «общественные слушания» по переименованию и сносу всего, что содержит «пропаганду» и «символику коммунистического тоталитарного режима». По всей Украине, подвластной Киеву, идет энергичный снос памятников В.И.Ленину и деятелям советского времени. Ранее во всех украинских городах и даже селах были поставлены памятники «украинскому голодомору 1932–1933 годов», когда, по уверениям украинских политиков и историков, «москалями было уморено голодом» не то восемь, не то 16 млн украинцев (то есть $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ всех жителей «незалежной»), за гибель которых они надеялись получить с Российской Федерации денежную компенсацию.

Революции (в том числе и «цветные») и государственные перевороты сметают с лица земли в массовых масштабах памятники истории и культуры. Множество их гибнет по некомпетентности, недомыслию, безразличию, пренебрежению к эстетике представителей государственных структур и общественных движений. Огромную потерю памятникам истории и культуры принесли и приносят войны. Достаточно вспомнить разрушенные до основания в годы Второй мировой войны Ковентри, Дрезден, Хиросиму, разгромленные гитлеровскими захватчиками советские города и культурные центры. Сейчас в Афганистане талибы уничтожили памятники древней культуры двухтысячелетней давности, в Сирии приверженцы «Исламского государства» разрушают постройки древней Пальмиры.

Памятники истории и культуры не только служат воспитанию и просвещению масс, но и являются для различных государственных и общественных структур средством идеологического воздействия на народные массы в нужном для них направлении. Поэтому историки должны бороться за сохранение памятников, развенчивать псевдоисторические

затеи и манипуляции с ними, добиваться того, чтобы они объективно отражали исторические факты и события, опирались на научные, методологически грамотные основы, давали глубокое, цивилизованное, компаративное видение мировых исторических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Английская буржуазная революция XVII века. Т. 1–2. М., 1954; Барг М.А. Кромвель и его время. М., 1950.
2. Французская буржуазная революция. 1789–1894 / Под ред. акад. В.П.Волгина и Е.В.Тарле. М.;Л. 1941. С. 63–64, 119, 412–413, 552, 665, 685–686.
3. Екатеринбург: Исторические очерки (1723–1998 гг.). Екатеринбург. 1998. С. 152.
4. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М. 1992. С. 53, 385, 386; Москва: Энциклопедия. М. 1997. С. 58, 59, 875; Москва на старинных открытках. М. 1992. С. 18, 26, 45, 51.
5. Китайская народная республика в 1950-е годы. М., 2009. Т. 1. С. 27–28, 39, 88, 117, 154, 185.

РОЛЬ УРАЛА В СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РАДИОЭКОЛОГИИ⁵⁹

ФОРМИРОВАНИЕ УРАЛЬСКОГО АТОМНОГО КОМПЛЕКСА

Урал – «опорный край державы», «кузница оружия» в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период стал районом размещения объектов атомной промышленности, превратился в мощный арсенал ядерного оружия. Овладение советскими учеными и промышленными предприятиями способами использования энергии, выделяющейся при цепных реакциях деления тяжелых ядер изотопов урана и плутония, при термоядерных реакциях синтеза легких ядер изотопов водорода, позволили создать на Урале разветвленный комплекс по производству ядерного оружия большой разрушительной силы.

Агрессивная политика США, открыто заявившая свои претензии на мировое господство, провозглашение США и их союзниками политики «отбрасывания коммунизма» (март 1946 г. – речь У.Черчилля в Фултоне, март 1947 г. – «доктрина Г.Трумэна»), американские планы массивированной атомной бомбардировки городов и военных объектов СССР («Тоталити» («Тотальный») – конец 1945 г., «Пинчер» («Клещи») – 1946 г., «Сиззл» («Испепеляющий удар») – 1948 г., «Дробшот» («Моментальный удар») – 1949 г., предполагавший бомбардировку 300 атомными бомбами 200 советских городов, «Шейкдаун» («Встряска») – 1950 г. и др.) заставили советское руководство для укрепления обороны страны ускоренными темпами создавать свою атомную промышленность и свою атомную бомбу [1–3].

Советскими учеными еще в 1920-х гг. активно велось изучение радиоактивных материалов. Великий русский ученый В.И.Вернадский, в 1922 г. основавший Радиевый институт, в 1926 г. выявил огромную энергию, заключенную в атомном ядре, и предупредил мир о возможности использования атомной энергии в военных целях, об опасности

⁵⁹ Статья впервые опубликована: Глобальная ядерная безопасность. 2017. № 3 (24). С. 119–130.

создания атомного оружия, об огромной ответственности ученых перед обществом, предостерег человечество об опасности самоистребления [4].

В 1930-х гг. учеными в ряде стран, в том числе в СССР, удалось осуществить экспериментальное расщепление атомного ядра. Внезапное исчезновение в 1938 г. в западной печати публикаций по атомной проблематике, нелегальные известия о развитии в Англии, США и Германии ядерных работ встревожили советских ученых. 12 июня 1939 г. В.И.Вернадский, В.Г.Хлопин, А.Е.Ферсман обратились с письмом в Президиум АН и Совнарком СССР о необходимости организации работ по урану и важности срочного использования урановых руд для получения урана-235. 30 июля 1939 г. была создана Урановая комиссия из 14 видных ученых, в которую вошли В.Г.Хлопин, В.И.Вернадский, А.Ф.Иоффе, И.В.Курчатов, С.И.Вавилов, П.Л.Капица, Ю.Б.Харитон и др. [5].

Испытание в США 16 июля 1945 г. в Аламогордо атомной бомбы, атомные бомбардировки американцами 6 и 9 августа 1945 г. японских городов Хиросима и Нагасаки форсировали в СССР работы по «Атомному проекту». 20 августа 1945 г. постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) был создан наделенный очень широкими полномочиями Специальный Комитет, на который было возложено руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии было организовано Первое главное управление при СНК СССР. Решениями Спецкомитета от 26 октября 1945 г. и постановлением СНК СССР от 1 декабря 1945 г. были определены места для строительства атомных объектов на Урале [6].

В 1946–1950 гг. на Урале бурными темпами развернулось строительство предприятий, обеспечивших крупномасштабное производство делящихся материалов – плутония-239 и урана-235, выпускавших измерительные приборы и устройства автоматики для атомной промышленности. В 1948 г. был пущен комбинат «Маяк» (Челябинск-40), сооруженные на нем первые отечественные ядерные реакторы стали выделять из массы урана и радионуклидов деления плутоний-239, из которого изготовлена первая советская атомная бомба, испытанная 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне в Казахстане. Базовые физические и технологические разработки проблемы осуществляли академики И.В.Курчатов, В.Г.Хлопин, А.А.Бочвар, А.Н.Вольский, А.П.Виноградов, А.П.Александров и др. С 1948 г. начал работать комбинат «Электрохимприбор» (Свердловск-45), занятый производством ядерных боеприпасов, научное руководство осуществлял академик Л.А.Арцимович. В 1949 г. дал первую продукцию Уральский электрохимический комбинат (Свердловск-44), осуществивший выделение из высокообогащенного урана путем газодиффузионного разделения оружейного урана-235. Позднее газодиффузионирование было вытеснено более эффективным и более производительным центрифугированием. Научное руководство осуществлял академик И.К.Кикоин. В 1955 г. пу-

щен Приборостроительный завод (Златоуст-36), специализировавшийся на серийном производстве ядерных боеприпасов.

В 1949–1953 гг. была освоена технология термоядерной бомбы, ее первое испытание проведено 12 августа 1953 г. В 1955 г. создан Всесоюзный научно-исследовательский институт технической физики, ныне – Российский федеральный ядерный центр (Челябинск-70), занимающийся исследованием проблем атомной промышленности и созданием образцов ядерного оружия. Его научными руководителями были член-корреспондент АН СССР К.И.Щёлкин, академики РАН Е.И.Забабахин, Е.Н.Аврорин, с 2007 г. – Г.Н.Рыкованов. На Урале появились закрытые города Снежинск, Озерск, Новоуральск, Лесной, Трехгорный, Заречный [7–13].

Успешное овладение ядерной энергией и создание атомной бомбы в стране, только что понесшей в войне огромные людские и материальные потери, восстановление разрушенного войной народного хозяйства показали огромные возможности советской мобилизационной экономики, позволило, благодаря оперативной системе управления и концентрации ресурсов всей страны, в короткий срок ликвидировать атомную монополию США [14].

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОСВОЕНИЮ

Высокая концентрация на Урале предприятий ядерного цикла, энергетических и исследовательских реакторов, источников ионизирующих излучений, газоаэрозольные выбросы в атмосферу радионуклидов, сброс в водоемы радиоактивных вод, накопление потенциально опасных высокоактивного плутония и отвалного гексафторида урана в непригодных хранилищах привели к радиоактивному загрязнению окружающей среды. Производственный персонал ядерных объектов в первые годы их эксплуатации, вследствие конструктивных недостатков, неотработанности технологий, недостаточного внимания к условиям труда постоянно получал дозы радиоактивного облучения, превышавшие допустимый уровень [15–17].

Опасность радиационного облучения часто игнорировалась, на случавшиеся поломки, неполадки оборудования, нарушения технологических регламентов не обращалось должного внимания, среди обслуживавшего персонала, включая руководителей, преобладали благодушие и самоуспокоенность. Сведения о радиационной обстановке на ядерных производствах и облучении работников превышавшими допустимый уровень дозами были секретными и от общественности тщательно скрывались. По проблемам радиационной безопасности публиковались только технические справочники, в работах о «мирном атоме» пропагандировалась идея о его полной безопасности [18–20].

Овладение ядерными технологиями потребовало решения многих новых не только теоретических, технических, экономических, производственных, но и биологических и медицинских вопросов. Учитывая опасность атомных производств для здоровья людей, в 1946 г. для изучения медико-биологических проблем в атомной промышленности был создан Институт биофизики Министерства здравоохранения

СССР. В биофизической лаборатории Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева, по поручению И.В.Курчатова, в конце 1940 – начале 1950 гг. под руководством В.М.Клечковского были предприняты исследования закономерностей распространения радионуклидов в природных средах и влияния ионизирующих излучений на растения и животных [21].

На комбинате «Маяк», на озере Сунгуль, недалеко от Каслей, для изучения радиоэкологической ситуации в 1947 г. была создана лаборатория НКВД «Б». Ей было поручено исследование последствий радиоактивного загрязнения биосферы, биологической очистки сточных вод, воздействия радиации на живые организмы, способов защиты от поражающего действия радиоактивных веществ. В лаборатории работали заключенные специалисты, в том числе профессор С.А.Вознесенский; биолог и генетик Н.В.Тимофеев-Ресовский, находившийся с 1927 по 1945 г. в Германии, «невозвращенец», директор Кайзер Вильгельм Института биофизики и генетики в Берлин-Бухе, в 1945 г. депортированный в СССР и приговоренный за измену родине к 10 годам лишения свободы, в 1955 г. амнистированный; вывезенные из Германии немецкие биофизики, радиобиологи, радиохимики, медики – К.Циммер, Г.Бор, А.Кач, В.Менке, Н.Риль и др. В лаборатории С.А.Вознесенского проводились исследования по переработке радиоактивных отходов в нейтральные вещества, выведению радиоизлучателей из живых организмов. Под руководством Н.В.Тимофеева-Ресовского изучалось поведение радиоактивных веществ в различных условиях биосферы, влияние ионизирующих излучений на организмы в биоценозах [22].

В 1953–1954 гг. на комбинате «Маяк» был создан Филиал № 1 Института биофизики Минздрава СССР. Главным направлением его исследований стало совершенствование диагностики и лечения лучевых заболеваний, разработка методов прогноза и профилактики воздействия радиации на организм человека, радиационной гигиены труда, радиационной безопасности [23–24]. В 1955 г. лаборатория «Б» была расформирована, радиобиологи переведены в Уральский филиал АН СССР (УФАН СССР), часть их обосновалась на биостанции, организованной на берегу озера Большое Миассово в Ильменском заповеднике Челябинской области. Ее возглавил В.Н.Тимофеев-Ресовский, обладавший широким научным кругозором, но не имевший никаких ученых степеней и званий и диплома о высшем образовании. На биостанцию летом приезжали сотрудники из разных научных учреждений и студенты вузов, проводились дискуссии и творческие семинары. Эксперименты сотрудников биостанции позволили накопить значительный научный материал по биогеоценологии, радиобиологии и радиоэкологии [25].

ЗАГРЯЗНЕНИЕ БАССЕЙНА РЕКИ ТЕЧИ, ВЗРЫВ В 1957 г. НА ПО «МАЯК»

Первые ядерные объекты на Урале строились ускоренными темпами, в чрезвычайной спешке, когда требовалось как можно скорее со-

здать атомное оружие, сложные и опасные для здоровья людей технологические процессы вводились при отсутствии производственного опыта и необходимых знаний, осваивались на ходу, при игнорировании мер радиационной безопасности.

На комбинате «Маяк» (Челябинк-40) в первые годы его деятельности (1949–1951) жидкие радиоактивные отходы сбрасывались в реку Течу, далее шли по рекам Исеть – Тобол – Иртыш – Обь вплоть до Северного Ледовитого океана, что привело к радиационному загрязнению воды, донных отложений, почв и растительности всей речной системы. За период 1949–1952 гг. в гидросистему Теча – Исеть – Тобол было сброшено 76 млн м³ сточных вод суммарной активностью около 2,75 млн Ки. Из-за режима секретности населению не сообщалось об опасности для здоровья пользоваться радиоактивной водой, оно продолжало использовать ее для хозяйственно-бытовых нужд [26–27, 16, с. 29–38].

В начале 1950-х гг., когда стала очевидной опасность продолжения сброса радиоактивных вод в реку Течу, руководством комбината стали приниматься меры для снижения уровня радиоактивных отходов, по очистке сбросовых радиоактивных вод. Этими проблемами занимались И.В.Курчатов, А.П.Александров, Е.П.Славский, Б.Г.Музруков, дозиметрические службы комбината, лаборатория «Б», Научно-технический Совет Министерства среднего машиностроения, Технический Совет Первого главного управления, Институты АН СССР: биофизики, прикладной геофизики, радиевый, физической химии, общей и неорганической химии и др. Несмотря на привлечение значительных научных сил, создать удовлетворительную технологию переработки радиоактивных отходов тогда не удалось [6, Кн. 1. с. 350; 2002. Кн. 4. с. 619, с. 622, с. 670–671; 2005. Кн. 5. с. 231–233].

Сброс радиоактивных вод в Течу был прекращен, сооружена система гидротехнических сооружений – плотин, дамб, прудов-отстойников, призванных предупредить выход радиоактивных отходов в озеро Кызыл-Таш и реку Теча. Населению было запрещено использовать из нее воду, прибрежная полоса ограждена проволочными заграждениями. Высокоактивные радиационные стоки стали сливать в превращенное в естественный отстойник озеро Карачай, не имевшее выхода в близлежащие водоемы [18, с. 30–33].

29 сентября 1957 г. на комбинате «Маяк» из-за неправильной организации охлаждения емкостей, резкого разогрева нитратно-ацетатного осадка в хранилище произошел взрыв смеси нитратных и ацетатных солей. Взорвалась банка № 14 – цилиндр из нержавеющей стали в бетонном каньоне диаметром 9 и глубиной 7,4 м, содержащий 70–80 т радиационных веществ. Бетонная плита весом в 160 т, перекрывавшая каньон, взрывом была сорвана и отброшена на 25 м, разрушена кирпичная стена дома, находившегося в 200 м, выбиты стекла в зданиях на расстоянии 1,8–2–2,7 км.

Взрыв поднял в атмосферу около 2 млн Ки радиоактивных веществ, радиоактивное облако из жидких и твердых аэрозолей, образовавшееся на высоте в 1–2 км, под действием ветра двинулось на северо-восток, рассеивая в окружающую среду радионуклиды, и через 10–11 часов ис-

сякло близ г. Тюмени. Радионуклидами была загрязнена территория в форме эллипса длиной в 345 км при ширине 30–50 км общей площадью 23 тыс. км², получившая название Восточно-Уральский радиоактивный след [28, 29].

Сведения о взрыве на комбинате «Маяк» официальными властями тщательно скрывались и даже после опубликования в 1976 г. эмигрировавшим на Запад диссидентом Жоресом Медведевым сенсационного сообщения о взрыве близ г. Кыштыма в английской газете «Нью-Сайентист» и издания им в США в 1979 г. книги «Ядерная катастрофа на Урале», написанных без знания достоверных данных о взрыве, на основании слухов и устных рассказов сотрудников Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в биологической лаборатории, в которой он работал до отъезда за границу, и встреченных там с недоверием, в СССР это событие находилось под покровом тайны и долго оставалось неизвестным для советской общественности и прессы [30].

Авария 1957 г. («Кыштымская катастрофа») нанесла огромный материальный ущерб. На загрязненной территории находились 392 населенных пункта, проживали 335 тыс. чел., которые подверглись повышенному радиационному воздействию. В зоне загрязнения 63% составляли земли сельскохозяйственного назначения (пашни, пастбища и т.п.), 20% – леса. Из хозяйственного оборота было выведено 106 тыс. га земель в Челябинской, Свердловской и Тюменской областях. Наиболее мощные дозы излучения находились в районе взрыва и по оси радиационного следа.

Для ликвидации последствий аварии были мобилизованы большие силы, техника – пожарные и поливочные машины, бульдозеры, автогрейдеры и т.п. Проводилась тотальная дезактивизация. На территории комбината поверхности, стены, перекрытия, крыши отмывались, здания разрушались или сжигались, оборудование и машины обрабатывались или закапывались в землю, в наиболее загрязненных местах снимался слой почвы в 20 см и отвозился в ямы-могильники или такие участки засыпались слоем земли толщиной от 0,5 до 2 м, зараженные одежда, обувь, домашние вещи, деньги, документы, накладные, маршрутные листы водителей сжигались. Из мест наибольшего загрязнения были переселены 10,2 тыс. чел., эвакуированные проходили санитарную обработку, из населенных пунктов ничего не вывозилось, постройки сжигались, домашние животные уничтожались и хоронились в специальных могильниках [32–34, 16, с. 64–75].

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ РАДИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выяснение причин радиационной катастрофы 1957 г. и ликвидация ее последствий потребовали развертывания крупных научных исследований в области радиозоологии, радиационной медицины, генетики, для оказания квалифицированной медицинской помощи пострадавшему от радиации населению, выявления и лечения больных лучевой болезнью.

При Центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ) комбината были созданы лаборатории внешней дозиметрии, группы дезактивизации

оборудования, поверхностей, спецодежды, дозиметрии ионизирующих излучений. В мае 1958 г. в 15 км от Челябинска-40 была создана Опытная научно-исследовательская станция (ОНИС), которая сыграла важную роль в изучении последствий ядерной аварии 1957 г. и выработке рекомендаций по восстановлению и организации сельского хозяйства на загрязненных территориях. Станция сосредоточила внимание на исследовании закономерностей накопления радиоактивных веществ в сельскохозяйственных продуктах, поиске агротехнических приемов снижения уровня их накопления, разработке агротехнических и зоотехнических рекомендаций по использованию загрязненных земель, изучении генетических последствий повышенного фона радиации на растения и животных. Рекомендации станции о подборе зерновых культур, кормов для животных, сочетания глубокой вспашки с внесением минеральных удобрений открывали путь для восстановления сельскохозяйственного производства на загрязненных землях [21, 35–36].

В августе 1958 г. в Челябинске был организован филиал Ленинградского НИИ радиационной гигиены, в октябре 1962 г. преобразованный в Филиал № 4 Института биофизики АН СССР (ФИБ-4). Его главной функцией стала оценка медицинских последствий облучения населения и разработка методов лечения облученных больных. Исследовались миграция изотопов в биологических цепочках, пути их поступления в организмы, влияние внутреннего облучения на людей и животных, разрабатывались рекомендации для безопасного проживания на слабо зараженных территориях [23].

Важный вклад в развитие радиационной медицины внес Медикосанитарный отдел комбината (МСО-71). Его сотрудники не только исполняли клинические обязанности, выявляли и лечили профзаболевания, контролировали соблюдение санитарных норм и правил охраны здоровья, но и вели исследования по биохимии костных тканей и крови, легких и печени, лучевых поражений наследственных структур, профилактического и лечебного значения ДНК при лучевых воздействиях [24].

Комплексные мероприятия по реабилитации загрязненных территорий, снижение уровня радиации вследствие радиоактивного распада короткоживущих радионуклидов, проникновение радиоактивных изотопов в растительность и почву, позволили снизить радиационный фон и добиться в зоне загрязнения достаточно благополучной стабильной радиационной обстановки.

Радиационная обстановка на Урале в настоящее время очень сложная. Помимо радиационного заражения значительных территорий предприятиями атомного комплекса, район подвергся радиационному воздействию ряда других бедствий. 14 сентября 1954 г. на Тоцком полигоне в Оренбургской области были проведены войсковые учения с участием 45 тыс. военнослужащих, произведен взрыв атомной бомбы силой в 40 килотонн, образовавший радиоактивный след длиной в 210 км [37]. В 1960–1980 гг. на Урале было проведено 38 подземных атомных взрывов, из них 5 с выбросом на поверхность: 16 – в Осинском и Красновишерском районах Пермской области для увеличения добычи

нефти, 2 – в Чердынском районе Пермской области для создания ложа планируемого канала Печора – Кама, 16 – в Оренбургской области для создания подземных газохранилищ, 4 – в Башкортостане для повышения нефтеотдачи пластов [38].

28 апреля 1986 г. через южную часть Пермской и Свердловской областей по оси Ачит – Первоуральск – северная часть г. Екатеринбурга – Верхняя Пышма – Сухой Лог прошел Восточно-Чернобыльский радиоактивный след, создавший в местах наибольшего выпадения радионуклидов несколько радиационных аномалий. Систематического радиоэкологического наблюдения требует район Белоярской атомной электростанции, расположенной в 40 км восточнее г. Екатеринбурга – ее окрестности, Белоярское водохранилище и Ольховское болото. Радиоэкологическую опасность представляют места захоронения радиоактивных отходов, производства и хранения ядерных боеприпасов, переработки ядерного горючего, добычи и первоначальной переработки урана и тория [39, 16, с. 5, с. 39–42, с. 75–77].

Советская атомная промышленность и атомное оружие создавались в условиях строжайшей секретности, которая сейчас может показаться излишней, но в период «холодной войны» была абсолютно необходимой. Предприятия атомного цикла, обслуживающий персонал находились в закрытых зонах, без права выхода за их пределы, без права переписки, их местонахождение, применяемые технологии, производимая продукция и т.п. были секретными [40–41]. До середины 1980-х гг. в советской печати отсутствовали публикации о предприятиях атомной промышленности и экологической ситуации на территории их деятельности.

Во второй половине 1980-х гг., в период «перестройки» и «гласности», и в начале 1990-х гг., при смене в стране общественно-политического строя, ослаблении «холодной войны», подписании в 1991 и 1994 гг. соглашений между США и Россией о сокращении стратегических вооружений, установлении с США научно-технического сотрудничества, заключении 14 января 1994 г. долгосрочного контракта с американской компанией USEC о крупномасштабной продаже США российского низкообогащенного урана, выработанного из высокообогащенного оружейного урана, – предприятия ядерного комплекса были рассекречены, проблемы ядерной промышленности получили справедливое место в средствах массовой информации и литературе. Рассекречивание материалов об атомной промышленности способствовало резкому расширению и углублению исследований по проблемам радиоэкологии.

ПРЕВРАЩЕНИЕ РАДИОЭКОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ

В 1990-е и начале 2000-х гг. были опубликованы работы историков В.Н.Новоселова, В.С.Толстикова, Е.Т.Артёмова, А.Э.Беделя, В.Н.Кузнецова, Н.В. Мельниковой и др. о создании уральской атомной промышленности и закрытых городах Урала; труды радиобиологов и медиков с участием и под редакцией Р.М.Алексахина, А.И.Бурназяна, Л.А.Булдакова, Д.А.Криволицкого, В.М.Клечковского, Г.Н.Романова

и др. Опубликовано воспоминания ученых и государственных деятелей, участников создания советского ядерного оружия – Ю.Б.Харитона, А.М.Петросьянца, М.Г.Первухина, Е.П.Славского и др. Прочную опору для радиоэкологического исследования проблем атомной промышленности дало опубликованное в 1998–2009 гг. официальное многотомное издание «Атомный проект СССР: Документы и материалы», охватывающее период с 1938 по 1956 гг.

Появилась масса статей, посвященных проблемам ядерной и радиационной безопасности, радиоэкологии, надежности Белоярской АЭС, утилизации отработанного ядерного топлива. Эти проблемы стали предметом обсуждения и дискуссий на многочисленных научных и научно-практических конференциях [25, 43–46]. Выдвинут вопрос о необходимости ознакомления с основами радиоэкологии и привитии культуры безопасности в атомной энергетике в процессе обучения специалистов в вузах, повышении уровня радиоэкологических знаний населения [47–50].

Институтом промышленной экологии Уральского отделения РАН в 1999 г. была издана коллективная монография «Урал: наука, экология», содержащая данные об экологической ситуации региона, состоянии здоровья населения, утилизации промышленных отходов. Показаны сформировавшиеся в регионе научные экологические направления, методы и способы решения экологических и экологообусловленных проблем фундаментального и прикладного характера, применение к решению экологических задач математических методов, токсикологии, спектроскопии, геофизических методов, методов механики сплошных сред, использование сильноточных наносекундных электронных пучков [27].

Институтами экологии растений и животных и геофизики Уральского отделения РАН в 2000 г. издана книга «Радиоактивные беды Урала», которая дает возможность объективно оценить радиационную обстановку в регионе, обусловленную высокой концентрацией ядерных производств, ядерными катастрофами, ядерными взрывами в военных и мирных целях, утилизацией радиоактивных отходов, приведены сведения о содержании радионуклидов в компонентах окружающей природной среды, их действии на людей и животных, показано влияние геолого-географических особенностей региона на процессы переноса и переотложения радиоактивных загрязнений [16].

ВЫВОДЫ

Экология, в том числе радиоэкология, еще совсем недавно считавшаяся чисто биологической наукой, в последние десятилетия вторглась на территории технических и гуманитарных дисциплин. Сложная экологическая обстановка, большие загрязненные радиацией территории, опасная концентрация несовместимых с жизнью веществ затрагивают коренные жизненные интересы людей, выдвигают на первый план проблемы здоровья и выживания населения.

Урал – важнейший промышленный район, где тяжелая радиационная обстановка осложнена массивированным техногенным натиском на

природу предприятий черной и цветной металлургии, тяжелого машиностроения, химической и нефтехимической промышленности, оказался регионом с чрезмерной концентрацией природозагрязняющих производств [51–52]. Естественно, что Урал, один из крупнейших научных центров страны, стал одним из мест создания и развития ряда новых экологических наук – радиобиологии, радиоэкологии, радиогенетики, радиационной медицины. Опираясь на учение В.И.Вернадского о биосфере и радиоактивности и биогеоэкологические идеи В.Н.Сукачева, уральские ученые, при участии и активной помощи Академии наук СССР и Российской академии наук, развернули масштабные работы по исследованию радиоэкологических проблем, внесли значительный вклад в создание и развитие отечественной радиоэкологии.

Уральскими радиоэкологами достигнуты важные успехи в исследовании особенностей существования живых организмов и их сообществ в условиях техногенного радиоактивного загрязнения, концентрации и миграции радиоактивных нуклидов в биосфере, воздействия ионизирующих излучений на организмы, популяции и биоценозы. Данные уральских радиоэкологов помогли решению крупных производственных проблем по внедрению замкнутых циклов охлаждения ядерных реакторов, по организации хранения и обезвреживания радиоактивных отходов, изысканию средств защиты организмов от радиационного излучения, методов пострадиационного восстановления, способов дезактивации загрязненных радионуклидами территорий, их радиационной реабилитации.

Рекомендации уральских радиоэкологов приняты во внимание при разработке и утверждении Закона РФ «О радиационной безопасности населения России», с их учетом разработаны и введены в действие нормативные документы, определяющие обеспечение радиационной безопасности на предприятиях ядерного цикла, порядок и способы захоронения радиоактивных отходов, стали основой для принятия управленческих и административных решений. Работы уральских экологов получили мировое признание, высоко оцениваются мировой научной общественностью [53–55].

В наши дни проблемы культуры радиационной безопасности, обеспечения безопасной, стабильной радиоэкологической обстановки приняли весьма острый, злободневный характер. Радиационное загрязнение биосферы, увеличение техногенной радиоактивности приобрели размеры, опасные для здоровья и жизни человечества и всего живого на планете, заставляют всегда помнить предостережение В.И.Вернадского об опасности самоуничтожения человечества из-за неразумного использования ядерной энергии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Трухановский В.Г. У.Черчилль [Текст] / В.Г.Трухановский. М., 1968.
2. Чернявский Г.И. Трумэн [Текст] / Г.И.Чернявский. М., 2016. С. 272–281.
3. Сибирский Б.Н. Ядерный блицкриг США [Текст] / Б.Н.Сибирский // Военно-исторический журнал. М., 2003. №5. С. 34.
4. Страницы автобиографии В.И.Вернадского [Текст]. М., 1981. С. 244–255, 269–278.

5. Аксенов Г.П. Вернадский [Текст] / Г.П.Аксенов. М., 1994. С. 324–325, 491–492.
6. Атомный проект СССР: Документы и материалы [Текст]. М.-Саров, 1999. Т. II. Атомная бомба 1945–1954. Кн. 1. С. 11–13, 39; Кн. 2. С. 73–74.
7. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР [Текст] / А.К. Круглов. М., 1995.
8. Создание первой советской ядерной бомбы [Текст]. М., 1995.
9. Новоселов В.Н. и др. Тайны «Сороковки» [Текст] / В.Н.Новоселов, В.С.Толстикова. Екатеринбург, 1995.
10. Артёмов Е.Т. и др. Укрощение урана [Текст] / Е.Т.Артёмов, А.Э.Бедель. Екатеринбург, 1999.
11. Рыкованов Г.Н. и др. Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики в разработке ядерного оружия [Текст] / Г.Н.Рыкованов, Е.Н.Аврорин // Стратегические ядерные силы. М., 2000. Т. 1. С. 374–397.
12. Кузнецов В.Н. Закрытые города Урала: Исторические очерки [Текст] / В.Н.Кузнецов. Екатеринбург, 2008.
13. Город Снежинск [Текст]. Под общей ред. В.В.Алексеева и Г.Н.Рыкованова. Екатеринбург, 2009.
14. Алексеев В.В. и др. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики [Текст] / В.В.Алексеев, Б.В.Литвинов // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. №1. С. 3–22.
15. Некипелов Б.В. и др. Опыт первого предприятия атомной промышленности (уровни облучения и здоровье персонала) [Текст] / Б.В.Некипелов, А.Ф.Лызлов, Н.А.Кожурникова // Природа. 1990. № 2.
16. Уткин В.И. и др. Радиоактивные беды Урала [Текст] / В.И.Уткин, М.Я.Чеботина, А.В.Евстигнеев и др. Екатеринбург, 2000. С. 29–42.
17. Урал и экология [Текст]. Под ред. А.М.Черняева и Б.А.Урванцева. Екатеринбург, 2001. С. 57–66.
18. Нормы радиационной безопасности (НРБ-6) [Текст]. М., 1978.
19. Кимель Л.Р. и др. Защита от ионизирующих облучений [Текст] / Л.Р.Кимель, В.П.Машкович. М., 1972.
20. Маргулис У.Я. Атомная энергия и радиационная безопасность [Текст] / У.Я.Маргулис. М., 1983.
21. Алексахин Р.М. У истоков отечественной радиологии (атомный Ротамстед и радиоэкологическая Мекка) [Текст] / Р.М.Алексахин // Вопросы радиационной безопасности. 1997. №3.
22. Емельянов Б.М. и др. Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен [Текст] / Б.М.Емельянов, В.С.Гаврильченко. Снежинск, 2000.
23. Аклеев А.В. и др. Радиоактивное загрязнение окружающей среды в регионе Южного Урала и его влияние на здоровье населения [Текст] / А.В.Аклеев, П.В.Голощапов, М.О.Дегтева и др. Под общей ред. Л.А.Булдакова. М., 1991.
24. Дощенко В.Н. Профилактика и диагностика лучевых заболеваний в период пуска и освоения атомного производства на ПО «Маяк» [Текст] / В.Н.Дощенко. Под ред. Л.А.Булдакова. М., 1995.
25. Куликов Н.В. и др. Н.В.Тимофеев-Ресовский и радиоэкологические исследования на Урале [Текст] / Н.В.Куликов, И.В.Молчанова // Н.В.Тимофеев-Ресовский на Урале: Воспоминания. Екатеринбург, 1998. С. 9–15.
26. Новосёлов В.Н. и др. Атомный след на Урале [Текст] / В.Н.Новосёлов, В.С.Толстикова. Челябинск, 1997.
27. Урал: наука, экология [Текст]. Екатеринбург, 1999. С. 18.
28. Никипелов Б.В. и др. Радиационная авария на Южном Урале в 1957 г. [Текст] / Б.В.Никипелов, Г.Н.Романов, Л.А.Булдаков и др. // Атомная энергия. 1989. Т. 67. Выпуск 2. С. 74–80.
29. Никипелов Б.В. и др. Взрыв на Южном Урале [Текст] / Б.В.Никипелов, Е.Г.Дрожко // Природа. 1990. №5. С. 48–49.
30. Medvedev Zh A. Two decades of dissidence. «New Scientist», 1976, 72 № 1025.
31. Medvedev Zh.A. Nuclear Disaster In The Urals. TBS. The Book Service Ltd, 1979.
32. Романов Г.Н. и др. Кыштымская авария крупным планом: Радиационная обстановка после аварии [Текст] / Г.Н.Романов, А.С.Воронов // Природа. 1990. №5. С. 50–52.
33. Экологические последствия радиоактивного загрязнения на Южном Урале

[Текст] / Отв. ред. В.Е.Соколов, Д.А.Криволицкий. М., Наука, 1993.

34. Bradley D.J. Behind the Nuclear Curtain: Radioactive waste management in the former Soviet Union. N.Y., 1995.

35. Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998) [Текст] / В.С.Толстиков. Челябинск, 1998.

36. Антропов З.Г. и др. Итоги изучения и опыт ликвидации последствий аварийного загрязнения территории продуктами деления урана [Текст] / З.Г.Антропов и др. Под ред. А.И.Бурназяна. М. 1990.

37. Отдаленные эколого-генетические последствия радиационных инцидентов: Тощкий ядерный взрыв [Текст] / Под ред. А.Г.Васильева. Екатеринбург, 2000.

38. Атомные взрывы в мирных целях. Сб. статей [Текст] / Под ред. И.Д.Морохова. М., 1970.

39. Чеботина М.Я. и др. Радиоэкологические исследования Белоярского водохранилища [Текст] / М.Я.Чеботина, А.В.Трапезников, В.Н.Трапезникова, Н.В.Куликов. Свердловск, 1992.

40. Кузнецов В.Н. Атомный проект за колючей проволокой [Текст] / В.Н.Кузнецов. Екатеринбург, 2004.

41. Кузнецов В.Н. Цена свободы – атомная бомба [Текст] / В.Н.Кузнецов. Екатеринбург, 2005.

42. Булатов В.И. Россия радиоактивная [Текст] / В.И.Булатов. Новосибирск, 1996.

43. Давыдов А.В. и др. Радиоэкология: курс лекций [Текст] / А.В.Давыдов, С.А.Игумнов, А.Г.Талалай, В.И.Уткин и др. Екатеринбург, 2000.

44. Радиационная безопасность и защита населения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. [Текст] / Ред. А.П.Ястребов. Екатеринбург, 1995.

45. Радиационная безопасность Урала и Сибири: Материалы науч.-практ. конф. [Текст] / Под ред. В.И.Уткина. Екатеринбург, 1997.

46. Утилизация плутония; проблемы и решения: Материалы «Российско-американских Слушаний» [Текст] / Под ред. В.И.Уткина, Л.И. Пискунова. Екатеринбург, 2000.

47. Евдошкина Ю.А. Формирование культуры безопасности личности как новое направление образовательного процесса в техническом вузе [Текст] / Ю.А.Евдошкина // Глобальная ядерная безопасность. 2013. №2(7). С. 92–94.

48. Гаврилов Д.В. Роль и место исторической экологии в высшем педагогическом образовании [Текст] / Д.В.Гаврилов // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 256–251.

49. Гаврилов Д.В. Историческая экология как необходимейшая составная часть системы общего гуманитарного образования [Текст] / Д.В.Гаврилов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2003. С. 250–251.

50. Тышлаков О.Л. и др. О формировании культуры безопасности в процессе обучения студентов в вузе [Текст] / О.Л.Тышлаков, С.Е.Щеклеин, Г.А.Новиков // Перспективные энергетические технологии. Экология, экономика, безопасность и подготовка кадров. Екатеринбург, 2016.

51. Гаврилов Д.В. Экологическая ситуация на Урале на рубеже III-го тысячелетия и перспективы ее развития [Текст] / Д.В.Гаврилов // Каменный пояс на пороге III-го тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 16–21.

52. Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале [Текст] / Отв. ред. Д.В.Гаврилов. Екатеринбург, 1997.

53. Рубежи созидания: Документы и материалы [Текст]. Екатеринбург, 2002. С. 333–334, 362, 384–386, 396, 400–402.

54. Ученые Уральского научного центра Академии наук СССР [Текст]. – Свердловск, 1997. С. 22–25, 31–32, 125–126, 212–213.

55. Большаков В.Н. Известен в мире: Институту экологии растений и животных УНЦ АН СССР – 40 лет [Текст] / В.Н.Большаков // Наука Урала. 1984. 26 июля.

ГОРНОЗАВОДСКИЙ УРАЛ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.⁶⁰

Исследование социально-экономического и политического состояния Урала в конце XIX – начале XX вв. позволяет выявить тенденции развития производительных сил и производственных отношений в регионе, взаимодействие главных социально-политических сил: государства, предпринимателей и рабочих, являвшихся основными двигателями социального прогресса.

В пореформенный период, в 1861–1900 гг., Урал претерпел существенную трансформацию. Вторая половина XIX в. – это время становления в России капиталистического строя, успешного внедрения достижений промышленной революции, основанной на технических открытиях конца XVIII–XIX вв., перерастания мануфактур в фабрики, начала превращения страны из аграрной в аграрно-индустриальную.

Падение крепостного права в России в 1861 г. было крупным историческим переломом, знаменовавшим рождение нового социально-экономического и политического строя, способствовавшего более быстрому экономическому и культурному развитию страны. Освободившись от наиболее обременительных пут крепостничества, получив новый импульс, в стране стали более быстрыми темпами развиваться промышленность и транспорт, развернулось интенсивное железнодорожное строительство, потребовавшие все увеличивавшееся количество металла. Происходила ломка феодально-крепостнической структуры уральского горнозаводского хозяйства, перестройка феодальных горнозаводских вотчин, включение их в больших масштабах в рыночные отношения, что потребовало усиления внимания к обновлению технического оборудования предприятий.

В 1860–1870-х гг. на металлургических заводах устаревшие кричные горны повсеместно заменялись пудлинговыми печами, устанавливались водяные турбины, паровые молоты, газосварочные и газопудлинговые печи. В 1880–1890-х гг. кричное и пудлинговое производства стали вытесняться мартеновским и бессемеровским способами. Традиционные водяные двигатели заменялись паровыми, на долю последних в 1900 г. приходилась уже половина общей энергетической мощности уральских металлургических заводов. Начала использоваться электрическая энергия. На передовых заводах появились электрическое освещение, электросварка, электрические мостовые краны, металлорежущие станки, переведенные на электрический привод.

Но эти процессы на Урале шли медленными темпами. Горнозаводский Урал с его «оригинальным строем», особым укладом, в котором можно было наблюдать «докапиталистическую старину с ее примитивной и рутинной техникой», «самые непосредственные остатки дореформенных, крепостнических порядков», с трудом поддавался модернизации. К концу XIX в. выяснилось, что древесноугольная металлургия Урала, обремененная пережитками крепостничества, медленно и с большим опозданием осуществлявшая техническое перевооружение,

⁶⁰ Статья впервые опубликована: Мир историка и пространство истории. Сборник статей к юбилею профессора Н.Н.Алеврас. Челябинск, 2018. С. 357–376.

оказалась не способной успешно конкурировать с металлургией нового металлургического района – коксовой металлургией Юга России. В 1895 г. Юг обогнал Урал по выплавке чугуна, а в 1900 г. почти вдвое превзошел его. Урал, в течение почти двух столетий удерживавший первенство в российской металлургии, был оттеснен на второе место⁶¹.

После реформы 1861 г. на Урале сложился относительно стабильный контингент вольнонаемных горнозаводских рабочих, основной костяк которых составляли бывшие крепостные мастеровые и неперемные работники, связанные с заводами трудом нескольких поколений, а также выходцы из разорившихся крестьян, кустарей и других слоев населения. Численность горнозаводских рабочих на Урале составила в 1860 г. 181,6 тыс. чел., в 1900 г. – 308,1 тыс. Большая часть их (почти 2/3) была занята на вспомогательных работах по заготовке руды, угля, дров. В 1900 г. из 230,6 тыс. рабочих, занятых в металлургической промышленности региона, на работах внутри заводской ограды, то есть собственно заводских работах, трудилось 87,4 тыс. чел. (37,9% всех рабочих), на вспомогательных работах – 143,2 тыс. (62,1%).

Для большинства уральских рабочих была характерна связь с землей и домашним хозяйством. Бывшие мастеровые и неперемные работники имели небольшие земельные наделы, за «отработки» на заводах арендовали у заводоладельцев покосы, выгоны, иногда – пашню. Однако многие из них уже не имели земли, своего домашнего хозяйства. К началу XX в. на заводах сложилась большая группа рабочих-пролетариев (около 40–50% и более), лишенных каких бы то ни было средств существования, кроме собственных рук. В пореформенный период среди рабочих возросли организованность, сознательность, социальная активность, приобрело значительный размах рабочее движение, рабочие все больше вставали на путь организованной борьбы за свои экономические требования⁶².

Отмена крепостного права в 1861 г., говоря понятиями политической экономии, была попыткой царизма привести производительные силы страны в соответствие с производственными отношениями. Однако реформа проводилась крепостниками и в интересах крепостников, поэтому реформаторы постарались сохранить возможно большее количество остатков крепостничества, в первую очередь, были оставлены нетронутыми два основных – царское самодержавие и помещичье землевладение, в том числе землевладение уральских горнозаводчиков.

Надежды правительственных сфер на мирное, плавное и спокойное проведение преобразований не оправдались. Горнозаводское население встретило реформу массовыми протестами и волнениями, на заводах не удалось установить благоприятные, доверительные, доброжелательные отношения между рабочими и предпринимателями. Сразу же после реформы между рабочими и заводчиками начались «неурядицы» и конфликты из-за пользования земельными угодьями, уровня заработной платы, условий труда: количество и масштабы конфликтов

⁶¹ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. С. 422–430, 441.

⁶² Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900. М.: Наука, 1985. С. 30, 45, 139, 144.

непрестанно нарастали, превратившись в глубокое, неразрешимое социальное противостояние.

Во время отмены крепостного права правительство и местные власти приняли чрезвычайные меры, чтобы не допустить при объявлении реформы 1861 г. социального взрыва. Расквартированные на Урале войска были подготовлены к действиям по подавлению народных волнений, в заводские районы направлены подразделения Оренбургского казачьего войска, которые приняли активное участие в усмирении волнений и стачек рабочих, вплоть до применения огнестрельного оружия.

Из Крымской войны 1853–1856 гг. Россия вышла с расстроеными финансами и огромным внутренним и внешним государственным долгом. Требовались большие средства для преодоления технико-экономического и военного отставания страны, срочного перевооружения армии, развития военной промышленности, оплаты внешних займов, ликвидации российского бездорожья, строительства железных дорог. Правительство было озабочено поиском денежных средств⁶³. Для пополнения государственной казны, в частности, предполагалась продажа почти всех уральских казенных горных заводов в частные руки⁶⁴.

В пореформенный период, в условиях напряженной экономической, финансовой и политической ситуации, роста в стране протестного рабочего и оппозиционного движения, царское правительство, выражая интересы господствующего класса, предприняло решительные меры для поддержания в стране «тишины и спокойствия». При первых же сообщениях о разраставшемся в стране стачечном движении, секретным циркуляром министра внутренних дел 6 июля 1870 г. губернаторам было предписано иметь «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением», а при возникновении стачек, «не допуская дела до судебного разбирательства», высылать участников стачек в отдаленные губернии, чем губернаторы немедленно воспользовались в полной мере.

В 1882–1886 гг. организацией фабричной и горной инспекции, введением должностей фабричных инспекторов и окружных инженеров был создан аппарат для разрешения конфликтов между рабочими и владельцами предприятий, предупреждения забастовок и других выступлений рабочих, ведения надзора за исполнением фабрично-заводского и горного законодательства, сохранением «порядка и спокойствия» на промышленных предприятиях.

Но фабричное законодательство не получило в России большого развития, было куцым, скудным и скаредным, преследовало, в первую очередь, интересы предпринимателей и мало ограничивало их беспредел. 1 июня 1882 г. был издан закон о малолетних, запрещавший на фабриках и заводах труд детей до 12 лет и ограничивавший работу подростков. 9 марта 1892 г. последовал закон о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на них. 2 июня 1897 г., под натиском рабочих выступлений, был издан закон о продолжительности и распределении рабочего времени в заве-

⁶³ Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 160.

⁶⁴ Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

дениях фабрично-заводской промышленности, устанавливавший продолжительность рабочего дня в дневное время – 11 ½ час., в ночное время – 10 час.⁶⁵

Вопрос о законодательном введении 8-часового рабочего дня, уже существовавшего во многих европейских странах, установленного ввиду тяжелых условий труда в горячих цехах на многих уральских заводах, обсуждался в различных правительственных комиссиях с 90-х гг. XIX в. вплоть до 1917 г. Но такой закон, настойчиво требуемый рабочими массами, ни царским, ни Временным правительствами не был принят.

В конце 1890-х гг., с увеличением размаха рабочего движения, обострением социальной ситуации, правительство встало на путь подавления рабочего движения с помощью военной силы. В горнозаводских районах был увеличен штат полиции, в них стали стягиваться войска и казаки, готовилась расправа над непокорными рабочими массами. Всю Россию потряс своей жестокостью и численностью жертв Златоустовский расстрел.

17 марта 1903 г. в Златоусте на Арсенальной площади перед домом Горного начальника по приказу Уфимского губернатора Н.М.Богдановича войсками был открыт огонь по толпе бастовавших безоружных рабочих. Было убито 69 человек, около 250 ранено. Николай II одобрил действия Богдановича. Милость императора, однако, не спасла пермского губернатора от наказания. 6 мая 1903 г. Богданович, несмотря на то, что охранялся стражниками, был застрелен в Уфе в городском саду рабочим эсером-террористом⁶⁶.

Общественное возмущение расстрелом царскими войсками безоружной мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г., вооруженные восстания рабочих в декабре 1905 г. в Москве и ряде других городов, в том числе на Урале (в Мотовилихе, Уфе и др.), общий ход революционных событий 1905–1907 гг., не повлияли на позиции правительства по отношению к рабочему классу.

Надежды правящего класса, что новый премьер П.А.Столыпин «железной рукой» и жестокими расправами над революционерами обеспечит длительное «успокоение» страны, не оправдались. Ни виселицы – «столыпинские галстуки», ни «столыпинские вагоны» для ссыльных и переселения безземельных, неимущих и недовольных в Сибирь не смогли приостановить нарастание в стране революционного движения.

В 1912 г. массовый расстрел мирной рабочей демонстрации на Ленских приисках в Восточной Сибири возмутил всю страну и вызвал новую мощную волну революционного рабочего движения. Но правительство оставалось непреклонным. На вопросы депутатов в Государственной Думе о Ленском расстреле министр внутренних дел А.А.Макаров произнес знаменитую фразу: «Так было и так будет впредь»⁶⁷.

Среди народных масс падало доверие к правительству и властям, резко упал авторитет царской власти. В первые годы правления Нико-

⁶⁵ ПСЗ. 3-е изд. Т. 2. № 931; Т. 12. № 8402; Т. 17. № 14231.

⁶⁶ Новое побоище // Искра (Женева). 1903. 15 марта. Трагедия в Златоусте // Искра (Женева). 1903. 1 апреля.

⁶⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 424.

лая II, когда молодого императора опекала вдовствующая императрица Мария Федоровна, рабочие лихо распевали:

На престоле сидит Машка,
Под престолом – Николашка⁶⁸.

С появлением при императорском дворе «святого старца» Григория Распутина распространилась карикатура: за столом восседает Распутин, на коленях у него сидит императрица Александра Федоровна, перед столом, в позе собравшегося куда-то бежать, Николай II. Распространилась частушка, которую, как свидетельствует журнал «Родина», «пели все вокруг, от мала до велика»:

Сашка и Гришка
Сидят за столом,
А царь Николашка
Побег за вином⁶⁹.

Полиция и жандармерия возбуждали массу дел «об оскорблении Его Императорского Величества». Заборы были исписаны призывом «Долой самодержавие!» Все это вело к стремительному падению авторитета царя-самодержца.

Правительство традиционно, неизменно и неуклонно, в любых ситуациях поддерживало горнозаводчиков. Это объяснялось не только государственными соображениями, необходимостью продукции горных заводов для обеспечения оборонной промышленности и большой ролью металлов в экономике страны, но и важным местом в правящей элите горнозаводчиков, пользовавшихся постоянной поддержкой высших правительственных сфер и царствующих особ.

После падения крепостного права, несмотря на тяжелое финансовое положение государства, правительство немедленно пришло на помощь горнозаводчикам, материально «пострадавшим» от отмены крепостного права, предоставляя переживавшим финансовые «затруднения» заводчикам отсрочку ссуд, кратко- и долгосрочные кредиты, выгодные заказы, льготы, премии, авансы.

Правительство всячески сохраняло и оберегало земельные владения и феодальные монополии горнозаводчиков. По настоянию горнозаводчиков при отмене крепостного права в условия освобождения была внесена статья, запрещающая в горных округах все предприятия, в которых «производство главнейшее основывается на огненном действии, требующем угля и дров», что исключало появление конкурирующих с заводами металлических кустарных промыслов.

Для сохранения целостности земельных владений горнозаводчиков, чтобы ослабить аграрные выступления и волнения горнозаводского населения, в целях «урегулирования поземельных отношений» на горнозаводском Урале, правительством были изданы законы от 12 марта 1877 г. и 19 мая 1893 г. для казенных и посессионных заводов и циркуляр

⁶⁸ Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953. С. 275.

⁶⁹ Бабич Д. «А царь Николашка побег за вином...» // Родина. М., 2016. Ноябрь, № 11. С. 48.

№ 4 Министерства внутренних дел от 13 мая 1888 г. для частновладельческих заводов. Местные власти, полиция, суды, прокуроры, оберегая «частную собственность», строго наказывали «самовольщиков», пользовавшихся покосами и лесом в дачах горнозаводчиков, жестоко расправлялись с ними, конфисковывали у них имущество.

Ярким примером всемогущества уральских горнозаводчиков, их политического веса в административной иерархии царской России стало так называемое «Замечательное дело», попавшее на страницы местных и столичных газет и ставшее достоянием широкой общественности.

Мастеровые Павловского и Очерского заводов Строгановых несколько десятилетий неоднократно ходатайствовали перед властями о наделении их земель по закону 3 декабря 1862 г., подавали прошения местным властям и в высокие инстанции. Наконец, 22 сентября 1909 г. Правительствующий Сенат своим указом предписал Пермскому губернатору применить закон, наделить мастеровых земель по числу наличных душ. Горнозаводчики пожаловались министру внутренних дел П.А.Столыпину, который послал Пермскому губернатору телеграмму: приостановить исполнение указа Сената. Государственный Совет согласился с мнением Сената, его решение было «высочайше» утверждено Николаем II, то есть стало законом.

Но горнозаводчики обратились к новому министру внутренних дел Н.А.Махлакову, который заявил, что решение Сената и Государственного Совета «неясно». Пошла новая переписка, новая бюрократическая волокита. Сенат в мае 1913 г. снова подтвердил свое решение, горнозаводчики опять обратились к министру внутренних дел. Волокита продолжалась в 1914–1916 гг., наделение земель мастеровых Павловского и Очерского заводов так и не состоялось. Либеральные газеты сетовали, что в России плохо обстоит с «господством права»⁷⁰.

Правительство и царствующие особы одобряли и защищали алчные, ненасытные аппетиты горнозаводчиков. Накануне Первой мировой войны в основных уральских горных округах прибыль обычно составляла 40–60% от основного капитала, большая часть ее шла на личные расходы заводладельцев⁷¹. Во время войны прибыли горнозаводчиков и общее воровство возросли. Воровали всё, кто что мог.

На фронте существовал острый недостаток снарядов, горнозаводчики взвинтили цены на снаряды в 2–3 раза. Начальник ГАУ генерал А.А.Маниковский пытался прижать грабителей, но его тут же вызвал царь. Произошел любопытный разговор:

«Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300%, а бывали случаи, что получали даже более 1000% барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

⁷⁰ П.А.Столыпин и Сенат // Речь. СПб. 1911. 31 марта. № 88; Земельные наделы уральских рабочих // Русское слово. СПб. 1913. 4 августа. № 180; Сенат и Н.А.Махлаков // Речь. СПб. 1913. 4 августа. № 210; Ленин В.И. Замечательное дело // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 373–374.

⁷¹ Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л.: Наука, 1965. С. 284; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. С. 228, 237, 241, 248–249.

Маниковский: Ваше величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение»⁷².

Одним из пережитков крепостничества на Урале в пореформенный период, глубоким анахронизмом являлись посессионные владения, сложившиеся в XVIII в. Посессионные ограничения, правительственный контроль и правительственная регламентация тяготили посессионеров. Посессионное право мешало получению ими в ипотечных банках кредитов под залог земель и лесов.

Посессионеры неоднократно, начиная с 60-х гг. XIX в., возбуждали перед правительством вопрос о выкупе ими посессионных дач в полную собственность, постоянно жаловались на «тяготы» и «стеснительность» посессионного владения, мешавшие им «развивать горное дело».

Правительством было разработано несколько проектов выкупа посессионных владений, по которым посессионерам предоставлялось право выкупить в собственность земли по очень небольшой цене с длительной рассрочкой. Однако посессионеры, имевшие «желание, давнее и очень сильное», «превратить посессию в собственность», соглашались заплатить лишь незначительную, символическую сумму и отвергали все предлагавшиеся проекты.

В 1898 г. комиссия Горного департамента под председательством А.А.Штофа выработала новый проект прекращения посессионного владения на Урале. Условия ликвидации посессионного владения, предлагавшиеся комиссией Штофа, экономически и финансово были выгодны для посессионеров. Казалось бы, для владельцев посессионных заводов представилась прекрасная возможность освободиться от «связывавших» их «феодалных пут» и «стеснений» и вести хозяйство по-деловому, толково, «с умом», «чисто по-капиталистически».

На деле же произошло совершенно обратное. Несмотря на очевидные выгоды, проект Штофа не только не встретил сочувствия у посессионеров, но, наоборот, вызвал их решительное противодействие: посессионеры не хотели расставаться со своими огромными, в десятки и сотни тысяч десятин дачами, а вместе с ними и с феодальными привилегиями и монополиями.

Проект Штофа был отвергнут посессионерами. Началась разработка новых проектов, но и они увязли в различных согласительных комиссиях. Вопрос о ликвидации посессионных владений так и не был решен. Посессионные округа просуществовали на Урале до 1917 г. Могущественные посессионеры – Демидовы, Яковлевы, Стенбок-Фермор, Турчаниновы и Соломирский, горько жаловавшиеся на посессионные «стеснения», свои «тяготы» и приносимые ради развития горного дела «жертвы», успешно отбили все попытки снять с них эти «тяготы», избавить от необходимости приносить «жертвы», и отстаивали неприкосновенность своих полукрепостнических латифундий⁷³.

⁷² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд. М.; Л. 1930. Т. 2.

⁷³ Удинцев В.А. Посессионное право. Киев. 1896. С. 192; Сигов И.С. Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. СПб., 1899. № 4. С. 191; Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1905. Ч. 1. С. 38–39; ГАСО. Ф. 643. Оп. 8. 1899. Д. 2427. Л. 5–6.

В погоне за увеличением прибыли горнозаводчики всеми средствами стремились понизить и без того низкий уровень заработной платы рабочих. Крупнейший уральский горнозаводчик, типичный представитель аристократической горнозаводской элиты князь С.С.Абамелек-Лазарев требовал от своего заводоуправления «добиваться возможно низких плат» рабочим, утверждал, что повышение плат «не приносит никакой пользы работникам, так как ... у нас в России ни один из них не станет работать про запас для образования себе сбережений. Раз настоятельные потребности его удовлетворены, он перестает работать, предается праздности и пьянству»⁷⁴. Известный экономист, изучавший положение уральской горнозаводской промышленности, И.Х.Озеров, славящийся своим либерализмом, объяснял тяжелое положение уральских рабочих их пьянством и недостаточной культурностью, отсутствием у них «американской подвижности», неумением приспособиться к новым условиям, неэластичностью, их нежеланием «увеличить, поднять свой комфорт жизни»⁷⁵.

В ходе капиталистической перестройки уральские рабочие постепенно утрачивали свой специфический облик, обусловленный «особым бытом Урала», и все более приближались к общему типу российского фабрично-заводского рабочего. В 1899 г. журнал «Рабочее дело», орган заграничного Союза русских социал-демократов, писал: «Горнорабочий Урала имеет свою характерную физиономию, отличающую его от типа обыкновенного пролетария, если не фактически, то, по крайней мере, юридически: уральский горнорабочий, являясь, с одной стороны, рабочим крупной промышленности, с другой, – оказывается мелким собственником, – он имеет свой дом с землей и на тех уральских заводах, где почвенные условия позволяют, занимается земледелием... Говоря об особой физиономии горнорабочего, я подчеркнул лишь юридическое отличие его от пролетария; и на самом деле фактическая разница между ними отходит уже в область предания»⁷⁶.

К 1917 г. дальнейшая пролетаризация горнозаводского населения и все большее ослабление связи рабочих с землей, домашним хозяйством сделали эти различия еще меньшими. Результатом крупных количественных и качественных сдвигов в структуре рабочих кадров горнозаводской промышленности явилось превращение уральских рабочих из «массы рабочих» в класс «в себе», а затем, начиная с конца XIX – начала XX в., – перерастание его в класс «для себя».

Заметно изменились общественное сознание и психология уральских рабочих. Хотя на рубеже XIX–XX вв. они еще сохраняли в своем социальном облике и образе жизни некоторые генеалогические черты мастеровых и работных людей крепостнических времен, но по своему положению в системе производства и классовой структуре общества, по своим взглядам и представлениям, социальному самосознанию, степени политической сознательности, грамотности и культуре в конце XIX в. они уже не походили на крепостных мастеровых и работных людей до-реформенного времени.

⁷⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 1. 1884. Д. 596. (Обзор состояния Пермского имения за 1883–1884 гг.) Л. 406–5.

⁷⁵ Озеров И.Х. Горные заводы Урала. С. 78.

⁷⁶ Рабочее дело (Женева). 1899. № 2–3. С. 52.

Если в 1861 г. уральские рабочие не верили в подлинность Манифеста и Положений 19 февраля, требовали от властей и священников объявления «настоящего» царского Манифеста «на гербовой бумаге, писанного золотыми буквами и за золотой печатью»⁷⁷, если в 1874 г. на Нижнетагильских заводах рабочие приняли напечатанный на расчетных книжках дворянский герб Демидова за антихристову печать и «книжку с таким штемпелем страшились даже брать голыми руками»⁷⁸, если еще в 1880-х гг. рабочие Васильевско-Шайтанского завода встретили появление в заводском поселке невиданных до тех пор галош, зонтов, самовара и пилы «как происки антихриста»⁷⁹, то в конце XIX – начале XX в. среди них появились рабочие-интеллигенты, которые систематически читали книги, выписывали газеты и журналы, участвовали в работе социал-демократических кружков, посещали сходки и собрания, распространяли нелегальную литературу, а некоторые из них входили в качестве руководителей в общественные организации и нелегальные партийные органы.

Рабочие начали все более решительно переходить от экономической борьбы к политическим выступлениям (празднование 1 Мая, распространение листовок с призывами к свержению царского самодержавия, политические демонстрации, митинги и т.п.). В стачечных выступлениях конца XIX – начала XX вв. и в революциях 1905–1907 и 1917 гг. пролетариат Урала выступил как один из наиболее активных и сравнительно организованных отрядов рабочего класса страны⁸⁰.

В условиях рыночных отношений успешное социально-экономическое развитие региона было возможно только при слаженном, согласованном взаимодействии трех основных акторов, инициаторов, двигателей социального прогресса – властей, заводчиков и рабочих, связанных цепью производственных и правовых взаимоотношений. Их прочное, надежное сотрудничество, социальное согласие могло быть позитивным только при соблюдении всеми сторонами основного условия – взаимном соблюдении, учете интересов других участников партнерства, готовности к компромиссу между ними, взаимных уступках друг другу, в частности – уступкам требованиям рабочих, стремлении к достижению согласия с ними, поискам классового мира.

Но слаженного сотрудничества не получилось. Сразу же после отмены крепостного права и всеобщего перехода на вольнонаемный труд между рабочими и предпринимателями начались «неурядицы», столкновения, конфликты, которые с каждым годом нарастали и становились все более острыми и угрожающими. Стороны были неравноправны, каждая из них отстаивала свои интересы и не соглашалась на какие-либо уступки и компромиссы.

Царское правительство, опираясь на мощный административный аппарат и карательные органы, обладание господствующими позициями

---

⁷⁷ Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы в 1861–1862 гг. М.; Л. 1950. С. 38.

⁷⁸ Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в.: 1861–1904: сборник документов. М.; Л. 1960. С. 248.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 779. Л. 36–37.

⁸⁰ Гаврилов Д.В. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861–1900 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск, 1988. С. 5–21.

в идеологической сфере, пользуясь поддержкой церкви, надеясь на незыблемость веры народных масс в божественность «священной особы императора», с тупоумной прямолинейностью и настойчивостью проводило политику, направленную на сохранение «незыблемости» царского самодержавия, патриархальность всей жизни, вело беспощадную борьбу со всякими стремлениями общества к свободе и самостоятельности.

Николай II, вступая на престол, назвал ожидание каких-либо политических уступок «бессмысленными мечтаниями» и всенародно объявил, что он будет «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель» (то есть Александр III)⁸¹.

Могущественные горнозаводчики, эти «некоронованные короли» Урала, пользовавшиеся покровительством и услужливостью властей, полной зависимостью от них прикрепленного к заводам горнозаводского населения, в обращении с рабочими проявляли правовой беспредел, беззастенчиво эксплуатировали их труд, вели постоянное наступление на жизненный уровень рабочих. Либеральные историки уверяют, что при возникновении противоречий между трудом и капиталом уральские заводовладельцы якобы «проявляли готовность к компромиссам, уступкам, к достижению согласия». Но это не соответствует действительности. На деле, в переговорах с рабочими, при разборе жалоб, прошений, требований рабочих, при «недоразумениях» и конфликтах с рабочими большинство предпринимателей всегда занимали жесткие, неуступчивые позиции, отказывались идти на какие-либо «послабления», отвечали массовыми увольнениями рабочих, угрожали закрыть цеха или заводы, для «усмирения» рабочих немедленно вызывали чиновников, полицию, войска.

Граф С.А.Строганов, убедившись, что стачки рабочих приносят заводовладельцам существенные убытки, дал своим заводоуправлениям совет «умеренными уступками предупреждать возникновение стачек», но это было редкое исключение из правил. Обычно заводовладельцы и их администрации предпочитали действовать силовыми методами, угрозами, запугиванием, страхом, заявляя, что «убеждения и увещевания на рабочих не действуют». При рассмотрении споров рабочих с заводовладельцами и их администрацией, правительственные чиновники всегда вставали на защиту интересов работодателей. Чиновники, проявлявшие «либерализм», допускавшие «послабления» рабочим, проявлявшие сочувствие к рабочим, незамедлительно освобождались от своих должностей. Во время проведения землеустройства на посессионных заводах в 1890-х гг., при решении споров принимавшие в ряде случаев сторону рабочих либеральные земские начальники Отмар-Штейн, Эсмонт, Иванов по распоряжению губернатора были удалены из Пермской губернии⁸².

Российская буржуазия, набравшая экономическую мощь под покровительством царского правительства, тесно связанная с чинов-

---

⁸¹ История СССР. XIX – начало XX в. М., 1981. С. 282–283; Верг Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 9.

⁸² Отмар-Штейн Ф. Поземельное устройство мастеровых // Юридическая газета. СПб., 1896. 18 и 22 августа. № 63–64.

ничеством, верноподданническая, консервативная, боявшаяся нарастающего рабочего движения, была неспособна решать объективно создававшиеся проблемы, при возникновении любой острой ситуации искала помощь и защиту у государственных властей.

В конце XIX – начале XX вв. стало ясно, что среди горнозаводчиков ни «старое» аристократическое, ни «новое» обуржуазившееся дворянство, не стало «эффективными собственниками», что деградирующее господствующее сословие уже не было способно ни управлять собственными именными и заводами, ни руководить страной.

С.Ю.Витте, характеризуя российское дворянство, писал: «Большинство... дворян, в смысле государственном, представляет кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения своих прихотей, ничего не признают»⁸³.

Трудно было ожидать, что горнозаводчики были способны наладить согласие и взаимодействие с поднявшимися на борьбу за свои права рабочими массами. Примечательно, что после Октябрьской революции 1917 г. все, без единого исключения, уральские горнозаводчики оказались за границей – во Франции, Англии и др. европейских странах, где у них имелись заранее приготовленные квартиры, дома, виллы, замки, золотовалютные счета в банках. Когда в 1918–1919 гг. белогвардейские войска «освободили» Урал от большевиков, Колчак объявил о денационализации заводов и возвращении заводчикам национализированных большевиками их предприятий, ни один из заводчиков не вернулся на Урал, хотя бы для того, чтобы взглянуть на «свои» заводы⁸⁴.

Либеральные историки уверяют, что на Урале существовали благоприятные условия для сотрудничества рабочих с предпринимателями, имелся «значительный слой рабочих, собственников жилья и земельных участков, придерживавшихся умеренных взглядов», «готовых сотрудничать с предпринимателями», достигать «компромиссных решений», но препятствием якобы был курс леворадикалов (большевиков, эсеров) «на усиление конфронтации, разжигание классовой борьбы»⁸⁵.

Историки стали упрекать рабочих за их девиантное поведение, игнорирование ими «конструктивных шагов властей, владельцев и руководства заводов в направлении удовлетворения требований рабочих»⁸⁶. Из работ, посвященных рабочей истории, исчезли выражения «классовая борьба», «эксплуатация», «эксплуататоры», «угнетение», «угнетенные массы». Увы, все это было. Если советские историки при изучении конфликтов на фабриках и заводах безоговорочно, во всех грехах (не всегда справедливо) обвиняли предпринимателей, капиталистов, то теперь стало нормой безоговорочно обвинять во всех грехах (тоже не всегда справедливо) только самих рабочих.

Резкое ухудшение материального положения рабочих, нарушение их прав, вызванные объективными (экономический кризис, голод, рост

⁸³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 482.

⁸⁴ Колчаковщина на Урале: 1918–1919 годы. В документах и материалах. Свердловск, 1929. С. ввводным очерком А.Таняева. С. 59, 127 и др.

⁸⁵ Постников С.П., Фельдман М.А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011. С. 114, 117, 124.

⁸⁶ См.: Арсентьев В.М. Рабочая история первой половины XIX века в пространстве истории российской промышленности // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 2012. С. 32.

цен на хлеб и т.п.) или субъективными факторами (правительственные законы и распоряжения, финансовые затруднения владельцев, их алчность, жадность, нежелание поступиться своими доходами; грубость, бессердечие администраторов) неминуемо вызывали протестные выступления рабочих, выражавшиеся в разных формах – от подачи прошений, жалоб, до стачек и волнений, террористических актов против представителей администрации, принимавших стихийный или более или менее организованный характер.

Попытки правительства, властей, регулировать взаимоотношения рабочих и заводчиков, не допустить сокращения промышленного производства, полного разорения рабочих, пролетаризации населения, восстановить равновесие во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей, сохранить социальное спокойствие в фабрично-заводских районах, были очень робкими, нерешительными, исходили из опасения, защищая государственные интересы, обидеть, ущемить в чем-нибудь интересы горнозаводчиков.

Терпение народных масс оказалось не беспредельным. Россия знала немало стихийных возмущений народных масс, стихийных восстаний крестьян, казаков, рабочих людей (Смутное время, Медный и Соляной бунты, восстания под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева и др.). Власти обычно апатично реагировали на донесения и сообщения о росте недовольства в народных массах, накоплении в них протестных настроений, обострении социальной ситуации, опасности социального взрыва.

Известно, что накануне Февральской революции 1917 г. председатель IV Государственной Думы, крупный помещик, один из лидеров партии октябристов М.В.Родзянко предупреждал Николая II, что скоро в стране произойдет революция, и предлагал принять меры по ее предотвращению, но царь на это сообщение реагировал удивительно спокойно и невозмутимо:

– Даст Бог, все обойдется.

Не обошлось. 27 февраля, когда в Петрограде уже шли стихийные массовые народные демонстрации, войска отказывались стрелять в толпу и переходили на сторону народа, Родзянко в телеграмме царю, чтобы предотвратить революцию, снова умолял его дать стране конституцию и назначить правительство с «министрами, пользующимися общественным доверием», Николай II сказал своему окружению: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»⁸⁷.

В 1913 г. торжественно, с большим триумфом было отпраздновано 300-летие дома Романовых: состоялись шумные шоу, молебны, крестные ходы, царь и царица по торжественному случаю дарили церквям и монастырям иконы и церковные реликвии, по всей стране стоял немолчный колокольный звон. А спустя всего несколько лет, в феврале 1917 г., громоздкое величественное здание романовской монархии за несколько дней рухнуло, погребя под своими обломками царя, царицу и многих членов царствующей династии.

⁸⁷ Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 639.

Древний китайский философ Сюньцзы (IV в. до н.э.) писал: «Правителя можно сравнить с ладьей, а народ – с водой: вода может нести лодку, а может ее и опрокинуть»⁸⁸. Подобное произошло и с монархией Романовых.

К началу XX в. классовая борьба на Урале достигла большого накала. Накопление в массах протестного материала привело к социальному взрыву, проявившемуся в российских революциях начала XX в. Исследование преддверия революций 1917 г. в России показывает легковесность, несерьезность, предвзятость утверждений эмигрантской и либеральной историографии о случайности революций в России.

Исследование преддверия революций в России свидетельствует, что при возникновении социальных конфликтов предприниматели проявляли неуступчивость, бескомпромиссность, а попытки властей регулировать взаимоотношения конфликтующих, сохранять социальное спокойствие, были нерешительными, исходили из стремления не ущемлять интересы предпринимателей.

Правительство и органы власти, надеясь на прочность существовавшего режима и всемогущество административного аппарата, равнодушно, беззаботно реагировали на сообщения о росте недовольства в народных массах, неуклонно проводили политику, направленную на сохранение царского самодержавия, «неприкосновенности» существовавшего общественно-политического строя, на подавление протестных движений с помощью карательных органов и военной силы.

Однако такая политика оказалась близорукой, недальновидной, привела к созданию в обществе напряженной социальной ситуации. Предотвращение назревавшего социального взрыва становилось неотвратимой задачей для спасения существовавшего политического режима, с которой царское правительство справиться не смогло.

Анализ причин и природы революций 1917 гг. в России позволяет извлечь исторические уроки, показывает, что ухудшение материального положения народных масс, колоссальный разрыв между меньшинством сверхбогатых и абсолютным большинством бедных, создают в обществе социальную напряженность, чреватую опасностью возникновения социальных потрясений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008.

Арсентьев В.М. Рабочая история первой половины XIX века в пространстве истории российской промышленности // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра : материалы Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 3 декабря 2012 г. / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2012.

Бабич Д. «А царь Николашка побег за вином...» // Родина. М., 2016. Ноябрь, № 11.

Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс-академия, 1992.

Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2.

⁸⁸ Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюньцзы. 2 изд. М.: Наталис, 2005.

- Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л.: Наука, 1965.
- Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900. М.: Наука, 1985.
- Гаврилов Д.В. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861–1900 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма, 1861–1917: Сб. науч. тр. / АН СССР. Урал. отдние; Отв. ред. Гаврилов Д.В. Свердловск, 1988. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 779.
- ГАСО. Ф. 643. Оп. 8. 1899. Д. 2427.
- Земельные наделы уральских рабочих // Русское слово. СПб., 1913. 4 августа. № 180.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. В 11 т. М.: Наука, 1968. Т. VI.
- История СССР. XIX – начало XX в. М.: Высшая школа, 1981. Колчаковщина на Урале: 1918–1919 годы. В документах и материалах. С вводным очерком А.Таняева. Свердловск, 1929.
- Ленин В.И. Замечательное дело // Полн. собр. соч. Т. 23.
- Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд. М.–Л., 1930.
- Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1905. Ч. 1.
- Новое побоище // Искра (Женева). 1903. 15 марта.
- Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М.: Тип. товарищества И.Д.Сытин, 1910.
- Отмар-Штейн Ф. Поземельное устройство мастеровых // Юридическая газета. СПб. 1896. 18 и 22 августа. № 63–64.
- Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы в 1861–1862 гг. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- П.А.Столыпин и Сенат // Речь. СПб., 1911. 31 марта. № 8. Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в. 1861–1904: сборник документов. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960.
- Постников С.П., Фельдман М.А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011.
- ПСЗ. 3-е изд. Т. 2; Т. 12; Т. 17.
- Рабочее дело (Женева). 1899. № 2–3.
- Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910.
- Родзянко М.В. Крушение империи. 2-е изд. Л.: Прибой, 1929.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 1. 1884. Д. 596.
- Сенат и Н.А. Маклаков // Речь. СПб., 1913. 4 августа. № 210.
- Сигов И.С. Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. СПб., 1899. № 4.
- Трагедия в Златоусте // Искра (Женева). 1903. 1 апреля.
- Удинцев В.А. Посессионное право. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В.И.Завадского, 1896.
- Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор / Собр. и сост. В.П.Бирюков. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1953.
- Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюньцзы. 2-е изд. / сост. Е.В.Якимова. М.: Наталис, 2005.

МЕСТО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ XX – НАЧАЛА XXI вв.⁸⁹

Необходимость прогнозирования и планирования в экономическом развитии страны осознавалась российскими экономистами и политиками еще в начале XX в. Жестокий экономический кризис 1900–1903 гг. и промышленная депрессия 1904–1909 гг. вызвали поиск выходов из кризиса, путей прогрессивного роста. М.И.Туган-Барановский и

⁸⁹ Статья впервые опубликована: Исторические вызовы и экономическое развитие России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 53–58.

И.Х.Озеров выход из кризиса видели в привлечении иностранных капиталов, без использования которых, по их мнению, было «нечего и думать» о развитии российской промышленности [8; 10].

Начало научному планированию было положено после Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти. Советское правительство с первых шагов поставило задачу всемерно развивать производительные силы страны, осуществить переход к крупному машинному производству, опираясь на собственные силы и ресурсы [6].

В декабре 1920 г. съезд Советов одобрил план восстановления и развития народного хозяйства страны, подготовленный Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО). Это был первый в мире государственный план, определивший научно обоснованные пути развития народного хозяйства страны, притом на базе самого передового в то время вида энергии – электричества. План был рассчитан на 10–15 лет и успешно выполнен с большим превышением⁹⁰. План ГОЭЛРО положил начало советской государственной системе планирования, predetermined стратегию, методологию и проблематику будущих пятилетних планов.

Первый пятилетний план (1928–1932) предусматривал ускоренное развитие производительных сил страны, в первую очередь, – тяжелой индустрии – металлургии, машиностроения, энергетики, химии, создание новой угольно-металлургической базы на Востоке страны, крупных предприятий легкой и пищевой промышленности, коллективного земледелия, определялись конкретные цели и задачи в экономике и социальной жизни, финансовые, материальные и кадровые ресурсы. Строившиеся предприятия оснащались самой передовой по тому времени импортной или отечественной техникой⁹¹.

Первый пятилетний план был выполнен досрочно – за 4 года и 3 месяца. Удельный вес промышленности в валовой продукции страны в 1932 г. составил 70,7%. СССР превратился из аграрно-индустриальной в индустриальную страну.

Начало первой пятилетки совпало с глубоким экономическим кризисом, охватившим в 1929–1933 гг. США и страны Западной Европы. Кризис сопровождался громадным спадом производства, массовым закрытием предприятий, многомиллионной безработицей, резким обнищанием масс. Крупные советские закупки современного оборудования в те годы помогали западным странам поддерживать производство, снижали у них уровень безработицы, ослабляли социальное напряжение.

В США было куплено основное оборудование Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, Московского и Горьковского автомобильных заводов, Сталинградского, Харьковского и Челябинского тракторных заводов и т.д. В 1931 г. в Англии была закуплена половина всех произведенных ею металлорежущих станков. К началу Великой Отечественной войны СССР имел один из самых мощных и самых молодых в мире станочных парков [4; 7]⁹².

⁹⁰ План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955.

⁹¹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 1–3.

⁹² Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке. М.; Л., 1934.

«Великая депрессия» 1929–1933 гг. значительно подорвала авторитет США и, наоборот, подняла престиж СССР, который в те годы успешно выполнял свой пятилетний план, развивался высокими темпами, полностью ликвидировал безработицу, что вызвало острые дискуссии в западной прессе и среди историков и экономистов. Планирование хозяйства было воспринято на Западе как вызов системе «свободного предпринимательства», как «советский вызов Америке» [1; 3].

Э.Х.Карр писал, что советское планирование привело к созданию «экономики нового образца», превратило ее в «контролируемую центром систему», было «новой и неизвестной концепцией». «Экономическое влияние Советского Союза на остальной мир, – считал Карр, – можно суммировать одним словом – “планирование”» [2]. Президент США Г.Гувер назвал идею советского планирования «заразой, проистекшей из лозунга пятилетнего плана» [5].

В предвоенные пятилетки, в 1929–1941 гг., вступило в строй около 9 тыс. крупных предприятий, построены гиганты черной и цветной металлургии, машиностроения, энергетики, химии, созданы заново станкостроение, автомобильная, тракторная и авиационная промышленность, начался массовый выпуск самолетов, автомобилей, тракторов, комбайнов, вооружений и военной техники. В конце 1930-х гг. по объему промышленной продукции СССР вышел на второе место в мире после США, обогнав Великобританию, Германию, Францию.

Созданный за годы предвоенных пятилеток военно-промышленный потенциал дал возможность СССР не только выдержать огромной силы удар немецко-фашистских агрессоров, имевших в своем распоряжении промышленный потенциал почти всей оккупированной ими Западной Европы, но и сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

После окончания Великой Отечественной войны за пять лет СССР восстановил разрушенное войной хозяйство и быстрыми темпами стал развивать все отрасли народного хозяйства. В 1949 г. была создана первая советская атомная бомба, в 1957 г. в космос запущен первый в мире искусственный спутник, в 1961 г. осуществлен первый в мире выход человека в космос, достигнут паритет с Западом в ракетно-ядерных вооружениях, освоены миллионы га целинных земель, возводились города в тайге, строился БАМ, создан мощный нефтегазовый комплекс в Западной Сибири. За 1950–1980-е гг. мощь советской экономики удвоилась. Государственные пятилетние планы позволяли развивать все отрасли производства, сферы обслуживания, науку и культуру, использовать финансовые, материальные и трудовые ресурсы на выполнение государственных целевых программ.

После смены в стране в 1991–1993 гг. общественно-политического строя и перехода к рыночным отношениям плановая экономика была признана неэффективной, подверглась осуждению и порицанию. Осуществлен отказ от плановой экономики, сняты ограничения внешней торговли, разрешен вывоз капиталов, восхвалялись стихийный рынок и частная собственность на орудия и средства производства, рыночные отношения, приватизация, утверждалось, что «рынок все поставит на

свое место», «эффективные собственники» обеспечат бурный рост экономики и всеобщее процветание и благоденствие. Однако благостные упования на всеисилие «свободного рынка» и «эффективных собственников» не оправдались. Либеральные историки при «перестройке» и переходе на рыночные отношения критиковали (и до сих пор усердно критикуют) советскую хозяйственную деятельность за «отсутствие самостоятельности», за то, что в советское время «радикальные новаторские предложения» о переходе к рыночным отношениям «отвергались», были «гласом вопиющего в пустыне», «наталкивались на имперские амбиции Сталина» (!), привели «к кризису всей системы» [12]. Руководствуясь теорией тоталитаризма, они утверждают, что в стране «по мере развития индустриального общества, террор превращался в перманентную практику сталинизма», «закупорил саму возможность существования конкурентоспособного в военно-экономическом отношении СССР» [11].

Президент В.В.Путин потребовал от всех ветвей власти в течение ближайших шести лет обеспечить рост экономики, войти в пятерку крупных экономик мира, осуществить «технологический прорыв», выдвинул 12 «прорывных национальных программ». Финансовым источником их выполнения должны послужить также пенсионная реформа, рост НДС, тарифов ЖКХ, штрафов, пошлин, увеличение цен и т.п.

Для осуществления «прорыва» требуется, чтобы темпы роста составляли не менее 4–5%. Экономика РФ уже 10 лет растет в среднем на 1% в год. А.Кудрин, глава Счетной палаты, руководитель Центра стратегических разработок, один из топ-менеджеров экономической ветви исполнительной власти, публично высказал сомнение в исполнимости выдвинутых нацпроектов и «технологического прорыва».

Россия получила в наследство от СССР производство, основывавшееся на 3-м и 4-м технологических укладах. Сейчас в экономике РФ господствуют 4-й и 3-й уклады: на технологиях 4-го уклада базируется 50% производств, 3-го уклада — 30%, 5-го уклада — 10%. В промышленно развитых странах производства базируются: в США и Японии — 60% на 5-м укладе, до 5% — на 6-м. В КНР 30% производства базируется на 5-м укладе.

Освоить 5-й уклад (микроэлектроника, вычислительная техника, робототехника, информационные технологии) РФ в полной мере не смогла, за исключением авиакосмоса и оборонного комплекса. РФ импортирует большое количество электронных товаров (компьютеров, телефонов, смартфонов, телевизоров), изготовленных за рубежом производствами 5-го уклада.

Для осуществления «технологического прорыва» РФ предстоит создать производство, базирующееся на 5-м и 6-м укладах (6-й уклад: нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии) [9].

Несмотря на негативное отношение либерализма ко всякому планированию, оно используется во многих странах. После Великой Отечественной войны, доказавшей успехи и устойчивость советской экономики, планирование в разных формах и различных масштабах стало использоваться во Франции, Нидерландах, Норвегии, Японии, в 1950–

1960-х гг. – в Швеции, Финляндии, Великобритании, Италии, Бельгии, ФРГ, Испании, в 1970-х гг. – в США и Канаде. Использование плано-во-рыночной модели управления экономикой помогло КНР добиться крупных социально-экономических достижений, стать второй экономикой в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Касьяненко В.И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М., 1964.
2. Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.
3. Ленин В.И. набросок плана научно-технических работ // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228–231.
4. Мишустин Д.Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М., 1938.
5. Озеров И.Х. Что делать? М., 1913.
6. Орленко Л. Модель экономики // Отечественные записки. 2018. № 21. С. 10–13.
7. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. СПб., 1912.
8. Фельдман М.А. Октябрь 1917 г. – начало Советской истории (к 100-летию Октябрьской революции 1917 г.). Екатеринбург, 2018.
9. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург, 2018.
10. Eddy Sh. The Challenge of Russia. London, 1931.
11. Carr E. N. The Soviet Impact on the Western World. New York, 1947.
12. Counts G. S. The Soviet Challenge to America. New York, 1931.

БЛИЦКРИГ – ГРАНДИОЗНАЯ АВАНТЮРА ГИТЛЕРА⁹³

Блицкриг (Blitzkrieg) – скоротечная молниеносная война, принципиально новый способ военных действий, основа военной стратегии Третьего рейха, теоретически обоснованный и впервые практически примененный фашистской Германией во Второй мировой войне.

Скоротечная победоносная война с давних времен была заветной, но неосуществимой мечтой всех полководцев. Особенно усилились поиски способов ведения такой войны после Первой мировой войны, начиная которую, правительства и военное руководство всех стран рассчитывали закончить ее за три-четыре месяца, но продолжалась она четыре года и закончилась для многих стран их катастрофой. В 1920-х гг. предполагалось, что быструю победу над противником могут обеспечить мощная авиация, воздушное нападение, воздушная война («теория Дуэ» и др.).

Появление в 1930-х гг. танков с усиленной противоснарядной бронезащитой, мощным вооружением, обладавших высокой скоростью передвижения, создало материальные возможности для проведения операций стратегического значения путем применения высокоманевренных танковых и механизированных соединений.

В Германии генералом Г.Гудерианом, энергично поддержанным А.Гитлером, был разработан новый способ применения бронетанковых войск – «блицкриг», изложенный им в книге «Achtung, panzer!» («Внимание, танки!»), были разработаны теория и способы массового использования танковых и механизированных соединений во взаимо-

---

⁹³ Статья впервые опубликована: Великой подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сборник научных статей. Екатеринбург: б.и., 2020. С. 129–140.

действию с другими родами войск с целью выполнения не только тактических и оперативных, но и стратегических задач.

А.Гитлер увидел в блицкриге материальную базу для осуществления своих бредовых замыслов о завоевании мирового господства. Когда на показе армейской техники в Куммерсдорфе в 1934 г. Гудериан изложил ему теорию блицкрига и роль в нем танковых войск, Гитлер воскликнул: «Это то, что мне нужно, и то, что я буду иметь!» [4, с. 6].

Теория блицкрига стала концептуальной основой военной стратегии Третьего рейха, произвела переворот в военном деле, превратила фашистский вермахт в одну из самых сильных, самых мощных армий в мире [26, с. 167–206].

Суть «блицкрига» состояла в том, что решающую роль в нем имели танки, которые поддерживали моторизированная пехота, артиллерия, саперы, части обслуживания, авиация. Танки на узком участке фронта наносили внезапный массированный сокрушительный удар, прорывали фронт противника и устремлялись вперед, вторгаясь танковыми клиньями на большую глубину обороны противника, вырывались на оперативный простор, окружали крупные группировки противника, превращая оперативные успехи в стратегическое превосходство.

Успеху блицкрига должны были способствовать нарушение у противника системы связи и управления, внезапность нападения, вызванные ею страх и паника. Блицкриг предусматривал осуществить разгром противника до того, как он сможет провести мобилизацию, перестроить свою экономику на военный лад, получить военную поддержку от союзников.

Непременными, обязательными условиями осуществления блицкрига должны были быть: 1) тесное взаимодействие всех родов войск, участвующих в операции (танков, артиллерии, авиации, мотопехоты, саперов), 2) прочное и устойчивое управление войсками. Предполагалось, что достижению этих целей будут сопутствовать деморализация противника, прекращение боевых действий и быстрая сдача в плен солдат и офицеров окруженных войск противника [4; 8; 25].

Теоретические проблемы боевого использования танковых войск в период между Первой и Второй мировыми войнами разрабатывались и в других странах. В СССР на рубеже 1920–1930-х гг. военными теоретиками (А.А.Свечин, В.К.Триандафиллов, К.Б.Калиновский) была разработана «теория глубокой операции» – наступления механизированных соединений вглубь обороны противника на 200–300 км, опирающихся на массированное применение танков и авиации, с достижением оперативных успехов. Положения теории были продемонстрированы (только продемонстрированы!) на маневрах Киевского (1935 г.) и Белорусского (1936 г.) военных округов.

Осуществление «глубокой операции» не выходило за рамки выполнения тактических и оперативных задач, танки в ней рассматривались в качестве приданных к пехоте и кавалерии [13; 34, с. 423–443; 39, с. 19–9, 114–120].

Взаимодействие танковых соединений с пехотой, артиллерией, авиацией по этой теории не отрабатывалось. Советские войска были слабо

механизированы и недостаточно маневренны, не было налажено твердое и устойчивое управление войсками. Не были отобилизованы и развернуты органы войскового и оперативного тыла, что создавало трудности в материальном обеспечении боевых действий. Не изучались такие тактические способы, как бои в окружении, вывод войск из окружения.

Практического применения в подготовке войск к ведению боевых действий эта теория не получила. Стратегия блицкрига, впервые примененная фашистской Германией в годы Второй мировой войны, оказалась полной неожиданностью для ее противников. Развязав 1 сентября 1939 г. Вторую мировую войну, применяя теорию блицкрига, новые стратегические принципы, новые оперативные и тактические способы ведения боевых действий, фашистские войска короткими мощными ударами сокрушили армии ряда западноевропейских стран, Польша, хваставшаяся, что ее армия является «одной из самых сильных в Европе», была разгромлена за 27 дней, Дания завоевана за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5 дней, Бельгия – за 18, Франция, сильнейшая в военном отношении держава – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день, Крит – за 11 дней. До этого без одного выстрела Гитлер оккупировал Австрию и Чехословакию.

Победы Гитлера, в короткий срок (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) подчинившего себе всю Западную Европу (кроме островной Великобритании), были ошеломляющими.

Фашистский рейх достиг огромного могущества. Гитлер поставил на службу вермахту не только экономику и военную промышленность Германии, но и оккупированных и попавших к нему в зависимость стран. Были возвращены населенные немцами территории, отошедшие от Германии по Версальскому мирному договору 1919 г. к Франции, Бельгии, Дании, Польше, Литве.

Впервые в истории в единое государство вошли все земли в Центральной Европе, населенные немцами. Это высоко подняло авторитет Гитлера в глазах немецкого народа. Геббельсовская пропаганда на весь мир раструбила миф о «непобедимости», «непревзойденном мастерстве и могуществе» фашистской армии, «величайшем полководце» Гитлере, ниспосланном Провидением для осуществления исторической миссии «обновления и возвышения» германской нации.

Гитлер усиленно готовился к большой войне. 1 марта 1935 г. в Германии была объявлена всеобщая воинская повинность, в 1939 г. вермахт насчитывал 4,7 млн чел. Фашистская армия была отобилизована, хорошо оснащена, к 22 июня 1941 г. имела двухлетний опыт ведения войны. Личный состав немецко-фашистских войск, одурманенный мощной лживой геббельсовской пропагандой, был заражен звериным национализмом, антисемитизмом и антикоммунистическим психозом, верил в идеи превосходства «высшей расы» над «неполноценными народами», в разбойничьи идеи «расширения жизненного пространства для германского народа», исполнении ими миссии «внедрения германской культуры и цивилизации в завоеванных пространствах».

Заранее, многие годы велась работа по созданию в странах вероятных противников профашистских «пятых колонн», которые в случае

войны должны были помогать продвижению фашистских войск, сеять панику в рядах противника, устраивать диверсии.

Большая надежды возлагались на деморализацию войск противника, ослабление их воли к сопротивлению. Перед нападением на СССР заранее было отпечатано 50 млн (!) листовок для Красной армии, предназначенных для разбрасывания авиацией. В них бойцам и командирам, «во избежание бессмысленного кровопролития», предлагалось переходить на сторону германских войск, лживо обещая, что каждому сдавшемуся в плен будет оказан «хороший прием, накормят его и устроят на работу» [22, с. 112; 24, с. 40; 27, с. 428–435].

Советские вооруженные силы находились в стадии развертывания. Всеобщая воинская обязанность в СССР была введена 1 сентября 1939 г. В 1939–1941 гг. численность Красной армии с 1,9 млн чел. (на 24.02.1939 г.) возросла до 5,8 млн чел. (на 22.06.1941 г.), то есть возросла в три раза. Формировалось 125 новых стрелковых дивизий и множество соединений и частей других родов войск. Число слушателей в военных академиях было увеличено в два раза, в 1940 г. сформировано 42 новых военных училища. Существовали большие трудности в обеспечении новых соединений техникой, вооружением, транспортными средствами, командным составом. Молодые командиры, окончившие ускоренные курсы училищ, не успевали освоиться со своими обязанностями, личному составу не хватало времени для овладения новой техникой.

Уровень подготовки командного состава был низким. Военный эксперт полковник А.Зайцев писал: «Ахиллесова пята Красной армии – ее командный состав... Он не на высоте тех требований, которые ему предъявит война» [40, с. 194]. На совещании начальствующего состава РККА 17 апреля 1940 г. И.В.Сталин отметил слабость подготовки личного состава к войне: «Культурного, квалифицированного и образованного командного состава... нет у нас или есть единицы... Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. Их пока нет у нас... Требуются... хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные. У нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально малоразвит. Он плохо обучен...» [36, с. 279, 280].

Подготовить Красную армию за короткий срок к ведению современной маневренной войны с опытейшим противником оказалось невозможным.

Успехи фашистских войск в Западной Европе в сентябре 1939 – первой половине 1941 г. обеспокоили Советское правительство и советское высшее военное командование, особенно после разгрома Франции, когда стало ясно, что следующим объектом фашистской агрессии станет Советский Союз.

Боевые действия немецких танковых и моторизованных войск в Западной Европе освещались в советской военной печати [5], но необходимости тщательного их изучения и практического применения не придавалось большого значения. По мнению некоторых современных историков и журналистов, советские военачальники еще до начала Великой Отечественной войны якобы знали, «как нужно воевать», обладали: «незаурядными способностями в области предвидения развития

событий», «даром провидения», «умением проникнуть в замыслы противника и понять его действия», «умением предвидеть возможное развитие событий на поле боя» [9, с. 4; 10, с. 156, 239; 20, с. 6, 19]. В июне-июле 1941 г. таких качеств в массе своей они ни не проявили.

Проблема изучения и использования боевого опыта вероятных противников оставалась вне внимания высшего военного руководства. В декабре 1940 г. на совещании высшего командного состава РККА Нарком обороны С.К.Тимошенко заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового» [17, с. 11]. Начальник Генерального штаба Г.К.Жуков на докладе Главного разведывательного управления об опыте боевых действий гитлеровских войск при разгроме Франции написал: «Мне это не нужно» [17, с. 184].

Нарком обороны и Генеральный штаб, несмотря на то, что обладали громадной разведывательной информацией, в том числе о фашистских ударных группировках, изготовившихся для нападения, не смогли выявить и распознать, проглядели суть фашистского блицкрига, стратегия которого оказалась для них неожиданной, неподвижной и непонятой.

Советское командование, руководители Наркомата обороны (С.К.Тимошенко) и Генерального штаба (Г.К.Жуков) не смогли определить направление и силу предполагавшихся главных ударов фашистских группировок, не предусмотрели меры по их отражению, по созданию жесткой, эшелонированной обороны, по налаживанию взаимодействия различных родов войск, установлению надежных средств связи. Такие меры, несомненно, задержали бы продвижение фашистских ударных группировок, не позволили бы им выйти на оперативный простор и окружить крупные силы советских войск.

С.К.Тимошенко и Г.К.Жуков, готовясь к отражению готовящегося нападения фашистской Германии, руководствовались импровизированным «планом» нанесения по вторгнувшемуся противнику «немедленного встречно-лобового контрудара». С.К.Тимошенко позднее признал, что они вступили в войну по «безграмотному сценарию» [17, с. 230–241]. Г.К.Жуков в 1956 г. проговорился, что накануне войны наши «войска не были развернуты в правильных оперативных построениях» [18, с. 289].

Развернуть их «в правильных оперативных построениях» были обязаны Нарком обороны (С.К.Тимошенко), Генштаб (Г.К.Жуков), командующие военных округов.

Суровым испытанием для страны, ее вооруженных сил, советских военачальников стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Война началась с крупных поражений советских войск, сейчас называемых «катастрофой 1941 года».

22 июня 1941 г., вероломно нарушив договор 1939 г. о ненападении, немецко-фашистские войска на всем протяжении советско-германской государственной границы вторглись на территорию СССР. Советские войска западных Особых военных округов при низкой плотности построения были разбросаны на большой территории в широкой полосе от 2 до 400–500 км, не имели оперативной связи друг с другом, были

разорваны на три эшелона: войска прикрытия границы, «глубинные дивизии», войска Второго стратегического эшелона. Наиболее боеспособные советские механизированные корпуса были загнаны в белостокский и львовский выступы, оказались в стороне от направления главных ударов фашистских войск и не смогли повлиять на ход и исход приграничных сражений.

Начиная войну против СССР, Гитлер и верховное командование германского вермахта были уверены в победоносном исходе похода на Восток. Разгром СССР Гитлер считал решающим шагом к завоеванию Германией мирового господства. На совещании в Оберзальцбурге 22 августа 1939 г. Гитлер заявил: «Мы разобьем Советский Союз. На земле наступит германское владычество» [12, с. 497].

Немецко-фашистские войска, смяв в первые дни войны слабое приграничное прикрытие, по частям уничтожали разбросанные советские воинские части и соединения. Прорвав без больших усилий Западный фронт, они на шестой день войны, 28 июня, захватили Минск и замкнули кольцо окружения («Минский котел»), в котором оказались три советские армии, фактически – почти все главные силы войск Западного фронта. В плен были взяты 270 тыс. красноармейцев и командиров, были захвачены и уничтожены 4799 танков, 9427 орудий, 1777 самолетов [6, с. 4].

Начальник германского генерального штаба сухопутных войск генерал Ф.Гальдер 3 июля 1941 г. записал в своем дневнике: «Кампания против России выиграна в течение 14 дней» [7, с. 79]. Гитлер также считал, что русские практически уже проиграли войну, они больше не смогут восстановить свои разгромленные танковые и военно-воздушные силы [35, с. 258].

Вторгшиеся на советскую землю фашистские войска с первых дней войны встретили упорное, ожесточенное сопротивление Красной армии, несли большие потери в живой силе и технике. На седьмой день войны, 29 июня 1941 г., начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф.Гальдер записал в своем дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов... В Польше и на Западе они могли пренебречь правилами, но здесь снова пришлось вспомнить о них» [7, с. 60].

Либеральные историки и политики – М.С.Солонин, Г.Х.Попов и др. сочинили лживые мифы, что в начале войны Красная «армия не воевала», «народ и армия не хотели умирать за советский строй, за сталинский социализм», шла «массовая добровольная сдача в плен», что не соответствует действительности [31; 37].

Поражения советских войск и захват фашистами в плен большого количества красноармейцев и командиров в начале войны объясняются подавляющим превосходством фашистских войск в силах и средствах, особенно в танках и самолетах на направлениях главных ударов, их преимуществом в подвижности, возможностью широко маневрировать, выходом на оперативный простор, обходя укрепленные районы, позволяющем перерезать линии коммуникаций, нарушить управление

и снабжение окруженных войск. Окруженные советские войска продолжали сражаться до тех пор, пока у них не заканчивались продовольствие, горючее и боеприпасы и, лишь оказавшись в безвыходном положении, они вынуждены были сдаваться в плен. Число добровольно сдавшихся в плен красноармейцев было ничтожным.

Сопrotивление советских войск все более и более возрастало. На смену разбитым в боях советским соединениям из глубины страны к фронту непрерывным потоком шли вновь создаваемые дивизии. На рубеже р. Березины и верхнего Днепра из остатков отошедших войск Западного фронта и выдвинутых из тыла резервных армий был создан новый фронт, преградивший путь фашистам. Ожесточенное Смоленское сражение надолго задержало наступление фашистских войск на Москву. Немецкие войска понесли большие потери, выдохлись и уже не могли наступать в прежнем темпе и по всему фронту. 30 июля 1941 г. Гитлер отдал приказ приостановить наступление на Москву и перейти на Центральном фронте к обороне.

В августе-сентябре 1941 г. фашистские войска добились новых крупных успехов. Последовали новые окружения советских войск и новые «котлы»: Уманский (август 1941 г, в окружении две советские армии, в плен попали 103 тыс. чел, захвачено 317 танков и 858 орудий), Киевский (сентябрь 1941 г., в окружении главные силы Юго-Западного фронта, четыре советские армии, в плен взято 665 тыс. чел., захвачено 3718 орудий и 884 танка) [11; 38, с. 183, 194].

Осуществлявшие глубинные прорывы немецкие ударные группировки имели уязвимые фланги, прорвавшись в глубокий тыл, они отрывались от своих баз снабжения и оперативного тыла. По этим наиболее чувствительным для них местам и стремилось нанести удары советское командование. Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны, исходя из сложившейся оперативной обстановки, советские войска наносили чувствительные удары по флангам вторгшихся фашистских группировок, правда, не всегда организованно и достаточными силами.

На Северо-Западном фронте в первые дни войны 3-й мехкорпус (командир – генерал-майор А.В.Куркин) и 12-й мехкорпус (командир – генерал-майор Н.М.Шестопапов) в районе Шауля нанесли контрудар по вклинившимся немецко-фашистским войскам и причинили им значительный урон.

14–18 июля 1941 г. Главное командование Северо-Западного направления (командующий – Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, начальник штаба – генерал-лейтенант Н.Ф.Ватутин) силами 11-й общевойсковой армии и 12-го механизированного корпуса нанесли в районе Сольцы контрудар по вырвавшемуся вперед 56-му немецкому моторизованному корпусу, которым командовал «самый лучший оперативный ум» Германии Э. фон Манштейн. Немецкий корпус был разбит, понес большие потери и отброшен на 40 км [1, с. 211–220; 17, с. 204–206; 30, с. 111–132].

Командование Юго-Западного фронта (командующий генерал-полковник М.П.Кирпонос) организовало контрудар по флангам вклинившейся главной группировки немецко-фашистской группы

армий «Юг». 26–28 июня 1941 г. в районе Луцка, Ровно, Дубно, Броды развернулись танковые сражения. 8-й механизированный корпус (командир – генерал-майор Д.И.Рябышев) и 15-й механизированный корпус (командир – генерал-майор И.И.Карпезо) с юга, 9-й механизированный корпус (командир – генерал-майор К.К.Рокоссовский) и 19-й механизированный корпус (командир – генерал-майор Н.В.Фекленко) с севера атаковали наступавшую фашистскую группировку. Немецкие войска были отброшены на 10–35 км. Мехкорпус Д.И.Рябышева вышел на коммуникации наступавшей фашистской группировки, что вызвало в немецких частях панику.

Несмотря на то, что контрудар был плохо организован (для выдвижения на рубежи атаки мехкорпуса проделали марши в 100–250–300 км, атаковали противника без подготовки, сходу, разрозненно, без разведки и установления связи с другими соединениями, без поддержки пехотой и артиллерией, без авиационного прикрытия), он нанес противнику большие потери в живой силе и технике и задержал продвижение вперед, что позволило командованию Юго-Западного фронта вывести войска из львовского выступа и избежать окружения, не позволило фашистским войскам вырваться на оперативный простор [1, с. 227–235; 2, с. 110–138; 33, с. 132–139; 34, с. 11–21].

Некоторые современные историки осуждают организаторов этих «бессмысленных», по их мнению, ударов, но они наносили немцам весьма существенные потери в живой силе и технике, обессилевшие, выдохшиеся фашистские ударные группировки вынуждены были замедлить, приостановить наступление. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф.Гальдер в своем военном дневнике постоянно отмечал «очень неприятные» для фашистских войск фланговые удары, мешавшие продвижению фашистской армии.

Преувеличение, переоценка Гитлером и командованием фашистского вермахта возможностей блицкрига привели к принятию авантюрных решений и провалу блицкрига в войне против СССР.

Гитлер и фашистское командование не учли мобилизационные возможности Советского Союза, патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну против фашизма. Гитлер, уже спустя полтора месяца после начала войны, понял, что совершил ошибку, напав на СССР. 4 августа 1941 г. Гитлер, находясь в ставке командующего наступавшей на Москву группой армий «Центр» Ф. фон Бока, «лучшего стратега» фашистской армии, получившего звание генерал-фельдмаршала за взятие Варшавы и Парижа, в кулуарах совещания сказал Гудериану: «Если бы я знал, что приведенные в вашей книге данные о мощи русских бронетанковых сил соответствовали действительности, я думаю, что никогда бы не начал эту войну» [16, с. 294].

30 сентября – 2 октября 1941 г. немецко-фашистские войска начали решающее наступление на Центральном направлении с целью захватить Москву и до наступления зимы закончить войну. 2-я танковая группа Г.Гудериана из района Шостки, 3-я танковая группа из района Духовщины и 4-я танковая группа из района Рославля нанесли мощные удары, прорвали советский фронт и вышли на оперативный простор.

Сомкнувшись друг с другом восточнее Вязьмы, они окружили главные силы Западного и Резервного фронтов. В Вяземском «котле» оказались в окружении и были взяты в плен 663 тыс. чел., захвачены 1242 танка, 5412 орудий [11, с. 14, с. 60–67; 38, с. 200].

Окруженные в районе Вязьмы советские войска, вопреки расчетам гитлеровцев, продолжали мужественно, самоотверженно и стойко сражаться, задержав на 8–9 дней выделенные для борьбы с ними 28 немецких дивизий, что значительно ослабило рвущуюся к Москве фашистскую ударную группировку.

На Западном направлении образовалась огромная брешь, пути на Москву оказались открытыми, что поставило советскую столицу и само существование Советского государства под серьезную угрозу. Чтобы прикрыть Московское направление, советское командование в срочном порядке стягивало на Можайскую линию обороны все возможные воинские части, вплоть до курсантов военных училищ.

Замысел Гитлера – 15 августа захватить Москву и к октябрю закончить войну против России, оказался нереальным. Советское командование перебросило под Москву с Дальнего Востока 10 дивизий и несколько сот танков, готовило новые резервные армии. Немецко-фашистские войска вышли на подступы к Москве, достигли ее окраин, нависли над Москвой с севера и юга, но дальше продвинуться не смогли, были измотаны и обескровлены, не имели резервов, наступила зима.

5 декабря 1941 г. советские войска под Москвой перешли в контрнаступление. Под их ударами немецко-фашистские войска, неся большие потери в живой силе и технике, вынуждены были откатываться назад, бросая свои танки, пушки, автомобили. Все белоснежные поля под Москвой были усеяны разбитой и брошенной фашистской техникой. Только за две недели декабря немцы потеряли под Москвой 1000 танков [3, с. 180–298; 23, с. 13–285]. Известие о потере под Москвой тысячи танков подорвало нервную систему Гитлера. Он говорил Борману: «Я всегда ненавидел снег... Теперь я знаю почему. То было предзнаменование» [41, с. 60].

В Московской битве немцы потеряли свыше 0,5 млн убитыми и ранеными, 2100 танков, 2800 орудий и около 1500 самолетов. За поражение под Москвой были сняты со своих постов 35 генералов, в том числе главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, командующие 2-й и 3-й танковыми группами генерал-полковники Г. Гудериан и Э. Гёпнер. Моральный дух фашистской армии был надломлен. Гитлеровские военные трибуналы за дезертирство, самовольный отход с позиций, неповиновение и т.п. поступки осудили 62 тыс. солдат и офицеров [21, с. 466].

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой положил начало крутому повороту в Великой Отечественной войне и во всей Второй мировой войне. Впервые с начала Второй мировой войны фашистская армия понесла такие большие потери, впервые ей было нанесено такое крупное поражение. Стало ясно, что молниеносной войны – «блицкрига», у фашистов в России не получилось.

Московская битва навсегда и окончательно похоронила мифы геббельсовской пропаганды о «неотразимом» блицкриге, «непобедимости и непревзойденном мастерстве и могуществе» фашистского вермахта и его бронетанковых сил, «величайшем полководце Гитлере», явилась прологом краха фашистского рейха, стала одним из ключевых событий новейшей истории России.

Несмотря на усиленную работу германской промышленности, резко увеличившей производство танков, восполнить потерю своих танковых войск немцы должным образом не смогли и летом 1942 г. оказались в силах начать наступление только на одном юго-западном направлении, надеясь выйти к Волге и прорваться к Баку. Но они были остановлены в предгорьях Кавказа и у Волги, а затем последовали контрнаступление советских войск, окружение, разгром и пленение крупной группировки немецких войск в Сталинграде [37, с. 684].

Попытка фашистов с помощью новых более мощных танков «Тигр» и «Пантера», штурмовых орудий «Фердинанд» разгромить советские войска на Курской дуге окончилась провалом [15, с. 394]. Стратегическая инициатива до конца войны полностью перешла в руки советского командования.

Фашистский блицкриг потерпел в России полный крах, оказался грандиозной авантюрой Гитлера в его попытке обеспечить за Германией мировое господство, позволившей ему в начале Второй мировой войны побеждать слабых противников, одурманить немецкий народ идеями превосходства «высшей расы» над неполноценными народами, разбойничьей идеей «расширения жизненного пространства для германского народа», авантюрой, разбившейся о твердость и силу СССР и российского народа, закончившейся катастрофой фашистского Рейха.

В ходе Великой Отечественной войны советские военачальники научились гибко и оперативно управлять крупными соединениями при проведении масштабных операции, научились умело, массированно использовать танки во взаимодействии с мотопехотой, артиллерией, авиацией, выработали наилучшую организационную структуру бронетанковых соединений в виде танковых армий.

Овладев способами ведения маневренной войны, творчески применяя критерии «блицкрига», советское командование блестяще провело ряд крупных стратегических наступательных операций:

– окружение и разгром крупной фашистской группировки под Сталинградом в ноябре 1942 – феврале 1942 гг.;

– разгром, окружение в районе Минска и пленение основных сил фашистской группы армий «Центр» в Белорусской операции лета 1944 г.;

– Яско-Кишиневская наступательная операция, разгром немецкой группы армий «Южная Украина», окружение и ликвидация крупных группировок немецких и румынских войск, вывод из войны Румынии, вступление советских войск в Болгарию, Югославию и Венгрию;

– Берлинская наступательная операция в апреле – начале мая 1945 г., окружение и взятие Берлина, завершившая победу над фашистской Германией. Обанкротившийся, проигравший войну Гитлер 29 апреля 1945 г., незадолго до своего самоубийства в берлинском бункере, в сво-

ем политическом завещании зловеще пообещал, что «взойдет однажды посев сияющего возрождения» нацизма [28];

– Маньчжурская наступательная операция в августе 1945 г., завершившаяся разгромом японской Квантунской армии.

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует о важности тщательного изучения способов ведения боевых действий возможными противниками. В наши дни, с развитием механизации всех родов войск, появлением атомного, ракетного и космического оружия, самонаводящегося сверхточного оружия, современных средств связи, компьютерных средств управления, появления новых видов вооружений, новых приемов ведения боевых действий, изучение и использование опыта Великой Отечественной войны и ведущихся в послевоенный период в разных уголках мира «локальных» войн остается необходимой составной частью разработки стратегии и тактики, использования техники и других боевых средств в современной войне.

Гитлеровский блицкриг, рассчитанный, прежде всего, на внезапность нападения и неготовность противника оказать сильное сопротивление, применяемый немцами очень шаблонно, являлся всего лишь одной из разновидностей маневренной войны, позволивший фашистам в начале Второй мировой войны наносить поражения слабым противникам, но оказавшийся негодным, неспособным к осуществлению их планов при встрече с сильным противником. Крах фашистского Рейха означал и крах, переход в историческое небытие гитлеровского блицкрига.

После окончания Второй мировой войны новые претенденты на мировое господство тоже ищут новое оружие и новые способы ведения боевых действий, которые позволили бы им выигрывать войны молниеносными ударами, но, учитывая уроки Гитлера, не получая при этом равносильных или более мощных ответных ударов.

Президент РФ В.В.Путин 12 апреля 2019 г. в Большом Кремлевском дворце на церемонии представления офицеров, назначенных на высшие командные должности, отметив большую работу по комплексному развитию армии и флота, насыщению войск передовой техникой, указав, что именно современное высокоточное и мощное оружие определяет уже сейчас и будет определять в будущем облик российских Вооруженных сил, заявил, что силовым ведомствам необходимы высочайшая компетенция ее сотрудников, их умение мыслить стратегически, опираясь на выверенную информацию, прогнозировать события на годы вперед, учитывая, что потенциальные противники, пока не имеющие средств противодействия новейшим видам вооружения, в ближайшем будущем их создадут [32, с. 2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анфилов В.А. Бессмертный подвиг / В.А.Анфилов. – Москва: Наука, 1971. – 543 с.
2. Баграмян И.Х. Так начиналась война / И.Х.Баграмян. – Москва: Голос, 2000. – 510 с.
3. Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы / Ф. фон Бок. – Москва: Яуза, 2006. – 509 с.
4. Больных А.Г. Молниеносная война: Блицкриги Второй мировой / А.Г.Больных. – Москва: Яуза, 2008. – 347 с.
5. Военная мысль. Орган Народного комиссариата обороны СССР. – Москва, 1940.

6. Гаврилов Д.В. Малоизвестные страницы истории: Развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны / Д.В.Гаврилов // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – № 2 (2). – С. 4–19.
7. Гальдер Ф. Военный дневник / Ф.Гальдер. – Москва: Воениздат, 1971. – Т. 3. Кн. 1. – 368 с.
8. Гудериан Г. Воспоминания солдата / Г.Гудериан. – Смоленск: Русич, 1998. – 653 с.
10. Ерофеева Н.П. Маршал в зеркале Гиппократы / Н.П.Ерофеева // Советская Россия: Голос народа. – 2016. – 1 декабря. – № 133.
11. Исаев А.В. Георгий Жуков / А.В.Исаев. – Москва: Яуза, 2006. – 480 с.
12. Исаев А.В. Котлы 41-го / А.В.Исаев. – Москва: Яуза, 2007. – 400 с.
13. История СССР с древнейших времен до наших дней. – Москва, 1971. – Т. IX. – 552 с.
14. Калиновский К.Б. Проблема механизации и моторизации современных армий / К.Б.Калиновский // Коммунистическая Академия, секция по изучению проблем войны: Записки. – Москва: Изд-во Коммунистической Академии, 1931. – Т. 3. – 223 с.
15. Конев И.С. Начало Московской битвы / И.С.Конев // Военно-исторический журнал. – 1966. – № 10. – С. 56–67.
16. Курская битва 1943 // Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
17. Лесков В.А. Сталин и заговор Тухачевского / В.А.Лесков. – Москва: Вече, 2003. – 478 с.
18. Манштейн Э. Утерянные победы / Э.Манштейн. – Москва: АСТ, 1999. – 896 с.
19. Мартиросян А.Б. 22 июня: Правда генералиссимуса / А.Б.Мартиросян. – Москва: Вече, 2005. – 654 с.
20. Мартиросян А.Б. Трагедия 1941 года / А.Б.Мартиросян. – Москва: Вече, 2008. – 504 с.
21. Маршал Победы в военной истории России: сборник научных статей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 296 с.
22. Московская битва 1941–1942 // Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
23. Мошкин С.В. «Пропаганда разложения – грязное дело»: Немецкие пропагандистские листовки на Восточном фронте / С.В.Мошкин // Вестник Уральского отделения РАН. – 2005. – № 1 (11). – С. 111–119.
24. Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун» / Д.З.Муриев. – Москва: Воениздат, 1972. – 368 с.
25. Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток: «Жертвы» Второй мировой / Ю.И.Мухин. – Москва: Яуза; Эксмо, 2005. – 352 с.
26. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг.: в 3 т. / Б.Мюллер-Гиллебранд. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1958. – Т. 2. – 272 с.
27. Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / под общей ред. В.А.Золотарёва. – Москва: Кучково поле, 2015. – 320 с.
28. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. – Москва: Госполитиздат, 1952. – Т. 1. – 832 с.
29. Политическое завещание Гитлера. – URL: <http://indbooks.in/mirgor2.ru/?p=730686>. – Текст: электронный.
30. Печёнкин А.А. Гибель военной элиты 1937–1938 гг. / А.А.Печёнкин. – Москва: Всероссийский заочный финансово-экономический ин-т, 2011. – 171 с.
31. Полубояров П.П. Крепче брони / П.П.Полубояров // На Северо-Западном фронте, 1941–1943. – Москва, 1969. – С. 11–132.
32. Попов Г.Х. Сорок первый – сорок пятый: Одна война или три? / Г.Х.Попов. – Москва: Международный университет в Москве, 2011. – 314 с.
33. Путин В.В. Речь в Большом Кремлевском дворце на церемонии представления офицеров, назначенных на высшие командные должности / В.В.Путин // Российская газета. – 2019. – 12 апреля. – № 81.
34. Рябышев Д.И. Смелый маневр, дружный натиск / Д.И.Рябышев // 1941 год: Юго-Западный фронт. Воспоминания, очерки, документы. – Львов, 1975. – С. 132–139.
35. Рокоссовский К.К. Солдатский долг / К.К.Рокоссовский. – Москва: Воениздат, 1968. – 497 с.
36. Свечин А.А. Искусство вождения полка / А.А.Свечин. – Москва, 2005. – 448 с.

«Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Док. и материалы. – Москва: Наука, 1967. – 752 с.

37. Солонин М. С. 22 июня: Анатомия катастрофы / М.С.Солонин. – Москва: Яуза; Эксмо, 2011. – 477 с.

38. Сталин И.В. Выступление на совещании начальствующего состава 17.04.1940 г. / И.В.Сталин // Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И.В.Сталин и финская кампания (Стенограмма ЦК ВКП(б)). – Москва: Наука, 1998. – 382 с.

39. Сталинградская битва 1942–1943 // Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.

40. Типпельскирх К. История второй мировой войны / К.Типпельскирх. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1956. – XIII, 607 с.

41. Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий / В.К.Триандафиллов. – Москва, 1929. – 184 с.

42. Шерстнёв В.Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления / В.Д.Шерстнёв. – Смоленск: Русич, 2005. – 528 с.

43. Яковлев Н.Н. 19 ноября 1942 г. / Н.Н.Яковлев. – Москва: Молодая гвардия, 1972. – 175 с.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Ф.И.ГОЛИКОВ – ОБОЛГАННЫЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.И.ГОЛИКОВА)⁹⁴

После окончания Великой Отечественной войны, в первые послевоенные десятилетия, в перечне выдающихся генералов и маршалов Победы неизменно назывался уроженец Урала Филипп Иванович Голиков. Статьи о Московской, Сталинградской битвах, о фронтах, которыми в годы Великой Отечественной войны командовал Ф.И.Голиков, сопровождалась его портретами. Сейчас, особенно после 2010 г., доброе имя Ф.И.Голикова вполне справедливо и заслуженно снова появилось на страницах исторических работ.

Но в 1980–1990 гг., в период горбачевской «перестройки», «гласности», ельцинско-гайдаровского «перехода к рыночным реформам», фамилия и портреты Ф.И.Голикова исчезли со страниц печатных изданий. Его фамилия перестала упоминаться в исторических работах, была предана забвению. Более того, на Ф.И.Голикова обрушился ливень лживых, подлых, несправедливых обвинений.

Включившись в развернувшуюся в то время кампанию по очернению советской истории и истории Великой Отечественной войны, 1 апреля 1989 г. читатель курганской молодежной газеты «Молодой ленинец» Леонид Лебедев, вычитав в газетах про Ф.И.Голикова о «фактах», «характеризующих прославленного маршала не с лучшей стороны», задав грозный вопрос: «Кто вы, Маршал Голиков, чье имя носит проспект в Кургане?», предложил читателям обсудить вопрос: «Допустимо ли, чтобы его имя носил новый проспект в Кургане?»

Однако, вопреки обещанию «открыто и гласно» обсудить вопрос, этого не случилось, но вскоре густо повеяло неприятным, вредоносным «духом времени». В «Молодом ленинце» была опубликована серия грязных, весьма тенденциозных статей местного историка-краеведа Владимира

⁹⁴ Статья впервые опубликована совместно с членом Союза журналистов РФ Г.А.Ивановым (Курган): Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Курган: издательство Курганского государственного университета, 2020. С. 7–17.

Плющева, содержание которых показывают уже их названия: «Глаза и уши Сталина», «Голиков держал связь с Берией, врагом народа», «“Баранья” стратегия», «В годы войны: Соглядатай» [31, № 25–27].

В этих статьях-«очерках», не щадя адресата, краевед беспощадно, причем беспочвенно, основываясь на сплетнях и выдуманных анекдотах, «разоблачал» своего выдающегося земляка, «уличал» в приписываемых ему грязных поступках и преступлениях, изображал его нечестным человеком, тупым, безголовым военачальником, «соглядатаем», подхалимом «тирана и деспота Сталина», «доносчиком», «пособником шпиона, злейшего врага народа Берии».

По словам В.Плющева, бездарный Голиков сочинил и всем внушил накануне Великой Отечественной войны идиотскую «баранью» теорию, согласно которой якобы Германия не рискнет напасть на СССР, не имея на складах миллионы бараньих полушубков для зимней кампании в России, а поскольку цены на бараньи шкуры в Европе не росли, сосредоточение германских армий на советско-германской границе было лишь маскировкой перед высадкой фашистских войск в Англию.

Удивительно и непонятно, как, начитавшись подобной галиматии о своем земляке, курганцы сразу же не бросились разрывать асфальт и срывать таблички с названиями на Проспекте маршала Голикова.

Клеветнические измышления в адрес Ф.И.Голикова «всезнающего» краеведа оказались инсинуациями долгосрочного действия, до сих пор оказывают негативные злокачественные последствия, повторяются в книгах, учебных пособиях, оказывают вредное влияние на наше молодое поколение, не знавшее тяжести войны и плохо знающее ее историю.

А давайте, на основании рассекреченных источников, воспоминаний тогда еще живых свидетелей войны, скрупулезно рассмотрим через бинокль времени всю жизнь и служение маршала. Мы увидим иную картину.

Филипп Иванович Голиков в возрасте 18 лет добровольно вступил в Красную армию, прошел в ней путь от рядового красноармейца до Маршала Советского Союза. Накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. командовал четырьмя армиями (6-й, 10-й, 4-й Ударной, 1-й гвардейской) и тремя фронтами – Брянским, Воронежским (дважды), Юго-Восточным, занимал высокие должности в центральном аппарате Вооруженных Сил СССР, всю свою жизнь честно и добросовестно служил Родине и Вооруженным силам.

За храбрость и героизм, проявленные в боях, успехи руководимых им войск, безупречную службу Ф.И.Голиков был награжден 14 орденами, из них – 4 ордена Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Октябрьской революции, 2 ордена Красной Звезды, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени; Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР, 12 медалями СССР, 7 орденами и 6 медалями иностранных государств [33; 36, с. 585–586].

В начале XXI в. стали выходить в свет труды историков, объективно оценивающие военную биографию Ф.И.Голикова [9, с. 33–39; 27; 38, с. 26–28; 43, с. 146–147].

Ф.И.Голиков во все годы своей военной службы, где бы и на каком бы посту он не находился, всегда стремился отдавать до конца все свои силы, здоровье и знания верному служению Родине, не старался отсидеться в тылу. У него, как и у всех военачальников, даже у самых прославленных, были и победы, и неудачи, но он никогда не стремился чем-то выделить, возвеличить, прославить себя – болезнь, которой страдали некоторые известные военачальники. Опровергнуть это никто никогда не смог.

Филипп Иванович Голиков родился 16 (29) июля 1900 года в семье сельского фельдшера в деревне Борисово, ныне – Катайский район Курганской области. Успешно окончил семь классов (восьмилетней) гимназии в г. Камышлове. Окончить ее помешала начавшаяся Гражданская война. Зачем-то даже безобидную, миролюбивую учебу любознательного юного Голикова в гражданской гимназии его бдительные недоброжелатели стараются очернить. Один из таких недоброжелателей свое мнение (конечно, анонимно) изложил в Интернете: «По мне, он чистейший интриган, хитрован и карьерист, который добился головокружительных успехов и непонятно как. Учился на земскую стипендию, кстати. И вовсе не потому, что был такой блестящий ученик» [26].

А вот из воспоминаний Нины Александровны Павловой, выпускницы Камышловской средней школы 1968 г., складывается реальная картина: «Запомнился сентябрь шестьдесят седьмого года событием, запечатленным на фотографии: в школе собирались бывшие выпускники мужской гимназии. Среди них Маршал Советского Союза Ф.И.Голиков. Запомнился рассказ Филиппа Ивановича об учебе в гимназии. Оказывается, он должен был получать по всем предметам только пятерки. Иначе ему, сыну бедного фельдшера, не стали бы платить стипендию. Хотя на еду и плату за жилье денег все равно не хватало, и со второго года обучения гимназисту пришлось давать частные уроки. Но это не мешало Филиппу много читать, заниматься вместе с друзьями в литературно-философском кружке (так вот где истоки его прекрасного, образного, яркого языка!) и задавать бесчисленные вопросы своим учителям. Помню, что он эмоционально рассказывал о своих наставниках, с пиететом называл их по имени-отчеству и давал нам наказ чтить наших педагогов.

Многое из рассказа маршала забылось за 51 год, но его слова о том, что человек всегда сам делает выбор и тем самым строит свой жизненный путь, запали в душу.

Человек, достигший таких высот, сохранил преданность друзьям, школе и маленькому провинциальному городу, который несколько раз назвал словами «родной Камышлов», «мой город» ...» [33].

После окончания гимназии 18-летним юношей Филипп Иванович был принят в партию большевиков. С развертыванием масштабной Гражданской войны летом 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию.

28 мая 1918 г. он записал в своем дневнике: «Чувствую, что надвигаются тревожные события. Против Советской власти восстали чехословацкие legionеры. Ими захвачен Челябинск. Это от нас совсем неда-

леко. Белые отряды двигаются на Екатеринбург и Шадринск. Идут бои под Омском. Оттуда – угроза Тюмени. Камышлову не миновать участия в борьбе. Да и не такие у нас коммунисты, чтобы отсиживаться. Уком усилил вербовку добровольцев. Я решил твердо: иду в Красную армию, буду защищать рабоче-крестьянскую власть и драться за мировую революцию...» [10].

Отказавшись от предложенной ему «карьеры» писаря, он пошел в строй рядовым пулеметчиком. Комиссар полка Павел Мамонтович Тарских вспоминал: «...Полк находился под заводом Реж. Белые угрожали ударом по нашим подразделениям, находящимся на станции Егоршино. 8-я рота полка получила задание навязать противнику бой, предотвратить удар, дать возможность перегруппировать красные части. В роте был один пулемет, один пулеметчик Филипп Голиков. Трое суток под свинцовым дождем он держал и сковывал белогвардейские части. В этом бою проявилась способность Голикова воевать не числом, а умением».

Ему как одному из лучших бойцов полка было доверено принимать Красное Знамя ВЦИК, которым полк был награжден за боевую доблесть [30].

«...26 октября состоялось торжественное вручение Знамени. Командир нашего полка товарищ Ослоповский вызвал рабочего-добровольца Яшу Овсянникова, меня, Сашу Мясникова, алапаевского комсомольца. Когда я узнал, что вместе с Яковом и Сашей буду принимать Знамя, то от радости не находил себе места. Вот бы увидел отец!» [10].

В составе 1-го Крестьянского Коммунистического полка «Красных орлов» и 10-го Московского стрелкового полка Особой бригады 3-й армии Голиков храбро сражался на Восточном фронте – на Урале и в Сибири.

Вскоре проявил себя как хороший политработник. 21 января 1919 года он был откомандирован из полка на двухмесячные курсы агитаторов в Петроград. Запись в его дневнике: «13 марта. Питер бурлит – в городе Ильич! Вчера во дворце Урицкого он выступал с большим докладом на заседании Петросовета. Потом отвечал на вопросы, на записки. Сегодня группа курсантов, среди которых был и я, присутствовала на митинге в Народном доме. Сотни рабочих, красноармейцев, матросов в переполненном зале слушали товарища Ленина» [10].

С августа 1919 года он – инструктор-организатор политотдела 51-й стрелковой дивизии [10].

Неизменны в его аттестациях высокие оценки: «Производит впечатление очень способного работника» (1924 г.), «Работник очень энергичный, находчивый и инициативный... Много работает над собой» (1927 г.) [35, № 25]. «Хороший активный партиец, – отмечалось в аттестации на начальника агитпропотдела Ф.И.Голикова в 1925 г. – Не является узким политпросветчиком. В работе быстро растет. Хороший администратор и организатор. За последнее время начал тяготиться агитпропработой, стремится ближе в часть» [39].

После окончания Гражданской войны Голиков – на командной и партийно-политической работе в Красной армии. С 1927 года он более

10 лет служил в Приволжском военном округе, в 1929-м окончил курсы усовершенствования высшего начсостава. «За время пребывания на курсах ярко выявил свое увлечение военным делом. Не ограничиваясь только восприятием общих основ современного боя, он старался вникнуть во все подробности применения приемов групповой тактики мелкими частями... Голиков несомненно обнаруживал более склонности к командной деятельности, чем к штабной» [35, № 25].

С ноября 1930 г. – военный комиссар, начальник политотдела и командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии.

В ноябре 1931 года, после окончания экстерном военной школы, сбылась мечта Филиппа Ивановича – по собственному желанию он был переведен на командную работу – командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии и за один год вывел часть в число лучших в ПриВО.

«Будучи очень способным командиром с большим кругозором, с пытливым и не допускающим шаблона умом, с твердым и решительным характером, – отмечалось в аттестации 1932 года, – т. Голиков, несмотря на большие трудности, сумел стать грамотным командиром полка и вывести свой полк на первое место в ПриВО. Отличный стрелок, хороший физкультурник» [1, с. 644].

В 1933 г. заочно окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе.

В аттестации на Ф.И.Голикова в 1933 году отмечалось: «Общее и политическое развитие хорошее. Военное развитие хорошее. Пытлив, любознателен. Видимо, много работает над собой. Проявляет умение решаться на смелые действия. Решения твердо проводит в жизнь. Одинаково хорошо справляется как со штабной, так и со строевой должностями» [33].

По окончании академии в 1933 г. получил под свое начало стрелковую дивизию, в 1936 г. – танковую бригаду, в 1937 г. – механизированный корпус.

Быстрое восхождение Филиппа Ивановича по служебной лестнице в 1930-х годах – это не продвижение вверх ловкого проныры-карьериста, «непонятно как добившегося головокружительных успехов», как заявляют недоброжелатели Ф.И.Голикова, а обычный для того времени путь честного и добросовестного военного работника, успешно осваивавшего военное дело.

Командир механизированного корпуса Ф.И.Голиков в 1937 году активно участвовал в нейтрализации в Приволжском военном округе оппозиции сталинскому руководству.

В начале 1938 г. Ф.И.Голикова направили в Белорусский военный округ в качестве члена Военного совета, где он провел немалую работу по восстановлению дисциплины и управляемости воинскими частями, расшатанными в период массовых репрессий. Требовательность, честность, неподкупность, принципиальность, верность воинскому долгу Ф.И.Голикова не всем могла понравиться, некоторые испытали его «тяжелую руку». Вскоре по службе ему довелось встретиться с самолюбивым, амбициозным, вскоре продвинувшимся очень далеко вверх Г.К.Жуковым, впоследствии ставшим Маршалом Победы. Г.К.Жуков, тогда комдив, командир кавалерийской дивизии, выдвигался на должность командира кавалерийского корпуса.

Неизвестный автор в статье «Забытые имена: Маршал Советского Союза Филипп Голиков» утверждает: «Голиков вместе с Мехлисом немало крови попил у Жукова, когда на кону стояло назначение Жукова командиром 3-го кавалерийского корпуса». По-видимому, поняв, что хватил лишнего, он сообщает, что якобы «Жуков не стал сводить счеты со своим бывшим экзекутором» [19]. В действительности все было не так.

Комдиву Г.К.Жукову, выдвигавшемуся на должность командира кавалерийского корпуса, пришлось оправдываться перед парторганизацией и членом Военного Совета «за грубость с подчиненными и недооценку роли и значения политработников». Правы ли были тогда парторганизация и Голиков, предъявлявшие такие обвинения будущему «великому полководцу»? Характерно, что 20 лет спустя, на октябрьском пленуме ЦК КПСС (1957 г.) Жукову были выставлены, среди прочих, такие же претензии!

Жуков был рекомендован на должность командира кавалерийского корпуса, но ему было предложено учесть и исправить допускаемые в работе недостатки. Это была обычная практика советского времени. Жуков надолго запомнил «нанесенные ему обиды». Поднявшись на высокие должности, Жуков, если представлялась возможность, третировал Голикова. Позднее, уже находясь в отставке, в письме Н.С.Хрущеву и А.И.Микояну от 27 февраля 1964 г. он написал: «В 1937–1938 годах меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член Военного Совета Белорусского военного округа Ф.И.Голиков...» [17, с. 496].

Справедливости ради надо сказать, что в 1937 г. Голикова в Белорусском военном округе не было. В 1938 г. Голиков и партсобрание «не пытались ошельмовать и приклеить Жукову ярлык врага народа», а, наоборот, поддержали выдвижение его на более высокую должность, дав ему возможность продолжать военную карьеру. Г.К.Жуков явно возводил на Голикова напраслину. А вскоре его снова назначили на высокую должность. С ноября 1938 г. Ф.И.Голиков – в Киевском военном округе, командующий Винницкой армейской группой, затем – 6-й армией, с которой в сентябре 1939-го совершил поход по освобождению Западной Украины. «Крепкий большевик... – аттестовал его в 1940 г. командующий войсками КОВО. – Требовательный к себе и подчиненным, решительный, инициативный. Обладает большой силой воли и энергией. В оперативно-тактическом отношении подготовлен хорошо...» [35].

4 июля 1940 г. Ф.И.Голикову было присвоено звание генерал-лейтенант, он был назначен заместителем начальника Генерального штаба РККА и начальником Главного разведывательного управления (ГРУ ГШ РККА).

Ф.И.Голиков пришел к руководству ГРУ в очень трудное время. В органы военной разведки пришло много новых сотрудников, большинство из которых не имели соответствующей подготовки. Из-за репрессий и бегства за границу нескольких сотрудников-предателей возможности большинства добывающих резидентур по выполнению

заданий командования были серьезно ограничены. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имелось. Наркомат обороны в лице разведуправления не был органом, обеспечивающим Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий, не располагал разведывательными данными о театрах военных действий [7, с. 97].

Ф.И.Голиков твердой рукой стал наводить порядок во вверенном ему учреждении, срочно восстанавливать связи и агентурную сеть за рубежом. Сведения, полученные от действовавших за границей разведчиков, нередко добытые ими с колоссальным риском для жизни, скрупулезно анализировались в ГРУ. Тщательно отсортированная, многократно проверенная информация регулярно докладывалась советско-партийному и военному руководству страны. Начальник ГРУ раз в 7–10 дней представлял спецсообщения 9–13 адресатам, среди которых обязательно были И.В.Сталин, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, А.А.Жданов, Л.П.Берия, Г.М.Маленков, С.М.Тимошенко, Г.К.Жуков, Н.Г.Кузнецов [28, с. 109; 29, с. 118, 119].

Г.К.Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» писал, что, став 1 февраля 1941-го начальником Генерального штаба, «ни разу не был информирован» о разведывательных данных, «Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня» [15, с. 378]. Жуков утверждал: «Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, ... не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского верховного командования, ... не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о ненамерении воевать с Советским Союзом» [17, с. 518].

Г.К.Жуков откровенно лгал. В 1991 г. в беседе с корреспондентом С.Кудряшовым доктор исторических наук Н.Г.Павленко привел удививший его «поразительный пример»: «Жуков уверял меня, что он ничего не знал о плане «Барбаросса» накануне войны, что он и в глаза не видел донесения разведки. На следующий раз я приехал к Жукову и привез те самые сообщения разведки о плане войны с СССР, на которых черным по белому стояли их – Жукова, Тимошенко, Берии и Абакумова – подписи. Трудно передать его изумление. Он был просто шокирован» [5, с. 90].

Может быть, удивившая Павленко «забывчивость» Жукова объяснялась тем, что он хорошо помнил только то, что ему было выгодно? ГРУ было подразделением Генштаба, докладывало начальнику Генштаба о всех своих действиях, его хорошая или плохая работа зависела и от самого Жукова.

Работа Ф.И.Голикова в должности руководителя ГРУ большинством наших историков и пишущих на исторические темы журналистов оценивается чаще всего очень негативно. Пользуясь скудностью информации о деятельности этого закрытого ведомства, используя сплетни и выдуманные ими самими анекдоты, приплетая сюда свои догадки и предположения, они всячески чернят Ф.И.Голикова, создали устойчивый, глубоко внедренный в историческую литературу и учебники миф,

что накануне Великой Отечественной войны руководитель военной разведки, подхалимски подлаживаясь под мнение Сталина, сознательно передавал разведывательные сводки, дезинформировавшие советское руководство. Это не соответствует действительности.

Ф.И.Голиков, возглавляя ГРУ, не мог скрывать или искажать данные разведки. Внешнеполитической разведкой, кроме ГРУ ГШ РККА, занимались также внешняя разведка НКВД-НКГБ СССР, которую накануне войны возглавил зауралец П.М.Фитин, а также разведка Погранвойск, которая свои данные докладывала (минуя Голикова) непосредственно высшему военно-политическому руководству страны. За период с июля 1940 по июнь 1941 г. внешняя разведка НКВД-НКГБ представила руководству страны свыше 120 таких сообщений. Не меньший вклад в информирование руководства страны о готовившемся нападении на СССР внесла и разведка Погранвойск [29, с. 132].

В спецсообщениях ГРУ, докладывавшихся Голиковым, давалась обширнейшая информация о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР, приводились данные о развертывавшихся у советских границ ударных группировках вермахта, о решении Гитлера о нападении на СССР.

20 марта 1941 г. Филипп Иванович представил обстоятельный доклад о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР, предполагаемом сроке нападения, называя возможные варианты боевых действий германской армии. Вывод Голикова гласил: слухи «о неизбежности весной этого года войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию», исходящую от германской и англо-американской, особенно английской разведки [22].

Доклад был представлен за 3 месяца до начала войны, когда масштабная концентрация немецких войск у советской границы только начиналась. На этот документ всегда ссылался Жуков, оправдываясь от обвинений в неприведении советских войск в боевую готовность перед нападением Германии на СССР. Сейчас на этот доклад ополчаются либеральные историки в качестве доказательства вины Голикова, что он якобы вводил в заблуждение советское руководство. Но ведь выводы Ф.И.Голикова были правильными. Нападение Германии на СССР произошло не весной, а летом 1941 г.

Что же докладывал Голиков после 20 марта? В апреле-июне 1941 г. он сообщал о продолжавшемся все в больших масштабах сосредоточении у советской западной границы фашистских войск, количестве стянутых к ней фашистских дивизий, их боевом составе и численности, местах их дислокации, называя срок нападения на СССР – 22 июня 1941 г. (эту дату указывали около 15 надежных европейских источников). С июля 1940 по июнь 1941 г. ГРУ ГШ РККА направило военно-политическому руководству страны 95 (только рассекреченных) сообщений о сосредоточении фашистских войск и подготовке их к нападению на СССР [9, с. 34].

В действительности, накануне Великой Отечественной войны Разведуправление Генштаба под руководством Ф.И.Голикова смогло добыть достаточные достоверные сведения, свидетельствующие о целенаправ-

ленной подготовке Третьего рейха к войне против Советского Союза. В составленном в ГРУ «Перечне донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь-июнь 1941 г.)» перечисляется 56 донесений военной разведки о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, из них 37 донесений были доложены И.В.Сталину, В.М.Молотову, руководству Наркомата обороны и другим высшим должностным лицам.

Почему Г.К.Жуков так яростно и настойчиво, упорно обвинял Ф.И.Голикова и военную разведку виновными в тяжелых поражениях советских войск в начале Великой Отечественной войны? Чтобы отвести от себя обвинения за ошибки и проступки, приведшие к этим поражениям.

28 июня 1941 г. немцы захватили Минск. И.В.Сталин вскипел от негодования и с членами Политбюро отправился в Генштаб, где обрушился на его руководителей: «Что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует!» Жуков не выдержал и разрыдался [36, с. 191].

Вскоре правительство приняло решительные меры. 19 июля 1941 г. С.К.Тимошенко был снят с поста наркома обороны и послан командовать Западным фронтом. Г.К.Жуков 29 июля был снят с должности начальника Генерального штаба. Его ждала более суровая расправа, но членам Политбюро удалось уговорить Сталина назначить его командующим резервным (!) фронтом и тем самым спасти будущего «маршала Победы».

Либеральные историки и журналисты, некоторые военачальники-мемуаристы приложили немало труда, чтобы обвинить Ф.И.Голикова в том, что якобы за неудачи советских войск в начале Великой Отечественной войны он был срочно снят с поста начальника Разведывательного управления Генштаба и в качестве наказания был отправлен с дипломатической миссией в Англию и США. Но все эти наветы невежественных и недостаточно грамотных писак на Голикова – полная клевета и досужие домыслы.

6 июля 1941 г. Ф.И.Голиков, оставаясь в прежней должности, по прямому поручению И.В.Сталина, с военной миссией вылетел в Великобританию, где установил контакты с высшими английскими военачальниками, встречался с министром иностранных дел А.Иденом, военным и морским министрами, начальниками штабов, договорился о поставках в СССР вооружения и материалов.

Возглавил миссию, вопреки обычной практике, не дипломат, не политик, а опытный военный, знакомый с международной обстановкой, работой заграничной агентуры, надежный, пользующийся полным доверием правительства – генерал-лейтенант Голиков.

Кроме официальной, у Ф.И.Голикова была и нелегальная миссия. С возникновением военных действий связь ГРУ ГШ РККА с зарубежными резидентурами была нарушена. С захватом немецкими войсками Минска, где находились радиостанция «Север» и приемный центр ГРУ, контакты с резидентами за границей оборвались. Необходимо было срочно

развернуть приемный центр и ретранслятор в советском посольстве в Лондоне, организовать новые каналы связи с агентурой, действовавшей в Западной Европе [29, с. 92, 93].

Затем – поездка в США. Голиков и члены его миссии встречались с видными американскими государственными и военными деятелями, договаривались о поставках вооружения и материалов, были благосклонно приняты президентом США Ф.Рузвельтом, вмешательство которого способствовало ускорению отправки в СССР вооружения и материалов.

Военная миссия, руководимая Голиковым, сыграла важную роль в установлении связей с военными и дипломатическими кругами Англии и США, подготовила почву для заключения с ними в 1942 году договоров о сотрудничестве и взаимопомощи, заложила первые блоки в фундамент создаваемой Антифашистской коалиции – СССР, Англия, США.

В роли главы военной миссии Голиков проработал около трех месяцев (июль – сентябрь 1941 г.), главным образом, – в США.

В этой должности он мог бы всю войну отсидеться в тылу. Ан, нет! Находясь за границей, Филипп Иванович внимательно следил за ходом боевых действий на фронтах, горячо переживал за неудачи советских войск в первые недели войны, буквально рвался на фронт, стал настойчиво ходатайствовать о своем возвращении на Родину и посылке его на фронт, направил И.В.Сталину, В.М.Молотову, Б.М.Шапошникову телеграмму с просьбой отозвать его [35, № 25].

24 октября 1941 г. Ф.И.Голиков был назначен командующим 10-й резервной армией. Собственно армии еще не существовало, ее надо было сформировать и подготовить к боям. Предполагалось, что на формирование и боевую подготовку войск армии будет отведено 2–3 месяца, однако плановыми учениями пришлось заниматься только 15 суток. Положение на фронте ухудшалось, ожесточенные сражения шли уже на подступах к Москве. Доукомплектование, довооружение, обеспечение войск теплым обмундированием велись уже в ходе выдвижения их к фронту. В армии не было тяжелой артиллерии, танков, не доставало пулеметов и минометов, было мало автомобилей, тылы, в основном, были укомплектованы гужевым транспортом. Из командиров мало кто имел опыт командования.

При тех исключительно сложных обстоятельствах было сделано все возможное и, может быть, даже больше того. В необычайно короткий срок была создана боеспособная армия, которой вскоре пришлось вступить в сражения на важнейшем этапе одной из великих битв [12, с. 5–33].

6 декабря 1941 года вместе с другими войсками Западного фронта 10-я армия пошла в контрнаступление на левом фланге Западного фронта. Войска 10-й армии, пройдя с боями по бездорожью, через снежные заносы около 450 км, преодолев несколько рубежей обороны противника, освободили от немецко-фашистских захватчиков 10 городов, в том числе и Михайлов (Почетным Гражданином которого впоследствии стал Голиков), около сотни деревень, перерезали железную дорогу Вязьма – Брянск, совместно с 61-й армией освободили г. Сухиничи. 10-я армия

разделила фашистскую группировку на две части, захватила большие трофеи: 57 танков, 31 самолет, 300 орудий, 200 минометов, 500 пулеметов, 2500 автомашин и тракторов, большое количество различного оружия и боеприпасов.

В битве за Москву 10-я армия, руководимая Голиковым, сыграла важную роль, внесла большой вклад в срыв планов немецкого командования по молниеносному захвату столицы нашей Родины. В опубликованном в газете «Правда» срочном сообщении о разгроме немцев под Москвой были напечатаны портреты генералов, командующих армиями, принимавшими участие в битве за Москву. Среди них был и генерал-лейтенант Ф.И.Голиков.

Но среди полководцев, в жестоких боях в 1941 г. отстоявших Москву, не было портрета командующего Западным фронтом генерала Г.К.Жукова. Командующий фронтом, усердно торопивший и неустанно подгонявший безостановочно наступать войска, бесславно провалил план Генштаба по контрнаступлению под Москвой, не справился с управлением войсками. Характерно, что за сражение за Москву Генштаб и командующие войсками были осыпаны орденами и медалями, а Жуков не получил никакой награды. Даже медаль «За оборону Москвы» он получил только спустя несколько лет, позднее многих ее защитников.

11 февраля 1942 г., вместо отправленного в госпиталь А.И.Ерёменко, командующим 4-й ударной армией Калининского фронта был назначен Ф.И.Голиков. Сильно ослабленная в боях, не получавшая подкреплений, оторванная от баз снабжения армия вынуждена была прекратить наступление. Голикову пришлось заняться отражением контрударов, закреплением на достигнутых рубежах [14, с. 451, 455–456, 475].

К весне 1942 г. активные боевые действия на всех фронтах прекратились. 2 апреля Ф.И.Голиков был назначен командующим войсками Брянского фронта (в составе шести армий и танкового корпуса). Войска фронта еще не восстановили силы после потерь, понесенных в зимних и весенних боях 1941–1942 гг., не успели как следует закрепиться на новых рубежах, как им снова пришлось вступить в ожесточенные бои лета 1942 г.

Летом 1942 г. немецко-фашистская армия, понесшая на советско-германском фронте большие потери в живой силе и технике, уже не могла одновременно наступать на всех фронтах, как это было в 1941 г., а сосредоточила все свои силы для наступления на Юго-Западном направлении. 28 июня 1942 г. большая ударная группировка фашистских войск перешла в наступление, нанося главный удар на стыке армий Юго-Восточного и Брянского советских фронтов, прорвала полосу их обороны и стала развивать наступление в сторону Воронежа. Противник превосходил советские войска на этом направлении в людях в 1,4 раза, в орудиях и минометах – в 1,2 раза, в танках и боевых самолетах – почти в 1,7 раз. Фашистские войска 6 июля вышли к Дону, но, встретив организованное сопротивление советских войск, дальше продвинуться не смогли. Вместо ожидавшегося дальнейшего наступления на Москву фашистская группировка повернула на юг, в излучину Дона, в направлении на Сталинград [8]. Обстановка для советских войск на воронежском направ-

лении оставалась опасной. Ставка Верховного Главнокомандования не смогла правильно установить направление и силу вражеских ударов и своевременно не приняла мер для их усиления. Для улучшения управления войсками, более надежного прикрытия воронежского направления 7 июля Брянский фронт был разделен на два фронта – Брянский и Воронежский. Командующим войсками Воронежского фронта был назначен Ф.И.Голиков, Брянского – К.К.Рокоссовский.

В августе-октябре 1942 г. центр военных действий на советско-германском фронте переместился к Сталинграду. Советское командование стало стягивать на Сталинградское направление воинские части и лучших командиров. 2 августа Ф.И.Голикова назначили командующим 1-й гвардейской армией, сформированной из воздушно-десантных дивизий, располагавшихся под Москвой, которые перебрасывались в район Сталинграда. В начале августа он прибыл в Сталинград, но армия не была еще сформирована, входившие в нее дивизии по мере прибытия сразу бросались в бой. 9 августа Сталинградский фронт был разделен на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный, командовать одновременно обоими фронтами было поручено генерал-полковнику А.И.Ерёменко, заместителем командующего по Юго-Восточному фронту назначили Голикова.

Началась героическая оборона Сталинграда, который непрерывно подвергался бомбежкам, артиллерийским обстрелам. Но сломить мужество и героизм защитников города, столкнуть советские войска в Волгу, захватить полностью город немцам не удалось [13, с. 55–64].

Ф.И.Голиков, командный пункт которого сначала находился в городе, а затем был перенесен за Волгу, фактически оказался в роли командующего Юго-Восточным фронтом. Находясь на фронте, Ф.И.Голиков несколько раз под огнем противника переплывал через Волгу с левого на правый берег, где, уцепившись на высоком берегу, на узкой полосе земли, держала оборону 62-я армия В.И.Чуйкова, 13-я гвардейская дивизия А.И.Родимцева и другие части. Что значила тогда переправа в Сталинград через Волгу, непрерывно днем и ночью простреливаемую немцами из всех видов оружия, можно представить по словам Ф.И.Чуйкова, который говорил, что было легче три раза сходить на суше в атаку, чем один раз переправиться к ним через Волгу.

Защитники города очень высоко оценивали деятельность Филиппа Ивановича в Сталинграде в самые тяжелые дни его обороны. Маршал Советского Союза В.И.Чуйков вспоминал: «Голиков не любил отсиживаться в штабах, постоянно находился в войсках... Я был очень рад встретиться с ним на Мамаевом кургане в часы моего вступления в командование 62-й армией. Мы с ним часто виделись на поле боя. Непрестанно разъезжая по фронту, он отлично знал положение во всех армиях, всегда здраво смотрел на обстановку и откровенно высказывал свое мнение о ходе боев и всего сражения. И на этот раз Голиков сообщил мне ценные сведения. Филипп Иванович вскоре уехал, пообещав доложить Военному совету фронта о необходимости помочь армии несколькими свежими дивизиями. Это его обещание было очень кстати, так как почти все соединения и части 62-й армии были сильно ослаблены в предыдущих боях» [42, с. 109].

«Те, кто защищал Сталинград, – вспоминал генерал армии А.И.Родимцев, – помнят Филиппа Ивановича, всегда предельно собранного, выдержанного, вселявшего в воинов уверенность в победе. Он никогда не уклонялся от опасности, часто бывал на переднем крае в боевых порядках войск, давал полезные советы по организации боя, оказывал всемерную помощь в материальном обеспечении войск. Много сил и труда Филипп Иванович вложил в организацию переброски через Волгу пополнений, эвакуации из Сталинграда раненых солдат, офицеров, гражданского населения» [34, с. 45].

Готовилась большая наступательная операция по разгрому Южной группировки немецко-фашистских войск. В сентябре 1943 г. была произведена реорганизация фронтов, действовавших под Сталинградом, произведена рокировка командующих фронтов. Ф.И.Голиков был послан снова командовать Воронежским фронтом.

19–20 ноября 1942 г. войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в контрнаступление, приведшее к разгрому и окружению в районе Сталинграда 330-тысячной группировки немецких войск, а затем – к блокаде и уничтожению. Было разгромлено 50 немецких, румынских и итальянских дивизий. 2 февраля 1943 г. остатки окруженной в Сталинграде фашистской группировки во главе с генерал-фельдмаршалом Ф.Паулюсом сдались в плен. В плену оказались 91 тыс. солдат и офицеров, 34 генерала, были захвачены 5762 орудия, 1312 минометов, 1666 танков и много другого военного имущества. Разгром фашистских войск под Сталинградом положил начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны. Стратегическая инициатива на советско-германском фронте прочно перешла к Советской армии.

В Сталинградской битве приняли участие войска левого крыла Воронежского фронта, которыми командовал Ф.И.Голиков. 6-я армия Воронежского фронта, начав наступление 16 декабря, прорвала оборону противостоявших итальянских дивизий. Ее танковый корпус, совершив стремительный марш, 19 декабря занял узловую станцию Кантемировка. Эта операция способствовала успешному осуществлению всей операции по окружению и уничтожению находившейся в Сталинграде фашистской группировки [26, с. 48].

В начале 1943 г. большое наступление было проведено на Верхнем Дону, явившееся фактически продолжением сражения на Среднем Дону. Воронежским фронтом, которым командовал Ф.И.Голиков, были проведены две крупные наступательные операции: Острогожско-Россошанская (13–27 января 1943 г.) и Воронежско-Касторненская (24 января – 17 февраля 1943 г.). Для усиления фронту были переданы из резерва Ставки 3-я танковая армия, некоторые войсковые соединения и средства усиления.

Наступательная операция тщательно готовилась. Ф.И.Голиков непрерывно посещал воинские части, требовал тщательно изучать состояние обороны противника, проверял ход подготовки к наступлению, организацию взаимодействия с артиллерией и танками, средства связи, требовал перед наступлением выявлять огневые точки противни-

ка, подавлять пулеметные гнезда, наблюдательные и командные пункты. Ф.И.Голиков лично рекогносцировал участки прорыва, уточнял и намечал исходные позиции для атаки, направление ударов [39, с. 360–361].

В ходе этих двух операций были разбиты основные силы фашистской группы армий «Б», разгромлены 26 фашистских дивизий, сильно потрепана 2-я немецкая армия, разгромлены и взяты в плен венгерская армия и итальянский корпус. Перестали существовать и исчезли с карты советско-германского фронта румынская, итальянская и венгерская армии, вторгшиеся в нашу страну вместе с гитлеровцами в 1941 г. В плен было взято более 100 тысяч вражеских солдат, причем это были здоровые, хорошо вооруженные, боеспособные солдаты вражеских армий.

После Сталинградской битвы операции на Верхнем Дону стали первыми, завершившимися окружением и ликвидацией крупных группировок противника.

19 января 1943 г. Ф.И.Голикову было присвоено воинское звание генерал-полковник, 28 января 1943 г. он, одним из первых, был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Развивая успех, войска Воронежского фронта 8 февраля 1943 г. заняли Курск и вышли на рубеж Севск – Рыльск – Краснополье, освободили 9 февраля Белгород, 17 февраля – Харьков и стали развивать наступление на Полтаву и Ахтырку. Соседний Юго-Западный фронт, которым командовал генерал Н.Ф.Ватутин, продвигался медленнее и не поспевал за Воронежским фронтом. Вперед вырвавшиеся войска фронта сами оказались под угрозой. Ставка (маршал А.М.Василевский) не смогла правильно оценить стратегическую обстановку и своевременно не укрепила фронты резервами [6, с. 6–7].

Немецко-фашистское командование использовало разбросанность и ослабленность советских войск в ходе наступления, создало сильную ударную группировку, в которую было включено несколько танковых корпусов, в том числе лучшие фашистские танковые дивизии «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Рейх». Войска обоих фронтов своими сравнительно слабыми силами не смогли сдержать напор противника. Войска Воронежского фронта стали организованно отходить на северо-восток [2, с. 360].

С обострением обстановки в районе Харькова членом Военного Совета Воронежского фронта был назначен Н.С.Хрущёв. В штаб фронта прибыли А.М.Василевский, затем – Г.К.Жуков. Однако приехавшие высокие представители не смогли повлиять на положение на фронте: 16 марта немецкие войска заняли Харьков, 18 марта – Белгород.

Стали искать виновного в сдаче немцам Харькова. В оставлении Харькова не менее командующего Воронежским фронтом Ф.И.Голикова, даже более его, были виноваты сами Генштаб, Ставка и ее представители на Воронежском фронте. Но «козлом отпущения» был назначен Ф.И.Голиков. Даже Хрущёв, неблагосклонно относившийся к Голикову, не считал его виновным в оставлении Харькова. В своих воспоминаниях он писал, что отход войск Воронежского фронта был неизбежен: «Харьков удерживать нам было нечем... Мы отходили. Ну и что? Был

ли там Козлов, был бы Петров, Иванов, все равно бы мы отходили, потому что противник имел превосходство», считал, что при таком большом перевесе сил на стороне немцев сдержать наступление противника было невозможно [41, с. 137, 138]. Обвинения Голикову в сдаче Харькова никто и никогда не предъявлял. Тем не менее Ф.И.Голикову предрекали серьезное наказание.

В сложившейся ситуации И.В.Сталин поступил очень мудро: не отдал Голикова на съедение его недоброжелателям. Он отозвал Голикова в Москву и назначил заместителем Народного комиссара обороны СССР по кадрам, начальником Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР.

Опять же, мог бы отсидеться в тылу. Но (!) Ф.И.Голиков отзыв с фронта сильно переживал. В письме на имя Верховного Главнокомандующего он доказывал, что главное для него в настоящий момент – быть на фронте: «...Для меня вопрос о боевой работе на фронте является коренным вопросом всей моей военной работы, а также вопросом моей боевой чести. Стремление на фронт у меня неистребимо» (полностью текст письма был опубликован в журнале «Исторический архив», 2000, № 2).

Отзыв Голикова с фронта в Москву и назначение его на высокий руководящий пост в центральном аппарате РККА невозможно признать наказанием. Ничего странного не было в том, что видный военачальник, имевший большой опыт военно-политической работы, хорошо известный политическому руководству страны, надежный в политическом отношении, был выдвинут на очень важный во время войны пост, имевший ключевое значение в деле строительства и укрепления Вооруженных Сил. На этой должности Ф.И.Голиков находился 7 лет, до 1950 г.

С военными кадрами не все было благополучно. Уровень подготовки командного состава был недостаточным. Накануне войны эксперт полковник А.Зайцев писал: «Ахиллесова пята Красной армии – ее командный состав... Он не на высоте тех требований, которые ему предъявит война» [44, с. 194].

На совещании начальствующего состава 17 апреля 1940 г. И.В.Сталин отметил слабость подготовки личного состава к войне: «Культурного, квалифицированного и образованного командного состава ... нет у нас или есть единицы... Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. Их пока нет у нас...» [40, с. 279, 280].

Ф.И.Голиков, возглавивший Главное управления кадров Наркомата обороны СССР, успешно справился со своими обязанностями, Он провел большую работу по ликвидации дефицита в командных кадрах, активизировал работу военных академий, военных училищ, различных курсов, навел порядок в замещении вакансий командных должностей.

О большом авторитете, большом политическом весе Ф.И.Голикова в армии и в стране во время войны и в послевоенный период свидетельствует следующий эпизод.

Поступили данные о недостойном поведении Главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии Маршала Советского Союза Г.К.Жукова, которого обвиняли в злоупотреблении слу-

жебным положением, зазнайстве, приписывании себе чужих заслуг, принижении роли Ставки и Верховного Главнокомандующего.

Для рассмотрения вопроса о Жукове И.В. Сталин 1 июня 1946 г. собрал Высший Военный Совет. Все выступившие маршалы говорили уклончиво (лукавый попутал, все так делали), только К.К. Рокоссовский деликатно осудил своего старого сослуживца. Но очень принципиально выступил начальник Главного управления кадров Наркомата обороны СССР генерал-полковник Ф.И. Голиков, который решительно осудил Жукова за недостойное моральное и политическое поведение, в доказательство привел много бытовых подробностей. Жуков сидел подавленный, признал себя виновным. Высший Военный Совет единодушно признал поведение Жукова «вредным и несовместимым с занимаемым им положением», он был освобожден от должности Главнокомандующего сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных сил и отправлен командовать второстепенным Одесским военным округом.

В октябре 1944 г. решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР Ф.И. Голиков, одновременно с исполнением его основных обязанностей, был назначен уполномоченным Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. На этой должности он проработал более 4 лет, внося огромный вклад по ликвидации последствий Второй мировой войны.

Либеральные историки приняли немало усилий, чтобы очернить деятельность Ф.И. Голикова и на этом посту. Они настойчиво уверяют, что «в подавляющем большинстве» (!) репатриированные, вернувшиеся домой затем «бесчеловечным тоталитарным сталинским режимом» «были обвинены в сотрудничестве с врагом и направлены в советские концентрационные лагеря». Но это привычная ложь наших «правдолюбов» и «правдоискателей».

Обратимся к цифрам.

По данным на 1 марта 1946 года, были репатриированы 4 млн 199 тыс. 488 человек, из них после «фильтрации»: отпущены по домам – 2 млн 427 тыс. 304 человека (57,8%), призваны в армию – 802 тыс. 102 (19,1%), направлены в армейские рабочие батальоны – 608 тыс. 926 (14,5%), использовались для работы при советских воинских частях и учреждениях за границей – 88 тыс. 189 (2,1%). И лишь 6,5% (272 тыс. 967 человек) были переданы НКВД. Это лица, сотрудничавшие с фашистами, воевавшие против советских войск в составе немецких военных формирований, служившие «полицаями» и т.п. После тщательной проверки и судебного разбирательства, при установлении виновности 145 тыс. (3,5%) были отправлены на поселение (некоторое ограничение свободы), около 120 тыс. (3%) заключены в концентрационные лагеря [32, с. 57].

Три процента, и где тут пресловутое «подавляющее большинство»? Сплошная ложь.

В 1950–1956 гг. Ф.И. Голиков командовал Отдельной механизированной армией, дислоцированной в Румынии, в 1956–1958 гг. был начальником Военной академии бронетанковых войск.

В январе 1958 г. Голикова назначили начальником Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. На этом посту Филипп Иванович уделял большое внимание повышению роли и значения политработников в Вооруженных силах, поднятию уровня боевой и политической подготовки войск, призывал всемерно использовать опыт Великой Отечественной войны [12, с. 194–196].

В мае 1961 г. Ф.И.Голикову вполне заслуженно было присвоено звание Маршала Советского Союза, чем высоко признавалась его полувекковая служба в Советской армии.

В мае-июне 1962 г. Ф.И.Голиков был освобожден от должности «по состоянию здоровья» и «в связи с переходом на пенсию» и назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Это было почетное назначение, но практически означавшее увольнение от активной военной деятельности.

Причем и тут либеральные деятели постарались вдогонку облить грязью уходящего на пенсию маршала. Был запущен идиотский пасквиль, что якобы «в связи с реабилитацией» советского разведчика Р.Зорге Голиков оказался «под угрозой служебного расследования и возможного разоблачения», однако дело «замяли», отправив заслуженного разведчика и военачальника на пенсию. В этой злобной, грубо составленной фальшивке нет ни крупицы правды: Р.Зорге никто не «реабилитировал», незачем было это делать, расследования не проводилось.

Об авторитете Ф.И.Голикова в войсках, партии и стране свидетельствует тот факт, что он четыре раза (1937, 1954, 1958, 1962) избирался депутатом Верховного Совета СССР, несколько раз – депутатом Верховных советов РСФСР, УССР, БССР.

Умер Филипп Иванович 29 июля 1980 г. Похоронен в Москве.

Ф.И.Голиков является Почетным гражданином городов Михайлова Рязанской обл., Катайска Курганской обл., села Щучье Воронежской обл.

Именем Ф.И.Голикова названы: в Кургане – Проспект Маршала Голикова, в Воронеже – улица Маршала Голикова, в г. Михайлове Рязанской области – улица Маршала Голикова, в с. Верхне-Ключевское Катайского района Курганской области – переулок Голикова.

Имя Голикова, крупного военачальника, неутомимого труженика, патриота, сыгравшего значительную роль в достижении Победы, должно занять соответствующее достойное место в истории России, Урала, Зауралья, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алексеев М. «Верный вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии, 1939–1941 гг. / М. Алексеев. – Москва, 2017.
2. Антонов А.П. Харьковская наступательная операция 1943 / А.П.Антонов. – 1980. – Т. 8.
3. Антонов В.С. Три эпизода из мемуаров знаменитого полководца / В.С.Антонов // Отечественная история. – Москва, 2003. – № 3.
4. Беляков В.И. Острогжско-Россошанская операция 1943 / В.И.Беляков // Советская военная энциклопедия. – Т. 6. – Москва, 1978.

5. Беседа корреспондента С.Кудряшова с Н.Г.Павленко // Родина. – 1991. – № 6–7.
6. Василевский А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – 6-е изд. – Москва, 1988. – Кн. 2.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. – Москва, 2013. – Т. 6.
8. Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция. – URL: <https://biograph-soldat.ru>. (дата обращения: 20.07.2020). – Текст: электронный.
9. Гаврилов Д.В. «Проявил себя как крупный военачальник». К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Ф.И.Голикова / Д.В.Гаврилов // Военно-исторический журнал. – Москва, 2010. – № 10.
10. Голиков Ф.И. Красные орлы (Из дневников 1918–1920 гг.) / Ф.И.Голиков. – Москва, 1953.
11. Голиков Ф.И. Записная книжка маршала Ф.И.Голикова: Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году / Ф.И.Голиков // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2.
12. Голиков Ф.И. В Московской битве: Записки командарма / Ф.И.Голиков. – Москва, 1967.
13. Голиков Ф.И. Сталинград (Воспоминания заместителя командующего фронтом) / Ф.И.Голиков // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1.
14. Ерёмко А.И. В начале войны / А.И.Ерёмко. – Москва, 1965.
- 15–16. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К.Жуков. – Москва, 1992–2002. – Т. 1.
17. Жуков Г.К. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / Г.К.Жуков. – Москва, 2001.
18. Жуков Г.К. Письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову / Г.К.Жуков // Военные архивы России. – Москва, 1993.
19. Забытые имена: Маршал Советского Союза Филипп Голиков. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/stratilat/zabytye-imena-marshal-sssr-filipp-golikov-5e918128469c497210cfb4f2> (дата обращения: 20.07.2020). – Текст: электронный.
- 20–21. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Москва, 1961. – Т. 2–3.
22. Калинин В. Оценка доклада военной разведки от 17 марта 1941 г. / В.Калинин. – URL: <https://chekist.ru>. (дата обращения: 20.07.2020). – Текст: электронный.
23. Карпов В.В. Генералиссимус / В.В.Карпов. – Оренбург, 2004.
24. Колпакиди А.И. Энциклопедия военной разведки России / А.И.Колпакиди. – Москва, 2004.
25. Книга памяти Курганской области.
26. Крайне странный генерал – Филипп Голиков. – URL: <https://zen.yandex.ru/...krai-ne...general-filipp-goliko> (дата обращения: 20.07.2020). – Текст: электронный.
27. Лазарев С.Е. Голиков, Филипп Иванович / С.Е.Лазарев // Российская историческая энциклопедия: в 18 т. – Т. 5. – Москва, 2017.
28. Лурье В.М. ГРУ: дела и люди / В.М.Лурье, В.Я.Кочик. – Санкт-Петербург; Москва, 2002.
29. Мартиросян А.Б. Трагедия 1941 года / А.Б.Мартиросян. – Москва, 2008.
30. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берии / Ю.И.Мухин. – Москва, 2007.
31. Плющев В. Кто вы, Маршал Голиков, чье имя носит проспект в Кургане? / В.Плющев // Молодой ленинец (Курган). – 1985.
32. Полян П. «ОСТ»ы – жертвы двух диктатур / П.Полян // Родина. – Москва, 1994. – № 2.
33. Прошкина Т.В. Мой земляк – маршал Голиков / Т.В.Прошкина. – URL: <https://history-kamensk.ru/history/96-moi-zemljak-marshal-golikov.html> (дата обращения: 20.07.2020). – Текст: электронный.
34. Родимцев А.И. На службе Родине / А.И.Родимцев // Военно-исторический журнал. – Москва, 1970. – № 7.
35. Рубцов Ю.В. Командная работа для меня – призвание / Ю.В.Рубцов // Военно-промышленный курьер. – Москва, 2005. – 13 июля.
36. Советская военная энциклопедия. – Москва, 1976. – Т. 2. – С. 585–586.
37. Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши / Б.Соколов. – Москва, 2000.
38. Соловьёв Д.Ю. Все генералы Сталина / Д.Ю.Соловьёв. – Москва, 2019.
39. Сидоренко А.А. Воронежско-Касторненская операция 1943 / А.А.Сидоренко // Советская военная энциклопедия. – Москва, 1976. – Т. 2.

40. Сталин И.В. Выступление на совещании начальствующего состава 17.04.1940 г. / И.В.Сталин // Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И.В.Сталин и финская кампания (стенограмма ЦК ВКП(б)). – Москва, 1998.
41. Хрущёв Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты / Н.С.Хрущёв. – Москва, 1997.
42. Чуйков В.И. Сражение века / В.И.Чуйков. – Москва, 1975.
43. Шелястина В.О. Маршал Голиков: мир и война (по страницам семейного альбома) / В.О.Шелястина, А.В.Никишин, В.Н.Задорожный. – Москва, 2017.
44. Шерстнёв В.Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления / В.Д.Шерстнёв. – Смоленск, 2005.

РАЗДЕЛ VI.
ПОЛНЫЙ СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ
НАУЧНЫХ РАБОТ Д.В.ГАВРИЛОВА
МОНОГРАФИИ, ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ,
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Авторские работы

1963

1. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в., 1885–1900 // Уч. зап. Шадринского пед. ин-та. – Курган, 1963. – Вып. 7. – С. 5–118.

2. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX века, 1885–1900 гг. (По материалам Пермской губернии) / ЛГПИ им. А.И.Герцена: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1963. – 17 с.

1985

3. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 (Численность, состав, положение). – М.: «Наука», 1985. – 303 с.; илл.

1986

4. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 (Численность, состав, положение) / Институт истории СССР АН СССР: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 1986. – 48 с.

2005

5. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды / Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 616 с.

6. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники / Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. – Екатеринбург: УрО РАН. Изд-во АМБ, 2005. – 92 с.

2008

7. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. – М.: «Наука», 2008. – 886 с., илл. (соавтор – академик В.В.Алексеев).

2018

8. Горнозаводский Урал в 1861–1900 гг.: власти, заводоладельцы, рабочие – от согласия к конфронтации. – СПб.: «Нестор-история», 2018. – 464 с.

Коллективные труды

1969

9. Из истории Липецкого края: Учеб. пособие для учащихся средней школы / Авт. колл. Отв. редактор Д.В.Гаврилов. – Воронеж: Кн. изд-во, 1969. – 160 с.

1989

10. Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории): Целевая научно-исследовательская программа / Ин-т истории и археологии УрО СССР; Авт. колл.: Алексеев В.В., Артёмов Е.Т., Бакунин А.В., Гаврилов Д.В. и др. – Свердловск, 1989. – 70 с.

1990

11. История Урала в период капитализма / Авт. колл.: Буранов Ю.А., Дмитриев А.В., Гаврилов Д.В. и др.; Отв. ред. Д.В.Гаврилов; Ин-т истории и археологии УрО СССР. – М.: Наука, 1990. – 303 с.; илл.

1992

12. Уральская историческая энциклопедия. Словник / Авт. колл. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – 108 с.

1993

13. Очерки история Шадринска: К 50-летию Курганской области / Авт. колл. – Шадринск: ПО «Исеть», 1993. – 208 с.

14. Ironmaking in Sweden and Russia: A survey of the social organisation of iron production before 1900. – Uppsala: Distribution Historiska institutionen, 1993. – 121 p. (на англ. яз.). [Железодельное производство в Швеции и России: Обзор социальной организации производства железа до 1900. – Упсала (Швеция): Издание ин-та истории, 1993. – 121 с.].

15. Бакалавр образования: Программно-методические материалы. – Екатеринбург: УрГПУ, 1993. – Ч. 1.

1995

16. Екатеринбург: исторический очерк (1723–1998 гг.): План-проспект / Авт. колл.: Е.Т.Артёмов, Д.В.Гаврилов, К.И.Зубков, И.В.Побережников, С.П.Постников (рук.), А.В.Сперанский и др. – Екатеринбург: Институт истории и археологии, 1995. – 15 с.

1997

17. Екатеринбург в прошлом и настоящем. Энциклопедия города: Проект словника и метод. рекомендации авторам / Сост. В.В.Алексеев, Е.Т.Артёмов, Д.В.Гаврилов и др. Метод. рекомендации подготовлены В.В.Маслаковым и С.П.Постниковым. – Екатеринбург: УрО РАН. 1997. – 72 с.

18. Урал в панораме веков: План-проспект / Коллектив авторов. Екатеринбург. ИИиА УрО РАН. 1997. – 28 с.

1998

19. Екатеринбург: исторический очерк (1723–1998 гг.) / Авт. колл.: Викторова В.Д., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Гаврилов Д.В. и др. Редкол.: Постников С.П. (отв. ред.) и др. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – 228 с.

20. Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900. – Oxford: Bergahn Books, 1998. – 356 p. (на англ. яз.). [Железодельные общества: Раннеиндустриальное развитие в Швеции и России, 1600–1900. – Оксфорд (Англия): Бергхан Букс, 1998. – 356 с.].

21. Урал в панораме XX века: Концепция и план проспекта научно-популярного издания / Авт. колл.: В.В.Алексеев (гл. ред.), А.В.Сперанский, А.В.Бакунин, Д.В.Гаврилов и др. – Екатеринбург, 1998. – 36 с.

22. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН. Изд-во «Екатеринбург». 1998. – 616 с.; илл.

1999

23. Урал: наука, экология. – Екатеринбург. УрО РАН. – 1999. – 427 с.

2000

24. Историк и время. 20–50-е годы XX века: А.М.Панкратова. М.: РУДН; Мосгосархив, 2000. – 480 с.

25. Урал в панораме XX века / Под ред. В.В.Алексеева. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 496 с.; илл.

26. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и дополненное. – Екатеринбург: УрО РАН; Академкнига, 2000. – 640 с.; илл.

2001

27. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – 536 с.; илл.

2002

28. Екатеринбург: Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 710 с.; илл.

29. Магнитогорск. Краткая энциклопедия / Под ред. Б.А.Никитина. – Магнитогорск. 2002. – 557 с.

2005

30. Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: Баско, 2005. – 256 с.; илл.

31. История России: разные конструкции истории – разный смысл жизни. Учебное пособие / Под ред. Б.В.Личмана. – Екатеринбург: СВ-96, 2005. – 576 с.
2006
32. Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв.: Коллективная монография. Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. Екатеринбург. 2006. – 287 с.; илл.
33. Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. – М.: МГУ, 2006. – 431 с.
2007
34. Металлургическая промышленность России XVIII–XX веков. – Саранск – Екатеринбург: Издательский центр Историко-социологического института МГУ им. Н.П.Огарёва, 2007. – 365 с.
35. История России с позиций разных идеологий: Учебное пособие / Под ред. Б.В.Личмана. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 461 с.
2008
36. Щит и меч Отчизны: Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: Изд-во «Раритет», 2008. – 466 с.
37. Военная история Урала: события и люди / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 320 с.
38. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – 1470 с.
2009
39. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – 1286 с.
2010
40. Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. А.В.Сперанского. Изд. 2-е, допол. и переработанное. – Екатеринбург: Печатный дом «Формат», 2010. – 272 с., илл.
2013
41. Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. – Екатеринбург: УИПЦ, 2013. – 357 с.
2017
42. Урал в контексте российской и мировой истории XX века: историографическая концептуализация / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: Сократ, 2017. – 392 с.

СТАТЬИ, РАЗДЕЛЫ И ГЛАВЫ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДАХ

- 1962
1. Новые материалы о судьбе нелегальной библиотеки Федосеевского кружка // История СССР. – 1962. – № 2 – С. 120–124.
- 1963
2. К истории Ревдинского завода: Борьба рабочих Ревдинских заводов против своих эксплуататоров в годы экономического кризиса 1900–1903 гг. // Из истории заводов и фабрик Урала: Сб. ст. – Свердловск, 1963. – Вып. 2. – С. 130–145.
3. О землепользовании горнозаводских рабочих Урала в конце XIX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы науч. конф. – Свердловск, 1963. – С. 105–110.
4. О характере и масштабах рабочего движения на Урале в 70–90-х гг. XIX в. // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. истории рабочего класса России в период капитализма. – Ростов-на-Дону, 1963. – С. 29–34.
5. Рабочее движение на Урале в конце XIX века, 1885–1900 гг. // Сб. материалов науч. сессии вузов Урал. экон. района. Исторические науки. – Свердловск, 1963. – С. 33–39.
1965
6. Вместе с Лениным и Горьким // Советское Зауралье. – 1965. – 16 июня.
7. Наш земляк – соратник Ильича // Шадринский рабочий. – 1965. – 23 апреля.
- 1966
8. А.И.Бородзич // Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – С. 74–77.

9. А.П.Безукладников // Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – С. 48–50.
10. И.П.Ладыжников // Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – С. 321–324.
11. О некоторых вопросах народнического движения на Урале // Вопросы истории Урала: Материалы 2-й науч. сессии вузов Урал. зоны в г. Перми, 20–22 апреля 1965 г. – Пермь, 1966. – С. 212–220. – (Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – 1966. – № 158).
1967
12. Олимпиада юных историков // Ленинское знамя. – 1967. – 19 апреля.
1968
13. О стачке рабочих на Нижнетагильских заводах в 1874 г. // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 103–107.
14. Об идейно-политической платформе уральских народнических кружков конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. // Революционное и общественное движение в России XIX в.: Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. – Воронеж, 1968. – С. 70–74.
15. Об особенностях социально-экономического положения уральских рабочих в конце XIX в. // XXI Герценовские чтения. Исторические науки: Межвуз. конф.: Краткое содержание докл. (5–26 апреля 1968 г.). – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1968. – С. 34–36.
1969
16. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в нашем крае // Из истории Липецкого края: Учеб. пособие для учащихся средней школы. – Воронеж: Кн. изд-во, 1969. – Глава VII. – С. 72–94.
17. Уральская казенная горнозаводская промышленность – один из особых видов хозяйства дореволюционной России // Научая сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма: Тез. сообщ. – Свердловск: УрГУ, 1969. – С. 117–123.
1970
18. В.И.Ленин об оригинальном строе Урала // XXIII Герценовские чтения: Межвуз. конф. Истор. науки: Крат. содержание докл., апрель 1970 г. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1970. – С. 8–11.
19. Методологические проблемы формирования пролетариата Урала в трудах В.И.Ленина // Обл. межвуз. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тез. докл. и сообщ. – Липецк, 1970. – С. 137–144.
20. Освободительное движение на Урале в разночинский, или буржуазно-демократический период 1861–1895 годов // Некоторые вопросы социально-экономической истории России. – Воронеж, 1970. – С. 90–127. – (Изв. Воронеж. пед. ин-та. Т. 97).
1971
21. О социально-экономической природе уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период // XXIV Герценовские чтения. Истор. науки. Крат. содержание докл. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1971. – С. 48–50.
1972
22. Знать историю родной земли // Призвание. – 1972. – 15 мая.
23. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX – начале XX в., 1861–1904 гг. // Вопросы истории СССР. – Ульяновск, 1972. – С. 80–121. (Учен. зап. Ульянов. пед. ин-та. Т. XXIV. Вып. 4.).
24. Некоторые вопросы аграрной истории горнозаводского Урала периода капитализма в свете трудов В.И.Ленина // Вопросы истории СССР. – Ульяновск, 1972. – С. 24–51. (Учен. зап. Ульянов. пед. ин-та. Т. XXIV. Вып. 4.).
25. Положение пролетариата Урала в период капитализма: Историография вопроса // Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма: Материалы к Всесоюз. науч. сессии, 19–22 октября 1972 г. – Львов, 1972. – С. 3–13.
26. Рабочее движение на Урале в период отмены крепостного права: его масштабы, характер, особенности // Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ: Материалы к науч. сессии по истории рабочего класса. – Ростов-на-Дону, 1971. – С. 283–296.
1973
27. В.И.Ленин о соединении социализма с рабочим движением // Вопросы истории СССР: Учен. зап. Ульянов. пед. ин-та. – Ульяновск, 1973. – С. 3–62.

28. Некоторые вопросы источниковедческого анализа документов по истории рабочего и социал-демократического движения на Южном Урале в конце XIX века // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1973. – Вып. 1. – С. 61–69.
1974
29. Пролетариат Урала в советской историографии // Вопросы методологии истории и историографии: Докл. науч. конф. – Томск, 1974. – Вып. 2. – С. 16–21.
1977
30. В.И. Ленин и создание национальной государственности народов Поволжья // Ульяновская правда. – 1977. – 17 ноября.
1978
31. Патриотическое, интернациональное... // Призвание. – 1978. – 3 мая. – № 16–17.
1982
32. Горнозаводский Урал периода домонополистического капитализма в освещении зарубежной историографии // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII – начале XX вв. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – С. 61–83.
33. Об особенностях формирования пролетариата Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 гг. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – С. 42–50.
1983
34. «Описание Оренбургской губернии» В.М. Черемшанского как источник для изучения истории рабочего класса Южного Урала // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII – начала XX вв.: Материалы регион. науч. конф. (12–14 мая 1983 г., г. Оренбург). – Свердловск, 1983. – С. 31–32.
35. Рабочий класс Урала накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Установление и упрочение Советской власти на Урале: Тез. межвуз. регион. науч. конф. – Челябинск, 1983. – С. 37–41.
1984
36. Морозовская стачка 1885 г. – важная веха в формировании и развитии российского пролетариата // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX – начале XX в.: Тез. выст. XV зон. межвуз. науч. конф., посвящ. 100-летию Морозовской стачки. – М., 1984. – С. 177–181.
1985
37. Вопросы историографии численности и состава рабочего класса Урала накануне Великой Октябрьской революции // Историография Октябрьской социалистической революции на Урале: Тез. межвуз. науч. конф. – Челябинск, 1985. – С. 30–35.
38. Производственные и санитарно-гигиенические условия труда в уральской горнозаводской промышленности, 1861–1904 гг. // Рабочие Урала в период капитализма. – Свердловск: УрГУ, 1985. – С. 16–27.
39. Пролетариат Урала в борьбе за гегемонию в революции 1905–1907 гг. // Урал в революции 1905–1907 гг. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1985. – С. 23–35.
40. Рабочие Урала периода капитализма в исследованиях советских историков 20–50-х годов // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX вв.: Историография и источниковедение. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1985. – С. 3–15.
1986
41. Воспитание трудовых традиций в коллективах рабочих Урала в досоветский период: Основные источники // Всесоюз. науч.-практ. конф. «История предприятий СССР: социальное развитие трудового коллектива». Тез. докл. – Кременчуг, 1986. – С. 115–117.
42. Итоги и перспективы изучения истории рабочих Урала периода капитализма на современном этапе // Урал и проблемы региональной историографии: Период капитализма [Информ. материалы]. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – С. 3–20.
43. Советская историография о динамике номинальной и реальной заработной платы уральских рабочих в период домонополистического капитализма, 1861–1900 // Урал и проблемы региональной историографии: Период капитализма [Информ. материалы]. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – С. 47–51.
1987
44. Екатеринбург, октябрь-ноябрь [1917-го] // Наука Урала. – 1987. – 7 ноября. – № 41–42. – С. 7; – 2 декабря. – № 45. – С. 1, 4.

45. О ходе работы над «Хроникой рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 г.: Урал» // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 218–219.

46. Робітничий рух на Уралі в 1903 р. // Історичні дослідження: Вітчизняна історія. Республіканський міжвідомчий збірник наукових праць. – Київ. Наукова думка. 1987. – Випуск 13. – С. 48–49 (на україн. яз.) [Рабочее движение на Урале в 1903 г. // Исторические исследования: Отечественная история. Республіканський міжведомственный сборник научных трудов. – Киев: Научная мысль, 1987. – Вып. 13. – С. 48–49].

47. Роль штрафів и вычетов в снижении заработной платы горнозаводских рабочих Урала в 1861–1900 гг. // Положение и борьба трудящихся Урала ХУІІІ – начала ХХ вв: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ. 1987. – С. 14–27.

1988

48. Листівки РСДРП на Уралі напередодні Першої російської революції // Історичні дослідження: Вітчизняна історія. Республіканський міжвідомчий збірник наукових праць. – Київ. Наукова думка. 1988. – Випуск 14. – С. 34–35 (на україн. яз.) [Листовки РСДРП на Урале накануне Первой российской революции // Исторические исследования: Отечественная история. Республіканський міжведомственный сборник научных трудов. – Киев: Научная мысль, 1987. – Вып. 14. – С. 34–35].

49. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861–1900 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма, 1861–1917. Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 5–21.

50. Труд рабочих горнозаводской промышленности Урала в период капитализма: проблемы, опыт, традиции, уроки // Октябрь на Урале: история и современность. Социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции: [Информ. материалы]. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 20–26.

1989

51. Железородная промышленность Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1989. – С. 86–103.

52. Исторический опыт развития сферы материального производства: Проблемная ситуация. Период капитализма // Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории): Целевая научно-исследовательская программа. Коллектив авторов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 21–28.

53. История Урала – известная и неизвестная: Встреча в редакции историков и писателей // Урал. – 1989. – № 12. – С. 8–9.

54. К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма, 1861–1900 гг. // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 78–94.

55. На заре социал-демократического движения // Наука Урала. – 1989. – 15 июня. – № 24. – С. 6–7; – 1989. – 22 июня. – № 25. – С. 6–7.

56. Научно-технический и социальный прогресс в горнозаводской промышленности Урала в период домонополистического капитализма // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма: [Информ. материалы]. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 11–16.

57. Начало: Уроки истории // Уральский рабочий. – 1989. – 17 ноября. – № 26. – С. 3.

58. Урал в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 4–13.

59. Эссен Мария Моисеевна // Большевики-ленинцы на Урале. – Свердловск: Свердловская высшая партийная школа, 1989. – С. 183–189.

1990

60. Актуальные вопросы исследования дооктябрьского периода («Круглый стол») // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 9. – С. 47–49.

61. Анархо-бунтарские и анархо-синдикалистские черты в рабочем движении на Урале в период революции 1905–1907 гг.: новые подходы к проблеме // Первая российская революция 1905–1907 гг. в свете нового исторического мышления: Тез. докл. и сообщ. республ. науч. конф. (19–20 декабря 1990 г.). – Горловка, 1990. Т. 1. – С. 95–98.

62. Введение // История Урала в период капитализма. – М.: Наука. 1990. – С. 3–8.

63. Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения Урала в 1861–1885 гг. // Народное образование на Урале в ХУІІІ – начале ХХ в. – Свердловск: УрГУ. 1990. – С. 48–69.

64. Заключение // История Урала в период капитализма. – М.: Наука. 1990. – С. 415–418 (в соавт. с А.В.Дмитриевым).
65. Историография. Источники // История Урала в период капитализма. – М.: Наука. 1990. – С. 9–36 (в соавт. с Ю.А.Бурановым и М.И.Чернышом).
66. Методологические проблемы исследования региональных особенностей российского пролетариата периода капитализма // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (г. Свердловск, 23–25 октября 1990 г.) – Свердловск: УрО АН СССР. 1990. Вып. 1: Методология и историография. – С. 38–40.
67. Общественно-политическое движение на Урале в 60–90-е годы XIX в. 3. Либеральное народничество // История Урала в период капитализма. – М. «Наука». 1990. Глава IV. – С. 183–186.
68. О жилищных условиях уральских рабочих в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма, 1861–1917 гг. Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР. 1990. – С. 48–57.
69. О новых подходах к оценке источниковой базы по истории раннего этапа социал-демократического движения // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. конф. (30 мая – 1 июня 1990 г.). – Киев, 1990. – С. 97–99.
70. О развитии мукомольного производства на Среднем Урале в начале XX в. // Сельское хозяйство и крестьянство Урала: исторический опыт и современность [Информ. материалы]. – Свердловск, 1990. – С. 5–8 (в соавт. с В.П.Микитюком).
71. Рабочие Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. (1895–1904 гг.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма, 1861–1917 гг. Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР. 1990. – С. 22–36.
72. Расстрел Романовых // Наука Урала. – Свердловск, 1990. 23 авг. № 32. – С. 1, 6–7 (в соавт. с Д.В.Боровиковым).
73. «Расстреляны пролетарской рукой» // Урал. – 1990. – № 11. – С. 173–178 (в соавт. с Д.В.Боровиковым). – Прил.: П.Ермаков. Воспоминания. – С. 178–183.
74. Региональные особенности российского пролетариата в исторической литературе // Проблемы историографии и источниковедения истории пролетариата Центрального промышленного района России: Тез. выступ. участников XVIII зон. межвуз. науч. конф. – М., 1990. – Вып. 2. – С. 222–226.
75. Роль В.И.Ленина в утверждении идей революционной социал-демократии в рабочем движении на Урале в конце XIX в., 1895–1900 гг. // В.И.Ленин и революционно-преобразующая деятельность большевистских организаций Урала: Метод. материалы слушателям ВПШ. – Свердловск: Свердловская высшая партийная школа, 1990. – С. 9–12.
76. С.М.Петров: У истоков марксистской исторической науки на Урале // Летописцы родного края: Очерки об исследователях истории Урала. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С. 112–125.
77. Сплочение: Уроки истории // Уральский рабочий. – 1990. – 19 января. – № 16. – С. 3.
78. Уральская крестьянская община конца XIX – начала XX вв. и современность // Сельское хозяйство и крестьянство Урала: исторический опыт и современность [Информ. материалы]. – Свердловск, 1990. – С. 97–99 (соавт. с Д.В.Старковым).
79. Формирование пролетариата. Рабочее и крестьянское движение на Урале в 60–90-е годы XIX в. 1. Формирование пролетариата. 2. Положение рабочих. 3. Рабочее движение // История Урала в период капитализма. – М.: «Наука», 1990. – Глава III. – С. 3–8.
- 1991
80. В.И.Ленин и утверждение идей революционной социал-демократии в рабочем движении на Урале в конце XIX века, 1895–1900 гг. // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма, 1861–1917 гг. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 3–13.
81. Веков минувших аппаратчики: Губернское управление в дореволюционной России // За власть Советов. – Свердловск, 1991. – 4 апреля. – № 35. – С. 4; – 6 апреля. – № 36. – С. 5.
82. «Расстреляны пролетарской рукой»: Еще один неизвестный документ об убийстве царской семьи // Убийство царской семьи Романовых. – Свердловск, 1991. – С.

112–123. (в соавт. с Д.В.Боровиковым). Прилож.: Петр Ермаков. Воспоминания. – С. 124–137.

83. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма, 1861–1917 гг.: методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма, 1861–1917 гг. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 42–75.

84. Сталино, Троцк, Шупашкар и другие // Наука Урала. – 1991. – Декабрь. – № 48. – С. 7.

85. У истоков интернационализма: рабочие финно-угорских национальностей в рядах пролетариев Урала в дооктябрьский период // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. – Сыктывкар, 1991. – С. 57.

86. Установление Советской власти в Екатеринбурге: мифы и действительность // Современные концепции проблем истории советского Урала. Сб. статей. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 22–32.

87. Шадринское купечество // Авангард. – 1991. – 27 ноября. – № 135. – С. 2.

88. Швеция и Урал: железные параллели // Наука Урала. – 1991. – 21 февраля. – № 7. – С. 1, 6–7.

1992

89. Влияние крестьянской колонизации на этнодемографическую ситуацию на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тез. VIII Всеросс. конф. по исторической демографии (Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г.). – М., 1992. – С. 60–62.

90. Земская статистика как источник для изучения социально-экономического положения уральских рабочих в 70–90-е годы XIX в. // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 73–83.

91. Значение трудов профессора К.Ф.Жакова для исследования социо-культурного развития народов Российского Севера // Роль науки в освоении восточных районов страны: Тез. докл. и сообщ. Всеросс. науч. конф. – Новосибирск, 1992. – С. 78–80.

92. Индустриальное развитие. Фабрики и заводы // Уральская историческая энциклопедия. Словник. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 18–28.

93. Как разрушали биосферу Верхнекамья // Березниковский рабочий. – 1992. – 24 сентября. – № 185. – С. 3.

94. Любопытная история: из летописи Шадринского горсада // Авангард. – 1992. – 24 января. – № 10. – С. 2.

95. О ходе работы над «Хроникой рабочего движения в России в 1895–1917 гг.»: Поиски новых подходов // Отечественная история. – 1992. – № 2 – С. 216–219 (в соавт. с В.П.Микитюком).

96. Пожары 1870 и 1873 гг. // Авангард. – 1992. – 12 февраля. – № 18. – С. 2.

97. Система государственного управления на Европейском Севере в дооктябрьский период // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России: Тез. докл. науч. конф. (Сыктывкар, 17–18 сентября 1992 г.). – Сыктывкар, 1992. – С. 9–10.

98. Социальная организация металлургической промышленности Урала в преиндустриальный период // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Metallurgical works and peasantry: Problems of social organization of industry in Russia and Sweden in Early-Industrial period. Collection of research works. Сб. научных трудов. – Екатеринбург: Наука. Уральское отделение. 1992. – С. 102–113.

99. Social Organization in the Metallurgical Industry of the Urals in Pre-Industrial Period // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Metallurgical works and peasantry: Problems of social organization of industry in Russia and Sweden in Early-Industrial period. Collection of research works. Сб. научных трудов. – Екатеринбург: Наука. Уральское отделение. 1992. – С. 255–265.

100. Шадринские чиновники // Авангард. – 1992. – 26 февраля. – № 24. – С. 4.

101. Экологическая обстановка в Верхнекамском промышленном районе в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского района: исто-

рия, культура, экономика: Материалы респ. науч.-практ. конф. – Березники, 1992. – С. 43–44.

102. Экологические проблемы Уральского горнопромышленного региона в конце XIX – начале XX вв. // *Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы*. Сб. научных трудов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 89–121.

103. Экологический кризис на Урале: его истоки и причины // *Наука Урала*. – 1992. – Май. – № 14. – С. 4–5.

1993

104. *Development After 1861: Technology and Social Organisation // Ironmaking in Sweden and Russia: A survey of the social organization of iron production before 1900*. – Uppsala: Distribution Historiska institutionen, 1993. – P. 89–95. (на англ. яз.). [Развитие после 1861: технология и социальная организация // Железодельательное производство в Швеции и России. Обзорение социальной организации производства железа до 1900. – Упсала (Швеция), 1993. – С. 89–95].

105. Заселение и освоение свободных земель на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы науч. конф. – Челябинск, 1993. – С. 21–24.

106. Заселение Урала: проблемы, концепции, основные этапы // *Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Владивосток, 20–22 сентября 1993 г.)*. – Владивосток, 1993. – Кн. 2. – С. 26–29.

107. *Историческая экология // Бакалавр образования: Програм.-метод. материалы*. – Екатеринбург: УрГПУ, 1993. – Ч. 1. – С. 74–83.

108. *Менталитет екатеринбургской интеллигенции в 60–70-х годах XIX в. // Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф., посвящ. 270-летию города*. – Екатеринбург, 1993. – С. 32–35.

109. «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали» // *Урал*. – 1993. – № 12. – С. 206–218.

110. Народное образование в горнозаводском районе Соликамского уезда в конце XIX – середине XX вв. // *Образование на Западном Урале: история, современность, перспектива развития: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф.* – Березники, 1993. – С. 9–11.

111. Поиск царских останков: нужна ли нам истина? // *Истина?..: Информ. бюлл. Комиссии по расследованию обстоятельств гибели членов семьи Дома Романовых*. – Екатеринбург, 1993. – Ноябрь. – № 1. – С. 1–3; 1994. – Январь. – № 2. – С. 1–3.

112. Роль оренбургских казаков в стабилизации социально-политической ситуации на уральских заводах в 60-х гг. XIX в. // *Казачество на государственной службе: Материалы к науч. конф. (Екатеринбург, 17–19 мая 1993 г.)*. – Екатеринбург: УрО РАН, 1993. – С. 59–64.

113. Что осталось за кадром: Кто нам поможет раскрыть тайну екатеринбургской трагедии? // *Уральская газета*. – 1993. – Сентябрь. – № 28. – С. 8–9.

1994

114. Выступление в дискуссии // *Тайна царских останков: Материалы науч. конф. «Последняя страница истории царской семьи: итоги изучения екатеринбургской трагедии»*. – Екатеринбург: Ассоциация уральских издателей, Средне-Уральское книж. изд-во. 1994. – С. 118–120.

115. Место екатеринбургской интеллигенции в общественно-политической жизни России в 60–70-х гг. XIX в. // *Интеллигенция России: уроки истории и современность: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. (Иваново, 20–22 сентября 1994 г.)*. – Иваново, 1994. – С. 125–126.

116. *Промышленная революция XIX в. на горнозаводском Урале // Ползуновские чтения: Тез. науч.-практ. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения И.И.Ползунова*. – Екатеринбург, 1994. – С. 10–13.

117. *Промышленность Шадринска в пореформенный период, 1861–1900 гг. // Одинадцатые Бирюковские чтения. Тез. докл.* – Шадринск: Изд. Шадринского пед. ин-та. 1994. – С. 35–38.

1995

118. *Административно-государственное управление и регулирование межнациональных отношений на Российском Севере в досоветский период // Проблемы админи-*

стративно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (март 1995 г.). – Тобольск, 1995. – С. 22–26.

119. Библиотеки и круг чтения горнозаводского и сельского населения Урала и Западной Сибири в конце XIX в. // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала: проблемы философии, филологии, истории православной культуры. – Тюмень, 1995. – Т. 1. – С. 245–255.

120. Влияние геополитического фактора на развитие военного производства на Урале, XVIII в. – 1917 г. // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике: Докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1995. – С. 93–97.

121. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в., 1885–1900 гг. // Уральский исторический вестник. – 1995. – № 2. – С. 81–98.

122. Грамотность сельского населения Урала в 60–90-х гг. XIX в. // Летопись уральских деревень: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1995. – С. 153–158.

123. Губернское управление в дореволюционной России: Историческая справка // Архивы Урала. – 1995. – № 2. – С. 187–196 (в соавт. с Е.Ю.Алфёровой и В.Г.Железкинским).

124. Екатеринбург в XIX веке: экономика, социально-политические процессы, экология, культура // Россия и Восток: проблема взаимодействия: III Международ. науч. конф., 29 мая – 4 июня 1995: Тез. докл. – Челябинск, 1995. – Ч. 2. – С. 144–148.

125. Индустриальная культура и экология горнозаводского Урала, XVIII – начало XX вв. // Культурное достояние Урала и Сибири. Тез. докл. Всемирной конф., посвящ. 50-летию ЮНЕСКО (11–15 декабря 1995 г.) – Екатеринбург, 1995. – С. 87–88.

126. «Россия будет обязана исключительно началам, которые решил положить Император Александр III» // Россия в царствование императора Александра III: Сб. материалов науч. конф. к 150-летию со дня рождения императора Александра III. – Екатеринбург: Банк культурной информации. 1995. – С. 51–60.

127. Промышленная колонизация Урала в XVIII – первой половине XIX вв.: взаимодействие экономических укладов и социокультурные, экологические последствия // Россия и Восток: проблема взаимодействия: III Международ. науч. конф., 29 мая – 4 июня 1995: Тез. докл. – Челябинск, 1995. – Ч. 2. – С. 41–45.

128. Уральские горные инженеры XVIII–XIX вв. в освещении отечественной и зарубежной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. Межгос. науч.-теорет. конф. – Иваново, 1995. – Т. 1. – С. 173–175.

129. Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тез. докл. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20–21 апреля 1995 г. – Екатеринбург, 1995. – С. 55–62.

130. Форпост российской экономики // Екатеринбург: исторический очерк (1723–1998 гг.): План-проспект. Коллектив авторов. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. – Раздел II. – С. 6–9.

131. Экология городов Прикамья и Среднего Урала в конце XIX в. // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: Материалы тез. докл. и сообщ. Всеросс. науч.-метод. конф. – Березники, 1995. – С. 112–115.

1996

132. Агрокультура горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. (Арзамас, 10–13 сентября 1996 г.) – М., 1996. – С. 67–71.

133. «...В пользу всему государству Российскому...» // Наука Урала. – 1996. – Январь. – № 1. – С. 4.

134. Вклад интеллигенции и администрации заводов Урала в развитие металлургии // Интеллигенция и власть на пороге XXI в.: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. (28–29 марта 1996 г.) – Екатеринбург, 1996. – Ч. 1. – С. 72–77.

135. Городское население Урала второй половины XIX в.: усиление урбанизации, нарастание экологических проблем // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. (19–21 марта 1996 г.) – Новосибирск, 1996. – С. 108–110.

136. Домашнее хозяйство горнозаводских рабочих Урала: его происхождение, эволюция, роль в железоделательном производстве // Проблемы истории России: От тра-

диционного к индустриальному обществу. Сб. науч. трудов. [Посвящен памяти видного уральского историка В.В.Адамова]. – Екатеринбург: НТМП «Волот», 1996. – С. 80–83.

137. Инженерно-техническая интеллигенция горнозаводского Урала в XVIII–XIX вв. // Интеллигенция, провинция, отечество: Проблемы истории, культуры, политики: Материалы межгос. науч.-практ. конф. (Иваново, 24–25 сентября 1996 г.) – Иваново, 1996. – С. 76–78.

138. К 390-летию Усоляя. Новое Усолье в конце XIX века: соляные промыслы и их рабочие // Усольская газета. – 1996. 13 июля. – № 45. – С. 2.

139. Как скандинавы решали национальный вопрос: российско-шведский симпозиум историков // Наука Урала. – 1996. – Март. – № 6. – С. 3, 6.

140. Новое Усолье в конце XIX в.: соляные промыслы и их рабочие // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала: Материалы междунар. науч.-теорет. конф. – Соликамск, 1996. – С. 44–46.

141. Российско-шведский симпозиум «Государство и национальные процессы, 1700–1914 гг.» // Уральский исторический вестник. – 1996. – № 3. – С. 237–240.

142. Урал в XVI – начале XX вв.: колонизационные, этнографические и экологические процессы // Урал – территория жизни: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1996. – С. 12–25.

143. Уральская школа металлургов второй половины XIX – начала XX в. и ее вклад в мировую науку и технику // Россия в истории мировой цивилизации: I-я Всеросс. науч. конф.: Тез. докл. – Челябинск, 1996. – Ч. 2. – С. 49–53.

144. Уральские рабочие в Гражданской войне 1918–1920 гг.: к историографии вопроса // История России первой трети XX в.: историография, источниковедение: Тез. науч. конф., посвящ. памяти проф. О.А.Васьковского (3–4 апреля 1996 г.). – Екатеринбург, 1996. – С. 29–32.

145. Уральские рабочие и горнозаводчики: социальное согласие – конфронтация // Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения: Вторая половина XIX – начало XX в. («Вторые Морозовские чтения»): Материалы науч.-практ. конф. (5–7 сентября 1996 г.). – Ногинск-Богородск, 1996. – С. 30–36.

146. Уральское земство второй половины XIX – начала XX в.: опыт и уроки // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 1996. № 3. – С. 121–133.

147. Экологические катаклизмы Урала: краткий экскурс в историю // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (18–20 декабря 1998 г.). – Самара, 1996. – С. 23–27.

1997

148. С.Ю.Витте и экономическое и социокультурное развитие Азиатской России // Культурное наследие Азиатской России: Материалы Первого Сиб.-Урал. истор. конгресса. (г. Тобольск. 25–27 ноября 1997 г.). – Тобольск, 1997. – С. 119–120.

149. Идеи мира и согласия во внешнеполитической деятельности Императора Николая II // Россия. Романовы. Урал: Материалы науч. чтений, посвященных памяти великого князя Николая Михайловича. – Екатеринбург, 1997. – Вып. III. – С. 11–15.

150. Предисловие // Свистунов В.М. История Каслинского завода, 1745–1900 г. Русское литье. Чугун. – Челябинск: «Рифей», 1997. – С. 3–4.

151. Раздел IV. Индустриальное общество XX века. Глава 1. Урал в начале XX в. // Урал в панораме веков: План-проспект. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1997. – 28 с.

152. Роль народной памяти в корректировке официальной интерпретации исторического прошлого // Интеграция академической науки и высшего гуманитарного образования: Материалы Российской науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 марта 1997 г.). – Екатеринбург, 1997. – С. 69–71.

153. Уральская металлургия XVIII – первой половины XIX в.: качество железа и мировой рынок металлов // Первые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. (Екатеринбург, 14–15 ноября 1997 г.) – Екатеринбург, 1997. – С. 46–49.

154. Экологическая ситуация на Урале на рубеже III тысячелетия и перспективы ее развития // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1997. – С. 16–21.

155. Экологические аспекты процесса урбанизации на Урале в конце XIX – начале XX вв. // Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале. – Екатеринбург, 1997. – С. 61–86.

156. Экологические уроки исторического прошлого Урала // Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале. – Екатеринбург, 1997. – С. 3–23.
- 1998
157. Авзянопетровские заводы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 10.
158. Анархизм // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 21–22.
159. Белорецкий горный округ // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 78.
160. Буржуазия // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 98–100 (в соавт. с М.Н.Денисевич)
161. Буйский железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 98.
162. Бынговский (Бынговский) железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 101.
163. Беляков Алексей Александрович // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 79.
164. В годы «великих реформ» // Екатеринбург: Исторические очерки (1723–1998). – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – Глава VI. – С. 80–94.
165. Верхисетский заводской посессионный горный округ // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 111.
166. Верхнейвинский завод цветных металлов // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 111 (в соавт. с А.В.Бакуниным).
167. Верхнейвинский чугуноплавильный железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 111.
168. Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 112.
169. Вогульский железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 119.
170. Высокогорский рудник // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 134–135.
171. Горная промышленность Урала // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 152–155.
172. Горный инженер в уральской провинции: социокультурные аспекты // Культурное наследие Российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. (26–28 мая 1998 г. Екатеринбург – Верхотурье) – Екатеринбург, 1998. – С. 177–181.
173. Горный инженер на Урале: интеллектуальный и нравственный императив (20–40-е гг. XIX в.) // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов междунар. науч.-теоретич. конф. – Иваново: Ивановский гос. Ун-т. 1998. – С. 236–238.
174. Гулевы дни // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 170.
175. Залазинские чугуноплавильные и железоделательные заводы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 205–206.
176. «Золотой век» Екатеринбурга // Екатеринбург: Исторические очерки (1723–1998). – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – Глава V. – С. 63–79.
177. Инзерский чугуноплавильный завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 227.
178. Книга В.П.Бирюкова «Урал в его живом слове» как исторический источник для изучения труда и быта рабочих Урала // Шадринская провинция: Материалы Второй регион. краевед. конф. – Шадринск: Изд-во Шадринского пед. ин-та, 1998. – С. 22–26.
179. Крохмаль Виктор Николаевич // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 292.
180. Лазаревы (Лазарян) // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 305.
181. Марксистские кружки // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 324–325.

182. На волне промышленного подъема // Екатеринбург: Исторические очерки (1723–1998). – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург». 1998. Глава VII. – С. 95–107.
183. На перепутье истории: Екатеринбург на рубеже XVIII–XIX вв. // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию города, 21–22 апр. 1998 г. – Ч. 1. – Екатеринбург, 1998. – С. 40–46.
184. Нижне-Нейвинский железодобывающий завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 358.
185. Отработки // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 387.
186. Отходничество // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 387 (в соавт. с М.Н.Денисевич).
187. Петров Сергей Михайлович // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 411.
188. Половцев Александр Александрович // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 420.
189. Посессионное право // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 423.
190. Посессионные заводы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 423.
191. Посессионные рабочие // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 423–424.
192. Промышленная революция // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 429–430.
193. Рабочее движение // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 437–438.
194. Рабочий класс // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 438–440 (в соавт. с С.П.Постниковым).
195. Русское население Урала в XII – начале XX вв.: этнодемографический и этнокультурный аспекты // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. – Екатеринбург, 1998. – Ч. 1. – С. 146–150.
196. The Social Organisation of Work at Mines, Furnaces and Forges / Gavrilov D.V., Ustiantsev S., Dashkevich L. // Iron-making societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900. – Oxford: Berghahn Books, 1998. P. 61–138 (На англ. яз.) [Социальная организация труда в рудниках, у печей и горнов // Железодобывающие общества: Раннеиндустриальное развитие в Швеции и России, 1600–1900. Оксфорд (Англия): Бергхан Букс, 1998. С. 61–138 (в соавт. с С.В.Устьянцевым, Л.А.Дашкевич)].
197. Технологические аспекты модернизации уральской металлургии в XVIII–XX вв. // Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. (г. Екатеринбург, 17 декабря 1997 г.). – Екатеринбург, 1998. – С. 28–35.
198. Транспорт горнозаводского Урала XVIII – начала XX веков: процессы модернизации и регионализации // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. – Екатеринбург, 1998. – Ч. 1. – С. 224–228.
199. Урал // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 529–532 (в соавт. с Е.Т.Артёмовым, А.В.Бакуниным, В.Д.Викторовой).
200. Фабрично-заводская промышленность // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 558–560.
201. Центр горнозаводского края // Екатеринбург: Исторические очерки (1723–1998). – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – Глава IV. – С. 48–62.
202. Частновладельческие заводы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 578.
203. Черная металлургия // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 588–589 (в соавт. с А.В.Бакуниным).
204. Штрафы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 600.
205. Шуралинский железодобывающий завод // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 601.
206. Эссен (Берцинская) Мария Моисеевна // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 605.

1999

207. Историческая экология на Урале // Урал: наука, экология. – Екатеринбург, 1999. – С. 5–15 (в соавт. с В.В.Алексеевым).

208. Как жили предки? Новое Усолье в конце XIX века: соляные промыслы и рабочие // Примета. – 1999. – Март. – № 21. – С. 2–3.

209. Отношение к труду и трудовые традиции горнозаводских рабочих Урала (XVIII – начало XX в.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г.). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 196–197.

210. Проблема сохранения промышленного историко-культурного наследия: опыт Швеции // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Березники, 1999. – С. 196–200.

211. Роль и место исторической экологии в высшем педагогическом образовании // Третьи Урал. ист.-пед. чтения. – Екатеринбург, 1999. – С. 256–261.

212. Роль уральской школы металлургов XIX – начала XX вв. в становлении и развитии науки о металле // Урал индустриальный: Третьи регион. науч. конф., май 1999 г. – Екатеринбург, 1999. – С. 34–44.

213. Труд и быт рабочих Урала XVIII – начала XX в. в освещении фольклорных источников (по материалам книги В.П.Бирюкова «Урал в его живом слове») // Вторые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. (Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г.). – Екатеринбург, 1999. – С. 40–46.

214. Экологическая ситуация на Урале в контексте стратегии национальной безопасности // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития: Материалы междунар. конф., посвященной 275-летию Российской академии наук (Екатеринбург, 22–23 апреля 1999 г.) – Екатеринбург, 1999. – С. 123–127.

2000

215. Абамелек-Лазаревы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 9.

216. Авзянопетровские заводы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 10–11.

217. Анархизм // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 22.

218. Белорецкий горный округ // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 79–80.

219. Буржуазия // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 101–102. (в соавт. с М.Н.Денисевич)

220. Буйский железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 100.

221. Быньговский (Быньговский) железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 103.

222. Беляков Алексей Александрович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 81.

223. Верхисетский заводской посессионный горный округ // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 112–113.

224. Верхневинский завод вторичных цветных металлов // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000 – С. 113 (в соавт. с А.В.Бакуниным).

225. Верхневинский чугуноплавильный железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 113.

226. Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 214.

227. Вогульский железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 121.

228. Высокогорский рудник // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 137.

229. Горная промышленность Урала // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 155–157.

230. Гулевы дни // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 173.

231. Демидовское наследие // Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: «СВ-96», 2000. – С. 44–47.
232. Демидовы – известные и неизвестные: Послесловие историка // Шакинко И. Демидовы: историческое повествование с портретами. – Екатеринбург: Изд. Дом «ПАКРУС», 2000. – С. 257–266.
233. Екатеринбургский металлургический завод – самый крупный завод Европы 20–40-х гг. XVIII в. // Третьи Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. (19–20 апреля 2000 г.) – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 27–33.
234. Екатеринбургский чугуноплавильный, медеплавильный, железоделательный и механический завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 196–197.
235. Залазнинские чугуноплавильные и железоделательные заводы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 210.
236. «Зауральский план» С.Ю.Вите и российский Север // Урал на пороге Третьего тысячелетия: Материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 14–15 декабря 2000 г.) – Екатеринбург, 2000. – С. 62–66.
237. Инзерский чугуноплавильный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 230.
238. Крохмаль Виктор Николаевич // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 297.
239. Лазаревы (Лазарян) // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 309.
240. Марксистские кружки // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 330–331.
241. Невьянский чугуноплавильный и железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 361–362.
242. Нижне-Нейвинский железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 366.
243. Отработки // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 394–395.
244. Отходничество // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 395 (в соавт. с М.Н.Денисевич).
245. Петров Сергей Михайлович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 420.
246. Половцов Александр Александрович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 429.
247. Посессионное право // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 432–433.
248. Посессионные заводы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 433.
249. Посессионные рабочие // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 433.
250. Промышленная революция // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 438–440.
251. Потерянная перспектива. 1901–1914 // Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: «СВ-96», 2000. – Глава 2. – С. 48–89.
252. Рабочее движение // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 447–448.
253. Рабочий класс // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 448–450 (в соавт. с С.П.Постниковым).
254. Роль малых войн в развитии военной промышленности Урала перед Первой и Второй мировыми войнами // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург – Каменск-Уральский, 27–28 апр. 2000 г. – Екатеринбург, 2000. – С. 81–84 (в соавт. с Г.Н.Шумкиным).
255. Русское старожильческое население Урала и Западной Сибири в XVII–XIX вв.: особенности расселения, традиции, роль в создании Уральского горнопромышленного района // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симпоз. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск, 11–13 дек. 2000 г.). – Тобольск-Омск, 2000. – С. 140–143.

256. Техносфера уральской черной металлургии в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. – 2000. – № 5–6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. – С. 209–235.

257. Урал // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 542–545 (в соавт. с Е.Т.Артёмовым, А.В.Бакуниным, В.Д.Викторовой).

258. Урал в геополитической стратегии Первой и Второй мировых войн // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург – Каменск-Уральский, 27–28 апр. 2000 г. – Екатеринбург, 2000. – С. 77–81.

259. Урал и его рабочие в исследованиях и письмах А.М.Панкратовой // Историк и время. 20–50-е годы XX века: А.М.Панкратова. – М.: РУДН; Мосгосархив, 2000.

260. Уральской металлургии – 300 лет // Календарь знаменательных и памятных дат: Свердловская область. 2001 (Свердловская обл. универсальная науч. библиотека: Отдел краеведческой литературы). – Екатеринбург: Б-ка им. В.Г.Белинского, 2000. – С. 140–147.

261. Фабрично-заводская промышленность // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 571–575.

262. Частновладельческие заводы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 593.

263. Черная металлургия // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 603–604 (в соавт. с А.В.Бакуниным).

264. Штрафы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 616.

265. Шуралинский железоделательный завод // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 617.

266. Энциклопедия «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.» – свод современных научных знаний об уральской металлургии // Урал на пороге третьего тысячелетия: Материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 14–15 декабря 2000 г.). – Екатеринбург, 2000. – С. 23–28.

267. Эссен (Берцинская) Мария Моисеевна // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 622.

2001

268. Авзянопетровские заводы // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 19–21.

269. Авроринский железоделательный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 21.

270. Азяш-Уфимский (Узяш-Уфимский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 21–22.

271. Акчимский чугуноплавильный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 22.

272. Алапаевский (Нейво-Алапаевский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 24–28.

273. Алапаевский верхний (Верхнеалапаевский) железоделательный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 22–23.

274. Алапаевский металлургический завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 28–31 (в соавт. с И.А.Корюкиным, В.И.Бусел).

275. Алапаевский нижний (Нижнеалапаевский) чугуноплавильный, железоделательный и медеплавильный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 23–24.

276. Александровский (Лытвенский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 31–32 (в соавт. с В.В.Мухиным).

277. Аннинский (Бабкинский) медеплавильный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 33 (в соавт. с Корепановым Н.С.).

278. Аннинский монетный двор // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 33–34.
279. Антоновский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 34.
280. Анцубский (Тряпицынский, Кукморский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 34–35 (в соавт. с Н.С.Корепановым).
281. Артинский (Артинский нижний) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 35–36.
282. Артинский верхний железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 36.
283. Архангело-Пашийский (с 1919 – Пашийский) чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С.36–38.
284. Архангельский (Шаранский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 38–39 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
285. Атигский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 39–40.
286. Аша-Балашовский (Балашовский) чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 40–41.
287. Ашабский (Ашабский) медеплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 41–42.
288. Ашинский металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 42–45 (в соавт. с В.Г.Евстратовым, А.П.Грезиным).
289. Баймакский (Таналык-Баймакский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 46–47.
290. Бакальское рудоуправление // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2001. – С. 47–51.
291. Банковые заводы // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 51.
292. Барановский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 51.
293. Баранчинский (Баранчинский нижний, Нижнебаранчинский) чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 51–55.
294. Баранчинский верхний (Верхнебаранчинский) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 55.
295. Башкирский медно-серный комбинат // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 55–57.
296. Белорецкий металлургический комбинат // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 57–60 (в соавт. с В.Д.Мирошниченко, А.И.Беляковым).
297. Белорецкий сталепрокатный и канатный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 60–62.
298. Белорецкий чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 62–66.
299. Бемшевский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 66–67.
300. Берсутский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 68–69.
301. Бизярский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 69–70.

302. Билимбаевский (Билимбаевский нижний) чугуноплавильный и железодельный (с 1760-х – чугуноплавильный, с 1933 – труболитейный) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 70–72.
303. Бисертский железодельный (с 1901 – чугуноплавильный и железодельный, с 1930 – механический) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 74–76.
304. Бисертский чугуноплавильный и железодельный (с 1891 – только чугуноплавильный) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 72–74.
305. Богдановичский завод по производству огнеупорных материалов // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 78–79 (в соавт. с В.А.Сайсановым, А.Э.Беделем).
306. Богословский (Туринский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 85–89.
307. Богословский алюминиевый завод – флагман алюминиевой промышленности Урала // *Урал индустриальный: Четвертая регион. науч. конф. «Бакунинские чтения».* Ноябрь 2000 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 100–107.
308. Богословский алюминиевый завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 80–84.
309. Богословский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 84 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
310. Богословский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 84–85.
311. Богословское рудоуправление // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 89–90.
312. Боталовский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 92.
313. Буйский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 92–93.
314. Быньговский (Быньговский) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 96–97.
315. Варваринский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 98.
316. Варзино-Алексеевский (Алексеевский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 98–99.
317. Вельсовский (Велсовский) чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 99–100 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
318. Верхисетский железодельный (с 1736 – также чугуноплавильный, с 1865 – и механический) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 100–105.
319. Верхисетский металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 105–111.
320. Верхнейвинский (Верхнейвенский, Нейвинский верхний, Верхнеивенский, Ивенский верхний) чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 111–113.
321. Верхнейвинский завод вторичных цветных металлов // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 113–114. (в соавт. с С.С.Набойченко).
322. Верхнейвинский нижний (Нижневерхнейвинский, Рудянский) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 114–115.
323. Верхнесалдинский завод по обработке цветных металлов // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 115–116.
324. Верхнесалдинский чугуноплавильный и железодельный (в советское время – металлургический) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 116–121.

325. Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 121–126 (в соавт. с В.В.Запарием).
326. Верхнесергинский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 126–128 (в соавт. с Д.Е.Хохолевым).
327. Верхнесинячихинский чугуноплавильный и железоделательный (с 1918 – металлургический) завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 128–131.
328. Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 132–134.
329. Верхнетуринский (Туринский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 134–138 (в соавт. с А.В.Антошко, В.В.Романовым).
330. Верхнефалейский (до 1818 – Уфалейский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 138–142. (в соавт. с Д.Е.Хохолевым).
331. Верхнешайтанский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 142–143.
332. Верхотгорский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 143–144 (в соавт. с В.П.Микитюком).
333. Вижаихинский (Вижайский) чугуноплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 144–145.
334. Висимо-Уткинский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 145–148.
335. Висимо-Шайтанский железоделательный и чугуноплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 148–150.
336. Вогульский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 151.
337. Вознесенский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 151–152 (в соавт. с В.П.Микитюком).
338. Воскресенский (Табынский) медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 154.
339. Воскресенский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 152–154 (в соавт. с В.П.Микитюком).
340. Воскресенский чугуноплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 154.
341. Воткинский (Камско-Воткинский) железоделательный, паровозо- и судостроительный, с 1925 – машиностроительный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 154–162.
342. Всеволодо-Вильвенский (Шабурно) железоделательный, с 1850 – чугуноплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2001. – С. 162–164.
343. Выйский медеплавильный, с 1730-х – чугуноплавильный, с 1740 – также и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 164–167.
344. Высокогорский горно-обогатительный комбинат // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 167–168.
345. Гайский горно-обогатительный комбинат // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 169–171 (в соавт. с А.Э.Беделем).
346. Гороблагодатское рудоуправление // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 172–175.
347. Губахинский коксохимический завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 175–177.

348. Гумешевский медеизвлекательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 177 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
349. Гумешевский медный рудник // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 177–179 (в соавт. с В.В.Запарием).
350. Давыдовский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 180 (в соавт. с Н.С.Корепановым).
351. Дегтярский медный рудник // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 181–183.
352. Екатеринбургский монетный двор // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 190–191.
353. Екатеринбургский чугуноплавильный, железоделательный, медеплавильный и механический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 191–194.
354. Елизавето-Нердвинский железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 196 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
355. Елизавето-Пожевской железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 196–197.
356. Елизаветский (Цесаревны Елизаветы, Елизаветинский, Верхнеуктусский, Уктусский верхний) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 197–198.
357. Завод на Нейве-реке: К 300-летию уральской металлургии // *Уральский меридиан: Общественно-политический еженедельник Уральского федерального округа.* – 2001. – 20–26 марта. – № 5. – С. 8–9 (в соавт. с В.В.Запарием).
358. Залазнинский (Верхнезалазнинский, Залазнинский верхний) чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 199–200.
359. Залазнинский (Нижнезалазнинский, Никольский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 200–201.
360. Златоустовская Князе-Михайловская сталепушечная фабрика // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 202–204.
361. Златоустовский металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 205–209 (в соавт. с В.М.Макаровым, Е.Ю.Рукосуевым).
362. Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 210–218 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
363. «...И руда в домну засыпана» // *Уральский рабочий: Общественно-политическая еженедельная газета.* – 2001. – 12 июля. – № 19 (69). – С. 11.
364. Ижевский железоделательный, с 1807 – оружейный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 219–225.
365. Ижевский машиностроительный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 225–228.
366. Иковский (Нагайбакский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 228.
367. Илдинский (Илдянский) чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 229.
368. Ильинский железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 229–230.
369. Инзерский чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 230–231.
370. Исинский железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 237.
371. Кагинский железоделательный, в 1886–1902 также и чугуноплавильный, с 1887 – проволочно-гвоздильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.*: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 239–240 (в соавт. с Д.Е.Хохолевым).

372. Камбарский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 240–242.
373. Каменский верхний (Верхнекаменский) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 244–245.
374. Каменский чугуноплавильный, чугунолитейный и чугунопушечный завод: страницы истории // *Предприниматель-профи: Научно-экономический журнал.* – 2001. – Сентябрь. – С. 30–31.
375. Каменск-Уральский литейный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 247–248 (в соавт. с А.Э.Беделем).
376. Камский броневой завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 252–253.
377. Каноникольский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 253–254 (в соавт. с Д.Е.Хохолевым).
378. Каслинский чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 256–262 (в соавт. с А.Н.Блиновым).
379. Кувинский чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 279–280.
380. Кусинский чугуноплавильный и железодельный (с 1927 – машиностроительный) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 283–285 (в соавт. с В.П.Микитюком, В.С.Тереховым).
381. Кухтурский чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 287.
382. Кыновский чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 289–290 (в соавт. с В.В.Мушиным, Е.Ю.Рукосуевым).
383. Лайский (Лайский нижний, Нижнелайский) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 296–297.
384. Лайский верхний (Верхнелайский) железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 297.
385. Лобвинский (Замощиковский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 299.
386. Лудянский железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 299–300.
387. Лукьянский чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 300.
388. Магнитогорский металлургический комбинат // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 306–311 (в соавт. с А.Э.Беделем, В.В.Запарием, М.А.Котлухужиным).
389. Матильдинский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 317.
390. Надеждинский чугуноплавильный, сталеплавильный, железодельный и рельсопрокатный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 329–330.
391. Невьянский чугуноплавильный и железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2001. – С. 330–334 (в соавт. с В.В.Хохолевым).
392. Нижнеисетский (Исетский нижний) стальной, с 1803 – железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 336–338.
393. Нижнеуфалейский (Уфалейский нижний) чугуноплавильный, железодельный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 351–353 (в соавт. с Д.Е.Хохолевым).
394. Никитинский (Майкорский) железодельный (с 1915 – и чугуноплавильный) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 353–354 (в соавт. с В.П.Микитюком, А.В.Иванченко).

395. Никольский чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 356–357 (в соавт. с В.П.Микитюком, А.В.Иванченко).
396. Новоалапаевский металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 358.
397. Нытвенский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 360–363 (в соавт. с В.В.Мухиным, В.В.Киценко).
398. Нязепетровский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 363–366 (в соавт. с Д.Е.Хохолевым).
399. Павловский железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 375.
400. Первенец уральской «оборонки»: К 300-летию Каменского завода // *Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. К 300-летию г. Каменска-Уральского: Материалы Всерос. науч. конф.* – Екатеринбург, 2001. – С. 49–68.
401. Пермские пушечные заводы // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 395–397 (в соавт. с В.П.Микитюком).
402. Петропавловский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 384.
403. Ревдинский метизно-металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 400–402 (в соавт. с В.В.Зыкиным).
404. Ревдинский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 402–405.
405. Роль Урала в становлении и развитии отечественной металлургии // *Развитие металлургического производства на Урале: Сб. докл. и сообщ. ист.-экон. секции Междунар. конгр., посвящ. 300-летию металлургии Урала и России. 4 окт. 2001.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 130–135.
406. Святочудовский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 417.
407. Сибайский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 429–430.
408. Таманский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 455–456.
409. Тирлянский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 458–461.
410. 300 лет черной металлургии Урала: вехи становления и развития отрасли // *Новые материалы и технологии в металлургии и горнодобывающей промышленности: Тез. межрегион. молодежной науч.-практ. конф.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 3–9 (в соавт. с В.В.Запарием).
411. Туканское рудоуправление // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 465–466.
412. Уральская металлургия XVIII – первой половины XIX вв. и мировой рынок металлов // *Архивы Урала.* – 2001. – № 1 (6). – С. 153–157.
413. Учалинский горно-обогатительный комбинат // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 481–484.
414. Холуницкий (Главнохолуницкий, Белохолуницкий) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 485–487.
415. Чебаркульский металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 485–487 (в соавт. с В.В.Запарием, В.Г.Лильбок).
416. Чёрмозский нижний (Екатерининский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 502 (в соавт. с В.П.Микитюком).

417. Черноисточинский железодельный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 505–507 (в соавт. с В.В.Запарием, В.Г.Лильбок).
418. Шайтанский (Васильево-Шайтанский, Нижнешайтанский, Шайтанский нижний) чугуноплавильный и железодельный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 514–516.
419. Шуралинский железодельный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 520.
420. Южноуральские бокситовые рудники (ЮУБР) // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 526.
- 2002
421. «Ай да мы, работающий народ...»: Трудовые и культурные традиции горнозаводских рабочих Урала в XVIII – начале XX вв. // Четвертые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. (Екатеринбург, 18–19 апр. 2002 г.) – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 8–17.
422. Верность и преданность науке // Михаил Никитич Белов: историк, педагог, человек: Мемориальный сб. – Кострома, 2002. – С. 114–117.
423. Вилонов Никифор Ефремович // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 87.
424. Главные железнодорожные мастерские // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 121.
425. Екатеринбург – порт шести морей Евразии и всех главных рек Европейской России и Западной Сибири: неосуществленный и забытый проект начала XX в. // Екатеринбург: от завода-крепости – к евразийской столице: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002. – Екатеринбург, 2002. – С. 37–42.
426. Екатеринбургская «Группа социал-демократов на Урале» // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002 – С. 177–178.
427. Екатеринбургская казенная механическая фабрика // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 183–184.
428. Екатеринбургская контора государственного банка // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 184–185.
429. Екатеринбургский железодельный, чугуноплавильный, медеплавильный и механический завод // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 193–196.
430. Екатеринбургский казенный горный округ // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 197.
431. Забастовка // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 228.
432. Историческая экология как фактор движения к ноосфере: путь к совершенствованию гуманитарного образования // Гуманитарная наука и образование как фактор национального развития: Материалы Российск. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13–14 мая 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 50–52.
433. Лоцманов Андрей Васильевич // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 330 (в соавт. с В.А.Павловым).
434. Магнитогорский металлургический комбинат // Магнитогорск: Краткая энциклопедия / Под ред. Б.А.Никитина. – Магнитогорск. 2002. – С. 54–60 (в соавт. с А.Э.Беделем, В.В.Запарием, М.А.Котлужукиным).
435. Марксистские кружки // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 345–346.
436. Народничество // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 378–380.
437. Рабочая программа дисциплины «История науки и техники». – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2002. – 20 с. (Коллектив авторов).
438. Российские императоры и русский классический балет // Династия Романовых в истории и культуре России: Материалы научно-богослов. конф. Екатеринбург, 10–21 июля 2000. – Екатеринбург, 2002. – С. 133–139.
439. Съезды уральских горнопромышленников // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 538–539.
440. Сыромолотов Федор Федорович // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 539–540.

441. Три столетия уральской металлургии: Рец. на кн.: В.В.Запарий. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, Банк культурной информации, 2001. 304 с. ил., табл. // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 185–186.

442. Уральский рабочий союз // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 600–601.

443. Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 602–603.

444. Фабричная инспекция // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 619.

445. Фабрично-заводские комитеты (Фабзавкомы, ФЗК) // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 619–621.

446. Хотимский Валентин Иванович // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 632–633.

447. Экологические традиции в культуре обских угров // Северный археологический конгресс: Тез. докл., г. Ханты-Мансийск. 9–14 сент. 2002 г. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 281–283.

448. Эссен (Берцинская) Мария Моисеевна // Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 671–672.

2003

449. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы V регион. науч. конф., дек. 2002 г. – Екатеринбург, 2003. – С. 5–22.

450. Единственная в России: производство холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике в XIX–XX вв. // Урал в военной истории: традиции и современность: Третьи военно-исторические чтения. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. – Екатеринбург, 2003. – С. 16–26.

451. Историческая экология как необходимейшая составная часть системы общего гуманитарного образования // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы V регион. науч. конф., дек. 2002 г. – Екатеринбург, 2003. – С. 250–251.

452. Модернизационные процессы в горнозаводской промышленности Урала в конце XIX – начале XX в. (1890–1917) // Уральский исторический вестник. – 2003. – № 9. – С. 131–148.

453. Предисловие // Запарий В.В. Черная металлургия Урала в 70–90-е гг. XX в. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. – С. 3.

454. Роль Златоустовской Князе-Михайловской фабрики в возникновении и утверждении сталепушечного производства в России // Первые Бушуевские чтения, 23–25 декабря 2002 г.: Сб. материалов. – Челябинск, 2003. – С. 72–76.

455. Techniue of Ural Metallurgy in Coverage of Encyclopedia «Metallurgical Plants of Ural in XV11–XX Centuries» // XXX Symposium of the International Committee for the History of Technology (ICONTEC). – St-Peterburg–Moscow, 2003. – P. 126–128 (на англ. яз.). [Техника уральской металлургии в освещении энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.» // XXX симпозиум Междунар. комитета по истории техники (ICONTEC). – СПб.-М, 2003. – С. 126–128].

456. Encyclopedia «Metallurgical Works of the Urals of the 17th – 20th Centuries» as a Base for Compiling the Code of the Monuments of Industrial Heritage of the Urals // The Transformation of Old Industrial Centres and the Role of Industrial Heritage: XII International Congress. – Moscow–Ekaterinburg–Nizhny Tagil, 2003. – P. 42 (на англ. яз.). [Энциклопедия «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.» как основа для создания свода памятников индустриального наследия Урала // Возрождение старых промышленных центров и роль индустриального наследия: XII междунар. конгресс. – М.–Екатеринбург–Нижний Тагил, 2003. – С. 42].

2004

457. Златоустовская сталь на службе Родине // Вторые Бушуевские чтения: Сб. материалов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2004. – С. 11–19.

458. Историография истории Урала // Бакунин А.В. Избранные труды. – Екатеринбург: АМБ, 2004. – С. 484–499 (в соавт. с А.В.Бакуниным, В.Д.Камыниным, И.В.Побережниковым).

459. Кардинальная трансформация производственной структуры металлургических заводов в годы Первой мировой войны 1914–1818 гг. // Урал индустриальный: Баку-

нинские чтения. Материалы VI Всероссийской науч. кронф., 7 апреля 2004 г. – Екатеринбург: АМБ, 20004. – Т. 1. – С. 159–163.

460. Каслинский машиностроительный завод // Челябинская область: Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс. 2004. Т. 3. С. 131–133 (в соавт. с А.Н.Блиновым, П.А.Козленко).

461. П.П.Бажов как историк // Творчество П.П.Бажова в меняющемся мире: Материалы межвузов. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения П.П.Бажова, 28–29 янв. 2004 г. – Екатеринбург. 2004. – С. 53–59.

462. Постсоветская трансформация: технологический кризис уральской металлургии и пути выхода из него // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века: Тезисы докладов и сообщ. междунаро. науч. конф. Москва, 24–25 нояб. 2004 г. – М. 2004. – С. 168–172.

463. Среднеуральский Танкоград // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VI Всероссийской науч. конф., 7 апреля 2004 г. – Екатеринбург: АМБ, 2004. Т. 1. – С. 342–351.

464. У истоков академической науки на Урале // А.В.Бакунин в воспоминаниях и документах. – Екатеринбург: АМБ, 2004. – С.69–81.

465. Урал // Бакунин А.В. Избранные труды. – Екатеринбург: АМБ, 2004. – С. 510–518 (в соавт. с Е.Т.Артёмовым, А.В.Бакуниным, В.Д.Викторовой).

466. Урал в начале XX века: формирование новой модели экономического развития // Социальные трансформации в российской истории: Доклады междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г.). К 70-летию академика Вениамина Васильевича Алексеева. – Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 116–126.

2005

467. Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая «концепция В.В.Адамова» // Мониторинг региональной модели исторического общества и профессионального образования: Девятые всероссийские историко-педагогич. чтения. Сб. науч. статей. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. – Ч. 1. С. 69–79.

468. Всё для фронта! // Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – Екатеринбург: Баско, 2005. – Глава 1. – С. 10–33.

469. История и историки // История России: разные конструкции истории – разный смысл жизни: Учебное пособие. – Екатеринбург: СВ-96. – Глава 1. – С. 8–53 (коллектив авторов).

470. К вопросу о ленд-лизе // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской науч. конф. (ноябрь 2005 г.). – Екатеринбург. 2005. – Т. 2. – С. 384–391.

471. Над страной гремела гроза: трудовые подвиги уральцев // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Четвертые военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 14–15 апреля 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. – С. 56–63.

472. Несостоявшийся гигант уральской оборонной промышленности («Бакалстрой», 1932–1942 гг.) // Урал в 1941–1945 годах: экономика и культура военного времени (К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне). Материалы регион. науч. семинара 10 апреля 2005 г. – Челябинск, 2005. – С. 38–51.

473. Опорный край державы в 1941–1945 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской науч. конф. (ноябрь 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. – Т. 1. – С. 8–18.

474. Проблемы социального состава уральских рабочих конца XIX – начала XX вв. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской науч. конф., ноябрь 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – Т. 1. – С. 50–55.

2006

475. Бесценный вклад династии Демидовых // Уральский федеральный округ (УрФО). Общественно-политический журнал. – 2006. – Май-июнь. – № 5–6. – С. 60–61.

476. «Грамм добытого золота – еще один снаряд по врагу!»: Золотоплатиновая промышленность Урала в 1941–1945 гг. // Шестые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений (Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г.). – Екатеринбург, 2006. – Т. 1. – С. 85–100.

477. Древесноугольные доменные печи Урала, США и Западной Европы в конце XIX в. (1890-е гг.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций

XVIII–XXI вв.: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 350-летию Н.Д.Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 94–107.

478. Доменное производство Урала, Юга России и США в конце XIX – начале XX вв. (1890–1918 гг.) // Проблемы экономической истории Урала: Профессорский сборник научных статей. Посвящен 60-летию Б.В.Личмана. – Екатеринбург, 2006. – С.78–96.

479. Завершение промышленного переворота на Урале: 80-е гг. XIX в. – 1918 г. // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Десятые международные историко-педагогические чтения. Сб. науч. статей. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – С.73–95.

480. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVIII–XXI вв. Коллективная монография / Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. – Екатеринбург, 2006. – С.40–93. (Серия «Экономическая история уральской индустрии»).

481. Современный технологический кризис уральской металлургии и пути выхода из него // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века: Сб. трудов междунар. науч. конф. Москва, 24–25 ноября 2004 г. – М.: МГУ, 2006. – С.229–236.

482. Цветная металлургия Урала в 1860–1980-е гг. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVIII–XXI вв. Коллект. монография (Серия «Экономическая история уральской индустрии») / Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. – Екатеринбург, 2006. – С.196–250 (в соавт. с В.В.Запарием).

2007

483. Влияние модернизационных процессов на динамику землевладения и землепользования горнозводского населения Урала // Проблемы экономической истории России: профессорский сборник научных статей. К 55-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владимира Васильевича Запария. – Екатеринбург, 2007. – С. 150–189.

484. Зарубежная историография уральской металлургии XVIII–XX вв. // Металлургическая промышленность России XVIII–XX вв. – Саранск – Екатеринбург: Издательский центр Историко-социологического института МГУ имени Н.П.Огарёва, 2007. – С. 63–96.

485. История России с позиций разных идеологий: Учебное пособие / Под ред. проф. Б.В.Личмана. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 461 с., илл. (Коллектив авторов).

486. Коренная реконструкция топливно-энергетического баланса металлургии Урала в 1920–1930-х гг. // Индустриальное наследие: Материалы III Международной научной конференции, г. Выкса. 28 июня – 1 июля 2007 г. – Саранск, 2007. – С. 69–80.

487. Крутой поворот правительственной промышленной политики России в металлургии и горном деле на рубеже XVII–XVIII вв. // Металлургическая промышленность России XVIII–XX вв. Саранск – Екатеринбург: Издательский центр Историко-социологического института МГУ имени Н.П.Огарёва, 2007. – С. 194–218.

488. Металлургия промышленно развитых стран Западной Европы и США в панораме пяти столетий (XVI – XX вв.) // Проблемы социально-экономического и гуманитарного развития Урала: Межвузовский профессорский сборник научных трудов ученых Урала. – Вып. пятый. – Екатеринбург, 2007. – С. 38–87.

489. Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 143–159.

490. Социально-экономическая политика правительства по аграрному вопросу на горнозаводском Урале во второй половине XIX – начале XX вв. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссийской научной конференции 27–28 апреля 2007. – Т. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 122–136.

491. Становление ученого: Владимир Васильевич Запарий – известный ученый-историк, организатор высшего образования, специалист в области экономической истории и международного движения за сохранение индустриального наследия // Проблемы экономической истории России: профессорский сборник научных статей. К 55-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владимира Васильевича Запария. – Екатеринбург, 2007. – С. 8–17.

2008

492. Алапаевский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 62–65.

493. Аносов // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М., РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 94–95.
494. Арсенал Российской империи: По ступеням реформ. В огне войн и революций // Щит и меч Отчизны: Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. – Екатеринбург, 2008. – Глава II. Разделы 2, 3. – С. 130–167 (в соавт. с Е.Ю.Рукосуевым).
495. Артинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 113–115.
496. Аша-Балашевский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 129–130.
497. Бадаев // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 133.
498. Бакальские рудники // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 138–139.
499. Баранчинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 161–162.
500. Белорецкий завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 191–194.
501. Билимбаевский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 222–224.
502. Богословский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 262–264.
503. Верхнесалдинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 365–369.
504. Верхнетурунинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 369–371.
505. Верхнеуфалейский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 371–375.
506. Воронцов // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 437–438.
507. Выйский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М. РОССПЭН. 2008. Т. 1. С. 469–472.
508. Высокогорский рудник // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 473.
509. Гороблагодатский рудник // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 563–565.
510. Грум-Гржимайло // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 609–610.
511. Гумешевский рудник // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 625–627 (соавтор – В.В.Запарий).
512. Добрянский железоделательный и медеплавильный завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.; РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 701–704 (в соавт. с В.П.Микитюком).
513. Екатеринбургский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 737–741.
514. Екатеринбургский монетный двор // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 741–742.
515. Златоустовская Княземихайловская сталепушечная фабрика // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 843–845.
516. Износков // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 877.
517. Калакуцкий // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 927–928.
518. Камский броневой завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 937–938.
519. Каслинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 957–960.
520. Лавров // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 1201–1202.

521. Липин // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 1244.
522. Мировая бойня // Военная история Урала: события и люди. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2008. – Глава V. – С. 135–174.
523. На Дальнем Востоке // Военная история Урала: события и люди. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2008. – Глава IV. – С. 95–134.
524. Объективный научный подход – важнейшая составляющая воспитательного потенциала // Воспитательный потенциал исторического образования. XII Всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2008. – Ч. 2. – С. 331–344.
525. Предисловие // Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX вв. – Пермь, 2008. – С. 3–5.
526. Сложная судьба первенца уральской металлургии: Невьянский металлургический и механический завод в XVIII–XX вв. // Седьмые Татищевские чтения: В.Н.Татищев и культурное наследие Урала в исторической динамике. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – С. 389–401.
527. Стратегия модернизационных преобразований социально-экономической структуры строгановских владений (XVI – начало XX вв.) // Региональные социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы (Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). – Березники, 2008. – С. 203–208.
528. Уральская металлургия в контексте мировых технических и научно-технических революций // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 169–176.
- 2009
529. Власти, демократическая элита и проблема фальсификации российской истории // Регионы России: история, культура, экономика (Материалы Международной научно-практической конференции). – Березники, 2009. – С. 190–195.
530. Модернизационные процессы в идеологии // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы Всероссийской научной конференции. К 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексева. Екатеринбург, 2–3 июля 2009 г. – Екатеринбург, 2009. – С. 405–410.
531. Надеждинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 15–17.
532. Невьянский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 54–58.
533. Нижнеуфалейский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 7–779.
534. Обухов П.М. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 107–108.
535. Павлов М.А. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 215–216.
536. Поленов К.П. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 315–316.
537. Пятов В.С. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 451.
538. Ревдинский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 496–499.
539. Сафонов И.Е. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 624–625.
540. Славянов Н.А. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 725–726.
541. Соболевский П.Г. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 734–736.
542. Современные актуальные проблемы преподавания истории в школе и вузе: что преподносить учащимся – объективные научные знания или виртуальные модели «промывания мозгов» электората // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. Сборник науч. статей. – Екатеринбург, 2009. – Ч. 2. – С. 49–59.

543. Создание советской противоснарядной танковой брони // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию д.и.н., профессора А.В.Бакунина (Екатеринбург, 8–9 октября 2009 г.). – Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009. – Т. 1. – С. 362–377.

544. Стратегические ресурсы развития металлургии России и Урала в условиях современного финансово-экономического кризиса // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск. 2009. С. 497–508.

545. Урал // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 1006–1010 (в соавт. с В.В.Запарием).

546. Ушков К.К. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 1020–1021.

547. Шайтанский завод // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – Т. 2. – С. 1154–1156.

548. Эпилог Пермского нераздельного имения («майората») графов Строгановых // Строгановское историческое собрание: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию г. Очёр и Очёрского машиностроительного завода (10–11 июля 2009 г.) / Отв. ред. С.Г.Шустов. – Пермь: Прикамский социальный институт, 2009. – Вып. 4. – С. 3–21.

2010

549. Анатомия «промывания мозгов» // Военно-исторический журнал. – 2010. – Июль. – № 7. – С. 43–46.

550. Все для фронта! Глава 1-я. // Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. – Екатеринбург: Печатный дом «Формат», 2010. – С. 8–33.

551. История – наука, а не инструмент для фальсификации прошлого // История как ценность и ценностное отношение к истории: XIV Всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2010. – Ч. 2. – С. 76–117.

552. «Проявил себя как крупный военачальник...» К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Ф.И.Голикова // Военно-исторический журнал. – 2010. Октябрь. – № 10. – С. 33–39.

553. Роковой просчет Гитлера // Подвиг Урала в исторической памяти поколений: Шестые уральские военно-исторические чтения, посвященные 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург. 2010. С. 128–133.

554. У истоков Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сборник статей и документов. Екатеринбург. 2010. С. 57–90.

2011

555. Горнометаллургический комплекс Урала после падения крепостного права // Строгановское историческое собрание: Материалы Всероссийской научной конференции «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале». – Пермь, 2011. – Вып. 6. – С. 20–44.

556. Задачи изучения и сохранения индустриального наследия // Где Европа встречается с Азией: проблемы истории. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Назира Музабаевича Кулбахтина. – Уфа, 2011. – С. 151–162. (в соавт. с В.В.Алексеевым).

557. Им покровительствовала Амагэрасу (Морально-идеологический потенциал противостоящих сторон в русско-японской войне 1904–1905 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории: Межвузовский профессорский сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2011. – С. 11–27.

558. История и историки: личность в исторической науке (А.М.Панкратова, М.В.Нечкина) // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты: XV Всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2011. – Ч. 1. – С. 18–60.

559. Отражение специфики индустриального развития Урала в истории одного завода (Алапаевский металлургический) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы Десятой юбилейной Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 27–28 сентября 2011 г.). – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – Т. 2. – С. 271–283.

560. Разведывательные партизанские отряды на Западной Украине в период Великой Отечественной войны // Разведка в системе национальной безопасности России:

история и современность: Седьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Николая Ивановича Кузнецова. – Екатеринбург, 2011. – С. 21–39.

561. Реформа 1861 г. в контексте модернизационных процессов на Урале // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3 (32). – С. 150–152. (в соавт. с Е.Г.Неклюдовым).

562. Три локомотива Урало-Кузбасса // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1 (30). – С. 28–33.

563. Электросталеплавильный комплекс Урала в контексте российской и мировой металлургии // Индустриальное достояние Южного Урала: К 100-летию электрометаллургического комплекса «Пороги». Материалы электронной конференции. – Челябинск: ЧелГУ, 2011. – С. 17–36.

2012

564. А.С.Завьялов – создатель броневой противоснарядной стали // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 12. – С. 51–57.

565. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 1. – С. 3–9.

566. Историк металлургии, организатор высшего образования В.В.Запарий // Индустриальная Россия: Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владимира Васильевича Запария. – Екатеринбург, 2012. – С. 10–19.

567. Реликты индустриального наследия Урала: их поиск, изучение, спасение и музеефикация // Девятые Татищевские чтения: Всероссийская научно-практическая конференция. Екатеринбург, 19–20 апреля 2012 г. – Екатеринбург, 2012. – С. 365–370.

568. Так кто же делал революцию на Урале // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. – 2012. – № 1. – С. 184–189.

569. Урал 1917 года в освещении историков «неоинституционального подхода» // Индустриальная Россия: Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владимира Васильевича Запария. – Екатеринбург, 2012. – С. 149–160.

2013

570. Влияние почвенно-климатических условий на региональные системы землепользования и землевладения в горнозаводских округах Урала в XVIII – начале XX вв. // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. Сборник научных статей. – Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2013. – С. 125–133.

571. Как создаются мифы // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XI Всероссийской научной конференции с иностранным участием (Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г.). – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. – Т. 1. – С. 238–248.

572. Лес в истории уральской металлургии XVIII–XX вв. // Строгановское историческое собрание: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Добрянка в прошлом, настоящем и будущем» (г. Добрянка, 28–29 июня 2013 г.). – Пермь, 2013. – Вып. 8. – С. 3–16.

573. Предисловие // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XI Всероссийской научной конференции с иностранным участием (Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г.). – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. – Т. 1. – С. 8.

574. Проблемы и перспективы перехода российской и уральской металлургии к постиндустриальной модернизации // Одиннадцатые Татищевские чтения: Всероссийская научно-практическая конференция. Екатеринбург, 21–22 ноября 2013 г. Материалы. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. – С. 200–205.

575. Станный метод «наращивания нового видения» (по поводу монографии С.П.Постникова и М.А.Фельдмана «Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии»). Екатеринбург, 2011. 156 с.) // Вестник Прикамского социального института: Гуманитарное обозрение. – 2013. – № 1 (6). – С. 18–27.

576. Танки в бою // Военная история как фактор патриотического воспитания: Восьмые Уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Сборник научных статей. – Екатеринбург, 2013. – С. 152–160.

577. Урало-Кузбасс: грандиозный проект мирового масштаба // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XI Всероссийской научной конференции с иностранным участием. Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. – Т. 1. – С. 15–32.

578. Learning About the History of Landscape Use for the Future: Consequences for Ecological and Social Systems in Swedish Bergslagen // AMBIO: A JOURNAL OF THE HUMAN ENVIRONMENT. – Volume 42. – № 2. – March 2013. – P. 146–159. [Изучение истории использования ландшафтов для будущего: последствия для экологической и социальной систем в шведском Бергслегене // АМБИО: Журнал о гуманитарной среде. – Т. 42. – № 2. – Март. 2013. С. 146–159]. Коллектив авторов.

2014

579. А.В.Бакунин – один из основателей академической исторической науки на Урале // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрФУ, 2014. – Т. 1. – С. 4–10.

580. Очёр – жемчужина Строгановских владений на Урале // Строгановское историческое собрание. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Березники. Соликамск, Усолье: пути исторического развития и культурного возрождения». г. Березники, 26–27 июня 2014 г. – Пермь, 2014. – Вып. 9. – С. 45–62.

581. Стратегические ориентиры социально-экономического развития страны в исторической эпистемологии и рефлексивной реконцептуализации исторического знания в современном учебнике по отечественной истории // Современный учебник по истории: теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты. Ежегодник XVIII Всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2014. – Ч. 2. – С. 22–36.

582. У истоков академической исторической науки на Урале: ответы на вопросы // – Наука Урала. – 2014. Март. – № 6. – С. 6.

583. Эвакуация промышленных предприятий на Урал в годы Первой мировой войны (1915–1918 гг.) // Межрегиональная научно-практическая конференция «Традиции российского патриотизма в историко-культурном наследии Первой мировой войны». Сборник материалов. – Екатеринбург, 2014. – С. 17–23.

584. Экологическая устойчивость лесных ландшафтов Урала в панораме трех столетий (начало XVIII – начало XXI вв.). // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрФУ. 2014. – Т. 1. – С. 55–62.

2015

585. Верные помощники в изучении нашего края: уральские энциклопедии // Одиннадцатые Татищевские чтения: Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 145-летию Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург, 18–19 ноября 2015 г. Материалы. – Екатеринбург, 2015. – С. 406–414.

586. Депортации народов в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.: действительность и ее тенденциозные оценки // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. – № 2 (3). – С. 24–33.

587. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. – № 2 (5). – С. 7–26.

588. Малоизвестные страницы истории: развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. – № 2 (3). – С. 4–19.

589. Производство порохов и взрывчатых веществ в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1 (46). – С. 52–58.

590. Тактика и стратегия боевых действий танков в контексте трансформации их бронезащиты, огневой мощи и подвижности // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Сборник научных статей. Девятые уральские военно-исторические чтения. – Екатеринбург, 2015. – Ч. 1. – С. 260–270.

591. Развал Западного фронта: причины и последствия // Урал в модернизационной динамике России XX века: Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Андрея Владимировича Сперанского. – Екатеринбург, 2015. – С. 267–285.

592. Ресурсный потенциал и стратегические ориентиры социально-экономического развития восточных районов страны в конце XIX – начале XX вв. // Годы поисков и свершений: Кафедра истории науки и техники УГТУ-УПИ-УрФУ. 1999–2014 гг. В рамках Пятой ежегодной научной конференции кафедры истории науки и техники: История науки и техники в современной системе знаний. 8 февраля 2015 г. – Екатеринбург, 2015. – С. 53–74.

2016

593. Вклад оборонной промышленности Урала в арсенал Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 11. – С. 73–74.

594. Изучение и использование советскими военачальниками в сентябре 1939 – июне 1941 гг. опыта войны в Западной Европе // Маршал Победы в военной истории России. Десять уральских военно-исторических чтений, посвященные 120-летию Маршала Советского Союза Г.К.Жукова. Сборник научных статей. – Екатеринбург, 2016. – С. 55–61.

595. Памятники истории и культуры в водовороте социальных потрясений // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции 4–6 апреля 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 42–44.

596. Памятники истории и культуры как средство воздействия, воспитания и образования // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития; Ежегодник. XX Всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2016. – Ч. 2. – С. 185–196.

2017

597. Роль Урала в создании и развитии отечественной радиоэкологии // Глобальная ядерная безопасность. – 2017. – № 3 (24). – С. 119–130.

2018

598. Радиационная авария на Урале: причины, последствия, уроки // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 145–147.

599. Горнозаводский Урал в преддверии революций 1917 г. // Мир историка и странство истории. Сборник статей к юбилею профессора Н.Н.Алеврас. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 357–376.

600. Новая книга о радиационных бедах Урала. Рецензия на монографию В.С.Толстикова и В.Н.Кузнецова «Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 115–117.

601. Стратегические успехи российской внешней разведки на австро-венгерском направлении накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Органы государственной безопасности на защите Отечества. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Сократ, 2018. – С. 86–93.

2019

602. Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании Гражданской войны 1918–1920 гг. в России // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1. – № 2. – С. 34–40.

603. Место государственного планирования в экономическом развитии России XX – начала XXI вв. // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. – Екатеринбург: ООО Универсальная типография «АльфаПринт», 2019. – С. 53–58.

2020

604. Уроки 1941 года: проблема изучения войн вероятных противников // Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность. Двенадцатые военно-исторические чтения. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Сократ, 2020. – С. 171–178.

605. Блицкриг – грандиозная авантюра Гитлера // Великий подвиг народа по защите Отечества: веки истории. Сборник научных статей. – Екатеринбург: [Б. и.], 2020. – Ч. 1. – С. 129–140.

606. Маршал Советского Союза Ф.И.Голиков – оболганный военачальник Великой Отечественной войны (к 120-летию со дня рождения Ф.И.Голикова) // XVIII Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 3–4 декабря 2020 г.). – Курган: Издательство Курганского университета, 2020. – С. 7–17. (в соавт. с Г.А.Ивановым).

607. Современные планово-рыночные экономики как ресурс для развития // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Нижний Тагил, 3–4 декабря 2020 г.). – Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2020. – С. 41–49.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

Ответственный редактор, научный редактор, член редколлегии

1969

1. Из истории Липецкого края. Учебное пособие для учащихся средней школы. – Воронеж: Книжное издательство, 1969. – 160 с. Отв. редактор.

1970

2. Областная межвузовская конференция, посвящ. 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы докладов и сообщений. – Липецк. 1970. – 212 с. Редактор.

1972

3. Вопросы истории СССР: Ученые записки Ульяновского педагогического института. – Т. XXIV. – Вып. 4. – Ульяновск, 1972. – 186 с. Отв. редактор.

4. Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма: Материалы к Всесоюзной научной сессии 19–22 октября 1972 г. Секции: Революционность русского пролетариата и ее истоки. Политические партии и рабочий класс. Рабочий вопрос и политика царизма и буржуазии. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1972. – 149 с. Редактор.

5. Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма: Материалы к Всесоюз. науч. сессии 19–22 октября 1972 г. Секции: Изучение истории пролетариата. Источниковедение. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1972. – 133 с. Редактор.

1973

6. Вопросы истории СССР: Ученые записки Ульяновского педагогического института. – Ульяновск, 1973. – 159 с. Отв. редактор.

1985

7. Урал в революции 1905–1907 годов. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1985. – 179 с. Отв. редактор.

1986

8. Урал и проблемы региональной историографии. Период капитализма: [Информ. материалы]. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – 84 с. Отв. редактор.

1988

9. Октябрь на Урале: история и современность. Социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции: [Информ. материалы]. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – 105 с. Отв. редактор.

10. Рабочий класс Урала в период капитализма, 1861–1917. Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – 129 с. Отв. редактор.

1989

11. Аллаярова В.С. Социально-историческая сущность классовых составляющих горнозаводского пролетариата Урала: Препринт. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 34 с. Отв. редактор.

12. Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма: [Информ. материалы]. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 90 с. Отв. редактор.

13. История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 605 с. Член главной редколлегии.

14. Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 137 с. Отв. редактор.

15. Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 154 с. Член редколлегии.
1990
16. История Урала в период капитализма. – М.: Наука, 1990. – 504 с. Отв. редактор и член главной редколлегии.
17. Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма, 1861–1917 гг.: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – 114 с. Отв. редактор.
18. Экономические процессы в горнозаводской промышленности Урала периода капитализма, 1861–1917 гг.: Препринт. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – 62 с. Отв. редактор.
1991
19. Загайнова В.Л. Самодеятельный театр на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917 гг.): Препринт. – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991. – 58 с. Отв. редактор.
20. Промышленность и рабочие Урала в период капитализма, 1861–1917 гг.: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – 149 с. Отв. редактор.
1992
21. Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблем: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1992. – 192 с. Отв. редактор.
1996
22. Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 212 с. Научный редактор.
23. Рукосуев Е.Ю. Короли, президенты, премьеры...: Науч.-справ. изд. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 301 с. Редактор.
1997
24. Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале. – Екатеринбург, 1997. – 149 с. Отв. редактор.
25. Металлургические заводы Урала. 1629–1996 годы: План-проспект энцикл.: 300-летию российской металлургии посвящ. / Сост.: Рукосуев Е.Ю.; Редкол.: Артёмов Е.Т., Бедель А.Э., Гаврилов В.Г. и др.; Гл. ред.: акад. Алексеев В.В. – Екатеринбург, 1997. – 80 с. Член редколлегии.
26. Урал в панораме веков: План-проспект. – Екатеринбург. 1997. – 26 с. Член редколлегии.
1998
27. Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. (Екатеринбург, 24–25 февр. 1998 г.). – Екатеринбург НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. – Ч. 1. – 540 с. Член редколлегии.
28. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. УрО РАН. Изд-во «Екатеринбург», 1998. – 624 с. Член редколлегии, руководитель проблемно-тематического блока.
29. Урал в панораме XX века: Концепция и план-проспект научно-популярного издания. – Екатеринбург. 1998. – 36 с. Член редколлегии.
1999
30. Урал индустриальный: Третья регион. науч. конф. – Екатеринбург: УГТУ; Академкнига, 1999. – 242 с. Член редколлегии.
2000
31. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 640 с. Член редколлегии, руководитель проблемно-тематического блока.
32. Алексеев В.В., Сапоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк) – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 100 с. Отв. редактор.
2001
33. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл. – Екатеринбург: Академкнига. 2001. – 535 с. Зам. Главного редактора, руководитель рабочей группы по подготовке издания, руководитель тематического блока по истории металлургических заводов XVII – начала XX вв.

34. Урал индустриальный: Четвертая регион. науч. конф.: Бакунинские чтения. Ноябрь 2000 г. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2001. – 266 с. Член редколлегии.
2002
35. Екатеринбург: Энцикл. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига». 2002. – 710 с. Член редколлегии.
36. Запарий В.В. Черная металлургия Урала в 90-х гг. XX в. – Екатеринбург, 2002. – 309 с. Отв. редактор.
2003
37. Первые Бушуевские чтения: Сб. материалов, 23–25 дек. 2003 г. – Челябинск, Изд-во ЮУрГУ. 2003. – 143 с. Член редколлегии.
38. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы V региональной науч. конф., декабрь 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ин-та, 2003. – 397 с. Член редколлегии.
2004
39. Вторые Бушуевские чтения: Сб. материалов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. 2004. – 333 с. Член редколлегии.
40. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VI Всероссийской науч. конф., 7 апреля 2004 г. – Екатеринбург. Изд-во АБМ. 2004. – Т. 1. – 559 с.; – Т. 2. – 351 с. Член редколлегии.
2005
41. Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности: Четвертые военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 14–15 апреля 2005 г. – Екатеринбург. 2005. – 400 с. Член редколлегии.
42. Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – Екатеринбург: Изд-во «Баско». 2005. – 256 с., илл. Член редколлегии.
43. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской науч. конф., ноябрь 2005 г. – Екатеринбург. 2005. – Т. 1. 497 с.; – Т. 2. – 416 с. Член редколлегии.
2006
44. Модернизационные процессы в металлургии Урала XVIII–XXI вв. Коллективная монография / Предисловие академика РАН В.В.Алексеева. – Екатеринбург. 2006 (Серия «Экономическая история уральской индустрии»). – 287 с. Член редколлегии.
45. Проблемы экономической истории Урала: Профессорский сборник научных статей. Посвящен 60-летию Б.В.Личмана. – Екатеринбург. 2006. – 392 с. Член редколлегии.
46. Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 350-летию Н.Д.Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН. 2006. – 432 с. Член редколлегии.
2007
47. Металлургическая промышленность России XVIII–XX вв. Саранск – Екатеринбург: Издательский центр Историко-социологического института МГУ имени Н.П.Огарёва, 2007. Член редколлегии.
48. Проблемы экономической истории России: профессорский сборник научных статей. К 55-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владимира Васильевича Запария. – Екатеринбург, 2007. – 488 с. Член редколлегии.
49. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссийской научной конференции 27–28 апреля 2007. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1; – Т. 2. Член редколлегии.
2008
50. Военная история Урала: События и люди. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2008. – 320 с. Член редколлегии.
51. Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX вв. – Пермь, 2008. – 327 с. Научный редактор.
2009
52. Строгановское историческое собрание: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию г. Очёр и Очёрского машиностроительного завода (10–11 июля 2009 г.). – Пермь: Прикамский социальный институт, 2009. – Вып. 4. – 284 с. Член редколлегии.

53. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию д.и.н., профессора А.В.Бакунина. Екатеринбург, 8–9 октября 2009. – Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009. – Т. 1. 471 с.; – Т. 2. 392 с. Главный редактор.

2010

54. Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. – Екатеринбург: Печатный дом «Формат», 2010. – 272 с., илл. Член редколлегии.

2011

55. Разведка в системе национальной безопасности России: история и современность: Седьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Николая Ивановича Кузнецова. Сборник научных статей. – Екатеринбург, 2011. – 288 с. Член редколлегии.

56. Строгановское историческое собрание: Материалы Всероссийской научной конференции «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале». – Пермь, 2011. – Вып. 6. – 200 с. Член редколлегии.

57. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы Десятой юбилейной Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 27–28 сентября 2011 г. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – Т. 1. 485 с.; – Т. 2. – 518 с. Член редколлегии.

2013

58. Военная история как фактор патриотического воспитания: Восьмые Уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Сборник научных статей. – Екатеринбург, 2013. – 334 с. Член редколлегии.

59. Строгановское историческое собрание: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Добрянка в прошлом, настоящем и будущем». г. Добрянка, 28–29 июня 2013 г. – Пермь, 2013. – Вып. 8. – 324 с. Член редколлегии.

60. Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XI Всероссийской научной конференции с иностранным участием. Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. – Т. 1. 527 с. Отв. редактор.

2014

61. Строгановское историческое собрание. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Березники. Соликамск. Усолье: пути исторического развития и культурного возрождения». г. Березники, 26–27 июня 2014 гг. – Пермь: ПК «Астер», 2014. – Вып. 9. – 235 с. Член редколлегии.

62. Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, УрФУ. 2014. – Т. 1. 650 с.; – Т. 2. 372 с. Член редколлегии.

2015

63. Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – № 2 (3). Член редколлегии.

64. Урал в модернизационной динамике России XX века: Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Андрея Владимировича Сперанского. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ». 2015. – 440 с. Член редколлегии.

ЛИТЕРАТУРА О Д.В.ГАВРИЛОВЕ

1. Алексеев В.В., академик РАН. Д.В.Гаврилов – исследователь социально-экономической истории Урала и России XVII–XX вв. // Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. – Екатеринбург: УрО РАН. 2005. – С. 3–11.

2. Алексеев В.В., академик РАН. Становление академической исторической науки на Урале // Институт истории и археологии: Первое десятилетие. – Екатеринбург: УрО РАН. 1898. – С. 10, 11, 14.

3. Коллектив авторов. Тернии и лавры исследователя (Наши юбиляры) // Наука Урала. – 1992. – Март. – № 9. – С. 2.

4. Коллектив Отдела истории России XVI–XIX в. Ин-т истории и археологии УрО РАН. Поздравляем! К 70-летию Д.В.Гаврилова // Наука Урала. – 1997. – Февраль. – № 3. – С. 2.
5. Побережников И.В., Корнилов Г.Е., Манькова И.Л., Железкин В.Г. Дмитрию Васильевичу Гаврилову – 75 лет // Наука Урала. – 2002. – Февраль. – № 4. – С. 2.
6. Побережников И.В. Гаврилов Дмитрий Васильевич // Екатеринбург: Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига». 2002. – С. 108.
7. Гаврилов Дмитрий Васильевич // УГТУ-УПИ: ФГО – 25. Мгновения истории: Юбилейный сборник. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 136.
8. Корнилов Г.Е. Гаврилов Дмитрий Васильевич // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2003. – С. 76–79.
9. Плотникова Т. 60 лет Победе: Что такое везенье // Наука Урала. – 2005. Июль. – № 17. – С. 7.
10. Берсенёв В.Л. Честное ремесло историка // Наука Урала. – 2005. – Октябрь. – № 22–23. – С. 14.
11. Гаврилов Дмитрий Васильевич // Башкирская энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2006. – Т. 2. В – Ж. – С. 180.
12. Побережников И.В. Д.В.Гаврилов – исследователь истории Урала и России // Уральский исторический вестник. – 2007. – № 16. – С. 118–120.
13. Алексеев В.В. Д.В.Гаврилов – заслуженный деятель науки Российской Федерации // Гаврилов Дмитрий Васильевич: Библиографический указатель. К 80-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2007. С. 3–6.
14. Коллектив Института истории и археологии УрО РАН. Дмитрию Васильевичу Гаврилову – 80 лет // Наука Урала. – 2007. – Февраль. – № 5. – С. 2.
15. 75 лет со дня создания первого исторического факультета на Урале: Выпускники // Народный учитель. – 2010. – Январь. – № 1 (1281). – С. 4.
16. Корнилов Г.Е. Гаврилов Дмитрий Васильевич // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 1. – С. 363.
17. Башкорт энциклопедияһы. – Уфа, 2012. – Т. 2. (на башкирском языке).
18. Гаврилов Д.В. В круговерти XX века. Автобиографическая повесть // Веси. – 2016. – № 6, 7, 8, 9; – 2017. – № 1, 2.
19. Сперанский А.В. Путь в науку: «Мудрость – родная мать счастья!» К 90-летию Заслуженного деятеля науки РФ, д.и.н., профессора Д.В.Гаврилова // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1 (54). – С. 150–152.
20. Сперанский А.В., Запарий В.В. Властелин минувших эпох (памяти профессора, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Дмитрия Васильевича Гаврилова) // История и современное мировоззрение. – 2021. – № 2. – С. 98–196.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Члены редакционной коллегии долгие годы работали с доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем Российской Федерации Дмитрием Васильевичем Гавриловым в Центре политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, осуществили вместе с ним большое количество научных проектов, касающихся актуальных проблем региональной, общероссийской и мировой истории. Поэтому они посчитали своим человеческим и научным долгом в год 95-летия со дня рождения Д.В.Гаврилова подготовить и опубликовать эту книгу в серии «Национальное достояние России – Выдающиеся ученые Урала».

Свою жизнь Дмитрий Васильевич Гаврилов прожил ярко, с пользой для страны, внося весомый вклад в развитие российской и мировой исторической науки. Будучи непререкаемым авторитетом среди коллег, он опубликовал более 600 научных работ и, вне всякого сомнения, вошел в число выдающийся ученых России и Урала.

Надеемся, что эта книга, правдиво отразившая жизненный путь и научные достижения ученого, будет востребована как в профессиональной среде историков, так и среди широкой аудитории читателей, интересующихся уральской, отечественной и всемирной историей.

Пусть эта книга станет настоящим письменным памятником выдающемуся ученому-историку Дмитрию Васильевичу Гаврилову, рельефно демонстрируя современникам и будущим поколениям каким должно быть беззаветное служение Родине и избранному на всю жизнь делу.

Редакционная коллегия тома

ПРИЛОЖЕНИЕ**ОСНОВНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ****Д.В.ГАВРИЛОВА.**

Родился 17 февраля 1927 г. в д. Озеро Дуванского района Башкирской АССР.

1935–1941 гг. – учился в Алегазовской семилетней школе Мечетлинского района Башкирской АССР.

1941–1944 гг. – учился в Красноуфимском педагогическом училище Свердловской области.

Ноябрь 1944 г. – февраль 1947 г. – проходил службу в рядах Советской армии.

1947–1950 гг. – учитель истории, завуч, директор школы в с. Русская Тавра, Сажино и Свердловское Сажинского района Свердловской области.

1950–1961 гг. – преподаватель истории в средних школах г. Ревды Свердловской области.

1951 г. – заочно окончил Свердловский государственный педагогический институт.

1961 г. – заочно окончил аспирантуру при Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И.Герцена по специальности «История СССР».

1961–1966 гг. – старший преподаватель истории СССР и методики истории Шадринского государственного педагогического института.

1964 г. – защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

1966–1971 гг. – заведующий кафедрой истории Липецкого государственного пединститута.

1968 г. – присвоено ученое звание доцента.

1971–1981 гг. – заведующий кафедрой, доцент, старший научный сотрудник Ульяновского государственного педагогического института им. И.Н.Ульянова.

1981–1988 г. – старший научный сотрудник, заведующий сектором истории капитализма Отдела истории Института экономики УНЦ АН СССР, г. Свердловск.

1987 г. – защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук.

1988 г. – зав. сектором, ведущий, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург.

1994 г. – присвоено ученое звание профессор.

1995 г. – избран членом-корреспондентом Российской экологической академии.

1999 г. – присуждена премия им. В.Н.Татищева и Г.В. де Геннина.

2000 г. – избран действительным членом (академиком) Академии военно-исторических наук.

2001 г. – присвоено звание Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

2003 г. – присуждена премия Президиума УрО РАН имени первого члена-корреспондента Петербургской АН П.И.Рычкова.

2007 г. – награжден медалью Академии военно-исторических наук «За заслуги».

2013 г. – присвоено звание Почетный ветеран УрО РАН.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Д.В.ГАВРИЛОВА⁹⁵

Месяц и год		Должность, организация	Адрес организации
поступления	увольнения (перевода)		
15.07.1944	15.11.1944	учитель семилетней школы	Свердловская обл., Манчажский район, д. Русская Тавра
17.11.1944	14.02.1947	служба в Советской армии	Уральский военный округ
15.03.1947	20.08.1948	учитель истории и географии семилетней школы	Свердловская обл., Сажинский район, д. Русская Тавра
20.08.1948	10.12.1948	завуч и преподаватель истории средней школы	Свердловская обл., Сажинский район, с. Сажино
10.12.1948	31.08.1950	директор семилетней школы	Свердловская обл., Сажинский район, с. Могильниково
12.09.1950	15.08.1951	учитель истории средней школы	Свердловская обл., г. Ревда
20.08.1951	18.04.1952	консультант горкома КПСС	Свердловская обл., г. Ревда
18.04.1952	25.12.1952	зав. отделом горкома КПСС	Свердловская обл., г. Ревда
05.01.1953	01.09.1961	преподаватель истории средней школы	Свердловская обл., г. Ревда
01.09.1961	04.09.1966	старший преподаватель кафедры истории КПСС и политэкономии. Шадринский гос. пед. институт	Курганская обл., г. Шадринск
04.09.1966	19.01.1971	зав. кафедрой истории. Липецкий гос. пед. институт	г. Липецк
19.01.1971	12.06.1973	зав. кафедрой истории СССР, Ульяновский гос. пед. институт им.И.Н.Ульянова	г. Ульяновск
12.06.1973	10.11.1975	доцент. Ульяновский гос. пед. институт им.И.Н.Ульянова	г. Ульяновск
10.11.1975	01.11.1977	старший научный сотрудник. Ульяновский гос. пед. институт им.И.Н.Ульянова	г. Ульяновск
01.11.1977	15.10.1981	доцент. Ульяновский гос. пед. институт им.И.Н.Ульянова	г. Ульяновск
16.10.1981	13.11.1985	старший научный сотрудник. Институт экономики Уральского научного центра АН СССР.	г. Свердловск
13.11.1985	31.03.1988	заведующий сектором. Институт экономики Уральского научного центра АН СССР.	г. Свердловск

⁹⁵ **Общий непрерывный трудовой стаж – 76 лет и 5 месяцев. ЦДОСО. Документы из личного партийного дела.**

01.04.1988	01.06.1992	заведующий сектором. Институт истории и археологии Уральского научного центра АН СССР.	г. Свердловск
01.06.1992	01.01.1995	научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН	г. Екатеринбург
01.01.1995	01.01.1999	ведущий научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН	г. Екатеринбург
01.01.1999	19.12.2020	главный научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН	г. Екатеринбург

СПИСОК НАГРАД И ПООЩРЕНИЙ Д.В.ГАВРИЛОВА

- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946).
 Медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1966).
 Медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (1970).
 Медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1976).
 Медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985).
 Медаль «Ветеран труда» (1987).
 Медаль «Пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995).
 Почетная грамота правительства Свердловской области (1998).
 Премия им. В.Н.Татищева и Г.В. де Геннина (1999).
 Медаль «За отличие» Академии военно-исторических наук (2001).
 Звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2001).
 Почетная грамота Губернатора Свердловской области (2002).
 Премия Президиума УрО РАН им. П.И.Рычкова (2003).
 Медаль Уральской горно-металлургической компании (2004).
 Почетная грамота Уральского отделения Российской академии наук (2003).
 Медаль «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2005).
 Почетная грамота профсоюза работников Российской академии наук (2005).
 Почетная грамота Губернатора Свердловской области (2007).
 Почетная грамота Главы Екатеринбурга (2007).
 Почетная грамота Уральского отделения Российской академии наук (2007).
 Благодарность ректора Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ) (2007).
 Благодарственное письмо Губернатора Свердловской области (2008).
 Медаль «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2010).
 Нагрудный знак «Почетный ветеран УрО РАН» (2012).
 Грамота Института истории и археологии УрО РАН (2013).
 Благодарственное письмо декана исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (2013).
 Благодарственное письмо ректора Уральского государственного педагогического университета (2015).
 Медаль «70 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2015).
 Почетная грамота УрФУ имени Б.Н. Ельцина (2017).
 Почетная грамота Уральского отделения Российской академии наук (2017).
 Почетная грамота Федерального агентства научных организаций (2017).
 Медаль «75 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. – 152 с.
 Аклеев А.В. и др. Радиоактивное загрязнение окружающей среды в регионе Южного Урала и его влияние на здоровье населения / Под общей ред. Л.А.Булдакова. – М.: ЦНИИАтоминформ, 1991. – 63 с.

- Аксенов Г.П. Вернадский. – М.: Товарищество «Соратник», 1994. – 543 с.
- Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 2008. – 886 с.
- Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т. 68. – № 1. – С. 3–22.
- Алексеев М. «Верный вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии, 1939–1941 гг. – В 2 кн. Кн. 1. – М.: Алгоритм, 2017. – 864 с.; – Кн. 2. – М.: Алгоритм, 2017. – 688 с.
- Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – 483 с.
- Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. акад. Е.А.Косминского и канд. ист. наук Я.А.Левицкого. – В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 495 с.; – Т. 2. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 384 с.
- Антонов В.С. Три эпизода из мемуаров знаменитого полководца (К характеристике воспоминаний Г.К.Жукова как исторического источника) // Отечественная история. – 2003. – № 3. – 157–164.
- Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. – М.: Наука, 1971. – 543 с.
- Арсентьев В.М. Рабочая история первой половины XIX века в пространстве истории российской промышленности // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра. – Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ, 2012. – С. 21–37.
- Артёмов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. – Новоуральск: СВ-96, 1999. – 351 с.
- Артиллерия. – Красноуфимск: Гостехиздат, 1941. – 340 с.
- Атомные взрывы в мирных целях. Сб. статей / Под ред. И.Д.Морохова. – М.: Атомиздат, 1970. – 124 с.
- Атомный проект СССР: Документы и материалы. – Т. II. Атомная бомба 1945–1954. – Кн. 1. – М.: Наука, 1999. – 718 с.; – Кн. 2. – М.: Наука, 2000. – 635 с.
- Бабич Д. «А царь Николашка побёг за вином...» // Родина. – 2016. – Ноябрь. – № 11. – С. 48–53.
- Баграмян И.Х. Так начиналась война. – М.: Голос, 2000. – 510 с.
- Барг М.А. Кромвель и его время. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1950. – 271 с.
- Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. – СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1869. – VIII, 641 с.
- Берсенева В.Л., Запарий В.В., Мотревич В.П. [Рец. на] Д.В.Гаврилов. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2005. 615 с. // Отечественная история. – 2006. – № 3 (май-июнь). – С. 194–195.
- Бессонов Ю. Рабочие Верхисетского завода в Гражданской войне. 1918 г. Свердловск: Свердловгиз, 1935. – 181 с.
- Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. – М.: Яуза, 2006. – 509 с.
- Больших А.Г. Молниеносная война: Блицкриги Второй мировой. – Москва: Яуза, 2008. – 347 с.
- Большаков В.Н. Известен в мире: Институту экологии растений и животных УНЦ АН СССР – 40 лет // Наука Урала. – 1984. – 26 июля.
- Будберг А.П. Дневник (продолжение) // Архив русской революции. – Т. 14. – Берлин: Слово, 1924. – С. 225–341.
- Булатов В.И. Россия радиоактивная. – Новосибирск: Изд-во ЦЭРИС, 1996. – 271 с.
- Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). – М.: Наука, 1982. – 261 с.
- Быков П.М. Красная Армия в борьбе за Урал. – Свердловск: Уралистпарт, 1928. – 66 с.
- В боях и походах. Воспоминания участников Гражданской войны. – Свердловск: Кн. изд-во, 1959. – 596 с.
- Василевский А.М. Дело всей жизни. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1988. – В 2 кн. Кн. 2. – 320 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. – Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 862 с.
- Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
- Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. – М.: Воениздат, 1964. – 306 с.

- Верт Н. История советского государства. 1900–1991. – М.: Прогресс, 1992. – 478 с.
- Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. 1917–1920. – М.: Воениздат, 1965. – 182 с.
- Витте С.Ю. Воспоминания. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2. (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. – 639 с.
- Во имя Победы: Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: Баско, 2005. – 256 с.
- Водолага Б.К., Волошин Н.П., Кузнецов В.Н. Во главе науки ядерного центра на Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2020. – 568 с.
- Военная история как фактор патриотического воспитания / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: СВ-96, 2013. – 334 с.
- Военная история Урала. События и люди / Под ред. А.В.Сперанского. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 320 с.
- Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. – М.; Л.: Наука, 1965. – 400 с.
- Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во АМБ, 2005. – 92 с.
- Гаврилов Д.В. «Проявил себя как крупный военачальник». К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Ф.И.Голикова // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 10. – С. 33–39.
- Гаврилов Д.В. Анатомия «промывания мозгов» // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 7. – С. 43–46.
- Гаврилов Д.В. Блицкриг – грандиозная авантюра Гитлера // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сборник научных статей. – Екатеринбург: [Б. и.], 2020. – Ч. 1. – С. 129–140.
- Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал в 1861–1900 гг.: власти, заводоладельцы, рабочие – от согласия к конфронтации. – СПб.: Нестор-история, 2018. – 464 с.
- Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал в преддверии революций 1917 г. // Мир истории и пространно истории: сборник статей к юбилею профессора Н.Н.Алеврас / под ред. Н.В.Гришиной, Т.А.Андреевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 357–376.
- Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Предисловие академика РАН В.В. Алексеева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 616 с.
- Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал. 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия – к конфронтации. – М.; СПб.: Нестор-История. 2018. – 464 с.
- Гаврилов Д.В. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 1. – С. 3–9.
- Гаврилов Д.В. Екатеринбургская «Группа социал-демократов на Урале» // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 177–178.
- Гаврилов Д.В. Изучение и использование советскими военачальниками в сентябре 1939 – июне 1941 гг. опыта войны в Западной Европе // Маршал Победы в военной истории России. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – С. 55–61.
- Гаврилов Д.В. Индустриальная культура и экология горнозаводского Урала, XVIII – начало XX вв. // Культурное достояние Урала и Сибири. Тез. докл. Всемирной конф., посвящ. 50-летию ЮНЕСКО (11–15 декабря 1995 г.). – Екатеринбург, 1995. – С. 87–88.
- Гаврилов Д.В. Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании Гражданской войны 1918–1920 гг. в России // История и современное мировоззрение. – Т. 1. – 2019. – № 2. – С. 34–40.
- Гаврилов Д.В. К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель / Составитель М.И Вебер; Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2017. – 80 с.
- Гаврилов Д.В. Историческая экология как необходимейшая составная часть системы общего гуманитарного образования // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. – Екатеринбург, 2003. – С. 250–251.
- Гаврилов Д.В. Малоизвестные страницы истории: развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – № 2 (3). – С. 4–19.
- Гаврилов Д.В. Народничество // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 378–380.

Гаврилов Д.В. Некоторые вопросы источниковедческого анализа документов по истории рабочего и социал-демократического движения на Южном Урале в конце XIX века // Южноуральский археографический сборник. – Вып. 1. – Уфа, 1973. – С. 61–69.

Гаврилов Д.В. О некоторых вопросах народнического движения на Урале // Вопросы истории Урала. Ученые записки Пермского государственного университета. – 1966. – № 158. – С. 212–220.

Гаврилов Д.В. О новых подходах к оценке источниковой базы по истории раннего этапа социал-демократического движения // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тез. докл. и сообщ. V всесоюз. конф., 30 мая – 1 июня 1990 г. – Киев [Б.и.], 1990. – С. 97–99.

Гаврилов Д.В. Об идейно-политической платформе уральских народнических кружков конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. // Революционное и общественное движение в России XIX в.: Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. – Воронеж, 1968. – С. 70–74.

Гаврилов Д.В. Общественно-политическое движение на Урале в 60–90-е годы XIX в. Либеральное народничество // История Урала в период капитализма – М.: Наука, 1990. – С. 183–186.

Гаврилов Д.В. Освободительное движение на Урале в разночинский, или буржуазно-демократический период 1861–1895 годов // Некоторые вопросы социально-экономической истории России. – Воронеж, 1970. – С. 90–127. – (Изв. Воронеж. пед. ин-та. Т. 97).

Гаврилов Д.В. Промышленная революция // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и дополненное. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – С. 438–440.

Гаврилов Д.В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в., 1885–1900 // Ученые записки Шадринского педагогического института. – Вып. 7. – 1963. – С. 5–118.

Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение). – М.: Наука, 1985. – 303 с.

Гаврилов Д.В. Развал Западного фронта: причины и последствия // Урал в модернизационной динамике России XX века. Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Андрея Владимировича Сперанского. – Екатеринбург: Сократ, 2015. – С. 267–285.

Гаврилов Д.В. Роль и место исторической экологии в высшем педагогическом образовании // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 256–251.

Гаврилов Д.В. Роль Урала в создании и развитии отечественной радиозоологии // Глобальная ядерная безопасность. – 2017. – № 3 (24). – С. 119–130.

Гаврилов Д.В. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861–1900 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917). – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 5–21.

Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма, 1861–1917 гг.: методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма. 1861–1917 гг. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 42–75.

Гаврилов Д.В. Стратегические успехи российской внешней разведки на австро-венгерском направлении накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Органы государственной безопасности на защите Отечества. – Екатеринбург: Сократ, 2018. – С. 86–93.

Гаврилов Д.В. Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 602–603.

Гаврилов Д.В. Уроки 1941 года: проблема изучения опыта войн вероятных противников // Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность. 12-е военно-исторические чтения. – Екатеринбург: Сократ, 2020. – С. 171–178.

Гаврилов Д.В. Экологическая ситуация на Урале в контексте стратегии национальной безопасности // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 1999. – С. 123–127.

Гаврилов Д.В. Экологическая ситуация на Урале на рубеже III-го тысячелетия и перспективы ее развития // Каменный пояс на пороге III-го тысячелетия. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – С. 16–21.

Гаврилов Д.В. Экологическая устойчивость лесных ландшафтов Урала в панораме трех столетий (начало XVIII – начало XXI вв.). // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. – Т. 1. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрФУ, 2014. – С. 55–62.

Гаврилов Д.В. Экологические катаклизмы Урала: краткий экскурс в историю // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Тез. докл. конф., 18–20 дек. 1996 г. – Самара: Ин-т истории и археологии Поволжья, 1996. – С. 23–27.

Гаврилов Д.В. Экологические проблемы Уральского горнопромышленного региона в конце XIX – начале XX вв. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 89–121.

Гаврилов Д.В., Бедель А.Э., Котлухужин М.А., Запарий В.В. Магнитогорский металлургический комбинат // Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 306–311.

Гаврилов Д.В., Бедель А.Э., Котлухужин М.А., Запарий В.В. Магнитогорский металлургический комбинат // Магнитогорск. Краткая энциклопедия / Под ред. Б.А.Никифорова. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002. – С. 54–69.

Гаврилов Д.В., Иванов Г.А. Маршал Советского Союза Ф.И.Голиков – оболганный военачальник Великой Отечественной войны (к 120-летию со дня рождения Ф.И.Голикова) // XVIII Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 3–4 декабря 2020 г.). – Курган: Издательство Курганского университета, 2020. – С. 7–17.

Гаврилов Дмитрий Васильевич. К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель / Составитель М.И.Вебер; Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2017. – 80 с.

Галин В.В. Интервенция: как Запад хотел поделить и разграбить Россию. – М.: Родина, 2018. – 414 с.

Гальдер Ф. Военный дневник. – Т. 3. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1971. – 368 с.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. В.Наумов и др. – М.: Международный фонд «Демократия», 2001. – 820 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 670 с.

Голиков Ф.И. В Московской битве: Записки командарма. – М.: Наука, 1967. – 200 с.

Голиков Ф.И. Красные орлы (Из дневников 1918–1920 гг.). – М.: Воениздат, 1959. – 328 с.

Голиков Ф.И. Сталинград (Воспоминания заместителя командующего фронтом) / Предисловие Ю.В.Рубцова // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 55–64.

Голуб П.А. Белый террор в России (1918–1920). М., : Изд-во Патриот, 2006. – 477 с.

Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 616 с.

Город Снежинск / Под общей ред. В.В.Алексеева и Г.Н.Рыкованова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 358 с.

Гражданская война на Южном Урале, 1918–1919: сб. документов и материалов. – Челябинск: Кн. изд-во, 1962. – 440 с.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. – Смоленск: Русич, 1998. – 653 с.

Дощенко В.Н. Профилактика и диагностика лучевых заболеваний в период пуска и освоения атомного производства на ПО «Маяк» / Под ред. Л.А.Булдакова. – М: ИздАт, 1995. – 80 с.

Евдошкина Ю.А. Формирование культуры безопасности личности как новое направление образовательного процесса в техническом вузе // Глобальная ядерная безопасность. – 2013. – № 2(7). – С. 92–94.

Европа и Россия в огне Первой мировой войны: К 100-летию начала войны. – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. – 880 с.

Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 728 с.

Екатеринбург: исторические очерки (1723–1998 гг.) / Под ред. С.П.Постникова. – Екатеринбург, 1998. – 228 с.

Емельянов Б.М., Гаврильченко В.С. Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. – Снежинск: Изд-во РФЯЦ-ВНИИТФ, 2000. – 438 с.

- Ерёменко А.И. В начале войны. – М.: Наука, 1965. – 510 с.
- Ерофеева Н.П. Маршал в зеркале Гиппократа // Советская Россия: Голос народа. – 2016. – 1 декабря. – № 133.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – Т. 1. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 413 с.
- Жуков Г.К.: Неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. – 1993. – № 1. – С. 175–245.
- Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. – М.: Государственное военное издательство, 1926. – 425 с.
- Запарий В.В., Тарасов Р.С. Горнозаводской Урал накануне эпохи революций // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 113–115.
- Записная книжка маршала Ф.И.Голикова: Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 82–118.
- Земельные наделы уральских рабочих // Русское слово. – 1913. – 4 августа. – № 180.
- Иванов В. Из неопубликованного. – Л.: ЛИО «Редактор», 1991. – 317 с.
- Исаев А.В. Георгий Жуков. – М.: Яуза, 2006. – 480 с.
- Исаев А.В. Котлы 41-го. – М.: Яуза, 2007. – 400 с.
- Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале // Под ред. Д.В.Гаврилова. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1997. – 144 с.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2–3.
- История Гражданской войны в СССР (1917–1922). – Т. 3. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и Гражданской войны. (Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 678 с.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. 6. Россия в период империализма 1900–1917 гг. – М.: Наука, 1968. – 853 с.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. 9. Построение социализма в СССР. 1933–1941 гг. – М.: Наука, 1971. – 552 с.
- История СССР. XIX – начало XX в. – М.: Высшая школа, 1981. – 462 с.
- История Урала в период капитализма / Под ред. Д.В.Гаврилова. – М.: Наука, 1990. – 303 с.
- Итоги изучения и опыт ликвидации последствий аварийного загрязнения территории продуктами деления урана / Под ред. А.И.Бурназяна. – М.: Энергоатомиздат, 1990. – 143 с.
- Калиновский К.Б. Проблема механизации и моторизации современных армий // Коммунистическая Академия, секция по изучению проблем войны: Записки. – Т. 3. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1931. – 223 с.
- Камынин В.Д. Роль А.В.Бакунина в создании многоотомного обобщающего труда по истории Урала // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всеросс. науч. конф. 4–5 декабря 2014 г. – В 2-х т. Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. – С. 74–78.
- Карпов В.В. Генералиссимус. – Москва: Вече; Оренбург: Оренбург кн., 2004. – 822 с.
- Касьяненко В.И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. – М.: Мысль, 1964. – 255 с.
- Кимель Л.Р., Машкович В.П. Защита от ионизирующих облучений. – М.: Атомиздат, 1972. – 312 с.
- Китайская народная республика в 1950-е годы. Сб. док. – В 2 т. Т. 1. Взгляд советских и китайских ученых. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 346 с.
- Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. – М.: Наука, 1965. – 395 с.
- Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. – М.: Гос. воен. изд-во, 1940. – 366 с.
- Колосов Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. – Пг.: Былое, 1923. – 190 с.
- Колпакиди А.И. Энциклопедия военной разведки России. – М.: АСТ, 2004. – 604 с.
- Колчаковщина на Урале: 1918–1919 годы. В документах и материалах. С вводом очерком А.Таняева. – Свердловск: Уральск. област. совет профсоюзов, «Уралполиграф», 1929. – 63, 232 с.
- Конов И.С. Начало Московской битвы // Военно-исторический журнал. – 1966. – № 10. – С. 56–67.
- Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. – В 2 кн. Кн. 2. – М.: ОЛМА-пресс, 2000. – 351 с.

- Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). – Владивосток: Типография Т-ва Изд. «Свободная Россия», 1921. – 212 с.
- Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. – М.: Изд-во ЦНИИатоминформ, 1994. – 378 с.
- Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность (часть 2). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 384 с.
- Кузнецов В.Н. Атомный проект за колючей проволокой. – Екатеринбург: Полиграфист, 2004. – 277 с.
- Кузнецов В.Н. Закрытые города Урала: Исторические очерки. – Екатеринбург: Полиграфист, Акад. военно-исторических наук, 2008. – 315 с.
- Кузнецов В.Н. Леонид Поляков: летопись жизни. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. – 332 с.
- Кузнецов В.Н. Михаил Мурзин: история солдата. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2020. – 110 с.
- Кузнецов В.Н. Немцы в советском атомном проекте. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2014. – 272 с.
- Кузнецов В.Н. Цена свободы – атомная бомба. – Екатеринбург: Полиграфист, 2005. – 272 с.
- Куликов Н.В., Молчанова И.В. Н.В.Тимофеев-Ресовский и радиэкологические исследования на Урале // Н.В.Тимофеев-Ресовский на Урале: Воспоминания. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1998. – С. 9–15.
- Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. – М.: Политиздат, 1984. – 304 с.
- Ленин В.И. Замечательное дело // Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 373–374.
- Ленин В.И. набросок плана научно-технических работ // Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 228–231.
- Лесков В.А. Сталин и заговор Тухачевского. – М.: Вече, 2003. – 478 с.
- Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. – 442 с.
- Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. – СПб.; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 639 с.
- Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. – Челябинск: Кн. изд-во, 1958. – 194 с.
- М.Х. Рейтерн: Биограф. очерк. С прил. из посмерт. записок М.Х.Рейтерна / Сост. А.Н.Куломзинным и гр. В.Г.Рейтерн-бар. Нолькен. – СПб.: изд. гр. В.Г.Рейтерн – бар. Нолькен, 1910. – 195 с.
- Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. – 359 с.
- Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. – Ч. 1–3. – М., 1920–1923.
- Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд. – В 2 т. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1930.
- Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: АСТ, 1999. – 896 с.
- Маргулис У.Я. Атомная энергия и радиационная безопасность. – М.: Энергоатомиздат, 1983. – 160 с.
- Мартirosян А.Б. 22 июня: Правда генералиссимуса. – М.: Вече, 2005. – 654 с.
- Мартirosян А.Б. Трагедия 1941 года. – М.: Вече, 2008. – 504 с.
- Маршал Победы в военной истории России: сборник научных статей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 296 с.
- Мгновения истории. ФГО – 25 лет. Юбилейный сборник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 415 с.
- Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – 536 с.
- Милковский А.И. Автомобильные перевозки по опыту Западного фронта империалистической войны 1914–18 гг. – М.: Академия, 1934. – 50 с.
- Мировая война в цифрах. – М.; Л.: ОГИЗ ; Гос. воен. изд-во, 1934. – 127 с.
- Мишустин Д.Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. – М.: Междунар. книга, 1938. – 223 с.
- Москва на старинных открытках / вступ. ст. Владимира Скопина ; сост. Виталия Царицына, Игоря Коровина ; пер. на англ. яз. Ивана Стрельбицкого. – М.: Скорпион, 1992. – 10 с., 111 л.

- Москва: Энциклопедия. – М.: Большая рос. энцикл., 1997. – 973 с.
- Мошкин С.В. «Пропаганда разложения – грязное дело»: Немецкие пропагандистские листовки на Восточном фронте // Вестник Уральского отделения РАН. – 2005. – № 1 (11). – С. 111–119.
- Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». – М.: Воениздат, 1972. – 368 с.
- Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток: «Жертвы» Второй мировой. – М.: Яуза; Эксмо, 2005. – 352 с.
- Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берии. – М.: Крымский мост-9Д, 2007. – 736 с.
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. – В 3 т. Т. 2. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 272 с.
- Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / под общей ред. В.А.Золотарёва. – М.: Кучково поле, 2015. – 320 с.
- Нефёдов С.А. История древнего мира. – М.: Владос, 1996. – 389 с.
- Никипелов Б.В. и др. Радиационная авария на Южном Урале в 1957 г. // Атомная энергия. – 1989. – Т. 67. – Вып. 2. – С. 74–80.
- Никипелов Б.В., Дрожко Е.Г. Взрыв на Южном Урале // Природа. 1990. № 5. С. 48–49.
- Никипелов Б.В., Лызлов А.Ф., Кошурникова Н.А. Опыт первого предприятия атомной промышленности (уровни облучения и здоровье персонала) // Природа. – 1990. – № 2. – С. 30–38.
- Новицкий В.Ф. Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1914 года в Бельгии и Франции. – В 2 т. Т. 1. От начала войны до расположения сторон на Марне. – М.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 516 с.; – Т. 2. От завязки сражения на р. Марне до установления позиционной войны. – М.: Гос. воен. изд-во, 1928. – 424 с.
- Новосёлов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. – Челябинск: Рифей, 1997. – 238 с.
- Новосёлов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «Сороковки». – Екатеринбург: Урал. рабочий, 1995. – 317 с.
- Нюрнбергский процесс: сборник материалов. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1952. – 832 с.
- Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М.: Тип. товарищества И.Д.Сытин, 1910. – 253 с.
- Озеров И.Х. Что делать? – М.: Унив. кн-во Л.Я.Столяр, 1913. – 376 с.
- Орленко Л. Модель экономики // Отечественные записки. – 2018. – № 21. – С. 10–13.
- Отдаленные эколого-генетические последствия радиационных инцидентов: Тоцкий ядерный взрыв / Под ред. А.Г.Васильева. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. – 288 с.
- Отмар-Штейн Ф. Поземельное устройство мастеровых // Юридическая газета. – 1896. – 18 августа. – № 63; – 22 августа. – № 64.
- Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы в 1861–1862 гг. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 320 с.
- Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л.Мальков. – М.: Наука, 1998. – 696 с.
- Петров Ю. Партийные мобилизации в Красную армию (1918–1920 гг.). – М.: Воениздат, 1956. – 188 с.
- Печёнкин А.А. Гибель военной элиты 1937–1938 гг. – М.: Всероссийский заочный финансово-экономический ин-т, 2011. – 171 с.
- Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. – Новосибирск: Наука, 1973. – 307 с.
- Покровский М.Н. Империалистическая война. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 448 с.
- Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в.: 1861–1904. Сб. док. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 666 с.
- Полубояров П.П. Крепче брони // На Северо-Западном фронте, 1941–1943. Сб. ст. – М.: Наука, 1969. – С. 11–132.
- Полян П. «OST»ы – жертвы двух диктатур // Родина. – 1994. – № 2. – С. 51–57.
- Попов Г.Х. Сорок первый – сорок пятый: Одна война или три? – М.: Международный университет в Москве, 2011. – 314 с.
- Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – Самара: Средневожск. краев. гос. изд-во, 1932. – 254 с.
- Постников С.П., Фельдман М.А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. – 155 с.

- Промышленность и рабочие Урала в период капитализма, 1861–1917 гг. / Под ред. Д.В.Гаврилова. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – 149 с.
- Радиоэкология: курс лекций. – Екатеринбург: Ин-т испыт. мин. сырья УТГА, 2000. – 351 с.
- Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). – М.: Алгоритм, 2017. – 464 с.
- Родзянко М.В. Крушение империи. – Л.: Прибой, 1929. – 272 с.
- Родимцев А.И. На службе Родине // Военно-исторический журнал. – 1970. – № 7. – С. 43–46.
- Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1968. – 497 с.
- Романов Г.Н., Воронов А.С. Кыштымская авария крупным планом: Радиационная обстановка после аварии // Природа. – 1990. – № 5. – С. 50–52.
- Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А.Петров. – М.: РОССПЭН, 2014. – 982 с.
- Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 562 с.
- Рошевский П.И. Гражданская война в Зауралье. – Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1966. – 339 с.
- Рубежи созидания: Документы и материалы. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2002. – 453 с.
- Рубцов Ю.В. Командная работа для меня – призвание // Военно-промышленный курьер. – 2005. – 13 июля.
- Рыкованов Г.Н., Аврорин Е.Н. Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики в разработке ядерного оружия // Стратегические ядерные силы. – М., 2000. – Т. 1. – С. 374–397.
- Рябышев Д.И. Смелый маневр, дружный натиск // 1941 год: Юго-Западный фронт. Воспоминания, очерки, документы. – Львов: Каменяр, 1975. – С. 132–139.
- Савицкий И. Прага и зарубежная Россия. – Прага: IDEG, 2002. – 151 с.
- Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. – 688 с.
- Сахаров К.В. Ледяной сибирский поход // Великий Сибирский ледяной поход. – М.: Центрполиграф, 2004. – С. 7–84.
- Сахаров К.В. Чехословацкий корпус // Начало гражданской войны. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. – С. 321–345.
- Свечин А.А. Искусство вождения полка. – М.: Кучково поле, 2005. – 448 с.
- Семёнов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. – М.: Русский импульс, 2007. – 300 с.
- Серапионова Е.П. Эдвард Бенеш и мюнхенский кризис // Новая и новейшая история. – 2018. – № 4. – С. 208–209.
- Сибирский Б.Н. Ядерный блицкриг США // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 5. – С. 34.
- Сигов И.С. Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. – 1899. – № 4. – С. 191.
- «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Док. и материалы. – М.: Наука, 1967. – 752 с.
- Советская военная энциклопедия. – В 8 т. Т. 2. Вавилон – гражданская. – М.: Воениздат, 1976. – 639 с.
- Создание первой советской ядерной бомбы. – М.: Энергоатомиздат, 1995. – 447 с.
- Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. – Мн.: Родиола-плюс, 2000. – 608 с.
- Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. – Иркутск: Кн. изд-во, 1960. – 291 с.
- Солонин М.С. 22 июня: Анатомия катастрофы. – М.: Яуза; Эксмо, 2011. – 477 с.
- Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В.В.Адамова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 292 с.
- Сперанский А.В. Путь в науку: «Мудрость – родная мать счастья» // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1 (54). – С. 150–152.
- Сперанский А.В., Запарий В.В. Властелин минувших эпох (Памяти профессора, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Дмитрия Васильевича Гаврилова) // История и современное мировоззрение. – 2021. – № 2. – С. 98–106.

Сперанский А.В., Кузнецов В.Н. Власти, предприниматели и рабочие – основные акторы социального процесса на Урале и в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 110–113.

Сталин И.В. Выступление на совещании начальствующего состава 17.04.1940 г. // Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И.В.Сталин и финская кампания (Стенограмма ЦК ВКП(б)). – М.: Наука, 1998. – 382 с.

Сталинградская битва 1942–43 // Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.

Страницы автобиографии В.И.Вернадского. – М.: Наука, 1981. – 349 с.

Таленский Н.А. Кампания 1917 г. Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг. – М.: [б.и.], 1938. – 84 с.

Ташлыков О.Л., Щеклеин С.Е., Новиков Г.А. О формировании культуры безопасности в процессе обучения студентов в вузе // Перспективные энергетические технологии. Экология, экономика, безопасность и подготовка кадров. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. – С. 24–28.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – XIII, 607 с.

Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998). – Челябинск: Челяб. гос. ин-т искусств и культуры, Челяб. ин-т повышения квалификации и переподгот. работников образования, 1998. – 301 с.

Толстиков В.С., Кузнецов В.Н. Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2017. – 400 с.

Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. – М.: Воениздат, 1929. – 184 с.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. – М.: Мысль, 1968. – 477 с.

Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. – СПб.: Энергия, [1912]. – 230 с.

Удинцев В.А. Посессионное право. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В.И.Завадского, 1896. – VIII, 224 с.

Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор / Собр. и сост. В.П.Бирюков. – Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1953. – 292 с.

Урал в панораме XX века / Под ред. В.В.Алексеева. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 496 с.

Урал и экология / Под ред. А.М.Черняева и Б.А.Урванцева. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 285 с.

Урал: наука, экология. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 426 с.

Уральская историческая энциклопедия. Изд. 1-е. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. – 624 с.

Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и дополненное. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 640 с.

Утилизация плутония; проблемы и решения: Материалы «Российско-американских Слушаний» / Под. ред. В.И.Уткина, Л.И.Пискунова. – Екатеринбург: [б.и.], 2000. – 89 с.

Уткин В.И., Чеботина М.Я., Евстигнеев А.В. и др. Радиоактивные беды Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 94 с.

Ученые Уральского научного центра Академии наук СССР. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1987. – 395 с.

Фельдман М.А. Октябрь 1917 г. – начало Советской истории (к 100-летию Октябрьской революции 1917 г.). Сб. ст. – Екатеринбург: Уральский ин-т упр. - фил. РАНХиГС, 2018. – 175 с.

Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюньцзы. – 2 изд. – М.: Наталис, 2005. – 431 с.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Высш. шк., 1992. – 350 с.

Французская буржуазная революция. 1789–1894 / Под ред. акад. В.П.Волгина и Е.В.Тарле. – М.;Л.: Акад. наук СССР, 1941. – VII, 849 с.

Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. – Екатеринбург: УрО РАН, 2018. – 365 с.

- Хрулёв В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М.: Воениздат, 1940. – 100 с.
- Хрущёв Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. – М.: Вагриус, 2007. – 509 с.
- Чеботина М.Я. и др. Радиозоологические исследования Белооярского водохранилища. – Свердловск: Ин-т экологии растений и животных, 1992. – 76 с.
- Черная металлургия Урала в последнее десятилетие XX века: основные тенденции развития // 300 лет Уральской металлургии. Труды Международного конгресса. 4–5 октября 2001 года. Пленарные доклады. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – 439 с.
- Чернявский Г.И. Трумэн. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 477 с.
- Чуйков В.И. Сражение века. – М.: Сов. Россия, 1975. – 395 с.
- Шелястина В.О., Никишин А.В., Задорожный В.Н. Маршал Голиков: мир и война (по страницам семейного альбома). – М.: Музей техники Вадима Задорожного, 2017. – 116 с.
- Шерстнёв В.Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. – Смоленск: Русич, 2005. – 528 с.
- Штекли А.Э. Кампанелла. – М.: Мол. гвардия, 1960. – 444 с.
- Экологические последствия радиоактивного загрязнения на Южном Урале. Сб. ст. – М., Наука, 1993. – 335 с.
- Яковлев Н.Н. 19 ноября 1942 г. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 175 с.
- Bradley D.J. Behind the Nuclear Curtain: Radioactive waste management in the former Soviet Union. – Columbus, Ohio: Battelle Press, 1997. – 726 p.
- Carr E.H. The Soviet Impact on the Western World. – New York: Macmillan, 1947. – 126 p.
- Counts G.S. The Soviet Challenge to America. New York, 1931. – New York: John Day Co., 1931. – XV, 372 p.
- Eddy Sh. The Challenge of Russia. London: H. Jenkins, 1931. – 278 p.
- Halas Fr. Bez legend: “Sibiřská anabase” ve vzpomínkách bývalého dělníka a rotního důvěrníka. – Praha: Naše vojsko, 1958. – 107 s.
- Ironmaking in Sweden and Russia: A survey of the social organisation of iron production before 1900. – Uppsala: Distribution Historiska institutionen, 1993. – 121 p.
- Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900. – Oxford: Berghahn Books, 1998. – 356 p.
- Medvedev Zh. A. Two decades of dissidence // New Scientist. – 1976. – Vol. 72. – № 1025.
- Medvedev Zh. A. Nuclear Disaster in The Urals. – New York: The Book Service Ltd, 1979. – VII, 214 p.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

акад. – академик
в т.ч. – в том числе
в. – век
вв. – века
г. – год
гг. – годы
г. – город
д.и.н. – доктор исторических наук
др. – другой
зав. – заведующий
зам. – заместитель
к.и.н. – кандидат исторических наук
кг – килограмм
км – километр
м – метр
млн – миллион
млрд – миллиард
н/в – настоящее время
обл. – область
пос. – поселок
р. – река
род. – родился
руб. – рубль
с. – село
см. – смотри
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.п. – тому подобное
т.ч. – том числе
тыс. – тысяч
чел. – человек
чл. – корр. – член-корреспондент
шт. – штук
экз. – экземпляр

СПИСОК АББРЕВИАТУР

- АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических республик
АССР – Автономная Советская Социалистическая республика
БАМ – Байкало-Амурская магистраль
ВАК РФ – Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
ВОВ – Великая Отечественная война
ГОЭЛРО – Государственная комиссия по электрификации России
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МИФИ – Московский инженерно-физический институт
ММК – Магнитогорский металлургический комбинат
Обком – областной комитет
УГТУ-УПИ – Уральский государственный технический университет-Уральский политехнический институт
УНЦ УрО РАН – Уральский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
УрГУ – Уральский государственный университет им. А.М.Горького
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
УрФУ – Уральский федеральный университет имени Б.Н.Ельцина

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ВЛАСТЕЛИН МИНУВШИХ ЭПОХ

Введение	11
Путь в «большую науку»	12
Горнозаводская промышленность на рубеже столетий	14
Металлургия как основа промышленного потенциала	17
Экологический кризис и пертурбации войны	18
Последний труд: перспективы исследования	19
Организатор науки и педагог	21
Заключение.....	22

Раздел II. В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА

Предисловие	25
Часть 1. Ссылка.....	28
Часть 2. Возвращение	91
Часть 3. Война.....	157
Глава последняя, заключительная	209
Эпилог.....	216

Раздел III. В ПАМЯТИ КОЛЛЕГ И БЛИЗКИХ

Е.Т.Артёмов. Штрихи к портрету	236
А.В.Жук. «Наставлял и обучал, в нас «гаврилицу» вставлял...».....	240
Вас.В.Запарий. Представитель поколения титанов.....	242
Вл.В.Запарий. Мой учитель	243
Е.Ю.Казакова-Апкаримова. Трудолюбивая ученость.....	248
В.Д.Камынин. Из записок историографа.....	251
В.Н.Кузнецов. Беседы по средам.....	255
А.В.Сперанский. На благо науки и общества.....	260
Г.Н.Шумкин. Воспоминания об учителе.....	266
Е.Д.Снитко. Не хлебом единым.....	272

Раздел IV. ПУБЛИКАЦИИ О Д.В.ГАВРИЛОВЕ

В.В.Алексеев. Д.В.Гаврилов – исследователь социально-экономической истории Урала и России XVII–XX вв.	274
А.В.Сперанский, В.Н.Кузнецов. Власть, заводчики и рабочие: от социальных конфликтов к революции	279

Раздел V.**ПОСЛЕДНИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Д.В.ГАВРИЛОВА (2016–2020 гг.)**

Памятники истории и культуры в водовороте социальных потрясений..	284
Роль Урала в создании и развитии отечественной радиоэкологии.....	289
Горнозаводский Урал в преддверии революций 1917 г.	301
Место государственного планирования в экономическом развитии России XX – начала XXI вв.....	314
Блицкриг – грандиозная авантюра Гитлера	318
Маршал Советского Союза Ф.И.Голиков – оболганный военачальник Великой Отечественной Войны (К 120-летию со дня рождения Ф.И.Голикова).....	330

Раздел VI. ПОЛНЫЙ СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ**НАУЧНЫХ РАБОТ Д.В.ГАВРИЛОВА .....** 349**ПРИЛОЖЕНИЯ .....** 387

Научное издание

ДМИТРИЙ ГАВРИЛОВ: ПОЛВЕКА В НАУКЕ

*Рекомендовано к печати Объединенным ученым советом
по гуманитарным наукам УрО РАН, Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
и Советом отделения Российского исторического общества
в Свердловской области*

Редактор:
Т.Е.Богина

Корректор:
В.С.Новосельцев

Художественное оформление:
Т.Е.Богина

Технический редактор:
Я.С.Недвиг

Дизайн обложки:
Т.Е.Богина

Подписано в печать 19.09.2020. Формат 70x108 1/16.
Печ. л. 35.35. Уч.-изд. 33,21. Тираж 300 экз.

Банк культурной информации
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51.
E-mail: ukbkin@gmail.com

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в АО «Уральский рабочий»:
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.